

S t u d i a A e g y p t i a

ЖАН ВЕРКУТТЕР

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА.
12000 – 2000 до н. э.

L'ÉGYPTE ET LA VALLÉE DU NIL

Tome 1

Dès origines à la fin de l'Ancien Empire

12 000–2000 av. J.-C.

de

Jean Vercoutter

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

Жан Веркуттер

Е Г И П Е Т И Д О Л И Н А Н И Л А

Том 1

С древнейших времен до конца Древнего царства

12 000–2000 гг. до н. э.

Перевод Н. Ю. Живловой

Научный редактор перевода

И. В. Богданов

ББК 63.3(6Еги)

В32

Веркуттер, Ж.

В32 Египет и долина Нила. Т. 1: С древнейших времен до конца Древнего царства. 12 000–2000 гг. до н. э. / перев. с фр. Н. Ю. Живловой; науч. ред. И. В. Богданов. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 384 с.; ил.

ISBN 978-5-90598-803-5

Книга посвящена истории Египта с древнейших времен до конца XX в. до н. э., включающей период до возникновения государства, раннединастическую эпоху (I–III династии) и Древнее царство (IV–VIII династии). В разделах по истории додинастического Египта автор уделяет большое внимание хронологии археологических культур, описанию погребений и инвентаря, реконструкции быта, проблеме возникновения государства в Египте на рубеже IV–III тыс. до н. э. Разделы по истории Египта времен Раннего царства и эпохи расцвета цивилизации посвящены сложным вопросам хронологии, военной и строительной деятельности царей, международным связям.

ISBN 978-5-90598-803-5

© Н. Ю. Живлова, перевод, 2015
© И. В. Богданов, А. А. Ильин-Томич,
вступ. ст., 2014
© Presses Universitaires de France, 1992
© Нестор-История, 2015
© С. В. Лебединский, обложка, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Книга Жана Веркуттера и новые открытия в области древнейшей истории Египта	7
Предисловие.....	21
Глава I. Египтология — прошлое и настоящее	23
Рождение египтологии	23
Расшифровка иероглифов 1798–1822.....	24
Коллекционирование и раскопки 1815–1850.....	29
Мариетт и Служба древностей Египта.....	32
Египтология с 1881 по 1931. Усовершенствование исследовательского инструментария.....	35
Египтология настоящего и будущего.....	40
Глава II. Окружающая среда и истоки цивилизации	43
Страна	44
Жизнь в долине	52
Население	54
Природные ресурсы Египта.....	58
Фауна	58
Флора	61
Минеральные ресурсы	68
Ресурсы металлов	74
Язык и письменность.....	79
Календари и хронология	85
Характер источников по истории Египта.....	94
Глава III. Темные века I.....	99
От истоков цивилизации до 3200 года до н. э.	99
Дальняя доистория.....	100
Близкая доистория.....	106
Неолит и древний додинастический период в долине Нила	108
Южный нильский неолит	137
Поздний додинастический период (герзейский или Накада II).....	144
Генезис герзейской культуры и связи Египта с Азией в IV тысячелетии до н. э.	161
Глава IV. Темные века II. Ок. 3200–2700 гг. до н. э.	173
Протодинастический или позднегерзейский период (Позднегерзейский = Накада III = Семайнский): SD 50–80.....	173

Архаическая эпоха, или Тинитское царство (I–II династии)	195
Глава V. Древнее царство	235
III династия — 2700–2350 годы до н. э.	235
III династия — 2700–2630 годы до н. э.	236
IV династия — 2630–2510 годы до н. э.	251
V династия — около 2510–2350 годов до н. э.	272
Глава VI. Конец Древнего царства и начало Первого Переходного периода	295
Династии с VI по VIII — ок. 2350–2160 годов до н. э.	295
VI династия.....	295
VII и VIII династии	328
Основная библиография	336
Список сокращений.....	337
Юбилейные и памятные сборники, коллективные монографии.....	342
Специальная библиография. От доисторического периода до VIII династии.....	345
Указатель.....	377

КНИГА ЖАНА ВЕРКУТТЕРА И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЕГИПТА

Вниманию читателя предлагается новая серия по истории и культуре Древнего Египта. Ее открывает двухтомный труд франко-бельгийских египтологов «Египет и долина Нила».

Авторы — одни из самых значительных фигур европейской египтологии XX — начала XXI в.

Жан Веркуттер (1911–2000) родился в Ламберсаре близ Лилля, окончил Практическую школу высших исследований (*École pratique des hautes études*) в Париже, принимал участие в археологических раскопках Французского института восточной археологии (IFAO) в Египте, был членом Национального центра научных исследований (CNRS) и профессором университета в Лилле.

Научные интересы Жана Веркуттера были чрезвычайно разнообразны: позднеегипетские стелы, Египет и окружающий мир, взаимоотношения египтян с Эгеидой и многое другое. В течение нескольких десятилетий, начиная с 1950-х гг., Ж. Веркуттер вел раскопки в Нубии, основные результаты которых отражены в трехтомном отчете и в серии статей, посвященных исследованию крепости Миргисса в Верхней Нубии, на территории современного Судана.

Клод Вандерслейен родился в Брюсселе в 1927 г., там же окончил Свободный университет по специальностям «египтология» и «классиче-

ская филология». В 1969 г. стал доктором философии. Уже долгое время он профессор в Католическом университете Лувена, где преподает египтологические, папирологические и искусствоведческие дисциплины. Клод Вандерслейен — специалист-универсал высокого класса, однако его основными интересами были и остаются история II Переходного периода, ранней XVIII династии, а также греко-римского Египта.

Не секрет, что русскоязычный читатель почти лишен подробных обобщающих трудов по истории Древнего Египта, которые отражали бы достаточно свежую информацию о состоянии его изучения. Настоящее издание призвано заполнить этот пробел. Двухтомное исследование уже в процессе создания вышло за пределы общей тематики, которое предусматривалось названием «Египет и долина Нила». Результатом работы двух ученых стало фундаментальная история Египта II—III тыс. до н. э. Это издание и поныне остается одним из самых подробных общих трудов по истории Египта до конца Нового царства. Двухтомное исследование уже в процессе создания вышло за пределы общей тематики, которое предусматривалось названием «Египет и долина Нила». Результатом работы двух ученых стало целенаправленное изложение истории Египта II—III тыс. до н. э., поэтому этот труд можно с полным правом назвать «Историей Древнего Египта». Это издание и поныне остается одним из самых подробных общих трудов по истории Египта до конца Нового царства.

Первая часть, написанная Жаном Веркуттером, включает историю древнейшего Египта до возникновения государства, раннединастического периода (I—III династии) и эпохи Древнего царства (IV—VIII династии). Очень большое внимание автор уделяет древнейшему Египту: хронологии археологических культур, описанию погребений и инвентаря, реконструкции быта, проблеме возникновения государства в Египте на рубеже IV—III тыс. до н. э. Разделы по истории Египта Раннего царства и в эпоху расцвета посвящены также сложным вопросам царской хронологии, военной и строительной деятельности царей, международным связям.

По содержанию 1-го тома нетрудно заметить, что первоначально основной целью Жана Веркуттера было представить Древний Египет как уникальный географический заповедник. Очень большое внимание уделяется ранней истории материальной культуры, генезису цивилизации в долине Нила, где сложились идеальные условия для ведения хозяйства, добычи минеральных ресурсов и развития промышленности. Особое географическое положение Египта между Сирией и Палестиной на севере и Нубией на юге обусловило специфику внешнеполитических отношений древнего государства. Описывая динамику важнейших исторических процессов в Египте III тыс. до н. э., Ж. Веркуттер делает акцент на географическом положении региона и роли Нила.

Труд Клода Вандерслейена, издание которого на русском языке готовится к печати, несколько иного плана. Это обстоятельное исследование посвящено прежде всего политической истории царских династий Египта конца III — начала II тыс. до н. э. От правления к правлению, от события к событию, на обширном материале источников ученый излагает историю расцвета культуры и политического укрепления Египта со времени падения режима Древнего царства до конца эпохи Рамессидов. Особую ценность представляют главы по истории II Переходного периода — одной из сложнейших для изучения и темных эпох древнеегипетской истории. К. Вандерслейен — признанный знаток в этой области — дает подробный исследовательский очерк, касаясь разных аспектов деятельности каждого царя XIII—XVII династий и гиксосской проблемы.

Со времени публикации книги Ж. Веркуттера прошло больше 20 лет. Срок совсем небольшой — конечно, за это время не могло произойти серьезных переворотов в науке. Дело в том, что рождение новой исторической концепции в такой научной дисциплине, как египтология, связано всегда с новыми археологическими открытиями, обнаружением новых важных текстов, обработкой сложного эпиграфического материала или составлением обширной базы данных по предметам материальной культуры и т. п. Соответственно, концепция полностью оформляется лишь с полным завершением археологических работ в некрополе или с полным изданием и исследованием всех типологически однородных источников. Сенсационных, революционных открытий археологических памятников древнейших периодов истории Египта за последние годы не произошло.

Пример археологического памятника, комплексное исследование которого подошло к концу, — сектор с поселком и кладбищем ремесленников и мастеров Фиванского некрополя эпохи Нового царства, ныне известный под именем Дейр эль-Медина. Полный свод отчетов Бернара Брюйера по археологическим исследованиям этого памятника насчитывает почти 20 томов, а исследование всего добытого колоссального материала потребовало выработать целый ряд новых методологических подходов. Работы специалистов по Дейр эль-Медине всегда отличает тончайший анализ эпиграфического материала, и со временем их исследования принимают все более детализированные формы. Безусловно, вслед за крупнейшим русским знатоком Дейр эль-Медины, Евгением Степановичем Богословским, можно сказать, что ее изучение стало отдельной дисциплиной в египтологии, хотя, конечно, как и в любой науке, любой идеальный методологический подход в одном из секторов науки должен быть усвоен и интегрирован в другие ее части. Однако этого не происходит. Виной тому — незавершенность археологических раскопок, которых еще хватит не на одну сотню лет, а отсюда и скудость знаний, прежде всего по ранним эпохам истории Древнего Египта — додинастике, Раннему и Древнему царствам, т. е. с древнейших времен до конца III тысячелетия до н. э.

Пожалуй, ни в одной другой области не было сделано столько новых открытий со времени выхода книг Ж. Веркуттера и К. Вандерслеяна, как в археологии доисторического и додинастического Египта. Многие из этих открытий показывают, что памятники, которые ранее казались изолированными, принадлежали к более широким историко-культурным общностям.

Бельгийские археологи под руководством П. Вермеерса открыли памятник элькабской культуры на побережье Красного моря (древнейшая фаза использования стоянки Три-Шелтер в Вади-Содмейн, кон. VIII–VII тыс. до н. э.). Новая находка показывает, что эта эппалеолитическая культура не была замкнута в Нильской долине, а ее носители, вероятно, вели кочевой образ жизни на обширной территории и регулярно достигали красноморского побережья. На стоянке Три-Шелтер и в расположенной неподалеку пещере Содмейн найдены древнейшие известные на территории Египта кости одомашненного мелкого рогатого скота, которые датируются началом VI тыс. до н. э.; несколько позже, в сер. VI тыс. до н. э., одомашненные козы и овцы появляются в оазисе Дахла в Западной пустыне¹.

¹ Vermeersch P. et al. A Holocene Prehistoric Sequence in the Egyptian Red Sea Area: the Tree Shelter. Leuven, 2008. P. 96–97.

Британские археологи открыли горизонты, относящиеся к неолитическому и додинастическому периоду, в Саисе². Древнейший неолитический горизонт Саис I по фрагментарным свидетельствам соотносится с культурой самого раннего слоя Меримда Бени-Салама (Меримда I). Горизонт Саис II по множеству признаков относится к культуре, ранее известной по более поздним фазам памятника Меримда Бени-Салама (Меримда II–V). Эти открытия показали, что Меримда — не изолированный феномен, а один из памятников неолитической культуры, которая существовала в западной Дельте.

Новые открытия в Западной и Восточной пустынях, а также в долине Нила позволяют по-новому взглянуть на истоки додинастической культуры Бадари в Верхнем Египте. Памятники в Вади-Аттула (Восточная пустыня, 1-я пол. V тыс. до н. э.), в пещере у Вади эль-Хол в долине Нила (сер. V тыс. до н. э.) и в Джебель-Рамла (Западная пустыня, сер. V тыс. до н. э.) по инвентарю керамики и каменных орудий близки к ранее известному верхнеегипетскому памятнику Дейр эт-Таса³. К этой же культурной общности относится курган V тыс. в Шааб-Негема (Вади эль-Лави, близ первого порога Нила), который также содержит многие черты, характерные для нубийских памятников группы А⁴. Новые данные показывают, что многие аспекты материальной культуры Бадари восходят к культурам Западной и Восточной пустынь и Нубии либо имеют общие с ними источники⁵.

Активные раскопки додинастических памятников в Дельте Нила, которые ведут немецкие, французские, британские, голландские, американские и польские археологи; дали много новых сведений о так называемой нижнеегипетской культуре. В книге Ж. Веркуттера подробно обсуждается лишь первый опубликованный памятник этой культуры — Маади. Сегодня известны многие другие поселения нижнеегипетской культуры: Буто, Мендес, Телль эль-Фарха, Телль эль-Исвид, Телль Ибрагим Авад и Саис; помимо кладбищ Маади, установлены новые некрополи этой культуры: Телль эль-Фарха, Миншат Абу-Омар, Ком эль-Хилган⁶. Некоторые стратифицированные памятники позволяют проследить переход от нижнеегипетской культуры к верхнеегипетской культуре Накада, которая распространилась в Нижнем Египте. Широкое проникновение накадских элементов в Нижний Египет началось в период Накада IIC и завершилось с периодом Накада IID2, когда культура Накада распространилась по всему Египту. Открытие большого количества поселений этого времени в Нижнем Египте и на севере Среднего Египта показывало, что в разных частях Нижнего Египта проникновение накадских элементов проходило разными темпами: одни памятники

² Wilson P. Prehistoric Settlement in the Western Delta: A Regional and Local View from Sais (Sa El-Hagar) // JEA. Vol. 92. 2006. P. 75–126.

³ Kobusiewicz M. et al. Discovery of the first Neolithic cemetery in Egypt's western desert // Antiquity. Vol. 78. No. 301. 2004. P. 566–578.

⁴ Gatto M. C. Egypt and Nubia in the 5th–4th millennia BC: a view from the First Cataract and its surroundings // Egypt at its origins 3: proceedings of the Third International Conference «Origin of the state: Predynastic and Early Dynastic Egypt», London, 27th July — 1st August 2008 / Ed. by R. F. Friedman and P. N. Fiske. Leuven, 2011. P. 859–877.

⁵ Nelson K., Khalifa E. Nabta Playa black-topped pottery: technological innovation and social change // Egypt at its origins 3: proceedings of the Third International Conference «Origin of the state: Predynastic and Early Dynastic Egypt», London, 27th July — 1st August 2008 / Ed. by R. F. Friedman, P. N. Fiske. Leuven, 2011. P. 687–704.

⁶ Jucha M., Mączyńska A. Settlement Sites in the Nile Delta // Archéo-Nil. No. 21. 2011. P. 33–50.

являются в целом накадскими с периода Накада IIC (Миншат Абу-Омар на северо-востоке Дельты; Абусир эль-Мелек, Герзе и Харага в районе будущего Мемфиса), другие в целом сохраняют традиционный репертуар нижнеегипетской керамики (Буто, Тель-Фарха, Миншат-Абу-Омар), третьи могут сочетать накадскую керамику с погребальными обычаями нижнеегипетской культуры (Ком эль-Хилган)⁷.

Возникновение царской власти и письменности в Египте теперь датируются более ранней эпохой, чем считалось в то время, когда вышла книга Ж. Веркуттера. В Иераконполе открыты древнейшие свидетельства почитания сокола, одного из символов царской власти в Египте, которые относятся к началу периода Накада II; ранее первые свидетельства возникновения царской власти, в том числе изображения сокола датировались началом периода Накада III⁸.

Гробница j в некрополе U в Умм эль-Кааб близ Абидоса стала древнейшим известным царским захоронением в Египте; она относится к археологической фазе Накада IIIA2 и датируется XXXIV–XXXIII вв. до н. э.⁹ В гробнице найдены самые древние образцы древнеегипетской письменности — ярлыки из слоновой кости с архаическими иероглифами; это открытие позволило удревнить возникновение письма на два столетия. В отличие от более ранних меток, которые могли быть рисуночными по своей природе, ярлыки из гробницы j впервые засвидетельствовали употребление знаков со звуковым значением¹⁰. В гробнице найдено несколько сотен глиняных сосудов, импортированных из восточного Средиземноморья, изделия из обсидиана и слоновой кости. Другие, немногим более поздние гробницы додинастического кладбища U, изученные немецкими археологами, дали много материала для изучения раннего египетского письма, отношений додинастического Абидоса с другими центрами в Египте и за его пределами¹¹.

Интенсивные работы в последнее время велись и в некрополях Раннего и Древнего царств.

Основные центры раннединастического Египта — Абидос/Умм эль-Кааб, Хавара и Саккара — исследовались прежде всего немецкими археологами. В Хаваре были найдены новые образцы додинастической письменности, а также заново изучены гробницы и эпиграфика I–II династий¹², в Умм эль-Кааб серьезные открытия ждали

⁷ *Buchez N., Midant-Reynes B.* Le site prédynastique de Kom el-Khilgan (Delta oriental): données nouvelles sur les processus d'unification culturelle au IVe millénaire // BIFAO. T. 107. 2007. P. 43–70.

⁸ *Hendrickx S., Friedman R., Eyckerman M.* Early falcons // *Vorspannoder formative Phase? Ägypten und der Vordere Orient 3500–2700 v. Chr.* / Hrsg. von L. D. Morenz und R. Kuhn. Wiesbaden, 2011. S. 129–162.

⁹ *Dreyer G.* Umm el-Qaab I. Das prädynastische Königsgrab U-j und seine frühen Schriftzeugnisse. Mainz am Rhein, 1998.

¹⁰ *Regulski I.* A palaeographic study of early writing in Egypt. Leuven, 2010. P. 1–2, 7, 30.

¹¹ *Hartung U.* Umm el-Qaab II. Import keramik aus dem Friedhof U in Abydos (Umm el-Qaab) und die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 4. Jahrtausend v. Chr. Mainz am Rhein, 2001.

¹² *Köhler E. C.* On the origins of Memphis. The new excavations in the Early Dynastic necropolis at Helwan // *Egypt at Its Origins, Studies in Memory of Barbara Adams* / eds. S. Hendrickx, R. F. Friedman, K. M. Cialowicz and M. Chłodnicki. Leuven, 2004, 295–315; *Köhler E. C.* Helwan I. Excavations in the Early Dynastic Cemetery. Season 1997/98. Heidelberg, 2005; *Köhler E. C., Jones J.* Helwan II. The Early Dynastic and Old Kingdom Funerary Relief Slabs. Rahden/Westf., 2009; *Köhler E. C.* Helwan III. Excavations in Operation 4, Tombs 1–50. Rahden/Westf., 2014.

исследователей гробницы царя Каа¹³, в Саккара полностью завершены раскопки гробницы первого царя II династии Нинечера¹⁴.

С 1970-х гг. австралийскими археологами под руководством Нагиба Канавати проводится новое целенаправленное археологическое изучение всех провинциальных некрополей Древнего царства. Материалы из них в той или иной степени публиковались и раньше, однако далеко не всегда удовлетворительно. Первым опытом австралийцев стал 10-томный свод памятников из Эль-Хававиша, некрополя близ древнего Ахмира¹⁵. Этому некрополю повезло меньше всех: сохранность гробниц зачастую очень плохая, к тому же многие из них были украшены не рельефами, а росписями, которые сильнее подвержены разрушениям. Ранние журнальные публикации Перси Ньюберри результатов разведок в Ахмиме мало помогали, поэтому новая археологическая фиксация памятников была более чем актуальна. Тем более, как показали новые публикации Канавати и других археологов, и Ахмим, и другие провинциальные некрополи — Меир, Дейр эль-Гебрави, Эль-Хаммамия, Эль-Хагарса, Кусейр эль-Амарна, Дешаша, Дейр эль-Берша и прочие — методично подвергались вандализму со стороны посетителей уже после 1920-х гг. После недавней революции от бандитских нападений приходилось защищать и музейные коллекции. Но это не всегда удавалось. В частности, Каирский музей и музеи Александрии и Порт-Саида подвергались нападениям в 2011 г., а музей Маллави был полностью разгромлен в августе 2013 г.

Совсем недавно завершился и многолетний проект коллектива немецких специалистов, который включал планомерное археологическое и эпиграфическое изучение гробниц некрополя Куббет эль-Хава в Элефантине, на крайнем юге древнеегипетского государства в III тыс. до н. э. Во главе проекта стоял крупнейший знаток Древнего царства, профессор Боннского университета Эльмар Эдель. Основные результаты этой работы были изданы после его смерти, и этот труд можно назвать во всех отношениях образцовым¹⁶.

Главное достояние эпохи Древнего царства — некрополи резиденции: Завийет эль-Ариан, Медум, Дахшур, Гиза, Абу Роаш, Саккара, Абусир. Из них самый загадочный — Абу Роаш — исследовался еще в 1920-е гг. французским археологом Ф. Биссон де ла Роком. Недавно, уже в начале XXI в., его центральное строение — полуразрушенная пирамида царя Джедефра — была полностью расчищена франко-швейцарской экспедицией¹⁷, но состояние окружающих ее гробниц настолько плачевно, что дальнейшее исследование некрополя, похоже, опять откладывается на неопределенный срок.

¹³ Engel E. M. Das Grab des Qa'a in Umm el-Qa'ab (Ph.-D.Dissertation). Göttingen, 1997.

¹⁴ Van Wetering J. The Royal Cemetery of the Early Dynastic Period at Saqqara and the Second Dynasty Royal Tombs // *Egypt at Its Origins, Studies in Memory of Barbara Adams* / eds. S. Hendrickx, R. F. Friedman, K. M. Cialowicz and M. Chłodnicki. Leuven, 2004, S. 1055–1080; Lacher-Raschdorff Cl. M. Das Grab des Königs Nintjer in Saqqara. Architektonische Entwicklung frühzeitlicher Grabanlagen in Ägypten. Wiesbaden, 2014.

¹⁵ Kanawati N. et al. The Rock Tombs of El-Hawawish: The Cemetery of Akhmim. Vol. I–X. Sydney, 1980–1992.

¹⁶ Edel E. Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawabei Assuan. I. Abteilung (Band 1–3). Die Architektur, Darstellung, Texte, archäologischer Befund und Funde der Gräber QH 24 — QH 209. Aus dem Nachlass verfasst und herausgegeben von Karl-J. Seyfried und Gerd Vieler. Paderborn, 2008.

¹⁷ Valloggia M. Le complexe funéraire royal de Rêdjedef à Abou Rawash. Vol. 1. Étude Historique et Architecturale. Le Caire, 2011.

Кроме того, миссия IFAO (Французского института восточной археологии в Каире) продолжила крупномасштабные раскопки в Саккара. Были исследованы храмы царей Усеркафа, Униса и Тети, завершена расчистка пирамиды Пепи I. Археологические работы в пирамидном комплексе Пепи I велись десятилетиями еще с 1960-х гг. и полностью завершились лишь в 2000-е гг. Настоящим научным подвигом французских специалистов стала реконструкция текстов пирамиды Пепи I¹⁸. Параллельно ведутся раскопки в окрестностях этой пирамиды, благодаря которым были открыты новые гробницы знатных вельмож VI династии, а также сразу несколько пирамид ранее неизвестных цариц из семьи царя Пепи I. До ближайшего времени было известно всего 10 пирамид с текстами: царей Униса, Тети, Пепи I, Меренра I, Пепи II, Иби, а также цариц — жен Пепи II — Нейт, Ипут и Уджебтени. В ходе раскопок 1990–2000-х гг. были обнаружены новые фрагменты Текстов пирамид в гробницах цариц Бехену¹⁹ и Анхнеснепи II²⁰. Остатки стен с текстами (как полагают, переходными между Текстами пирамид и Текстами саркофагов) были обнаружены и в пирамиде крупного чиновника из казначейства, некоего Рахеришефнахта²¹, который, выходит, уже в период между Древним и Средним царством решил построить себе пирамиду и снабдить ее текстами наподобие царей. Как известно, Тексты саркофагов для частных лиц получают распространение лишь с ослаблением царской власти в I Переходный период. Удивительные находки в пирамиде Рахеришефнахта, наряду с уже известными фрагментами Текстов саркофагов времен VI династии, сохранившимися в составе уже давно известных папирусов Гардинера (Gardiner II–IV), а также на сравнительно недавно найденном саркофаге губернатора области Балат в оазисе Дахла Медунефера, позволяют заново взглянуть на историю развития и адаптации магических текстов в частной ритуальной практике в конце Древнего царства. Замечательные открытия последних лет побудили французских египтологов к подготовке нового издания недавно обнаруженных и уже известных текстов пирамид из Саккара.

Некрополь Абусира сосредоточен вокруг заупокойных комплексов многих царей V династии — пожалуй, самого загадочного периода в истории Древнего царства. Еще в начале прошлого века немецкой экспедицией Л. Борхардта в Абусире были исследованы солнечные храмы и пирамиды трех царей этой династии — Сахура, Нефериркара и Ниусерра. В 1970-е гг. раскопки продолжила экспедиция Карлова университета в Праге. В книге Ж. Веркуттера уже упоминаются предварительные результаты этих раскопок: открытие заупокойного комплекса неизвестного ранее царя Неферефра²², раскопки мастабы визирия Птахшеспес — одной из самых крупных по площади из ныне извест-

¹⁸ Leclant J. et alii. Les textes de la pyramide de Pépy Ier. 1. Édition, description et analyse, 2. Facsimilés. Le Caire, 2001.

¹⁹ Berger-El Naggar C., Fraisse M. N. Béhénou, «aimée de Pépy», une nouvelle reine d'Égypte // BIFAO. T. 108. 2008, p. 1–27.

²⁰ Mathieu B., Bène E., Spahr A. Recherches sur les textes de la pyramide de la reine Ânkhnesnépépy II. 1: Le registre supérieur de la paroi est de la chambre funéraire (AII/F/E sup) // BIFAO. T. 105. 2005, pp. 129–138; Mathieu B., Bène E., Spahr A. Recherches sur les textes de la pyramide de la reine Ânkhnesnépépy II. 2: Le registre inférieur de la paroi est de la chambre funéraire (AII/F/E inf) // BIFAO. T. 108. 2008, p. 281–291.

²¹ Berger-El Naggar C., Labrousse A. La tombe de Rêhérichefnakht à Saqqâra-Sud, un chaînon manquant? // BSFE 164 (2005), p. 14–28.

²² Verner M. Abusir IX: The Pyramid Complex of Raneferef, I: The Archaeology. Prague, 2006.

ных²³. В настоящее время завершено исследование пирамиды Хенткаус II²⁴, жены царя Нефериркара, а также так называемой крытой дороги царя Сахура от заупокойного храма к долинному в пределах его заупокойного комплекса²⁵. Прекрасные рельефы и эпиграфика крытой дороги Сахура содержат ценнейшие данные по истории V династии. Помимо этого, раскопки чешской экспедиции позволили расконсервировать и целый ряд частных гробниц Абусира, принадлежавших знатым вельможам и чиновникам. Состояние некрополя, к сожалению, весьма плачевное — гораздо хуже, чем Саккара или Гизы. И все же открытия чешской экспедиции в Абусире оказались весьма успешными и открыли новую страницу в исследовании истории Египта времен V–VI династий.

Самый большой и наиболее знаменитый некрополь Древнего царства — Гизу — в последние годы не ждали большие открытия. Идет, скорее, долгий процесс пересмотра и анализа огромного материала, накопленного в ходе раскопок, масштабы которых резко уменьшились после 1960 г. Египетские и американские специалисты постепенно возвращаются к исследованиям неизданных данных двух малых секторов некрополя западного поля Гизы, где в 1950-е гг. работал Абдэль-Мухсин Абу Бакр. Немецкие ученые подготовили замечательный архив по памятникам так называемого некрополя Георга Штайндорфа (а это огромный сектор), ждавшего публикации еще с начала прошлого века²⁶. А главное — медленно и неуклонно продолжается издание материалов раскопок Джорджа Эндрю Райзнера 1902–1942 гг., которые поистине колоссальны — несколько тысяч гробниц, в том числе эталонного характера, с ключевыми памятниками, постепенно доходят до исследователей. Как часто бывает, на помощь приходит Интернет — появление сугубо научных сайтов с тысячами единиц архивных материалов уже не редкость в наше время²⁷. Ж. Веркуттер, работая над своей книгой в начале 1990-х гг., конечно, стоял еще у истоков научных ресурсов нового типа.

Уже в 2000-е гг. археологические исследования в скальном некрополе так называемой каменоломни Хефрена вел Каирский филиал Немецкого археологического института (DAIK). В результате были открыты новые гробницы вельмож Древнего царства.

Конечно, по масштабам даже полностью изученные некрополи Древнего царства не сравнимы с существовавшей несколько столетий спустя Дейр эль-Мединой. Сотни гробниц и стел, тысячи острака (черепков, использовавшихся для кратких записей), многие из которых сохранили неизвестные или малоизвестные произведения египетской литературы, предметы материальной культуры — этот массив памятников из Дейр эль-Медины представляет огромную ценность для исследователя. Естественно, жизнь египтян эпохи Нового царства нам известна гораздо лучше, чем в эпоху III тысячелетия до н. э. Поэтому, несмотря на то, что по изобилию памятников эти эпохи вполне срав-

²³ *Verner M. Abusir I: The Mastaba of Ptahshepses: Reliefs, vol. I–II. Prague, 1982; Verner M. Abusir II: Baugraffiti der Ptahshepses Mastaba. Czech Institute of Egyptology, Prague 1992; Vachala B. Abusir VIII: Die Reliefs aus der Ptahshepses-Mastaba in Abusir. Prague, 2004.*

²⁴ *Verner M. Abusir III: The Pyramid Complex of Khentkaus. Praha, 1995.*

²⁵ *Tarek El Awady. Abusir XVI. Sahure — The Pyramid Causeway. History and Decoration Program in the Old Kingdom. Prague, 2009.*

²⁶ <http://www.giza-projekt.org/>

²⁷ <http://www.gizapyramids.org/>. В настоящее время издано 8 томов продолжающейся серии «Мастабы Гизы».

нимы, любой некрополь Нового царства даст гораздо больше конкретного исторического материала об эпохе, чем огромные староегипетские некрополи.

К примеру, некрополь Гизы исследован весьма масштабно, однако таит в себе много загадок. Эпиграфический материал настолько значителен, что пугает специалистов. Отчасти это связано с единообразием материала. Действительно, чтобы решить сложную эпиграфическую задачу и сделать о ней вывод в 2 строчки, приходится составлять базу данных на несколько тысяч карточек унылых, однотипных формул. С другой стороны, новый текст с неординарными данными или один удивительный памятник может изменить устойчивые представления или решить затяжную дискуссию. Однако такое происходит нечасто.

Вся частная эпиграфика (т. е. надписи на камне) происходит из заупокойной сферы, а сквозь призму бесконечных формул, списков жертв, титулов и даже биографических повествований и стандартных хозяйственных договоров очень тяжело увидеть реальные обстоятельства не только повседневной жизни египтян, но и хозяйственного и политического развития страны.

Культ предка или близкого родственника служил апологией ведения хозяйства на определенной территории, и хотя жилые дома и плодородные земли находились далеко от гробницы, располагавшейся в пустыне, они тоже считались относящимися к культу. Но, притом что египтяне выработали целый пласт ритуальной терминологии, относящейся к заупокойному владению, их юридическая сила никогда не была доказана. Иными словами, заверения хозяина в том, что данная гробница «его вечность», проклятия в адрес потенциальных нарушителей покоя — вандалам, узурпаторам гробниц, а может, и представителям власти, решившим попросту реквизировать эту «вечность», имели лишь магическую силу. Тем не менее, судя по некоторым данным, права на содержание культовой собственности сохранялись в течение многих поколений. Какие же юридические возможности сохранить свою собственность, помимо магических и ритуальных штампов, были у реальных владельцев родового хозяйства? Это можно было бы узнать только из частных папирусных архивов, однако они выходят на свет лишь в конце XI — начале XII династии.

Все хозяйственные или бытовые сцены в гробнице отражали исключительно частную жизнь ее хозяина, причем и эти картины рисовали фантастические идеалы. Почти весь текстовой материал в гробнице был посвящен магии и ритуалу. Даже ремесленники, жнецы и кухарки (чаще всего — реально существовавшие люди) ведут между собой разговоры, невозможные в реальной жизни. Хозяин исполняет роль единственного господина в этом идеальном мирке. Его занятия, на первый взгляд совершенно естественные — охота, отдых, учет экономической прибыли в виде скота, тканей и т. д. — представлены так, как не могло быть на самом деле. А главное, все, что говорилось и изображалось в гробнице, было совершенно отстранено от государственной жизни. Сам хозяин, будучи чиновником, никогда не изображался за исполнением своих обязанностей. Даже знаменитые сидящие статуи писцов, изображавшие якобы процесс внимательной записи служебных распоряжений начальника, на самом деле изображают хозяина гробницы совсем в другой роли — он записывает или проверяет по списку продукцию, которую ему доставляют в качестве заупокойных жертв.

Единственное, что напоминало о роли героя гробничных изображений на государственной службе — его титулы, которые он носил в реальной жизни, но и они, подоб-

но нынешним паспортным данным, были значимы скорее для идентификации персонажа. Так называемые автобиографические надписи, которых сохранилось всего несколько десятков на несколько тысяч гробниц, — также описывали нестандартные ситуации в карьере чиновника, его военные подвиги, т. е. опять же выходили за рамки существующего порядка службы. Хозяйственные договоры, запечатленные на стенах гробниц, исчисляются и вовсе единицами — и опять же потому, что обычные экономические отношения между заказчиком и подрядчиками строились по совсем иным стандартам, нежели те, о которых мы узнаем из частных монументальных надписей.

Пробить стену искаженного восприятия египетского общества Древнего царства сквозь толщу магических, ритуальных и мифологических источников, которые многие египтологи нередко принимают за чистую монету, очень нелегко.

По сравнению с Месопотамией и другими клинописными цивилизациями Сирии, Палестины и Анатолии, Египет оказался в незавидном положении по степени оснащенности источниками. Открытие в 1975–1980-х гг. почти 20 тысяч глиняных табличек в северосирийском городе Эбла позволило полностью переписать историю этого региона в III тыс. до н. э. Действительно — каждая табличка содержит текст (письмо, реляцию, справку или ведомость), который у египтян фиксировался на одном папирусе. Именно папирусная документация содержит данные о реальной жизни древних египтян. Но если от II тыс. до н. э. — нач. I тыс. н. э. до нас дошло большое количество папирусов разного объема и содержания, то папирусы III тыс. до н. э. насчитывают всего несколько десятков, а до недавнего времени и вовсе исчислялись единицами. Особенности хранения такого материала, как, папирус, даже и думать не позволяют о том, что когда-либо может быть найден архив, по объему и содержанию сходный с клинописными архивами Мари, Эблы, Богазкея...

Мысль о недоступности понимания жизни египтян времен Древнего царства из-за дефицита папирусов выражает в своей книге и сам Ж. Веркуттер: «Итак, египтолог обязан считаться с исключительной бедностью документации, которой он располагает, особенно для древней эпохи». Ценность папирусных источников и других текстов, происходящих не из гробниц, в том, что именно они зачастую доносят до нас крупницы сведений о реальной жизни древних египтян III тыс. до н. э.

Одним из важнейших вкладов в область изучения папирусов и древнейшей иератической палеографии стало издание нескольких архивов Древнего царства лучшим знатоком этой дисциплины, французской исследовательницей Поль Познер-Криеже. В книге Ж. Веркуттера дана краткая характеристика публикации первого архива — из заупокойного храма царя V династии Нефериркара. Архив был открыт в ходе раскопок в Абусире Людвиг Борхардта еще в 1905 г., ждал издания до 1968 г., и капитального исследования — до 1976 г.²⁸ Можно еще добавить более десятка писем (прежде всего так называемых писем мертвым), ранние иератические остраки из Хавары (своеобразные «свидетельства о смерти» матросов, утонувших в ходе рабочих поездок по Нилу).

Вот в основном то, чем могла в 1990-е гг. довольствоваться египтология в области знаний о жизни египтян по скорописным источникам.

²⁸ Posener-Krieger P., de Cenival J. L. The Abu Sir-Papyri. L., 1968; Posener-Krieger P. Les archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakaï (Les papyrus d'Abousir). Traduction et commentaire. 2 vols. Le Caire, 1976.

А между тем еще в конце 1970-х гг. последовали новые открытия — экспедицией чехословацких археологов в ходе исследования пирамидных комплексов царицы Хенткаус II и царя Неферефра в Абусире были обнаружены фрагменты папирусных архивов второй половины V — конца VI династии. По составу они сходны с архивом из заупокойного храма Нефериркара. К сожалению, архив Хенткаус сохранил весьма малое число фрагментов, зато архив Неферефра по обилию материалов вполне сопоставим с архивом Нефериркара и содержит новые ценные данные об организации экономической жизни на территории царского заупокойного комплекса.

Остатки архива Хенткаус и архив Неферефра были изданы в 2001 и 2006 гг. соответственно²⁹. Основная заслуга в этом принадлежала П. Познер-Криеже, которая параллельно работала с архивом из Гебелейна, содержащим еще более ранний архив времен IV династии об организации хозяйственных отношений в этом городе. Архив, открытый экспедицией итальянских египтологов во главе с Дж. Фариной еще в 1935 г., был образцово издан П. Познер-Криеже лишь в 2004 г.³⁰

Еще один большой папирус — расчетная ведомость из Шаруны времен VI династии — до сих пор не опубликован.

Одним из значительных открытий 1990–2000-х гг. в области египетской хронологии и политической истории Древнего царства стало издание анналов VI династии. Как часто случается, новое — это хорошо забытое старое. Еще в начале 1930-х гг. Гюстав Жекье при раскопках в Саккара обнаружил гранитный саркофаг царицы Анхнеснепи, на базальтовой крышке которого едва проглядывался текст. В начале 1990-х гг. французы М. Бо и В. Добрев вновь обратились к забытому тексту. Несмотря на то, что сохранность текста была совершенно неудовлетворительной, многое удалось прочитать³¹. Он содержал анналы царей VI династии, начиная с Тети, по содержанию и построению схожий с анналами V династии на знаменитом Палермском камне. Были выявлены важные факты деятельности царей, прежде всего Пепи I, установлен точный срок правления этого царя — 50 лет.

В последнее время значительно расширились знания об ойкумене древних египтян III тыс. до н. э., политических и торговых отношениях Египта с Палестиной и Сирией, а также с Ливией и Суданом.

Ключевыми пунктами для контактов с черными племенами Египта южнее I нильского порога и Суданом были Элефантина, столица пограничного I нома Верхнего Египта, и оазис Дахла, располагающийся к западу от нильской долины, в Ливийской пустыне.

Недавно в оазисе Дахла были обнаружены скальные надписи времен Хеопса и Джедефра, сообщающие о работах в этом районе³². Рядом были изображены жирафы,

²⁹ Verner M. Abusir III. The Pyramid Complex of Khentkaus. Praha, 1995; Posener-Krieger P., Verner M., Ymazalová H. Abusir X. The Pyramid Complex of Raneferef. The Papyrus Archive. Prague, 2007.

³⁰ Posener-Krieger P. I papiri di Gebelein (scavi G. Farina 1935). Torino, 2004.

³¹ Baud M., Dobrev V. De nouvelles annales de l'Ancien Empire égyptien: une "Pierre de Palerme" pour la VIe dynastie // BIFAO 95. T. 1995, 23–92; Baud M., Dobrev V. Le verso des annales de la VIe dynastie: Pierre de Saqqara-Sud // BIFAO. T. 97, 1997, 35–42.

³² Kuhlmann K. P. Der "Wasserberg des Djedefre" (Chufu 01/1). Ein Lagerplatz mit Expedition sinnschriften der 4. Dynastie im Raum der Oase Dachla, MDAIK. Bd. 61. 2005. S. 243–289.

хищные птицы и другие животные. Это свидетельствует о том, что территория в ту эпоху была пригодна для жизни. При VI династии здесь была создана область, которой управляли египетские князья-губернаторы. Их гробницы были раскопаны в районе современного оазиса Балат.

Отсюда шли караванные пути в отдаленные центры Ливии и Черной Африки. Неожиданностью стало обнаружение в конце 2007 г. наскальных надписей участников экспедиции времен царя Менгхотепа II в районе Гебель Увейнат — небольшом скальном пятачке в точности на границе современных Египта, Ливии и Судана³³. Это самый южный пункт, установленный к настоящему времени, так называемой тропы через Абу Баллас (Abu Ballas Trail). Караванная тропа тянулась через зеленые вадии, в настоящее время представляющие собой пустыню, от Балата до Гебель Увейнат через Абу Баллас, Гифт Кебир и другие пункты: по оставленным на местных скалах древним надписям или рисункам, а также стоянкам с керамикой установлено свыше тридцати древних станций. Судя по надписям, этот регион назывался *thbt* / Техебетен и считался частью страны *jm/jm3* / Иам, которым египтяне называли, возможно, известный им регион Черной Африки к юго-западу от III нильского порога³⁴. Предполагается, что таким образом египтяне достигли палеоозера Мегачад, которое достигло максимальных размеров (361 000 км²) в середине VI — начале V тыс. до н. э. Существование караванной тропы из оазиса Дахла на юго-запад уже давно предполагалось египтологами³⁵, однако лишь в 2000-е гг. стали вестись интенсивные раскопки — так и были обнаружены неопровержимые доказательства того, что египтяне знали Черную Африку гораздо шире, чем можно было представить.

Обращаясь к содержанию книг, написанных разными авторами-египтологами, можно заметить, что Ж. Веркуттер с большим воодушевлением относится к свидетельствам о торговых отношениях египтян Древнего царства с Левантом, в то время как К. Вандерслеен в отношении источников и археологических материалов даже Среднего царства (т. е. начала II тыс. до н. э.) настроен весьма скептически. Главное же, что Ж. Веркуттер и не сомневается в том, что контакты Египта со Средиземноморьем осуществлялись морскими путями. Между тем в науке до недавнего времени по этому вопросу были жаркие дискуссии.

И вот недавно итальянский исследователь Микеле Марколини, работающий в Токио, сделал ряд публикаций фрагментов надписей из гробницы Ини, флотоводца и путешественника, служившего трем царям VI династии — Пепи I, Меренра и Пепи II. Надписи содержат новые, очень важные данные о взаимоотношениях Египта с Левантом в конце III тыс. до н. э. Решительно все куски из гробницы Ини поступали в музеи и частные

³³ *Schneider T.* The West Beyond the West: The Mysterious “Wernes” of the Egyptian Underworld and the Chad Palaeo lakes // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. Vol. 2:4, 2010. P. 1–14; *Schneider T.* Egypt and the Chad: Some Additional Remarks // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. Vol. 3:4, 2011. P. 12–15.

³⁴ *Cooper J.* Reconsidering the Location of Yam // *JARCE*. Vol. 48, 2012. P. 1–22; *Espinel A. D.* The tribute from Tekhebeten (a brief note on the graffiti of Mentuhetep II at Jebel Uweinat) // *GM*. Heft 237. 2013. P. 15–19.

³⁵ В частности, еще в 1933 г. венгерский археолог Ласло Олмаши, открывший знаменитую Пещеру пловцов (неолит, ок. 10 000 лет назад) в Египте на границе с Ливией, предполагал, что Абу Баллас был переходным пунктом на пути от Дахла к оазису Кифра на западе современной Ливии.

коллекции с аукционов, в результате большинство из них оказалось в Барселоне и Токио³⁶.

В течение своей долгой жизни Ини побывал в странах Леванта четыре раза и сообщает о них много ценных данных. Так, он описывает свой флот, который состоял из больших деревянных кораблей, которые египтяне строили из импортного дерева (вероятно, хвойного), поэтому они назывались «библскими». Подробно перечисляя состав дани, полученной от ханаанеев, он упоминает в том числе рабов разного пола, лазурит и серебро, а также свинец, ранее неизвестный в староегипетских источниках. В своей надписи Ини называет и Урджедедба, современника царя Исеси (2-я половина V династии), легендарного путешественника, чье имя вспоминает в своем письме к полководцу Хорхуфу малолетний царь Пепи II Неферкара. При всей скудости источников такое постоянство безусловно делает Урджедедба знаменитым героем, чье имя, как исследователя новых земель, надолго задержалось в исторической памяти египтян Древнего царства. Впрочем, даже его, в свете археологических и иных данных, вряд ли можно считать Колумбом Древнего царства в Азии.

Любопытно, что Ини упоминает даже название порта в дельте Нила, из которого он осуществлял свои плавания в Левант — Ра-хат (букв. «устье»). Вновь название этого порта всплывает в источниках... лишь при XVIII династии, т. е. почти 700 лет спустя после описываемых событий.

С 2006 г. французская миссия исследует область на юго-западе Синайского полуострова, который был сценой интенсивной эксплуатации медных ресурсов египтянами с очень самых ранних периодов египетской истории (по меньшей мере с V династии до Среднего царства). На западе Вади Насб был найден комплекс из неповрежденных медеплавильных печей, что позволило провести точные наблюдения по оценке их строительных методов, системы вентиляции и т. п. Местность Сех Насб стала основным источником информации о важности этой зоны горной промышленности во времена Древнего царства. Здесь обнаружена крупная установка приблизительно 27 комплексов печей совокупной длины почти в километр, которая дает представление о масштабах эксплуатации меди в регионе³⁷.

Последние исследования французских археологов (руководитель Пьер Талле) позволили значительно расширить знания и по мореходству в Красном море. Были изучены крупные центры на побережье Красного моря от Суэцкого залива (Айн Сухна) до порта Мерса Гавасис. Достаточно плотно Мерса Гавасис исследуется еще с 1970-х гг. египетскими и французскими учеными. Здесь обнаружен центр с памятниками Среднего царства, в том числе многочисленные стелы, из которых следует, что отсюда отправлялись морские экспедиции в далекий Пунт — страну на побережье Эритреи, Джибути или Сомали. О путешествиях в эту страну известно из многочисленных памятников начиная с эпохи Древнего царства. Другой центр — Айн Сухна — с 1999 г. изучается франко-египетской экспедицией. Уже изучена обширная наскальная эпиграфика — древнейшие надписи датируются временем Монтухотепа IV (XI династия), а также

³⁶ *Marcolin M., Espinel A. D. The Sixth Dynasty Biographic Inscriptions of Iny: More Pieces to the Puzzle // Abusir and Saqqara in the Year 2010 / eds. M. Bárta, F. Coppens, J. Krejčí. Prague, 2011. P. 570–615.*

³⁷ *Tallet P., Castel G., Fluzin P. Metallurgical Sites of South Sinai (Egypt) in the Pharaonic Era: New Discoveries // Paléorient. Vol. 37.2. P. 79–89.*

целая металлургическая мастерская времен Среднего царства, обнаружено несколько скальных галерей и каменная пристройка, каменные якоря... В галереях были найдены печати с именами нескольких царей Древнего царства, начиная с Хефрена, остатки сгоревшего корабля с керамикой. На стенках глиняных изделий и на стенах сохранились имена лиц, живших, судя по титулам, при IV–VI династиях. Все это свидетельствует о глубиной древности этого морского порта и металлургического центра³⁸.

Пожалуй, самые неожиданные находки ждали исследователей в местности эль-Марха и вади эль-Джарф, к югу от Айн Сухна³⁹. Этот центр стал целенаправленно изучаться археологически с 2011 г., когда было обнаружено несколько зданий и скальных галерей. В ходе дальнейших исследований были найдены целый склад каменных якорей, керамика с надписями Древнего царства и, наконец, фрагменты папирусов эпохи Хеопса. По содержанию найденный архив, совершенно неожиданно оказавшийся в песках пустыни между каменных блоков у входа в галереи, напоминает архивы из Абусира — это приходно-расходные ведомости чиновников морского порта. Впрочем, об этом мы знаем пока лишь по предварительным сообщениям удачливых французских археологов. Раскопки и открытия в этом регионе продолжаются.

Таковы основные открытия в области египетской археологии с древнейших времен до конца III тыс. до н. э., рассказ о которых может послужить своеобразным дополнением к книге Ж. Веркуттера. Разумеется, археологические открытия времен Среднего и Нового царств, которым посвящен следующий том многотомного издания «Египет и долина Нила», более масштабны и заслуживают отдельного обзора. Обе книги должны стать основой серии монографий по истории Египта в подробном изложении. В перспективе серию предполагается продолжить изданием русского перевода труда английского египтолога Кеннета А. Китчена «III Переходный период в Египте» и многими другими. Можно надеяться, что со временем русский читатель получит много томную историю Египта.

В своем выборе издатели серии руководствуются новизной тем для читателя, высоким авторитетом авторов книг, качеством и объемом научной продукции.

Разумеется, мы вовсе не планируем на этом останавливаться. Со временем предполагается публикация не только новых фундаментальных трудов, ориентированных на студентов и всех интересующихся историей Египта, но и специальных исследований разных сторон жизни этого древнего государства.

И. В. Богданов, А. А. Ильин-Томич

³⁸ *Abd el-Raziq M., Castel G., Tallet P., Fluzin Ph.* Ayn Soukhna II. Les ateliers métallurgiques du Moyen Empire, Le Caire, 2011; *Abd el-Raziq M., Castel G., Tallet P., Marouard G.* The Pharaonic Site of Ayn Soukhna in the Gulf of Suez: 2001–2009 Progress Report // *The Red Sea in Pharaonic Times. Recent Discoveries along the Red Sea Coast* / ed. by Pierre Tallet and El-Sayed Mahfouz. Proceedings of the Colloquium held in Cairo / Ayn Soukhna 11th–12th January 2009. Le Caire, 2012, 3–20.

³⁹ *Tallet P., Marouard G., Laisney D.* Un port de la IVe dynastie au Ouadi el-Jarf (Mer Rouge) // *BIFAO*. T. 112, 2012, 399–446.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мы, цивилизации, знаем теперь, что смертны», — писал Поль Валери накануне Первой мировой войны. Какой историк не подписался бы под этой мыслью? Что осталось теперь вне стен музеев от этрусков, от кельтов, от шумеров или Хараппы? Мы часто и много думаем об упадке и исчезновении великих цивилизаций, но очень мало — о том, как они родились, и о том, как мало-помалу они развивали свой особый характер. Благодаря ему мы с первого взгляда отличаем, например, месопотамский, перуанский или китайский предмет от похожего египетского, греческого или римского. И даже неопытный взгляд вряд ли спутает египетскую статую саисской эпохи с архаической греческой статуей эфеба, хотя они и почти современны друг другу.

Оригинальность цивилизации фараонов, столь замечательная, восходит к самой глубочайшей древности. Ее существенные черты начали появляться уже с IV тысячелетия, около 3500 года до н. э., но уже в эту отдаленную эпоху они были результатом длительного местного развития.

Данный том «Истории Египта и долины Нила» — первый из трех, которые будут посвящены этому региону в античности, — расскажет о долгом периоде развития, в ходе которого рыбаки, охотники и собиратели, бродившие по северо-восточному краю Африки, стали строите-

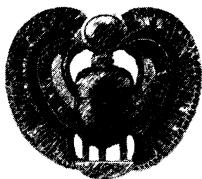
лями пирамид Гизе и скульпторами, создавшими статуи Хефрена и Микерина, которыми мы можем восхищаться в музее Каира.

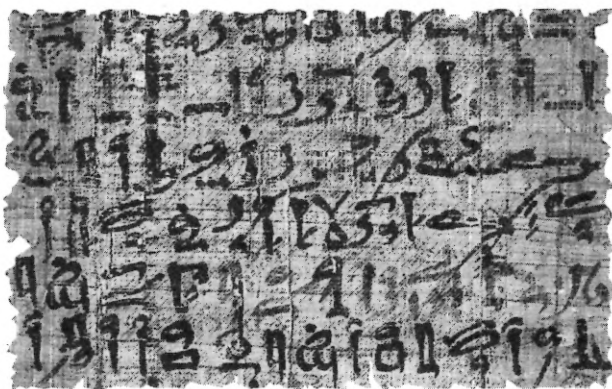
Уже примерно двадцать лет в ходе кампании по охранительным раскопкам памятников и поселений Нубии, развернутой ЮНЕСКО в 1960 году, самое отдаленное прошлое долины Нила стало предметом междисциплинарных исследований, результатом которых стало множество публикаций. Представления, которые были у нас до 1960 года, изменились. Нильская Африка, которая до этого казалась далекой и почти неразличимой на фоне Нижней Нубии, приняла более отчетливый вид и проявилась таким образом, что уже невозможно говорить об истории и доистории фараоновского Египта, не включая сюда историю долины Нила в целом — от VI порога на юге до Средиземного моря на севере.

Исследования на местах, раскопки и изыскания, произведенные с 1960 по 1990 год, поставили под вопрос все, что, как казалось, мы знали раньше. Именно поэтому название «Египет» в «Clio» 1962 года теперь изменено на «Египет и долина Нила».

Несмотря на определенный прогресс в наших знаниях, мы еще далеки от того, чтобы выйти из области гипотез. Причиной этому преимущественно неравномерность наших сведений: парадоксальным образом, мы знаем лучше доисторию и протоисторию Долины между Асуаном в Египте и Вади Хальфа в Судане, чем самого Египта, и прежде всего Дельты в IV и III тысячелетиях до н. э. С другой стороны, Западная или Ливийская пустыня, часть Сахары, только начала изучаться — все еще недостаточно, — в то время, как Аравийская пустыня на востоке остается очень мало известной, если не сказать — девственной с археологической точки зрения, как в Судане, так и в самом Египте.

Нужно ли ждать новых исследований, более полной информации, чтобы обобщить данные, которые уже имеются? Мы так не думаем: понадобятся десятилетия исследований в долине Нила и на подступах к ней, чтобы заполнить оставшиеся пробелы. То, что мы можем увидеть на сегодняшний день, открывает такие новые перспективы в постижении древней истории Африки, что представляется необходимым подвести итоги на настоящий момент, хотя бы и только для того, чтобы предложить рабочие гипотезы.

Глава I ЕГИПТОЛОГИЯ – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

РОЖДЕНИЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Египтология — наука относительно новая. Еще чуть больше полутора столетий назад люди знали только тот Древний Египет, о котором нам рассказали писатели Древней Греции и Рима, такие как Геродот, современник последних лет фараоновского Египта, только что утратившего свободу, или Эратосфен, Страбон, Диодор Сицилийский, Тацит; они жили в завоеванном Египте или посещали его, когда там еще сохранялся тот же образ жизни, что и при фараонах-египтянах.

Эти значимые источники были включены в хронологические рамки, разработанные Отцами Церкви, а те сами заимствовали материал из «Истории Египта» (*Aegyptiaca*) — впоследствии утраченного капитального труда эллинизованного египтянина Манефона. К этим основным источникам следует прибавить Библию, ибо история еврейского народа нередко близко соприкасалась с историей Египта эпохи упадка.

Какими бы важными ни были все эти источники, это не отменяло одного существенного факта: историки не могли прибегать к подлинным египетским источникам. Фактически тексты, которые покрывали стены все еще стоявших

памятников, так же как и те, что содержались во многочисленных папирусах, попавших в Европу, стали мертвыми письменами с тех пор, как в IV веке н. э. по указу императора Феодосия были закрыты египетские храмы. С того самого времени рассеялись последние жрецы, которые еще читали и писали на египетском языке фараонов, и закрылись школы писцов, откуда их набирали. Египетский язык, записывавшийся иероглифическим, иератическим или демотическим письмом, мало-помалу стал непонятным; забыли даже, что его непосредственным продолжением является коптский.

С конца XVII века и в течение XVIII просвещенные или любопытные европейцы активно интересовались Египтом; они там жили или надолго оставались в стране. Среди них можно назвать Бенуа де Майе, о. Сикара, Нордена, Покока, Савари, Вольнея. Тем не менее, именно трудам ученых, принимавших участие во французской экспедиции в Египет в 1798 году, суждено было стать настоящим новым открытием фараоновского Египта.

Сегодня трудно даже представить себе ту «египтоманию», которая подспудно ощущалась уже со второй половины XVIII века, а с завоеванием Египта французской революционной армией охватила Европу и Америку¹. Именно ей мы обязаны великим открытием — расшифровкой иероглифов.

РАСШИФРОВКА ИЕРОГЛИФОВ 1798–1822

Уже в «Путешествии в Нижний и Верхний Египет», опубликованном в 1802 году² и тут же переведенном на английский и немецкий языки, Виван Денон дает хорошие примеры рисуночного письма (то есть иероглифов). До того, как в 1822 году появилось «Описание Египта», коллективный труд ученых Экспедиции, это была «первая систематическая работа, посвященная Египту»³ во всех аспектах: история, естественная история, география, экономика, точные науки, техника; к этому труду нередко приходится обращаться и сегодня.

Это письмо, которое тогда было открыто заново в его точной форме, заинтересовало интеллектуалов, среди которых были англичанин Томас Янг, швед Окерблад, фран-

¹ Cp. *Carrot R. G. The Egyptian Revival. Its sources, monuments, and meaning, 1808–1858. Berkeley — Los Angeles, University of California Press, 1978.* Эта работа, посвященная в основном влиянию искусства фараонов на архитектуру Северной Америки в первой половине XIX века, содержит также примеры, предшествовавшие французской Экспедиции в Египет, и в ней нередко упоминаются и здания Европы, Южной Африки и Тасмании. Cp. также *Hubert J.-M. L'égyptomanie dans l'art occidental. Paris, 1989.*

² *Vivant Denon D. Voyage dans la Basse- et la Haute-Egypte. Paris, 1802, pl. 96, 97, 113, 114, 117, 123, 124, 128, 132, 137, 138.* Зачастую иероглифы в этой книге являются плодом фантазии автора, но иногда они очень хорошо скопированы (ср. среди прочих рис. 138, текст, посвященный жрецу Амона, сыну Шешонка, великого жреца Амона). Можно отметить точные образцы иератических текстов на рис. 125, 136 и 138. Книга выдержала множество переизданий и переводов, см.: *Goby J. E. Les Quarante éditions (...) du Voyage... de Vivant Denon, CHE, 56, 290–316.*

³ *Sauneron S. L'égyptologie. Paris, PUF, 1968, p. 11.*

цуз Сильвестр де Саси. Если честь открытия принципа иероглифического письма и принадлежит Жану-Франсуа Шампольону, который первым действительно прочел древнеегипетские тексты, не следует недооценивать и труд его соперников хотя бы за то соперничество, которое он вызвал. Шампольон день за днем следил за исследованиями своих коллег и извлек из них пользу.

В основном расшифровка опиралась на один-единственный документ: трехязычный текст, обнаруженный в 1799 году близ города Розетта одним французским офицером. Важность «Розеттского камня», как называли этот документ, немедленно была признана учеными Экспедиции. Это — стела из черного гранита, на которой были высечены три текста разным письмом; из них один, греческий, был декретом царя из династии Лагидов — Птолемея Эпифана. Французские ученые тут же предположили, что греческий текст должен быть переводом двух других; верхний, иероглифический, к несчастью, был сильно поврежден, а средний, почти полный, своим курсивным письмом чем-то напоминал арабский; предположили, что это то самое письмо, которое в III веке н. э. Климент Александрийский назвал *демотическим*.

Таким образом, в руки ученых попал драгоценнейший документ: в нем «открытым текстом» переводилось то, что нужно было расшифровывать. Потенциально Розеттский камень содержал ключ к египетским письменностям — как иероглифической, так и демотической. Это казалось настолько очевидным, что еще до точной репродукции Розеттского камня на иллюстрациях к «Описанию Египта» (Pl. Vol. V, pl. 52–54) между 1799 и 1822 годами с него были сделаны многочисленные копии. Именно на этих копиях основывались первые попытки расшифровки.

Иногда удивляются тому, что понадобилось более двадцати лет, чтобы добиться расшифровки египетских версий греческого текста, который было легко прочесть. Эта медлительность по большей части объясняется ошибкой, которая восходила еще к V веку н. э., когда Хораполлон Старший, египтянин из Верхнего Египта, сочинил свою «Иероглифику» (*Hieroglyphica*); она, вероятно, была написана на коптском, но известен только ее греческий перевод. Несмотря на то, что Хораполлону было известно точное значение некоторых иероглифических знаков, он фактически приписывал им всем символическое значение. Так, знак, изображавший *утку*, обозначал для него «сына» (и это верно) «по причине той пылкой любви, которую сие пернатое питает к своему потомству»; точно так же *заяц* служил для написания слова «открывать» (перевод верен), «потому что глаза этого животного всегда остаются открытыми».

Начиная с Хораполлона, а может быть, еще и по вине Плутарха, который в своем трактате «Об Исиде и Осирисе» сравнивал иероглифическое письмо с афоризмами пифагорейцев, все были твердо уверены, что это письмо было символическим и что все знаки были идеографическими, а не фонетическими. Выдающийся ученый XVII века, священник-иезуит Афанасий Кирхер, следуя Хораполлону и Плутарху, перевел несколько знаков, которыми было записано имя фараона Априя, скопированных с обелиска в Риме, таким образом: «Благодаяния Осириса должны быть достигаемы посредством священных церемоний и цепи (*sic*) Гениев, дабы были получены благодаяния Нила»⁴. На самом деле имя фараона было написано только пятью знаками, которые

⁴ Sottas H. et Drioton E. Introduction à l'étude des hieroglyphes. Paris, 1922, p. 35.

читаются как *H^{cc}-ib-R^c* (Хааибра), из которого греки сделали *Ατρίεϛ*, что означает «тот, кто радуется сердцу Ра».

Фундаментальная ошибка отца Кирхера была тем более странной, что именно ему мы обязаны первыми серьезными исследованиями коптского языка и что в своей основной работе под названием *Prodromus Coptus sive Aegyptiacus*, опубликованной в 1636 году, именно он показал, что коптский — это и есть древний, египетский язык фараонов, записанный греческими буквами. Он мог бы задаться вопросом, не служили ли для записи того же языка иероглифы с фонетическим значением — точно так же, как греческие буквы использовались для записи коптского.

Труд Кирхера укрепил всеобщее убеждение в чисто символическом характере иероглифической письменности. К этой ошибочной концепции добавился еще и тот факт, что иероглифический вариант на Розеттском камне оказался неполным: это заставило первых дешифровщиков заняться в первую очередь почти полным демотическим текстом, который (как им казалось) должен был быть написан фонетическими знаками, как в коптском.

Например, Окербладу, которому Сильвестр де Саси передал копию Розеттского камня, удалось почти за два месяца обнаружить все личные имена из декрета в демотическом тексте посредством простого сравнения с тем, как они расположены в греческом варианте. Он правильно переписал их коптскими буквами. Затем он прочел слово «храм», прилагательное «ионийский» (= греческий), а также местоимение-суффикс, обозначающее «ему» и «его», придав определенным демотическим знакам фонетические значения, взятые из коптского, который он хорошо знал. Несмотря на свои первые успехи (а может быть, наоборот, из-за них), Окерблад не смог пойти дальше. Оказалось, что личные имена и те несколько слов, которые он сумел правильно прочесть, случайно были написаны алфавитом. Поэтому он пришел к ошибочному выводу, что алфавитным был *весь* текст, и это привело его к целому ряду ошибочных прочтений. Тем не менее «Письмо к месье де Саси», опубликованное в 1802 году — спустя почти три года после находки Розеттского камня — в котором содержались полученные им результаты, осталось важным шагом к расшифровке.

Томас Янг, со своей стороны, с интересом следил за исследованиями Окерבלада. Он очень быстро заметил, что в демотическом тексте гораздо больше *знаков*, чем в тексте греческом, и, следовательно, невозможно, чтобы все эти знаки были алфавитными. С другой стороны, он решил (и вполне справедливо), что иероглифическая и демотическая системы письма, хотя и выглядят по-разному, должны быть близки друг к другу, поскольку они служили для записи одного и того же языка. Наконец, заметив, что в греческой версии некоторые слова часто повторяются, он отыскал эти слова в демотической версии и, таким образом, смог различить в этом варианте 86 групп, соответствующих греческим словам. Большая часть этих сближений оказалась правильной, но когда Янг захотел определить фонетическое значение знаков, составлявших каждую группу, он ошибся. Точно так же, хотя он и открыл, что имена монархов заключены в прямоугольник с закругленными уголками (то, что мы называем «картуш»), и правильно понял, что знаки в этом тексте зачастую являются фонетическими, как и знаки в демотической версии, он не сумел извлечь пользу из своих наблюдений. Тем не менее, принятый им метод, несомненно, привел бы его к расшифровке, если бы Шампольон не добился этого раньше.

Жан-Франсуа Шампольон родился в 1790 году в Фижаке, и он был гораздо моложе тех ученых, что пытались проникнуть в тайну иероглифического письма. Мальчик-вундеркинд, в шестнадцать лет он уже знал восемь языков: арабский, еврейский, «халдейский» (арамейский), сирийский, персидский и, естественно, греческий и латинский. Он был воспитан в среде пылких «египтоманов». Его старший брат Шампольон-Фижак, который наблюдал за образованием Жана-Франсуа, тщетно пытался принять участие во французской Экспедиции в Египет; затем, в 1805-м, он стал секретарем математика Фурье, который в Экспедиции участвовал и написал длинное историческое предисловие к I тому «Описания Египта» («Древности»).

Совсем юный Жан-Франсуа дал себе обещание прочесть это странное письмо, которое он знал благодаря копии Розеттского камня, привезенной из Египта в 1802 году: ее показал мальчику его кузен, капитан де Шамполеон. Самое удивительное — то, что ему это удалось после двадцати лет непрерывных усилий. Страсть к восточным языкам не имела другой цели, кроме подготовки к расшифровке: еврейский, арамейский, сирийский давали прямой доступ к столь важным библейским источникам; то же самое можно сказать и о греческом и латинском и источниках античных.

Вместе с Кирхером Шампольон был убежден, что коптский является ни чем иным, как наиболее поздней формой фараоновского египетского языка; поэтому он уделил особое внимание его изучению; в двадцать лет он завершил составление коптско-французского словаря и подготовил его к печати. Он со страстью следил за исследованиями Окерблода и Янга, боясь, что они преуспеют раньше него. Но, как и они, он остановился перед фундаментальной проблемой: является ли иероглифическое письмо символическим или фонетическим? Вместе с Янгом он признавал, что египетский язык не может быть чисто символическим, так как знаков на Розеттском камне для этого слишком много, но само их количество предполагало, что он не может быть и чисто алфавитным, наподобие греческого.

Лишь мало-помалу, получив копии фараоновских памятников, которыми снабдили его друзья — Линан де Белльфон и прежде всего Жан-Николя Юйо, тогда бывший в Египте, — Шампольон понял истину: некоторые знаки не читаются вообще! Фактически, когда он сравнивал с Розеттским камнем новые тексты, а прежде всего — другую билингву, у него внезапно возникло чувство, что египетское письмо является *одновременно* идеографическим и фонетическим. Это означает, что некоторые идеографические знаки вообще не читаются: отсюда и множество написаний, которых оказывается тем больше, что фонетические знаки, со своей стороны, являясь слоговыми, нередко бывают омофонами и при этом сопровождаются простыми знаками алфавитного характера. Теперь у него был ключ к проблеме. Предание гласит, что в тот момент, когда Шампольона посетило на этот счет вдохновение, он якобы упал в обморок и в течение шестидесяти часов оставался без сознания. Это случилось в 1822 году.

С этого момента Шампольон снова взялся за все тексты, что были в его распоряжении, и смог выделить основные египетские фонемы, которые он мало-помалу передавал с помощью коптского. Независимо от имен царей из династии Лагидов и римских цезарей, появилось множество слов, значение которых он понял с помощью коптского языка. Теперь, поверив в себя, Шампольон и написал знаменитое «Письмо к господину Дасье, постоянному секретарю Академии надписей и изящных искусств,

касающиеся алфавита фонетических иероглифов, использовавшихся для записи имен греческих и римских монархов». Шампольон прочел его в Академии 29 сентября 1822 года⁵.

Когда Шампольон таким образом объявил о своем открытии ученому миру, то, каким бы уверенным он ни был в своей правоте, пока он транскрибировал только тексты греческой эпохи. Следовало проверить, действительно ли его расшифровки приложимы также и к текстам, созданным до эпохи Лагидов. Он немедленно занялся новыми копиями текстов, прибывшими из Египта: Шампольон смог прочесть имена таких знаменитых фараонов, как Рамсес и Тутмос, и понял также их смысл: «Ра (или Тот) породил его». Затем он исследовал и перевел все иероглифические или иератические тексты, собранные в Европе в начале века, прежде всего в Турине и Ливорно, в ходе деятельности многочисленных антиквариев, таких как Дроветти, Солт и других. В 1824 году Шампольон опубликовал «Краткое изложение иероглифической системы».

Чтобы завершить свое открытие, Шампольону оставалось только снова увидеть и изучить многочисленные памятники на месте. Нужно также было добыть доказательство, что он хорошо понимает все египетские тексты. Такова была цель его путешествия в Египет и в Нубию в 1828 и 1829 годах, в ходе которого он 1 января 1829 года смог написать в другом «Письме к Дасье»: «Теперь я горд, ибо, проследовав по течению Нила начиная с места, где он впадает в море, вплоть до второго порога, я имею право объявить Вам, что в нашем „Письме о иероглифическом алфавите“ ничего не нужно менять; наш алфавит надежен; он с равным успехом может быть приложен сначала к памятникам времен римлян и Лагидов, а затем, — и это приобретает еще больший интерес — к надписям из всех храмов, дворцов и гробниц фараоновских эпох». Это путешествие, как удачно написали о нем, «стало истинным возвращением к темным векам; каждый памятник в свою очередь открывал Шампольону свой возраст, имя, предназначение»⁶.

Путешествие Шампольона по Нилу ознаменовало рождение египтологии, как и «Письмо к Дасье». «Памятники Египта и Нубии», а также «Описательные заметки», которые сопровождали их, стали плодом этого путешествия. Работы Шампольона с избытком доказывали, что теперь расшифровка закончена и что египетские тексты перестали быть тайной. Эти книги продолжают использоваться и в наши дни, но, к несчастью, они были опубликованы уже после кончины автора. Жан-Франсуа Шампольон умер 4 марта 1832 года, измученный болезнью и непосильным трудом, который он осуществил между 1820 и 1830 годами. Он успел прочесть только несколько курсов в Коллеж де Франс, где для него уже была создана кафедра египтологии. У него не было времени воспитать учеников, но работы Шампольона, его «Грамматика» и «Словарь», опубликованные уже после смерти, помогли подготовить первое поколение египтологов.

⁵ «Письмо к Дасье» (*Lettre à Dacier*) было переиздано с комментарием J.-C. Goyon, Fontfroide, Bibliothèque artistique et littéraire, 1989.

⁶ S. Sauneron, l.c. (p. 2, n. 3 ниже), p. 15.

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ И РАСКОПКИ 1815–1850

Расшифровка иероглифического письма была для Египта не единственным следствием французской Экспедиции и последовавшей за ней египтомании.

После ухода французов Египет Мухаммеда Али постепенно стал открываться Западу. С 1815 года он стал поистине теплым местечком для всевозможных авантюристов, грабивших — это отнюдь не слишком сильное выражение — египетские древности и обогащавшихся, продавая «коллекции», которые из них составляли⁷. Они предпринимали раскопки, дозволенные «фирманом», который всегда охотно давал египетский паша. Фирман позволял этим людям вести раскопки, вывозить свои находки и в то же время нанимать рабочих, необходимых для того, чтобы расчищать и перевозить обнаруженные ими памятники. Кроме того, они приобретали вещи, которые находили крестьяне — амулеты, скарабеев, драгоценности, папирусы, и таким образом поощряли подпольные раскопки. Именно тогда были разграблены многочисленные гробницы, в которых находился погребальный инвентарь, необходимый для загробной жизни, как ее понимали древние египтяне.

В этом страстном поиске египетских древностей наиболее заинтересованными лицами оказались генеральные консулы или консульские агенты великих держав, которые играли первые роли благодаря тому авторитету, которым они пользовались у Мухаммеда Али и египетских чиновников в силу своей должности. В первую очередь здесь следует упомянуть француза Б. Дроветти и англичанина Г. Солта, которые оба использовали отряды вербовщиков, объезжая провинцию (прежде всего Верхний Египет) в поисках древностей.

Бернардино Дроветти, итальянец из Ливорно, принявший французское гражданство, участвовал в египетской кампании в чине полковника. После отступления армии он остался в Египте, где Наполеон назначил его генеральным консулом Франции; Дроветти оставался в этой должности в течение всего периода Империи, потом снова — во время Реставрации, с 1820 по 1829. Его основным агентом был Ж.-Ж. Рифо, марсельский скульптор, которому было суждено провести в Египте более сорока лет. С помощью Рифо и еще нескольких человек Дроветти успешно собрал три большие коллекции. Первая была предложена Людовiku XVIII, который считал ее слишком дорогой: в 1824-м она была куплена королем Сардинии и теперь составляет египетский фонд музея в Турине. По совету Шампольона, вторая коллекция в 1829 году была приобретена Карлом X: она находится в музее Лувра. Наконец, третья была куплена Пруссией по совету Лепсиуса и хранится в музее в Берлине. В этих трех коллекциях содержалось большое число исключительно интересных предметов и памятников — как с художественной, так и исторической точки зрения.

Генри Солт, художник по образованию, занимал пост генерального консула Англии в Каире с 1816 по 1827 год. Он использовал особенно активных и образованных агентов, таких как итальянцы — Бельцони, «титан из Падуи», первый европеец, проникший

⁷ См. *Brian M. Fagan. The Rape of the Nile. Tomb Robbers, Tourists and Archaeologists in Egypt.* London, 1978; *Vercoutter J. A la recherche de l'Égypte oubliée.* Paris, 1986. P. 54–85.

в храм Абу-Симбел, и Лаворатори, а также Я. Атаназии, грека по происхождению. Как и Дроветти, Солт собрал несколько коллекций. Первая была куплена в 1818 году Британским музеем, который, чтобы сбить цену, исключил из нее прекраснейший саркофаг Сети I, который Бельцони только что открыл в гробнице этого фараона. Этот саркофаг, купленный архитектором и коллекционером Джоном Соаном, теперь находится в музее Соана в Лондоне. Вторую коллекцию Солта купил в 1824 году Карл X для Лувра по совету Шампольона, который смог увидеть ее, проезжая через Ливорно, где она ждала, когда ее предложат Британскому музею. Третья коллекция была рассеяна в ходе публичного аукциона в Лондоне в 1835 году после смерти Солта.

Франция и Англия не были единственными державами, которые интересовались египетскими древностями. Упомянем лишь следующих деятелей: *Г. Анастаси*, генерального консула Швеции: он также держал агентов, «исследовавших» Саккару и Фивы; его коллекции, особенно богатые папирусами, рассеялись одна за другой — в 1828 году в Голландии, в 1839-м — в Лондоне и, наконец — в 1857-м в Париже. *Г. де Ниццолли*, канцлер генерального консульства Австрии, также составил несколько коллекций, которые были приобретены: первая — музеем Вены, вторая — Флоренцией, третья — Болоньей.

После отъезда Дроветти и смерти Солта «консульская» традиция сохранялась. *Ж.-Ф. Мимо*, наследник Дроветти, который договорился с Мухаммедом Али о передаче в дар Луксорского обелиска (сейчас в Париже), также собрал коллекцию; после его кончины она была продана в Париже; среди прочего там была «Таблица царей», купленная Британским музеем. Наследовавший Солту *Дж. Баркер* скопил немало важную коллекцию, также распроданную в Лондоне в 1833 году.

Следуя по стопам консулов, их агенты действовали и от своего собственного имени: *д'Атанаси* собрал коллекцию, где было множество значительных папирусов: она была распродана с аукциона в 1837 году; то же случилось и собранием *Лаворатори*, проданным в Лондоне в 1833-м; *Рифо*, со своей стороны, продал памятники разным музеям, прежде всего Мюнхенскому.

С 1815 по 1835 год, в то время как консулы и их сеиды собирали большие коллекции, другие коллекции были сформированы коммерсантами, предпринимателями и прочими деятелями: одних призвал в Египет Мухаммед Али, других привлекло экономическое развитие страны. К этим коллекционерам, проживавшим в Египте, прибавились просто удачливые путешественники, которые воспользовались свободой торговли и изобилием древностей в Египте, а также тем, с каким безразличием к ним относились власти страны.

Наиболее важными из этих коллекций были коллекции: врача *Г. Эббота*, проданная после его кончины в Нью-Йорке, теперь большая часть — в Бруклинском музее; *Дж. Бертон*а, где находился знаменитый папирус Небсени; коллекция *Кастильоне*, приобретенная Россией и хранящаяся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге (Ленинград); *Кло-бея*, французского врача (куплена музеями Лувра и Марселя); *Э. К. Харриса*, александрийского коммерсанта, приобретенная у его наследников Британским музеем — среди прочего в ней содержались и папирусы Харриса, магический и папирус о грабителях гробниц; *Р. Хэя*, художника (часть в музее Бостона); *Жюмеля*, французского предпринимателя, который открыл гробницу Бакенренефа в Саккаре; австрийского генерала *Коллера* и прусского генерала *Минуттоли*; *Г. Пассалакуа*; австрийского князя

Райнера; шотландца Э. Г. Ринда; Перси, лорда Прадоу, собравшего более 2000 предметов; и наконец, антиквара Дж. Сэмса⁸.

Присс д'Авенн — случай особый. Мы обязаны ему «Таблицей предков», которую он обнаружил, демонтировал и переслал во Францию (точно так же, как и папирус, который носит его имя, — один из наиболее важных дошедших до нас египетских текстов), — и не только как коллекционеру, хотя и в этом случае его имя заслуживало бы упоминания, но и потому, что его публикации ставят д'Авенна рядом с пионерами египтологии, такими как его современники Лепсиус или Мариетт.

Чтобы перечень проведенных с 1814 по 1850 год раскопок и собранных в то время коллекций был полным, следует упомянуть о двух экспедициях, основной целью которых было составить список монументов, которые еще можно было увидеть в Египте и в Нубии, и обнаружить на них тексты и изобразительные сцены; но, помимо этого, они занимались раскопками и собирали коллекции предметов и памятников.

Первой по времени среди этих экспедиций стала Франко-тосканская миссия Ж.-Ф. Шампольона (см. выше, с. 28) и И. Розеллини. Эта экспедиция работала с августа 1828 до ноября 1829 года и ее результаты были опубликованы Розеллини в его «Монументах Египта и Нубии» (*I Monumenti dell'Egitto e della Nubia*, 1832–1840) и (посмертно) Шампольоном в «Памятниках Египта и Нубии» (*Monuments de l'Egypte et de la Nubie*), сопровождавшихся «Описательными заметками» (*Notices descriptives*). Помимо сбора важной документации, как эпиграфической, так и иконографической, экспедиция также предпринимала раскопки, прежде всего в Фивах, и составила коллекции, которые Шампольон смог передать в Лувр; там, среди прочих памятников, фигурировали барельеф Сети I и богини Хатор, бронзовая статуэтка Каромамы и большой базальтовый саркофаг Тахо.

Второй экспедицией стала Миссия в Египет и Нубию под руководством К. Лепсиуса и под покровительством короля Пруссии. Собранные данные появились в 1859 году в 12 больших томах «Памятники из Египта и Нубии» (*Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien*), дополненных после кончины Лепсиуса пятью томами «Текстов». Эта работа и сегодня составляет одну из основ египтологии. Как и Франко-тосканская миссия, прусская экспедиция предпринимала раскопки, как в Нубии, так и в Египте; найденные предметы переслали в музей Берлина, где они дополнили коллекции Дроветти и Пассалакуа: последняя попала в музей в 1826 году после того, как ее отвергло французское правительство.

Конечно, можно посоветовать на то, что тогда, в начале XIX века, у Египта отняли тысячи предметов и памятников. Следует, однако, заметить, что такой грабеж египетских древностей творился не только в XIX веке.

Уже во времена фараонов, четыре тысячи лет назад, даже царские гробницы грабили сами египтяне; об этом рассказывают нам древние тексты. Во время римской оккупации Египта императоры не стеснялись увозить статуи и обелиски, чтобы украсить Рим или свои собственные виллы, а византийцы следовали их примеру. Христиане первых веков новой эры уродовали статуи, росписи гробниц и барельефы храмов. Церкви, а потом и мечети строились из камней фараоновских построек.

⁸ Можно было бы назвать и другие имена; их можно найти в: Dawson W. R., Uphill E. P. Who was who in Egyptology, 2nd ed. London, 1972.

Наконец, в то самое время, когда свирепствовали всякие дроветти и солты, сами египтяне уничтожали памятники, которые простояли века, чтобы строить казармы, склады или фабрики.

В записке, адресованной Мухаммеду Али в 1829 году⁹, Шампольон мог перечислить *четырнадцать* целых зданий, которые исчезли между 1814 и 1829 годами. С горечью он отмечал в одном из своих писем¹⁰, что на острове Элефантина «...два храма были полностью разрушены, чтобы построить казарму и склады в Сиене» (Асуан). Ученые Экспедиции еще могли видеть эти здания нетронутыми. Несколько лет спустя Присс д'Авенну едва хватило времени, чтобы зарисовать барельеф Эхнатона в храме Карнак перед тем, как ремесленники взорвали этот блок... чтобы извлечь из него селитру!

Кто мог бы сказать, сколько известняковых статуй и барельефов исчезли в печах для обжига извести? По сравнению с этим бессмысленным уничтожением, «коллекционеры» XIX века могут, по крайней мере, поставить себе в заслугу то, что они спасали памятники и делали их доступными для всех в музеях.

МАРИЕТТ И СЛУЖБА ДРЕВНОСТЕЙ ЕГИПТА

В 1829 году, в своей «Записке, переданной вице-королю по поводу сохранения памятников Египта» (*Note, remise au vice-roi pour la conservation des monuments de l'Egypte*), Шампольон, перечислив храмы и памятники, исчезнувшие после посещения ученых французской Экспедиции 1798 года, требовал у Мухаммеда Али: «...дабы не уносили ни под каким предлогом никакого камня или кирпича, будь то украшенного скульптурой или не украшенного, из древних построек и памятников, существующих в следующих местах как в *Egypte*, так и в *Nubie*» (следовал список из 43 памятников). К этому он добавил: «Древние памятники, высеченные и вырубленные в горах, столь же важно сохранить, как и те, что построены из камня», так как, писал ученый, перечислив основные места их расположения, «именно на памятниках такого рода ежедневно имеют место самые большие опустошения (...) украшенные скульптурой или живописью гроты, которые обнаруживают ежедневно... практически уничтожаются почти сразу после открытия из-за невежества и жадности раскопщиков и их служителей». Шампольон приходит к следующему выводу: «В итоге вполне понятные интересы науки требуют не прекращения раскопок... но подчинения тех, кто ведет их, определенным правилам, таким как полное обеспечение и гарантия сохранности открытых на сегодняшний день и в будущем гробниц против покушений невежества или слепой жадности»¹¹. Понадобилось еще тридцать лет, чтобы призыв Шампольона был услышан.

Горячий призыв Шампольона фактически не имел никаких непосредственных последствий. Разграбление древностей продолжалось, как раньше: в 1834 году итальянец *Ферлини* раскопал и разграбил пирамиды Мерое; антиквар *С. Фернандес* исследовал

⁹ *Champollion le Jeune. Lettres écrites d'Egypte et de Nubie*. Paris, 1833, 454 et s.

¹⁰ *Id.*, *ibid.*, 171.

¹¹ J.-F. Champollion, *l.c.* (n. 1, p. 11 ci-dessus), 454, 461.

Саккару с 1830 по 1860 годы; в 1844 г. *лорд Гренвилль* составил коллекцию, которая будет распродана в 1926-м; *Дж. Малькольм* сделал то же самое в 1830 году. Когда в 1850 году булонец *Огюст Мариетт* уехал в Египет, он не скрывал своих целей — приобрести коптские и сирийские рукописи для музея Лувра. Поскольку желанных рукописей купить не удалось, он решил копать в Саккаре, пытаясь найти Серапеум, который тщетно пытались отыскать ученые египетской Экспедиции. Эти изыскания соответствовали второй цели официально доверенной ему миссии.

Необычным было то, что Мариетт действительно нашел Серапеум, и то, что раскопки разбудили в нем исключительные способности практика. Более того, раскопки наглядно показали египетским чиновникам все, что они теряют, позволяя антикварам, коллекционерам или черным археологам (с *фирманом* или без) делать все, что им заблагорассудится.

Раскопки Серапеума закончились в 1853 году, и поставленная ими проблема была решена разделом обнаруженных древностей между Францией и Египтом; Мариетт вернулся во Францию и снова занял свой пост в музее Лувра. Но у него появился вкус к полевой работе, и отныне он хотел только одного: вернуться в Египет. С того самого времени он задумал создание службы, которая положила бы конец грабежу и разрушению древностей Египта — службы, которую он мечтал возглавить. И ему представился такой случай благодаря Фердинанду де Лессепсу, с которым он был связан и который сам дружил с хедивом Саидом-пашой.

Принц Наполеон, троюродный брат Наполеона III, запланировал официальную поездку в Египет, а Саид-паша пожелал, по обычаю того времени, презентовать ему коллекцию древностей. Лессепс предложил Саиду-паше поручить Мариетту выбор предметов и памятников, которые можно было предложить принцу. С этой целью Мариетт опять вернулся в Египет. Принц не приехал. Однако в результате нового вмешательства Лессепса при поддержке принца Наполеона, 4 июля 1858 года Саид-паша назначил Мариетта «Начальником египетских древностей» с рангом *маамура* (что-то вроде супрефекта). Он облек Мариетта властью над всеми провинциальными администраторами с тем, чтобы защитить памятники, запретить их уничтожение, помешать незаконным раскопкам. Чтобы облегчить ему выполнение этой задачи, паша предоставил в его распоряжение пароход, дававший ему быстрый и легкий доступ ко всем местам раскопок, которые по большей частью находились вблизи реки. Более того, Мариетту было предоставлено право реквизировать необходимую рабочую силу, чтобы раскапывать или демонтировать памятники, и наконец, ему дали заброшенное помещение в Булаке близ Каира для складирования и хранения тех памятников, которые можно было перевозить.

Мариетт быстро нашел себе в помощь нескольких французских специалистов, а также дюжину египетских чиновников, не считая бригадиров (*раисов*), чтобы руководить рабочими, набранными по наряду. Это был зародыш *Службы древностей*, которая сегодня превратилась в *Организацию древностей Египта*, хотя во времена Мариетта эта служба не обладала ни уставом, ни официальным названием. Все основывалось, с одной стороны, на доброй воле хедива, и с другой стороны — и прежде всего — на личной активности Мариетта и авторитете, который он сумел приобрести, а авторитет этот был огромен. Тем не менее нередко он должен был лично обращаться к хедиву, чтобы защищать интересы свои и древностей, оказавшихся в опасности.

Фактически полномочия, которые были ему доверены, стесняли множество людей: *мудиров* (префектов), которые больше не могли использовать по своей воле египетские памятники как каменные карьеры для нужд их провинций; торговцев древностями, которым мешали копать и грабить, как они хотели; наконец, крестьян, которые отныне рисковали оказаться в тюрьме, если они продолжали грабить гробницы.

С 1858 по 1881 год (дата его смерти), с несколькими небольшими перерывами из-за болезни или временных трудностей с наследниками Саид-паши, археологическая деятельность Мариетта была значительной. Как в Египте, так и в Нубии не было такого крупного объекта для раскопок, в судьбу которого он не вмешался бы, чтобы защитить, расчистить, раскопать или просто, как в Гебель Баркале, унести те памятники, которые можно было перевозить и укрыть их в Булаке, где мало-помалу образовывался музей, ставший после его кончины Каирским музеем.

Тем, чем стал Шампольон в расшифровке иероглифов и рождении эпиграфики и египетской филологии, был Мариетт в египетской археологии, основы которой он заложил.

Конечно, методы раскопок во второй половине XIX века не имели ничего общего с тем, что мы знаем сегодня. С другой стороны, ошибки прошлого не прекратились сразу и немедленно после 1858 года. Хедив иногда продолжал считать древности Египта своей личной собственностью и дарить их своим гостям. И прежде всего деятельность торговцев древностями, поскольку она не была запрещена четко и недвусмысленно, все продолжалась, поощряя таким образом подпольные раскопки. Некоторые из этих купцов, такие как греки *Тано* и *Тадорос* (Теодорос) или австриец *Т. Граф* и американец *Эдвин Смит*, помогали таким путешественникам, как *У. Ф. Худ* и *Ф. Г. Прайс*, *Р. Т. Лидер* и *Г. Посно*, собирать коллекции, которые, хотя и не были так важны как те, что собирали раньше, тем не менее, были значительны прежде всего в том, что касается папирусов. С другой стороны, некоторые консулы сохранили (хотя, по правде говоря, в значительно уменьшенных масштабах) традиции Дроветти и Солта: среди них были генеральный консул Великобритании Эдвард Стэнтон и, как ни странно, французский консул *Раймон Сабатье*, покровитель Мариетта, который с разрешения вице-короля организовал свои собственные раскопки и составил коллекцию, которая была продана в Париже в 1890 году.

Несмотря на эти происшествия, деятельность Мариетта была эффективной, разграбление древностей уменьшилось. Памятники, прежде всего большие храмы, такие как Эдфу, были расчищены и охранялись. Наиболее важные объекты: Мемфис, Саккара, Абидос, Фивы, Танис, Дендера — были раскопаны, и результаты этих раскопок (стелы, статуи, саркофаги, предметы погребального инвентаря) были собраны в Булаке; они составляют фонды теперешнего Каирского музея.

Один случай хорошо показывает, что деятельность Мариетта была благотворительной для Египта. В ходе раскопок в *Дра Абу-н-Нага*, в фиванском некрополе, была открыта гробница царицы Яххотеп (XVIII династия). В ней были драгоценности, выставленные в египетском павильоне на Всемирной выставке в Париже в 1867 году. Их увидела императрица Евгения, и Наполеон III дал понять хедиву, что был бы очень доволен, если бы тот подарил украшения его супруге. Исмаил-паша ответил, что в том, что касается древностей, решения принимает не он, а Мариетт. Этот последний отказал, драгоценности вернулись в Каир, а Мариетт утратил покровительство императора.

Когда Мариетт умер в Булаке 19 января 1881 года, судьба «Службы», создателем которой он был, оставалась неопределенной. Оставит ли хедив место Мариетта пустовать, прервав, таким образом, начатый им труд по защите древностей — или назначит немца Генриха Бругша, которого уже предлагали на этот пост?

С 1880 года, когда стало очевидно, что кончина Мариетта не за горами, Франция решила создать в Египте постоянную Археологическую миссию по образцу Афинской школы¹². Эта «Французская школа в Каире» должна была получить задание продолжить труд Мариетта, что бы ни случилось со «Службой». Руководителем школы был избран Гастон Масперо, профессор Коллеж де Франс. Масперо и первые «ученики» новой Школы прибыли в Каир за несколько дней до смерти Мариетта. Хедив быстро принял решение назначить Масперо наследником Мариетта.

В эволюции египтологии начался новый этап.

ЕГИПТОЛОГИЯ С 1881 ПО 1931. УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ¹³

У Шампольона не было времени обучить учеников самому. Поколение, которое ему наследовало¹⁴, училось расшифровывать египетские тексты по трудам, которые оставил Учитель: «О египетском иероглифическом письме», «Грамматике» и «Словарю». В две последние работы, посмертные, автор уже не смог внести поправки.

В этом поколении египтологов на первый план вышли: во Франции — Присс д'Авенн и Эммануэль де Руже; в Германии — К. Лепсиус и Г. Бругш; в Англии — С. Берч и Дж. Г. Уилкинсон. Эти ученые, истинные пионеры египтологии, буквально «поднимали целину», и их работа была тем более ценной, что, если разграбление древностей и обеспечило возникновение коллекций, легко доступных в больших музеях Европы, оно в то же время распыляло значительное количество документов — прежде всего папирусов — по частным собраниям, где их было трудно изучать. На основании этих документов и текстов, скопированных в Египте Шампольоном, Розеллини и Лепсиусом, первые египтологи разработали грамматики (Бругш и де Руже), словари или лексиконы (Берч и Бругш), перечни фараонов, сгруппированных в хронологическом порядке (Лепсиус), сборники однотипных текстов (Бругш); они занимались религией (Бругш), историей искусства и цивилизации (Присс д'Авенн и Уилкинсон) и даже приступили к работе над текстами из Мероэ (Лепсиус и Бругш).

¹² О создании Школы в Каире и ее трудных первых годах см.: *Vercoutter J. Livre du Centenaire, MIFAO, CIV, p. VII–XV.*

¹³ Здесь упомянуты только самые существенные работы, которые отмечают основные линии развития египтологии и до сих пор находятся в общем употреблении. В старой серии «Clio»: *Les peuples de l'Orient méditerranéen, II: L'Égypte. Paris, PUF, 1962*, Э. Дриотон (E. Drioton) и Ж. Вандье (J. Vandier) дают весьма полную общую библиографию до 1961 года на с. VII–XXXIX.

¹⁴ По поводу последнего ср.: *Gardiner A. H. Egypt of the Pharaohs. Oxford, 1961, 15–16.*

Эти систематические компиляции и обобщающие работы сохранили свою ценность и в наше время — об этом свидетельствуют недавние переиздания *Thesaurus Inscriptionum Aegyptiacarum* («Тезауруса египетских надписей») Бругша или «Истории египетского искусства» Присс д'Авенна. И кроме того, они привлекли к египтологии множество исследователей, таких как Шаба, Дюмихен, Эберс, Лефевьер, Мариетт; они, в свою очередь, публиковали тексты и документы, неизвестные Шампольону или даже Лепсиусу. Таким образом, до 1881 года сформировалась значительная масса работ, послуживших основой для более строгих филологических исследований и более систематических раскопок ученых последующего поколения.

Масперо, родившийся в 1846 году, был учеником де Руже и Лефевьера, которым он наследовал на кафедре египтологии Коллеж де Франс. Его прибытие в Египет совпало с увеличением темпов развития египтологии: это ускорение было отмечено изменением методов как в раскопках, так и в образовании египтологов. Самоучкам первого поколения наследовали исследователи, в основном получившие образование в университетах, где уже появились специализированные кафедры. Прямо на месте археология разработала свои собственные правила, и методическое исследование объектов мало-помалу сменило случайные поиски предметов искусства или драгоценных документов. В этой эволюции Масперо сыграл большую роль благодаря своему филологическому образованию, с которым соединялся значительный талант администратора. Под его руководством Служба древностей Египта стала стабильной организацией, располагавшей постоянными средствами и больше не зависевшей только от доброй воли хедива, как во времена Мариетта.

Отказавшись от предоставления права на раскопки исключительно Службе древностей (это правило было установлено Мариеттом), Масперо поощрял иностранные археологические экспедиции к работе в Египете.

Наряду со Школой в Каире, английский Фонд исследования Египта (Egypt Exploration Fund), которому суждено было стать сегодняшним Обществом исследования Египта (Egypt Exploration Society), вел раскопки в Дельте, где с 1883 по 1892 год было исследовано более десятка объектов.

Швейцарский египтолог Э. Навилль (1844–1926) тогда работал с самым активным и изобретательным археологом, которого когда-либо знал Египет — Уильямом Флиндерсом Питри (1853–1942). С 1887 по 1926 Питри осуществлял руководство «Отчетом об исследованиях в Египте», штаб-квартирой которого был лондонский Университи-Колледж, где в 1892 году была создана первая английская кафедра египтологии. Именно Питри принадлежит первая попытка датировать различные культуры египетского додинастического периода по «относительным датам» (Sequence Dates, о.д.), основанным на эволюции форм и декора керамики. В течение сорока двух лет работы в Египте Питри раскопал по всей нильской долине больше 35 различных объектов, датированных от древнейшей додинастической эпохи вплоть до птолемеевского и римского времени; они затрагивали все аспекты фараоновской цивилизации, от Древнего до Позднего царства, не пропуская и *трех* переходных периодов.

В конечном счете раскопки Питри интересны не столько тем, сколько именно объектов он исследовал, сколько тем, как именно он их раскапывал и как публиковал результаты. Конечно, он еще не использовал стратиграфического метода, который сегод-

ня стал правилом, но при этом он систематически очищал *всю* почву, таким образом показывая связное целое — храмы или административные сооружения с пристройками. В гробницах для него были столь же важны предметы, с виду совершенно неинтересные, как и самые драгоценные сокровища. И прежде всего он быстро — зачастую в том же году — публиковал результаты своих раскопок. Его отчеты о раскопках, опубликованных под эгидой Британской школы археологии в Египте (British School of Archaeology in Egypt, BSA) обильно иллюстрированы как линейными рисунками, так и фотографиями, и они до сих пор остаются необходимым инструментом исследований для любого археолога, который интересуется Египтом.

По примеру Франции и Англии, Германия также создала постоянную организацию, занятую египтологией, а именно египтологическую секцию (Abteilung Kairo) Немецкого археологического института (Deutsches Archäologisches Institut) в Берлине, обосновавшуюся в Каире в 1907 году.

Благодаря объединенным усилиям Службы древностей, больших специализированных учреждений и экспедиций, организованных различными университетами (прежде всего итальянскими, американскими и австрийскими) раскопки показали до сих пор неизвестные аспекты цивилизаций, наследовавших друг другу в долине Нила: доисторический период известен благодаря *Ж. де Моргану* (1857–1924) и *Г. Юнкеру* (1877–1962), додинастический и две первые династии (Тинитская эпоха) — по раскопкам *Амелино* (1850–1915), *Путри* и *Квибелла* (1867–1935). Египетская археология получила первые сенсационные находки после раскопок Серапеума (1850). Затем последовало открытие тайника с царскими мумиями в Дейр эль-Бахри (1883), драгоценностей царевен в Дахшуре (1893), *favissa* (клада статуй)^{15*} в Карнаке (1904), гробницы Иуйи и Туيي (1905); потом были и другие находки — гробница Тутанхамона (1922), захоронение царицы Хотепахерес (1925), сокровище Лахуна (1930) и царские гробницы Таниса (1939).

На другом хронологическом пределе египетской истории развивались исследования в области коптологии, птолемеевского, римского и исламского периодов: раскопки в Бавите (1913), Александрии (1890–1906) и систематические разыскания в области греческих папирусов (Файюм, Оксиринх, Арсиноя).

Наконец, в течение периода с 1881 по 1931 год основополагающее значение приобретают публикации текстов и памятников. В 1901 году Масперо, обратившись к наиболее известным археологам, начал публикацию «Генерального каталога Каирского музея» (Catalogue général du musée du Caire): стелы, статуи, барельефы, различные предметы описаны во всех подробностях, точно воспроизведены тексты. По его примеру музеи Берлина и Вены, а потом и Британский музей полностью или частично опубликовали тексты из своих коллекций.

Когда чрезмерный подъем уровня воды у Асуанской плотины стал угрожать разрушением значительной части памятников и объектов в Нижней Нубии, Масперо доверил *Дж. Э. Райзнеру* (1867–1942) и затем *С. М. Ферсу* (1878–1931) публикацию «Археологического обзора Нубии» (Archaeological survey of Nubia, 1904–1907), в то же самое время, как тексты и барельефы храмов, которым было суждено исчезнуть

^{15*} *Favissae* или *favisae* в Древнем Риме — подземные колодцы или помещения, куда складывали вышедшие из употребления предметы культа. — *Примеч. перев.*

или которые периодически затоплялись, были полностью опубликованы в серии «Затопленные храмы Нубии» (*Temples immergés de la Nubie*, 1908–1938).

Школа в Каире, ставшая в 1898 году Французским Институтом Восточной археологии (*Institut français d'Archéologie orientale*, IFAO), не прерывая раскопок, предприняла полную публикацию больших храмов птолемеевской эпохи: *Эдфу* (с 1897 года), *Дендера* (с 1934 года), а также публиковала в «Записках французской археологической миссии» (*Mémoires de la Mission archéologique française*, MMAF, 1884), которые в 1907 году стали «Записками ФИВА» (*Mémoires d'IFAO*), или в «Библиотеке исследований» (*Bibliothèque d'Etudes*, 1908) исследования, тексты, различные памятники как фараоновской эпохи, так и греческие, коптские и исламские¹⁶. Чтобы издавать эти труды, Э. Шассина (1868–1948) даже создал в IFAO типографию, которая, располагая, помимо других, иероглифическими, греческими, коптскими, еврейскими и арабскими шрифтами, стала одной из лучших востоковедческих типографий в мире.

С 1929 года Г. Юнкер систематически публиковал в серии *GIZA* мастабы Древнего царства, окружавшие великие пирамиды, — уникальное справочное издание по текстам этого периода. «Общество исследования Египта», которое оставило Питри всю основную работу по раскопкам как таковым, с 1908 года занялось публикацией гробниц Среднего и Верхнего Египта: *Бени-Хасана*, *Эль-Берши*, *Дейр эль-Гебрави*, *Дешаши*, *Меира*, *Шейх-Саида*, *Телль эль-Амарны*; затем при сотрудничестве супругов *Нормана де Гарис Дэвиса* (1865–1941) и *Нины де Гарис Дэвис* (1881–1965) публикацией *Гробниц вельмож* в Фивах. Восточный институт Чикагского университета, постоянно обосновывшийся в Луксоре, подготовил образцовую по своим параметрам публикацию храмов (*Мединет-Абу*) и гробниц, как в Фивах (*Кенамона*, *Рехмира*), так и в Саккара (*Мерерука*).

В течение того же самого периода — 1881–1931 — начали выходить сборники исследований и различных текстов, такие как немецкие *Исследования* (*Untersuchungen*) (начиная с 1890 года), «Документы XVIII династии» (*Urkunden der XVIII. Dynastie*) Г. Штайндорфа и К. Зете; или на более частные темы — религиозные тексты (*Textes religieux*), такие, как те, которыми были покрыты саркофаги Среднего царства (П. Лако), или Книга мертвых Нового царства: ее текст и перевод были опубликованы в «Книгах о Египте и Халдее» У. Баджа (*Books on Egypt and Chaldea*, *Budge*, между 1899 и 1912), а также «Тексты пирамид» Древнего царства (К. Зете, с 1908 по 1922: перевод и обширный комментарий были опубликованы после смерти ученого).

Когда история фараоновского Египта начала вырисовываться более четко, Фл. Питри, основываясь главным образом на археологических источниках, написал «Историю Египта с древнейших царей до XVI династии» (*History of Egypt from the earliest Kings to the XVIth dynasty*); до 1917 года книга выдержала одиннадцать изданий подряд. Дж. Г. Брэстед издал «Историю Египта» (*History of Egypt*, 1908) на основе текстов, которые он опубликовал в английском переводе в пяти томах своих «Древнеегипетских документов» (*Ancient Records of Egypt (AR)*, 1906). Эд. Мейер включил Египет в свою «Историю Древнего мира» (*Geschichte des Altertums*).

О культурной истории пишет Г. Кеес в работе «Культурная история Древнего Востока» (*Kulturgeschichte des Alten Orients*, 1923) — вслед за А. Эрманом, чья «Жизнь в Древнем

¹⁶ Полный перечень публикаций IFAO до 1980 можно найти в *Livre du Centenaire* (l.c., n. 1, p. 14, выше), p. XXIX–XLVII.

Египте» (*Ägypten und ägyptisches Leben im Altertum*, 1920) была переиздана и значительно расширена в 1935 году. Именно А. Эрман выпустил первый сборник литературных текстов фараоновской эпохи «Египетская литература» (*Die Literatur der Aegypter*, 1920; английский перевод Э. М. Блэкмена: *The Literature of the Ancient Egyptians*, 1927) имел большой успех и цитировался даже чаще, чем оригинал на немецком языке.

Параллельно этим большим сериям и общим работам, которые и сегодня остаются основой любых египтологических исследований, специальные периодические издания публиковали тексты и статьи — исторические, археологические или филологические. Многие журналы возникли уже давно, такие как немецкий *Zeitschrift für ägyptische Sprache* (ZÄS, издается с 1863), французский *Recueil de Travaux* (RT) — «Собрание трудов, относящихся к египетской и ассирийской археологии и филологии», с 1870 по 1923, английские *Transactions*, потом *Proceedings of the Society for Biblical Studies* (T, потом PSBA), 1872–1918. К этим изданиям впоследствии добавились: *Revue égyptologique* (1880), *Sphinx* (1897), *Annales du Service des Antiquités* (ASAE), *Bulletin de l'Institut français du Caire* (BIFAO) (1901), *Journal of Egyptian Archaeology* (JEA) (1914), *Aegyptus* (1920), бельгийская *Chronique d'Égypte* (CdE) (1925) — мы перечислили только журналы, посвященные исключительно Египту.

Другие издания более общего характера также часто публикуют статьи по египтологии, в частности *American Journal of Semitic Language and Literature* (AJSL), *University of Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology* (AAAL), *Archiv für Orientforschung* (AOF), *Journal of Near Eastern Studies* (JNES), *Orientalistische Literaturzeitung* (OIZ), *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* (ZDMG).

Между 1881 и 1931 годами появились и грамматики, глоссарии и словари, которые постепенно заменили те, что были созданы пионерами египтологии. «Учебник египетского языка» (*Manuel de la langue égyptienne*) Лоре (*Loret*, 1859–1946) появился в 1889 году. В 1894 году вышло первое издание «Египетской грамматики» (*Aegyptische Grammatik*) А. Эрмана (*A. Erman*, 1854–1937); она была переиздана в 1911-м, и в четвертый раз — в 1928-м; переведена Брэстедом на английский в 1894 и на французский — Лескье в 1914. Вплоть до 1936 года грамматика Эрмана оставалась основой образования египтологов в области филологии. Уже в 1880-м тот же Эрман опубликовал «Граматику новоегипетского языка» (*Neuägyptische Grammatik*), которая была дополнена им для нового издания в 1933. Для птолемеевского периода Г. Юнкер в 1906 выпустил «Граматику текстов из Дендеры» (*Grammatik der Denderatexte*).

Помимо грамматик появились и новые словари. Монументальный «Словарь древнеегипетского языка» (*Wörterbuch des ägyptische Sprache, Wb*) А. Эрмана и Г. Грапова (*H. Grapow*) выпускался в Берлине с 1926 по 1950 год, однако картотека, которая легла в его основу, была доступна еще задолго до публикации. Э. Готье (*E. Gauthier*, 1877–1950) выпустил последовательно «Книгу царей Египта» (*Le livre des rois d'Égypte, LdR*, 1907–1917) в пяти томах, а с 1925 по 1931 — пять томов «Словаря географических названий» (*Dictionnaire des noms géographiques, DNG*), содержащихся в иероглифических текстах.

Изобилие всевозможных публикаций по Древнему Египту вызвало появление в 1925 году первой египтологической библиографии: «Древний Египет: Источники информации в Нью-Йоркской публичной библиотеке» (*Ancient Egypt. Sources of Information in the New York Public Library*) — работа, в которой Ида Прэтт (*Ida Pratt*)

перечислила все публикации и статьи по тематическому принципу с указателем по именам авторов, чтобы облегчить пользование книгой; за этой библиографией последовало дополнение (1942), где перечислялись новые приобретения этой крупнейшей Нью-Йоркской библиотеки между 1925 и 1941 годами.

В 1927 году в Оксфорде вышел первый из семи томов «Топографической библиографии древнеегипетских текстов, рельефов и изображений» (*Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Texts, Reliefs and Paintings*) Берты Портер и Розалинд Л. Б. Мосс (*B. Porter, R. L. B. Moss, PM*): она охватывает нильскую долину в Египте и Нубии и соседние пустыни, а также другие страны помимо Египта и Судана, где были найдены древности фараоновской эпохи. Новое издание этого фундаментального труда выходит с 1960 года.

Также с 1881 по 1931 год выпускались справочные издания: каталоги коллекций, отчеты о раскопках, публикации различных памятников, истории, грамматики, глоссарии, словари, которые и сегодня остаются необходимыми для любого египтологического исследования.

ЕГИПТОЛОГИЯ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

С 1931 года египтология продолжала развиваться, несмотря на некоторое снижение темпа работ во время Второй мировой войны 1939–1945 годов. Среди египтологов, прежде всего в англосаксонском мире, развилась специализация: появились филологи, издатели текстов и историки — с одной стороны, археологи и участники раскопок — с другой.

Регулярно продолжали выходить периодические издания; некоторые из них пережили лишь краткий перерыв во время наибольшего обострения на театре военных действий. Новые журналы и сборники специализированных или общих трудов выходили с 1950 года, и их число так возросло, что для исследователя становится все более и более затруднительным приобретать и читать все, что публикуется за год. К большой удаче для нас, библиографии и справочные издания также становятся все более и более многочисленными. Среди них можно назвать «Ежегодную египтологическую библиографию» (*Bibliographie égyptologique annuelle, BEA*), начатую в 1948 году Й. М. А. Янсеном (*J. M. A. Janssen*); *Bibliotheca Orientalis (BiOr)*, издаваемую Институтом изучения Ближнего Востока в Лейдене: издание общего характера, в котором, однако, египтология занимает важное место; «Хронику книг и публикаций» (*Chronique des livres et publications*) Б. Меню (*B. Menu*) в *Revue de l'Histoire de Droit (RHD)*¹⁷. К этим обзорам следует добавить отчеты о книгах в специализированных периодических изданиях — *CdE*, *JEA*, *JNES*, *ZÄS* и других, а также указатели, которые более или менее регулярно публикуются такими журналами, чтобы облегчить исследования. Наконец, следует

¹⁷ Эти хроники объединены в издании: *Droit, Economie, Société de l'Égypte ancienne. Chronique bibliographique, 1967–1982*. Versailles, 1983.

отметить «Fouilles et travaux en Egypte et au Soudan»: они публиковались в *Orientalia* Ж. Лекланом (J. Leclant) с 1957 года и содержали обзоры текущих работ и раскопок.

С 1931 года многочисленные общие работы дали всем — как специалистам, так и неспециалистам — необходимые основные справочные материалы для точных исследований. Среди них чаще всего используются следующие: новые грамматики, общие или специализированные, прежде всего А. Х. Гардинера (A. H. Gardiner, 1936), Г. Лефевра (G. Lefebvre, 1946), А. де Бюка (De Buck, 1950), Э. Эделя (Edel, 1960), Я. Черны и С. И. Гролл (Černý, Groll, 1975); словари — *Concise Dictionary* Р. О. Фолкнера (R. O. Faulkner, 1962) или специальные труды, которые могут их заменить, такие как пятитомный «Очерк медицины Древнего Египта» (*Grundriss des Medizin der alten Ägypter*) Г. Грапова и его сотрудников для медицинских терминов и названий лекарств, использовавшихся египтянами (1954–1958); словарь имен собственных Г. Ранке (H. Ranke) или глоссарий названий металлов Дж. Э. Харриса (J. A. Harris). Совсем недавно (1978) *Année lexicographique* Д. Мекса позволил обновлять Берлинский словарь. *Ancient Egyptian Onomastica* А. Х. Гардинера (AEO, 1947) — это настоящая фараоновская энциклопедия, которая дает географические названия, а также список титулов и должностей египетской администрации.

Составляются и издаются собрания иероглифических текстов, сгруппированных по теме или по дате, такие как *Urkunden*. Появились новые серии: *Bibliotheca Aegyptiaca* (Bruxelles, 1932), *Analecta Aegyptiaca* (Leiden, 1940), «Надписи Раннего царства» П. Каплони (*Kaplony P. Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit*, 1963) и «Надписи эпохи Рамессидов» К. А. Китчена (*Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions*).

Существует много работ, где рассматривается история фараоновского Египта в целом: «Пророчество о Египте» Дж. Э. Уилсона (*Wilson J. A. Burden of Egypt*^{18*}, 1951); «Египет» Дриотона и Вандье (*Drioton-Vandier. L'Égypte*. 4-е издание, пересмотренное и дополненное в 1962 г.); «Скипетр Египта» У. К. Хэйеса (*Hayes W. C. Scepter of Egypt*^{19*}, 1953); «Египет фараонов» (*Egypt of the Pharaohs*) А. Х. Гардинера (1961). Новое и полностью пересмотренное издание «Кембриджской древней истории» появилось в 1971-м; различные главы, посвященные Египту в I и II томах, составляют весьма полную историю Египта. Читатель-неегиптолог может прибавить к этому «Древние ближневосточные тексты, связанные с Ветхим Заветом» (*Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament*, ANET; 1955), изданные Б. Притчардом (B. Pritchard), где можно найти в переводе подлинные основные источники по истории фараоновского Египта.

В области истории религии Г. Кеес опубликовал два фундаментальных труда: «Вера в богов в Древнем Египте» (*Der Götterglaube im alten Ägypten*, 2-е издание, 1956) и «Заупокойные верования древних египтян» (*Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter*, 1956). В 1952 году вышло полезное справочное издание: «Лексикон истории древнеегипетской религии» Х. Боннэ (*Lexikon der Ägyptischen Religionsgeschichte*, H. Bonnet). С переводом религиозных текстов, как в ANET (см. выше), так и «Текстов пирамид» или «Текстов саркофагов» (*Coffin Texts*, 1973–1978) Р. О. Фолкнера, а также «Книги мертвых» П. Баргэ (P. Barguet, 1967) историк религии может обращаться непосредственно к основным источникам по погребальным верованиям египтян.

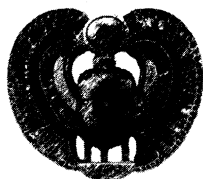
^{18*} Название книги Дж. Э. Уилсона взято из Библии (Исайя, 19:1). — *Примеч. перев.*

^{19*} «Скипетр Египта» — также название из Библии (Захария, 10:11). — *Примеч. перев.*

Что касается археологии, истории искусства и цивилизации, то следует запомнить основные публикации: «Атлас культурной истории Древнего Египта» (*Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte*) Врешински, Грапова и Шефера (1938) и прежде всего «Руководство по египетской археологии» (*Manuel d'Archéologie égyptienne*) Ж. Вандье в 6 томах (1952–1958), к которому следует добавить «Древнеегипетскую живопись» (*Ancient Egyptian Paintings*, 1936) Н. М. Дэвиса и А. Х. Гардинера, «Египетскую живопись» (*La peinture égyptienne*) А. Мехитаряна (без даты), «Искусство и архитектуру Древнего Египта» (*Art and Architecture of Ancient Egypt*) У. С. Смита (1958), «Историю египетской скульптуры и живописи Древнего царства» (*History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom*, 1949) того же автора, а также 3 тома серии *Univers des Formes: Les temps des pyramides* (1978), *L'Empire des conquérants* (1979), *L'Égypte du crépuscule* (1980). Относительно истории материального быта и культуры при фараонах основным трудом остается «Египет и жизнь в Египте в древности» (*Ägypten und Ägyptisches Leben im Altertum*, 1923) А. Эрмана и Г. Ранке.

Завершая это беглое перечисление трудов, которые составляют основной справочный материал в каждой области, следует обратить внимание на тот, который объединяет в себе все: «Египтологический словарь» В. Хелька и Э. Отто (*W. Helck, E. Otto. Lexikon der Ägyptologie, LA*); он был начат в 1977-м, и его публикация только что (1987) закончилась; для египтологии это то же, что Паули-Виссова для античной древности.

Уже несколько лет назад современные методы анализа и регистрации археологических и эпиграфических источников проникли и в египтологию — датировки по «калиброванному» ¹⁴C и термолюминисценции существенно изменили и уточнили традиционную хронологию доисторического и протоисторического периодов. Начинает применяться и информатика: в частности, тексты из Мероэ подверглись компьютерной обработке для *Repertoire d'Epigraphie Méroïtique (REM)*, а «Тексты пирамид» сейчас также публикуются и анализируются по этой методике.

Глава II. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Если посмотреть в современный атлас, то можно увидеть, что Египет занимает существенную часть территории Африки. Его площадь составляет чуть больше миллиона квадратных километров, и он числится среди самых крупных современных государств континента. Тем не менее, лишь небольшая часть этого пространства (Butzer, 1976, 1977) может быть использована человеком, остальное — пустыня. На берегах Нила по данным последней переписи (1980) сосредоточены приблизительно 42 миллиона жителей: по плотности населения Египет стоит на одном из первых мест в мире. Благодаря этому Египет является самым населенным африканским государством после Нигерии, а его столица Каир — самым большим городом на континенте.

Если вы приедете в Египет, то вид крестьян, гнувших спину на своем поле, силуэт пальмы, вырисовывающийся на фоне неба, мирное течение реки могут заставить поверить, что за тысячелетия страна ничуть не изменилась. На самом деле миф о «вечном» Египте, который мы находим у романтиков, а то и в некоторых современных книгах, не выдерживает критики. Фараоновский Египет сильно отличался от современного — флорой, фауной, образом жизни, политической и социальной организацией, а также методами обработки земли и даже образом мыслей. Нужно сделать большое умственное

усилие, чтобы представить себе, каким же он был. И мы пока не можем быть уверены, что нам это удалось.

СТРАНА

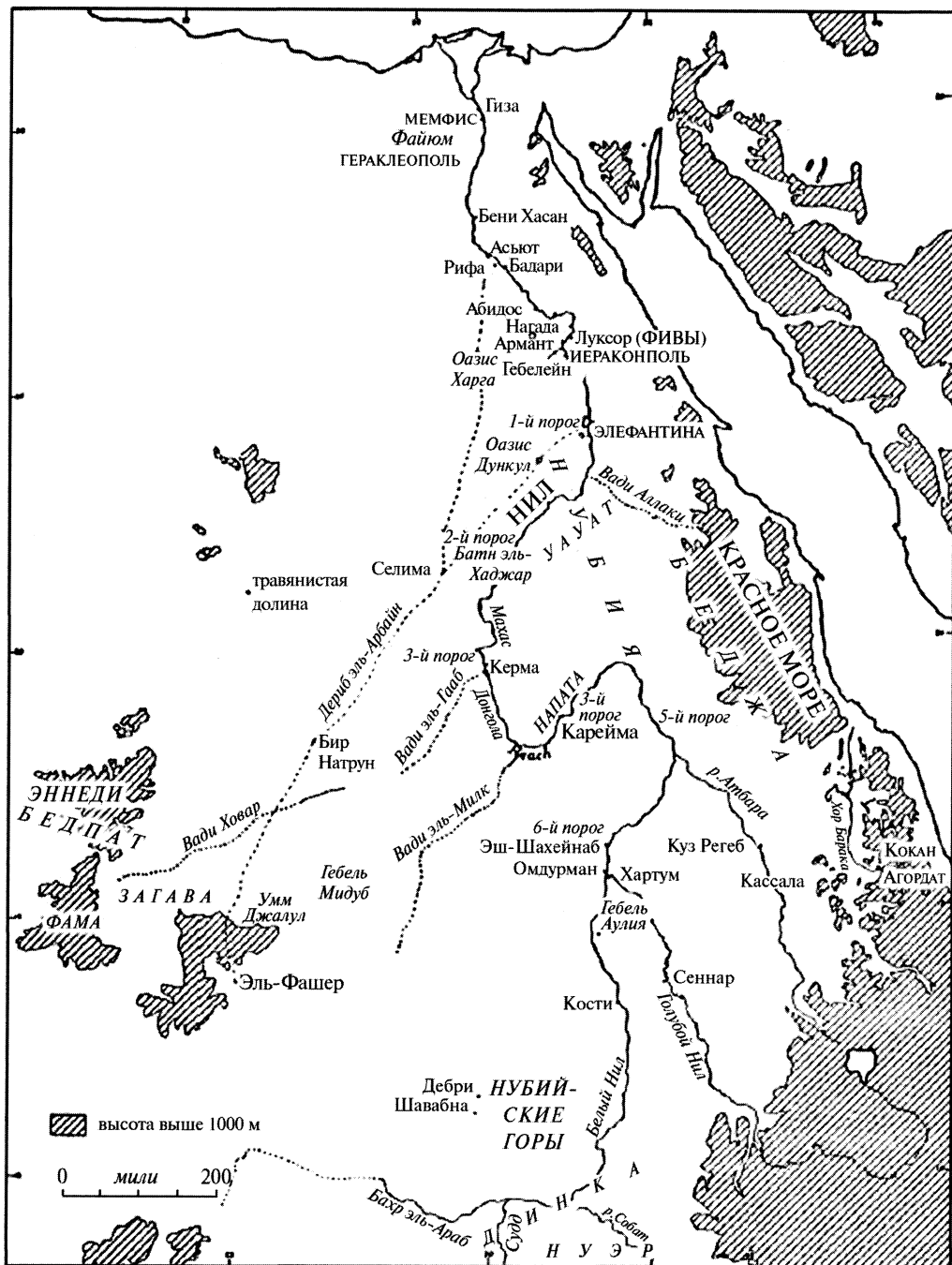
В конце IV тысячелетия до н. э., между 3200 и 3100 годами (см. «Хронологию» ниже), первые фараоны, известные нам по текстам и памятникам, управляли долиной Нила, которая была политически единой от первого порога до Средиземноморья. Тогда все отличалось от того, что сегодня мы понимаем под словом «Египет». Климат был более влажным. Разливы Нила — более сильными; периодически они покрывали всю наносную долину и на множество недель превращали страну во внутреннее море, из которого на прирусловых валах у реки и на нескольких холмиках поднимались рощицы деревьев и жилища людей. Того разительного контраста, что мы видим сейчас — между обработанной долиной, черной землей и рыжей пустыней, которая сжимает ее в своем кольце, — не было и в помине. С обеих сторон реки нередко простиралась травянистая саванна, где несколько деревьев давали тень то пастухам, что бродили там со своими стадами, то диким зверям, которые обитали там постоянно: слоны только что исчезли отсюда, и там все еще встречались львы, жирафы, дикие козлы и ослы, газели и страусы (Hoffman, 1979, 234).

Египет IV тысячелетия до н. э., такой, каким его сейчас себе представляют, как бы он ни отличался от современного, тем не менее был так же близко связан с Нилом — самой длинной рекой в мире, которая берет свои истоки в великих озерах в центре Африки и впадает в Средиземное море (см. карту I).

Определенно известно, что в конце третичной эпохи вследствие крупных тектонических движений сформировались различные бассейны, которые легли в основу сложной гидрографической системы Нила. Грабены разделили древние континентальные платформы — африканскую на западе, азиатскую на востоке — и создали Красное море и Аденский залив. В то же самое время мощные горообразующие процессы воздвигли Аравийскую горную цепь, параллельную эритрейским депрессиям, а также эфиопский вулканический массив. Наконец, двойное колебательное движение север — юг и запад — восток повлекло за собой отступление плиоценового моря, которое заполнило плотные известняковые формации низшей части долины первоначального Нила.

С присоединением эфиопской речной системы система экваториальных и суданских бассейнов Нила была завершена. С тех пор она переживала лишь ограниченные изменения, вызванные переменой уровня Средиземного моря, которая влекла за собой формирование террас или их частичное разрушение по всей судано-египетской долине реки (Butzer, *LA*, IV, 480–483; Butzer et Hansen, 1968).

Геологическая история нильской Африки очень интересна для историка, поскольку около 476 000 года до н. э. (Hoffman, 1979, 41, таблица IV), в нижнем палеолите, человек плотно заселял долину Нила и подходы к ней. С тех пор геологический пейзаж не менялся, он прост — но играет важную роль как в жизни первых обитателей Египта, так и принильского Судана, Нубии и в эволюции будущей египетской цивилизации.

Карта I. Долина Нила при фараонах.
По Arkell, 1966, p. 47

Если рассмотреть Египет и Нубию с востока на запад или с севера на юг, геология существенно меняется. С востока на запад (см. рис. 1) сначала можно увидеть горный массив из древних скал цепи Аравийской пустыни, которая граничит с Красным морем. Это здесь находятся, если можно так выразиться, «резервуар» металлических руд (прежде всего свинца и золота) и скалы, которые дали значительное количество твердого камня для изготовления ваз архаической эпохи, потом для саркофагов, статуй и стел Египта Древнего и Среднего царства. За высотами цепи Аравийской пустыни (зачастую существенными: высшая точка составляет 2187 метра в Египте и 2260 метра в Судане) следует плато, которое понижается к долине Нила. К югу от Гебель Силсилы она пробивается в нубийском песчанике, к северу — в плиоценовом известняке. Собственно наносная долина состоит из плейстоценовых отложений, суглинистого грунта, песка и гравия. Сам тальвег менялся в течение веков с тенденцией к перемещению с запада на восток; поэтому настоящее русло реки в античности неизвестно (Butzer, 1976, 34–36 и 72; Nims, 1955, 110). К западу от реки южные песчаниковые высоты и северные известняки, проходя параллельно долине, господствуют над ней. Эти высоты, которые с некоторым преувеличением именуют «горной цепью» Ливийской пустыни, начиная с Луксора, спускаются к северу до самого Средиземного моря. Наконец к западу от цепи Ливийской пустыни простирается широкое скалистое плато равномерной высоты, которое только уже в сотнях километрах от Нила прерывается обширными впадинами — западными оазисами: Селима, Куркур, Харга, Дахла, Фарафра, Бахария, Сива. Несколько ближе к долине, на высоте южного конца Дельты, Файюм — древнее внутреннее озеро — питается из вторичного русла Нила — Бахр Юсуфа по всей длине западного края наносной долины (Butzer, 1976, 16).

Рис. 1. Разрез почвы долины Нила с востока на запад. G — граниты;
L — песок и суглинок; C — известняки

Профиль страны с севера на юг сильно отличается от профиля с востока на запад. Следуя вниз по течению Нила — от Хартума до Средиземного моря — мы обнаруживаем обширную поверхность песчаниковой эрозии, на которой то тут, то там господствуют останцы более древнего пенеплена, через который Нил постепенно прорезал свое русло и кое-где высвободил полосы вулканических скал, принадлежащих к древнему континентальному кристаллическому массиву: гранит, гнейс, базальт, диорит и т. п. Эти вышедшие на поверхность пласты — следы очень древней складчатости — и составляют то, что неправильно называют «порогами». Как и Аравийская горная цепь, они богаты жилами металлических руд, медью и прежде всего золотом, а также полудрагоценными камнями: кварц, аметист, сердолик и тому подобное, которые по-

служили сырьем для первых египетских украшений. Последний порог вниз по реке находится в Асуане. Между порогами и затем от Асуана до моря дно долины занято толстым слоем плейстоценовой наносной породы, которая отложились в ходе тысячелетий следовавших друг за другом наводнений.

Четыре основных элемента: кристаллические рельефы, плато и песчаниковый пенеппен, известняковые отвесные скалы к северу от Силсилы, наносная долина — имели для человека существенное значение, которое варьировалось в зависимости от климата. В очень дождливые эпохи рельефы, плато и боковые пенеппены могли становиться обитаемыми и более или менее густо заселенными. Напротив, в периоды сухости только наносная долина позволяла поселениям людей поддерживать существование. Известно, что климат нильской Африки с момента появления в долине *homo sapiens* сильно менялся в течение почти что пятисот тысяч лет вплоть до наших дней.

Определить, каким именно был климат в данную эпоху, трудно, и то, что можно об этом знать, всегда нужно оценивать с осторожностью (Muzzolini, 1982, 2). Однако, обращаясь к различным вспомогательным археологическим дисциплинам (Leroi-Gourhan, 1977, 299–311), стало возможным нарисовать приблизительную картину климатических вариаций в ходе различных периодов доистории и истории для египетско-нубийского коридора Нила (Butzer, 1976, 13–15; Id., *L'A*, III, 455 и т. д.; Hoffman, 1979, 35–78, 145–167, 182–217).

В нижнем палеолите, когда появился *homo sapiens* — климат после долгого периода влажности стал полусухим, и только долина, тогда более обширная, чем сегодня, как и подступы к ней, судя по всему, были заняты группами охотников и рыболовов. Возможно, что обезвоживание окружающих долину плато способствовало концентрации групп людей в долине в широком смысле слова.

В среднеашельскую эпоху, в начале II фазы нижнего палеолита (около 120 000 года до н. э.), преобладал более влажный климат, который благоприятствовал расселению людей как в долине, так и на плато и рельефах. Эта *первая* дождливая фаза длилась примерно до 90 000 года; за ней следовал новый засушливый период, который продолжался еще сорок тысячелетий. Затем настала *вторая фаза* влажности, совпадавшая с эпохой леваллуа-мустье. До 24 000 года до н. э. долина Нила и плато были заселены людьми. Примерно до 30 000 года до н. э. река переживала сильные разливы, которые увеличили площадь наносной долины и толщину суглинка.

Около 24 000 года до н. э. за этой фазой влажности последовал новый засушливый период, во время которого, тем не менее, случались мощные разливы Нила, особенно около 17 500 и около 14 500 годов до н. э., когда началась *третья фаза* влажности, которая длилась с 14 500 до 6000 годов до н. э. В течение этой фазы вادي, впадавшие в Нил, как в Египте, так и в Нубии, снова стали весьма активными, и речная эрозия усилила рельеф плато, пограничных с долиной.

Примерно с 6000 до 5100 года до н. э., то есть в течение тысячелетия, климат снова становится засушливым, разливы уменьшаются, но около 5100 года наступает *четвертая фаза* влажности, известная под общим названием *неолитического субплювиала*, которая протянулась примерно до 2200 года до н. э., то есть в течение значительной части неолита, всего додинастического периода и, постепенно ослабляясь, во время большей части египетского Древнего царства. Именно с этим периодом связано развитие цивилизации фараонов, и поэтому он так важен.

С 2200 года до н. э., если не раньше, климат Египта в значительной степени сравним с тем, что мы видим сегодня. Однако ему предстояло пройти еще и *последнюю фазу* влажности, хотя и весьма относительную, в исторический период между 1600 и 500 годами до н. э.

Для поселений людей неудобства, связанные с переменами климата, и прежде всего те, которые были следствием засушливых фаз, по большей части компенсировались разливами Нила, которые с уверенностью засвидетельствованы с LX тысячелетия до н. э., в ходе II засушливого периода. Именно эти периодические разливы придали экологии Египта ее своеобразие и создали египетский пейзаж: контраст между цветущей долиной, «черной землей» *kmt /кемет* и окружающей ее пустыней, «красной землей», *dšrt/ деширет*, владением враждебных сил и бога Сетха.

Пейзажи долины Нила в доисторический период, в IV тысячелетии до н. э., часто сравнивают с верховьями Нила в наше время, вверх по реке от Хартума. Дельта прежде всего должна была быть похожа на большие экваториальные болота, такие как «седды» в суданском Бахр эль-Газале. Фактически ни в один момент своей долгой истории, будь то во влажные периоды или в засушливые фазы, египетская долина не была полностью заболочена. Лотос, камыши и папирусы, кишачие крокодилами, гиппопотамы и водные птицы — словом, все с этим связанное — занимало лишь незначительную часть территории, там, где после затопления вода стояла постоянно из-за рельефа почвы.

Таблица I

**Значительные изменения климата в долине Нила
(все даты, естественно, приблизительны)**

Полузасушливый период	500 000–120 000	Нижний палеолит I (средний и верхний ашель)
I влажная фаза	120 000–90 000	Нижний палеолит II (конечный ашель)
Засуха	90 000–50 000	Средний палеолит I (мустье-леваллуа А)
II влажная фаза	50 000–24 000	Средний палеолит II (мустье-леваллуа В, атерийский)
Засуха	24 000–14 500	Верхний палеолит (хормусийская, хальфа, фахури)
III влажная фаза	14 500–6000	Конечный палеолит (себиль в Египте, натуфийский в Палестине)
Полузасушливый период	6000–5100	Мезолит, эппалеолит (Эль-Каб)
IV влажная фаза, или неолитический субплювиал	5100–2200	Неолит, про- и протодинастический период, династии с I по VI
Современный климат	2200–1600	I Переходный период, Среднее царство, II Переходный период, XVII династия
V влажная фаза	1600–500	От XVIII династии до персидской эпохи

В противоположность тому, что считал Геродот (II, 4–5 и 99), и тому, что все еще можно прочитать в современных работах¹, уже задолго до исторической эпохи, в VI–V тысячелетиях, случилось то, что в результате сильного подъема уровня Средиземного моря, которое поднялось с –20 метров до современной нулевой отметки,

¹ Прежде всего в Baumgartel и Wilson (процитировано у Butzer, 1976, 25).

примерно треть Дельты стала заболоченной и вокруг нее появились большие лагуны (Butzer, 1976, 22–23 и *LÄ* I, 1043–1052). Следует также уточнить, что обильное накопление аллювия в результате разливов реки быстро компенсировало утрату почвы в результате этой трансгрессии. Вскоре после 4000 г. до н. э. Дельта мало-помалу приняла свои современные размеры, и граница моря больше не менялась. На заре исторической эпохи Дельта была благоприятна для человеческих поселений точно так же, как и долина в Верхнем Египте. Следовательно, нужно отбросить часто выдвигавшуюся гипотезу, по которой заселение долины Нила шло постепенно, по мере осушения болот, которые якобы занимали ее основную часть (Butzer, 1976, 12).

Ежегодный разлив, столь характерный для Нила, как и для других африканских рек (Id., *ibid.*, 18, 19), засвидетельствован, как мы видели, в течение примерно шестидесяти тысяч лет. Так часто цитируемое утверждение Геродота «Египет — дар Нила»² нуждается в некотором уточнении. Фактически не сама река, а ее ежегодный разлив является источником процветания Египта. Древние египтяне не обманывались на этот счет, отделяя саму реку от ее русла, *umpy/jtrw* (*Wb.* I, 146), которое прежде всего служило путем сообщений, дорогой для разлива, Хапи (de Buck, 1948), приносившего богатство и изобилие.

Феномен разлива сложен (Hurst, 1952; Besançon, 1957; *LÄ* VI, 830–833). В основном он зависит от дождей весенних муссонов, которые приходят с Индийского океана и обрушиваются на высокие рельефы Эфиопии. По Собату, Голубому Нилу, Атбаре и их притокам воды, принятые абиссинским массивом, быстро вливаются в собственно Нил. Сначала очень постепенно и почти незаметно прилив начинается в начале июля, потом растет и увеличивается к началу августа. Своей высшей точки он достигает в Верхнем Египте в середине месяца, а в приморской Дельте — к середине октября. Тогда он покрывает аллювиальную долину слоем воды средней толщиной в 1,5 метра. Когда высшая точка разлива проходит, река мало-помалу возвращается в свое русло, где, благодаря поддержке вод Белого Нила, которые идут с великих озер на экваторе, Нил снова обретает более слабый, но регулярный режим начиная с октября (к югу от Асуана) и в конце ноября (на крайнем севере страны, Butzer, 1976, 17–18). К июню Нил достигает маловодья.

Характерной чертой разлива Нила является его *непостоянство*. Начать с того, что в течение столетий он мог быть разным: за полтысячелетия между 9500 и 9000 годами Египет пережил ряд катастрофических наводнений (Id., *ibid.*, 9 и п. 11). Затем разливы, оставаясь сильными, ослабли, оставаясь непостоянными³, и в период с VIII до IV тысячелетия стабилизировались, создав ряд террас по всей долине. Наконец, они постепенно снизились, начиная с додинастического периода (около 3800) и в начале исто-

² Следует заметить, что эта фраза не относится ко всему Египту. Геродот говорит только о Дельте к северу от Мемфиса, которая, если верить ему, образовалась уже в историческую эпоху в результате отложения наносов. Таким образом, это утверждение не касается всего Египта, и уж тем более не является характеристикой режима реки.

³ С 6000 по 5000 год до н. э. разливы, судя по всему, были умеренного размера. С 5000 по 3700 год до н. э. они были сильными, потом снизились, и снова усилились с минимумом отложения аллювия около 3000 года до н. э. в начале исторической эпохи (Butzer, 1976, 13). Принятое Батцером наличие ряда (*ibid.*, 29) очень сильных разливов в конце Среднего царства, с 1780 по 1730 год до н. э., пока еще не доказано с полной убедительностью (Vercoutter, 1976, 139–172).

рической эпохи. В конце IV и в начале III тысячелетия они стали сравнимыми с тем, что мы видим в наши дни (Butzer, 1976, 28).

Наряду с этой изменчивостью в длительной перспективе, изменения за краткие периоды глубоко затрагивали фараоновский и послефараоновский Египет вплоть до XIX века, когда сначала в Дельте, а затем и в Верхнем Египте появились дамбы. Фактически начиная с примерно 2500 года до н. э. жизнь в Египте полностью зависела от разлива Нила. В зависимости от того, был ли разлив слабым, хорошим или слишком сильным, Египет мог страдать или не страдать, познать изобилие, или нужду, или даже продолжительный голод и периоды беспорядков.

Если благодетельная сторона ежегодного разлива реки всем хорошо известна и ее часто подчеркивают, то, напротив, опасность слишком сильных разливов (Besançon, 1957, 78–83) не получила того внимания, которого заслуживает. Ибо в том факте, что египтяне постепенно перешли к *ирригации*, необходимость защититься от разлива, возможно, сыграла столь же важную роль, как и желание наилучшим образом на наибольшей площади и как можно дольше использовать воду, которую принес этот разлив.

Система искусственной ирригации в Египте состояла из двух элементов: с одной стороны, *плотины* и *запруды*, с другой — *каналы*. *Плотины*, параллельные реке и отчасти природные, ограничивали подъем вод на определенном уровне; перпендикулярные *запруды* задерживали воду реки, когда плотин было недостаточно, чтобы ее сдержать; замедляя течение, они благоприятствовали отложению ила и задерживали ход разлива Нила с верховья вниз по течению. Каналы, со своей стороны, собирали воду вверх по течению, чтобы она дошла до мест, иногда значительно удаленных от ложа реки, туда, куда разлив, предоставленный самому себе, никогда бы не дошел.

Египетская долина Нила следовала за изгибами речных излучин вдоль расположенных более или менее близко к ложу реки ливийских высот: она представляет собой цепь естественных бассейнов различной протяженности. Эти бассейны давали группам людей, поселившихся на боковых насыпях у реки, весьма благоприятные условия существования благодаря обширным возможностям собирательства диких травянистых растений и пастбищам для скота. С другой стороны, из-за того, что наносная долина была неровной (Butzer, 1976, 15–16), разлив порождал постоянные болота, которые образовывались в самых низких точках этой долины, особенно вдоль плато и высот, параллельных долине. Хотя площадь этих болот и была небольшой, они предоставляли значительные ресурсы для охоты и рыболовства (Id., *ibid.*, 18–19).

Там, где долина была наиболее узкой, было легко загородить вверх по течению вход в естественные бассейны, присутствие которых, таким образом, благоприятствовало распространению ирригации. Сама протяженность этих бассейнов играла роль в их эксплуатации: чем меньше они были, тем легче было людям приспособить их к своим нуждам, и можно задаться вопросом, не лежали ли они в основе происхождения «номов», прежде всего номов Верхнего Египта от Кены до Наг-Хаммади (Гирги) и восточных номов, в основном более узких (Id., *ibid.*, 102–103).

Использование естественных бассейнов в качестве бассейнов для искусственной ирригации должно было организовываться постепенно. В самых небольших из них

было достаточно укрепить естественные насыпи, углубить русла и построить небольшие дамбы. Крупные, к северу от Гирги, необходимо было разделить на бассейны поменьше, чтобы иметь возможность их контролировать (Butzer, 1976, 47–48).

Зачастую считается, что система ирригации по бассейнам (по-арабски — ходам) была введена в долине Нила первыми фараонами, то есть фараонами I династии к концу IV тысячелетия до н. э. (Id., *ibid.*, 20). В поддержку этой гипотезы зачастую приводят вотивную булаву царя Скорпиона, обнаруженную в Иераконполе (PM V, 194, Butzer, 1976, 20–21, fig. 2; Vandier, 1952, 600–602; W. S. Smith, 1949, 113–115 и fig. 30; см. также рис. 2); на ней фараон представлен увенчанным белым венцом Верхнего Египта; в руках он держит мотыгу, стоя у речного потока. Перед ним некий персонаж передает ему корзину (см. рис. 2); рядом с ним человек, одетый в особое платье, потрясает предметом, в котором пытались увидеть то колос пшеницы, то растение, то метлу. С момента ее открытия в 1896 году считалось, что изображение на булаве показывает искусственную ирригацию: царь Скорпион тут якобы открывает отверстие в плотине или запруде, чтобы вода разлива растекалась по полям. Однако говорили и что эта интерпретация спорна и является всего лишь косвенным и спорным доказательством наличия в Египте ирригации в конце IV тысячелетия. Другие доказательства, выдвинутые в поддержку такой ранней датировки появления ирригации, также не особенно убедительны.

Рис. 2. Булава царя Скорпиона

Фактически, дата появления искусственной ирригации в Египте остается неизвестной; она появилась, скорее всего, только после конца Древнего царства (W. Schenkel, 1978). Можно задаться вопросом, не сыграло ли желание защититься от разливов, воздвигнув боковые дамбы у реки, с одной стороны, и окружение дамбами деревень в долине — с другой, столь же важную роль, как и необходимость (которую еще нужно продемонстрировать) увеличить сельскохозяйственную продукцию, чтобы отреагировать на демографический взрыв. Другими словами, искусственная ирригация появлялась медленно и не влекла за собой резкого изменения в использовании наносной долины⁴.

ЖИЗНЬ В ДОЛИНЕ

Еще до внедрения в жизнь ирригации, регулярность разлива реки определяла для обитателей низовья долины Нила ритм их жизни и деление года на три сезона: сезон разлива — по-египетски *axem/3ht*, во время которого наносная долина была покрыта водой; сезон нового появления земли, ее «выхода на поверхность» — *nepem/prt*; и наконец, сухой сезон, *шemu/šmw*, который египтологи переводят, как «лето»; в это время царило Солнце.

Если признать, что начало разлива знаменовало начало сельскохозяйственного цикла, как оно позднее будет знаменовать начало гражданского и административного года, то оно было тем самым моментом, когда жители оставляли нижнюю часть долины, находя себе убежище в деревнях, приютившихся на склонах и пригорках или на плато и высотах, обрамлявших реку, куда наводнение не могло дойти.

В додинастический период и при двух первых династиях, когда эффект климата эпохи неолитического субплювиала все еще ощущался, вполне возможно представить себе, какова была жизнь в низовье долины Нила. Во время разлива деятельность человека перемещалась то ли на берега вади, впадавших в Нил, где регулярные дожди все еще позволяли возделывать почву, то ли в травянистую саванну, которая окружала Египет; туда отводили животных — коз, овец, крупный рогатый скот и там кочевали под наблюдением части людей, в то время как другой отряд собирал дикие травянистые растения или охотился на дичь, которая тогда еще водилась в изобилии. Только в самом конце додинастического периода исчезли слоны, жирафы и страусы, а антилопы, дикие козлы и газели дожили до II тысячелетия.

Когда растущая сухость климата в середине III тысячелетия до н. э. превратила саванну в пустыню, в сезон наводнения египтяне стали заниматься работами по дому, изготовлением и починкой предметов обстановки и сельскохозяйственных инстру-

⁴ О проникновении искусственного орошения в Египет ср.: Schenkel, 1978. Можно заметить, что в древнюю эпоху ресурсов естественных бассейнов — диких травянистых растений, которые были съедобны как для человека, так и для животных, и вдобавок охоты и рыболовства, было более чем достаточно для населения, которое в додинастический период было еще не очень плотным (Butzer, 1976, 26; Hoffman, 1979, 134).

ментов, а также и крупными работами, которые предпринимала центральная власть, такими как сооружение пирамид и храмов, поскольку в тот момент вода разлива облегчала перевозку материала от самого карьера вплоть до подступов к строящемуся зданию.

Едва вода начинала отступать, как начинались сельскохозяйственные работы. Когда поля еще были влажными, начинался сев; зерна разбрасывали в беспорядке, потом скотина затаптывала их в мягкую землю; если использовали плуг, то он служил только для того, чтобы закопать зерно, так как плуг шел за сеятелем, а не перед ним. Засеянные поля больше не орошали; растения, будь то дикие или домашние, пускали ростки, вырастали и зрели благодаря лишь одной влажности, накопившейся в почве во время разлива Нила. Потом наступало время жатвы; жали с помощью деревянных серпов, в которые были вставлены лезвия из кремня; колосья пшеницы и ржи срезали у половины стебля. Молотьба, как и посев, производилась с помощью копыт животных, прежде всего ослов, которых заставляли ходить кругами на току, чтобы они топтали колосья. Следовавшее за этим веяние, судя по всему, прежде всего было делом женщин. И наконец, уборка хлеба занимала важное место в египетской экономике. За ней тщательно следили, так как запасы могли смягчить последствия будущих слабых разливов, которых всегда боялись. В историческую эпоху хлеб складывали в царские или провинциальные зернохранилища, иногда — в храмовые; они обеспечивали наличие резервного хлеба и его распределение.

В сельскохозяйственной жизни Египта инструментарий для искусственного орошения появляется лишь много позднее. Вплоть до конца Среднего царства и еще во время всего II Переходного периода орошались только земли, граничащие с рекой и каналами; это делали водоносы вручную. Именно тут выращивались овощи — лук, огурцы, лук-порей, салат, бобы, нут, чечевицу — и тут же росли те самые пальмы и сикоморы, которые занимали такое важное место в экономике Египта. Только при XVIII династии, около 1450 года до н. э. *шадуфы*, пришедшие из Месопотамии, заменили ручное орошение садов. Водяное колесо *сакие* (или *нория*), обеспечивавшее настоящее круглогодичное орошение, будет введено в употребление еще позже, в персидскую или римскую эпоху (Butzer, 1976, 46).

Итак, вся сельскохозяйственная жизнь зависела от ежегодного разлива Нила, выгода от которого была, по сути, двойной: с одной стороны, он приносил с собой новый ил и благодаря ему унаваживать поля не было совершенно никакой необходимости и весь навоз от скота шел прежде всего на топливо; с другой стороны, разлив смывал с почвы соли, скопившиеся за период летней суши и, таким образом, освобождал египтян от необходимости вести мелиорационные работы.

В додинастический период и, несомненно, еще в начале исторической эпохи наряду с сельским хозяйством существовало собирательство даже в наносной долине; и то и другое следовало одним и тем же рабочим ритмам, которые диктовал разлив реки. Первые человеческие сообщества обосновывались прежде всего на естественных плотинах, расположенных параллельно реке (Butzer, 1976, 19). Во время девяти или восьми месяцев года наносная долина после разлива служила им пастбищем и территорией для собирательства — пока она не была постепенно занята под сельское хозяйство. Таким образом, нет необходимости предполагать перенесение человеческих поселений в долину из-за развития сельского хозяйства.

НАСЕЛЕНИЕ

Позднее появление в Египте сельского хозяйства (в IV тысячелетии до н. э.)⁵ ставит перед нами и проблему демографической экспансии. Стало ли его возникновение причиной роста численности обитателей Долины или, напротив, появление сельского хозяйства стало результатом демографического взрыва?

С самого начала египтологии изучался вопрос о расе, к которой принадлежали древние египтяне; он вызывал оживленные дискуссии (см. ниже); и напротив, численность населения в эпоху фараонов, несмотря на всю важность этого вопроса, редко становилась предметом серьезных исследований, за исключением лишь самого последнего времени. Много информации, которая позволила бы если не решить, то, по крайней мере, разяснить проблему, была утрачена в ходе множества раскопок, предпринятых в Египте с 1850 года. В отчетах о раскопках лишь очень редко упоминалось даже просто о числе погребений, исследованных в данном месте, или о том, сколько там было тел; лишь в исключительных случаях антропологическое исследование тел определяло их возраст в момент смерти и их пол. Эти данные могли бы позволить оценить — хотя бы приблизительно — численность населения в определенную эпоху и в определенном месте⁶.

Итак, следовало бы рассмотреть другие параметры, чтобы оценить число жителей в фараоновское время. За основу для такой оценки взяты, прежде всего, те моменты, которые касаются площади обрабатываемой земли и продуктивности почвы в античности⁷. Мы знаем, что в древности, как и в новое время, численность населения могла варьироваться в зависимости от разных факторов: политических условий, эпидемий, войн и т. п. Но эти вариации невозможно распознать с помощью тех источников, которыми мы располагаем. Следовательно, предложенные нами параметры принимают во внимание только прогресс, который был результатом постоянного роста ресурсов Египта в эпоху фараонов.

⁵ Butzer, 1976, 4–11 и особенно 8–9. Сельское хозяйство начало практиковаться в Египте лишь на тысячелетие позже по сравнению с Азией. Все это происходило так, как если бы неолитическое население долины Нила было знакомо с сельским хозяйством, но не занималось им, поскольку собирательство в наносной долине и на ее окраинах приносило столько же пользы, сколько и обработка земли (Butzer, 1976, 591; Trigger, 1979, 31 и п. 34).

⁶ В основном в общих очерках истории Египта проблема даже не затрагивается. Морэ (Moret, 1926, 547) в кратком примечании утверждает, что численность населения Египта при фараонах составляла 8 миллионов человек — по аналогии с нашим временем. Гардинер (Gardiner, 1966, n. 1) предполагает, что население составляло около четверти от населения Египта на тот момент, когда он писал свою книгу, то есть 4 миллиона, но уточняет, что это всего лишь предположение. Эти слишком высокие оценки во многом основаны на сообщениях древних авторов, прежде всего Иосифа Флавия, который оценивает численность населения Египта на уровне 7,5 миллиона человек и Диодора (3 миллиона) (Butzer, 1976, 92).

⁷ Из-за ограничений, накладываемых рельефом местности, в наносной долине существовало лишь ограниченное разнообразие в значимости разлива. Площадь обрабатываемых земель можно оценить в 6000 км² начиная с додинастического периода вплоть до конца Среднего царства. Введение *шадуфов* в Новом царстве могло позволить расширение обрабатываемых площадей примерно на 10–15%. Лишь с появлением *сакие* в Позднюю эпоху условия землепользования изменились: благодаря двум урожаям вместо одного на значительной площади Долины, Египет мог увеличить производство продовольствия.

**Оценка численности населения в различные исторические эпохи
(Butzer, 1976, 83 и 85, fig. 13)**

4000	до н. э. (Додинастический период)	548 000
3000	до н. э. (Тинитская эпоха)	866 000
2500	до н. э. (Древнее царство)	1 614 000
1800	(Среднее царство)	1 900 000
1250	(Новое царство)	2 850 000
150	(Греко-римская эпоха)	4 322 000

Конечно, не стоит и говорить, что цифры эти — чисто гипотетические; тем не менее они хотя бы дают представление о демографической эволюции в египетской долине Нила в ходе истории. Население додинастического периода и во время первых династий было весьма малочисленным и базировалось на пастушестве, собирательстве и зачатках сельского хозяйства. Затем следует значительный демографический подъем: за эпоху Древнего царства население выросло вчетверо. Отныне сельское хозяйство стало преобладать, и наносная долина стала полностью им занята; скотоводство переместилось или в узкие болотистые зоны долины и Дельты, или же в прибрежную степь, которая благодаря неолитическому субплювиалу еще не стала полностью пустыней.

С освоением Файюмского оазиса рост населения продолжался и в Среднем царстве, потом и в Новом, и в Греко-римскую эпоху с появлением сначала *шадуфа*, а потом и *сакие*. К тому же плотность населения сильно варьировалась в зависимости от географии. Она достигала максимума в номах Верхнего Египта между Асуаном и Кифтом и Нижнего — между Файюмом и югом Дельты. Напротив, номы Среднего Египта и морского побережья были наименее густо заселены⁸.

Тем не менее, какой бы период мы не рассматривали, население фараоновского Египта нельзя сравнивать с тем, что мы имеем сегодня. Это важный факт, который нужно все время держать в уме, начиная заниматься историей Древнего Египта.

К какой «расе» принадлежало население Египта? Открытые в последнее время австралопитеки и различные ископаемые гоминиды в Африке, а также полученные доказательства постоянного присутствия человека на континенте с самых древних геологических эпох, оживили спор, который существовал еще в самом начале египтологии (Pratt, 1925, 23–27).

В конце XVIII века Вольней и Виван Денон, заново «открывшие» Египет, считали египтян «черными», но первые египтологи очень быстро стали оспаривать эти воззрения. Принимая во внимание как физический тип египтян в фараоновской

⁸ Butzer, 1976, 84–85. Демографическая эволюция Дельты должна была отличаться от того, что происходило в долине к югу от Мемфиса. В Древнем царстве была заселена лишь центральная ее часть; регионы, близкие к пустыням и к западу, развились лишь в эпоху Рамессидов (после 1300 г. до н. э.). Морские окраины к северу, как, например, Мареотида, были колонизированы лишь в римскую и византийскую эпоху, а затем сильно уменьшились из-за вторжений моря и катастрофических разливов реки (Id., *ibid.*, 96).

иконографии, так и первые исследования по физической антропологии, осуществленные на материале скелетов и мумий, найденных при раскопках, они пришли к выводу, что древние египтяне принадлежали к темноволосой «средиземноморской расе» (Massouard, 1949, 420), которую иногда неправильно называли «хамитской»; эта «раса» была распространена в основном в Северной Африке и на северо-востоке.

Это мнение, к которому постепенно присоединились все, изучавшие историю Египта, недавно было поставлено под сомнение, и некоторые исследователи предлагали видеть в египтянах «негров», похожих на современных обитателей восточной и центральной Африки к югу от Сахары (Ch. A. Diop, 1962).

Разумеется, теория, по которой подданные фараона были чистыми «кавказоидами», в какой-то степени не свободна от «евроцентризма», а может быть, и от расизма. Это прежде всего проявляется в теории, которая сегодня считается весьма спорной: египетская цивилизация произошла-де от какой-то «новой расы», пришедший из Азии, которая якобы захватила низовья долины Нила в IV тысячелетии до н. э. и ввела письменность и политическую организацию во всем Египте.

Проблема была существенно разработана в ходе двух последних десятилетий; сейчас антропологи предпочитают говорить скорее о «популяциях», нежели о «расах» (Livingstone, 1962).

Говоря о населении Египта, можно подивиться постоянству его физического типа с додинастического периода до исторической эпохи (Trigger, 1983, 13 и сл.) и буквально вплоть до наших дней. Это постоянство в течение пяти тысячелетий засвидетельствовано достаточно хорошо как исследованиями по физической антропологии, проведенными на мумиях и скелетах, найденных в ходе раскопок⁹, так и иконографией: живописью в гробницах, статуями частных лиц и царей. Египтянин фараоновской эпохи был небольшого или среднего роста; у него были черные волосы, прямые или волнистые, глаза черные; цвет лица мог варьироваться от более-менее интенсивного красновато-коричневого до темно-коричневого; чаще всего он был долихоцефалом или мезоцефалом, реже — брахицефалом.

Этот портрет, в общем и целом верный, мог варьироваться в зависимости от места. Можно сказать (хотя, конечно, и не без некоторого преувеличения), что физический тип египтян постепенно менялся с севера на юг; это изменение, незаметное от деревни к деревне, становилось заметным, если сравнивать на более дальних расстояниях. «В среднем между Дельтой на севере и „югом“ у верховьев Нила цвет кожи, как правило, становился темнее от светло-коричневого до такого, который на глаз выглядел как синевато-черный; меняются и волосы — от прямых и волнистых до курчавых и шерстистых. Носы становятся более плоскими и большими, губы — более толстыми и широкими; увеличивается и размер зубов. Тела вытягиваются и становятся более тонкими, стремясь к высокому росту и исключительной худобе нилотского населения юга. Тела становятся более гладкими. Все это африканские популяции. Идти дальше

⁹ Несмотря на грабежи, в ходе старых раскопок (Butzer, 1976, 81) было найдено очень много скелетов, зачастую в отличном состоянии. Мумификация — естественная или искусственная — позволяет изучить кожу, волосную покров, состав крови и тому подобное (Massouard, 1949, 386 сл.).

и „различать кавказоидное и негроидное происхождение будет произволом, лишенным всякого исторического или биологического значения“»¹⁰.

К тому же постоянство в течение столетий физического облика населения, занимавшего северо-восток Африки, не ограничивается Египтом. Изображения чернокожих в иконографии фараоновского Египта¹¹, с одной стороны, показывают, что физические типы к югу и юго-востоку от Египта почти три с половиной тысячи лет тому назад были теми же, что и сегодня, и, с другой стороны — что эти типы значительно отличались от «египетского типа» как чертами лица, так и цветом кожи.

Если физический облик египтян отличался от облика различных соседних популяций в древности — как на юге, так и на востоке и западе¹², тем не менее в нем были общие черты с этими последними; черты, которые антропологи могли различить как у мумий, так и при осмотре костных остатков.

С самых древних эпох египтяне вступали в контакты с «настоящими» неграми¹³, и египетские скелеты, прежде всего те, что были найдены в Верхнем Египте, зачастую имеют «негроидные» черты, хотя, с другой стороны, трудно определить, в какой степени эти черты являются следствием адаптации к другим климатическим условиям юга по сравнению с севером или следствием влияния небольших миграций «настоящих» негров в долину Нила. Кроме того, следует заметить, что некоторые скелеты имеют тенденцию к «брахицефализации», которая могла бы быть результатом смешения с народом, пришедшим с Востока¹⁴.

Фактически, каким бы стабильным ни было население Египта, оно, тем не менее, отражает все, что было следствием географического положения страны. Перекресток дорог между югом и севером континента и с востока на запад между Азией и Африкой, долина Нила сыграла роль тигля, где соединялись этнические элементы, пришедшие с юга, как и с востока и с запада, создавая, таким образом, оригинальное население, отличное от всего, что его окружало.

¹⁰ Trigger, Nubian, Negro, Black, Nilotic в Wenig (ed.). *Africa in Antiquity*. Brooklyn, 1978, I, 27. Триггер в значительной части опирается на C. Bruce, в Montagu (ed.). *The concept of Race*. New York, 1969, 103–152.

¹¹ Vercoutter, L'Iconographie du Noir dans l'Égypte ancienne, des origines à XXVe dynastie, в: Vercoutter-Leclant-Snowdon-Desanges, *L'image du noir dans l'Art occidental*, I, Fribourg, 1976, 33–88 et fig. 1–65.

¹² Египтяне были чувствительны к отличиям физического облика своих соседей. С самой древней эпохи египетские изображения *типизируют* — иногда до карикатуры! — азиатов-семитов, ливийцев, нубийцев и негров, которых они старательно отличают.

¹³ Cp. E. Stronhal, Indices de la pénétration précoce des nègres dans l'Égypte préhistorique, *Journal of African History*, 12, 1971, 1–9. Согласно этому автору, «настоящие» негры отличались от других африканских популяций «общей насыщенной пигментацией; волосы у них скручены в миниатюрные косички (курчавые шерстистые волосы); волосяной покров, в том числе борода, развит слабо (...) Лицо в основном широкое и низкое, отмеченное значительным прогнатизмом (...), губы очень толстые и значительно расширяются (...), нос выступает незначительно, пухлый, короткий и крупный». Эти физические характеристики мы находим в египетских изображениях чернокожих, ср.: Vercoutter, *l.c.*, примеч. 11 выше, *passim*.

¹⁴ Гипотеза P. Marques, *Morphologie des races humaines*. Paris, 1967, упоминается и опровергается у E. Strouhal в его работе *Contributions anthropologiques à l'Histoire générale de l'Afrique*, *Document UNESCO*, SHC, 76/WS/18, Paris, 1976, p. 15.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ ЕГИПТА

Африканская страна, но при этом расположенная очень близко к Азии, Египет был обязан этому весьма удачному географическому расположению своей способностью располагать ресурсами как одного, так и другого континента, и прежде всего в том, что касается домашней флоры и фауны.

Некоторые из этих ресурсов изменялись с течением времени в связи с климатическими изменениями.

Уже к концу палеолита, около 15 000 лет до н. э., хотя климат был тогда менее благоприятным, чем раньше, группы людей, селившиеся в долине Нила, занимались охотой и рыболовством при изобилии местной фауны (Hayes, 1965, 67–69): они добывали пещерных гиен, львов, диких ослов, лошадей, четыре вида быков, два — буйволов, многочисленных антилоп, кабанов, гиппопотамов, два вида крокодилов, водную черепаху и многочисленные виды рыб, к которым нужно добавить множество пресноводных моллюсков, дополнявших охотничью добычу.

Подавляющее большинство этой фауны должно было сохраниться в долине и на подступах к ней как в неолитическую эпоху, так и в додинастический период. Более влажный климат тех времен позволял египтянам располагать ресурсами животного и растительного царства, которыми снабжала их наносная долина после ежегодного разлива Нила, а также и теми, которые можно было найти в ближних степях как к западу, так и к востоку от реки.

Фауна

Среди ресурсов тех времен следует отметить весьма разнообразную, типично африканскую фауну, гораздо более богатую, чем фауна конца палеолита.

В долине и в соседних саваннах можно было найти слонов, два вида носорогов, жирафов, множество разных антилоп, среди которых и любопытная жирафовая газель (*гереиук*), которую иногда путали с жирафом, бубалов, горных козлов, ориксов, газелей-доркас, как ланей, так и каменных баранов, диких ослов, страусов и, наконец, тура (*bos primigenius*) — африканскую разновидность европейского зубра.

Наряду с этой крупной дичью, которая была желанной добычей как для людей-охотников, так и для многочисленных хищников — львов, пантер, леопардов, гепардов, гиен, лис, каракалов, рысей, шакалов, диких собак и кошек, — в изобилии встречались и мелкие млекопитающие: трубкозуб (*orycteropus*)^{15*}, заяц и еж, которыми хищники — как люди, так и животные — отнюдь не пренебрегали за неимением лучшего. Обезьяны, такие как павиан (бабуин) и мартышка, все еще водились в Долине и вблизи нее. Когда они исчезли, египтяне стали завозить их с юга, где те нашли себе убежище.

Орнитологическая фауна также была весьма разнообразна. Среди птиц были и постоянные обитатели Долины, по большей части хищники, такие как обыкновенный

^{15*} У автора ошибочно: «муравьед (*orycterops*)». — Примеч. перев.

стервятник (*neophron percnopterus*), белоголовый сип (*gyps fulvus*), канюк (*buteo ferox*), орел-рыболов, различные виды соколов, среди них и большой сокол-сапсан «с пестрыми перьями», различные виды сов и летучих мышей, к которым можно добавить и цесарку (которая в историческую эпоху исчезла) и воробья (*passer domesticus aegyptiacus*), которого так опасались египетские крестьяне, чью жатву он грабил. К этим видам прибавьте бесчисленных птиц — как перелетных, так и неперелетных, — которые держались у реки и болот, как, например, три вида ибисов, пеликан, аист, седлоклювый ябиру (*Ephippiorhynchus senegalensis*), фламинго, серая цапля, белая цапля, колпица, гуси, различные виды уток, баклан, зуек, чибис, зимородок, а также перелетные неводные птицы, такие как удода, перепела, голуби и различные виды ласточек.

Мир рептилий и насекомых вносил лишь незначительный вклад в экономику архаического периода; чаще всего они были настоящей угрозой для человеческих коллективов, но, тем не менее, о них нужно упомянуть, поскольку они были частью окружающей среды и занимали важное место в формировании фараоновской цивилизации, когда возникали великие религиозные мифы.

Среди насекомых пчела играла заметную экономическую роль, поскольку производила мед, который заменял сахар. Пчела фигурирует в надписях начиная с 3100 года до н. э. Другие насекомые, о существовании которых свидетельствуют как письменные памятники, так и иконография, такие как скарабеи, мухи, сороконожки и некоторые мелкие животные, такие как лягушки и небольшие ящерицы, были или безразличны египтянам или — самое большее — неприятны. Напротив, пустынная саранча (*acridium peregrinum*) при фараонах была так же опасна для посевов, как и сегодня; она фигурирует в древнейших религиозных текстах, таких как «Тексты пирамид».

Отношение древних египтян к змеям и скорпионам, которых в Долине так много, было двойственным. С одной стороны (и вполне справедливо), они их боялись и, следовательно, пытались защититься от их укусов с помощью многочисленных текстов и магических предметов (Keimer, 1947; Sumeron, 1990); с другой стороны, египтяне их обожествляли или приписывали им роль защитников.

Питон и рогатая гадюка фигурируют среди самых опасных змей. Питон (*python sebae* или водяной питон), который в мифологии превратился в змея Апопа, главного врага солнечного бога Ра, еще водился в Египте в додинастическую эпоху; он изображался на разных предметах (Keimer, *ibid.*, 26–34). Рогатая гадюка (*cerastes cornutus*) (Id., 1945 и 1947), изображенная уже на предмете додинастической эпохи — один из самых употребительных знаков иероглифического письма (для согласного *f*). В некоторых древних текстах этот знак часто «режут» надвое, поскольку само изображение рептилии считалось опасным.

Хотя ее укус был столь же опасен, как и у рогатой гадюки, египетская кобра (*naja haje*), урей классических текстов и современных египтологов, — напротив, считалась богиней-благодетельницей. Урей, изображавшийся на головном уборе фараона, защищал его и уничтожал врагов, которые осмелились напасть на него. С самого начала истории, в IV тысячелетии до н. э., в Дельте ее почитали в виде поднявшейся кобры, готовой укусить, и тогда ее называли Уаджет. Под именем Рененутет, и опять-таки в воинственной позе, кобра стала богиней плодородия. Наконец, под именем Мертсегер (Любящая молчание) она защищает фиванский некрополь.

Скорпион является наиболее древним засвидетельствованным иероглифическим знаком; именно изображение скорпиона в IV тысячелетии до н. э. служило для обозначения царя и использовалось в имени одного из чиновников. Еще и сегодня скорпионы изобилуют в долине Нила, и сегодняшние египтяне боятся укуса так же, как и в древности, когда от них пытались защититься множеством магических средств. Древние египтяне обожествляли скорпиона так же, как и кобру, и богиня Селкет (Селкида), изображавшаяся то в виде насекомого, но при этом с человеческой головой, то (чаще всего) как женщина, на голове которой восседает скорпион. Как и богиня-Кобра, Селкет — благодетельная богиня-защитница.

В эпоху образования египетского государства, дикая фауна Египта была и многочисленной, и разнообразной. Именно среди этой фауны мы находим большую часть видов, которые начиная с VI тысячелетия до н. э. люди начали одомашнивать. Одомашнивание крупного рогатого скота, ослов, свиней и собаки состоялось очень рано на основе африканских видов: козы и овцы, возможно, происходили от азиатских видов, начиная с эпохи неолита (ср. далее главу III). Вплоть до 2400 года до н. э. египтяне продолжали попытки одомашнить некоторые африканские виды животных: газели, бубалы, антилопы, муфлоны, каменные бараны, гиены, журавли, гуси и утки фигурируют на изображениях скотоводческих «ферм» Древнего царства, где их не только выращивают, но и откармливают с рук (подобно тому, как мы сегодня кормим гусей).

После Древнего царства домашняя фауна менялась мало. Среди прибывших впоследствии в ходе истории в долину Нила следует назвать домашнюю кошку, которая засвидетельствована только с начала II тысячелетия, лошадь (прибыла из Азии около 1600 г. до н. э.), зебу, кур-несушек (около 1450) и еще позднее — дромадера и буйвола (*гамуса*).

Помимо пищевых ресурсов — мяса, молочных продуктов, яиц, которые давала как дикая, так и домашняя фауна, сырье животного происхождения занимало важное место в повседневной жизни как в доисторическую, так и в историческую эпоху (Lucas-Harris, 1962, 28–40).

Еще с бадарийской эпохи (см. ниже, глава III) *кишки* служили тетивой для луков; затем их использовали в качестве струн для музыкальных инструментов. Из *рога* делали острия гарпунов, а также гребни, браслеты, фигурки для игр и ярлычки еще начиная с 4000 года до н. э. *Кожа* широко употреблялась во все времена, но прежде всего в додинастическую и архаическую эпохи, когда она служила для изготовления одежды как для живых, так и для мертвых, для сумок, сандалий, чехлов для оружия и ремешков, необходимых для закрепления каменных или металлических орудий на деревянных ручках; дубление кожи с помощью коры акации и квасцов применялось еще с додинастического времени. *Панцири* нильских черепах использовались как сосуды и для изготовления гребней, а потом служили резонаторными коробками для струнных музыкальных инструментов. *Слоновая кость* — как слоновьи бивни, так и зубы гиппопотама и рога носорога — один из наиболее широко использовавшихся в эпоху неолита материалов; она служила как для изготовления оружия, такого как наконечники стрел и гарпунов, для иглолок, ложечек, так и для создания различных украшений, игравших как магическую, так и чисто декоративную роль: бусин, сережек, перстней, ножных колец, булавок для волос, гребней. Слоновую кость ремесленники додинастического времени обрабатывали, изготавливая пешки для игр, ножки для сто-

ликов или кресел, рукоятки ножей и даже статуэтки; первые иероглифические тексты и самые первые изображения часто украшают именно эти предметы из слоновой кости, такие как палица царя Скорпиона, рукоятка для ножа из Гебель эль-Арака, цилиндры и этикетки Тинитской эпохи — мы называем лишь самые известные.

Из скорлупы яиц страуса в неолите делали бусы. Кости млекопитающих и больших рыб зачастую использовались вместо слоновой кости как для инструментов, так и для украшений (см. выше). Перья разных птиц: страусов, цапель, воронов были найдены в додинастических могилах: они служили прежде всего для оперения стрел, но перья страуса — на него охотились в Ливийской пустыне вплоть до XVIII династии (XVI–XV века до н. э.) — служили в первую очередь для изготовления вееров, мухобоек и деталей головных уборов; именно перо страуса стало эмблемой богини Маат и с его помощью писали также имя бога воздуха Шу, так что оно имело и религиозное значение.

В заключение этого перечня сырья животного происхождения, которое было в постоянном употреблении, назовем еще волос, прежде всего жирафа и слона; из волос животных в додинастическое время делали браслеты, несомненно защищавшие тех, кто их носил. Наконец, жир многих животных часто использовался в медицине во все времена.

Флора

Данные, которыми мы располагаем для идентификации древней флоры северо-восточной Африки, значительно менее обширны, чем те, что позволяют нам познакомиться с первоначальной фауной долины Нила и, таким образом, оценить ресурсы, которыми располагал фараоновский Египет.

Фактически растения гораздо реже, чем животные, фигурируют в иконографии; там они более стилизованы и поэтому их труднее определить. С другой стороны, палинология, которая могла бы стать большим подспорьем в идентификации, используется при раскопках лишь с совсем недавних времен; более того, нередко в палинологических данных имеются пробелы, так как климат мало способствует сохранению пыльцы. Наконец, растения оставляют намного меньше следов в «мусорных кучах» (*kitchen-middens*) древних человеческих поселений, чем животная пища (кости животных и рыб, ракушки, скорлупа яиц), и только в последние годы исследование копролитов (экскрементов) внесло свой вклад в идентификацию растений, которые потребляли люди или животные¹⁶.

Несмотря на проблемы с источниками, которыми мы располагаем, стало возможно установить перечень ресурсов растительного происхождения в долине Нила в ту эпоху, когда происходило формирование фараоновской цивилизации (Keimer, 1924; Täckholm, 1954 и *LA*, s.v. Flora, Holz и Holzbau).

Большие деревья, прежде всего те, которые могут давать балки и большие прямоугольные доски, в Египте встречаются редко. Историки нередко особо отмечают как эту нехватку дерева определенного качества, так и ее последствия: необходимость

¹⁶ Об этой новой вспомогательной археологической дисциплине см.: D. и P. Brothwell. *Foods in antiquity* (Ancient Peoples and Places, vol. 69). London, 1969, Index p. 242, s.v. coprolites).

импортировать дерево то из Ливана, то из Нубии с самого начала эпохи фараонов. Тем не менее это утверждение отнюдь не предполагает (как нередко считают), что долина Нила всегда была лишена деревьев, достойных этого названия.

Хотя на природных «дамбах», параллельных реке, и не росли настоящие «галерейные леса», лес там, тем не менее, был; более того, в период неолитического субплювиала, то есть с V по III тысячелетие до н. э., многочисленные деревья росли как вдоль рек, впадающих в Нил, которые тогда были полноводными, так и в саваннах, окружавших наносную долину.

Деревья (Lucas-Harris, 1962, 428–455), являющиеся уроженцами долины Нила и окружавших ее степей, широко использовались во все времена: это акация, сикомора и тамариск. К ним можно прибавить три вида пальм, ююбу, персею и иву. Их использование засвидетельствовано в Египте с додинастического периода, а иногда и с конца палеолита.

В долине Нила встречается множество видов *акаций*. Дерево акации твердое и обрабатывать его очень трудно, но, тем не менее, оно служило для постройки лодок и различных плотницких работ. Африканский *зизифус* или *ююба* (*Ziziphus spina-christi*) также очень труден в обработке; в плотницком деле он служит прежде всего для изготовления колышков при соединении сборных предметов. Плоды зизифа размером с маленькую вишенку часто фигурируют среди приношений, которые клали в гробницы (Emery, 1962).

Три вида *пальмы* известны с очень древнего периода. *Финиковая пальма* (*phoenix dactylifera*) имела дикую разновидность (*phoenix sylvestris*), которая росла в оазисе Харга в верхнем палеолите. Судя по всему, только со Среднего царства, в конце III тысячелетия до н. э. египтянам удалось поставить под контроль ее плодоношение (опыление)¹⁷. Уже до этого финиковая пальма использовалась в строительстве (потолочные балки, II–III династии); из ее волокон (на египетском арабском *лиф*), которые концентрируются между стволом и основой пальмы, делали веревки; пальмовые листья и их прожилки (по-арабски *герид*) использовались для изготовления циновок, корзин, сандалий, а также для строительства временных убежищ. Начиная со Среднего царства, а может быть и раньше, финики, которые уже употребляли в пищу, стали еще и добавлять в пиво, чтобы сделать его слаще, и пользоваться ими для приготовления алкогольного напитка — пальмового вина.

Пальма-дум (*hyphaene thebaica*) с характерным раздвоенным стволом растет только в Верхнем Египте, в Нубии и оазисах. Очень твердая, совсем неволокнистая древесина использовалась так же, как древесина финиковой пальмы, но прежде всего употреблялись ее плоды — «орехи дум»; эти съедобные плоды часто встречаются среди пищевых заупокойных приношений с самых древних времен.

То же самое можно сказать и о пальме *аргун* (*medemia argun*), плоды которой также регулярно находят в гробницах Древнего царства.

Персея (*mitusops schimperi*) — дерево нубийского происхождения; оно росло в египетской долине Нила еще с додинастического периода; это одно из характерных для древнеегипетского пейзажа деревьев. Иногда использовалась его прочная древесина.

¹⁷ Täckholm, *LÄ*, II. 267; см. также Saad, 1957, 9, где пальмовое вино упоминается уже при II династии.

Начиная с Нового царства, персея играла важную религиозную роль как священное дерево богини Сешат и бога Тота — божеств письма. Ее плоды, обнаруженные в многочисленных гробницах III династии, прежде всего в пирамиде Джосера, во время Нового царства имитировались в фаянсе.

Ива (*salix salsaf*), вне зависимости от того, является ли она местным растением, или нет для долины Нила, известна с самых древних времен, поскольку ее очень прочное дерево послужило ручкой для додинастического ножа.

Сикомор (*ficus sycomorus L.*) — это растение из рода фикусов, которое не имеет ничего общего с сикоморой холодных областей, которая, по сути, является кленом. Египетский сикомор — это дерево богини Хатор, которую часто называют «владычицей сикомора». Это дерево, возможно, пришедшее из Йемена, акклиматизировалось в Египте еще со времен неолита. Использовалась как его древесина, так и плоды, которые находят в заупокойных приношениях в гробницах еще с додинастического периода.

Тамариск, уроженец Египта, также засвидетельствован во множестве вариаций еще с неолита. Его древесина служила прежде всего для изготовления посохов и бумерангов вплоть до Нового царства и, в Тинитскую эпоху — для приготовления древесного угля.

Наряду с только что перечисленными семью видами, которые являлись основными для египетской древесной флоры, другие деревья и кустарники, также местные, занимали существенное место в экономике, прежде всего из-за их плодов и смол. Среди них можно назвать баланитес (*balanites aegyptiaca*), плоды которого давали масло, использовавшееся для приготовления духов; *розковое дерево* (*ceratonia siliqua*), которое ввезли в Египет при I династии ради его плодов и твердой древесины; *инжир* (*ficus carica*), плоды которого представлены в списке ритуальных приношений Древнего царства; *моринга масличная* (*moringa oleifera*) — из ее орехов получали масло; наконец, *терпентинное дерево* (*pistacia khinjuk*)^{18*}, из которого получали скипидар (терпентинное масло), а может быть, и ароматную смолу, которую использовали как благовоние с самых древних времен¹⁹.

Деревьев — уроженцев долины Нила было вполне достаточно для нужд зарождающейся цивилизации при небольшой плотности населения. Тем не менее этих ресурсов древесины и других продуктов деревьев быстро стало не хватать. Эта сравнительная нехватка, с одной стороны, была вызвана повышением сухости климата, которое повлекло за собой исчезновение деревьев в саванне и по берегам притоков Нила; с другой стороны — вырубкой леса, необходимой для возделывания наносной долины; и наконец, значительным демографическим подъемом, который, начиная с Тинитской эпохи, увеличил потребности населения. Эти различные причины объясняют то, что Египет должен был импортировать существенное количество как древесины, так и самих деревьев для посадки из Сирии и из Нубии.

Кроме того, из Сирии-Палестины в Египет пришли друг за другом (Lucas-Harris, 1962, 429–434): в додинастический период и при первых династиях — хвойные: ливанский *кедр*, *кипарис* и *сосна* из Алеппо, а также *можжевельник* (использовалась как

^{18*} Терпентинное дерево (*pistacia terebinthus*) и фисташка хинджук (*pistacia khinjuk*) — это разные растения; в Древнем Египте использовались и те и другие. — *Примеч. перев.*

¹⁹ См. V. Loret. La résine de térébinthe (*sonter*) chez les anciens Egyptiens, *RAPH*, 13, Le Caire, 1949, и замечания Keimer, *BiOr*, 11, 1954, 102–103.

древесина, так и ягоды); в эпоху Древнего царства появилась *пихта*, а в Среднем царстве — *тис*. При XVIII династии, в результате глубокого проникновения египтян в Малую Азию, импорт леса стал более интенсивным и в долину Нила проникли новые виды деревьев. Многие использовались при изготовлении колесниц, для которых было нужно легкое и прочное дерево; другие говорят о любви к экзотическим товарам в экономически процветавшем Египте. С 1450 года до н. э. в египетской Долине мы также находим *дуб*, *клен*, *ясень*, *ликвидамбар*, *вяз*, *миндальное дерево*, *гранатовое дерево*, *оливу*. Чаще всего импортировалась только древесина, но есть данные и о пересадке самих деревьев, которые выращивали в Египте.

Проблемой является импорт черного дерева (*эбенового дерева*). Само слово (по-египетски *hbnw*, откуда и греческое *εβενος*) — африканского происхождения. Оно очень рано появляется в иероглифическом письме. Тексты эпохи Древнего царства уже упоминают о его импорте и о том, что оно приходит с юга, чаще всего в связи со слоновой костью (Lucas-Harris, *ibid.*, 434–436). Тем не менее из-за частоты его использования при I династии, прежде всего для табличек, которые, судя по всему, служили для того, чтобы отмечать или увековечивать важные события различных царствований (Vandier, 1952, 614–615), следует задаться вопросом, не распространялась ли зона, где могло расти эбеновое дерево (*dalbergia melanoxylon*), на север вплоть до Египта, поскольку в ту эпоху климат был более влажным. Сегодня эбеновое дерево можно найти только к югу от линии, которая проходит от эль-Обейда на западе до Массауа на востоке (примерно по 14-й параллели). Как бы то ни было, эбен, который, безусловно, использовался еще с царствования фараона Аха (3100 год до н. э.), оставался одной из главнейших статей экспорта из Нубии в Египет вплоть до римской эпохи. Его твердая блестящая древесина могла быть использована множеством способов: после табличек и цилиндров Тинитской эпохи она служила для изготовления кресел и лож, сундуков и гробов, тростей и рукояток плетей, а также (в архаическую эпоху) для создания статуй.

Наконец, Нубия также снабжала Египет древесиной *акации*, дополняя местное производство.

Относительная редкость древесины заставила египтян использовать, а может быть, даже и изобрести, технику клееной фанеры: в ступенчатой пирамиде Джосера был обнаружен гроб, современный этому памятнику (около 2800 года до н. э.), который был сделан из досок от 4 до 30 см в ширину, склеенных в шесть слоев примерно в 4 мм толщиной каждая.

Во все эпохи зерновые играли основополагающую роль в питании египтян: «хлеб-пиво» — священная формула, обозначающая типичное загробное приношение, с точностью определяла ежедневную диету подданных фараона, как говорят об этом весьма многочисленные тексты и документы. Пиво делалось на основе хлеба, так что ячмень и пшеница являлись основой продуктовой экономики Египта.

Еще с верхнего палеолита, начиная с XV тысячелетия до н. э., присутствие мельничных жерновов и дробилок на очень многих поселениях Верхнего Египта и Нубии, а также присутствие на некоторых кремневых орудиях того, что специалисты по доистории определяют как характерную залощенность рабочего края, возникающую при срезании злаков, говорят о том, что к ресурсам ежедневного питания прибрежных

жителей Нила²⁰, полученным с помощью охоты, рыболовства и собирания раковин, прибавились дикие травы. Такое широкое использование зерен в питании в столь раннюю эпоху говорит об «одомашнивании» зерновых в долине Нила, происшедшем гораздо раньше, чем предполагалось до сих пор, и гораздо раньше прихода неолита. Египет, возможно, знал земледелие еще до Малой Азии, где традиционно располагают очаг земледелия. Эта проблема будет рассмотрена в следующей главе.

Само собой разумеется, что мы не знаем, какие именно зерна люди конца эпохи палеолита мололи в своих жерновах. В начале древнего додинастического периода (VI тысячелетие до н. э.) в долине Нила и Файюме засвидетельствовано множество зерновых: ячмень в двух вариациях (*hordeum hexastichum* и *tetrastichum*) и пшеница-двузернянка или эммер (*triticum dicoccum*), а также просо (*panicum*), сорго и один из видов гречишных (*polygonum serrulatum*); наконец, бобовое растение *вика* (*vicia sativa angustifolia*), судя по всему, выращивали тоже.

Дикий ячмень (*hordeum spontaneum*) существовал в Азии издавна. Судя по всему, именно он был «одомашнен» еще до того, как распространился в Египте; то же самое можно сказать и о пшенице, которая также очень давно существовала в Азии. Тем не менее, при отсутствии данных в долине Нила по периоду от 6400 до 5500 года ничто не позволяет понять, как именно, какой дорогой зерновые растения добрались из Азии в Африку.

С другой стороны, возделывание ячменя засвидетельствовано к западу от Нила, в нынешней Ливийской пустыне около 6000 года до н. э. (Hoffman, 1979, 219), что могло бы свидетельствовать об акклиматизации этого зернового значительно ранее фэйюмского неолита (около 5500 года до н. э.); по крайней мере, в отличие от Азии, для Африки это растение не местное²¹; это снова заставляет задуматься над проблемой происхождения сельского хозяйства в Египте. Как бы то ни было, ячмень и пшеница составляли основу питания египтян вплоть до римской эпохи²².

Египтяне питались не только зерновыми, но и овощами и фруктами. Овощи и фрукты нам известны как по изображениям в живописи и на барельефах, так и по их остаткам, которые находили в гробницах. Среди овощей известны: бобы, нут, чечевица, лук, чеснок, лук-порей, редис и различные кормовые растения и салаты, как, например, *нажитник* (тригонелла), *клевер*, *люпин*, *салат-ромэн*; из фруктов — *финики* и *инжир*, *виноград*, *гранат*, *арбуз* и *дыни*. Корневища водных растений, таких как *лотос* или

²⁰ Сношенность зубов, заметная на скелетах той эпохи, связана с диетой на основе зерновых, когда в муке всегда содержались мельчайшие камушки из жерновов — гранитных или из песчаника. Точно так же некоторые орудия, собранные при раскопках, содержат отметки, которые можно назвать залощенностью рабочего края, см.: Arkell, 1975, 9.

²¹ Trigger, 1983, 15–16, со ссылками на Clark, A Re-examination of the Evidence for Agricultural Origins in the Nile Valley, *Proceedings Prehist. Society*, 37, 1–33. Возможно, около 6000 года до н. э. собирались или даже культивировались и другие зерновые, помимо ячменя, прежде всего в оазисе Дункул вблизи Долины.

²² Возможно, что в додинастический период ячмень и пшеница не были единственными растениями, которые использовались в пищу. Зерна *echinocloa colona*, травы типа проса (могар) были найдены во внутренностях додинастических трупов в Нага-эд-Дейре (Trigger, 1983, 17). Можно также задаться вопросом, не использовалась ли также *ensete edule* в то же самое время для приготовления хлеба (Täckholm, *LÄ*, II, 267–268). Наконец, зерна сорго (*sorghum vulgare*) были найдены в бадарийской гробнице в Арманте (Mond-Myers, 1937, I, 137–138), но нет уверенности в том, что они современны погребению.

папирус, а также некоторые зерна, которые могли служить специями: *тмин*, *тимьян*, *кориандр*, дополняют этот список продуктов.

Наконец, цветы играли роль в заупокойном культе, как и в культе храмовом. Букеты клали на саркофаг во время погребения. И — по меньшей мере в эпоху Нового царства — в богатых домах нередко имелся бассейн, окруженный *хризантемами* и *васильками*, в котором росли лотосы; особенно голубой лотос, символ возрождения, с его приятным запахом, весьма ценился. Он присутствует повсюду в фараоновской иконографии.

Наряду с ресурсами питания, которые давали овощи, некоторые растения играли основополагающую роль в древней экономике долины Нила. В первую очередь следует назвать растения с волокнами (Lucas-Harris, 1962, 128–150) — пальмы, лен, папирус, камыши, — которые давали необходимое сырье для плетения корзин, изготовления циновок, тканей и различных предметов повседневной жизни: метел, щеток, кистей, корабельного такелажа, ниток, решет, сумок, сандалий, а также для плетеной мебели.

Из волокон финиковой *пальмы* изготавливаются еще и в наши дни грубые нитки, шнуры и ремешки; листья финиковой пальмы и дум-пальмы, порезанные на полоски, служили для плетения и изготовления циновок; центральные прожилки листьев финиковой пальмы — очень твердые — использовались в строительстве для потолков и прежде всего в качестве основы для разных предметов: корзинок, больших и малых, шкатулок и для мебели, такой как табуретки и кресла.

Лен (*linum usitatissimum*) использовался в Египте еще с неолита для изготовления тканей. Тем не менее вплоть до сегодняшнего времени в долине Нила не было найдено дикого льна (стк. *bienne* или *angustifolium*). Следует ли признать, что, как и пшеница, эта культура пришла с востока, где она засвидетельствована раньше всего? Принимая во внимание сложность операций, необходимых для использования льняного волокна: теребление, замочка, трепание, тканье — акклиматизация льна в Египте должна была произойти в самом начале неолита (около 5500 года до н. э.) или даже раньше. Он применялся в самых разных областях: зерна-семенные коробочки употреблялись в пищу, потом — для изготовления масла; необработанные стебли служили для плетения; нить, извлеченная из волокон, после длительной и тонкой обработки становилась самой распространенной в фараоновском Египте материей; еще с додинастического периода она служила для изготовления ткани исключительной тонкости как для живых, так и для мертвых.

Среди волокнистых растений *папирус* (*cyperus papyrus*) занимает особое место (Lucas-Harris, 1962, 137–140). Как и различные пальмы, он — чисто нильское растение, и нет сомнений в том, что его не импортировали с востока или с запада. Именно от него происходит французское слово *papier* «бумага» — через греческое *papyrus*, заимствованное, как считается, из египетского. Его использование засвидетельствовано еще в IV тысячелетии: в гробнице Хемака I династии (около 3000 года до н. э.) был найден свиток папируса — чистого, но готового к тому, чтобы на нем писать (Emery, 1938, 14). Техника изготовления папирусных свитков весьма сложна, и следует предполагать, что той степени разработки, которую мы видим в свитке Хемака, предшествовал долгий период проб и ошибок. Изобретение папируса, основного материала для письменности, таким образом, восходит к эпохе, предшествующей 3000 г. до н. э.

Помимо свитков, предназначенных для письма, папирус использовался во многих сферах жизни; этому способствовало его изобилие как в Верхнем, так и в Нижнем

Египте. Его корневища служили пищей и топливом. Стебли цветущего папируса были основой для букетов, которые дарили божествам и умершим. Стебли папируса, достигавшие в высоту 3 метров, связанные пучками, использовались для изготовления легких лодок, и еще с доисторических времен — при строительстве религиозных или частных построек. Архитекторы Древнего царства вдохновлялись папирусом в декоре стволов и капителей своих колонн. Наконец, волокна использовались так же, как пальмовые: плетение, циновки, ремешки, сандалии и даже табуретки.

И другие растения Долины использовали ради волокон. *Хлопчатник* (*Gossypium arboreum* или *G. herbaceum*) засвидетельствован в Нубии с эпохи неолита, где его употребляли на корм скоту (Trigger, 1983, 43). О его использовании в качестве текстильного волокна в Египте можно говорить с уверенностью только начиная с римского периода, хотя он был известен еще в конце IV тысячелетия до н. э. В Мохенджо-Даро в долине Инда, откуда его привезли в Месопотамию. Нити хлопка часто путают с льняными, и поэтому дата его появления в долине Нила в качестве текстиля остается неизвестной.

Египетские корзинщики, канатчики и ткачи с неолитического и раннего додинастического периода использовали множество растений, все местного происхождения: вид *альфы* или *алжирского ковыля* (*Desmodium bipinnatum*), растение из семейства сложноцветных (*Ceruaena pratensis*), *гибискус коноплевый* (*Hibiscus cannabinus*), *ситник* (*Juncus arabicus*) и, наконец, *тростник* (*Phragmites communis*), который использовался при изготовлении корзин — прежде всего для корзин-зернохранилищ в Меримде, — служил также для того, чтобы делать веретена, стрелы и флейты.

Не дерево, не зерновое, не водное и не волокнистое растение — *виноград* (*Vitis vinifera*) играл значительную роль в экономике и окружающей среде Египта, хотя потребление вина здесь всегда было значительно умереннее, чем пива, сваренного на основе хлеба. Является общепризнанным, что виноградарство, пришедшее из Месопотамии или с Ближнего Востока, где оно было известно уже в IV тысячелетии до н. э., было введено в Египте незадолго до 3000 года до н. э. (Forbes, 1955, 71). Если это действительно так, то оно должно было немедленно развиваться значительно дальше, чем когда-либо развивалось на своей так называемой родине. На самом деле уже с I династии (3000 год до н. э.) виноград выращивался как в Дельте, так и в Верхнем Египте: оттиски печатей с названиями виноградников были найдены в Абидосе и датируются этой эпохой. Виноградники давали как белый, так и красный виноград (Lucas-Harris, 1962, 16–22), хотя на изображениях чаще встречается второй. Анализы, проведенные на основе следов жидкости, оставшихся на стенках винных кувшинов, судя по всему, говорят о том, что египтяне делали как красное, так и белое вино. Начиная с исторической эпохи, многочисленные надписи на самих кувшинах уточняют происхождение вина (название виноградника), дату «закладки» в кувшин и иногда имя ответственного начальника виноградарей. Независимо от Долины, Файюм и прежде всего оазисы давали вино, которое весьма ценилось.

Египтяне умели также получать ферментированные напитки из различных растений; известно было также пальмовое, финиковое, гранатовое «вино» и «вино» из кордии (*Cordia myxa*).

Наконец, следует хотя бы бегло упомянуть о декоративных цветах и растениях (Kees, 1961, 82–86), поскольку, помимо уже упомянутой утилитарной роли, они занимали значительное место в фараоновской цивилизации. Наполненные религиозной и царской

символикой *лилии, ирисы, лотосы, папирус* в числе других служили приношениями как богам, так и монарху и умершим. Они фигурировали на всех праздниках, как мирских, так и священных. Более того, эти растения, наряду с некоторыми другими, служили для изготовления духов, мазей и лекарств²³.

Неоднократно говорилось о возможности иностранных истоков для растений, которые мы находим акклиматизировавшимися в Египте еще с неолита. Сегодня в их чужеземном происхождении начали сомневаться. Фактически происходит так, что когда вне Египта известно какое-то дикое растение в то время, как в долине Нила оно не известно, то *ipso facto* считают, что его возделывание распространилось из тех мест, где *сегодня* оно существует в дикой форме, в Египет, где тогда оно было неизвестно; чаще всего такое распространение происходит с востока на запад, из Азии в Африку.

Подобные предположения не принимают во внимание того факта, что дождевой режим в начале голоцена мог способствовать совершенно другому распределению дикой растительности, нежели то, которое можно вывести из ее *сегодняшнего* распространения (Trigger, 1983, 18–19). К тому же, с другой стороны, эппалеолитические и неолитические поселения азиатского Среднего Востока значительно многочисленнее, исследованы лучше и намного раньше, чем современные им поселения долины Нила, при том, что эти последние еще и нередко недоступны для археологического исследования из-за того, что они оказались очень глубоко под наносами речного ила. Примером может служить упомянутый выше случай с хлопком: вплоть до самых последних лет было неизвестно, что он существовал в долине Нила в такой глубокой древности. Таким образом, нужно быть осторожнее с выводами относительно происхождения растений, культивировавшихся в Египте, — сюрпризы вполне возможны.

Кроме того, само богатство дикой флоры нильской долины, как и возможность попыток domestikации некоторых растений еще в VII–VI тысячелетиях до н. э. местными жителями долины, могло пробудить в египтянах интерес к сельскому хозяйству и благоприятствовать развитию новых видов, прежде всего зерновых (Trigger, 1983, 15). Другими словами, одомашнивание было делом рук самих египтян, и не обязательно было следствием проникновения в Долину каких-то земледельцев, пришедших с Востока. Это основная проблема древней истории Египта, о которой мы будем говорить в следующей главе.

Минеральные ресурсы

Благодаря геологическим формациям долины и регионов, которые ее окружают, Египет обладает многочисленными ресурсами минералов и металлов (Lucas-Harris, 1962, 48–79; Harris, 1961, *passim*). Иногда, и не без причины, Египет — «цивилизацию камня» — противопоставляют Месопотамии — «цивилизации глины и кирпича», хотя фактически наносная долина Нила так же богата глиной, как и долины Тигра и Евфрата.

²³ Египетская фармакопея в основном базировалась на растениях. К несчастью, многие растения, упомянутые в медицинских трактатах, пока не идентифицированы; см. H. V. Deiner и H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Drogenamen, в *Grundriss der Medizin der alten Ägypter*; VI. Berlin, 1959, *passim*.

Высоты из песчаника и известняка окружали Долину, иногда непосредственно господствуя над рекой. Благодаря им у египтян в буквальном смысле под рукой были не только камни для строительства, но также и сырье для изготовления многочисленных орудий и предметов — кремь, алебастр и мергель из известняковых формаций на севере; кварцит и железистый песчаник из песчаниковых формаций на юге. Тем не менее, прежде всего вне Долины, но на вполне доступном расстоянии египтяне находили необходимые минеральные ресурсы для полного развития своей цивилизации. Там, где древние изверженные магматические породы африканской платформы господствуют в геологическом пейзаже: горная цепь Аравийской пустыни, область порогов, Ливийская пустыня — они могли добывать не только металлы — медь, золото, серебро, свинец, но также и прочные камни, которые художники и ремесленники умели обрабатывать уже на заре фараоновской цивилизации. Именно это использование камня в глубокой древности обеспечило египтянам несравненное владение техникой обтесывания самых твердых камней, мастерство, о котором и сегодня говорят бесчисленные предметы и памятники, как те, что хранятся в музеях, так и те, что до сих пор стоят по всей долине Нила как в Египте, так и в Нубии.

Восхитительные ножи, найденные в поселениях и гробницах как додинастической, так и Тинитской эпохи, показывают несравненное умение, которое египтяне приобрели в течение тысячелетий в обработке *кремня*. Он (в плотном и не лишенном примесей варианте — кварц-халцедон) имеется в изобилии в Египте и Судане, то в форме гальки вдоль всей Долины и во всех ее областях, то в виде желваков или пластин более или менее значительной величины в залежах известняка, которые разрабатывались в неолитических «рудниках».

Цвет кремня мог быть разным — светло-желтый, желтый, темно-серый. Он использовался еще в палеолите, но его использование продолжалось в Египте вплоть до Среднего царства и не прекратилось до самой Греческой эпохи; в Среднем царстве он все еще конкурирует с медью, прежде всего в области вооружений. Самая частая область употребления кремня — для оружия и орудий: наконечников стрел, дротиков и копий, ножей, ножниц, резцов, скребков, лезвий серпов и т. п., но он служил также и для изготовления браслетов и даже мисок (начиная со II династии), что говорит о значительном умении ремесленников. Тексты упоминают об использовании кремня в изготовлении некоторых амулетов — из-за его магических свойств.

Обсидиан, сравнимый с кремнем по твердости и использованию в качестве оружия и инструмента, использовался в Египте с додинастического периода прежде всего для изготовления наконечников копий и ножей. Далее он служил скульпторам: из обсидиана делали зрачки глаз, которые вставляли в статую, а также бусы, амулеты, скарабеев и даже маленькие вазы (прежде всего в Среднем царстве).

Натуральное вулканическое стекло более или менее интенсивно-черного цвета, иногда отдающего зеленым, обсидиан, видимо, не встречался в самом Египте; его залежи, однако, имеются в Абиссинии и в Судане. Вполне вероятно, что обсидиан, использовавшийся в Египте, происходил из этих регионов, по меньшей мере вплоть до Нового царства; начиная с XVIII династии, вполне возможно, что его импортировали из восточного Средиземноморья, может быть, и с греческих островов, где он встречается в изобилии.

Как обсидиан и кремь, к которым он очень близок, *кварц* использовался для выделки орудий в долине Нила еще с эпохи палеолита: бифасы ашельского типа, сделан-

ные из кварца, в большом количестве встречаются в Нубии. Несмотря на его твердость — больше, чем у стали, — кварц уже с додинастического периода использовался в Египте для изготовления ваз. В Древнем царстве кварц (в форме *горного хрусталя*) становится материалом для хрусталиков в глазах статуй.

Кварц — кристаллическая форма кремнезема — встречается во множестве видов; он может быть бесцветным и полупрозрачным или даже совсем прозрачным (горный хрусталь), или молочно-белым, коричнево-черным, или зеленым и даже фиолетовым (аметист). Кварц в изобилии встречается в Египте и Судане, где его находят в виде рудных жил в первичных породах вулканического происхождения, в самое Долине и в камнях, которые формируют пороги, а также в горах Аравийской пустыни и в холмах у Красного моря; именно в кварце было золото, которое добывали в эпоху фараонов.

Окремневший песчаник, как и уже перечисленные камни, также служил для изготовления орудий: в палеолите — бифасов, в неолите — наветший палиц и различных других инструментов. Под названием *кварцит* он может иметь значительные вариации в цвете, переходя от белого к желтому и к различным оттенкам красного. Зерно, из которого он состоит, может быть тонким или грубым. В историческую эпоху архитекторы нередко пользовались им для изготовления дверных порогов из-за его твердости, но прежде всего его употребляли ремесленники для выделки саркофагов и статуй: знаменитые «колоссы Мемнона» вырублены из кварцита. Окремневший песчаник и кварцит часто попадают рядом с наносной долиной; в Египте, и прежде всего в Гебель Ахмар близ Каира, в пустынях — Восточной и Западной, — и в Вади Натрун; в Нубии он встречается повсюду, возвышаясь над слоями «нубийского песчаника» (это *ferricrete sandstone* англоязычных археологов).

Среди камней, состоящих в первую очередь из кремнезема, следует также упомянуть *окаменелое дерево*, которое в большом изобилии встречается в Египте и в Нубии, как к востоку, так и к западу от реки. Несмотря или, скорее, благодаря его исключительной твердости, египтяне очень рано начали его использовать: в неолите из него делали дробилки и молоты. В Новом царстве из этого камня, который практически не поддается резцу, высекали статуэтки.

Долерит, который не содержит кремнезема, служил для инструментов в самые древние эпохи. Базальт исключительной твердости, он использовался для молотков, прежде всего в карьерах и для добычи других камней. Его находят в Восточной пустыне и в Файюме, где его добывали еще с Древнего царства.

Независимо от его использования для оружия и орудий, которое нередко восходит к палеолиту, сырье минерального происхождения играло значительную роль в Египте еще с эпохи неолита. Так, *глина*, которая наряду с песком составляет основной элемент нильских отложений, применялась для множества целей. С добавлением простого связующего вещества — соломы или навоза — нильский ил, то есть глина, служил для изготовления кирпичей. Кирпичи, высушенные на ветру и на солнце, использовались для построек еще с раннего додинастического периода. «Сырой» кирпич оставался основным материалом для гражданской архитектуры и даже царских построек Египта; лишь некоторые погребения и святилища воздвигали из отесанного камня, и эта каменная архитектура еще долгое время воспроизводила в некоторых своих элементах изображения кирпичей и глиняной массы из первобытных сооружений (Е. В. Smith, 1938); глиняная масса, также состоявшая из глины, служила (с помощью растительных

веществ) для строительства как первых человеческих жилищ, так и первобытных святилищ. Глина прежде всего входила в состав строительного раствора, необходимого для связи кирпичей и покрытия стен гладкой штукатуркой, которую можно было расписывать и декорировать. Наконец — и в первую очередь — глина из нильского ила была основной составной частью керамики начиная с неолита, а также «египетского фаянса», столь характерного для цивилизации фараонов.

Наряду с глиной, которую давала река, горшечники и ремесленники использовали также ископаемую глину (мергель), которую находили в некоторых слоях известняковых утесов Верхнего Египта, прежде всего в Кене и Балласе. Эта беловатая глина позволяла делать пористые сосуды и в этом качестве используется и до наших дней. Это то, что археологи называют «керамикой Кена».

Еще с первых династий камень, прежде всего известняк и песчаник, используется в постройках, сначала для выкладки плиточного покрытия и потолков архаических гробниц, затем, начиная с III династии, для постройки все более и более сложных зданий.

Известняк преобладает вплоть до Нового царства. Его в изобилии находят как с востока, так и с запада от наносной долины Нила, вплоть до Гебель Силсилы в Верхнем Египте. Зачастую (именно так дело обстоит с великими пирамидами), известняк брали в том самом месте, где должны были строить памятник. Только куски более качественного гранита, предназначенные для различной внутренней и внешней облицовки, происходили из более или менее отдаленных карьеров, как, например, каменоломни Туры близ Каира в Нижнем Египте или из Гебелейна к югу от Луксора — в Верхнем.

Начиная с середины XVIII династии (XVI века до н. э.) *песчаник*, который уже использовался для облицовки начиная с архаической эпохи, зачастую заменяет известняк в больших храмовых постройках. Песчаник также в изобилии встречался по обоим берегам реки, к югу от Эдфу; его извлекали из многочисленных карьеров. Самые важные находились в Гебель Силсиле.

Наряду с известняком и песчаником для строительства целых зданий или их части широко использовались и другие камни. Так, например, *гранит*, черный или красный, мы уже встречаем как материал для дверных косяков или облицовки в царских гробницах двух первых династий. Именно из него построен большой «Долинный храм» Хефрена при IV династии, и вслед за этим он стал широко использоваться для облицовки и для порогов дверей, как и для колонн, столбов и обелисков.

Кристаллическая порода вулканического происхождения — гранит встречается в горах Аравийского полуострова, на Синае, в цепях скал, которые образуют пороги в Египте и Нубии. Тем не менее разрабатывался он прежде всего в Асуане, где близость Нила облегчала его перевозку в различные регионы Египта.

Алебастр, или *кальцит*, использовавшийся прежде всего скульпторами во все эпохи для изготовления наосов, саркофагов, статуй, ваз, использовался также и в постройках еще с додинастического периода. Тогда он употреблялся для мощения и облицовки стен коридоров и целых комнат в святилищах. Он разрабатывался в многочисленных карьерах, самые важные из которых — карьеры Хатнуба, к востоко-юго-востоку от Телль эль-Амарны в Среднем Египте, где были найдены иероглифические надписи времени от Древнего царства до конца II Переходного периода.

Хотя и обладает очень большой твердостью, *базальт* (или *долерит*, когда зерно грубое, см. выше) широко использовался архитекторами Древнего царства, прежде

всего для облицовки плитами. Он встречается в карьерах к северо-западу от Гизы, но прежде всего в Файюме, то есть достаточно близко от памятников, где использовалась эта порода — черная, тяжелая и плотная: в Саккара, Абусире и Гизе.

Следует, наконец, упомянуть *gips*, который египтяне использовали в своих постройках с додинастического периода. Он служил для приготовления гипсового раствора, которым покрывали стены и потолки гробниц и храмов перед росписью; он служил также для выравнивания неровностей камня перед нанесением рисунков или высечением барельефов.

Египет изобилует гипсом, как в стратифицированных геологических отложениях к западу от Александрии в Файюме и вблизи Красного моря, так и в форме кристаллов, которые можно собирать в пустынях как к западу, так и к востоку от реки, там, где выходит на поверхность известняк.

Среди множества предметов, найденных в погребениях фараоновского Египта, один из самых прекрасных и самых характерных — это *каменные вазы*, которые появляются в долине Нила с IV тысячелетия до н. э., в эпоху неолита и прежде всего в раннем додинастическом периоде (Накада I). Вазы высекали из самых твердых камней — гранита, базальта, кварцита, о которых мы только что говорили, а также и из различных брекчий, диоритов, мрамора и многих других камней; уже благодаря им одним Египет заслуживает наименования «цивилизации камня». Вазы выставляют в музеях, а барельефы и живопись Древнего царства показывают нам, как именно их делали. Лишь с трудом можно себе представить, чем была в Древнем Египте эта «индустрия», ибо как еще можно назвать производство, которое в начале III династии (около 2000 года до н. э.) уже способно было достичь примерно 40 000 ваз, найденных в пирамиде Джосера?

Камни, использовавшиеся для изготовления ваз, судя по всему, выбирались прежде всего по цвету. Это были: *брекчия*, красная и белая из региона Асьюта или зеленая — из Вади Хаммамат; асуанский *диорит*, черный или темно-зеленый с белыми пятнами; разновидность этой породы — *диорит-гнейс*, который послужил также для изготовления знаменитой статуи Хефрена (в музее Каира), его извлекали из карьера, расположенного в Западной пустыне к северо-западу от Абу-Симбела. В горах Аравийской пустыни находят еще и *доломит*, белый непрозрачный кристаллический известняк с темно-серыми прожилками; *мрамор* — вид кристаллического известняка, прежде всего белый или серый, но также и других цветов и с другими прожилками; черный и белый *порфир* из Асуана; и то, что часто (может быть, ошибочно) называют *сланцем*²⁴ — черный зернистый камень, очень тонкий, напоминающий шифер; его основным, если не единственным источником, судя по всему, был регион Вади Хаммамат между Кеной и Кусейром. Этот псевдо-сланец также широко использовался для палеток с рюмками, начиная с периода Накада I вплоть до начала I династии. Следует добавить также серпентин и стеатит; оба представляют собой оводненные силикаты магния, хотя и выглядят по-разному. *Серпентин* — камень темно-зеленого цвета, почти черный —

²⁴ По-английски *greywacke* (граувакка) (Lucas-Harris, 1962, 419–420; Harris, 1961, 78–82), по-египетски это «камень бежен» (= Wb. I, 471); его добывали в Вади Хаммамат, вблизи золотых месторождений. Красный порфир Гебель Дохана близ Асьюта, судя по всему, стал добываться только в римскую эпоху.

гораздо легче обрабатывать, чем уже упомянутые камни; он изобиливал в Восточной пустыне и широко использовался для ваз, иногда также и скульпторами. *Стеатит* в основном белый или серый, редко — черный; он еще мягче серпентина и служил для изготовления ваз, но прежде всего — небольших предметов: бусин, амулетов, скарабеев, которые затем покрывались эмалью.

Ко всем этим камням, использовавшимся в «индустрии» производства ваз, следует добавить те, что были упомянуты выше в связи с орудиями или постройками: кварц, обсидиан, кварцит, гранит, базальт, кальцит, которыми ремесленники также пользовались для изготовления ваз.

Египетская цивилизация отводила особое место бусинам, амулетам и драгоценностям, которые были украшениями, но в то же время и «талисманами» — то из-за формы, то просто — и очень часто — из-за цвета или используемого материала. Именно поэтому они были тесно связаны с религией, что подтверждает их значимость. Чтобы делать все эти вещи, ремесленники использовали камни, которые обычно называют «полудрагоценными». Как и большая часть упомянутых до сих пор камней, эти камни происходили из первоначальной африканской платформы: они выходят на поверхность как в Восточной пустыне (горы Аравийской пустыни), так и в регионе порогов, прежде всего первого порога, у Асуана, или же в Западной пустыне у Файюма и в ливийских оазисах, где их находят в рудных жилах или на поверхности земли в виде булыжников или галек. Все эти камни были известны и использовались с додинастического периода, некоторые — с неолита. В ряде случаев нам известны рудники или карьеры, где их добывали.

Из Восточной пустыни прибывали *агат*, *оникс*, *сардоникс* и зеленый *хризопраз*: они являются вариациями халцедона, цвет и рисунок полос разные в каждой вариации; *берилл* — разновидность изумруда, которую нередко путают с *зеленым полевым шпатом* или *амазонитом*: он, в противоположность тому, что считалось недавно, встречается не только в Тибести, но и в Египте, к востоку от Долины; различные *яшмы* — красные, зеленые, желтые; *малахит*, использовавшийся прежде всего в виде порошка как косметика для глаз, но также и для изготовления бусин и амулетов.

Некоторые полудрагоценные камни приходили также из пустынь востока и запада, из Файюма или из ливийских оазисов: такие как *сердолик* (красный полупрозрачный халцедон); собственно *халцедон* — разновидность полупрозрачного кремнезема, белый или сероватый, отдающий голубым; *гранат* — в Египте очень темно-красный; наконец, *горный хрусталь* — разновидность прозрачного кварца.

Некоторые редкие камни, как, например, *гематит* густого черного цвета, использовавшийся для украшений, но также и для изготовления палочек, которые служили для нанесения подводки для глаз, а также *оливин*, бледно-зеленый прозрачный камень, оба использовавшиеся в додинастический период, безусловно, встречаются в Египте, хотя точное их местонахождение пока не известно.

Напротив, *аметист*, прозрачный кварц фиолетового цвета, происходил в эпоху Древнего царства из месторождения, расположенного в 65 километрах к северо-западу от Абу-Симбела, а в Среднем царстве — из Вади эль-Худи в 30 километрах к юго-востоку от Асуана.

Точно так же *бирюза*, активно использовавшаяся в эпоху неолита, происходила с Синая, точнее — из рудников Вади Магара и Серабит эль-Хадим, где она находится

в жилах метаморфического песчаника. Эти жилы разрабатывались во все времена, как свидетелемствуют об этом многочисленные надписи, обнаруженные вблизи рудников.

Лазурит представляет собой особую проблему. Этот непрозрачный темно-синий камень с белыми прожилками использовался в Египте еще с додинастического периода как в ювелирном искусстве, так и для бусин, амулетов, небольших предметов. В наши дни его находят преимущественно в Афганистане; клад из Тода, в котором были не только предметы из лазурита, прежде всего цилиндры с клинописными надписями, но также и необработанные камни того же лазурита, подтверждает, что лазурит в эпоху Среднего царства импортировали из Азии. Обстояло ли дело так же в додинастическую эпоху и в период Древнего царства? Мы этого точно не знаем. Принимая во внимание изобилие лазурита в очень ранний период, геологи признают, что его месторождения могли бы существовать и в Египте — месторождения, которые, как и с гематитом и оливином, просто ускользают от исследователей.

В завершение этого перечня ресурсов минерального происхождения, которыми располагал фараоновский Египет, следует отметить еще *квасцы*, которые служили для обработки шкур и в красильном деле; их находят в оазисах Дахла и Харга. *Графит*, связанный с некоторыми видами сланца в Восточной пустыне, использовался, судя по всему, гончарами. Различные вещества на основе *марганца*, широко распространенного в Египте и Нубии в песчаниковых отложениях, использовались для красок при производстве эмалевой пасты (египетский фаянс). *Слюда*, связанная с месторождениями гранита, использовалась в Среднем царстве в Нубии и в Египте для изготовления различных украшений и зеркал. *Натрон*, естественный гидрокарбонат натрия, широко использовался во все эпохи для мумификации, в обрядах очищения как добавка к благовониям и в изготовлении фаянса и стеклянной пасты; его в изобилии находят в Восточной пустыне и прежде всего в Вади Натрун. *Соль*, хлорид натрия, встречалась в Египте в большом количестве благодаря лагунам Дельты: она использовалась в фармакопее и, начиная по меньшей мере с Древнего царства, для засолки рыбы. Наконец, *сера*, которую находят вместе с гипсом на египетском берегу Красного моря и которая, как ни странно, иногда служила для изготовления амулетов.

Ресурсы металлов

Среди ресурсов, которыми мог располагать фараоновский Египет, металлам следует отвести особое место из-за той роли, которую они сыграли в развитии цивилизации (Harris, 1961; Lucas-Harris, 1962, 257–269). Тем не менее важно подчеркнуть, что в древности и прежде всего в Египте металлы не играли такой важной роли, как в наши дни. С одной стороны, население было сравнительно редким и его потребности были скромными, а с другой стороны, твердые камни, в том числе кремнь, зачастую могли заменить металл. Было бы ошибкой считать, что появление в долине Нила меди в конце V тысячелетия до н. э. стало значительной «революцией». Цивилизация Египта в эпоху медно-каменного века существенно не отличалась от цивилизации неолитического Египта. С другой стороны, важность металла, прежде всего вначале, была связана скорее с его религиозной и даже магической ролью, нежели с экономической.

Единственными металлами, которые были в Египте в постоянном употреблении, долгое время оставались медь, золото, серебро и свинец. Олово начало использоваться само по себе лишь начиная с XVIII династии (около 1580 года до н. э.). Железо стало употребляться достаточно часто лишь в Позднюю эпоху, после 1000 года до н. э. Еще в Греческую эпоху оно было достаточно редким и, следовательно, слишком дорогим, поэтому его использование для сельскохозяйственных или ремесленных работ строго контролировалось: каждый вечер крестьяне и рабочие передавали надзорителям свои железные орудия; их взвешивали, запирали на ключ и потом снова раздавали, когда работа возобновлялась. С другой стороны, то же самое можно сказать и о меди и бронзе до того, как железо постепенно не заменило их в повседневной жизни.

В природе *медь* встречается в чистом виде редко в виде песка или самородков, наподобие золота; ее приходится извлекать из минералов, которые на первый взгляд не содержат металла. Тем не менее нередко считается, что в Египте она использовалась раньше, чем железо. Это первенство может основываться на том факте, что минералы, содержащие медь, в основном имеют яркий цвет, зеленый или голубой, и что при их поисках и разработке был открыт металл. Так произошло, помимо остальных, например, с малахитом, который пользовался огромным спросом как основа для косметики для глаз с начала додинастического периода, если не раньше, в тот самый момент, когда в долине Нила появилась медь. Фактически все условия для раннего обнаружения меди объединились в Египте в конце VI века до н. э. (Lucas-Harris, 1962, 201; Trigger, 1983, 30).

В Египте имеются многочисленные залежи медной руды, которые все разрабатывались в древности. Они находятся на Синае и в Восточной пустыне и, таким образом, были легко доступны. Были рудники и в Нубии, прежде всего в районе II порога: они использовались египтянами в эпоху Древнего царства.

Медь добывали из разных руд: *медной лазури* прекрасного темно-синего цвета, *хризоколла* — голубого или зелено-синевого, наконец, и прежде всего — из малахита. Ярко-зеленый *малахит* гораздо более богат медью. Медь, полученная из этих различных минералов, почти всегда содержала небольшую примесь золота. Обрабатывать эту руду просто, поскольку температура плавления меди не слишком велика; требовалось лишь немного единственного доступного топлива — дерева, которое к тому же благодаря климату, тогда намного более влажному, в достаточном количестве росло в долине Нила и на подступах к ней.

Таким образом, при своем зарождении и значительное время спустя, египетская цивилизация на своей территории или в непосредственной близости к ней располагала вполне достаточными ресурсами меди, принимая во внимания все еще слабую потребность в металле при ограниченной численности населения. Импорт меди, прежде всего из Азии и Кипра, начался лишь в эпоху Нового царства.

Золото появилось в Египте очень рано, почти в то же время, что и медь или чуть позже, к концу V или в начале IV тысячелетия. По сравнению с соседними цивилизациями того времени, Месопотамией и сиро-палестинским коридором, Египет был богат золотом: оно присутствовало, если даже не изобиловало, во многих местах: вокруг порогов Нила, а также в горах Аравийской пустыни в Египте или в холмах у Красного моря в Нубии. Речная эрозия, следовавшая за несколькими влажными периодами, собрала в песке вadi, впадавших в Нил, зерна и слитки, вырванные из

многочисленных золотоносных скал, расположенных к востоку от Долины. Вполне правдоподобно предположение, что именно промывка этого песка давала золото для первых украшений и драгоценных вещей додинастического Египта и первых династий. Наконец, золото получали из золотых жил, содержащихся в кварце. Считается, что в Египте и Нубии есть больше ста мест, где есть неоспоримые следы разработки золота в древности. Геологи нашего, XX века, могут утверждать, что ни одно сколько-нибудь важное месторождение золота не ускользнуло от внимания древнеегипетских разработчиков.

Следует заметить, что в египетском золоте всегда содержится определенная примесь серебра, иногда — меди и временами — железа.

Насколько мы можем быть уверены (всегда возможно какое-нибудь случайное открытие, см. ниже об олове) — *серебра* не было в Египте ни в виде самородков, ни в виде чистой сереброносной руды. Напротив, оно всегда присутствует в золотоносной руде в Египте, как и в Нубии, и всегда со свинцом (в меньшей пропорции). Что касается серебра, то процент его содержания в золотой руде бывает различным; он может доходить от 10 % до 24 %, и в этом последнем случае золото оказывается белым на вид и, таким образом, может путаться с серебром (см. ниже, об *электре*). Возможно, именно из такого золота делали бусы, амулеты и разные мелкие предметы, которые находят начиная с додинастического периода или в течение Древнего царства и которые в публикациях называют «серебряными». Не исключено, что эти изделия изготавливались из металла, полученного из смешения египетских золото-серебряных руд, еще более богатых серебром. Некоторые из этих руд фактически могут содержать до 60 % серебра: начиная с 50 % примеси металл выглядит совсем как чистое серебро, и только анализ (который невозможно производить на этих предметах) может определить, идет ли тут речь о естественном сплаве. Наконец, следует задаться вопросом, не были ли залежи наиболее богатых серебром минералов, и даже чисто сереброносные руды, истощены уже в древности, поскольку не следует забывать, что вплоть до конца Среднего царства серебро (по-египетски *ḥd/хедж*, ср.: Harris, 1961, 41–44) стоило больше, чем золото, и спрос на него, таким образом, был больше. Только с импортом азиатского серебра в Новом царстве (начиная примерно в 1550 года) относительная цена серебра к золоту перевернулась в пользу этого последнего. Вне зависимости от его использования как драгоценного металла, серебро имело также и символическую ценность: в религиозных текстах, если плоть божеств состоит из золота, то их кости, наоборот — из серебра.

Свинец часто использовался египтянами додинастического периода. В самом Египте есть множество его залежей вблизи Красного моря. Совсем недавно в Гебель Зейте было обнаружено поселение, относящееся по меньшей мере к Среднему царству. Было найдено множество колодцев для извлечения *галенита* (свинцового блеска), который очень богат свинцом; там проводятся раскопки. Свинец использовали как косметику для глаз в виде истолченной руды, но использовался он и как металл для изготовления различных предметов, прежде всего грузил для рыбных сетей. Извлечение металла из руды не представляет никакой трудности из-за его очень низкой температуры плавления.

Долгое время считалось, что *олова* вне зависимости от изготовления бронзы в Египте не было и что, следовательно, металлургический способ его сплавления с медью, как

и сам металл, пришли с востока и были завезены в долину Нила только начиная с эпохи гиксосов. На самом деле бронза — сплав меди и олова — известна в Египте еще с IV династии (между 2700 и 2500 годами до н. э.), и если и вероятно, что именно Азия, где бронза засвидетельствована в Месопотамии примерно в 3500–3200 годах до н. э., познакомила с этим металлом Египет, то ничто не заставляет нас считать, что после того, как бронза появилась в Долине, ее распространение продолжало быть связано с Азией. Фактически, в Восточной пустыне имеются залежи олова, иногда — вместе с медью в виде жил в некоторых породах или вместе с золотом в золотоносных песках.

Чистое олово, не связанное с медью, египтяне использовали очень мало. Тем не менее следует отметить несколько небольших предметов периода XVIII династии: прежде всего кольца и сосуд.

Железо в Египте имеется в двух видах: в метеоритах, где оно связано с никелем, и в руде гематите, особенно богатой металлом. Кроме того, оно присутствует в форме окиси железа в ископаемых глинах — желтой и красной охре. Таким образом, в Египте оно встречается в изобилии, и его использование засвидетельствовано с додинастического периода, когда бусы, амулеты и небольшие украшения вырезались непосредственно из гематита, использовавшегося как простой камень; из того же материала впоследствии делались палочки, которые служили для нанесения подводки для глаз. Наконец, также в додинастический период железо, извлеченное из метеоритов, служило для изготовления небольших трубковидных бусинок.

Несмотря на такое очень раннее и весьма ограниченное использование, железо по-настоящему стало употребляться в Египте только начиная с XVIII династии и широко распространилось только к XXVI династии (VII в. до н. э.). Очень позднее распространение железа, несомненно, связано с тем фактом, что, по сравнению с медью, его также легко получить, но при этом оно не обладает такой ковкостью, и его можно обрабатывать только в горячем виде, что требует наличия инструментов, прежде всего щипцов и молотов с рукоятками, которыми египтяне в древние времена не располагали.

Техника сплавления различных металлов также практиковалась египтянами. Тем не менее *электр* — сплав золота и серебра — существует в Египте в природном виде, поскольку здесь золотоносные руды всегда содержат более или менее существенную примесь серебра. Таким образом, ремесленникам и ювелирам было достаточно выбрать золотоносную руду с достаточной примесью серебра (от 20 % до 30 %), чтобы получить металл бледно-желтого цвета, который именовался *d'm/джам* и отличался от чистого золота, *nbw/нуб*. Более твердый, чем чистое золото, он употреблялся в ювелирном деле начиная с первых династий.

Бронзу, сплав меди и олова, техника которой, возможно, была принесена в Египет в III тысячелетии до н. э. (см. выше), получали посредством смешения не металлов, но собственно руд — медной и оловянной.

Латунь, сплав меди и цинка, засвидетельствована с додинастического периода и, как и электр, она является природным сплавом; некоторые египетские медные руды действительно содержат некоторую примесь цинка.

Следует, наконец, отметить, что несколько литых предметов, которые считаются медными, фактически состоят из сплава меди и свинца, поскольку, судя по всему, для того, чтобы облегчить производство, во время разливки по формам к меди добавляли некоторую примесь свинца.

Природные ресурсы, которыми располагал Египет, несколько разнообразились и во времени. В эпоху неолита и в течение более чем тысячи лет, благодаря сравнительно влажному климату, их изобилие благоприятствовало быстрому распространению первоначальной цивилизации. К растительным продуктам, которые давала наносная долина после каждого прилива, добавились те, что производили соседние степи: зерновые и травянистые растения служили пищей людям и кормом для домашних животных, как и для дикой фауны, которая оставалась разнообразной и обильной. Эта фауна использовалась человеком, охотившимся на животных, но в то же время она давала ему новых подопечных для одомашнивания. С другой стороны, река и заводи, которые она оставляла после отступления наводнения, а также болота Дельты вносили серьезный вклад в питание благодаря рыбе, постоянной водной фауне и перелетным птицам.

Собирательства, скотоводства, рыболовства и охоты, таким образом, было вполне достаточно для того, чтобы кормить группы людей, которые, несомненно, уменьшились и рассеялись как после засушливости конца палеолита, так и ряда катастрофических разливов Нила в VI тысячелетии до н. э. Снова собравшись в Долине и на подступах к ней в V тысячелетии, эти группы для своего процветания не нуждались ни в ирригации, ни даже в сельском хозяйстве²⁵.

Ресурсов минералов и металлов в Долине и вблизи нее было вполне достаточно для нужд немногочисленного населения. Золота, в числе всего прочего, в Египте хватало и, при прочих равных, оно, скорее всего очень рано дало возможность участвовать в весьма плодотворном обмене с современными египетскими цивилизациями Месопотамии. Фактически, к востоку от Нила пустыни не было, и через долины рек притоков, тогда еще действовавших, связи с долинами Евфрата и Тигра не составляли большого труда, несмотря на эритрейскую депрессию.

Итак, объединились все условия для того, чтобы коллективы людей, объединившиеся вокруг Бадари и Накады в Верхнем Египте или между Харагой и острием Дельты, могли начать быстро развиваться. Эти естественные условия оставались благоприятными вплоть до конца Древнего царства около 2200 года до н. э. Тогда существовало равновесие между продуктами земледелия и скотоводства.

С концом неолитического субплувияла в течение III тысячелетия до н. э. ситуация стала понемногу меняться. Ресурсы все больше стали зависеть от единственной наносной долины реки. Несомненно, что именно тогда и только тогда развилась ирригация, которая обеспечивала лучшее и более изобильное производство зерновых, хотя и в ущерб скотоводству, терявшему свою значимость. С другой стороны, вследствие как растущей влажности, так и чрезмерного использования ресурсов охоты, дикая фауна значительно обеднела, и многие виды исчезли. Охота играла лишь второстепенную, в значительной степени ритуальную роль. Напротив, рыболовство и использование болот продолжали играть основополагающую роль в экономике.

²⁵ В течение нескольких лет, между 1979 и 1984 годами, на основании раскопок, производившихся в Вади Куббании в Верхнем Египте близ Асуана, считалось, что возделывание ячменя и пшеницы практиковалось в Египте населением эпохи верхнего палеолита, около 12 500 года до н. э.; теперь эти данные опровергнуты (см.: Wendorf и Schild. Some implications of late Palaeolithic cereal exploitation at Wadi Kubbania (Upper Egypt), в: Krzyżaniak и Kobusiewicz (éd.). *Origin and early development of food-producing cultures in North-Eastern Africa*. Poznań, 1984, 117–127.

Начиная со Среднего царства, переход от смешанной экономики из скотоводства и земледелия к экономике в основном земледельческой стал свершившимся фактом. В то же самое время из-за роста населения, но прежде всего из-за присутствия на границах Египта агрессивных групп людей, местных ресурсов металлов стало не хватать; прежде всего это относится к меди и, может быть, к олову для изготовления бронзы, которое развивалось тогда.

Египет начинает ввозить металл с Ближнего Востока (серебро, медь) в Среднем и еще более в Новом царстве. Напротив, золота по-прежнему хватает не только для местных нужд, несмотря на его важность для погребального инвентаря, но оно также играет значительную роль в политике экспансии на восток фараонов-Тутмосидов, как показывает амарнская переписка между мелкими азиатскими князьями и Аменхотепами III и IV.

В эпоху Нового царства скот, в свою очередь, становится объектом импорта как с Юга, так и с Северо-востока. Тем не менее несмотря на появление важного импортного товара фараоновский Египет остается, по сути, экономически самодостаточным. Тем не менее при прочих равных условиях во время относительно редких и кратких периодов недостаточного разлива или плохих урожаев, ресурсов его собственной почвы достаточно, чтобы прокормить население, которое (об этом следует помнить) по численности значительно уступало сегодняшнему.

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

Благодаря письменности древнеегипетский, наряду с семитским, стал одним из древнейших известных нам языков человечества. Судя по всему, на нем уже говорили в долине Нила в начале ранней додинастической эпохи (амратской или Накада I) около 3800 года до н. э., и ничто не мешает предполагать, что так было и раньше.

Лингвисты относят египетский язык эпохи фараонов к большой семье так называемых «хамито-семитских» языков или, как сейчас чаще ее называют, «афро-азиатских». Эта семья, в свою очередь, делится на пять или шесть больших различных групп, в которые входят:

1) *семитская* (аккадский, финикийский, иврит, арамейский, арабский и южноарабский);

2) *древнеегипетский* (и его потомок — коптский);

3) *кушитская* (языки, на которых говорят к востоку от Нила до Эфиопии);

4) *ливийско-берберская* (древние и современные языки, на которых говорили на южном побережье Средиземноморья, в Сахаре и к югу от Асуана — древний и современный нубийский);

5) *чадская* (к западу от средней долины Нила).

Если мы вместе с некоторыми лингвистами признаем, что кушитская группа фактически делится на две языковые семьи: собственно кушитскую, с одной стороны, и *омотскую* — с другой, то мы получим шесть больших групп родственных языков (Trigger, 1983, 11–12).

Из-за многочисленных сходств между древнеегипетским и семитской группой, недавно даже считали, что египетский является чисто семитским языком, который «испортился» в результате длительного контакта с африканскими языками. Эта концепция фактически основывалась на теории вторжения в долину Нила в последний додинастический период (герзейский или Накада II) некоей «новой расы», которая якобы принесла в Египет сразу цивилизацию, язык и письмо. Эта гипотеза теперь отвергнута. С другой стороны, нет никаких доказательств существования чистого африканского субстрата, из которого могли бы произойти обширные заимствования в семитский; сейчас также считается, что древнеегипетский, семитский и другие группы афро-азиатских языков все произошли от общего предка. Расхождение языков произошло примерно в 6000–5500 годах до н. э.; нельзя определить географическую область, где говорили на праязыке, общем для различных групп.

Как и любой язык, египетский развивался грамматически и, несомненно, фонетически в течение четырех или более тысячелетий, когда на нем говорили. К несчастью, письмо, на котором он до нас дошел, не передает гласных (см. ниже), что значительно затрудняет изучение этой эволюции. Тем не менее можно в общем и целом выделить три этапа развития языка:

- *древнеегипетский*, на котором говорили с начала письменной истории вплоть до начала I Переходного периода, то есть примерно с 3100 до 2200 года до н. э.; современные этому периоду «Тексты пирамид» (какова бы ни была дата их составления), тем не менее, должны стоять особняком: они, видимо, были составлены на архаичном языке и содержат множество орфографических особенностей;
- *классический египетский*, или среднеегипетский, на котором говорили и писали начиная с середины I Переходного периода, затем в течение Среднего царства и II Переходного периода вплоть до конца царствования Аменхотепа III при XVIII династии, то есть с 2200 по 1375 года до н. э.;
- и наконец, *новоегипетский*, на котором говорили начиная с амарнской эпохи вплоть до конца египетской истории, то есть с 1375 года до н. э. до IV века н. э., хотя в «Позднюю эпоху», начиная с XXV династии (около 750 года до н. э.) для целей архаизации нередко используется древнеегипетский и среднеегипетский.

Коптский язык отмечает последнее достижение эволюции египетского языка. Он появился в II века до н. э. Коптский — язык египетских христиан — употреблялся вплоть до XVII века н. э. Перед египетским он имел то преимущество, что там отмечались гласные, и именно зачастую опираясь на коптский, пытаются восстановить вокализацию древнеегипетского.

Независимо от вариаций во времени, вызванных эволюцией языка и заимствованиями из соседних языков, древнеегипетский должен был иметь различия и в пространстве. Другими словами, письмо, возможно, скрывает местные *диалекты*, которые в отсутствии вокализации невозможно различить. Можно заметить, что, со своей стороны, в коптском было до семи разных диалектов²⁶; несомненно, так же обстояло дело и в фараоновскую эпоху, хотя число диалектов определить невозможно.

²⁶ Ср.: R. Kasser, *Dialectologie*, в *Textes ed languages de l’Egypte pharaonique* (Sauneron, édit.), 1, 107–108 с отсылкой для фараоновского периода к работе Edgerton, *Early Egyptian Dialect Interrelationship*, BASOR, 122.

Первые знаки-фигуры, о которых с уверенностью можно сказать, что они представляют собой уже организованную *письменность*, встречаются на ритуальных или церемониальных предметах — больших «Палетках» и наверху вотивных палиц, открытых в Иераконполе в конце XIX века. Таким образом, они датируются периодом, который современен или лишь на несколько лет предшествует установлению единой монархии, которая объединила юг и север Египта под властью единого хозяина — Фараона.

Эти знаки, которые отныне можно уже называть «иероглифами», все еще очень редки. Они служат для фонетической записи имени самого фараона или для уточнения роли и имен других персонажей, представленных на этих предметах.

Существование иероглифического письма, таким образом, засвидетельствовано по меньшей мере с 3100 года до н. э. Очень долгое время его употребление остается ограниченным и развивается лишь при III династии, начиная примерно с 2700 года. По сути, оно *пиктографическое*: сначала каждый знак изображал обозначаемый предмет. Эта система породила другие системы письма, помимо египетской, но если в Китае и в Месопотамии, например, первоначальные пиктографические знаки быстро развились в абстрактные формы, Египет оставался до конца своей истории верным системе, которая постепенно была разработана в IV тысячелетии до н. э.

В иероглифическом письме всякий предмет и всякое существо, которые можно было представить графически, использовались египтянами во все эпохи. Чтобы написать «собака», «утка», «нож», «постель», писец мог удовольствоваться тем, чтобы нарисовать собаку, утку, нож и кровать. Эти рисунки представляли собой «знаки-слова», в которых одного знака было достаточно для целого слова. Эти знаки никогда не исчезали из египетской письменности. По мере того, как египтяне знакомились с неизвестными доселе существами или предметами, они создавали новые знаки-слова. Так, например, во II тысячелетии до н. э. появились простые иероглифические знаки, обозначающие «колесницу», «коня», «арфу» или *ḥpš/xeneš* (холодное оружие азиатского происхождения).

До определенного предела чистая пиктография могла передавать и действие: для глагола «плавать» писец изображал плывущего человека; для «летать» — птицу в полете; для «давать» — протянутую человеческую руку, предлагающую хлеб, лежащий на ладони; для «строить» изображался строитель, сооружающий стену; все эти иероглифические знаки постоянно использовались с III тысячелетия до н. э. до IV в. н. э.

Тем не менее эта система, какой бы она ни была остроумной, имела свои пределы. Нельзя было передавать абстрактные понятия, такие как «вспоминать», «любить», «становиться» и т. д. С развитием цивилизации и общественных связей стало необходимо преодолеть чисто пиктографическую стадию. Египтяне мало-помалу дополняли свое письмо, пользуясь двумя принципами: *омофонией* и *идеографией*, что в результате привело, на первый взгляд, к странному результату: в иероглифическом письме использовались одновременно «знаки-слова», которые читались фонетически, и другие, которые не читались совсем. Эта очевидная сложность, как известно, создала огромные трудности для первых дешифровщиков (см. выше, с. 28).

Принцип омофонии прост. В разговорном языке, например, грушевидная палица, находившаяся в повседневном употреблении с додинастического периода, называлась *ḥd/xedj*; знак, изображавший эту палицу, служил для написания прилагательного

«белый», «блестящий», которое также произносилось *хедж*. Точно так же шахматная доска с фигурками называлась *тп/мен*; поэтому изображение шахматной доски стало служить для написания слов, которые произносились так же: *мен* = «быть постоянным» и *мен* = «быть больным». То, что первоначально являлось чистой пиктограммой, стало, таким образом, знаком, служившим для написания звука, фонемы.

Основываясь дальше на принципе омофонии и связывая несколько пиктограмм, египтяне открыли возможность приложить его и к многосложным словам: палица *хедж*, перед которой шло изображение свернутой ткани, называвшейся *s/c*, служила для написания глагола *shd/cexedж* «освещать», «сверкать». Дойдя до этой стадии, писцы могли транскрибировать фонетически любое слово в языке благодаря омофонии. Им было достаточно найти для каждого слова знак-слово, которое произносилось бы примерно так же.

Эта первая фаза формирования иероглифического письма могла быть достигнута уже к концу IV тысячелетия до н. э.: так, имя фараона Нармера около 3100 года написано на палетке с помощью двух знаков-слов, использовавшихся как фонемы: *nʕr/нар* «рыба» и *mr/мер* «инструмент» (долото?). Судя по всему, иероглифическая система должна была оставаться без значительных изменений в течение всего Тинитского периода — примерно с 3100 по 2750 год до н. э., несмотря на серьезные неудобства, которые и сегодня затрудняют интерпретацию документов, записанных в то время.

Первое неудобство состояло в большом количестве использовавшихся знаков, фонетическое чтение которых могло не быть очевидным для читателя. Вторая трудность состояла в определении использования знака: идет ли здесь речь о *знаке-слове*, обозначающем изображенный предмет или существо, или же о *фонеме*, используемой в фонетическом значении?

Первая трудность снималась посредством использования того, что сегодня грамматик называют «фонетическими компонентами». Среди обозначений обычных предметов, распространенных растений или живых существ (целиком или части) 24 знака-слова состояли только из одного слога, а точнее — из одного согласного, поскольку в египетском, как и в большинстве хамито-семитских знаков, гласные не выписывались. Эти знаки, которые теперь называют скорее «однобуквенными», нежели алфавитными, как выражался Шампольон, мало-помалу стали употребляться для того, чтобы ориентировать читателя на правильную интерпретацию знаков-омофонов, использовавшихся писцом. Например, частое слово-знак (𓆎), который означает «красивый, добрый», изображавшее сердце и трахею (курьезным образом соединенные друг с другом)²⁷, читался как *nfr/нефер*; чтобы обеспечить, чтобы слово было прочтено именно так, а не иначе, писец выписывал дальше два других фонетических однобуквенных знака-слова: рогатую гадюку (𓆏), которая читалась, как *f*, и человеческий рот (𓆑), который обозначал *r*. Все в целом писалось: 𓆎𓆏𓆑, то есть три следовавших друг за другом знака-слова *nfr + f + r* произносились как *нефер*²⁸; из них необходим

²⁷ Предлагали также считать их желудком и пищеводом. Интерпретация «сердце-трахея» имеется уже у Гореполлона, ср.: Vycichl, JEA, 39, 1953.

²⁸ Поскольку мы не знаем настоящей вокализации слов, ибо в египетском гласные не записывались, есть традиция добавлять «немое» *e* между согласными для удобства чтения. В транскрипции *i*, *y*, *ɜ* и *ʕ* фактически являются слабыми согласными, а не гласными.

был только первый, а два других служили только, чтобы подтвердить его прочтение. Фонетические комплементы, присутствие которых существенно облегчает чтение, иногда были даже необходимы, поскольку некоторые знаки-слова допускали несколько фонетических интерпретаций. Так, знак — лодочное весло можно было прочесть или *hpt/xenem* «весло», или *hrw/xepu* «голос», а фонетические комплементы позволяли их сразу различить.

Фактически, 24 однобуквенных знака, использовавшихся в качестве фонетических комплементов, являлись настоящим алфавитом. Их одних было бы достаточно, чтобы записать консонантный скелет всех слов языка. Тем не менее египтяне не употребляли одни только такие знаки²⁹ и никогда не сделали шага, который привел бы их к созданию алфавитного письма, аналогичного нашему. Вплоть до конца своей истории они остались верны системе, разработанной в IV–III тысячелетиях до н. э. Такой консерватизм можно отчасти объяснить безусловно магическим, а может быть, и религиозным характером иероглифических знаков во время сложения системы письма. Действительно, эти знаки обладали такой магической силой, что некоторые из них, считавшиеся опасными, зачастую «калечили» и «убивали» в высекаемых текстах, чтобы избежать от них вреда. Так, например, обстоит дело с рогатой гадюкой, которую в заупокойных текстах, близких к умершему, резчик «разрубал» надвое. Знак обладал скрытой силой — прочесть и произнести его было достаточно, чтобы сотворить предмет или существо, которое он изображал.

Второй трудностью, с которой столкнулись египтяне во время постепенной разработки их системы письма, было выработать практический способ быстро определить, следует ли понимать иероглифический знак как знак-слово, как идеограмму или просто как знак, обладающий фонетическим значением, как фонему. Для этого они стали писать небольшую вертикальную черту после идеограммы, соответствующей предмету, который она изображает. Так, за знаком ножа, *ds/dec*, следует черточка, когда он обозначает «нож», но если после него нет черты, то он обозначает просто звуки *d(e)c*. Кроме того (и одновременно с этим), появился обычай писать *идеограмму* за каждым словом, состоящим из одной или нескольких фонем: эта идеограмма позволяла сразу «определить» (поэтому современные грамматик и называют ее определителем, или *детерминативом*) общий смысл слова, относя его в точную категорию существ, предметов или действий, и более того, отличая его тем самым от его омофонов. Такие детерминативы, как и фонетические комплементы, не читались. Только служебные слова, такие как местоимения и предлоги, были лишены детерминативов. Детерминативов насчитывается около 80; в сочетании с 24 алфавитными знаками и примерно 640 других обычно используемых иероглифических знаков, чтение текстов требует знания примерно 750 различных знаков.

Со своими знаками-словами, фонемами, фонетическими комплементами и детерминативами египетское письмо может показаться очень сложным. На самом деле читать его довольно легко. Руководствуясь фонетическими комплементами и детерминативами, читатель лишь очень редко сомневается, какой же смысл имеет слово. Конечно,

²⁹ В очень позднюю эпоху есть редкие египетские тексты, написанные полностью однобуквенными (алфавитными) знаками, несомненно, под влиянием греческого. Отсутствие пробелов между словами и обозначений гласных делают их практически нечитаемыми.

поскольку гласные не пишутся, невозможно не только узнать, как читались слова, но и выявить внутри состоящего из согласных «скелета», например глагола, возможные варианты вокализованной флексии, и таким образом, может быть, и разные глагольные времена; более того, точный смысл значительного числа слов все еще ускользает от нас, даже если благодаря детерминативам можно отнести их в ту или иную категорию; наконец — и может быть, в первую очередь — египетский язык практически не знал сочиненных предложений, и поэтому нередко трудно оценить синтаксические связи, которые объединяли между собой предложения.

Египетское письмо существовало в трех видах (см. рис. 3). Собственно *иероглифическое* письмо, в котором каждый знак выписывали, рисовали или высекали в малейших деталях, использовалось прежде всего в памятниках, на стенах храмов, стелах, статуях и т. п. Оно читалось как слева направо, так и справа налево и сверху вниз (но никогда снизу вверх).

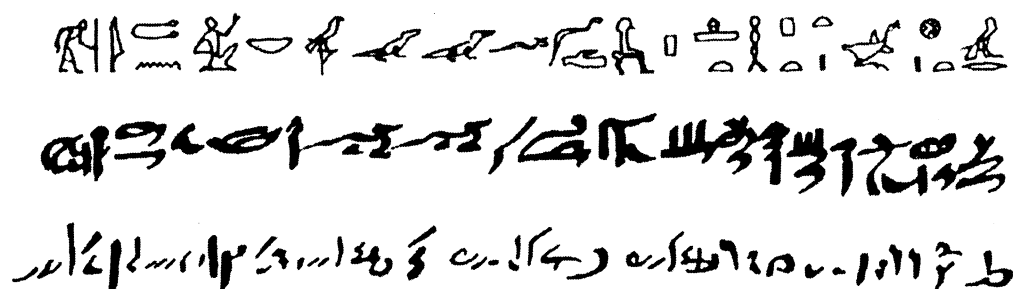

Рис. 3. Три типа письма

Иератическое письмо — это упрощенный вариант предыдущего. Знаки не изображаются в деталях, они схематичны, курсивны и иногда связаны между собой. В этом письме столько же знаков, сколько и в иероглифике. Записанное черными или красными чернилами с помощью «калама» (стебель тростника, распущенный на конце), оно всегда читалось слева направо; еще в Древнем и Среднем царстве его нередко размещали в вертикальных колонках. Иератическое письмо появляется начиная с III династии и используется вплоть до конца египетской истории, по меньшей мере для религиозных текстов (откуда и его название). Оно встречается на папирусе, на кожаных свитках, на *остраконах* (черепках керамики и кусках известняка), а также на деревянных табличках, использовавшихся для обучения в школах писцов.

Демотическое письмо, в свою очередь, является упрощенным вариантом иератического, но упрощаются уже не отдельные знаки, а группы знаков. Иератическое письмо можно было переписать знак за знаком в иероглифическое, а для демотического сделать это очень трудно. Демотическое письмо появилось при XXV династии (примерно в 700 году до н. э.) и продолжало использоваться еще при римлянах. «Народное» письмо, демотика служила для административных и юридических актов, но также и для литературы; есть романы и сказки, записанные демотическим письмом, и некоторые большие мифологические повествования были переписаны именно этим письмом.

Демотическому письму наследовало *коптское*; коптское письмо заимствовало из демотического семь букв, чтобы дополнить греческий алфавит, который начал служить для записи египетского примерно с середины I в. н. э.

Развитие письма в Египте было медленным. По нашим сегодняшним данным, оно достоверно засвидетельствовано только в конце IV тысячелетия. Тем не менее, оно зародилось *до* этой даты, о чем свидетельствует использование в качестве фонетических знаков предметов, которые вышли из употребления в ходе и до конца того же самого IV тысячелетия. Если к этому наблюдению прибавить тот факт, что вся фауна, представленная в письмах, чисто африканская, — нередко высказывавшаяся гипотеза о заимствовании письма египтянами в Месопотамии может быть законным образом поставлена под сомнение. Все происходит так, как если бы египетское письмо зародилось в долине Нила, где оно развивалось постепенно начиная с IV тысячелетия и достигло полной зрелости в эпоху Среднего царства, то есть в II тысячелетии до н. э.

КАЛЕНДАРИ И ХРОНОЛОГИЯ

Мы уже подчеркивали (см. с. 49–52 выше), насколько на повседневную жизнь в долине Нила влиял феномен ежегодного разлива реки, и поэтому не следует удивляться тому, что египетские календари (их было много) в своей основе базировались на периодическом возвращении разлива и, следовательно, были в основном сельскохозяйственными. Вполне правдоподобно, что в течение долгого времени начало года определялось по фактическому подъему воды, который происходил не в один и тот же день каждый год; даже месяцы могли быть разными. Тем не менее, это явление оставалось достаточно регулярным, чтобы воспроизводиться в среднем каждые 365 дней (Neugebauer, 1939).

Для жителей Долины в V и IV тысячелетиях до н. э. не было так уж важно, было ли в году 360, 362 или 365 дней. Важно было только то, что приходит вода и покрывает земли, высушенные летней жарой. Кроме того, до появления письменности египтяне располагали лишь самыми примитивными средствами для вычислений: к примеру, прожилками пальмы, на которых следовавшие друг за другом отметки хранили память о течение дней и даже лет. Именно эта пальма в письме стала идеограммой для обозначения «года».

Принимая во внимание тот факт, что подъем воды был очень медленным в начале разлива, сомнительно, чтобы египтяне с имеющимися в их распоряжении средствами могли определить с точностью до нескольких дней время, которое проходило между началом двух следующих друг за другом разливов, и уж тем более — целого ряда разливов. Напротив, сам ритм этого феномена привел их тому, чтобы разделить год на три больших периода: период *разлива* как такового; период *отступления вод*, когда показывались поля и начинался ряд сельскохозяйственных работ, зависевших от этого; и наконец, период *сухости*, которая постепенно усиливалась после завершения жатвы. Этот природный цикл породил три «сезона» египетского года: *ахет*, *перет* и *шему* (см. выше, с. 33), которые вольно переводят как «разлив», «зима» и «лето».

Именно в этих рамках был установлен древнейший египетский календарь, судя по всему лунный, если судить по иероглифическому знаку — лунному полумесяцу, который обозначал «месяц». Как и многие другие народы, египтяне делили свой год на двенадцать лунных месяцев, опираясь на самый легкий для наблюдения астрономический феномен — фазы Луны.

Египетский календарь, основанный одновременно на разливе, временах года и фазах луны, вскоре также оказался связанным и с другим астрономическим наблюдением, которое обитатели Долины связывали с разливом: появление на восходе солнца очень яркой звезды *Сотис*, нашего Сириуса, по-египетски Сепдет. Фактически, эта звезда после периода в 70 дней, когда видеть ее из долины невозможно, снова появлялась на восточном горизонте в момент восхода солнца; именно это астрономы называли «гелиакическим восходом Сотис». В IV тысячелетии до н. э. этот восход происходил в начале лета (Parker, 1950, 32), то есть в то самое время, когда Нил начинал подниматься после длинного периода низкой воды.

Звезды, судя по всему, играли большую роль и в первобытной египетской религии; именно среди них оказывались души после смерти. Это достаточно легко объяснить: в двух явлениях — появлении Сотис на горизонте и разливе Нила — египтяне IV тысячелетия до н. э. могли увидеть причинно-следственную связь. Таким образом, египетский лунный год начинался с первым месяцем разлива, и первый день этого месяца, первый день года получил название *wp rnpt/yn renemet* — «открытие года»; он совпадал с новолунием, когда полумесяц от предыдущей луны уже не был виден. Двенадцать лунных месяцев, за которые протекал сельскохозяйственный год, также были распределены поровну — по четыре на сезон.

Тем не менее гелиакический восход Сотис, отмечавший начало года, был *солнечным* феноменом. Ибо солнечный цикл состоял из 365 дней и четверти, в то время, как лунные месяцы имели нерегулярную длину: то 29, то 30 дней, и следовательно, всегда недоставало примерно 11 дней, чтобы лунный год совпал с солнечным. Таким образом, в первый год после принятия первобытного лунного календаря новая луна первого месяца разлива запоздала примерно на 11 дней по сравнению с гелиакическим восходом Сотис, и через три года опоздание уже равнялось одному лунному месяцу. Египтяне не могли не заметить такого расхождения.

Судя по всему, в первобытные времена они довольствовались тем, чтобы каждые три года вставлять в свой лунный год дополнительный месяц; таким образом, в году оказывалось 13 месяцев. Этот месяц был посвящен лунному богу Тоту, и так с грехом пополам восстанавливалось равновесие. Затем, по причинам, которые остаются нам неясными, египтяне придали одинаковую длину в 30 дней каждому из четырех месяцев трех сельскохозяйственных сезонов первобытного календаря; к полученным таким образом 360 дням они добавили пять «дополнительных дней года»; это пять дней-эпагоменов греков. В конечном счете, это давало год в 365 дней, очень близкий к истинному солнечному году. Введение этого нового календаря, принятого, безусловно, во время гелиакического восхода Сотис, произошло, как полагают астрономы, в 2937 году до н. э. Но с его 365 днями вместо 365 дней с четвертью истинного солнечного года, фараоновский календарь — один из лучших известных нам календарей древности — терял по шесть часов в год, то есть почти месяц за столетие. Таким образом, нужно было около 1460 лет, чтобы гелиакический восход Сотис и первый день месяца ахет

гражданского календаря совпали бы снова. Астрономы называют этот цикл из 1460 лет «периодом Сотис».

После того, как к лунному году был добавлен вставной месяц, египтяне легко могли исправить свой новый гражданский солнечный год, добавляя к нему дополнительный день каждые четыре года, как мы делаем с нашими високосными годами. Несомненно, они не сделали этого, поскольку их гражданский год, с одной стороны, никогда полностью не отменил лунный, по которому отмечались большие религиозные праздники, и с другой стороны, солнечный год использовался только администрацией, в первую очередь налоговой или царской, чтобы отсчитывать годы царствования фараона. Следовательно, постоянное смещение по сравнению с природными временами года не представляло реальных неудобств.

Тем не менее, если египтяне и не пытались исправить свой гражданский календарь, они не преминули отметить точную дату гелиакического восхода Сотис в этом календаре. Так, один текст Среднего царства сообщает нам, что гелиакический восход Сотис произошел на 16-й день четвертого месяца *перет* в седьмом году Сенусерта III³⁰ (XII династия); в Новом царстве при XVIII династии гелиакические восходы Сотис наблюдались в девятый день третьего месяца *шему* в девятом году Аменхотепа I и на 28 день того же самого месяца при Тутмосе III (но год царствования утрачен); при XIX династии в первый год царствования Сети I гелиакический восход Сотис произошел в первый день первого месяца *ахет*, другими словами — начало царствования Сети I совпало с началом периода Сотис. В птолемеевское время гелиакический восход был отмечен при Птолемее III на девятом году его царствования, во время второго месяца *шему*. Наконец, Цензорин, римский грамматик и хронолог III века н. э., говорит нам, что первый день первого месяца Разлива, начало года, таким образом, начало нового периода Сотис, пришелся на 139 год н. э.

К несчастью, до нас дошло лишь незначительное число этих отметок. Однако, благодаря дате, которую дает Цензорин, для современных астрономов было легко связать современный григорианский календарь с датами дошедших до нас египетских документов: седьмой год Сенусерта III соответствует 1872 году до н. э.; девятый год Аменхотепа I — 1540; царствование Тутмоса III должно обязательно включать 1464 год; первый год Сети I соответствует 1316, а девятый год Птолемея III — 238 (все до н. э.). Эти даты, которые называют «сотическими», весьма ценны, поскольку они служат для, если так можно выразиться, фиксации хронологии значительной части истории Египта, которая простирается от III тысячелетия до н. э. вплоть до рубежа н. э.

Точные даты, полученные благодаря периодам Сотис, тем более полезны, что источники по истории Египта, которыми мы располагаем, хотя и многочисленные, позволяют установить лишь весьма приблизительную и нередко относительную хронологию. Египтяне фактически никогда не пользовались эрой, подобной христианской эре от Рождества Христова или исламской хиджры или же датировке по олимпиадам в Древней Греции. Достаточно быстро у египтян появилась традиция распределять

³⁰ Фактически, периоды Сотис, произвольно зафиксированные с продолжительностью 460 лет, не равны; они длились соответственно 458, 456 и 453 года, ср. Ingham, *JEA*, 55, 1969, 36–40 и Edwards, в Allibone, *The Impact of the Natural Sciences on Archaeology*, Oxford, 1970, 12. Привязка гелиакического восхода к седьмому году царствования Сенусерта III ставилась под сомнение, см.: Mellaart, 1979 и ответ Kemp, 1980.

время по годам правления царствующего фараона. Большая часть текстов начинаются формулой: «*В такой-то месяц (такого-то сезона), в такой-то день, в году X..., при Величестве (фараона такого-то)*». После кончины фараона счет возобновлялся с 1 года его наследника таким образом, что, для того чтобы установить достоверную хронологию фараоновской истории по таким документам, нужно было бы знать имя всех монархов, которые последовательно правили Египтом. У нас не только нет таких данных, но мы еще и достоверно знаем, что некоторые царствования были параллельными: один фараон правил в Нижнем Египте в то время, как другой царь занимал трон Верхнего. Вполне возможно, что иногда бывало и больше двух фараонов, претендовавших на власть одновременно.

Очень рано египтяне восприняли традицию вести «летописи», куда были занесены год за годом события, произошедшие в ходе царствования фараона. Так они могли в любой момент вернуться вспять по течению времени и посчитать число лет, протекавших с царствования того или иного фараона. Если бы мы располагали полностью этими анналами, то все наши проблемы с хронологией были бы разрешены, и с помощью нескольких известных нам сотических дат мы могли бы с точностью соотнести царствование каждого фараона с нашим собственным календарем. Но до этого еще очень далеко: у нас очень мало подлинных документов (в юридическом смысле этого слова), которые были бы связаны с хронологией. Самый древний из них — так называемый *Палермский камень* — это фрагмент анналов; другой, *Царский папирус из Турина* — компиляция из имен фараонов, скорее всего, извлеченных из документов, подобных Палермскому камню. Там перечислены фараоны в хронологическом порядке с продолжительностью царствования каждого в годах, месяцах и днях; неоднократно приводятся общие цифры для группы фараонов.

Оба эти столь важных источника, к несчастью, не дошли до нас полностью, и, более того, они относятся лишь к какой-то части истории фараонов.

Третий документ уже сам по себе доказывает существование настоящих анналов, регулярно записывавшихся царской администрацией. Это текст, высеченный на стене храма в Карнаке, в самом сердце святилища; в нем перечислены кампании Тутмоса III на каждый год от 23 до 42 года его царствования; характер и общая сумма дани, получавшейся ежегодно после его походов, фигурируют после краткого описания битв и страны, где они проходили. Как и два предыдущих документа, *Анналы Тутмоса III* иногда имеют лакуны. Текст кратко упоминает о некоем кожаном свитке, хранившемся в храме Амона, на котором был записан (несомненно, иератическим письмом) оригинальный текст, впоследствии послуживший образцом для резчика.

Палермский камень (Navelle, 1903; Helck, *LA*, 4, 652–654) обязан своему названию тем, что самый важный дошедший до нас фрагмент хранится в музее города Палермо, куда он попал в 1877 году. Это текст, высеченный на двух сторонах плиты из черного базальта; его происхождение неизвестно, но, несомненно, он из Мемфиса. В полном виде памятник содержал описание год за годом важных событий, произошедших в ходе царствования всех египетских фараонов с конца IV тысячелетия до н. э., то есть позднего додинастического периода вплоть до царствований фараонов V династии и, возможно, VI династии. Последний упомянутый там фараон — это Нефериркара Какаи, правивший около 2500 года до н. э., но первоначально документ определенно не заканчивался на этом царе и, таким образом, охватывал более тысячелетия из истории

Египта. В местах, отведенных на каждый год под строкой, где приводилось имя царствующего фараона и его матери, фигурирует значимое событие, случившееся в этом году: церемонии, связанные со вступлением фараона на престол, освящение новых храмов, установление постоянных приношений в святилищах, военные или торговые кампании. Под каждым перечислением отмечена высота, которой в каждом из этих лет достигал разлив Нила, выраженная в локтях, ладонях и пальцах. Начиная со II династии появляются и некоторые переписи, в том числе скота, драгоценных материалов и земель.

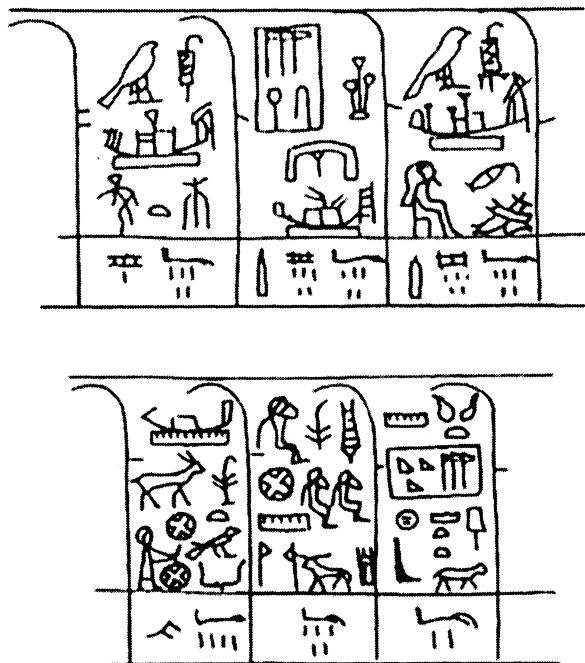

Рис. 4. Фрагмент Палермского камня

Этого перечисления достаточно, чтобы показать основополагающую важность такого документа. К несчастью, он дошел до нас в весьма неполном виде: не сохранился ни один из краев, так что нет ни начала, ни конца текста, и поэтому невозможно определить его первоначальный объем. С другой стороны, одна из сторон камня сильно стерта, ибо в какое-то время плита, очевидно, служила порогом двери. Наконец, мы даже не знаем, действительно ли все известные фрагменты (некоторые находятся в Каирском музее и один — в Британском музее) относятся к одному памятнику.

Несомненно, на основе документов, подобных Палермскому камню, был составлен *Туринский царский папирус* (Gardiner, 1959; Kitchen, RIS, II, 827–844), вероятно, относящийся к царствованию Рамсеса II между 1290 и 1224 годами до н. э. Этот текст — самый важный в плане хронологии из имеющихся у нас — был полным в момент его открытия в XIX веке в фиванской гробнице. К несчастью, он был извлечен без необходимых предосторожностей; потом с ним плохо обращались во время перевозки из

Фив в Луксор³¹; в результате свиток папируса, на котором был записан текст иератическим письмом, распался на куски; 300 фрагментов еще оказалось возможным использовать, и их с огромными трудностями привели в порядок. После первого осмотра, произведенного Шампольоном в 1825 году, исчезли многие элементы; наконец, место, где должны были располагаться многие другие фрагменты, теперь уже невозможно установить. Папирус хранится в музее Турина.

Как и Палермский камень (но без деталей, касающихся событий, случившихся в ходе соответствующих царствований), Туринский «Царский список» дает хронологический перечень всех египетских царей. Он начинается с богов, которые, согласно мифологии, царствовали в Египте до фараонов-людей; фараоны, в конечном счете, являются потомками богов. Перечисления иногда прерываются, уступая место цифрам, которые дают общее число лет царствования группы фараонов; эти группы нередко соответствуют «династиям» Манефона (см. ниже). Список (в том состоянии, в котором дошел до нас папирус) кончается именем Мернептаха, последнего царя XIX династии, в царствование которого документ, судя по всему, и был составлен. Вне зависимости от слишком многочисленных лакун, которые являются результатом его плохой сохранности, царский папирус Турина неудобен тем, что в нем зафиксированы имена слишком недолговечных царей, само существование которых не подтверждается другими источниками, и поэтому невозможно понять, царствовали ли они над всем Египтом или только над частью страны, так что цари, чьи имена следуют друг за другом в списке, фактически могут быть современниками.

В III веке до н. э. эллинизированный египтянин Манефон написал (вероятно, по просьбе Птолемея I) историю Египта в нескольких книгах — *Aegyptiaca*. Жрец из Гелиополя, может быть, и сам царского происхождения, Манефон мог так же хорошо читать иероглифическое, как и иератическое и демотическое письмо; не приходится сомневаться, что для составления своего монументального труда он использовал источники, сравнимые с Палермским камнем, Туринским папирусом или Анналами Тутмоса III, и поэтому его работа представляет такой интерес. К несчастью, *Aegyptiaca* Манефона погибла (особенно те экземпляры, что хранились в Александрийской библиотеке), и теперь она известна нам только по цитатам и кратким пересказам, которые извлекали из нее писатели гораздо более позднего времени, такие как в I веке н. э. иудейский историк Иосиф (Иосиф Флавий) в своем трактате «Против Апиона»; или позднее христианские хронографы: в III веке Юлиан Африканский (Секст Юлий Африкан), в IV веке Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» и еще в VIII веке византиец Георгий Синкелл в своей «Хронике», которая описывает период от сотворения мира до царствования Диоклетиана.

Несмотря на их краткость и ошибки, вызванные непониманием или некомпетентностью переписчиков, «эпитомы» труда Манефона, которые дошли до нас (Helck, 1956; Waddell, 1964), представляют исключительную ценность. Им мы обязаны делением египетской истории на 31 династию, а также уточнением имен и последовательности правления фараонов и даже иногда — указаниями на события, происшедшие во время их царствования.

³¹ По легенде, Дроветти, приобретя нетронутый папирус у фиванского крестьянина — грабителя гробниц, сунул его в свою седельную кобуру и вернулся галопом в Луксор.

Вдобавок к уже перечисленным документам (Палермскому камню, Туринскому царскому папирусу, Манефону) списки царских имен иногда высекались в некоторых храмах: в Карнаке один из таких списков, датированный царствованием Тутмоса III, был изъят Присс д'Авенном и теперь находится в музее Лувра; в Абидосе, в храме Сети I все еще можно видеть длинный царский список от Менеса до самого Сети I; в Саккара список того же типа был высечен при XIX династии в гробнице «начальника работ» Рамсеса II (РМ, III.2, 666).

Эти царские списки представляют два неудобства: с одной стороны, они содержат только отдельных фараонов, тех, кого сочли достойным упомянуть и сделать предметом заупокойного культа, и, с другой стороны, они не содержат дат. Тем не менее, они позволяют определить порядок вступления на престол правителей там, где на Палермском камне и в Туринском папирусе имеются лакуны или когда манефоновская традиция явно ошибочна.

Палермский камень прерывается на V династии, Туринский царский папирус — на XIX. Для периода между XX и XXX династиями у нас есть только Манефон, к данным которого нужно относиться с гораздо большей осторожностью. Тем не менее благодаря привычке писцов датировать некоторые памятники и документы годом царствовавшего тогда фараона, данные, которые приводит Манефон, до определенного предела можно проверить. Если мы, например, читаем на стеле, в папирусе или в храме: «в год 21 фараона X...», и если Манефон, со своей стороны, отводит царствованию этого фараона 22 года, и если никакой другой современный документ не дает даты, которая противоречила бы этому, можно считать, что манефоновская традиция подтвердилась. Остается проблема — как с Манефоном, так и с Туринским папирусом — понять, не были ли некоторые фараоны, перечисленные друг за другом, фактически современниками. Только серьезная критика источников, написанных в ту эпоху, может помочь выделить такие параллельные царствования, достаточно частые в египетской истории, и зафиксировать хотя бы их приблизительную продолжительность.

Итак, благодаря различным источникам, которые были только что упомянуты, стало возможным составить достаточно достоверный, хотя, несомненно, неполный список примерно из 200 фараонов, имена которых нам известны и которые царствовали над всем Египтом или его частью с IV тысячелетия до н. э. до завоевания Александра в 332 году. С другой стороны, редкие хорошо установленные даты по периодам Сотис позволяют установить по абсолютной хронологии даты царствования четырех из них. На этой основе, пользуясь одновременно датами, которые дает Туринский папирус, Манефоном и самими памятниками, хронология царствований может быть установлена с достаточной уверенностью, почти до нескольких лет, начиная со Среднего царства (около 2000 года до н. э.) до конца истории фараонов. Начиная с 1580 года до н. э. эта хронология становится все более и более достоверной благодаря более тесным и частым связям, установившимся между Египтом и соседними цивилизациями, которые, со своей стороны, располагали различными способами датировки, независимыми от египетских.

Для периода с 3200 до 2000 года до н. э. хронология, напротив, остается более недостоверной. Мы располагаем лишь одной достоверной датой — датой установления солнечного гражданского календаря, необходимого для нужд царской администрации (см. выше). Этот календарь, видимо, был принят в начале периода Сотис, несомненно,

в 2937 году до н. э.³², в эпоху, когда централизованный монархический режим уже достаточно прочно установился. В течение более чем тысячи лет, между 2937 годом и седьмым годом Сенусерта III в 1872 году до н. э. (см. примеч. 30 на с. 87 выше), нам неизвестно ни одной записи сотической даты, и поэтому невозможно контролировать даты царствований, которые дают нам наши обычные источники — Туринский папирус, Манефон или же редкие памятники того времени.

Данные для двух первых династий в Туринском папирусе полностью отсутствуют, и поэтому у нас есть лишь манефоновские источники — Африкан и Евсевий, которые приписывают соответственно 253 и 252 года I династии и 302 и 297 II династии, то есть для двух династий достаточно общие итоговые цифры в тексте составляют 555 лет по Африкану и 549 по Евсевию (Waddell, 1964, 28–29 и 38–39). Палермский камень недостаточно полон, чтобы осветить хронологию в такую раннюю эпоху. Начиная с III династии цифры, которые приводит Манефон, при условии, что мы подвергнем их суровой критике³³, могут быть проверены данными Туринского папируса.

Так мало-помалу египтологи пришли к приблизительной хронологии (Hayes, 1953, I, 2; Vandier, 1962, 629–630) для периода 3200–2000 до н. э. Согласно этой хронологии, 420 лет (с 3200 по 2780) продолжалась *Тинитская эпоха* (I и II династии), 500 лет (2780–2280) — *Древнее царство* (III–VI династии) и, наконец, 230 лет (2280–2050) — *I Переходный период* (VII–X династии). Начиная с XI династии, близость сотической даты Сенусерта I и более многочисленные датированные памятники облегчают установление более точной хронологии.

Предложенные таким образом даты, полученные из приведенных выше литературных источников, можно уточнить и изменить для более древних эпох благодаря новым научным методам, которые начали применять с 1950 года и прежде всего после 1970 года, — радиоуглеродной датировке (C¹⁴) и дополняющим ее данным дендрохронологии и термолюминесценции³⁴.

С помощью этих методов предложенные даты можно обобщить³⁵ следующим образом (подробную таблицу и объяснение используемых терминов см. на с. 109 ниже):

³² Долгое время полагали, что солнечный гражданский календарь был принят во время предшествующего периода Сотис, то есть около 4400 года до н. э., но после критики Нойгебауэра (Neugebauer, *The Origin of the Egyptian Calendar*, *JNES*, 1, 1942) пришлось отказаться от этой даты, основанной на «длинной» хронологии, принятой первыми египтологами, к которой относятся даты, предложенные многочисленными историками, как, например, Petrie, 1923.

³³ Иногда можно заметить значительные различия между Манефоном и Туринским папирусом, например 63 года царствования Хеопса у Манефона против 23 лет в Туринском папирусе. Тем не менее, следует отметить и значительные сходства: 29 годам, которые отведены Снофру у Манефона, соответствуют 24 года в Туринском папирусе; 13 лет Сахура у Манефона соответствуют 12, засвидетельствованным папирусом. Таким образом, цифры Манефона нельзя априорно отбрасывать.

³⁴ Об истории, природе и основах этих методов см.: Libby, *Radio-Carbon Dating*, 2nd ed., Chicago, 1955; Zeuner, *Dating the Past*, London, 1946 и P. R. Giot-Languet, *La datation du passé, les mesures du temps en archéologie*, Rennes, 1984.

³⁵ Мы используем здесь результаты анализов, обобщенные F.A. Hassan в *Current Archaeology*. 1984, 681–683; Nyame Akuma, 24/25, 3; *JNES*, 39, 1980, 203–207 и M. Hoffman, 1982. Следует заметить, что датировка по термолюминесценции оказывается значительно более древней, чем та, что принята здесь. Она располагает ранний бадарийский период между –6115 и –4995, поздний бадарийский между –5240 и –4080, амратский между –4780 и –3900, и наконец, герзейский между –4435 и –3115. Ср.: F.A. Hassan, Nyame Akuma, 24/25.

Основные подразделения «темных веков»

Сахарский неолит (Набта Плайя I–II)	8050–5950
Нубийский неолит (или неолит порогов)	5745–5220
Неолит Файюма (или карунский)	5700–4700
Ранний додинастический период — бадарийский / амратский (Накада I), Меримда Бени-Салама, Эль-Омари, шамаркский)	5500–4000
Поздний додинастический период — герзейский, Маади, постшамаркский	4000–3500
Протодинастический период (дотинитский, Накада III)	3500–3150
Архаическая эпоха (или Тинитская: династии I–II)	3150–2700

По этим новым датировкам архаический период, включающий в себя две первые династии, относится к времени с 3150 по 2700, то есть он продолжался в течение 400 лет, что на целый век отличается от длительности, которую дает Манефон в версии Евсевия (549 лет, см. выше), но, напротив, она очень близка к 420 годам, полученным по историческому методу (с 3200 по 2780) (Hayes, 1953, 2).

Представляется, что таким образом хронология доистории и истории фараоновской цивилизации стоит на прочном основании. В общем и целом она простирается со второй половины VI тысячелетия до 332 года до н. э., если, по традиции, мы останавливаемся на македонском завоевании.

Как мы уже видели (см. выше, с. 90), Манефон разделил египетских фараонов на 31 династию. Современные историки сохранили это деление, хотя оно и является произвольным и иногда спорным. Они сгруппировали манефоновские династии в восемь больших эпох, которые хронологически иногда пересекаются друг с другом. Это:

Таблица IV

Эпохи египетской истории: 3200–332 годы до н. э.

	Период	Династия	Даты до н. э.
I	Архаическая, или Тинитская эпоха	I–II	3150–2700
II	Древнее, или Мемфисское царство	III–VI	2700–2200
III	I Переходный период	VII — начало XI	2200–2065
IV	Среднее, или I Фиванское царство	Конец XI–XII	2065–1785
V	II Переходный период	XIII–XVII	1785–1580
VI	Новое, или II Фиванское царство	XVIII–XX	1580–1090
	III Переходный период	XXI–XXIV	1085–715
	Поздняя эпоха	XXV–XXX	715–332

Вплоть до начала нашего XIX века источники, позволяющие представить себе историю и цивилизацию фараоновского Египта, ограничивались тем, что написали несколько авторов греко-римской античности, и сведениями, приведенными в Библии (Moret, 1926, 1–8; Sauneron, 1968, 5–6; J. G. Griffiths, 1970, 75–200; Vercoutter, 1981, 13–17). Едва только одному лишь изуродованному труду Манефона удалось ввести небольшое количество известных фактов в хронологические рамки — очень приближительные и иногда ложные.

Открытие Шампольона дало доступ к египетским текстам, написанным на памятниках или погребенным в египетской земле, так же как и к тем, что содержались в документах, собранных в музеях и частных коллекциях.

Источники, которыми мы пользуемся сегодня, можно разделить на две большие категории: одни — литературные — основаны на текстах, другие — археологические — опираются на изучение памятников и предметов, а также на наблюдения и анализы, осуществляемые в ходе раскопок и обследований.

Текстовые источники по типу письма (см. выше, с. 84):

- иероглифические: написанные на камне или штукатурке, высеченные или нарисованные на стенах памятников, храмов и гробниц, на стелах, барельефах, статуях и различных предметах, иногда очень маленьких, как, например, «цилиндры» и скарабеи; все они в основном происходят из некрополей и кладбищ;
- иератические: написаны чернилами на различных материалах: папирусе, коже, дереве с лепниной, тканях, черепках или камнях; иногда они насечены на глиняных табличках³⁷;
- демотические: на тех же материалах, что и иератические.

Для периода с конца IV тысячелетия до Нового царства (1580 год до н. э.) иероглифические памятники представляют собой в основном тексты, вырезанные, высеченные или нарисованные в царских пирамидах от Униса до Пепи II (Тексты пирамид) (Leclant, 1972); в мастабах и скальных гробницах Древнего царства (Goedicke, 1972), а также в погребениях I Переходного периода, Среднего царства и II Переходного периода; в малочисленных дошедших до нас храмах этих различных эпох; кроме того, это граффити и наскальные надписи вблизи мест, мимо которых неминуемо приходилось проезжать, таких как пороги, рудники или карьеры. К этим текстам, которые в большинстве еще находятся на своем месте, следует добавить надписи, высеченные на многочисленных предметах и памятниках, прежде всего в архаическую эпоху: на палетках, ярлыках из эбенового дерева или слоновой кости, на цилиндрических печатях (Karlony, 1963), и позднее на стелах, статуях, барельефах и саркофагах (*Тексты саркофагов*, «Coffin Texts»).

За исключением больших собраний заупокойных формул, каковыми являются «Тексты пирамид» и «Тексты саркофагов», большая часть текстов, которые мы только

³⁶ Ср.: Redford 1986.

³⁷ Этот материал, очень редкий, иногда использовался писцами в конце Древнего царства — прежде всего в Балате, в оазисе Дахла (Vercoutter, *BIFAO*, 79, 1979, 464).

что перечислили, очень кратко: после коротких ритуальных формул, они дают царский «протокол» или имена и титулы частных лиц. Многие сопровождают рисованные сцены и комментируют их. Редко встречаются надписи достаточно длинные, которые представляют определенный исторический интерес, такие как автобиографические тексты в нескольких гробницах Верхнего и Среднего Египта. Еще более редки юридические или судебные тексты, скопированные в камне и иероглифах с подлинных документов, написанных иератическим письмом: царские декреты, акты купли-продажи, контракты на передачу части имущества, предназначенного для финансирования заупокойных приношений.

Иератические тексты появляются очень рано. Свитки папируса, на которых они чаще всего записывались, создавались с начала I династии (3150 год до н. э.) (см. выше, с. 66); в то же самое время мы также находим написанные чернилами (прежде всего на вазах) курсивные знаки, еще близкие к иероглифам, которые постепенно превращаются в настоящую иератику. Папирус, который делался из сердцевины одноименного растения, к несчастью — один из самых хрупких материалов: его уничтожает сырость, он легко становится добычей огня. Поэтому иератические тексты Древнего царства так редки. Чем дальше мы идем вглубь времен, тем меньше шансов найти древние рукописи.

Помимо надписей, достаточно многочисленных, но кратких, на сосудах из камня или керамики, указывающих на содержимое, в конце XIX и в начале нашего XX века были найдены архивы храмов (весьма фрагментарные) (Posener-Kriéger, 1976), такие как абусирские папирусы, найденные в заупокойном храме Нефериркара Какаи — но датируются они по большей части долгим периодом царствования Джджедкара Исеси (около 2400 года до н. э.) (Id., *ibid.*). Эти папирусы содержат в первую очередь «отчеты» и «служебные таблицы» персонала, занятого отправлением заупокойного культа умершего фараона, инвентари материала, принадлежавшего государеву храму, ежемесячные отчеты, а также различные документы, касающиеся повседневной жизни храма.

Изучение абусирских папирусов позволяет оценить скудость документации, на которой в значительной степени основываются наши исторические изыскания. Фактически, можно подсчитать (Id., 1972, 27–28), что ежедневное руководство таким заупокойным храмом, как храм Нефериркара, требовало по меньшей мере одного свитка в месяц. Найденные остатки касаются периода в 24 года; таким образом, архивы должны были содержать на этот период более 960 свитков. Даже принимая во внимание тот факт, что папирус был ценным материалом, который использовали очень бережно, и что вследствие этого писцы зачастую стирали — или, строго говоря, *смывали* — некоторые свитки, чтобы снова их использовать, вполне очевидно, что дошедшие до нас несколько листков папируса (среди них нет ни одного полного свитка) представляют собой лишь ничтожную часть архивов, хранившихся во всех храмах всех администраций как Верхнего, так и Нижнего Египта.

Заметим, что некоторые документы того времени на папирусе, прежде всего такие, как «письма умершим» или редкие частные письма, не разделили судьбу архивов, поскольку их помещали в гробницы в пустыне, вдали от влажности и пожаров.

Итак, египтолог обязан считаться с исключительной бедностью документации, которой он располагает, особенно для древней эпохи.

Со Среднего царства до конца гиксосского периода (с XI по XVII династию) ситуация начинает мало-помалу улучшаться благодаря папирусам — они еще не все опубликованы — открытым в гробницах или на складах больших фиванских заупокойных храмов, например Рамессеума, где они были в безопасности от воды. Так сохранились литературные тексты, из которых некоторые являются копиями сочинений эпохи Древнего царства, но также и религиозные, магические, медицинские, математические тексты, счета, и даже копии военных донесений или даже досье из частных писем, как и собрание слов — нечто вроде словаря. Именно в одном из таких иератических документов упоминается гелиакический восход Сириуса в седьмой год Сенусерта III.

Следует заметить, что текстовые документы — иероглифические или иератические — в подавляющем большинстве происходят из Верхнего и Среднего Египта, хотя Дельта, которая с зари истории была похожа на то, чем она является сегодня, также была обитаема с додинастической эпохи (см. выше, с. 48–49). Это несоответствие в происхождении текстов в первую очередь вызвано трудностями археологических раскопок: в Дельте древние уровни расселения или покрыты толстым слоем ила, или же постоянно затоплены под толщей грунтовых вод; только пустынные или прибрежные окраины легко доступны. Тем не менее, следует заметить, что уже в течение нескольких лет археологические экспедиции прилагают большие усилия по исследованию Дельты — иногда с очень впечатляющими результатами.

Вне зависимости от их редкости, египетские текстовые источники обладают еще одним свойством: их трудно интерпретировать. Несмотря на весь прогресс в переводах, тексты, прежде всего религиозные и магические, остаются темными; ведь именно они представляют собой большинство документов, которыми мы располагаем. Исторические тексты, гораздо менее многочисленные, всегда пристрастны и субъективны: все, что было печального или неудачного (например, убийство Аменемхета I или заговор против Рамсеса III) там обходится молчанием или же об этом упоминают только намеками. Историческое повествование — или то, что играет его роль, — слишком часто представляется по схемам, настолько стереотипным, что можно сомневаться в их подлинности. Есть и еще более серьезная проблема: фараону просто-напросто приписывают подвиги одного из его предшественников. Один из текстов Пепи II (VI династия) приписывает ему захват ливийских пленников в том же количестве и с теми же именами, что и те, кого взял в плен Сахура при V династии примерно за триста лет до того; Тахарка в 650 году до н. э., в свою очередь, рассказывая о конфликте с Ливией, приводит те же цифры и имена, что и у Сахура и Пепи II; на стенах Карнака Рамсес III представляет как свои военные кампании Рамсеса II.

Фактически, в Египте никогда не было, судя по всему, ни своего историка, ни исторического труда, который можно было бы сравнить с работой Фукидида, Тацита или Светония для классической древности. В официальных текстах уместно было только преувеличенно восхвалять мощь то божества, то фараона, прежде всего в его роли гаранта космического порядка. Что касается частных текстов, то там подчеркивается значимость человека, исходя из его заслуг или того, что он находился под покровительством государя или бога. Тексты никогда не имеют цели передать историческую правду. Таким образом, их свидетельства нужно воспринимать с большой осторожностью.

Парадоксальным образом кажется, что иногда мы ближе к действительности в художественной литературе, где авторы были освобождены от необходимости расхваливать самих себя или превозносить царя или божество (А. Х. Гардинер).

Благодаря сухому климату и зачастую — самой природе почвы, Египет изобилует археологическими памятниками. Архитектура своим стилем, различными типами построек, архитектурными элементами, которые в ней использовались, не только дает элементы датировки, но может также показать ход прогресса, верования и даже образ мыслей. То же самое можно сказать и о множестве изобразительных памятников — статуях, барельефах, рисунках, наскальных изображениях и, наконец, о предметах, которые составляют неистощимый источник информации о хронологии, повседневной жизни и истории техники. По своему типу, характеру, декору, по связи друг с другом они образуют костяк наших классификаций на различные «культуры» в ходе множества веков.

Новые техники раскопок, как и все более и более частое обращение археологов к методам точных наук³⁸, позволяют изучить аспекты египетской цивилизации, которые не были известны еще несколько десятилетий назад. В числе прочего, методы датировки по ¹⁴C и термолюминесценции, как и химический, ботанический или типологический анализ предметов, собранных в ходе раскопок, ставят под вопрос наши представления о появлении, происхождении и эволюции додинастических культур в долине Нила.

Тем не менее, обилие и важность археологических источников, которыми мы располагаем, не должны нас обманывать. Несмотря на число храмов и памятников, которые все еще существуют в Долине, несмотря на то что наши музеи исключительно богаты предметами всех видов, археология также дает нам лишь ограниченное число элементов для изучения по сравнению с тем, что существовало когда-то. Разрушения, произошедшие в ходе тысячелетий, оставили нам только весьма произвольную выборку. Если, например, храмы Нового царства и птолемеивской эпохи более многочисленны, чем храмы более древних эпох, это отнюдь не потому, как нередко пишут, что они лучше построены, но просто потому, что они из песчаника, в то время как многие святилища Древнего и Среднего царства, строившиеся из известняка, исчезли в печах для обжига извести в Средние века и в Новое время; то, что можно сказать о храмах, можно сказать и о статуях и барельефах; ограбление гробниц с самих древних времен погубило множество металлических предметов, ибо металлы — драгоценные или нет — можно было использовать снова; например, отсутствие меди в древнем поселении не обязательно значит, что мы имеем дело с эпохой неолита. Археолог тоже должен быть очень осторожен, поскольку подбор источников, которыми он располагает, также сильно ограничен случайностью.

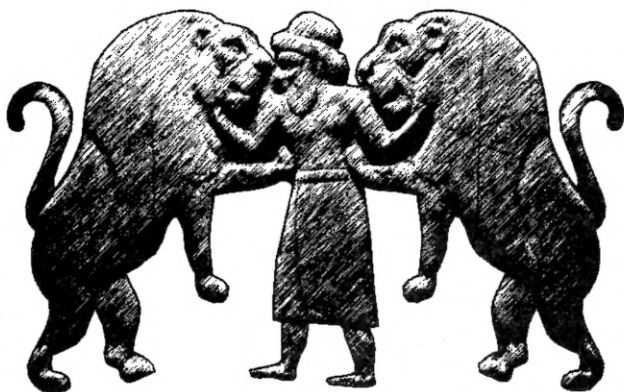
Как и текстуальные источники (и по тем же причинам, см. выше, с. 49), археологические памятники более редки в Дельте, нежели в Верхнем Египте. Они также в большинстве своем происходят из гробниц и святилищ. Жилища, расположенные в долине, зачастую недоступны; их закрывают современные города и деревни, они погребены

³⁸ Число публикаций, прежде всего англосаксонских, в этой области в последние годы симптоматично для этой тенденции, которая свойственна не одной только египтологии, см. среди прочих: Pyddoke (édit.). *The Scientist and Archaeology*. London, 1963; Allibone et al. *The Impact of the Natural Sciences on Archaeology*. Oxford, 1970.

под илом, собиравшимся за тысячелетия разливов. Более того, археологи нередко пренебрегали ими в пользу некрополей и храмов, которые более богаты качественными предметами.

Возможность написать связную историю египетской цивилизации можно было бы вообще поставить под сомнение из-за характера источников, их происхождения и прежде всего их количества, столь недостаточного для периода, простиравшегося на тысячелетия. Следует признать, что порядок восшествия фараонов на престол все еще точно не известен и многие события все еще покрыты глубоким мраком неизвестности. Тем не менее, в течение уже более полутора столетий мы понимаем тексты эпохи фараонов и раскапываем почву долины Нила, и то, что в 1822 году было полным незнанием, теперь находится в полумраке, который оригинальность египетской цивилизации делает еще более привлекательной.

Если «событийный» аспект египетской истории все еще известен очень неравномерно, то теперь, напротив, вполне возможно дать общий очерк образования этой цивилизации и порядка ее общественной и экономической эволюции в ходе четырех тысячелетий ее существования.

Глава III. ТЕМНЫЕ ВЕКА I

ОТ ИСТОКОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДО 3200 ГОДА ДО Н. Э.

В течение последних десятилетий на юге и на востоке высоких бассейнов Белого и Голубого Нила, в Эфиопии, в Танганьике, в Кении были открыты ископаемые останки наиболее древних гоминид: австралопитека и протоантропов, и вслед за ними *Homo erectus*, а потом и *Homo habilis*. С такой древностью — примерно пять миллионов лет — Африка является возможным, если не вероятным очагом происхождения современного *Homo sapiens*. Собственно долина Нила, даже если она еще не принимала в себя его эфиопские притоки, уже существовала в конце миоцена, то есть почти что в ту же самую эпоху. Однако никаких ископаемых останков человека вплоть до сегодняшнего дня там найдено не было, хотя недавно в Файюме нашли ископаемые останки множества антропоидов, в их числе и египтопитека (Leclant, 1985, 362).

Только с наступлением нижнего палеолита (500 000–120 000 до н. э., см. выше, с. 48) засвидетельствовано заселение Долины людьми. С тех самых пор и до конца IV тысячелетия и к началу исторической эпохи группы людей, а потом и организованные сообщества обитали там без перерыва.

Это непрерывное человеческое заселение можно разделить на несколько периодов. Мы различаем последовательно:

- *древнюю доисторию*, а именно палеолит и эпипалеолит;
- более новую *доисторию*, которая делится на неолит, додинастический период и протодинастический период;
- *архаическую эпоху*, начало Истории (см. табл. III).

Именно в ходе тысячелетий, предшествовавших египетскому Древнему царству, последовательными этапами формировалась египетская цивилизация, откуда и их важность: ремесленники архаической эпохи и впоследствии — Мемфисского царства — прямые наследники тех, кто в конце палеолита обрабатывал кремль, и тех, кто в неолите вырезал вазы, — они сохранили те же самые техники.

С 1960 года наши знания об этом дальнем периоде формирования египетской цивилизации значительно выросли и уточнились, сначала в области хронологии, благодаря новым методам датировки (см. выше, с. 92 и примеч. 35), затем — благодаря кампании по спасению памятников Нубии, развернутой ЮНЕСКО. Она охватила не только обширный регион, расположенный между I порогом и порогом Дала в Судане в 200 километрах к югу от египетской границы и более, чем в 400 километрах от Асуана, но также и Верхний Египет между Эль-Кабом и Элефантиной, где благодаря ней были возобновлены раскопки очень древних памятников, таких как Иераконполь и Накада, а также исследована Восточная пустыня. Тем не менее, несмотря на такой значительный прогресс, мы все еще очень далеки от того, чтобы хорошо узнать эти темные века. Следует быть осторожными в интерпретации этих новых данных, прежде всего тех, что дает археометрия.

ДАЛЬНЯЯ ДОИСТОРИЯ

Первых египтологов совсем не интересовала первобытная история Египта. Наука о доистории тогда была еще в колыбели, и важность исследований Буше де Перта в наносах Соммы, наконец, была едва признана только в 1850-х годах. Хотя французские специалисты по первобытной истории — Арселен, Ами, Ленорман — и публиковали с 1869 года палеолитические орудия, найденные в Египте, нужно было еще, чтобы появился Жак де Морган и опубликовал в 1897 году свои «Исследования по происхождению Египта», чтобы был признан тот факт, что Египет был заселен людьми за многие тысячелетия до появления фараоновской цивилизации.

Исследования по доисторической археологии, прежде всего по самым древним периодам, связаны с особыми трудностями в долине Нила, особенно в Египте. Во время и после морской регрессии в плейстоцене, который кончился только в 10 000 году до н. э., следовавшие друг за другом разливы реки, зачастую более сильные, чем в исторические эпохи, собрали на наносной долине толстые слои ила как в Верхнем Египте, так и в Дельте. Древние уровни человеческих поселений поэтому зачастую недоступны. С другой стороны, на плато, сегодня пустынных, которые окружают Долину, или на террасах, параллельных реке, где эти уровни могут быть легко доступны, ветровая

эрозия нарушала и зачастую уничтожала древние слои, оставляя на поверхности лишь каменные инструменты и черепки, смешав все эпохи.

Быть может, по меньшей мере в судано-нубийской долине Нила — как и в западной Сахаре, продолжением которой та фактически является, — существовала древняя *pebble culture* центральной Африки¹. Тем не менее, лишь в ходе влажного периода нижнего палеолита (120 000–90 000 до н. э.) появляются первые неоспоримые следы присутствия человека в нильской Африке. Многочисленные орудия, прежде всего бифасы, шелльские и ашельские, возможно, даже дошелльские, были найдены в Судане, как и в Нубии и в Египте, на террасах, в пограничных Долине пустынях, а также в ходе глубокого зондирования, проведенного в карьере в Аббасии близ Каира (А. J. Arkell, 1949b; Bouvier-Lapierre, 1925; K. S. Sandford и W. J. Arkell, 1929–1939).

Начиная со среднего палеолита (около 90 000 до н. э.) и с наиболее характерной для нее индустрией мустье-леваллуа следов человеческой деятельности в долине Нила становится все больше; многочисленные доказательства тому найдены на обоих берегах Нила, в самой Долине и на окружающих ее террасах, в Аббасии, а также в оазисах.

В первой фазе — от 90 000 до 50 000 года до н. э. — средний палеолит трудно отличить от нижнего палеолита: основным орудием остается бифас ашельского типа. Эта эпоха совпадает с периодом сухости, который установился примерно на сорок тысячелетий.

С 50 000 по 30 000 года до н. э. появление «индустрии отщепов», характерной для мустье-леваллуа, соответствует влажной фазе климата (ср. табл. I). Ее можно заметить как по всей долине, так и на соседних плато. «Треугольный отщеп» кремня, частая форма орудия индустрии леваллуа, позволила улучшить технику охоты. Фактически, даже если, как считают некоторые специалисты по доистории, люди еще не знали лука и стрел, леваллуазский «треугольный отщеп», вставленный в рукоятку, мог стать копьем или дротиком, метательным оружием, которое значительно увеличило эффективность охоты.

Именно в ходе той же самой фазы влажности в Египте, в северной Африке и в Сахаре вплоть до Нигера появилась новая каменная индустрия леваллуазской техники: атерийская; ее пластины с характерной «ножкой» говорят об их использовании в качестве дротиков.

Судя по всему, в среднем палеолите, когда повсюду царила атерийская культура, в саваннах, которые граничат с Нилом, существовала другая культура, хотя и современная ей (см. примеч. 1 на с. 91). Эта культура, которую окрестили хормусийской по названию места близ Вади Хальфы, где она была обнаружена, появилась около 45 000 лет до н. э. В то время как атерийцы в саванне были прежде всего охотниками-кочевниками, хормусийцы были тесно связаны с долиной: они были как рыбаками, так и охотниками. На стоянках этой культуры были найдены наряду с костями тура (*Bos primigenius*), дикого осла и газелей кости гиппопотама и множества рыб. Так появились первые признаки той ситуации, которая будет характеризовать последующий период:

¹ Существенно помнить о том, что в очень древние эпохи понятие «культура» касается только типологического анализа каменных орудий и, начиная с IX тысячелетия до н. э. — керамики. Часто речь идет только о статистических различиях в идентичных по другим параметрам орудиях, которые позволяют специалистам по первобытной истории отличить одну культуру от другой. Таким образом, понятие культуры априори не обладает никаким этническим или социокультурным значением.

постоянные поселения в долине Нила относительно стабильных, если не оседлых групп людей.

Начало верхнего палеолита около 24 000 года до н. э. отмечено серьезным ухудшением климатических условий. Высыхание Сахары, начавшееся около 30 000 года до н. э., тогда усилилось, и в XXIV тысячелетии установилась сильная сушь, которой суждено было продолжаться десяток тысячелетий.

Для периода приблизительно с 24 000 до 18 000 лет у нас нет или почти нет информации. Можно предполагать, что растущая сушь заставила атерийцев или переселиться или же они медленно вымерли на месте: в Марокко они исчезли между 30 000 и 22 000 годами до н. э. Насчет хормусийцев сомнения остаются: несмотря на общую засуху благодаря какой-то необъяснимой аномалии, разливы Нила сохранили свою регулярность; между 18 000 и 15 000 годами до н. э. они даже были очень сильными — так, что долина могла стать убежищем для охотников-атерийцев из саванны и позволить потомкам хормусийцев оставаться на месте. При отсутствии каких-либо археологических подтверждений, это все остается лишь гипотезой. Лишь в XVIII тысячелетии можно с уверенностью отметить новые культуры в долине Нила (см. примеч. 1 на с. 101).

С 18 000 до 15 000 год до н. э. вместе с группами людей, которые снова заселили Долину, появились и новые технологии, такие как общее использование «микролитов» — орудий очень небольших размеров. Таким образом можно констатировать регионализацию если не культур, то по меньшей мере набора орудий в долине в целом.

Можно выделить две основные культуры. На юге, примерно в 400 километрах от долины между II порогом и областью Ком Омбо, господствовала хальфийская культура — по названию Вади Хальфа, где она была впервые обнаружена. Эта культура была связана с группами охотников и рыболовов, которые использовали то, что фауна концентрировалась в долине из-за растущей сухости климата. Примерно 15 стоянок, занимаемых этими людьми, были найдены и раскопаны. Хальфийцы использовали орудия-микролиты.

В ту же самую эпоху далее к северу, в области Эсна, засвидетельствовано присутствие другой культуры, названной фахурийской. Фахурийцы вели полукочевой образ жизни: когда уровень Нила понижался с ноября по июль, они рыбачили и охотились в долине, где рост растительности после отступления вод привлекал множество млекопитающих — как травоядных, так и хищников; кроме того, в оставшихся от реки протоках, где еще стояла вода, во множестве ловилась рыба. С августа по октябрь, в сезон разлива, фахурийцы уходили на окраину долины или еще чуть дальше, на плато, где, видимо, грунтовых вод, которые там стояли выше, было достаточно, чтобы поддерживать, несмотря на засуху вокруг, несколько водоемов, озер и рек, которые привлекали диких животных и преследовавших их охотников, каменное оружие которых находят археологи.

Около 15 000 года до н. э. в Верхнем Египте, в Ком Омбо, появилась самая характерная индустрия конечного палеолита — себильская (Vignard, 1921, 1922, 1923 и 1928), которая после трех фаз эволюции оставалась в этом же регионе вплоть до 9000 лет до н. э. Около 14 500 года до н. э. сухая климатическая фаза начала отступать, через несколько столетий уступив место настоящей влажной фазе (см. табл. I)

Себилийцы были охотниками. В отличие от хальфийцев, которые предшествовали им в этом регионе, они не рыбачили. Кроме того, и их орудия были другими: они ис-

пользовали кристаллический песчаник (*ferricrete sandstone*) и камни первичной платформы, в то время как хальфийцы пользовались нильским кремнем, а также агатами и халцедоном, который в изобилии встречался в области порогов.

Все говорит о том, что себилийцы были пришельцами в долине Нила, хотя мы не знаем, откуда именно они пришли. Тем не менее, можно заметить у них черты, которые сближают их с иберо-маврской культурой. Южное происхождение, судя по всему, исключено: к югу от Ком Омбо фактически отмечено с 15 500 до 13 000 год до н. э. присутствие охотников и рыболовов — гемайцев (по местности Гемаи к югу от Вади Хальфа), которые продолжали хальфийскую традицию, точно так же как с 14 000 по 12 000 год до н. э. балланийцы (от названия некрополя Баллана к югу от Абу-Симбела), которые охотились на крупных млекопитающих близлежащей саванны, широко пользуясь при этом ресурсами охоты в протоках и заводях Нила у переправы через речные пороги.

Такие обозначения, как «хальфийский», «гемайский», «балланийский» и более поздние — «кадийский», «аркинский», «тошкийский», несомненно, не относятся к группам людей, отличавшимся друг от друга этнически или культурно. Они обозначают различия — иногда минимальные — в течение веков в формах каменных орудий или статистические вариации в этих формах (см. примеч. 1 на с. 101). Они относятся к обширному культурному комплексу, свойственному Нижней Нубии и части Верхнего Египта, — области, которая простирается от II порога на юге до Короско на севере. Эта общность, которую англоязычные археологи называют *Nilotic Micro-environment*, характеризуется микролитической индустрией, которая, судя по всему, была приспособлена к новым методам охоты и рыболовства.

В то же самое время в Западной пустыне, прежде всего во впадине Харга, развивается микролитическая индустрия с поперечными наконечниками стрел. Она отличалась от той, что была характерна для долины Нила и, судя по всему, была продуктом итоговой фазы ашеля и продолжалась там вплоть до неолита.

В Нижней Нубии, как и в Верхнем Египте между Асуаном и Фивами, себильская культура и нилотская микролитическая область развивались параллельно. Появлялись новые культуры; одни наследовали другим, судя по всему, без перерывов. Люди пользовались влажностью климата, а также сильными разливами Нила, которые вплоть до X тысячелетия увеличивали поверхность наносной долины и, следовательно, повышали количество растительных ресурсов для собирателей после отхода воды.

Самым главным явлением периода приблизительно между 14 500 и 10 000 годами до н. э. стало появление на доисторических стоянках жерновов, которые появились с 13 000 до 6400 в Нубии и с 11 500 по 10 000 в Ком Омбо и к северу от Луксора. Эти жернова служили для помола зерен, как доказывает присутствие на всех стоянках кремня, на котором есть следы характерной залощенности; этот блеск безошибочно говорит о том, что данное орудие служило для того, чтобы срезать (правильнее было бы сказать: «спилить») — волокнистые стебли травянистых растений. Более того, приготовление муки из зерен этих растений подтверждается стиранием зубов, которое видно на скелетах того времени; это стирание является результатом диеты на основе муки, смешанной с каменной пылью от жерновов. Количество жерновов на различных поселениях может заставить поверить, что население Нубии и Египта занималось сельским хозяйством с XII тысячелетия до н. э. — задолго до его появления на Ближнем Востоке.

Хотя сейчас эта гипотеза и отвергнута, обилие жерновов, тем не менее, говорит об изменении образа жизни населения долины Нила между 15 000 и 10 000 годами до н. э. Собираание диких зерновых занимало значительное место в питании наряду с добычей дичи и рыбы. Гарпуны теперь составляют обычную часть орудий человека, обитавшего на берегах реки: на одной из стоянок найдено 37 таких гарпунов вместе с множеством рыбьих позвонков и костей; более 95 % процентов этих останков на 5 % костей млекопитающих на этой стоянке достаточно ярко показывают, какое место занимала рыба в повседневной жизни людей палеолита.

Возможно, именно существенному изменению климатического окружения можно приписать как постепенное исчезновение жерновов и зачатков кремневых серпов, а также находку настоящего кладбища эпохи верхнего палеолита, обнаруженного в Гебель Сахаба (к северу от Вади Хальфа): там многочисленные кремневые наконечники были найдены зачастую все еще вонзившимися в кости скелетов. Некоторые исследователи видели в этом факте свидетельство борьбы между группами людей, которые якобы спорили из-за территорий, близких к Нилу, в то время как окружающая реку саванна оставалась необитаемой.

Переход верхнего палеолита к *эпипалеолиту* (или позднему палеолиту) и *мезолиту* не всегда можно четко проследить². С 6000 по 5100 год до н. э., то есть в течение почти тысячи лет, можно видеть в долине Нила наступление новой засушливой фазы (см. табл. I). Этот сравнительно краткий период на фоне всей древней доистории, тем не менее, очень важен. Он подготовил то, что нередко слишком часто называют «неолитической революцией». Если не считать региона, расположенного от II порога до Ком Омбо, этот период известен очень мало. Некоторые специалисты по доистории говорили даже о пробеле в наших знаниях между концом палеолита и началом неолита, доходя до того, чтобы предполагать, что человек полностью оставил Долину и вернулся только около 5000 года до н. э. Недавние исследования в Нижней Нубии фактически показывают, что заселение долины Нила никогда не прекращалось.

Предлагали различать *эпипалеолит*, эпоху, когда все еще господствовали охотники, от *мезолита*, который, возможно, стал переходным периодом «между стадией охотников и собирателей (...) и производителей, тех, кто культивировал первые растения в неолите»³. Именно в эпоху мезолита «изобрели» первые попытки domestikации животных и растений, хотя экономическая система продолжала основываться на охоте, рыболовстве и собирательстве. Для долины Нила трудно принять такие различия. Несмотря на сухость климата, растительность наносной долины после каждого разлива позволяла ее обитателям, конечно, еще немногочисленным, найти себе пищу, даже в периоды незначительных разливов, с помощью собирательства, рыболовства и использования местной и мигрирующей фауны. Не исключено, что с начала этого периода производились попытки культивирования если еще не ячменя и пшеницы, то

² Cp. A. Laming-Emperaire, в A. Leroi-Gourhan, *La Préhistoire*, «Nouvelle Clío», 1, Paris, 1977, 140: Ламинг-Амперер подчеркивает двойственность термина «мезолитический», который применяется как к культурам после ледникового периода, предшествующим неолиту в целом, как чисто хронологическое понятие; а иногда и к культурам, стоящим между палеолитом и неолитом, — культурное понятие. Предлагалось избегать употребления понятия «мезолитический» применительно к Африке (Arkell, Ucko, 1965, 156).

³ A. Laming-Emperaire, *ibid.*, 141–143.

местных злаковых, и это было тем легче, что эти растения уже были известны людям в предшествующую эпоху, если они уже не занимались их селекционированием.

В Нубии культуры в нильской экологической нише развивались на своих местах вплоть до конца мезолита, и даже позднее, причем их образ жизни менялся незначительно. То же самое можно сказать и в Египте о себилийской культуре, третья фаза которой продолжала использовать бассейн Ком Омбо.

Далее к северу только что открыта культура, отличная от себилийской, — *элькабская* (от Эль-Каба напротив Элефантины на восточном берегу реки (ср. Vermeersch, 1970, 1978)). Она, судя по всему, развивалась на протяжении долгого времени, от –9500 во время палеолита до –5500, то есть вплоть до даты, возможно, близкой к древнему бадарийскому (тасийскому) периоду в Верхнем Египте (F. A. Hassan, 1984; W. Kaiser, 1985) или по меньшей мере к древнему неолиту Файюма (Hassan, 1989, 99).

В Верхнем Египте вне Долины известно два места, относящихся к эпипалеолиту/мезолиту: одно — в небольшом оазисе Лакейта, другое — в Хелуане, на границе пустыни к югу от Каира. Возможно (хотя это и не доказано) на это последнее оказала влияние нагуфийская культура Палестины (примерно 9500–7500 до н. э.).

Отсутствие мезолитических поселений к северу от Фив, как и внутри Дельты, возможно, обусловлено как редкостью исследований доисторического периода, так и толщиной ила, который чаще всего должен был покрыть их в наносной долине.

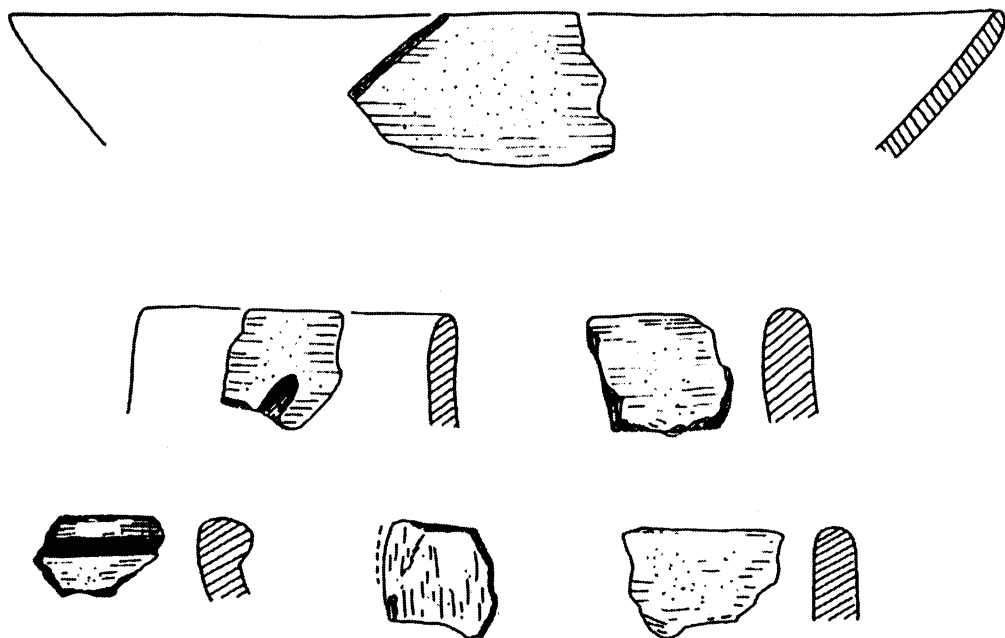

Рис. 5. «Тарифская» керамика.
По Ginter a Koszłowski, 1979

При отсутствии точной датировки трудно разместить на временной шкале *тарифскую* культуру, открытую у подножия Гебель Тарифа близ Фив (ср. Ginter, Koszłowski,

1979 и 1984). Если, как предполагают ее первооткрыватели, эта культура существовала уже в начале V тысячелетия до н. э., она должна была ненамного предшествовать элькабской. Каменная индустрия относит ее к традиции «пост-шамаркского нильского региона» (Id., *ibid.*, 96). Тарифцы знали керамику (см. рис. 5 ниже), но им было незнакомо сельское хозяйство и даже, судя по всему, скотоводство. Таким образом, их культура должна была принадлежать к «керамической фазе позднего местного палеолита» и к культуре охотников и собирателей, которая не должна была быть никак связана с амратской додинастической культурой, пришедшей на ее место (Ginter, Koszłowski, 1984, 260).

Перед тем, как завершить обзор эпилеолитических/мезолитических культур нильского региона, следует упомянуть о существовании в ту же эпоху очень древних культур в соседней Западной пустыне — как египетских, так и суданских. Современные хронологически культурам Долины, они, тем не менее, принадлежали к настоящему «неолиту», ибо там была известна как керамика, так и домашние животные. Обозначенные как Набта Плайя по имени региона, где они были найдены (Wendorf et Schild, 1984), эти культуры делятся на три фазы, отделенные друг от друга краткими климатическими периодами сухости (Id., *ibid.*, 405); первая относится примерно от 8050 до 6250 до н. э.; вторая — от 6150 до 5950 и последняя примерно с 5750 до 3450 годов до н. э. (Id., *ibid.*, 405). Принимая во внимание их относительную близость к долине Нила (около 100 километров), можно задаться вопросом, не влияли ли они на культуру нильской экологической ниши и на элькабскую, прежде всего в плане знакомства с сельским хозяйством. До настоящего времени ничего не говорит о том, что этот ранний сахарский неолит распространялся к северу и востоку, но это отнюдь не исключено. Керамика этой культуры с конца IX тысячелетия родственна той, что обнаружена в центральном Судане, прежде всего в Хартуме; с ее волнистым орнаментом (*wavy-line*) она владела весьма развитой техникой, что заставляет предполагать длительный период предшествующего развития.

БЛИЗКАЯ ДОИСТОРИЯ

Существование в долине Нила настоящего *неолита* в смысле, в котором это слово употребляется сейчас, может быть поставлено под сомнение. Если брать этот термин в его старом технологическом значении — появление орудий из полированного камня, — то никакой разницы между мезолитом и неолитом нет. Отесанный камень занимает столь же важное место, как и отполированный, как после, так и до конца VI тысячелетия. Если даже считать появление металла критерием — Меримда Бени-Салама, Файюм (об этих терминах см. ниже), где он не использовался, считаются «неолитическими», — то следует ли противопоставлять им современную обембадарийскую культуру, где было известно золото и медь? Появление неолита не говорит о коренных изменениях в основе экономики принильских культур. Образ жизни элькабцев с X по VI тысячелетие не очень значительно отличался от следовавших за ними бадарийцев, которые шли за ними в том же регионе, может быть,

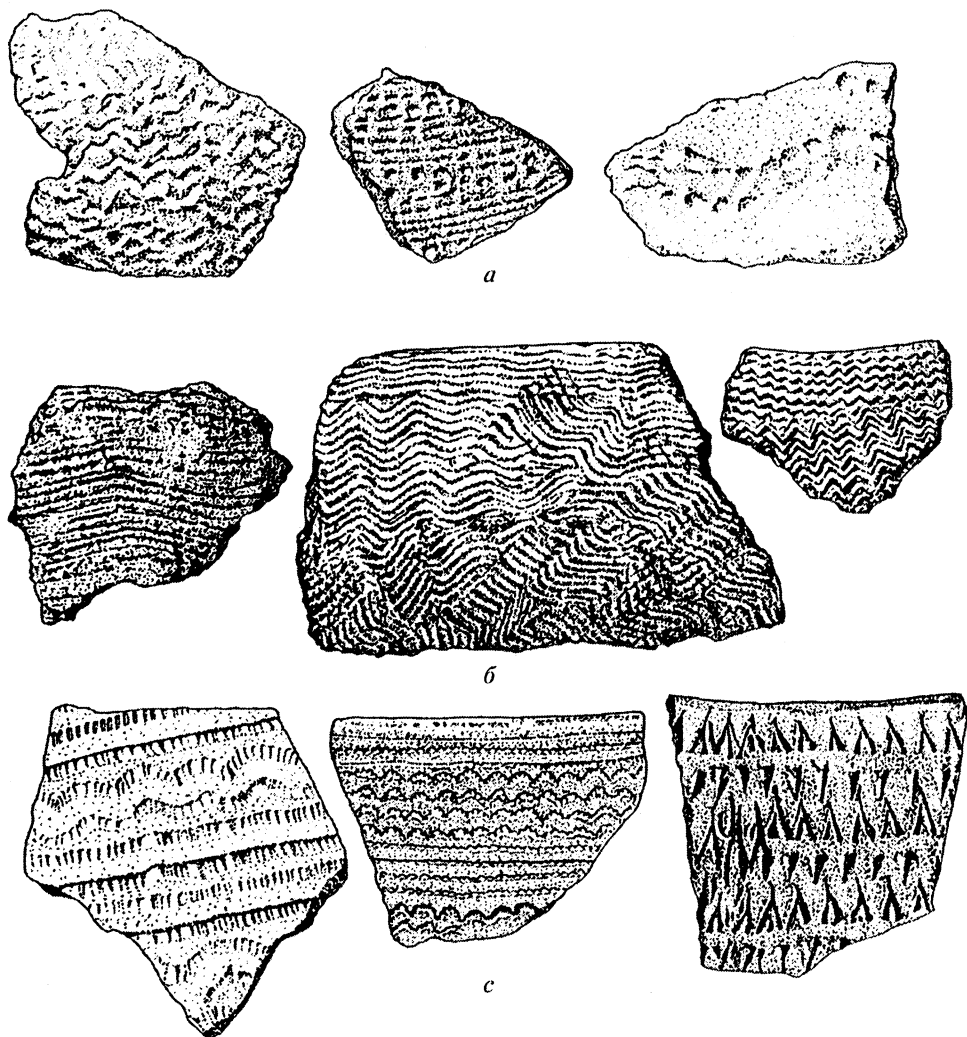

Рис. 6. Сравнение керамики:
А. Плайя; В. Ранний Хартум; С. Шахейнаб

с 5200 года до н. э., если не еще раньше. Становление оседлости и переход от присваивающего хозяйства к производительному, которые считаются основными чертами неолитической «революции», проявляются по меньшей мере со второй половины VI тысячелетия.

В долине Нила, прежде всего в Верхнем Египте и в Нубии вплоть до II порога, все происходит так, как если бы эволюция политически и экономически организованных обществ развивалась непрерывно в течение многих веков. В противоположность тому, что все еще часто считается общепринятым, ирригация отнюдь не стала началом новой эры и не благоприятствовала централизации власти в Долине в целом.

Введение новых зерновых, таких как ячмень и пшеница, должно было проходить легче прежде всего там, где уже была достигнута стадия развития, сравнимая с развитием тех обществ, где эти растения возделывались давно. Разрыв примерно в тысячелетие между Египтом и Ближним Востоком в области культивации ячменя и пшеницы объясняется тем фактом, что собирательства на богатой наносной долине Нила все еще было более чем достаточно для обществ, которые еще находились в процессе становления и располагали многочисленными видами растений, составлявших повседневное питание людей (ср. F. A. Hassan, 1984d, 60). Наконец, не исключено и то, что египтяне со своей стороны еще в глубокой древности предпринимали попытки культивировать другие растения, помимо ячменя и пшеницы (J. D. Clark, 1971); такие попытки могли бы объяснить быстрое распространение сельского хозяйства, раз злаковые растения были уже известны.

Следовательно, кажется предпочтительным избегать термина «неолит», по крайней мере, применительно к египетской долине Нила и прилагать его только к периферийным культурам Файюма, Западной пустыни и Верхней Нубии. Что касается собственно Египта и Нижней Нубии между I и II порогами, здесь используются такие термины, как *ранний додинастический* и *поздний додинастический*, а затем *протодинастический* период: мы предпочитаем их разным «Накада» и «герзейский». Слово «династический» фактически говорит о централизованной монархии, которая установилась с конца IV тысячелетия до н. э. Но в зародыше цивилизация фараонов существовала уже в конце эппалеолита. Она тогда развивалась на месте беспрерывно, и мы не видим значительных вмешательств извне, даже если иногда и можно заметить некоторые черты, заимствованные у соседних цивилизаций того времени.

НЕОЛИТ И ДРЕВНИЙ ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В ДОЛИНЕ НИЛА

Абсолютная хронология *раннего додинастического периода* все еще остается, если так можно сказать, неопределенной. Согласно результатам, полученным благодаря последним анализам по «калиброванному» ^{14}C и термолюминесценции (см. выше, с. 92 и примеч. 35 там же), этот период покрывал примерно полтора тысячелетия, то есть приблизительно с 5500 до около 4000 года до н. э. Тем не менее, несмотря на достаточно большое число современных анализов, речь идет лишь о приблизительных данных, поскольку для ^{14}C даты могут значительно варьироваться в зависимости от принятого типа «калибровки», и с термолюминесценцией период или «вилка», в пределах которой располагается реальная дата анализируемого образца, может достигать нескольких веков. Так, для черепков древнего бадарийского периода (ср. F. A. Hassan, 1983a, 3), если брать самую древнюю из предложенных дат, то эта культура должна была появиться уже в VII тысячелетии до н. э. и, таким образом, была отчасти современная мезолитическому Эль-Кабу; а если мы примем самую позднюю дату, она относится к V тысячелетию, оставляя пробел в несколько веков до предшествующей культуры.

Неизбежная в настоящее время неточность, которая проистекает из интерпретации дат, полученных методами точных наук, заставляет нас быть очень осторожными, даже если самые «крайние» в том или другом плане даты и остаются вероятными⁴. Чисто ориентировочно даты, которые дают самые последние анализы, выглядят следующим образом (см. табл. V).

Таблица V

Сравнительная хронология раннего додинастического периода (Египет) и неолита (Нубия, Судан, Западная пустыня)

Египет (даты до н. э.)		Нубия, Судан, Западная пустыня (даты до н. э.)	
Бадарийский I (Хаммамия)		Набта Плайя I–II	8050–5950
Нижний уровень*	6115(?) — 4955	Шахейнаб	4910–3680
Верхний уровень**	5440–4080	Эль-Габа — Кадада	4725–3360
Файюм А	5200–4700	Абкан	4415–3910
Тарифский***	4350–3810	Ранняя Группа-А	4100–3400
Амратский	4780–3900		
Меримда Бени-Салама****	4600–3500		
Эль-Омари*****	4200–4000		
	3900–3400		
<p>* Дата по данным термолюминесценции (Hassan, 1983) для поселения Хаммамия. На том же месте образец, датированный по ¹⁴C (калиброванному) дает значительно более поздние даты: –4145 –3950 по одному методу калибровки и –4425–3790 по другому. Бадарийское поселение дальше к югу, близ Накада, дает семь дат по ¹⁴C: –4315 –3800 — наиболее древняя и –3780–3370 — наиболее новая; на том же месте два образца, датированных по термолюминесценции, дали 5235–3945 и 4690–3645 до н. э. (Hayes, 1984).</p> <p>** Даты, полученные в Хаммамия с помощью термолюминесценции для амратских слоев, лежащих под бадарийскими. Далее к югу амратские слои дали 4075–3645 до н. э. в самом верхнем пределе и 3780–3370 в нижнем (Hassan, 1984) и –3900 –3400 в эль-Хатане (Hays, 1984), где они неверно приписаны к бадарийскому (Hassan, 1986, 91).</p> <p>*** Ginter, Koszłowski, 1979, 101.</p> <p>**** Olsson, 1959, 87–102 (цит. по Hassan, 1984, 221) предлагает 5300–4890 до н. э. после калибровки.</p> <p>***** Для Эль-Омари, как и для Файюма, приведены даты, данные в Trigger, 1983, 7.</p>			

Из-за неопределенности, связанной с датами, которые дают анализы, мы видим, что различные культурные фазы этого периода накладываются друг на друга, в то время как характерной чертой древнего додинастического периода является *континуитет* эволюции, как свидетельствует *относительная хронология*, основанная на изучении форм и орнамента керамики, разделенной на следующие друг за другом типовые серии.

⁴ Специалисты по датировкам настаивают на том факте, что в той «вилке», которую они устанавливают для датировки образца, реальная дата может находиться в любой точке между двумя крайними границами, которые не должны служить для установления «средней» датировки: если, например, образец относится к периоду между –3800 и –3500 и мы его датировали как –3650 ± 150, то цифра «3650» не соответствует реальности.

Эти серии были выделены еще с 1898 года⁵ Фл. Питри (Petrie et Mace, 1901, 4–9; Petrie, 1920, 3–4), который приписывал им произвольные даты от 30 до 80. Это так называемые *Sequence Dates* (сокращенно *SD*). Цифра «30» была приписана серии, которая тогда считалась самой древней, а 80 — той, которую Питри считал современной первым историческим фараонам. Вслед за этим Питри ввел в свою классификацию предметы погребального инвентаря помимо керамики, в частности палетки, фигурки, каменные орудия. Важно отметить, что установленные таким образом серии идут друг за другом, но при этом не имеют одинаковой продолжительности: например, *SD* 45 идет за *SD* 44 и предшествует *SD* 46, но каждая из них покрывает неопределенную продолжительность времени, истинную продолжительность которого установить невозможно. Тем не менее в общем и целом представляется, что чем ближе мы подходим к историческим временам, тем более краткой оказывается продолжительность эволюции, характерной для *Sequence Dates*: так (если взять произвольный пример) *SD* 68 должна была пройти быстрее, чем *SD* 36.

Несмотря на все недостатки (Baumgartel, 1955, 41) и хотя предлагались и другие классификации (см. прежде всего Kaiser, 1956), система *Sequence Dates* Питри выдержала проверку временем (Vandier, 1952, 233; Trigger, 1983, 5). Пока датировки по термолюминесценции или по ¹⁴C не слишком многочисленны и прежде всего поскольку неуверенность, связанная с этими методами, пока не исчезла, то относительная датировка по *Sequence Dates* остается тем более полезной, что она опирается на культурные критерии, связанные с развитием обществ, которые следовали друг за другом с VI по IV тысячелетие до н. э. от Нижней Нубии до Дельты.

Хотя эта гипотеза и ставилась под сомнение (Hauss, 1976, 1984) и несмотря на новые датировки, предложенные для Меримды Бени-Саламы, *тасийско-бадарийская* культура остается самой древней известной додинастической культурой, принимая во внимание даты, которые дает термолюминесценция. В любом случае, в Верхнем Египте она самая древняя. Ее существование, достоверно установленное с середины V тысячелетия, может восходить к середине VI в., если не ранее (ср. табл. V).

Предполагалось, что бадарийской предшествовала родственная ей неолитическая культура — *тасийская* (Brunton, 1937, Vandier, 1952, 167–180). От этой точки зрения теперь нередко отказываются (Trigger, 1983, 5) и высказываются предположения, что тасийская культура — только местный вариант бадарийской. При этом не исключается возможность, что тасийская — наиболее древняя фаза. Тем не менее, следует отметить позицию, занятую недавно В. Кайзером (Kaiser, 1985, 71–79), который видит в тасийской оригинальную культуру, отличную от бадарийской и более древнюю, хотя отчасти и развивавшуюся параллельно ей.

До сего дня бадарийская культура известна прежде всего по нескольким местам раскопок в Верхнем Египте (см. карту II на с. 114); они располагаются на протяжении около 30 километров на восточном берегу Нила между Абутигом (в 25 километрах к югу от Асьюта) и Тахтой вверх по реке. Несколько характерных для этой цивилизации черепков было найдено в Арманте, Иераконполе, Эль-Кабе, в Вади Хаммамат и на берегу Красного моря.

⁵ О системе *Sequence Dates* и ее развитии см. Massoulard, 1949, 61–67; Kemp, 259–261 и Id., 1982, а также Trigger, 1983, 5.

В 1984 году в ходе систематического обследования области Накада она была положительно обнаружена и на западном берегу реки, хотя этот факт оспаривается (Hassan, 1986, 91). Тем не менее, вполне правдоподобно, что она выходила далеко за пределы узкой области, где была выделена первоначально.

Хотя известно и несколько жилищ, информацию о бадарийской культуре дают прежде всего некрополи. Небольшие могилы имеют в основном овальную форму, хотя иногда они круглые или прямоугольные с закругленными углами. В могиле находится одно тело, в исключительных случаях — два или три. Тела находятся в скорченном положении — в позе сна — и в основном лежат на левом боку головой к югу и лицом на запад. Хотя у этой ориентации порой и есть исключения, из нее можно вывести наличие веры в некую загробную жизнь, связанную с культом заходящего солнца. Именно на Западе в историческую эпоху располагали Царство Мертвых, которым правил Осирис. Как бы то ни было, присутствие погребального инвентаря рядом с телом подтверждает надежду на посмертное существование.

В тех случаях, когда состояние могилы это позволяло, можно было установить, что тело завернуто в циновку, ткань или шкуру; иногда у одного умершего присутствовали два из этих элементов. Тело также могло находиться в чем-то вроде большой корзины, или, по крайней мере, быть защищенным рамой из дерева и сплетенных ветвей. В некоторых бадарийских некрополях, в том числе в Мостагедде, судя по всему, соблюдалось разделение полов: женщины с одной стороны, мужчины — с другой.

Антропологические исследования, проведенные прежде всего по черепам (поэтому их следует принимать с осторожностью, если не со скептицизмом), говорят о некоей индийской связи бадарийского населения (Morant, в Brunton, 1937, 66). Волосы, которые иногда сохраняются, — каштановые или черные, гладкие или кудрявые, но чаще волнистые; рост варьируется от 1,60 до 1,90 метра. Фактически, физический тип бадарийцев, насколько можно судить, кажется не слишком удаленным от типа населения Верхнего Египта в историческую эпоху.

Бадарийский «погребальный инвентарь», найденный как в могилах, так и в жилищах, весьма характерен. Керамику, прежде всего полированную, красную либо коричневую или же красную черновой, легко отличить от амратской керамики, которая следует за ней на тех же поселениях. Она отличается от амратской и по форме, растительным или линейным декором, и прежде всего своей тонкостью, хотя амратская керамика и заимствовала у бадарийской особую технику красной (или коричневой) черновой керамики. Фактически, бадарийская керамика некоторыми своими формами, а также по тому, как обрабатывалась ее внешняя поверхность — «рифленая» (*rippled*) или «гребенчатая» (*combed*), — во многом сходится с керамикой конца суданского неолита⁶ и группой А Нижней Нубии.

Орудия, которые сопровождали керамику, преимущественно каменные. Хотя зачастую бадарийскую культуру называют «энеолитической» или «халколитической», она на самом деле остается прежде всего «неолитической». Металл (в данном случае медь) встречается исключительно редко. Он появляется только с развитием культуры, и если он и облегчил изготовление бус, он, судя по всему, не играл значительной роли

⁶ Можно сравнить, например, «тасийские» вазы в форме чаш (Vandier, 1952, 174–175 и fig. 116–117) с теми, что были найдены в Судане, в Кададе между V и VI порогами (Geus, 1979, 10 и pl. VII).

в повседневной жизни. Для работы по дереву и коже, плетения корзин, как и для тканей и шитья, используется прежде всего камень наряду с костью. Те же самые материалы употребляются и для изготовления оружия и инструментов, необходимых для рыболовства и охоты: рыболовные крючки, найденные на бадарийских поселениях, сделаны из ракушек или слоновой кости, хотя металлические крючки были более прочными и изготавливать их легче.

Бадарийцам была известна техника «глазирования» или «эмали», которую они употребляли, чтобы покрыть блестящим голубым цветом бусинки из стеатита, имитируя амазонит или лазурит (Brunton, Caton-Thompson, 1928, 27 и сл.). Основным элементом в этой технике был малахит, медноносный минерал, который встречается в Египте. Вполне возможно, что в ходе процесса изготовления глазури бадарийцы случайно открыли медь (Lucas-Harris, 1962, 201, 401), так что не обязательно прибегать к гипотезе импорта из Азии, чтобы объяснить присутствие этого металла в Бадари, где его употребление осталось ограниченным изготовлением иглол, пробойников и редко — бус.

Среди каменных орудий и вооружения следует отметить прекрасные наконечники стрел с выпуклым основанием (Brunton, Caton-Thompson, 1928, XXIX), похожих на те, что были в Файюме А. Ножи или зазубренные пластины могли служить как для работы по дереву или кости, так и для собирательства (с помощью перепиливания) стеблей диких или культурных злаковых. Типичным орудием являлся толстый скребок (*scraper*), который вырубали из кремневой гальки. Такой инструмент отчасти лег в основу теории, согласно которой бадарийцы произошли где-то вне Долины. На самом деле мы знаем, что известняковые утесы к северу от Гебель Силсилы содержат пластинки или желваки кремня, которые по своему качеству значительно превосходят гальку, использовавшуюся бадарийцами; кроме того, такой кремень легче обрабатывать. Отсюда возникло предположение, что факт незнакомства с этим кремнем является доказательством того, что бадарийцы были чужими в этой части долины Нила и пришли с Юга или с Востока, проходя через пустыни.

Наряду с керамикой и каменными орудиями, которые составляют большую часть инвентаря, найденного на поселениях или в могилах, бадарийская цивилизация произвела множество других характерных предметов: прежде всего это «Палетки» из шифера, которые тогда впервые появились в долине Нила и которые будут встречаться в различных формах во всех южных додинастических культурах, как египетских, так и нубийских. Важное место занимает слоновая кость. Она служит для изготовления иглол, гребней, рыболовных крючков, ложечек и ваз, цилиндрическая форма которых послужит моделью для алебастровых ваз амратского и герзейского периода, архаической эпохи и даже для Древнего царства. Гребни и ложечки украшались мотивами из животного мира. Наконец, появляются женские статуэтки из глины, а также из слоновой кости: они являются древнейшими изображениями людей, известными в долине Нила.

Бадарийцы выращивали один вид пшеницы — *Triticum dicoccum* и два вида ячменя — *Hordeum vulgare* и *Hexastichum*. Присутствие кремневых лезвий со следами «блеска жатвы», мельничных жерновов и дробилок, а также ложек для каши на основе зерновых уже было бы достаточно, чтобы показать, что сельское хозяйство тогда играло в экономике и питании нильского населения значительную роль. После про-

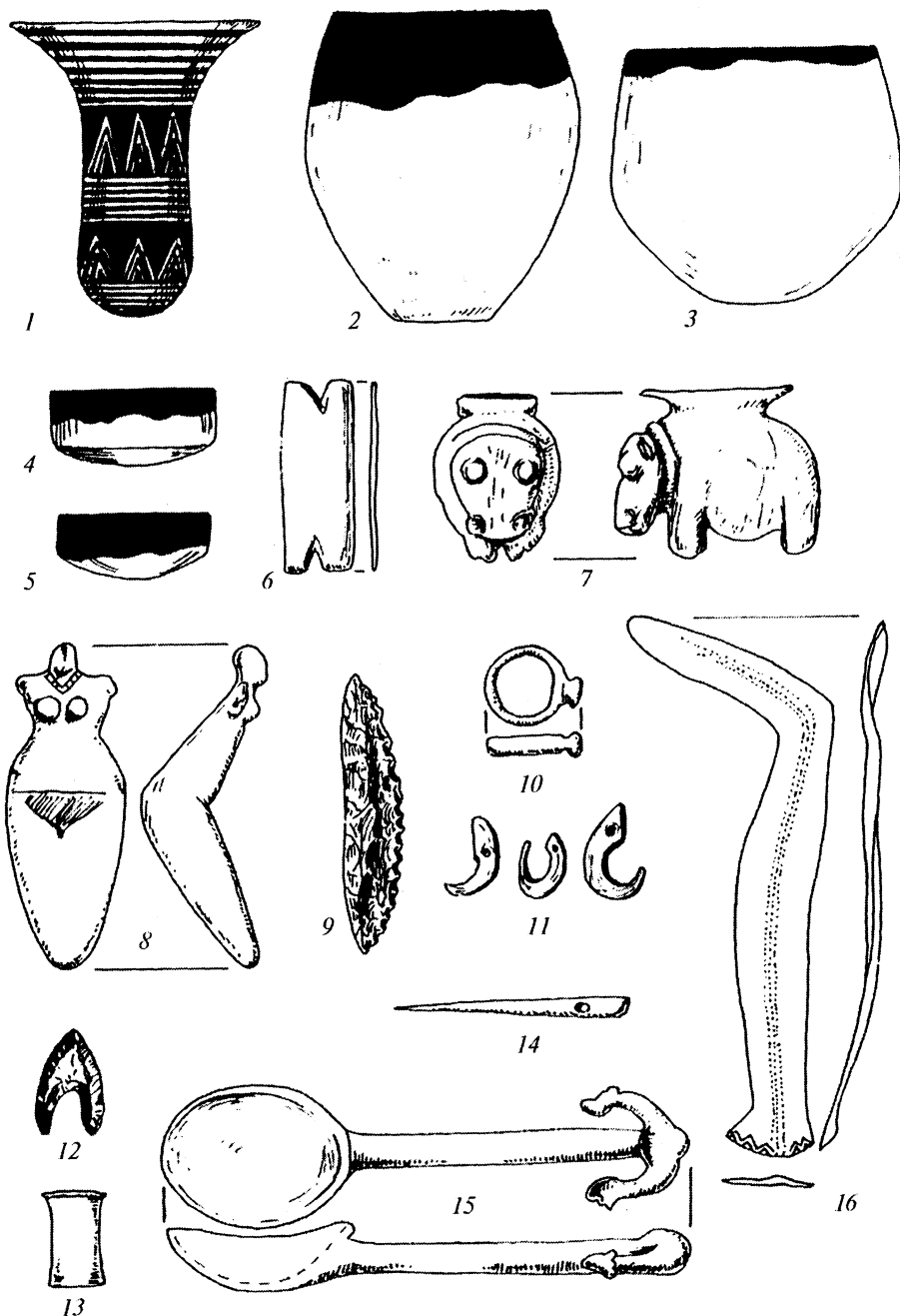
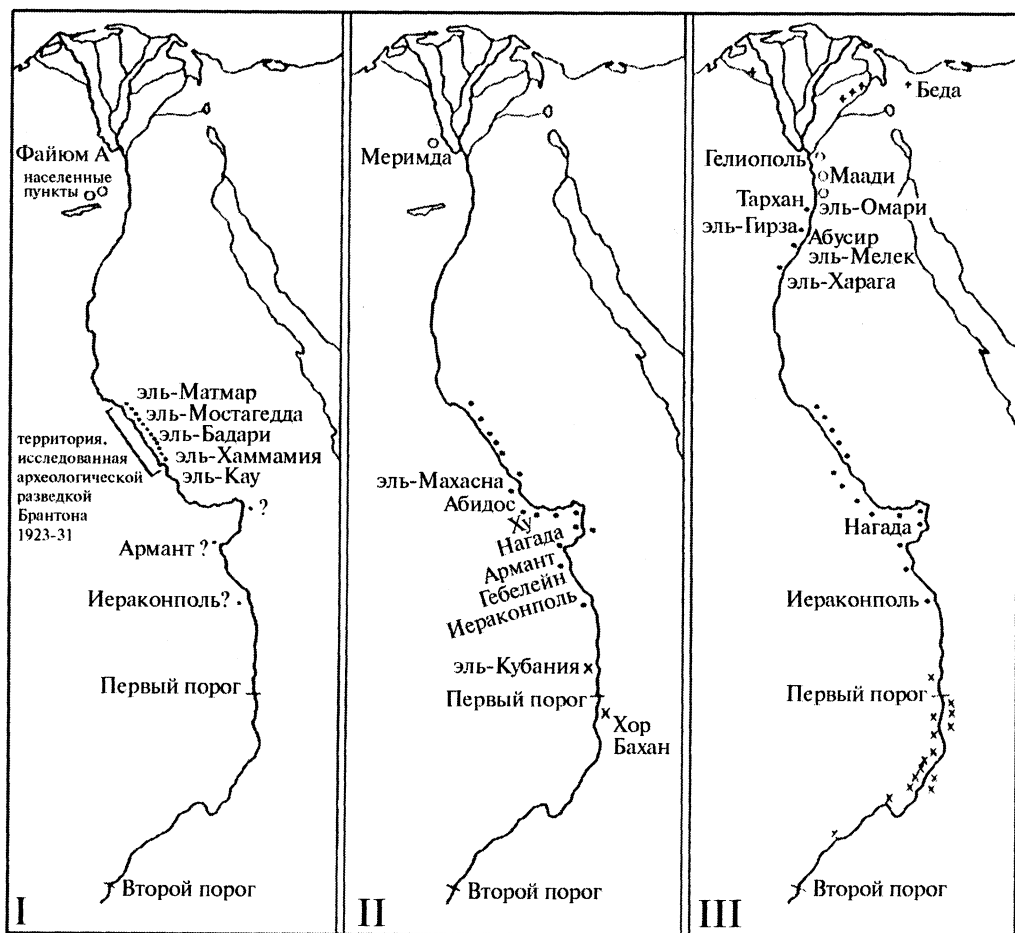

Рис. 7. Тасийский и бадарийский погребальный инвентарь:

- 1—2. Тасийские вазы. 3—5. Бадарийские вазы. 6. Бадарийская палетка. 7. Ваза в форме слона.
 8. Женская статуэтка. 9. Кремневый нож. 10. Перстень. 11. Рыболовные крючки. 12. Наконечник
 стрелы. 13. Ваза из слоновой кости. 14. Костяная игла. 15. Ложечка (слоновая кость).
 16. Деревянный бумеранг

Карта II. Основные додинастические памятники Египта и Нижней Нубии:

I — тасийско-бадарийские; II — амратские ×; III — герзейские (○ на Севере). *N.B.* ×: нубийские памятники (на врезке II) и памятники Группы А (на врезке III).

По Trigger, 1983, p. 25

сушки зерна хранили в силосных ямах или вырытых непосредственно в земле, или же в больших хранилищах из ила, смешанного с соломой. Выращивание крупного и прежде всего мелкого рогатого скота дополняло сельскохозяйственные ресурсы.

Наряду с сельским хозяйством и животноводством, охота и рыболовство продолжали оставаться важными видами деятельности. Некоторые ученые предлагали приписывать бадарийцам, а также их наследникам амратцам сцены охоты — на слона, носорога, каменного козла, газель, страуса, геренука, — которые еще не так давно считались работой «местных горцев» (*Autochthonous Mountain Dwellers* в Winkler, I, 1938, p. 18–24, 9–30, pl. XVII–XXI; *ibid.*, II, 1939, p. 18–20, pl. XVIII; Vandier, 1952, p. 14, fig. 5), предположительно, современных животноводов Западной пустыни, прежде всего Гебель Увейнат (Winkler, II, 1939, pl. XIX–XXXVIII).

Если к художественному качеству некоторых петроглифов Восточной пустыни прибавить появление круглой скульптуры, даже миниатюризированной в случае с женскими статуэтками, ложечки со скульптурной ручкой, орнаментированные гребни, а также вазы — цилиндрические и из слоновой кости в форме животных (прежде всего вазу в форме гиппопотама, настоящий шедевр, ср. Vandier, 1952, 215), можно констатировать, что бадарийская культура уже не была «культурой» охотников и собирателей, но настоящей цивилизацией. С присутствием в заупокойном ритуале амулетов с головами животных, и прежде всего собак, крупного рогатого скота, коз и баранов, которых хоронили в циновках, как людей, проявляются загробные верования, которые могли лежать у истоков культа животных, столь характерного для исторического Египта.

Другие черты этой цивилизации уже напоминают додинастический Египет, а потом исторический: это прежде всего попытки предвидеть недостаточные разливы Нила, обусловившие увеличение количества силосных ям, в которых хранились сушеные зерна, использование палеток для румян из шифера, существование бумерангов (известен лишь один экземпляр, но его значение трудно переоценить; Brunton, Caton-Thompson, 1928, pl. XXIII, XXV, № 5716): бумеранг еще при XVIII династии остается любимым оружием египтян для охоты на водную птицу в болотах.

Происхождение, хронология, географическая протяженность бадарийской культуры еще не вполне ясны. Английские раскопки с 1928 по 1931 год позволили обнаружить удивительную концентрацию бадарийских поселений и погребений в Верхнем Египте к *северу* от региона, которому было суждено стать колыбелью амратской цивилизации (Накада I) (ср. карту II).

Недавние исследования показали, что такая узкая локализация могла в значительной степени быть обусловлена случайностью раскопок, и бадарийская культура была распространена на значительно большей площади, чем позволяли предположить первые исследования англичан. Так же и с хронологической точки зрения эта цивилизация должна была просуществовать дольше, чем считалось еще недавно. Даты, полученные по калиброванному ^{14}C и по термолюминесценции на основании углей и черепков, собранных в районе Эль-Хаттары, показывают, что с 3900 по 3400 год поселение, которое авторы раскопок считают бадарийским, процветало в регионе Накады, где амратская цивилизация (Накада I) хорошо засвидетельствована еще с начала V тысячелетия (ср. табл. III). Нужно ли из этого сделать вывод, что мы ошибаемся и что бадарийская культура существовала *после* амратской, как полагают некоторые? Нам так не кажется. С одной стороны, тот факт, что бадарийская культура предшествовала амратской, остается установленным, пока не доказано обратное, стратиграфией поселения Хаммамия (единственным, которым мы располагаем). С другой стороны, само существование «бадарийских» поселений в эль-Хаттаре не является точно установленным. Фактически, они были приписаны бадарийцам после находок черепков «рифленной» (*rippled*) керамики, хотя черепки того же типа обнаруживаются и в амратских, и даже в герзейских находках. Поэтому находки в области эль-Хаттары, приписанные бадарийцам, скорее всего, принадлежат последней стадии амратской культуры (Накада I) (Hassan, 1986, 91).

Как бы то ни было, по своей хронологической позиции, и прежде всего по совокупности ее культурных черт, цивилизация Таса-Бадари может и должна считаться законным предком цивилизации фараонов. Она продолжилась в амратской культуре, которая

заимствовала у нее ряд характеристик, и затем вместе с ней растворилась в герзейской и в протодинастической культуре Накада III.

В то время, когда в Верхнем Египте за бадарийской культурой последовала *амратская*, разные другие неолитические культуры, отличные от культур верховьев долины Нила, существовали с VI по IV тысячелетие до н. э. на юге и западе Египта, так же как и на севере, в Дельте или вблизи нее. Хотя эти культуры иногда и предшествовали амратской цивилизации, мы рассмотрим ее раньше, поскольку она слишком близка бадарийской, чтобы их разделять.

Поселение Эль-Амра, которое дало свое название амратскому периоду, стало одним из первых додинастических поселений, которое было определено и исследовано. Ж. де Морган и Э. Амелино работали там с 1896 года, и раскопки были возобновлены англичанами (Randall-MacIver, Mace, 1902). Деревня Эль-Амра находится на западном берегу Нила примерно в 10 километрах к юго-востоку от Абидоса на выходе из широкой долины, которая открывается на Западную пустыню. От Матмара на севере до Иераконполя на юге было раскопано около 20 памятников этой цивилизации (ср. карту II). Таким образом, Эль-Амра — это всего лишь одно место среди многих памятников этой додинастической цивилизации, сыгравшее основную роль в длительном процессе, которому суждено было завершиться в конце IV тысячелетия до н. э. формированием централизованной фараоновской монархии.

Египтологи длительное время предпочитали термину «амратский» название *Накада I* по имени деревни Накада на западном берегу Нила между Дендерой и Луксором. Там в 1894–1895 годах было раскопано около 3000 додинастических могил (Petrie-Quibell, 1896, p. vii), следовательно, речь идет о памятнике намного более значительном, чем эль-Амра. Если теперь зачастую предпочитают термин «амратский», то постольку, поскольку он употребляется в связи с термином «герзейский» (или Накада II) и лучше отражает эволюцию цивилизации, которая, будучи узко сосредоточенной в Верхнем Египте (амратский), завершилась герзейским периодом, который покрывает всю египетскую долину в целом — от Дельты до Иераконполя и далее (ср. карту II), предвосхищая, таким образом, историческую цивилизацию фараонов.

Амратский чаще всего идет за бадарийским на одних и тех же местах, без значительного перерыва между двумя культурными горизонтами. Только стратификация позволила (и только в Хаммамии) хронологически отделить друг от друга две культуры, зачастую тесно связанные. Когда ветровая эрозия перемешивает на земле черепки и каменные инструменты или когда бадарийские и амратские погребения оказываются смежными в некрополе, только типология керамики может позволить определить то, что относится к одной культуре и что — к другой. Родство, связующее бадарийскую и амратскую культуры — установленный факт. Все происходило так, как если бы с конца VI до середины IV тысячелетия до н. э. одна и та же цивилизация господствовала в Верхнем Египте от границ Асьюта на севере вплоть до Гебель Силсилы на юге, где начиналась будущая *Та-сети*, или Нубия.

Амратский погребальный инвентарь, а также совокупность предметов и орудий, найденных в жилищах, близки к бадарийским; отличаются они в деталях. Зачастую возможно классифицировать их по одним и тем же категориям. Хотя формы нередко

могут быть различными, в амратской культуре мы находим такие характерные предметы, как палетки, браслеты, перстни с «ножками», наконечники стрел с зазубринами, гребни со скульптурным орнаментом, гарпуны из кости, в том числе слоновой, детали серпов из кремня, а также статуэтки людей и животных.

В керамике эволюция между двумя культурами наиболее ощутима или, по меньшей мере, очевидна. Красная чернотелая керамика, типичная для древнего додинастического периода в Верхнем Египте (класс В по Питри) обнаруживается и в амратской культуре, но в ней отсутствует тонкость бадарийской, и «рифленая» техника (*rippled*) исчезает. Формы, напротив, становятся более разнообразными: прежде всего орнамент, в бадарийский период еще редкий, занимает значительное место, в особенности в красной керамике с белым декором (класс С по Питри) с геометрическими узорами, которые могли сопровождаться (или не сопровождаться) растительными мотивами (Petrie, 1920, pl. X–XV; Vandier, 1952, 264–269); фигуры людей и животных, отсутствующие в бадарийском орнаменте, нередки в амратском (Petrie, *ibid.*, XVI–XVIII; Vandier, *ibid.*, 269–288).

Как и бадарийцы, амратцы использовали гораздо больше кремня, чем меди, которая остается редкой. Техники обработки кремня совершенствуются; они предвосхищают резьбу додинастических ножей типа «Гебель эль-Арак» (Midant-Reynes, 1984, 263). Появляется новая форма — раздвоенный нож в форме «рыбьего хвоста» (Arkell, 1975, 34, fig. 21, p. 47; Cénival, 1973, 48, fig. 61–62). Это характерное оружие долгое время считалось наконечником копья, но открытие образцов с ручками показало, что речь идет о ноже. Он появился в амратском периоде, в несколько более развитой форме остался в употреблении в герзейском, и исчезает, судя по всему, в период SD 63, то есть в конце Накада II^d по В. Кайзеру, как раз перед протодинастической эпохой (Накада III или семанийская). Такой нож мог быть предшественником *psš-kf/несеишефа* исторической эпохи, инструмента, использовавшегося в обряде «отверзания уст» мумий и статуй. Миниатюрный нож такого типа, вероятно, амулет, датирующийся царствованием Дена (I династия, около 3000 года до н. э.) (Petrie, 1902, pl. LI, № 22, p. 24) — это связующее звено между реальным оружием эпохи SD 34–63 (4780–3300 годы до н. э.) и похожим ритуальным предметом, материал которого — кремень и обсидиан, — возможно, играл с религиозной точки зрения столь же важную роль, что и сама форма (Midant-Reynes, 1981, 39–45 и 1984, 261–265).

Постоянство формы лезвия раздвоенного амратского ножа с V тысячелетия до н. э. вплоть до исторической эпохи предполагает определенный культурный континуитет. Оно, таким образом, подтверждает то, что уже было сказано о бадарийской культуре, которая в зерне содержала много черт архаической фараоновской цивилизации.

Нужно упомянуть и о другом амратском оружии: палица с дисковидным навершием (Petrie, 1920, 22–24, 47, pl. XXV). Унаследованная от бадарийцев палица, вырезаемая из самых твердых пород камня, таких как диорит, продолжала употребляться в течение всего амратского периода, ее исчезновение около периода SD 40 совпадает с появлением грушевидной герзейской палицы, возможно, азиатского происхождения. Хотя дисковидная палица и перестала употребляться около 3600 года до н. э., она, тем не менее, фигурирует в иероглифической системе. Из этого следует, с одной стороны, что письмо тогда уже формировалось, поскольку изображение этого оружия сохраняется в качестве фонемы вплоть до исторической эпохи, и, с другой стороны, что язык ам-

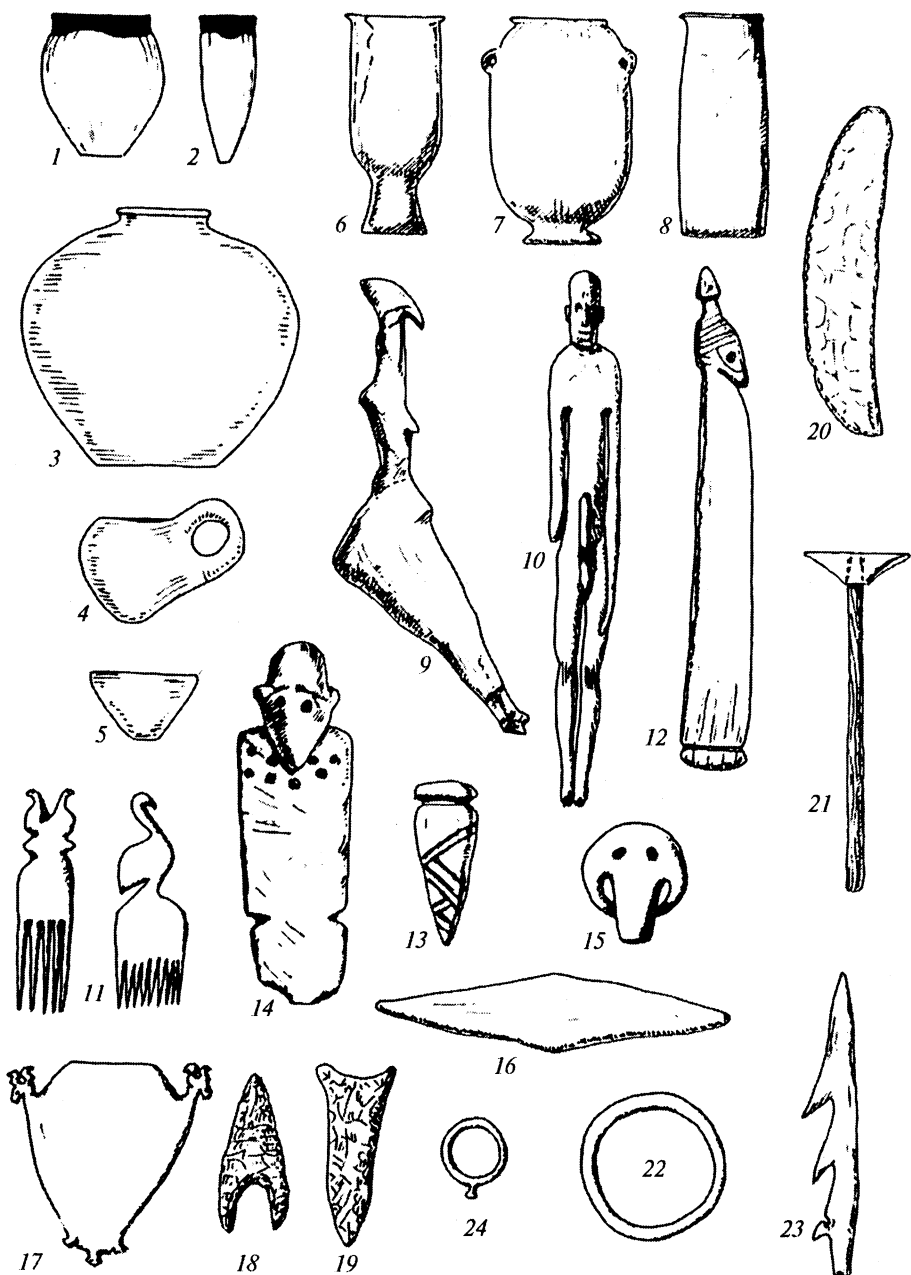

Рис. 8. Амратский погребальный инвентарь:

1-2. Красные черновые вазы. 3-6. Одноцветные вазы. 7-8. Каменные вазы. 9-10. Статуи людей. 11. Декорированные гребни. 12. Рог с головой человека. 13. Вотивный рог. 14. Статуэтка без ног. 15. Амулет. 16-17. Каменные палетки. 18. Наконечник стрелы. 19-20. Кремневые ножи. 21. Палица с навершием в форме усеченного конуса. 22. Браслет. 23. Гарпун из кости. 24. Перстень с оправой.

По W. Kaiser, 1957; L. Krzyżaniak, 1977; Fl. Petrie, 1920

ратцев, даже если и отличался от языка египтян династической эпохи, заключал в себе элементы, которые были восприняты классическим языком эпохи фараонов. Это предполагает определенный культурный континуитет.

Наряду с раздвоенным ножом и дисковидной палицей, амратцы пользовались «ромбовидным» ножом (Arkell, 1975, 38, fig. 16–1), который исчез примерно в период *SD* 38–40, примерно в то же время, что и дисковидная палица. Эта особая форма — в виде вытянутого ромба — известна в анатолийском неолите, хотя это, конечно, не предполагает обязательно импорт или подражание. Параллельно одна из форм амратского ножа (бадарийского происхождения) сохраняется в течение всего додинастического периода и вплоть до Среднего царства: это нож с очень короткой ручкой (даже почти без ручки), с прямой спинкой и слегка выпуклый в режущей части. Этот инструмент будет служить для написания слова *ds/des* «кремень» (Midant-Reynes, 1984, 265). Он будет использоваться мясниками для ритуальной разделки быков в Древнем и Среднем царстве. В Позднюю эпоху, когда выпуклая часть ножа приобретает форму «зубьев пилы» (Arkell, 1975, 35, fig. 14–5), он, судя по всему, служил для срезания зерновых.

Все эти орудия и оружие — разные ножи, зазубренные наконечники стрел (Arkell, 1975, 35, fig. 14–7) — имеют общие черты: они вырублены из кремня, старательно обточены и отполированы по обеим сторонам, острия сделаны «режущими» с помощью тонких и многочисленных «ретушировок». Мастерство в обработке камня, которое демонстрировали амратцы, проявляется и в изготовлении каменных сосудов. Некоторые из них, цилиндрической формы, являются прямыми наследниками бадарийских ваз из слоновой кости той же формы (Arkell, 1975, 38 и 43, fig. 19, 1–2); другие, с ножками (Id., *ibid.*, fig. 19–3), принадлежат к типу, известному в ту же эпоху в Месопотамии. Предполагали, что эти вазы могли быть завезены купцами, которые пересекали Красное море, но такое заморское происхождение спорно: они вырублены из базальта, египетское происхождение которого, нередко фэйумское, хорошо засвидетельствовано (Lucas-Harris, 1962, 61–62, 421). Форма этих ваз развивается на месте в течение герзейского периода, и их становится все больше (Arkell, 1975, 43, fig. 19, 4–5). Таким образом, возможно, мы видим феномен «конвергенции», похожий на то, что происходило с ромбовидными ножами. Одни и те же формы могли появиться в двух различных регионах Ближнего Востока, причем не обязательно имел место импорт или подражание.

Мастерство амратских резчиков по камню, которые, возможно, уже были специализированы (Baumgartel, 1965, 18), проявляется также в изготовлении шиферных палеток, формы которых могли быть самыми разнообразными: ромб, рыба, черепаха, гиппопотам, антилопа, птица (ср. в числе прочих Arkell, 1975, 43, fig. 19, 6–12). Использование палеток для растирания косметики подтверждается следами красной охры и малахита (для зеленого цвета), найденными в нескольких экземплярах. Эти предметы находят также в миниатюрном виде в форме амулетов, наделенных магической силой.

Большая часть человеческих фигурок египетского додинастического периода, сделанных из глины или вырезанных из слоновой кости, датируются амратским периодом (Id., *ibid.*, 38 и fig. 15, 1; Ucko, 1968). Их сближают с похожими предметами, принадлежащими халколитической культуре Телль Гасуля в Палестине, прежде всего фигурками, найденными в Беэр-Шеве (Arkell, 1975, 38); но эти сближения остаются весьма недостоверными (Mellaart, 1965, 161; Trigger, 1984, 31). Кроме того, клыки гиппопотама обрабатывались в форме мужских голов с бородами; предназначение этих предметов неизвестно.

Хотя было обнаружено множество скелетов амратского периода, их изучение пока не позволяет с уверенностью установить этническое происхождение этого народа (Ucko, 1967, 345–34). Поскольку многие тела были еще в достаточно хорошем состоянии, можно заметить, что в ту эпоху было принято обрезание. В одеждах из козьих шкур (мехом внутрь), которые также нередко хорошо сохраняются, можно выделить самые характерные элементы: так называемые футляры или чехлы для половых членов, представленные в трех различных вариантах (Id., *ibid.*, 352–354); хотя нередко утверждалось, что данная часть костюма имеет ливийское происхождение, это еще остается доказать. Как и позднее нубийцы, амратцы, видимо, вставляли в прическу перья. Охотники на петроглифах в Восточной пустыне, приписанных «местным горцам», также носят перья и чехлы (Winkler, 1938, II, 20–21); это могло бы оправдать то, что амратцам приписывается по крайней мере часть этих изображений, зачастую выполненных в прекрасном стиле (Id., *ibid.*, I, pl. XVIII–XXI, и выше на с. 105).

По редким следам, найденным в Хаммамии, можно судить, что амратцы, видимо, жили в овальных хижинах из глиняной массы или плетеных на фундаменте из камня; они были снабжены дверью выше уровня почвы, как бывает еще и в наше время на юге долины Нила. Тем не менее, возможно, что жилища, обнаруженные в наши дни, были всего лишь вторичными обиталищами; постоянные деревни находились в наносной долине, на древних прирусловых валах (Trigger, 1984, 30–31), которые сейчас уничтожены или покрыты илом, и поэтому их трудно обнаружить.

Известные нам амратские поселения более обширны и богаты, чем бадарийские. Значительная их концентрация наблюдается между Абидосом и Накадой (Trigger, 1984, 30; Kaiser, 1957, 73–74), то есть в той части Долины, которой в герзейский период было суждено сыграть решающую роль в рождении фараоновской цивилизации. Накада — будущий город Нубет, а также Иераконполь, одна из колыбелей царской власти в древности, обнаруживают значительную плотность заселения как в землях долины, так и в пограничной пустыне (Hoffman, 1982, 129).

Климат в амратскую эпоху был самым влажным (ср. табл. I), как доказывает присутствие в наносной долине таких деревьев, как тамариск, фиговое дерево, зизиф, и таких зерновых, как альфа (Hoffman, 1982, 104). Дикая фауна была разнообразной: слоны, жирафы, страусы все еще водились в египетской долине и на ее границах, нередко был и гамадрил (Vandier, 1952, 270; Hoffman, 1982, 109). Богатство дикой фауны и флоры объясняет смешанную экономику, которую практиковали амратцы. Рыболовы и охотники на газелей, гиппопотамов и водных птиц, они также выращивали коз, овец, свиней и крупный рогатый скот. Они практиковали собирательство, и при этом сажали пшеницу и ячмень, к которым прибавился еще и сорт проса (*panicum*): он присутствует во внутренностях додинастических мертвецов в Нага эд-Дейре (Trigger, 1984, 17). Пищевые ресурсы амратцев были весьма разнообразны и, несомненно, обильны, принимая во внимание плотность населения, которая была ниже, чем в историческую эпоху.

Погребальные обычаи были те же, что и у бадарийцев. Иногда в могилах можно заметить необъяснимое присутствие тел без головы и головы, которых больше, чем тел. Как и в Бадари, некоторых животных хоронили так же, как людей. Нет существенной разницы между могилами ни в плане размеров, ни по богатству погребального инвентаря. Таким образом, кажется, что перед нами все еще племенное общество, без

заметной иерархии между его членами. Тем не менее, следует отметить замечательный прогресс каменной индустрии: обработка кремня и самых твердых камней предполагает деятельность настоящих специалистов; несомненно, то же самое можно сказать и о технике эмалевой пасты, которая тогда также совершенствуется.

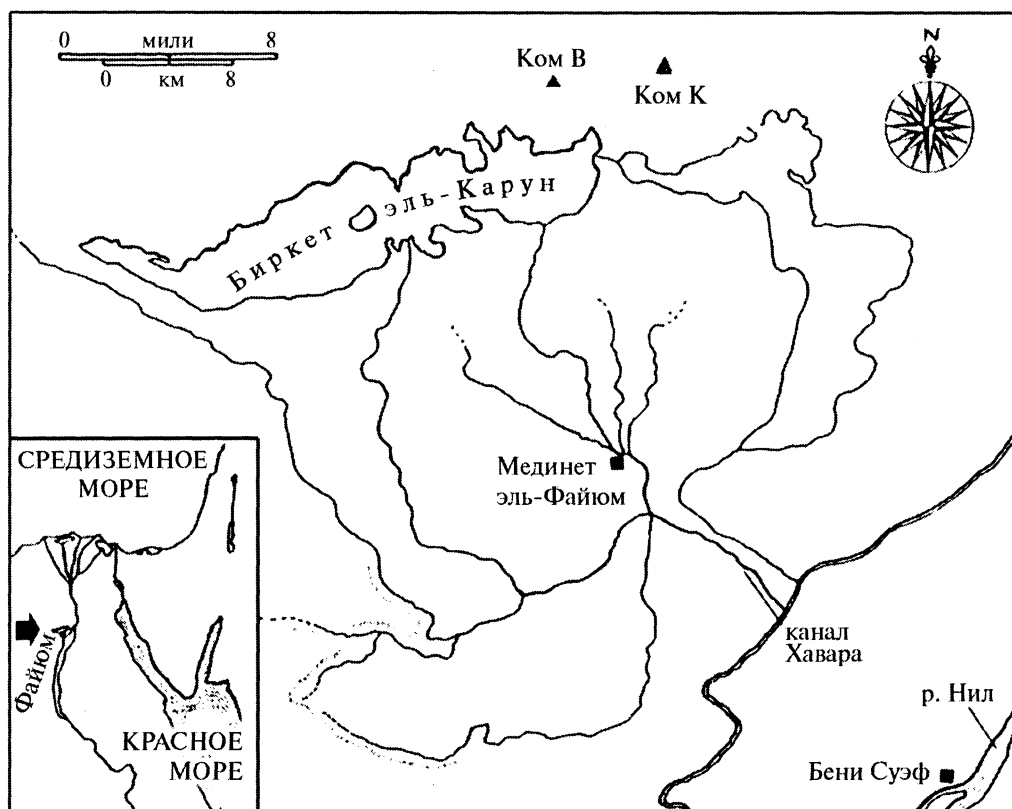
Если связи с гасульской Палестиной и Месопотамией еще нужно подтвердить (Davis, 1981, 21–287; Trigger, 1984, 31), то, напротив, амратская цивилизация имела определенные контакты с побережьем Красного моря: в амратских памятниках найдены многочисленные раковины, происходящие оттуда (Krzyżaniak, 1977, 115); с другой стороны, на путях в Восточной пустыне, прежде всего в Вади Хаммамат, на камни нанесены рисунки, которые могут датироваться той эпохой (см. выше, с. 110).

Присутствие очень редких предметов из обсидиана в амратских погребениях (Massoulard, 1936, 158–160) вызвало к жизни гипотезу, согласно которой начиная с этой эпохи существовали связи между долиной Нила и странами, где имелось это вулканическое стекло — Арменией или островами Эгейского моря (Wainwright, 1927, 77–83; Massoulard, 1949, 168–169). Наиболее вероятно (если в Египте нет месторождений, ускользнувших от исследователей), что этот обсидиан пришел с юга — из Абиссинии или Судана, следуя по берегу Красного моря до Египта или через Нубию и верховья долины Нила (Lucas, 1942, 275 и 1947, 122–123).

Даже если амратская культура покрывала отчасти западную границу долины и, возможно, значительную часть региона между Нилом и Красным морем, она не в меньшей степени остается цивилизацией Верхнего Египта и, прежде всего, фиванского региона (Kees, 1961, 25). Ее связи с севером долины определить трудно, поскольку Дельта в древние эпохи известна очень мало. Однако существование таких контактов доказано — прежде всего присутствием на амратских памятниках ракушек Средиземного моря; эти контакты могли быть достаточно близкими, если судить по изображению на амратской вазе «красной короны», которую в историческую эпоху носил фараон в роли царя Нижнего Египта (Wainwright, 1923, 26–33).

Предполагали, что эта находка является доказательством завоевания Юга Севером в конце амратского периода (Vandier, 1952, 291). Фактически, в первом регистре Палермского камня (см. выше, с. 89) несколько царей, носивших только красную корону, возможно, правили в Нижнем Египте в конце IV тысячелетия до н. э. до объединения страны. С другой стороны, критическое исследование литературных документов Древнего царства, то есть значительно позже додинастического периода, привело некоторых египтологов к предположению, что эти цари Севера захватили Юг задолго до объединения, произведенного Менесом (см. среди прочих: Sethe, 1930; Breasted, 1931; Gardiner, 1944, 60; Vandier, 1949, 24–31), и красная корона Нижнего Египта на амратской вазе должна служить доказательством этого гипотетического завоевания. Доказательство, конечно, весьма шаткое, так как это присутствие можно легко объяснить и тем, что эта ваза содержала некий продукт из Дельты.

Перед тем, как перейти к рассмотрению герзейского периода, принадлежащего к эпохе нового додинастического периода, следует рассмотреть культурную эволюцию древнего додинастического периода на севере Египта, как и на юге суданской долины, а также на западе и востоке в современных пограничных пустынях в то время, как в Верхнем Египте развивались цивилизации, о которых было рассказано выше.

Карта III. Доисторический Файюм
По Hoffman, 1980, p. 183

На севере начало древнего додинастического периода, прежде всего в его неолитической фазе, затемнено неуверенностью в абсолютной хронологии.

В V тысячелетии до н. э., может быть, даже в конце VI, судя по всему, существовали независимо два очага цивилизации: один в Файюме, другой — в Меримде Бени-Саламе на пустынной сегодня границе западной Дельты. На современном этапе наших знаний первые поселения людей в Файюме, судя по всему, предшествовали поселениям в Меримде, но касательно этих последних мы все еще располагаем столь незначительным количеством точных дат, что вполне возможно и что они современны, если не предшествуют Файюму.

Настоящий оазис, Файюм с древнейших времен был экологической нишей, благоприятной для заселения людьми. Возможно, следует здесь напомнить, что именно в Файюме были найдены костные остатки очень древнего африканского антропоида — египтопитека.

Примерно в 100 километрах к юго-юго-западу от Каира континуальная депрессия, которая составляет Файюм, образовалась в конце третичного периода вследствие различных феноменов: тектонических движений, ветровой эрозии в ходе сухих климатических фаз, действия воды во влажные периоды (ср. Hoffman, 1980, 183). В общем

и целом в историческую эпоху Файюм питался от «канала Хавары», приносившего туда воды Бахр Юсуфа, ветви Нила, которая отделилась от главного русла немного к северу от Асьюта и для которой Файюмская впадина долгое время была единственным водосливом (ср. карту III). Озеро, которое занимает дно впадины, значительно варьировалось в протяженности и глубине в ходе тысячелетий; озеро Карун — греческое Меридово озеро — теперь составляет лишь очень небольшую часть того, чем оно было в древние времена и вплоть до Древнего царства.

На северной границе впадины Г. Кэтон-Томпсон и Дж. Гарднер открыли и раскопали с 1924 по 1926 год множество очень древних археологических памятников, которые они отнесли к двум различным культурам (обе — неолитические), названные ими Файюм А и Файюм В. Следы этих двух культур были, очевидно, связаны с древними уровнями озера: Файюм А с более высоким уровнем, чем Файюм В. Полагая, что воды озера регулярно понижались в связи с испарением воды начиная с максимальной высоты в начале неолита, когда осадки были наиболее сильными, они датировали Файюм А началом, а Файюм В — концом неолита. Фактически, уровень озера варьировался гораздо более сложным образом, чем полагали английские археологи и геолог. Можно выделить четыре последовательные фазы в формировании озера (Rushdi Saïd et al., 1971), и в противоположность их гипотезе, самое древнее озеро отнюдь не было самым протяженным. Его уровень на момент, когда жили охотники и рыболовы эпохи Файюма В, был ниже уровня в то время, когда на его берегу поселились земледельцы и скотоводы Файюма А. Фактически Файюм В — это не неолит, а «эпипалеолит»; предпочтительнее обозначать его, как делают некоторые специалисты по первобытной истории, термином *карунская культура*, чтобы избежать всякой путаницы с неолитическим Файюмом А.

Жизнь населения в эпоху Файюма А известна нам благодаря раскопкам двух больших поселений — Ком W и Ком K (ср. карту III). Никакого кладбища пока не найдено, и это лишает нас каких-либо сведений об этнической принадлежности обитателей, их погребальных обычаях или какой-либо социальной иерархии. Как и все народы долины Нила, принадлежавшие к неолитической фазе древнего додинастического периода, файюмцы знали сельское хозяйство и животноводство, все еще занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. На полях, разбитых на илистой полосе, покрывавшей все сезонные вариации озера, связанные с разливами Нила, они высаживали пшеницу (*triticum dicoccum*), три вида ячменя (*hordeum hexastichum*, *h. vulgare* и *h. distichum*), лен (*linum usitatissimum*) для волокон и, возможно, ради масла, а также зерновое растение из семейства гречишных (*polygonum serrulatum*).

Стада состояли из крупного рогатого скота, коз, овец и свиней; они могли питаться растениями, которые росли как вдоль собственно озера, так и на берегах многочисленных протоков, которые во время неолитического субплювиала стекали во впадину. Домашние собаки могли охранять стада и участвовать в охоте в окружающей степи.

К этим ресурсам можно прибавить ресурсы рыболовства и охоты, в том числе на слона, но также и на водных животных: гиппопотама, черепаху, крокодила и на перелетных птиц — гусей и уток разных видов, которых привлекали воды озера. Рыбу, прежде всего нильских окуней и карликовых сомов, били гарпуном или кололи дротиками с костяными наконечниками с одним или двумя остриями; такими они были еще при XVIII династии (N. de G. Davies, 1930). Если изогнутый крючок, видимо, еще

был неизвестен, использовался, судя по всему, прямолинейный крючок, который употребляется еще иногда вплоть до наших дней (Krzyżaniak, 1977, 61). При отсутствии поплавок, которые уже давно исчезли, находка многочисленных каменных грузил свидетельствует об использовании рыболовных сетей. Собираание пресноводных ракушек (*spatha cailliaudi*) дополняло продукты рыболовства.

Наконец, как и капсийцы⁷ до них, файюмцы собирали улиток (*helix desertorum*). Если судить по количеству ракушек, найденных на обитаемых комах, эти моллюски занимали значительное место в питании.

Раскопки памятников Файюма А не обнаружили жилищ — домов, хижин или даже укрытий от непогоды; напротив, были найдены множество круглых очагов, темный цвет которых выделяется на светлом фоне песка; на одном только Ком W их было около 250, а на Ком К — около 20. Их диаметр варьируется от 1,5 метра до 30 сантиметров, глубина — от 15 до 45 сантиметров. Анализ обугленного материала дал ценные данные о питании обитателей комов: кости рыб и различных животных, ракушки и тому подобное. Он также показал, что в качестве топлива использовалось дерево, а не сушеный навоз, как у бадарийцев и в других культурах (Vandier, 1952, 69); это подтверждает близость древесных ресурсов и служит дополнительным указанием на то, что в древнюю додинастическую эпоху климат был более влажным.

Отсутствие постоянных жилищ может указывать на то, что обнаруженные до сих пор поселения были всего лишь временными жилищами, хотя и регулярно использовавшимися, несомненно, в связи с посевом и жатвой. Фактически, вблизи этих лагерей были открыты *силосные ямы*, которые археологи иногда называют «зернохранилищами» (Vandier, 1952, 82–88). Эти близко сгруппированные ямы очень многочисленны. Они представляют собой вырытые в почве углубления круглой формы, стены и дно которых покрыты циновками из соломы, чтобы уберечь высушенные зерна от грызунов и, с другой стороны, избежать смещения зерна с землей. Несколько реже хранилищем для зерна служил кувшин из грубой керамики, зарытый в землю так, что его отверстие находилось на уровне почвы.

В 800 метрах от Ком W была открыта группа из более чем 160 таких силосных ям, разделенных на два уровня. Их диаметр варьируется от 30 сантиметров до 1,5 метра у отверстия, а глубина — от 30 до 90 сантиметров. Подсчитано, что одна яма средних размеров могла содержать около 400 килограммов зерна (Krzyżaniak, 1977, 58).

Ямы для зерна, как и комы, дали многочисленные орудия и оружие, вырубленные из местного кремня и отполированные. Среди них, например, топоры и тесла или долота, которые сближали с открытыми в Шахейнабе в Судане, где они, несомненно, служили для вырубания лодок-однодеревков (Id., *ibid.*, 60, по Arkell, 1975, 16–17), безусловно, полезных для рыбалки в озере. Наряду с ними имеются ножи с тонким лезвием, ретушированные с обеих сторон, и острия для насадки на дротики и стрелы. Для Файюма А характерны зазубренные кремневые наконечники (Arkell, 1975, 16–17). Единственная найденная там палица имеет дисковидную форму, как бадарийские и амратские. Весьма многочисленны небольшие тонкие зазубренные лезвия от прямых серпов, два из которых с рукояткой из древесины тамариска, были найдены в силосных ямах (Vandier, 1952, 87, fig. 59). Жернова, зернотерки, молотки, небольшие овальные

⁷ Капсийская культура — мезолитическая культура Магриба (X–VII тыс. до н. э.). — *Примеч. ред.*

палетки из известняка и диорита довершают каменный инвентарь, найденный в комах и силосных ямах.

Наряду с кремнем, кость играла важную роль как материал для орудий и оружия. Она служила для изготовления гарпунов для охоты на гиппопотама, одного из главных занятий фэйюмцев, а также наконечников дротиков для ловли крупной рыбы. Кость использовали для весьма многочисленных булавок и иголок с граненым основанием, употреблявшихся для работы по коже и текстилю, а также для циновок и плетения; плетение было превосходного качества. Наконец, из кости делали трубочки, в которых, вероятно, держали порошок охры для румян.

Сухость египетского климата и защищенность силосных ям, где они находились, сохранила для нас предметы из дерева, такие как цепи, простые изогнутые посохи и серпы, преимущественно из тамариска.

Керамика играла значительную роль в Файюме, как и во всех цивилизациях древнего додинастического периода и неолита северо-восточной Африки. Ее лепили вручную из нечистой глины, смешанной с соломой; она изготовлена в грубой технике, которая отличается от «суданской традиции» Хартума, Шахейнаба и Кадады, как и Верхнего Египта и Нубии. Основания плоские или круглые; в единственном образце чаша с расширяющимися стенками снабжена круглой ножкой. Формы просты: полукруглые или расширяющиеся чаши и чашки, яйцевидные или цилиндрические вазы с большим горлом (Krzyżaniak, 1977, 63, pl. 4). Единственная характерная форма — это прямоугольная тарелка с расширяющимися стенками (Id., *ibid.*, pl. 4, № 11, 13; Vandier, 1952, 58, fig. 53); такой тип сосуда, видимо, служил для сушения зерен перед помещением в хранилище.

С технической стороны керамику Файюма А можно разделить на четыре группы (Caton-Thompson, 1934, II, pl. XV et s.; Vandier, 1952, 76–79; Krzyżaniak, 1977, 62–63):

- *однотонная красная керамика*, покрытая тонким слоем гематита;
- *черная полированная керамика*, более редкая;
- *однотонная неполированная керамика*, красная, коричневая или черная в зависимости от степени обжига;
- *грубая керамика*, которая содержит очень большое количество примесей «обезжиривающей» добавки — рубленой соломы.

Черепки этих различных видов керамики использовались в обточенном виде в качестве грузиков для веретен при прядении. Следует отметить, что, в отличие от неолита и древнего додинастического периода в египетской и нубийской долине, фэйюмская керамика никогда не снабжалась рисованным, насечным или печатным орнаментом. Лишь на двух черепках едва заметно присутствие рельефов (Hayes, 1965, 96).

Вопреки некоторым предположениям (Arkell, 1975, 13), керамика Файюма, видимо, ничем не обязана палестинской. Оценивая эту керамику, не следует забывать, что нам известна только утилитарная керамика. Если бы у нас были вазы из погребального инвентаря — если он вообще был, что, впрочем, кажется весьма правдоподобным — наша точка зрения на нее, несомненно, была бы другой.

Список различных предметов, обнаруженных в раскопках Файюма А, обнаруживает редкость личных украшений, которые так часто встречаются в других цивилизациях неолита и древнего додинастического периода. Можно упомянуть от силы о нескольких ракушках с отверстиями, элементах ожерелья или браслета, редких небольших

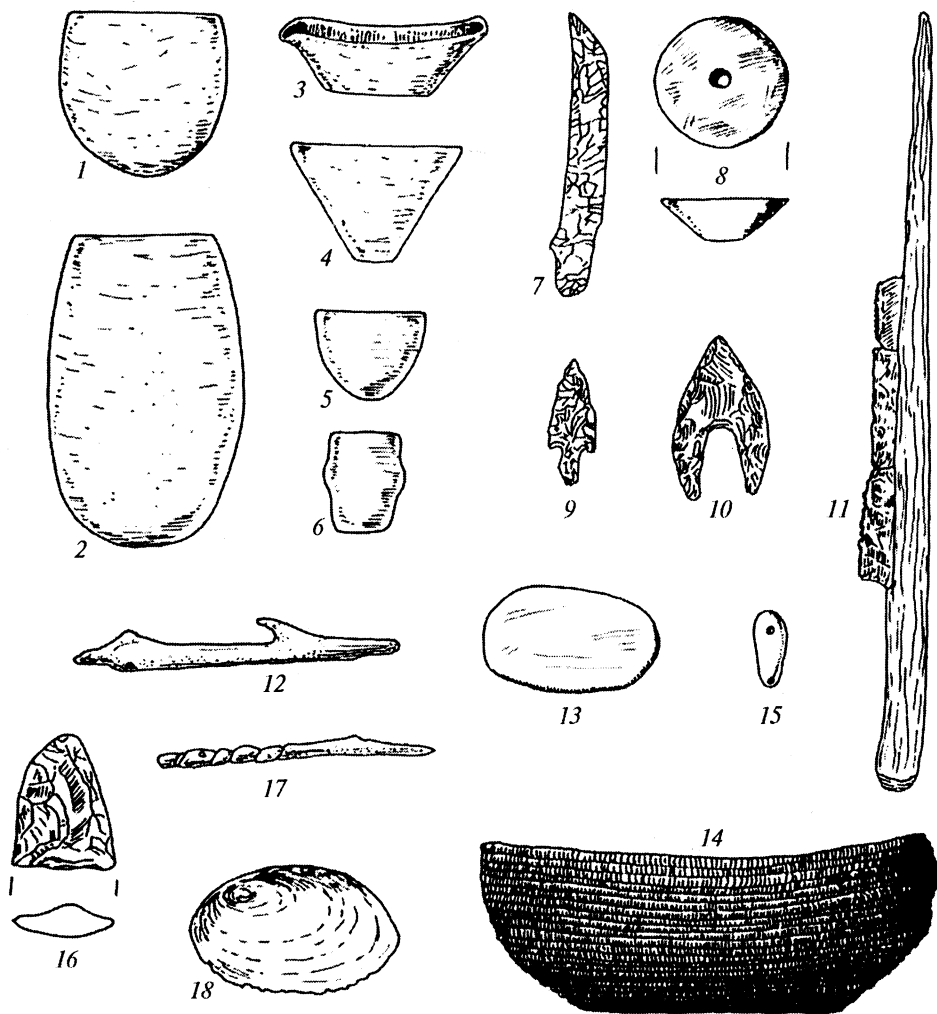

Рис. 9. Материал Файюма А:

1–6. Одноцветные сосуды. 7. Кремневый нож. 8. Навершие палицы в форме усеченного конуса. 9–10. Наконечники стрел. 11. Серп. 12. Костяной гарпун. 13. Палетка для косметики. 14. Плетеная корзина. 15. Каменная подвеска. 16. Кремневое долото. 17. Гарпун. 18. Раковина *spatha cailliaudi*.

По Krzyżaniak, 1977

подвесках, состоящих из одного камня или ископаемого зуба акулы, нескольких бусинах из амазонита или из скорлупы страусиных яиц. Несмотря на изобилие слоновой кости в результате охоты на слонов и кости гиппопотама, не было обнаружено ни одного предмета из этого материала.

Такое отсутствие украшений, как и декорированной керамики, статуэток или других скульптурных или рельефных предметов, без сомнения, связано с природой раскопанных памятников: ведь это всего лишь временные лагеря, связанные с сельскохозяйственными работами и рыболовством. Фактически, файюмская культура известна нам

только в одном ее материальном аспекте. Мы знаем, чем питались фэйюмцы, каковы были природные ресурсы, которыми они располагали; мы знаем основные технологии, которые они усвоили: технику обработки и полировки камня, керамики, плетения, прядения, тканья, скотоводства и сельского хозяйства. Однако мы ничего не знаем об их религиозных или заупокойных верованиях, так же как и об их социальной организации.

Раскопанные памятники рисуют перед нами образ общества, состоявшего из общин, которые могли использовать небольшую территорию, годную для сельского хозяйства, на берегу озера, а также процветавшую там фауну; эти люди также могли запастись значительное количество провизии, чтобы обеспечить себе жизнь, менее ненадежную, чем у охотников, рыболовов и собирателей карунской культуры, которые предшествовали им в Файюме. Мы не знаем, откуда они пришли. Тем не менее, по своим датам (5720–3900 до н. э.) (Dagnan-Ginter et al., 1984, 33–102) Файюм А является современным последней стадии сахарского неолита (Набта Плайя III, 5750–3450 до н. э., ср. выше). Памятники типа Плайя III существовали между Ливийским Большим Эргом (Песчаное море) и долиной Нила, и они имеют много общего с Файюмом А (Wendorf-Schild, 1984, 428). Таким образом, можно задаться вопросом, не принадлежало ли население Файюма А к сахарским группам. В таком случае оно должно было периодически перемещаться к Файюму после отступления наводнения во впадине (Id., *ibid.*); люди должны были ловить рыбу в останцах и использовать период низкой воды, чтобы возделывать берега озера до того как пришел следующий разлив. Эта гипотеза принимает во внимание различия между неолитом долины Нила и Файюмом как в керамике, так и в каменной индустрии; она также может объяснить отсутствие в Файюме постоянных поселений, которые, в таком случае, должны были находиться дальше к западу.

Тем не менее следует отметить, что в ходе новых исследований в Файюме (1966–1968) были найдены следы хижин (Wenke, 1984, 195) и даже «деревни» (Casini, 1984, 199, 203). Если существование постоянных жилищ действительно подтверждается, то Файюм должен был быть ареной простой эволюции «на месте», в ходе которой карунцы приспособились к новым условиям окружающей среды: они непосредственно предшествовали носителям культуры Файюм А, и значит, культура Файюма А не появилась в результате иммиграции людей, не являвшихся жителями фэйюмской впадины (Casini, 1984, 202); это не препятствует предположению о родстве с финальной стадией неолита (Набта Плайя III) Западной египетской пустыни.

Культура *Меримда Бени-Салама*, современная Файюму А, может быть, и немного предшествовавшая ей, также была чисто неолитической. Памятник, известный с 1929 года благодаря раскопкам Г. Юнкера и недавно снова исследованный (Eiwanger, 1984), содержал пять различных слоев заселения. Он простирается на площади около 18 гектаров, но нет уверенности в том, что это обширное пространство было полностью заселено в течение одного и того же периода. Это единственный до сих пор памятник, который дает информацию об этой очень древней египетской культуре.

Население, обитавшее в Меримде в VI–V тысячелетиях до н. э., занималось скотоводством (крупный рогатый скот с длинными рогами, свиньи, козы, овцы и собаки) и сельским хозяйством (пшеница, ячмень, сорго и, несомненно, вика — *vicia sativa angustifolia*) на землях, ежегодно орошавшихся разливом, но также, возможно, и на

полях вдали от реки, благодаря более обильному режиму дождей, чем в наши дни (Butzer, 1966).

Точно так же как охотники и собиратели конца палеолита, жители Меримды охотились на дикую фауну, прежде всего на мелях в Дельте (в первую очередь на гиппопотамов, а также черепах, крокодилов, гусей и уток), но также и в окружающей саванне, например на антилоп. В реке, болотах и озерах, оставшихся после разлива Нила, кишела рыба, которую били гарпуном, а также ловили на удочку и, несомненно, отлавливали также сетями и вершами... Наконец, моллюски, такие как *spatha cailliaudi*, довершали это весьма разнообразное меню.

Для изготовления оружия, как и орудий, использовали прежде всего кремь (лезвия серпов, наконечники стрел, ножи, топоры, тесла), а также кость (гарпуны, крючки, пробойники, иглы) и камень (базальт, гранит, нефрит и т. п.) для жерновов и дробилок, топоров и наверхий палиц; это оружие в форме «груши» (Vandier, 1952, 125, fig. 83) будет использоваться и в герзейскую эпоху. Редкие вазы или фрагменты ваз из базальта или диорита — первые свидетельства существования самой характерной для додинастического и архаического Египта индустрии — изготовления ваз из твердого камня.

Хотя раскопки не дали ни зерен льна, ни тканей, жители Меримды, безусловно, знали ткачество, так как там были найдены веретена и грузики из терракоты (Id., *ibid.*, 153).

Керамику Меримды можно разделить на четыре типа (Krzyżaniak, 1977, 91, по Larsen, 1962): два красных — один полированный, один шероховатый и два черных — один полированный, другой — нет. Эта толстая керамика, сделанная вручную, остается грубой. Самая тонкая — керамика самого древнего уровня — содержит достаточно большое количество разных форм: чаши с круглым или плоским дном, вогнутые тарелки, конусообразные вазы с плоским дном и в форме заостренного яйца (ср. Id., *ibid.*, 93–96, pl. 20–23). Гематитовый ангоб, которым покрывали внешнюю поверхность сосуда перед обжигом, окрашивал его в красный цвет. Иногда эта керамика украшена насечным зигзагообразным орнаментом или круглыми отверстиями. На верхних уровнях керамика не отличается от керамики нижних слоев, но при этом она плохого качества, и, кроме того, встречаются как сосуды больших размеров, так и миниатюрные вазочки (Id., *ibid.*, pl. 21–22, p. 94–95). Одна из форм является особенностью Меримды: «ковшик» с короткой и толстой ручкой (Vandier, 1954, 144 и fig. 97): он, видимо, служил для того, чтобы черпать жидкости из больших ваз. В редких случаях некоторые вазы снабжены ножками (Id., *ibid.*, 140–141 и fig. 94).

Личные украшения, столь полезные для характеристики культуры, в Меримде немногочисленны и не разнообразны: редкие бусы из камня или слоновой кости, браслет из слоновой кости, несколько перстней и трубкообразные бусины из кости, браслеты и бусины из терракоты, раковины с отверстиями, служившие подвесками, подвеска (из шифера?) в форме миниатюрного топорика; это единственные украшения (если они вообще заслуживают такого названия), о которых можно вспомнить (Id., *ibid.*, 150). Даже если прибавить к этому редкие палетки для косметики (*ibid.*, 135) и фрагмент костяной булавки (*ibid.*, 151), представляется, что жители Меримды не придавали особой важности своему внешнему виду. Следует также отметить, что эти разнообразные предметы были открыты в жилищах или вблизи них; в могилах на скелетах очень редко находят украшения (исключение: Eiwanger, 1982, 75), и они не снабжены предметами туалета, гребнями, палетками для косметики, коробочками для притираний

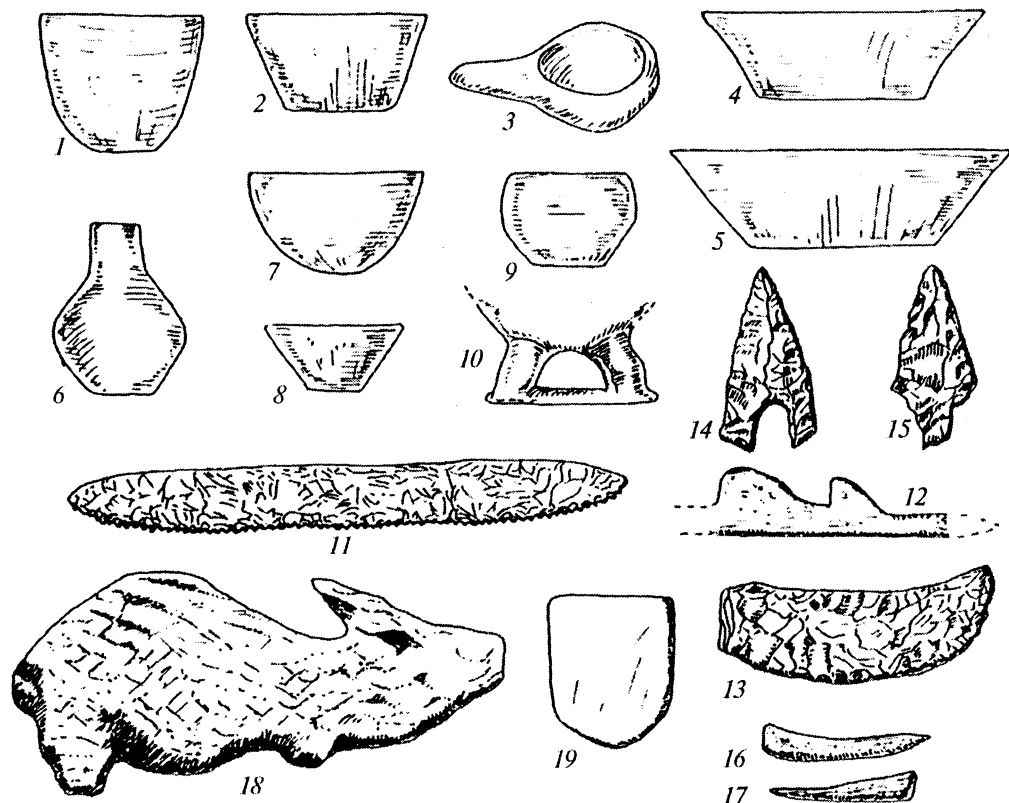

Рис. 10. Материал из Меримды Бени-Саламы:

1–10. Однотонная керамика. 11. Нож из кремня. 12. Гарпун (кость). 13. Нож из кремня. 14–15. Наконечники стрел. 16–17. Иголки и пробойники. 18. Глиняная статуэтка. 19. Палетка для румян.
По Krzyżaniak, 1977, pl. 18–23; J. Eiwanger, 1988, pl. A, № II, 1166

и тому подобное, которые столь многочисленны и так характерны для культур древне-го додинастического периода на юге, как в Египте, так и в Судане. За исключением одного фрагмента терракоты, в целом малохарактерного (Vandier, 1952, 149, fig. 102), и одной более полной фигурки (Eiwanger, 1979, 53, fig. 16), женские статуэтки, которые присутствуют уже в суданском неолите (Geus, 1984, 361–372), появляются в Меримде только в двух последних фазах. Тем не менее, находки модели лодки (Vandier, 1952, 149) и статуэтки животного (Eiwanger, 1982, 78, fig. 4), обе — из терракоты, достаточно, чтобы показать, что жители Меримды также были вполне способны к пластическому моделированию, которое впоследствии быстро развилось в настоящую скульптуру.

В противоположность тому, что можно было бы предположить по первым работам Юнкера, могилы не были полностью лишены погребального инвентаря (Vandier, 1952, 103–104). Этот инвентарь, в том числе и вазы, присутствует уже в самом древнем слое, но прежде всего в двух последних фазах культуры Меримды (Eiwanger, 1978, pl. 7, 8;

Id., 1980, 70–73, fig. 4–5). С другой стороны, следует отказаться от высказанной Юнкером идеи, что погребения были связаны с жилищами или даже были выкопаны внутри их (Vandier, 1952, 105–106). Судя по всему, умерших никогда не хоронили внутри жилищ (Kemp, 1968a, 22–33), и недавние раскопки показали, что существовало настоящее кладбище, где умерших хоронили в овальных ямах лежащими на правом боку в скорченном положении головой к юго-востоку и лицом к северу (Eiwanger, 1982, 69–70).

Самой характерной чертой культуры Меримды являются ее поселения. Именно в Меримде Бени-Саламе в первый раз в долине Нила можно, как кажется, с уверенностью отметить наличие постоянного сгруппированного поселения: это большая деревня или городок с домами, стоящими с одной и с другой стороны того, что можно было бы назвать улицей.

Эволюция от рассеянных жилищ к настоящей деревне, судя по всему, происходила постепенно. В наиболее древних фазах жилища — крошечные хижинки или просто открытые убежища от ветра — еще не были сгруппированы; каждая могла стать центром небольшого семейного крестьянского хозяйства — фермы (Trigger, 1983, 23). В верхних слоях расселение становится более плотным; жилища овальной или подковообразной формы отчасти вырывались в земле и отчасти строились сверху. Глинобитная стена, окружающая центральную яму, поддерживала доски крыши; коническая крыша покоилась на центральном столбе или иногда была двускатной; в таком случае она опиралась на горизонтальную балку, лежащую на двух вертикальных балках (Vandier, 1952, 109–113, fig. с 70 по 75). Надо было перешагивать стену, чтобы попасть в хижину (*ibid.*, 112); нередко большая берцовая кость гиппопотама служила ступенькой для входа внутрь, где находился очаг и врытый в землю глиняный кувшин, горлышко которого находилось на одном уровне с полом. Этот кувшин служил или для хранения воды для питья или для сбора воды, которая могла проникнуть через отверстие, устроенное в крыше для выхода дыма. Иногда простая яма заменяла кувшин и служила водосборником.

В ходе фаз III–V поселение на месте Меримды имеет две отличительные черты: с одной стороны, хижинки или дома очень малы — ни один из них не превышает трех метров в диаметре, и большая часть из них столь малы, что в них мог обитать только один взрослый человек или, может быть, женщина и ее маленькие дети, но никак не семья целиком. С другой стороны, эти жилища расположены по оси юго-запад / северо-восток (Vandier, 1952, 117–119, fig. 78–79) по обеим сторонам широкого пространства, которое имело форму вытянутой буквы S длиной около 80 метров; на севере этой улицы (?) находится группа из 8 домов, а на юге — группа из 13.

Сложность стратиграфии не позволяет утверждать, что зернохранилища — силосные ямы, расположенные вблизи жилищ, были связаны именно с ними. Эти зернохранилища могли быть двух видов. Одни, круглые, вырытые в земле, были сформированы из камышовых циновок, которыми были обложены стены; потом циновки были обмазаны глиной. Второй вид зернохранилищ представлял собой большие врытые в землю кувшины. Самое большое зернохранилище первого типа имело диаметр 2,4 метра и глубину в 40 сантиметров; таким образом, оно мог содержать чуть меньше, чем 2 м³ (1,8 м³) зерен. Самый большой кувшин имел 82 сантиметра в высоту при диаметре 70 сантиметров; таким образом, вместимость его была гораздо меньше.

Наряду с зернохранилищами — силосными ямами были обнаружены предположительно токи для молотьбы круглой формы. На уровне земли они, как и зернохранилища, были покрыты циновкой, сплетенной из растений. В них видели прототип иероглифического знака *zpt* «ток» (Gardiner, 1950, 498, O.50) и приводили в доказательство северного происхождения иероглифического письма.

К жерновам и дробилкам из кристаллического песчаника, базальта и диорита (Hayes, 1964–1965, 120) следует добавить и «ступки», иногда просто вырытые в земле, несомненно, из-за недостатка камней рядом с поселением; дно и иногда стенки ямы покрыты толстым «цементом» из ила, смешанного с черепками и фрагментами кремня (Vandier, 1952, 122–123, fig. 82).

Недавнее исследование по ^{14}C (F. Hassan, 1984, 221, по Olsson, 1969) датирует Меримду временем около 6130 ± 110 BP, что после калибровки составляет между 5305 и 4895 до н. э. Это означает, что поселение могло быть современно древнему периоду Бадари (если принять для него даты, которые дает термолюминесценция, см. табл. III) и современно также неолитической культуре Файюм А и Набта Плайя III.

Если не принимать во внимание окружающую среду, неолитическая культура Меримда Бени-Салама во многом очень похожа на Файюм А и Набта Плайя III. В этих трех случаях мы видим оседлое население, которое занимается сельским хозяйством и скотоводством и в то же время охотой и рыболовством. Техника изготовления керамики и обработки кремня те же самые. Только группировка жилищ и размеры поселения отличают Меримду от двух других. Принимая во внимание маленькие размеры жилищ, было бы, без сомнения, преувеличением говорить об «урбанизации» применительно к Меримде (Vandier, 1952, 117–118); тем не менее размещение хижин по обеим сторонам пустого пространства — улицы или площади — является шагом по направлению к урбанизации. Следует, однако, отметить, что эта группировка жилищ появляется лишь в ходе последней стадии заселения (Hayes, 1964, 105) и что очень значительная ветровая эрозия на поселениях Набта Плайя и недостаточная изученность Файюма не позволяют утверждать, что эти культуры также не знали зачатков городской организации. Тем не менее, Меримда остается одним из наиболее значительных неолитических поселений, обнаруженных в долине Нила и на подступах к ней.

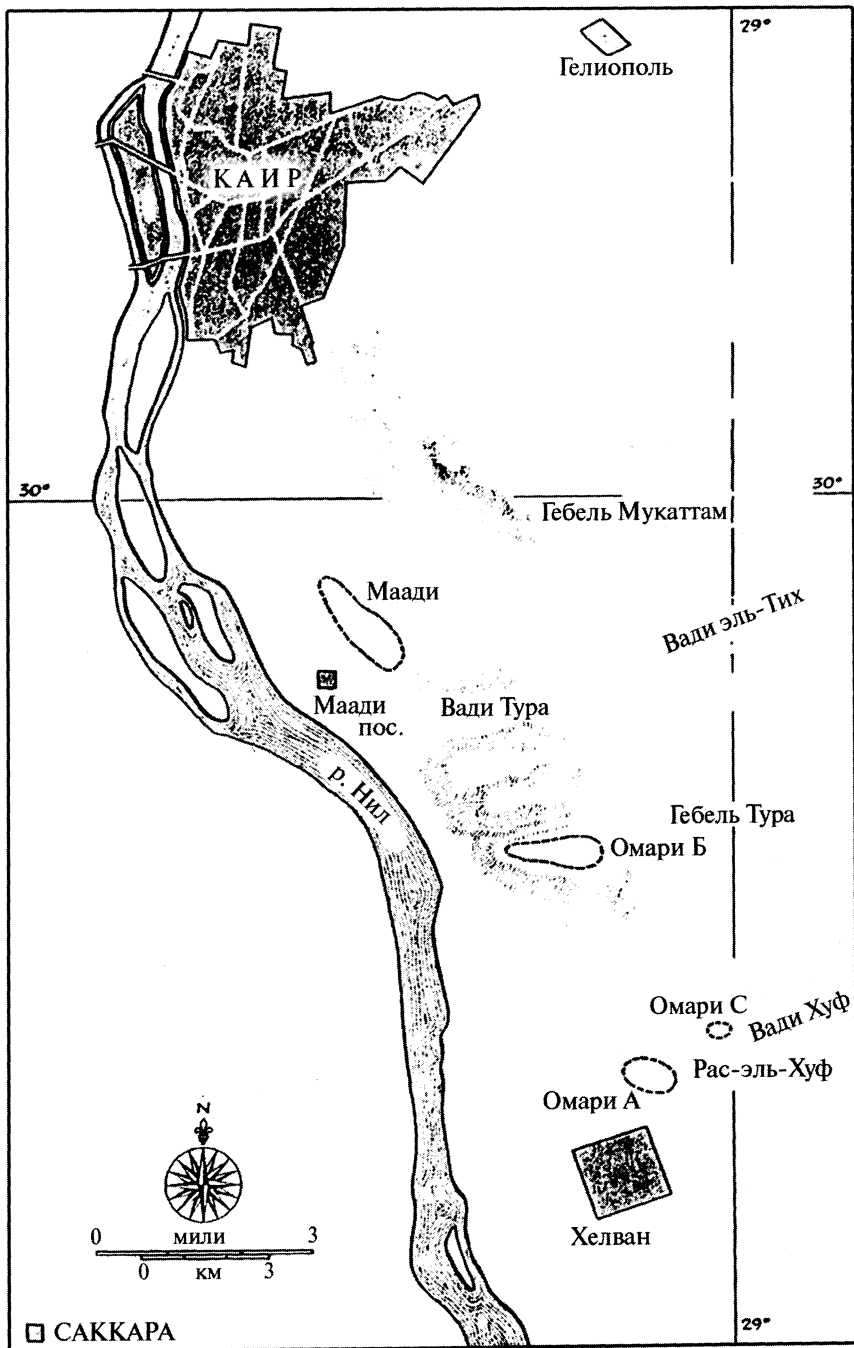
Трудно оценить, какое наследие передала культура Меримды зарождающейся фараоновской цивилизации. Если считать слишком гипотетической возможность, что отдельные черты этой культуры продолжились в иероглифическом письме, определенным свидетельством связи между Меримдой и додинастической культурой в целом служит грушевидная булава, которая была найдена в Меримде (Vandier, 1952, 125). Эта булава была обнаружена в герзейской культуре, где она окончательно заменила булаву в форме усеченного конуса, характерную для бадарийской, амратской культуры и для культур нубийско-суданского неолита. В появлении грушевидной булавы нередко видели доказательство контактов между Меримдой и цивилизациями Ближнего Востока, где она известна в древнюю эпоху как в Палестине, так и в Анатолии (Hayes, 1964–1965, 110). Тем не менее, следует отметить, что в Меримде она была сделана на месте, а не импортирована (Id., *ibid.*). Твердые камни, из которых она сделана — базальт, диорит, гранит, метаморфический сланец (*граувакка*) — все присутствуют вблизи долины Нила, так что гипотеза азиатского происхождения булавы спорна; она с таким же успехом могла появиться в Египте, потом постепенно распространиться по Палестине, а за-

тем — в Анатолии (Vandier, 1952, 125). Как бы то ни было, различные аргументы, которые были выдвинуты по поводу происхождения Меримды и ее родства с Палестиной — захоронение умерших близ жилищ, ямы в земле для хранения зерна, выращивание свиней, использование пращи, декорированная керамика (Hayes, 1964–1965, 112–115) — все являются спорными и требуют уточнения; почти все эти черты мы находим в сахарском неолите, прежде всего в Файюме А, с которым у Меримды, судя по всему, было много общего: помимо прочего, это зернохранилища, керамика, зазубренные наконечники стрел. Если даже, как полагал Хейз (*l.c.*, 116), Меримда является составной ливийско-африканской культурой с сильной примесью юго-восточных азиатских элементов, следует признать, что связи с Западом намного более очевидны, нежели с Востоком (Eiwanger, 1982, 81–82).

Основные черты культуры Меримды мы снова видим в культуре Эль-Омари (по имени молодого египетского ученого, который открыл ее в 1924 году) (Hoffman, 1980, 191). Поселение Эль-Омари, которое находится в современном большом предместье Каира, расположено на восточном берегу Нила между Хелуаном и Маади на границе наносной долины примерно в 7 километрах от самой реки. В нем можно различить три части (ср. карту IV), родственные между собой: Омари-А у подножия Рас эль-Хоф и в том месте, где в долину выходит одноименное вادي; Омари-В на выдвинутом вперед отроге Гебель Тура; и, наконец, Омари-С⁸ у самого входа Вади Хоф в горы. Эти различные элементы памятника раскапывались очень недолго в 1925 году П. Бувье-Лапьерром, потом на протяжении более длительного времени с 1943 по 1952 год — Ф. Дебоно. Образец угля, найденный в самом начале появления датировок по ¹⁴С, был датирован Либби в 1950 году 3305 ± 230 до н. э.; эта дата сегодня справедливо считается слишком «молодой» (Hayes, 1964–1965, 120). Фактически, дата (5256 ± 230 BP, *Id.*, *ibid.*, 144) после калибровки относится к периоду между 4435 и 3570 до н. э.; такую датировку, видимо, можно признать. Эль-Омари, таким образом, оказывается современным V фазе Меримды с одной стороны, и с другой стороны — амратскому периоду, хотя здесь мы и не находим меди (*Id.*, *ibid.*).

Как и в Меримде, цивилизация Эль-Омари была смешанной. Она основывалась преимущественно на сельском хозяйстве (пшеница, ячмень, вика, лен) и скотоводстве (возможно, крупный рогатый скот, определенно — овцы и козы, свиньи и собаки); однако жители занимались также охотой (на антилопу и страуса) и собирательством (финики, плоды сикомор, стебли дикого сахарного тростника (*saccharum spontaneum*)); наконец — и прежде всего — они использовали водную биосферу самой реки и останцы или болота, которые были с ней связаны (гиппопотамы, черепахи, крокодилы, утки, множество видов рыб, а также раковины и пресноводные мидии). Улитки (*helix desertorum*) продолжали занимать значительное место в питании: масса примерно из двух литров улиток была положена в одну из могил в качестве заупокойного приношения (Vandier, 1952, 158).

⁸ Некоторые специалисты называют Омари-С — Омари-В; с их точки зрения, поселения А и В принадлежат к одной и той же культуре (Krzyżaniak, 1977, 137, где Омари-В, наше Омари-С, изучается в главе IV вместе с памятниками позднего додинастического периода по нашей хронологии); Хоффман (Hoffman, 1979, 191–199), которому мы и обязаны трехчастным делением на А, В и С, как кажется, сам сомневался, поскольку в таблице В на с. 166 он принял двоичную классификацию — А, В.

Карта IV. Доисторические памятники в окрестностях Каира
По М. Hoffman, 1980, 1993

Каменная индустрия близка к Меримде: она одновременно является «двусторонней» (треугольные наконечники дротиков и зазубренные стрелы, серпы и зазубренные пилы, полированные топоры) и «пластинчатой» (ножи, вставки к серпам, скребки, пробойники). Более многочисленные, чем в Меримде, жернова для помола зерна делались из кварцита, а дробилки — из окаменевшего дерева. Несколько редких фрагментов доказывают, что вазы из камня (базальта) также изготавливались в Омари. Нечто вроде мотыги из кристаллического известняка кажется более специфическим для омарийской индустрии (Id., *ibid.*, 162 и п. 4). Относительное обилие орудий, инструментов и каменных предметов (по сравнению с Меримдой) могло быть просто результатом близости ресурсов камня на востоке (Аравийская горная цепь), как и на западе (файюмский базальт).

Керамика была однотонной, как и в Меримде, чаще всего красной благодаря гематитовому ангобу, но также и черной, гладкой и отполированной, или грубой. Кажется, что в Омари можно заметить несколько большее количество форм (насчитывается около 17 разных видов, Vandier, 1952, 163–164).

В то же самое время, что и камень и глина, в повседневной жизни омарицев использовалось и другое сырье: кость для изготовления пробойников, шил, иголок, рог для шильев и крючков; кожа, видимо, также находила себе множество применений, и льняные волокна служили с таким же успехом, чтобы одевать живых, так и для того, чтобы хоронить мертвых. Из *растительных волокон* делали корзинки, циновки, канаты и веревки, а также рыболовные сети, существование которых подтверждается присутствием грузиков, служивших для их натягивания. Древесина (тамариска) редка, но ее отсутствие объясняется тем, что она плохо сохраняется.

Хотя раскопки дали в Омари больше личных украшений, чем в Меримде, их все еще не так много — в отличие от более южных нилотских цивилизаций. Раковины из Красного моря с отверстиями, бусы из кости, камня или скорлупы страусиных яиц собирали в ожерелья и браслеты. Следует отметить также окаменелости (нуммулиты), в которых проделывали отверстие и использовали, как подвески.

Весь ансамбль «Эль-Омари» включает в себя три поселения и два кладбища. Считается, что в Омари-А было около сотни круглых или овальных хижин (Hayes, 1964–1965, 165). Одни были отчасти вырыты в земле, как в Меримде, другие построены на поверхности из простых плетеных решеток (Vandier, 1952, 155). Некоторые жилища, наполовину погруженные в землю, имели стены, обтянутые циновками (Id., *ibid.*, 156, fig. 106); можно задаться вопросом, не идет ли здесь речь о большой яме для хранения зерна (Trigger, 1983, 24). Вблизи от жилищ достаточно большие загородки были построены из стеблей камыша, связанных веревками и удерживавшимися на месте столбами. Эти загородки, которые напоминают современные *зеробы*⁹, несомненно, были предназначены для животных.

Как и в Меримде, исследователи полагали, что в Омари имелись захоронения внутри поселений, может быть, даже в самих жилищах (Hayes, 1964–1965, 119). Ограниченные публикации раскопок не позволяют узнать, не был ли такой способ погребения предназначен только для женщин и детей (Krzyżaniak, 1977, 101), и суще-

⁹ Загоны для скота (арабский, суахили). Термин распространен по всей Северной и Восточной Африке. — *Примеч. ред.*

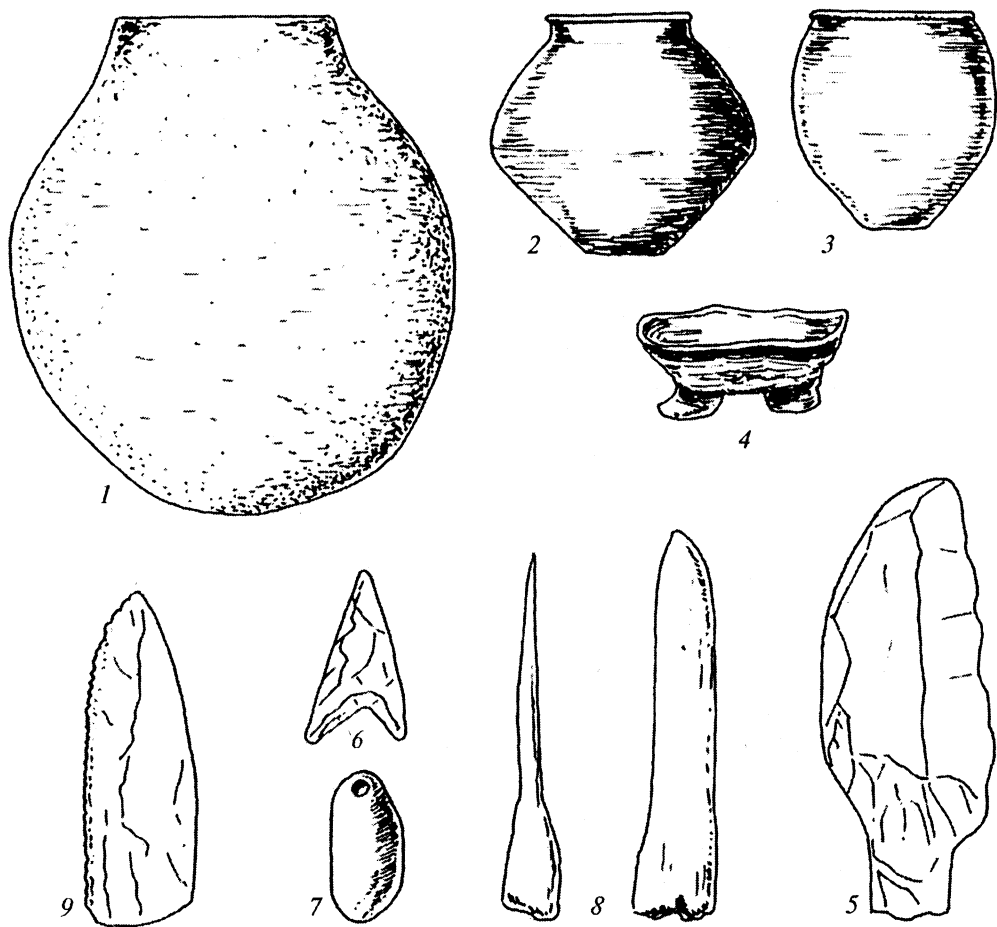

Рис. 11. Материал из Эль-Омари:

1–4. Однотонная керамика. 5. Кремневый нож. 6. Наконечник стрелы.

7. Подвеска из камня. 8. Костяные иглы. 9. Кремневый нож.

По F. Debono, ASAE, 48, pl. IV

ствовал ли он вообще. Фактически нельзя с уверенностью определить, была ли могила найдена вблизи или внутри дома просто из-за того, что поселение продолжало развиваться в течение многих столетий (см. выше, с. 130 и Kemp, 1968a, 22–33). Как бы то ни было, близ памятника Омари-С были открыты два некрополя. Тела хоронили в простых овальных ямах, вырытых в земле; они лежали в скорченном положении на левом боку, в основном головой к югу и лицом к западу, как и в додинастический период в Верхнем Египте. В одном случае стены ямы были обложены грубыми камнями (Hayes, 1964–1965, 119–120). Погребальный инвентарь, когда он вообще был, состоял

из одной вазы для повседневного употребления. В одной из могил на грудь умершего был положен букет цветов. Еще в одной умерший держал в руке жезл длиной 36 см, обточенный с двух концов. Этот жезл сравнивают со «скипетром», который иногда держали фараон и божества с начала исторической эпохи (Hayes, *ibid.*). Из-за этого в этом погребении видели могилу вождя, и В. Гордон Чайлд, дав волю своему воображению, даже считал его отдаленным предком царей Нижнего Египта в додинастическую эпоху.

Заселение поселений Эль-Омари, безусловно, продолжалось долго. Еще до открытия неолитических поселений здесь была обнаружена микролитическая индустрия финальной стадии палеолита, современная себильской в Верхнем Египте (Vandier, 1952, 57, 61). ¹⁴C дает дату для Омари-А только до настоящего времени (BP); после калибровки она колеблется между 4435 и 3670 годами до н. э. Тем не менее, предлагалось датировать три поселения, одно по сопоставлению с другими: Омари-А в таком случае должно быть самым древним, современным V фазе Меримды, Файюму А и амратскому периоду, и существовало между 5000 и 3500 годами до н. э.; за ним следовало Омари-В, которое соответствовало древнему периоду герзейской культуры с 3500 по 3300 годами до н. э.; Омари-С, самое недавнее из трех, пересекалось с последней стадией герзейского периода и должно было даже перекрывать протодинастический период и архаическую эпоху с 3100 по 2700 годами до н. э. (Hoffman, 1980, 194–195 и таблица II на с. 16).

Отмечались якобы существовавшие этнические различия между омарицами А, В и поселения С. Первые, мезоцефалы, были родственниками якобы одновременно жителям Меримды и династическим египтянам Севера («тип Гизы», Hayes, 1964–1965, 121; Krzyżaniak, 1977, 95); вторые отличались своей долихоцефалией. Культура Эль-Омари, таким образом должна была иметь два следовавших друг за другом отличительных периода: поселения А и В принадлежали к древнему додинастическому неолиту, в то время как Омари-С была культурой нового додинастического периода, хотя между двумя группами и существовали определенные связи.

Несмотря на географическую близость, в общем относительную, к Палестине, трудно выделить в Эль-Омари определенные следы связей с культурами Ближнего Востока. Самое большее можно упомянуть в связи с этим переход от бифаса техники к «пластинчатой» технике в каменной индустрии, а также нерегулярную и даже спорную практику ингумаций близ жилищ или внутри них (Hayes, 1964–1965, 122). Напротив, использование раковин из Красного моря и камней из Аравийской пустыни, судя по всему, говорит о связях омарицев с населением, которое занимало восток долины Нила (Krzyżaniak, 1977, 99–100).

Цивилизация Эль-Омари А-В, как и цивилизация Меримды, более бедна, чем цивилизации Верхнего Египта, как бадарийская, так и амратская, которые, однако, по крайней мере отчасти, были им современны (Kantor, 1965, 5 и fig. 2, p. 26). Отсутствие меди как в Эль-Омари, так и в последней стадии Меримды, при том, что она использовалась в Бадари, видимо, свидетельствует против часто высказывавшейся гипотезы азиатского происхождения металлургии в долине Нила. Судя по всему, все происходило так, как будто бы Эль-Омари, как и Меримда, была оригинальной цивилизацией, тесно связанной с нильской экологией, то есть уже «египетской», продолжая при этом быть связанной с большой областью культур сахарского неолита.

ЮЖНЫЙ НИЛЬСКИЙ НЕОЛИТ

В то время, как в Меримде и Эль-Омари развивались общества, которым суждено было породить «царства» Нижнего Египта в до- и протодинастическую эпохи, в Верхней Нубии (современный Судан) появились неолитические культуры, имевшие много общих черт с культурами египетской долины. Эти культуры известны лишь весьма недавно благодаря раскопкам, предпринятым между 16° и 18° северной широты в обширном регионе между Хартумом на юге и местом, где сливаются Атбара и Нил — на севере. Не исключено, что эти культуры должны были занимать еще более протяженную территорию как на юге, на Белом Ниле, и на западе, в Сахаре, так и на востоке, в сторону Красного моря, и даже к северу от Атбары.

С точки зрения хронологии, эти суданские неолитические культуры продолжают от начала VII тысячелетия до н. э. примерно до 3200 года до н. э. Таким образом, они современны сахарскому неолиту и Файюму А, но в то же время и различным культурам «нилотского культурного пространства» Нижней Нубии и египетского додинастического периода на Севере, как и на Юге. Принимая во внимание, что они принадлежат к nilотскому пространству, они могли испытать влияние культур Нижней Нубии и Египта и, в свою очередь, оказать влияние на них. История происхождения фараоновского Египта, таким образом, не может быть написана без них.

В течение последних 15 лет значительное число неолитических памятников было открыто в nilотском Судане (в публикациях зачастую именуется *центральным Суданом*). Благодаря раскопкам была обнаружена культура охотников, рыболовов и собирателей, в значительной степени оседлых, которые занимались скотоводством и если и не сельским хозяйством, то по меньшей мере отбором диких злаков — сорго и проса, занимавших важное место в их диете. Эти неолитические жители VI–V тысячелетий до н. э. являются прямыми наследниками мезолитической культуры охотников, рыболовов и собирателей, которые уже использовали декорированную керамику, свидетельствующую о весьма разработанной технике. *Хартум* у слияния Голубого и Белого Нила является типовым поселением этой культуры (Arkell, 1949a), существовавшим в течение весьма длительного периода, несомненно, с VIII по VI тысячелетие до н. э. во время II влажной климатической фазы, которая, судя по всему, распространялась на значительную часть Северо-Восточной Африки и Сахару (Arkell-Ucko, 1975, 21–22). Характерная для нее декорированная черная керамика, которую Аркелл назвал *волнистой*, найдена также в Борку и в Хоггаре (Id., *ibid.*). Культура мезолитического Хартума была современна аkerамической культуре Набта Плайя и могла оказать влияние на древний неолит Западной египетской пустыни (Набта Плайя II, ср. выше), керамика которой очень близка к хартумской.

На берегах Белого Нила, Голубого Нила, как и главного Нила, *суданский неолит* следовал без очевидного перерыва за хартумским мезолитом. Эпонимное поселение *Шахейнаб* расположено немного к северу от Хартума на западном берегу реки (Arkell, 1953). По ¹⁴C установлены многочисленные даты для этого неолита: около 5300 года до н. э. для самой древней засвидетельствованной даты в Рабаке на Белом Ниле в 270 километрах к югу от Хартума (Haaland, 1984, 40); 3180 год для самой поздней фазы в Кададе к северу от VI порога (Geus, 1984, 368, п. 4).

Охотники, рыболовы и скотоводы суданского неолита, видимо, вели образ жизни очень близкий к населению Нижней Нубии, принадлежавшему к «нилотскому кругу», современниками которого они были (см. табл. V). Животные и растительные ресурсы реки и наносной долины играли основополагающую роль, что и объясняет раннюю оседлость групп все еще кочевого населения в мезолите.

С середины V тысячелетия до н. э. поселение Кадеро близ Хартума (Krzyżaniak, 1984, 309–315) было постоянно заселено скотоводами, разводившими крупный и мелкий скот (Gautier, 12984, 317–319), которые, кроме того, занимались охотой, рыболовством, собирательством речных моллюсков и улиток, а также сбором фруктов, трав и, прежде всего, злаковых (*sorghum vulgare* и *panicum*); злаки найдены в таких количествах, что можно предполагать наличие настоящего земледелия для сорго и проса в то время. Если отбросить эту гипотезу (Krzyżaniak, 1984, 311), то, тем не менее, мы имеем дело с селективным и интенсивным сбором зерновых, что фактически является протоземледелием. Жернова из песчаника и дробилки, найденные в поселении, подтверждают, что зерновые играли значительную роль в повседневном питании.

Присутствие на поселении могил показывает, что люди суданского неолита, как и в Нижнем Египте, практиковали ингумацию если и не внутри жилищ, то, по крайней мере, вблизи их. Труп чаще всего лежал на правом боку в сильно скорченном положении, руки были поднесены к лицу, что заставляет предполагать, что после смерти умершего связывали перед тем как положить в овальную яму (Dzierzykray-Rogalski, 1984, 333–335 и fig. 1, p. 334).

Каменная индустрия Кадеро очень близка к Шахейнабу (Nowakowski, 1984, 346); те же самые техники и то же сырье — кремень и агат из нильской гальки, кварц и кварцит. Для нее характерны те же микролиты и прежде всего серповидные отщепы (по-английски *lunates* или *segments*) и полированные тесла, несомненно, для работы по дереву (Arkell-Ucko, 1977, 23 и fig. 7 (3), p. 24).

Как и охотники и рыболовы мезолита, жители эпохи неолита зачастую использовали костяные гарпуны с зубуринами с одной стороны для ловли крупной рыбы и охоты на гиппопотама, однако отныне на этом оружии есть отверстие с одной стороны (Id., *ibid.*, 26 и fig. 7 (1), p. 24) для закрепления лесы, которую снабжали поплавком: она позволяла эффективно преследовать загарпуненное животное и добить его; такой способ охоты был уже в амратской культуре (Vandier, 1952, 282–283 и fig. 189–190) и все еще использовался в египетском Древнем царстве. Между каменными орудиями и оружием мезолита и суданского неолита существует значительное сходство; то же самое можно сказать и о керамике, которая развивалась непрерывно в обеих культурах. Декорированная мезолитическая керамика с печатным или «гребенчатым» (*combed*) узором, так называемая волнистая (*wavy-line*) или точечно-волнистая (*dotted wavy-line*) (Arkell-Ucko, 1977, 21–22), обнаружена в Шахейнабе и в синхронных ему поселениях Кадеро (Chlodnicki, 1984, 338), Саггаи (Caneva-Zarattini, 1984, 302 и fig. 3, p. 304), а также в Рабаке, Умм Дирейве и Закьябе (Haaland, 1984, 40); тем не менее, если декор и остается схожим, то внешняя поверхность керамики зачастую отполирована (*burnished*) в новой технике, от которой, несомненно, пошла полированная и рифленая (*rippled*) керамика, характерная для Бадари (Arkell-Ucko, 1977, 26; Vandier, 1952, 197–198).

Шахейнаб и только что перечисленные поселения представляют то, что можно назвать *ранним суданским неолитом*. В том же географическом регионе эта неолитическая

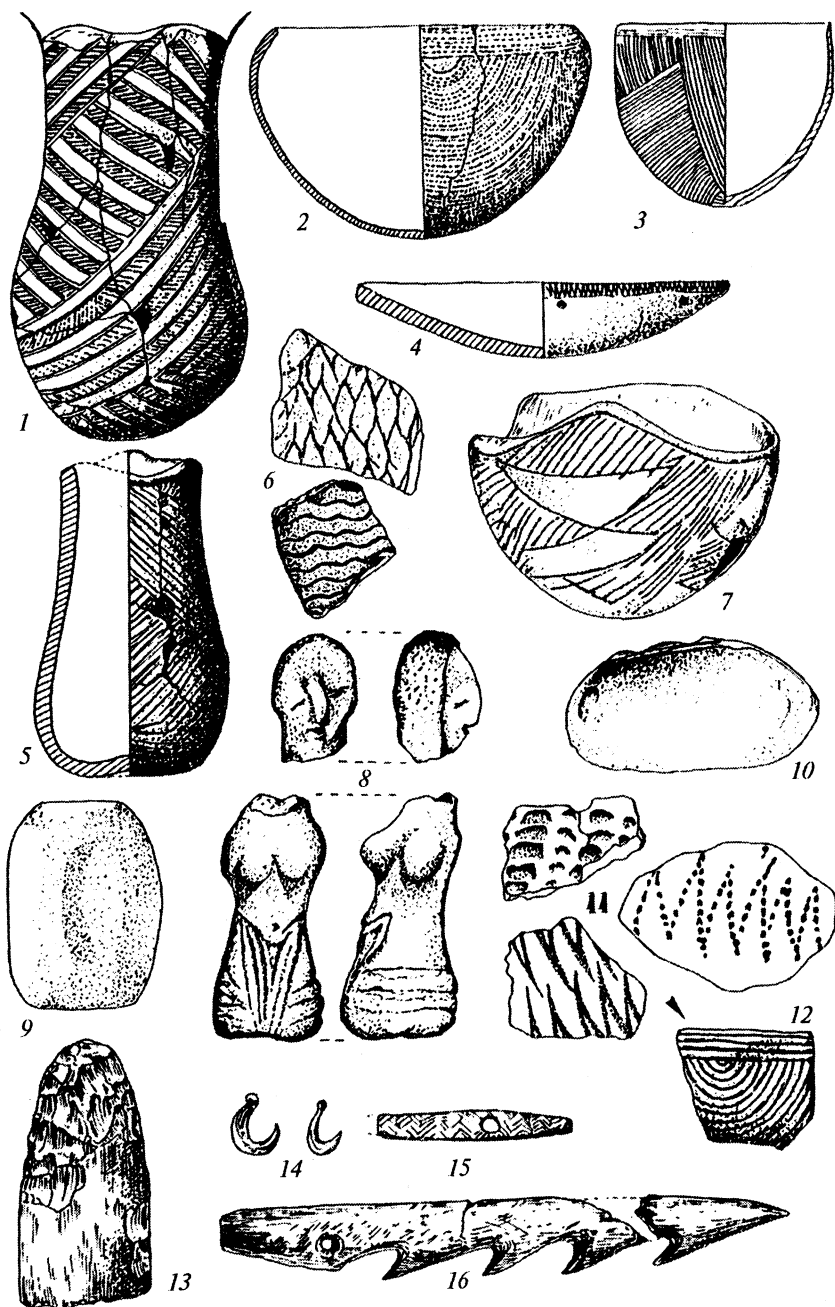

Рис. 12. Суданский неолит:

1–7, 11–12. Керамика. 8. Статуэтки. 9. Палетка. 10. Раковина. 13. Тесло. 14–16. Крючки, гарпун и иголка с ушком.

По А. J. Arkell; F. Geus и С. Krzyżaniak

культура развивалась и обогащалась. К середине IV тысячелетия до н. э. новая по сравнению с Шахейнабом фаза является тем, что можно назвать *поздним суданским неолитом*.

Типовым памятником развитого суданского неолита является *Kada* примерно в 200 километрах к северу от Хартума между VI порогом и Атбарой на правом берегу Нила, который в этом месте течет с запада на восток (Geus, 1984, 361–372). Хотя не было открыто никаких следов поселения, может быть, из-за эрозии на этом месте, погребения, несомненно, находились вблизи жилищ. Погребения можно разделить на два типа: в одних, захоронениях детей и новорожденных, тела были положены в большие сосуды (*pot burials*), в других людей хоронили в круглой яме (*pit burials*). Судя по всему, определенной ориентации у погребений не было, и в двух случаях тела лежат в сильно скорченном положении. Погребальный инвентарь нередко обилен.

Материальная культура Кадады имеет общие черты с Шахейнабом. Были найдены жернова из песчаника, резные инструменты в соседстве с полированными, костяные гарпуны, крючки и раковины, бусы из амазонита, сердолика, кости и скорлупы яиц страуса, а также втулки (*plugs*) для губ и носа. Как и прежде, использовались (для очистки рыбы?) двустворчатые раковины из Нила (*Aspatharia Rubens*) с зубчатыми краями. Тем не менее, наряду с этим сходством, можно выделить и существенные различия, в частности в качестве и количестве найденных вещей. В Кададе мы видим значительно развитую культуру, где техника достигла высокого уровня мастерства. Прежде всего полированные топоры больших размеров, как и палицы в форме усеченного конуса и перфорированные диски из твердых пород камня, по качеству значительно превосходят те же самые предметы в древнем суданском неолите: микролитическая индустрия, менее частая, также лучше. Наконец, характерное для Шахейнаба тесло в Кададе отсутствует.

Весьма обильная керамика значительно отличается от Шахейнаба своим внешним видом и цветом, а также своими формами и декором. В Шахейнабе керамика преимущественно полированная, красная или коричневая; в Кададе, если мы иногда и находим темно-красные полированные «рифленные» (*rippled*) черепки, то большая часть керамики черная с насечным или штампованным узором, зачастую инкрустированная белой краской. Формы здесь более разнообразны, чем в древнем суданском неолите. Среди новых типов, появившихся в это время, самый характерный, несомненно, — вазы в форме чаши с округлым дном и очень широким горлом (*beakers*) (Geus, 1980, 10; pl. VII), которые встречаются и в культуре Таса-Бадари (Vandier, 1952, 174–176; fig. 116–117; Kaiser, 1985, 82).

Наряду с этим материалом, общим для всего суданского неолита, в Кададе встречаются и новые предметы, среди которых самые важные, несомненно, с одной стороны, фрагменты женских статуэток из терракоты (Geus, 1980, 365; fig. 9 (2), 370), которые появились и в Египте в бадарийский период (Vandier, 1952, 221–224; fig. 142–143); с другой стороны — прямоугольные палетки из твердых пород камня, служившие для растирания косметики (Geus, 1984, 364, 368; fig. 7, p. 371), предметы, которые также фигурируют как в материале древней и классической Группы-А, так и в Таса и Бадари (Vandier, 1952, 179; fig. 119, 216; fig. 136, p. 215).

Новый неолит Кадады мы находим и далее к югу, прежде всего в Гейли (Canéva, 1984, 353–360) и в самом Хартуме, где погребения, раскопанные Аркеллом вблизи

моста в Омдурмане, определенно принадлежат этой культуре (A. J. Arkell, 1949a, 135; Id., 1953, 80, цит. по: F. Geus, 1984, 371; n. 8).

Как справедливо заметил Ф. Же (*ibid.*, и 368), значительная часть материала, найденного в Кададе, родственна одновременно нубийским культурам Нижней Нубии — культурам Группы-А или даже Группы С — и культурам Верхнего Египта. Кадада могла быть одним из элементов долгой и протяженной эволюционной цепи, которая шла от хартумского мезолита до древнего додинастического периода египетской долины Нила, проходя через неолит Шахейнаба и потом — Кадеро. Проблема в том, чтобы понять, в какую сторону развивалась эта эволюция: с юга на север или из Египта в Судан. Ответ, который имеет основополагающую важность для истории происхождения фараоновской цивилизации, в значительной степени зависит от датировки, все еще неточной, таса-бадарийской культуры Верхнего и Среднего Египта.

В то время как на юге, на среднем Ниле в центральном Судане медленно развивался суданский неолит, новая культура появилась в Нижней Нубии и близ Асуана. Ее, отдаленную наследницу аркинской и шамаркской культур «нилотского культурного круга» (ср. выше и M. Hoffman, 1980, 102), чаще всего называют *культурой Группы-А*; это название ей было дано Райзнером в начале XX века (Reisner, 1910, 319).

Благодаря ¹⁴C, можно предположить, что начало Группы-А относится к V тысячелетию до н. э. Эта новая культура разделяется на три фазы: древняя, классическая и новая; во времени она покрывает примерно полтора тысячелетия и заканчивается в доисторическую эпоху при первых фараоновских династиях около 2800 года до н. э. (F. A. Hassan, 1980, 204). Только первая фаза относится к древнему додинастическому периоду: две следующие современны концу амратского, герзейского и архаической эпохе в Египте.

Древняя Группа-А очень плохо известна. Ее существование в V тысячелетии до н. э. засвидетельствовано принадлежащими ей черепками, которые были найдены под толстым слоем нильского ила (Nordström, 1972, 23): этот слой был отложен во время сильнейшего разлива реки. По углю, происходящему из этого слоя, он может датироваться 5660 ± 170 BP¹⁰ (*ibid.*, 251); таким образом, можно признать, что культура Группы-А существовала уже до этой даты, которую калибровка позволяет расположить между 4905 и 4135 годами до н. э.

С географической точки зрения древняя Группа-А засвидетельствована от Куббани в Верхнем Египте к северу от I порога вплоть до Сайялы в Нубии к югу от Вади Аллаки, то есть примерно на протяжении 150 километров долины Нила. Редкие черепки, найденные в самом древнем слое, не позволяют уточнить природу этой новой цивилизации в самом ее начале, хотя она и была современна концу абкийского периода у II порога и в его окраинах (Nordström, 1972, 28). Этот недостаток информации тем более огорчителен, что начало Группы-А совпало в Египте с последними фазами Меримды и Файюма А на севере и с Бадари и амратской культурой на юге. Вне Египта это соответствует позднему суданскому неолиту и Набта Плайя III (ср. табл. IV); таким образом, она занимает промежуточное положение между этими различными культурами.

¹⁰ Обозначение BP (*Before Present*) «До настоящего времени» прилагается к датам, полученным начиная с открытия метода (Libby, 1955) в 1950 году н. э., чтобы получить даты до н. э., следовательно, нужно вычесть 1950 из имеющейся цифры, например, в данном случае: $5660 - 1950 = 3710$ до н. э. Даты, приведенные в BP, не «калибровались» и всегда слишком новые.

С самого своего начала древняя Группа-А, возможно, вступала в контакты с югом Египта; по крайней мере, додинастический египетский черепок был найден *под* слоем ила, там же, где были найдены черепки Группы-А. Эти связи с додинастическим периодом Верхнего Египта проявляются яснее, когда мы лучше узнаем материальный аспект древней фазы Группы-А, прежде всего в Куббании или в Хор Бахане по обеим сторонам I порога.

К несчастью, дата заселения этих поселений Группой А в связи со следами у II порога точно не известна. Если присутствие населения Группы-А в регионе Вади Хальфа предшествовало 4905–4135 годам до н. э. (см. выше), то оно предшествовало множеству веков заселения теми же самыми людьми поселения Хор Бахан. Это последнее фактически современно развитой стадии амратской культуры (Id., *ibid.*, 28), которую располагают между 3525 и 3375 годами до н. э. (F. A. Hassan, 1984b, таблица 2 на с. 682). Такой пробел во множество столетий в наших знаниях мешает нам определить суть взаимных влияний между севером и югом в долине Нила в V–IV тысячелетиях до н. э., прежде всего для появления красной черновой керамики, «рифленной» и полированной (*rippled*), которая является общей для бадарийцев и нового суданского неолита.

Наиболее древние памятники Группы-А, расположенные около реки, были покрыты толстым слоем ила, который не позволяет познакомиться ни с образом жизни, ни с социальной организацией, ни даже с погребальными обычаями этих людей. Когда такие исследования возможны — начиная с середины IV тысячелетия до н. э. — изобилие предметов египетской додинастической культуры настолько велико, что сначала предполагали египетскую миграцию в Нижнюю Нубию (Reisner, 1910, 319; Firth, 1912, 5). Тем не менее, очевидные связи Группы-А с абкийской культурой и нилотским комплексом (см. выше с. 103), прежде всего в области керамики (Adams, 1977, 122; Trigger, 1983, 42), быстро заставили отказаться от этой гипотезы. Культура Группы-А — чисто нубийская, хотя она и близко родственна зарождающейся фараоновской цивилизации. Мы еще вспомним о ней, когда ее распространение в IV тысячелетии заставит предположить, что там был централизованный монархический режим еще до Египта (Williams, 1980).

В середине IV тысячелетия до н. э., когда завершилось то, что можно назвать древним додинастическим периодом, долина Нила, судя по всему, еще была разделена между двумя группами культур с разным образом жизни. На севере господствующее место, судя по всему, занимало сельское хозяйство с выращиванием пшеницы и ячменя, а также и со скотоводством (преимущественно мелкий скот). В этой группе жилища, видимо, были очень близко сгруппированы, что может говорить о начале урбанизации, хотя этот термин и кажется слишком сильным.

На юге, то есть в Среднем и Верхнем Египте, так же как и в Нубии, различные культуры оказываются все еще очень близко связаны с дикой окружающей средой Нила: рыболовство, охота, собирательство остаются преобладающими видами деятельности как в наносной долине, так и в соседних степях; сельское хозяйство и животноводство, очевидно, играют менее значимую роль, чем на севере. Поселения людей на юге кажутся менее тесными и более рассеянными, чем на севере; отдельные люди и семьи объединяются в меньшем количестве.

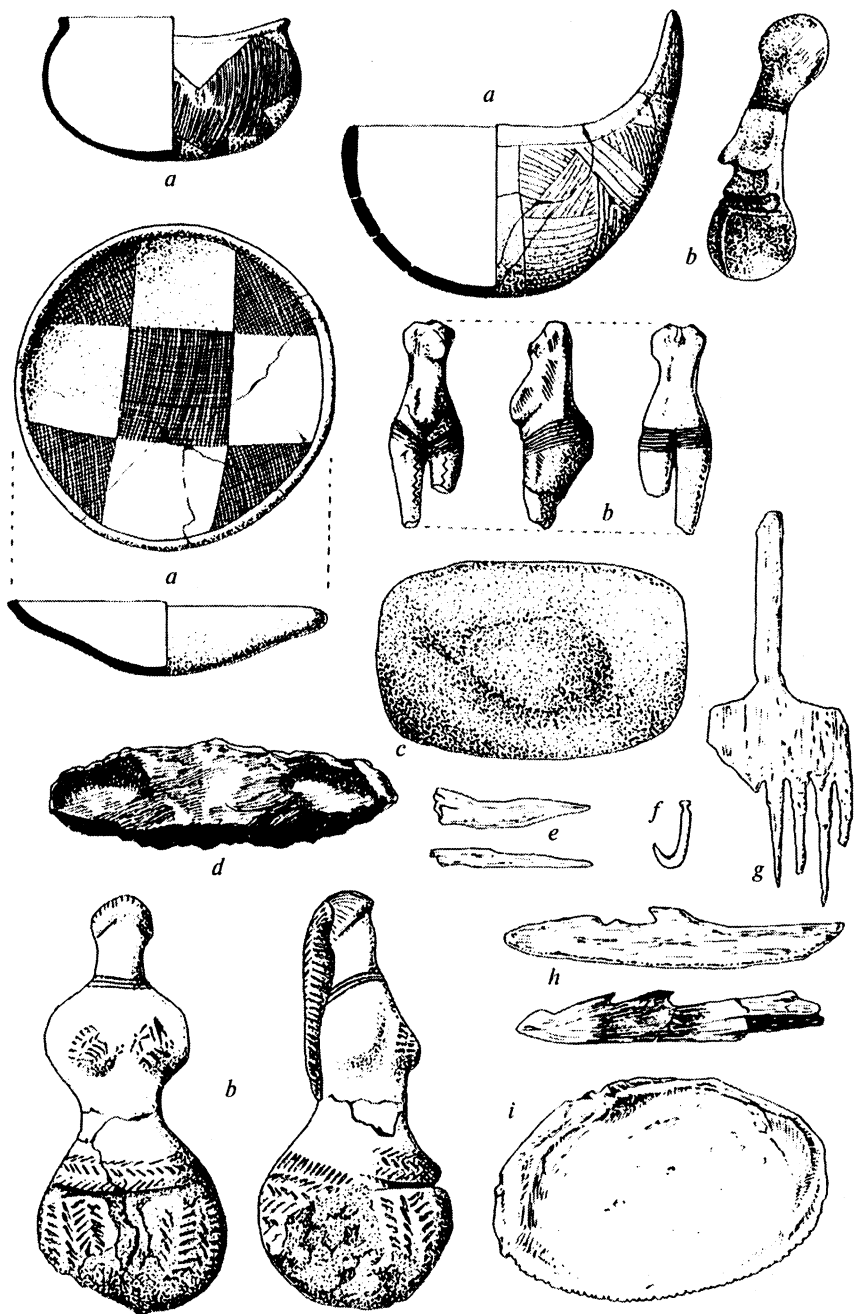

Рис. 13. Неолит Кадады:

1. Вазы. 2. Фигурки из терракоты. 3. Палетка с румянами. 4. Предмет из цеолита. 5. Пробойник из кости. 6. Рыболовный крючок (кость). 7. Гребень (кость). 8. Гарпуны. 9. Раковина.

По F. Geus, J. Reinold, 1979.

Впрочем, эти наблюдения нуждаются в уточнении в силу недостаточности наших знаний. Долина между I и II порогами хорошо исследована для древних эпох, в то время как от Асуана до Дельты, как и между II и IV порогами и в пустынях запада и востока, было разведано ничтожное количество памятников. Таким образом, новые открытия могут поставить под вопрос заключения, которые сегодня кажутся уже установившимся. С другой стороны, различия между северными и южными группами скорее количественного, чем качественного порядка: такие традиционные виды деятельности, как охота и рыболовство, практиковались и на севере, и точно так же на юге существовали и земледелие, и скотоводство. Только относительная важность этих видов деятельности могла варьироваться от одной области к другой. В конце древнего додинастического периода северная и южная группы уже имели множество общих культурных черт. Они не были чуждыми друг другу: были контакты как между ними, так и с соседними регионами как на востоке, так и на западе, хотя характер и значимость эти контактов очень трудно оценить.

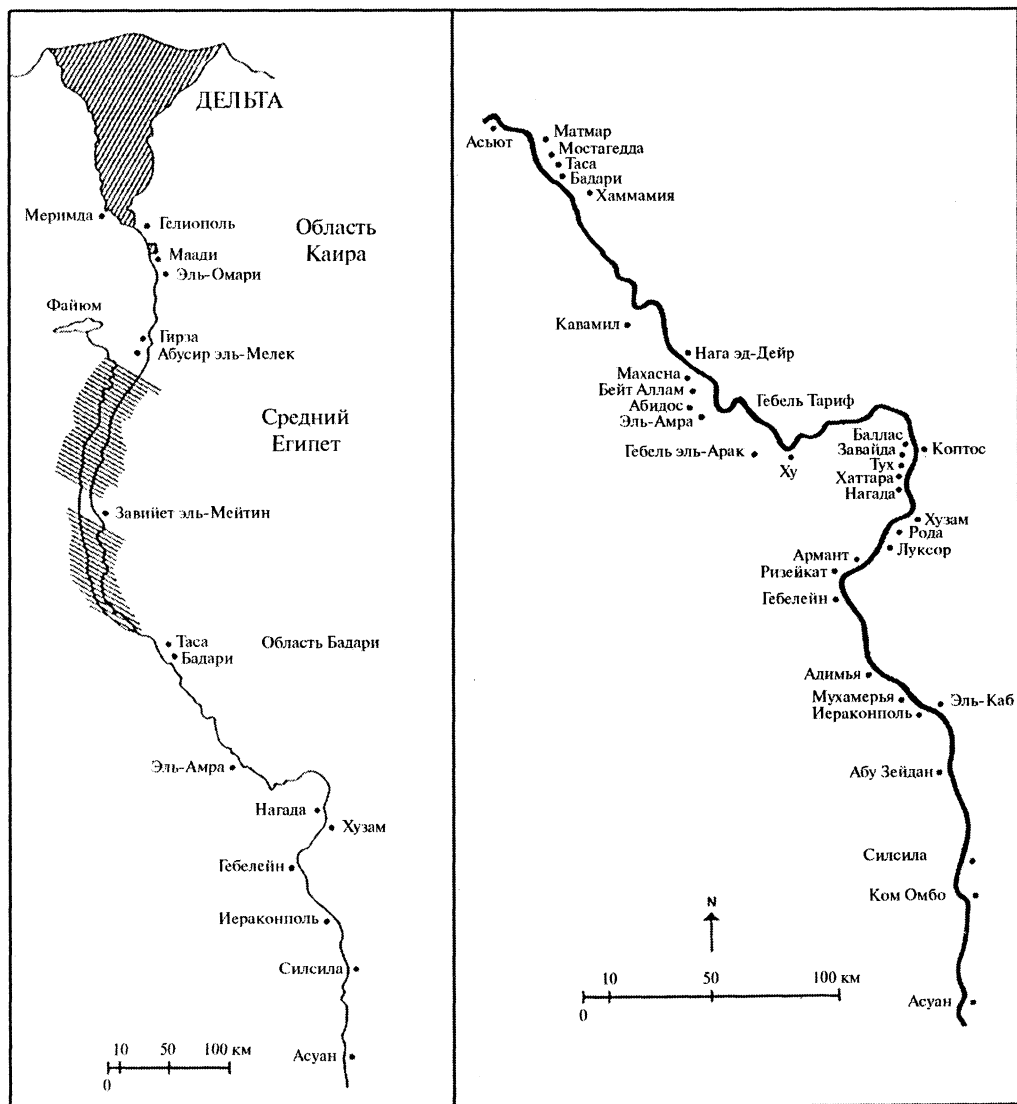
ПОЗДНИЙ ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (ГЕРЗЕЙСКИЙ ИЛИ НАКАДА II)

С поздним додинастическим периодом (примерно с 3500 по 3200 год до н. э.) мы наблюдаем более быструю эволюцию и развитие принильских культур, а также их унификацию с юга на север долины. В ходе этого периода, начиная со II порога и вплоть до Дельты включительно, Египет стал по-настоящему единым в культурном плане; это культурное единство предшествовало политическому единству, осуществившемуся при фараонах I династии.

Эпонимное поселение *Герза*, которое дало свое имя «герзейскому периоду», находится примерно в 70 километрах к югу от Каира, на северной широте Файюма и на западном берегу реки недалеко от Медума. С географической точки зрения Герза, таким образом, могла принадлежать скорее к Среднему Египту, нежели к Нижнему. Именно в этом регионе, который в общем и целом простирается вокруг современного Каира и его северных и южных предместий от Меримды до Хелуана, и по западному берегу реки к северу от Файюма, были открыты и раскопаны немногочисленные памятники, которые идут от конца древнего додинастического периода до нового. Вплоть до конца этого нового периода Дельта как таковая остается фактически неизвестной. Напротив, весьма многочисленные памятники были исследованы в Среднем и, прежде всего, в Верхнем Египте от Матмара на севере вплоть до Нижней Нубии на юге (см. карту V).

При современном состоянии наших знаний то, что в новом додинастическом периоде считается *Северным Египтом*, простирается от Меримды до Абусир эль-Мелека в Хараге, и *Верхний Египет* идет от Матмара (к югу от Асьюта) до Бахана (к югу от Асуана).

Разделение египетской долины Нила на две части — одну на севере, другую на юге — должно быть, как нередко считается, истоком зарождения двойственности египетской фараоновской монархии исторической эпохи. Тем не менее, следует отметить,

Карта V. Додинастические памятники Египта
По J.-L. de Cénival, 1973, p. 50

что эта географическая группировка может быть скорее видимостью, чем действительностью. На самом деле некоторые исследователи подчеркивали (Butzer, 1960, 1621), что отсутствие доисторических памятников между Асьютом и Файюмом примерно на протяжении 175 километров проистекает из двойной географической «случайности»: с одной стороны, повышение наносной долины с 2 до 3 метров начиная с додинастического периода и, с другой стороны, расширение вбок той же самой долины; это расширение могло составлять от нескольких метров до 2 километров. Другими словами, все доисторические памятники, которые могли существовать в этом регионе, должны были быть или уничтожены рекой, или покрыты толстым слоем ила. Они невидимы. Таким образом, не следует принимать во внимание этот «пробел» между севером и югом около 3500 года до н. э.

Предполагалось (Hayes, 1953, 21; n. 4), что герзейский период существовал в чистом виде в Нижнем Египте перед тем, как появиться на юге, где он слился с амратским. Фактически, понятие о герзейской культуре, отличной от амратской, основывается только на присутствии керамики новых форм и с красным декором на светлом фоне, которая до этого была неизвестна. С другой стороны, эта керамика сосуществует с красной черновой керамикой или с однотонной керамикой, характерной для Верхнего Египта. За исключением грушевидной булавы, которая появилась в конце амратского периода, все другие предметы, характерные для додинастического периода Верхнего Египта: палетки, скульптурные гребни, раздвоенные ножи из кремня и т. п. можно найти в герзейской культуре.

Следует задаться вопросом: можно ли объяснить различия между амратской и герзейской культурой внутренней эволюцией общества без необходимости прибегать, как все еще имплицитно делают некоторые ученые, к таким объяснениям, как культурные или политические влияния севера на юг? Новые формы и декор герзейской керамики могут, таким образом, объясняться, с одной стороны, тем, что эта посуда теперь начала производиться *специалистами*, и, с другой стороны, тем, что она была специально предназначена для погребального инвентаря (Trigger, 1983, 34).

Керамика, найденная в погребениях, отличается от той, что происходит из жилищ: та остается традиционной, красной черновой или одноцветной. Итак, самая характерная черта герзейской культуры — декорированная керамика — подчеркивает развитие заупокойного культа, а также выделяет важное место, которое занимают горшечники в организации общества. Другие аспекты амратской культуры все присутствуют в герзейской, и их эволюция непрерывно продолжается. *Континуитет* между древним и новым додинастическим периодами — это замечательное явление, которое не следует недооценивать: все происходит так, как если бы с юга на север герзейская культура была прямой наследницей и продолжательницей амратской¹¹.

¹¹ Этот континуитет очень важен, когда сравнивают «комплексы» предметов, характерных для той или другой культуры, между собой (ср. рис. 14): между ними нет очевидного разрыва. Можно заметить, что подразделения (*Stufe*) от I до II, выделенные Кайзером, не совпадают с традиционным делением между амратской культурой (Накада I) и герзейской (Накада II) около *SD* 35–42 (ср. Hoffman, 1980, 119, fig. 35). Сениваль (Cénival, 1973, 56) справедливо отмечает: «Фазы I *a-b-c* у Кайзера соответствуют тому, что называется ... Накада I — первая половина; IIa = Накада I — вторая половина; IIb = Накада II — первая треть; IIc = Накада II — вторая треть; III — Накада II — третья треть». Деления, предложенные Сенивалем, соответствуют делению на две традиционные большие фазы, начиная с работ Питри (Petrie, 1901).

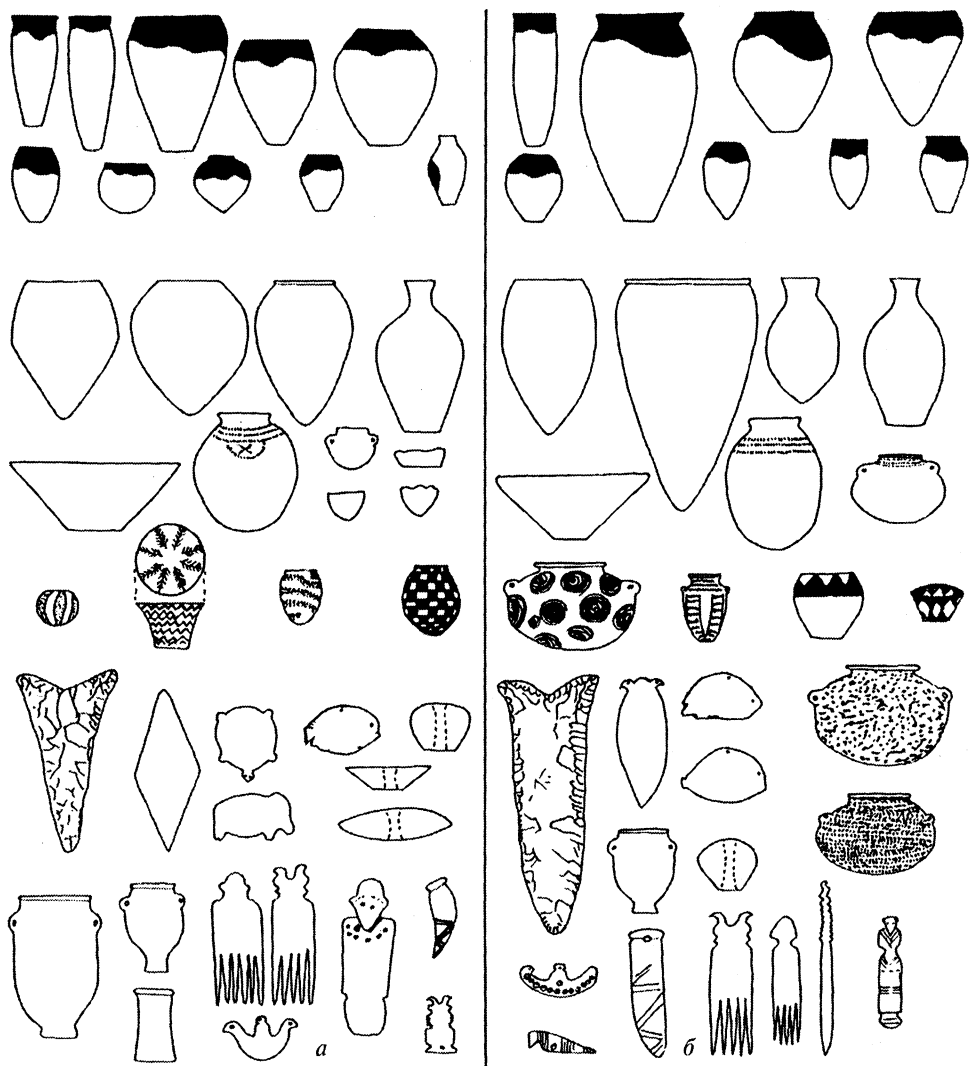

Рис. 14. Переход от амратской культуры к герзейской (А — амратская; В — герзейская)
По W. Kaiser, 1957, Stufe IIa, Stufe IIb

На юге не заметно никакого пробела между амратской и герзейской культурами. Памятники, прежде всего некрополи, иногда очень протяженные, чаще всего одни и те же, незаметно переходят от одной фазы к другой, в то время как на севере переход от древнего додинастического периода Файюма, Меримды и Эль-Омари к новому додинастическому периоду остается неясным. Предполагали (Trigger, 1983, 25; Rizkana-Seeher, 1984, 252), что поселение Маади (между Хелуаном и современным Каиром) хронологически располагалось между этими двумя фазами додинастического периода, откуда и его важность.

Более позднее, чем культура Эль-Омари, и расположенное в 10 километрах к северо-западу от этого памятника (ср. карту IV), поселение Маади, судя по всему, продолжало культурные и технические традиции древнего северного додинастического периода, в то же время знаменуя собой развитие по направлению к иерархизованному обществу, в котором существовала рабочая специализация (Caneva et al., 1986, 31); это роднит его с герзейской культурой (фаза IIa и b по Кайзеру), которой он был, по крайней мере отчасти, современен. Памятник, открытый в 1930 году, исследовался вплоть до 1948 года; раскопки продолжились в 1977 году.

В Маади мы находим черты, характерные для Файюма: техники обработки каменных инструментов (прежде всего наконечников стрел с зазубринами, ср. рис. 15), места для хранения запасов, расположенные вне жилищ; но есть и сходство с Меримдой — однотонная керамика, сгруппированные жилища, углубленные в землю дома, иногда и глубже, чем в Меримде. Тем не менее, наряду с этими параллелями можно заметить и различия. Если не считать детей очень небольшого возраста, погребения в Маади не находятся в жилищах или близ них, но сгруппированы в некрополи, удаленные от жилищ, как на юге и уже ранее — в Эль-Омари. Среди этих кладбищ южное, в Вади Дигла, содержало около 500 овальных могил. Наряду с погребениями людей можно отметить отдельные погребения собаки и газелей.

Погребальный инвентарь, хотя и далеко не так богат, как в современном ему южном додинастическом периоде, тем не менее гораздо менее беден, чем в Меримде, по крайней мере, по количеству. Личные украшения, столь многочисленные на юге, здесь практически полностью отсутствуют, но зато есть керамика, которую помещали в яму перед телом, лежавшим на правом боку в скорченном положении, руки перед лицом (Hoffman, 1980, 209, fig. 56).

Жилища дают гораздо больше существенных сведений о жизни и деятельности обитателей Маади, чем погребения.

Жилища, сгруппированные в центре поселения, содержат на поверхности овальные хижины или простые убежища от ветра в форме подковы или со стенами глинобитными или из камышей, обмазанных илом и поддерживавшихся на месте столбами из дерева тамариска. Наряду с этими, наиболее многочисленными, грубыми жилищами, мы находим также дома, вырытые глубоко в земле: они бывают круглыми или прямоугольными и покрыты крышей на столбах. Хотя этот тип полуподземного жилища существовал в Меримде, в этих маадийских жилищах видят палестинское влияние, поскольку такой тип засвидетельствован близ Бершебы; предлагали даже видеть в них жилища иностранцев (Hayes, 1965, 123; Hoffman, 1980, 202 и fig. 54). Кроме того, было обнаружено два прямоугольных строения: одно состояло из деревянных балок, расположенных по горизонтали, к несчастью, в очень плохом состоянии; другое имело плетеные стены, и его план может напомнить иероглифический знак (𓂏) (Gardiner, Sign-list, 0.4) (Vandier, 1952, 51).

Эти жилища различной формы содержали очаги и силосные ямы, можно сказать, как индивидуальные, так и семейные. Тем не менее, большинство найденных «зернохранилищ» были сгруппированы на периферии поселения — на севере и на юге. Именно следы, найденные в этих очагах и ямах, дают более точные данные о материальной цивилизации Маади. Обилие обугленных зерен, прежде всего ячменя и пшеницы, но также и других растений (Caneva, 1986, 20) показывает, что земледелие играло основ-

ную роль в экономике, в то время как по сравнению с зерном останки животных занимают гораздо меньшее место; тем не менее, они доказывают, что охота и рыболовство все еще практиковались и они дополняли ресурсы, которые давало земледелие и скотоводство.

Что касается охоты в окружающей степи, определены только кости дикого козла, что, без сомнения, говорит об осушении климата. Фактически, в пепле очагов найдены останки фауны, связанной с рекой — гиппопотама, черепахи, водных птиц, рыб и моллюсков. Среди домашних животных идентифицированы кости коз и овец — самые многочисленные, — крупного рогатого скота, свиней и ослов. Помимо пищевого резерва, силосные ямы в Маади служили также для хранения сырья — прежде всего пластинок кремня и медноносных минералов, и даже предметов — бусин из сердолика и каменных (в первую очередь базальтовых) ваз.

Имеются силосные ямы двух видов: на севере это большие керамические кувшины, вкопанные в землю по горлышко, в то время как на юге мы находим большие ямы, вырытые в гравии, стены которых были покрыты илом и плетенкой. Количество этих ям и их положение на окраинах поселения объясняли какими-то важными торговыми отношениями с внешним миром (Hoffman, 1980, 201). В таком случае Маади был если не палестинской торговой факторией в Египте, то по меньшей мере коммерческим центром, куда поступали медноносные минералы с Синая и кремневые орудия из Ханаана, прежде всего лезвия для серпов (Rizkana-Seeher, 1985, 252); возможно, речь идет и о другом сырье — ароматических маслах — которое содержалось в вазах, тип и материал которых известен в Палестине (Kantor, 1965, 9; Rizkana-Seeher, *ibid.*, 254) и которые были найдены в Маади. В обмен на это маадийцы якобы экспортировали зерновые, хранившиеся в силосных ямах (и перевозившиеся в вазах, изготовлявшихся специально для этого, Hoffman, 1980, 205). Такая торговля с Палестиной, судя по всему, была делом рук самих маадийцев. У них было незаменимое вьючное животное — осел, распространению которого в Азии они, возможно, способствовали. На ослах маадийцы могли посылать настоящие караваны, возможно, пользуясь близлежащей к Маади дорогой, которая в архаическую эпоху соединяла долину Нила с Синайским полуостровом и сиро-палестинским коридором (Trigger, 1980, 26; Rizkana-Seeher, 1985, 252; Oren, 1973). Эти связи с Палестиной, видимо, были уже установившимися. Они, несомненно, были причиной введения в Египте ваз «с волнистыми ручками» (*wavy-handled*)» (класс W по Питри) (Vandier, 1952, 318–327)¹². Эта керамика, которой подражали в Верхнем Египте, и породила классификацию по *Sequence Dates*.

Наряду со своими связями с Ханааном, Маади поддерживало контакты с югом долины Нила; здесь были найдены черепки черноверхой красной керамики (класс B по Питри), которые происходят из Верхнего Египта (Rizkana-Seeher, 1984, 239). Глина качественная и плотная, поверхность блестящая, красный цвет — темный, черный — глубокий. Они относятся к тем вазам, которые не следует путать с многочисленной полной или фрагментарной керамикой (также класса B), найденной в Маади. Она сделана из другой глины и имеет ту же форму, что и в Накада: чаши, вазы с узким

¹² Тем не менее, следует отметить, что Вандье (Vandier, 1952, 326–327) не убежден в палестинском происхождении керамики этого класса и склонен думать о конвергенции — независимом изобретении ручек такого типа в Египте и в Палестине при том, что одни не являются заимствованием других.

Рис. 15. Предметы из Маади:

1. Керамика. 2. Камни. 3. Кремьень. 4. Навершие палицы. 5. Кость.

По Rizkana / Secher, 1983 и 1984

горлышком и «бокалы» (*beakers*); их делали на месте, и это подражания верхнеегипетским сосудам. Тем не менее, в Маади техника, которую использовали для того, чтобы получить контраст между красным и черным, могла быть другой, отличной от той, что применяли южные гончары (Id., *ibid.*, 239).

Другая связь с югом в Маади проявляется в изобилии ваз из черного базальта (об этих вазах, которые появились в амратском периоде, см. с. 119). На поселении — а не в погребениях — были найдены 30 таких ваз в неповрежденном состоянии, из них семь в одной и той же силосной яме. Сырье — базальт — пришло из карьеров вблизи Каира, может быть, из Файюма (Lucas-Harris, 1962, 61–62) неподалеку от Маади; тем не менее, вряд ли эти прекрасные продолговатые или цилиндрические вазы с конической ножкой (ср. fig. 15, с. 146), характерные для конца амратского и начала герзейского периода (фазы *IIa* и *b* по Кайзеру), были изготовлены в Маади. Фактически на территории Маади не было найдено ни отходов от обработки камня, ни буров для его сверления (кремневых сегментовидных ножей), ни незаконченных или разбитых в ходе изготовления предметов. Представляется, что они были импортированы из Верхнего или Среднего Египта, где часто встречаются, для импорта маадицами в Палестину (см. выше).

Наряду с этими базальтовыми вазами столь оригинальной формы, в Маади также обнаружены конусообразные вазы из алебаstra и из метаморфической скалы (диорита?). Такие вазы с основанием более широким, чем горлышко, и рельефным краем сравнивали с вазами подобного типа, найденными в погребениях Ливии (Petrie, 1920, 36, § 89, pl. XLII, n°s 215–218), и поэтому их часто называют «ливийскими». Тем не менее, материалы, из которых они изготавливались — базальт, серпентин, алебастр, — находятся и в Египте, и вполне возможно, что эти вазы также произошли из долины Нила и являются лишь одной из вариаций обычной цилиндрической вазы, появившейся в бадарийском периоде, которую можно найти также и в амратскую эпоху, в герзейском периоде, и в архаической эпохе, как и в Древнем царстве (Id., *ibid.*, 36, § 87, pl. XLI, № с 164 по 177).

Опять-таки из Верхнего и Среднего Египта происходят найденные на поселении в Маади шиферные палетки в форме ромба. Как и базальтовые вазы, они, судя по всему, не изготавливались на месте (Rizkana-Seeher, 1984, 244, и fig. 5, p. 247). По своей форме эти предметы предположительно датируются амратским периодом.

В завершение перечисления предметов, импортированных или сделанных в подражание импортным в амратском или герзейском периоде Верхнего Египта, следует упомянуть костяные гребни и наверхия булавы в форме усеченного конуса. В Маади мы не находим ни грушевидной булавы, характерной для герзейцев, ни прежде всего раздвоенного ножа из кремня или обсидиана типа *psš-kf/несешкеф* (ср. рис. 15) амратского или герзейского периода.

Присутствие в Маади этих разнообразных предметов или типов предметов, пришедших из Верхнего Египта, не следует переоценивать. Их ненамного больше, чем тех, что пришли из Палестины, и прежде всего можно задаться вопросом, не происходят ли некоторые из них скорее с севера, откуда они импортировались одновременно в Верхний Египет и в Маади.

Такова могла быть ситуация с большими и красивыми базальтовыми вазами. Фактически, в Маади мы находим вазы такой же формы, но глиняные: керамика этого типа не существовала на юге. Вазы из камня, таким образом, могли изготавливаться

вблизи Дельты, где базальт встречается в изобилии, в подражание форме керамики, характерной для севера, и оттуда они могли экспортироваться как в Верхний Египет, так и в Маади, где они стали предметом торговли.

Несмотря на влияние востока или запада либо контакты с ними, культура Маади оставалась по преимуществу нильской. Она была дальней, но прямой наследницей Меримды, Файюма и Эль-Омари, и ее экономика определялась рекой и ее ресурсами. Сомнительно, чтобы, как предполагали, Маади участвовало в распространении медной металлургии в долине Нила, даже если минералы, являющиеся рудами этого металла, были здесь найдены и, возможно, даже печь для их плавки (Rizkana-Seeher, 1984, 239).

Благодаря ежегодному разливу реки, земледелие (в первую очередь) и скотоводство (в дополнение к нему) позволили этой культуре играть свою коммерческую роль. Фактически обильные излишки полученной пищи благоприятствовали специализации ремесленников, прежде всего горшечников. Этот класс ремесленников, которые производили достаточно для внутреннего и внешнего обмена, возможно, стал вехой в социальной эволюции и зачатком центральной организации (Caneva et al., 1986, 31).

Проблемы, связанные с Маади, — это по-прежнему проблемы прежде всего хронологического характера. Последние работы определяют его дату началом амратского периода, то есть около 3500 года до н. э. или чуть раньше, то есть в древнем додинастическом периоде. Его сосуществование с герзейцами, по меньшей мере в первых фазах, известно точно (Rizkana-Seeher, 1984, *passim*). Напротив, нет уверенности в том, что между поселением в герзейский период и поселением (также точно определенным) в архаическую эпоху не было пробела, к которому некоторые специалисты и хотели бы привязать Маади полностью (Krzyżaniak, 1977, 137).

Перед тем, как оставить Маади, важность которого в истории Египта весьма значительна, следует заметить, что трудно сравнивать эту культуру с культурами нового додинастического периода Верхнего и Среднего Египта, современными ей. Фактически, эта последняя известна прежде всего по богатому погребальному инвентарю некрополей, в то время как в Маади погребения были снабжены лишь небольшим количеством предметов, и большая часть находок происходит из поселения (Rizkana-Seeher, 1985, 251). Если судить только по найденным предметам, то можно подумать, что с культурной точки зрения Маади запаздывало по сравнению с современным ему южным Египтом. Активная роль, которую оно играло в азиатской торговле, предостерегает нас от такого вывода. Маадийцы не довольствовались тем, чтобы отправляться в Ханаан за самыми лучшими орудиями из кремня, — они также экспортировали туда продукцию долины Нила (Id., *ibid.*, 253; Gophna, 1876, 199). Можно считать, что именно благодаря этим караванам использование домашнего африканского осла распространилось по Азии.

Маадийцы — связующее звено между двумя континентами — несомненно, были первыми, кто завез в долину Нила предметы и, может быть, технику или идеи, пришедшие из Азии. И наоборот, именно благодаря ему сиро-палестинский коридор вошел в контакт с нильским миром. Отсюда и важность открытия в Гелиополе некрополя, возможно, современного Маади (Vandier, 1952, I, 496, n. 4; Hoffman, 1980, 210). Если приписываемая ему дата подтвердится, то Маади уже не будет изолировано, но станет частью культурного ансамбля, утвердившегося на окраине Дельты.

Памятники нового додинастического периода, которые принадлежат к герзейскому культурному кругу, весьма многочисленны. Отметим среди прочих с юга на север (см. карты II и V): Бахан, Асуан (Шеллаль), Куббанию, Иераконполь, Эсну, Гебелейн, Армант, Хузам, Накаду, Баллас, Абадию, Амру, Абидос, Махасну, Нага эд-Деир, Кау, Хамманию, Бадари, Мостагедду, Харагу, Матмар, Абусир эль-Мелек, Герзу, Тархан, Туру, Гизу и Миншат Абу-Омар.

Некоторые из этих поселений были заселены уже в амратский период или даже в бадарийский, но, тем не менее, представляется, что в герзейский период их стало намного больше. При современном состоянии наших знаний и принимая во внимание отсутствие информации по региону между Матмаром на юге и Харагой на севере, трудно объяснить такое увеличение числа памятников. Отражает ли оно демографический взрыв, который должен был произойти в середине IV тысячелетия до н. э. или же оно является результатом лучшего знакомства археологов с Верхним Египтом, в то время как Дельта на древних уровнях остается малоизвестной? Лишь в конце герзейского периода и в архаическую эпоху Дельта действительно занимает свое место на археологической карте (ср. Kaiser, 1964, 105–116 и карта fig. 4, p.106).

В ходе недавних раскопок в Накаде и в Иераконполе были получены многочисленные даты по ^{14}C , так что абсолютная хронология герзейского периода для Верхнего Египта может считаться если не окончательно установленной, то, по крайней мере, весьма вероятной (Hassan, 1985, 97). После «калибровки» эти даты покрывают период с *Sequence Dates* с 40 по 65 (Kantor, 1965, 26), то есть в абсолютной хронологии примерно с 3600 по 3100 год. Можно выделить две фазы герзейского периода: первая, которую можно назвать классическим герзейским периодом, покрывает *SD* с 40 по 59 (Id., *ibid.*) или с 3600 по 3200 год до н. э. (Hoffman, 1982, 139); вторая, гораздо менее продолжительная, именуется поздним или новым герзейским периодом (Late Gerzean), у Питри — «семанийским» (Kantor, 1944, 110; п. 2): он продолжался с *SD* 60 по 65 (Kantor, 1965, 27), то есть примерно с 3200 по 3100 год до н. э.

Материальная цивилизация пережила более быстрое развитие в ходе II фазы герзейской культуры, чем во время первой: керамика с красным темным декором на светло-желтом фоне исчезает в это время; становится все больше ваз, вырезанных из самых твердых пород камня; рукоятки ножей из кремня все более и более тонкой работы, становятся орнаментированными, как и ложечки и гребни из слоновой кости или шиферные щитовидные «Палетки» (Vandier, 1952, 533–560 и 579). Хотя иногда это мнение оспаривается, в этой эволюции видят прямое влияние Месопотамии, которое проявлялось якобы и в других областях, прежде всего в архитектуре и письме (ср. Kantor, 1965, 10–14), которые с архаической эпохи также играли значительную роль. Как бы ни относиться к этой гипотезе, очевидно, что политическое объединение Египта произошло в течение тех самых ста лет, когда продолжался позднегерзейский период. От этого следует отличать более медленную, примерно трехсотлетнюю, эволюцию классического герзейского. Чтобы избежать путаницы, позднегерзейский период будет проанализирован отдельно под названием протодинастического периода.

Континуитет эволюции во время герзейского периода — неоспоримый факт, о котором мы не устаем напоминать. Нет никакого резкого и очевидного разрыва ни в характере, ни в форме предметов, найденных на поселениях и в могилах. Единственные инновации — это декор некоторых предметов; самое важное — это появление красно-

го декора на светлом фоне у ваз, которые ставили в герзейские могилы; и это нововведение также происходит поэтапно. Ничто не выделяет лучше культурную преемственность между ранним и поздним додинастическим периодами, с одной стороны, и протодинастическим — с другой, чем исследование таблиц, на которых В. Кайзер основывал свои исследования по «культурам» Накады (Kaiser, 1957, pl. 21–24).

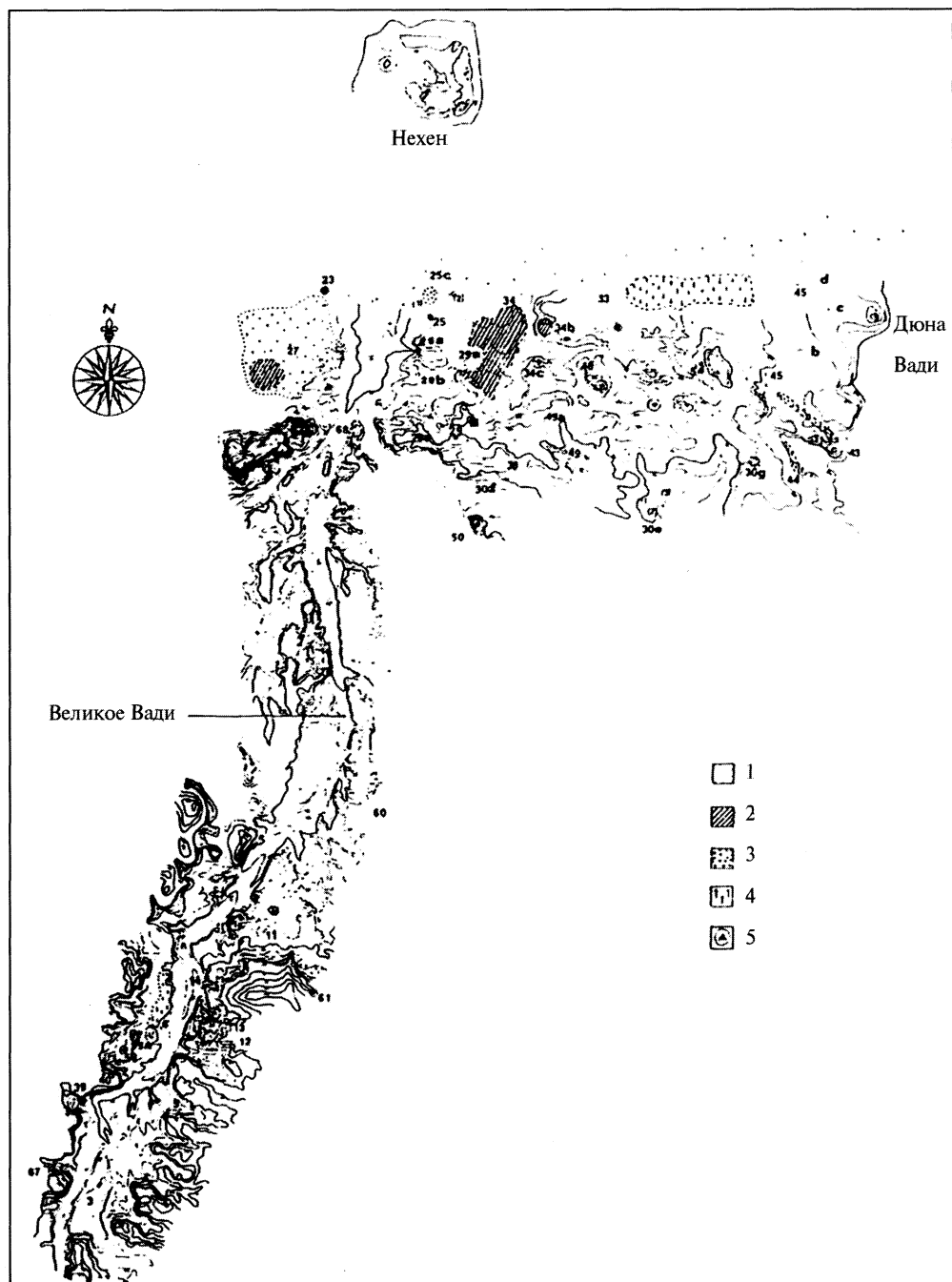
Основываясь в основном на керамике, немецкий ученый отказался от терминов «амратский» и «герзейский», и разделил материал, найденный в раскопках, на три фазы (*Stufen*) — I, II и III, которые подразделялись на более мелкие периоды (I *a*, *b*, *c*, II *a*, *b*, *c*, *d* и т. п.); всего получилось 11 периодов. Рассматривая, например, фазы IIa-b (*ibid.*, pl. 22) и сравнивая их с предшествующими фазами Ia-c (*ibid.*, pl. 22), мы видим те же яйцевидные красные чернoverхние сосуды, те же самые формы палеток, те же каменные вазы с ножками, те же раздвоенные ножи, те же амулеты. В области искусства переход от амратского (фаза I) к герзейскому (фаза II) точно так же не слишком заметен. И те же самые, столь характерные женские статуэтки, хотя их и больше в амратское время, появившись в бадарийский период, появляются и в герзейском (ср. Vandier, 1952, 223, fig. 142, 428–435, fig. 287–290).

Лишь несколько форм ваз исчезают, и то очень постепенно. Можно привести только два примера: вытеснение амратского белого орнамента на красном фоне фиолетовым орнаментом на светлом фоне в фазе IIb и замена в ходе той же самой фазы амратской булавы в форме усеченного конуса на герзейскую грушевидную, несомненно, унаследованную из Меримды; следует заметить также, и что оба предмета сосуществовали в фазе IIa (Kaiser, *ibid.*, pl. 22).

Этот континуитет между I и II фазами продолжается и в III фазе. В керамике новые формы и орнаменты просто добавляются к старым; старые исчезают лишь постепенно. Таблица, нарисованная В. Кайзером (*ibid.*, pl. 25), замечательно демонстрирует этот континуитет и медленное развитие, которое примерно за 20 веков привело от бадарийского и амратского к протодинастическому периоду и к архаическому Египту.

Наследники амратской культуры, люди герзейского периода вели тот же образ жизни. Тем не менее, земледелие и скотоводство на затоплявшейся Нилом равнине теперь занимали преобладающее место, вытесняя как охоту и кочевание в соседних степях, так и земледелие вдоль оставшихся еще вад и водоемов в них. Фактически, кажется, что около 3500–3400 года произошли перемены в климате: близкие к реке плато входят в засушливую климатическую фазу, которая будет продолжаться множество веков (Hoffman, 1987, 5). Недавние раскопки в Иераконполе показывают переход от амратской экономики, которая эксплуатировала Большой Вади, выходивший к реке на высоте Нехена (см. карту VI), к герзейской, которая концентрировалась на эксплуатации регулярно затоплявшейся долины. В ходе этого изменения, может быть усугублявшегося чрезмерной эксплуатацией растительных ресурсов Большого Уэда (Hoffman, 1982, 141), поселения людей приближались к Нилу.

Оставление плато, которые господствовали над долиной, возможно, объясняет густоту герзейских поселений в долине, как и демографический взрыв, который, как считается, произошел тогда (Arkell-Ucko, 1965, 153 B; Krzyżaniak, 1977, 139). Тем не менее, кажется сомнительным, что начало искусственной ирригации может датироваться, как иногда предполагали (Krzyżaniak, *ibid.*, 49; Kemp, 1977, 197), столь древней эпохой (Schenkel, 1978, 25).

Карта VI. Иераконполь в додинастический период и архаическую эпоху:
 1. Начало додинастического периода. 2. Поздний додинастический период.
 3. Протодинастический период. 4. Некрополи. 5. Печи.

По Hoffman, 1982, p. 141

Техники, усвоенные людьми еще в эпоху Бадари и развитые в амратскую, еще усовершенствовались в герзейском периоде. В том числе обработка кремня, которая и до этого была сильно развита, достигла несравненных высот с появлением слегка изогнутых лезвий, которые после первоначальной полировки посредством ретуширования давлением приобретали большую правильность. Нож из Гебель эль-Арака (Vandier, 1952, 532–534) остается лучшим тому примером. Эти предметы — настоящие произведения искусства, изготовление которых, как кажется, объясняется не только практическими потребностями. Они могли быть изготовлены только значительно специализированными ремесленниками, которые, принимая во внимание период, когда были изготовлены эти лезвия, должны были передавать свою технику работы в мастерских, где были свои учителя и ученики (Midant-Reynes, 1987); их задачу упрощало использование прекрасного светлого пластинчатого кремня из фиванских скал (Krzyżaniak, 1977, 141).

Специализация герзейских ремесленников весьма ощутима в области керамики с появлением ваз с фиолетовым декором на светлом фоне (класс D по Питри; ср. Vandier, 1952, 332–356). Фактически, с одной стороны, формы становятся менее многочисленными, можно было бы сказать — «стандартизованными», а с другой стороны, сырье, которое использовали горшечники, ископаемый глинистый мергель, обнаруживается лишь в нескольких местах в регионе Кены и Балласа (Lucas-Harris, 1962, 368). Таким образом, как кажется, незначительное число мастерских в области Фив, используя примитивную «вертушку» в отсутствие быстрого гончарного круга, появление которого в Египте случилось очень поздно (Bouttiau, 1981, 16), производило все большее и большее количество сосудов для все более и более широкого рынка (Trigger, 1983, 33). Благодаря обжигу, при котором температура в печи могла достигать 1200 градусов (Krzyżaniak, 1977, 141), эти вазы очень прочны и хорошо переносят перевозку.

Эти мастерские керамики использовали ту же самую глину, чтобы делать вазы с волнистыми ручками (класс W по Питри), несомненно, ввезенные в долину Нила из Палестины маадийцами; их формы, как и типы ручек, медленно развивались в самом Египте, начиная с их появления в конце амратского периода вплоть до их исчезновения в ходе архаической эпохи (ср. Vandier, 1952, 318–327).

Параллельно изготовлению ваз из ископаемой глины, традиционная керамика на основе нильского ила оставалась во всеобщем употреблении. Ее находят как в погребальном инвентаре, так и в жилищах, где она используется для бытовых нужд. Красная черновой керамика, несколько худшего качества, чем раньше, исчезает лишь постепенно: она присутствует в течение всего классического герзейского периода (ср. Kaiser, 1957, *Stufen* от IIa до d2, pl. 22, 23).

Металлических предметов не так много, но, принимая во внимание то, что при ограблении могил охотились прежде всего за металлическими предметами, медь чаще встречается в герзейском, чем в амратском периоде. Ее используют для украшений: бус, перстней, браслетов, но также и для орудий, для охоты, рыболовства и вооружения: ножницы, топоры, ножи, тесла, иголки, пробойники, сверла, гарпуны, крючки, наконечники копий, кинжалы, а также иногда для некоторых предметов больших размеров, таких как кувшины для воды и тазы. Происхождение меди остается спорным. Если наиболее вероятной кажется разработка месторождений меди в самом Египте, в Восточной пустыне (Lucas-Harris, 1962, 201–202), нельзя отбрасывать и возможность ее импорта с Синая через посредство палестинцев (Hennesey, 1967, 33) как в виде металла, так и руды. Большой

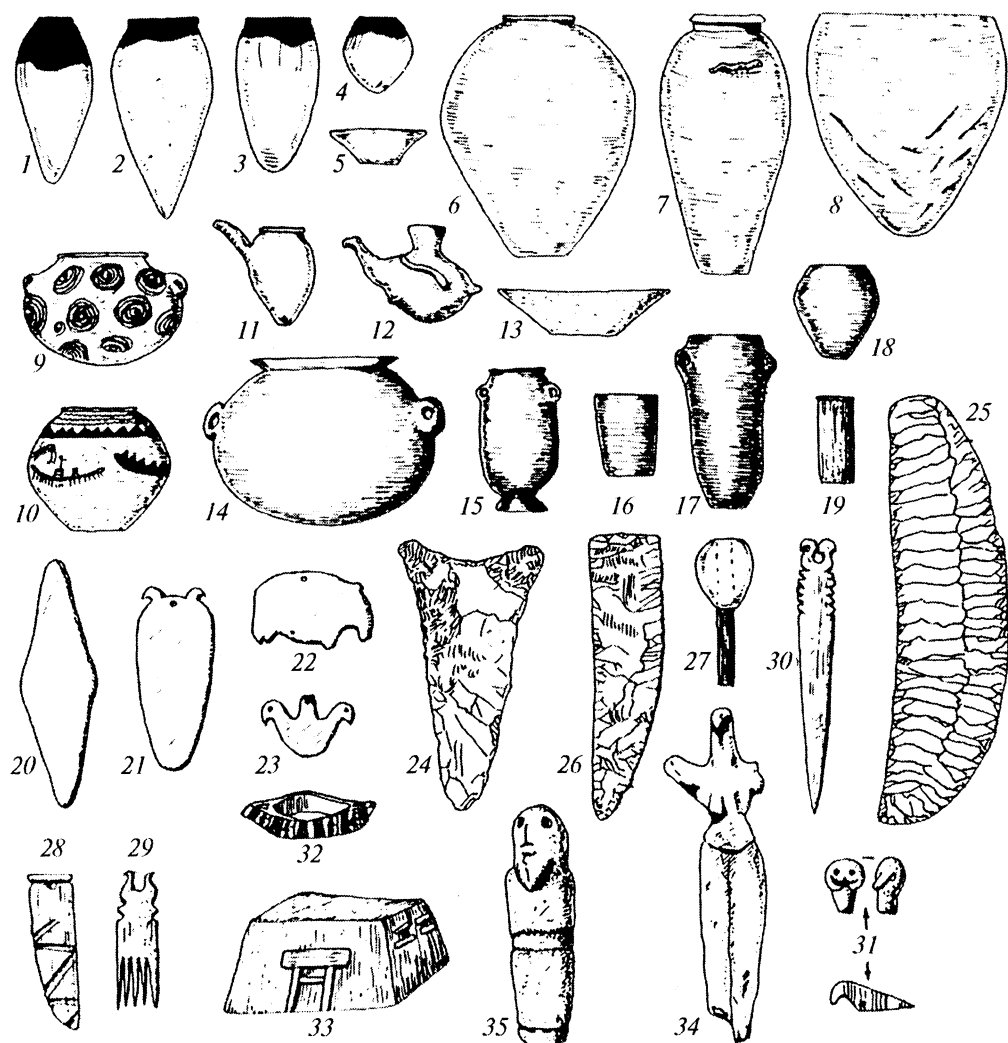

Рис. 16. Предметы классического герзейского периода:

1–4. Красные черновехие вазы. 5–8. Однотонные вазы (7-я — с волнистыми ручками).

9–10. Вазы с красно-фиолетовым декором на светлом фоне. 11–13. Вазы разных форм.

14–18. Вазы из камня. 19. Ваза из слоновой кости. 20–23. Палетки для косметики разных форм.

24. Раздвоенный нож (*песешкеф*) из обсидиана. 25–26. Кремневые ножи.

27. Навершие грушевидной палицы. 28. Волшебный рог. 29–30. Гребень и «булавка» для волос.

31. Амулеты. 32. Модель ладьи. 33. Модель дома. 34 и 35. Статуэтки.

По W. Kaiser, 1957; Krzyżaniak, 1977

медный топор, найденный в Матмаре в герзейской могиле, был выплавлен из руды, содержащей марганец и никель, подобной руде Синая. Следует отметить, что египтяне сами стали разрабатывать рудники Синая только с начала Древнего царства. Несмотря на сравнительную развитость герзейской металлургии, орудия и оружия того времени все еще остались преимущественно кремневыми (Krzyżaniak, 1977, 141).

В то же самое время, что и медь, золото и серебро использовались для изготовления украшений. В противоположность тому, что иногда утверждали (Petrie, 1920, 27; Baumgartel, 1960, 6–7), ничто не позволяет думать, что в герзейское время египтяне импортировали серебро из Азии. Золото из месторождений Восточной пустыни, исследовавшихся египтянами, всегда содержало большую пропорцию серебра, с которым его легко спутать (ср. Lucas-Harris, 1962, 224 и *passim*).

Как и амратцы, герзейцы для повседневных нужд изготавливали циновки, корзинки и канаты из камышей, альфы, папируса и прежде всего листьев и черешков финиковой пальмы (Lucas-Harris, *ibid.*, 125–150). Они ткали лен и обрабатывали кожу для различных предметов, прежде всего мешков и чехлов, но также и для одежды и для того, чтобы обертывать умерших при погребении.

Дерево при раскопках находят редко, поскольку оно не лучше сохраняется в неглубоких могилах, чем на поселениях; преимущественно это древесина деревьев, которые растут в Долине: фиговое дерево, сикомора, акация и прежде всего тамариск. Его использовали для ручек оружия и орудий, для балок, которые составляли каркас домов, для досок, необходимых для обустройства могил. Нередко говорили об импорте дерева с Ближнего Востока — кедра, кипариса и сосны (Lucas-Harris, 1962, 429–439). Тем не менее, следует отметить, что недостаток сведений о древней флоре Дельты позволяет задаться вопросом о возможном присутствии этих деревьев в самом Египте во время влажных климатических фаз доисторической эпохи (Nibbi, 1984, 288–289).

В герзейских могилах на телах встречается все больше и больше личных украшений: подвесок, амулетов, браслетов и ожерелий, которые делались из бусин различных форм, вырезанных из самых различных материалов — слоновой кости и просто кости, скорлупы яиц страуса или полудрагоценных камней — агата, аметиста, коралла, сердолика, лазурита или вдобавок из стеатита, покрытого голубой или зеленой эмалью. Эти украшения иногда представляли собой просто раковины из Красного моря, но также и из Средиземноморья и Нила. Количество и разнообразие этих предметов, их цвет и материал, из которого они изготавливались, говорят о существенном развитии верований, об их защитной функции и, следовательно — о магии не только в жизни на земле, но и в жизни загробной. Поэтому украшения отнюдь не следует недооценивать.

Палетки для косметики (Vandier, 1952, 373–388; 459–460) представляют собой самый характерный элемент герзейского погребального инвентаря. Они делались прежде всего из шифера и могли иметь форму головы рогатого животного, слона, гиппопотама, черепахи, рыбы или птицы (см. ниже, с 180–181, рис. 20–21). Начиная с SD 43 (= St. Ib по Кайзеру, чуть позднее 3500 до н. э.) появляется особый тип палетки: овальной или подтреугольной, «щитовидной» формы; ее вершина украшена двумя смотрящими друг на друга головами птиц (Vandier, *ibid.*, 375–378). Этот тип предмета сохранится до конца додинастического периода. На одной из них изображен один из первых иероглифических знаков и символов, которые нам известны (Id., *ibid.*, fig. 254, p. 377).

Герзейские гребни из слоновой кости и из кости с более короткими зубьями, чем амратские, украшены теми же зверями, что и палетки, и здесь же присутствует мотив двух смотрящих друг на друга птичьих голов.

В области жилищ, как и в других областях, герзейцы, видимо, не изобрели ничего нового. Еще недавно только раскопки Маади и Хаммамии давали нам сведения о жилищах (см. выше с. 148–149), которые, как считалось, были круглыми и более или менее врытыми в землю. Модель, обнаруженная в могиле в Эль-Амре (рис. 16, 33 = Vandier, 1952, 495, fig. 338), позволяет предполагать существование прямоугольных домов. Эта модель, высотой около 10 сантиметров, позволяет представить себе жилище размером примерно 8 на 5,70 метра с дверью, снабженной перекрытием; на противоположной стене — два отверстия-окна почти что под плоской крышей; она датируется *SD* 44–64, то есть классическим герзейским периодом. Раскопки Иераконполя недавно показали, что такой тип дома восходит к амратскому периоду, но имеется и в герзейском (Hoffman, 1980, 129 и fig., Id., 1982, 10–11). В Иераконполе дома с очагом и крупной керамикой для воды или пищи могли содержать также пристройки неправильной формы (Id., 1982, 132–133, fig. VI. 1, p. 131, VI. 3, p. 135). Наряду с прямоугольными жилищами продолжали существовать и круглые хижинки (*ibid.*, 138; fig. VI. 2, p. 134).

Если археология дает нам возможность представить материальную жизнь людей герзейского периода, жизнь, которая была поделена между земледелием и скотоводством, с одной стороны, и, с другой стороны, ремесленничеством, которое уже было разнообразным и специализированным, — то, напротив, она лишь с трудом и неуверенно позволяет представить себе общественную, политическую и прежде всего религиозную жизнь этих людей. Тем не менее в Иераконполе существование топографически различных группировок жилищ по образу деятельности (Brunton, 1932, 272–276; Hoffman, 1982, 141–142) определенно говорит о разделении труда; из такого разделения кажется логичным вывести наличие зачатков социальной стратификации.

Что касается эпохи в целом (помимо Иераконполя), только данные, собранные в некрополях, позволяют сделать выводы о религиозных верованиях и социальной организации: по форме, количеству, сравнительной важности и группировки погребений или же по способу погребения и ориентации тела; или же по большему или меньшему богатству погребального инвентаря, характеру или декору предметов, которые в него входили.

В общем и целом признано, что со времени появления гробница становится постоянным жилищем усопшего и, следовательно, форма погребения напоминает форму жилища, которое он занимал при жизни (Vandier, 1967, 37; Atzler, 1981). Круглым и овальным хижинам соответствовали круглые или вытянутые могилы неолита и самого раннего додинастического периода; с появлением прямоугольных жилищ во второй половине раннего додинастического периода появляются погребения с прямыми стенками. Если так действительно обстоит дело, то герзейские могилы являются отражением поселений, где существовали два типа жилищ, и встает вопрос: не передает ли такая разница в типе погребения социальной стратификации? В таком случае круглые или овальные могилы соответствуют круглым хижинам бедного класса, а прямоугольные — жилищам важных персон, располагавших более обширными ресурсами, прежде всего ремесленников.

Еще с амратского периода прямоугольные гробницы содержали нишу, нередко расположенную на более высоком уровне, чем тот, на котором располагалось собственно тело; туда ставили часть погребального инвентаря (Vandier, 1952, 236). Стены таких гробниц нередко обмазаны более или менее толстым слоем ила. Если, как позволяет предположить недавняя датировка по калиброванному ^{14}C , гробница 100 в Иераконполе действительно датируется началом герзейского периода и располагается между 3875–3370 годами до н. э. (Burleigh, 1983, 164), то обычай строить кирпичную стену вдоль стенки гробницы восходит еще к герзейскому периоду, а не к архаической эпохе (после *SD* 70, ср. Vandier, 1952, 238–239). Кроме того, следует отметить, что в Иераконполе использование кирпичей в жилищах засвидетельствовано еще в амратский период между 3700 и 3600 годами до н. э. в ходе фаз *Ib* и *Ic* по Кайзеру (Hoffman, 1980b, 129) и в ту же самую эпоху — Бадари (Kantor, 1944, 112), так что обкладка кирпичами стены гробницы 100 в Иераконполе не является сама по себе чем-то особенным.

Внутри гробниц способ погребения тел показывает, что существовал вполне определенный погребальный ритуал (Mace, 1909, 31 и сл.; Vandier, 1952, 680–689). Чаще всего тело в более или менее скорченной позиции и с поджатыми к телу ногами клали на левый бок головой к югу и лицом к западу. Эта ориентация, судя по всему, была правилом в большей части герзейских некрополей. Тем не менее можно отметить и несколько случаев другой ориентации: умерший, лежавший головой к югу, иногда лежит и на правом боку, глядя на восток (прежде всего в Эль-Амре) или же, лежа на левом боку, как обычно, повернут головой либо к югу, либо к северу (без различия), смотря, таким образом на запад или на восток (среди прочих в Туре, Герзе, Хелуане, Гелиополе). Известно, что, начиная с Древнего царства — несомненно, под влиянием солярной религии — умерший всегда должен был смотреть на восток (Vandier, *ibid.*, 683), и таким образом, вполне правдоподобно, что ориентация, которую соблюдали герзейцы, также отражает религиозные верования; они тогда находились в процессе становления, как говорит различная ориентация в пределах одного и того же некрополя.

Эпизодическое использование расчленения тела, засвидетельствованное в амратском периоде (Vandier, 1952, 245), в герзейский период, видимо, исчезло. Тем не менее следует обратить внимание на несколько случаев намеренного калечения трупа, практика, которая, как иногда считают, может упоминаться в нескольких пассажах «Текстов пирамид», относящихся к исторической эпохе (Vandier, *ibid.*, 252; Midant-Reynes, 1987, 21–22 и п. 40).

Если положение и ориентация умершего в герзейских погребениях не оставляет никаких сомнений по поводу существования погребального ритуала, то то же самое можно сказать и о положении погребального инвентаря в гробнице, как и о природе и декоре составлявших его предметов. Растущая важность этого инвентаря в ходе герзейского периода свидетельствует как о развитии верований в загробную жизнь, так и о процветании герзейского общества в целом.

Этот обильный погребальный инвентарь, кроме того, еще и весьма разнообразен. Прежде всего это керамические или каменные вазы, содержавшие пищу или другие нестойкие материалы; затем стоит отметить оружие и орудия, палицы, кинжалы, ножи, гарпуны и т. п.; предметы туалета — палетки для косметики, гребни, ложечки, булавки для волос; личные украшения — амулеты, подвески, ожерелья из бус, перстни,

браслеты и, наконец, различные предметы, использование или значение которых спорно, прежде всего рога и статуэтки.

Для изготовления этих предметов служило множество различных материалов: глина и камень для ваз и палеток; кремень, твердые породы камня, медь — для оружия и орудий; слоновая кость, простая кость, рог, дерево — для предметов туалета; золото, серебро и полудрагоценные камни или камни, покрытые цветной эмалью — для личных украшений.

ГЕНЕЗИС ГЕРЗЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЯЗИ ЕГИПТА С АЗИЕЙ В IV ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Мы не будем больше возвращаться к тому существенному факту, что герзейский погребальный инвентарь, гораздо более изобильный, чем в амратских погребениях, имеет тот же характер, что и там. Напротив, мы теперь внимательно рассмотрим некоторые элементы этого инвентаря, которые еще и сегодня в глазах многих исследователей могут оправдывать разделение позднего додинастического периода в долине Нила на две различные фазы. Это:

- вазы с красно-фиолетовым декором на светлом фоне (класс D по Питри) — как по своей форме, так и по декору;
- замена южной булавы в форме усеченного конуса из твердых пород дерева, несомненно, символа власти (Hoffman, 1982, 185), на северную грушевидную, не менее символичную, как свидетельствуют votивные палицы протодинастического периода;
- наконец, как утверждают некоторые, это появление и распространение керамики с волнистыми ручками (класс W по Питри) и ваз с носиком.

Опираясь на интерпретацию петроглифов в пустыне Верхнего Египта (Vandier, 1952, 13–16), эти несколько новых элементов погребального инвентаря связывают с прибытием в Египет иностранных переселенцев примерно в эпоху SD 38–40 (Vandier, *ibid.*, 20); выдвигались различные гипотезы по поводу того, какими путями могли бы идти эти завоеватели, пришедшие с Востока (Id., *ibid.*, 13–20; Baumgartel, 1965, 21). Отталкиваясь от аргументов, извлеченных из «Текстов пирамид», восходящих к III тысячелетиям до н. э., немецкий египтолог К. Зете выдвинул гипотезу завоевания, которая первоначально основывалась только на археологии.

В своей эпохальной работе (Sethe, 1930, CR Vandier, 1949, 24–28) Зете, опираясь на «долгую» хронологию Сотис, пришел к выводу о существовании мощного египетского царства, охватывавшего всю долину Нила еще до Менеса. Столицей этого царства якобы был Гелиополь около нынешнего Каира; оно должно было существовать с 4250 года до н. э., когда был принят солнечный календарь, который был инициирован именно этим государством (ср. выше, глава 1). До этой даты Египет, согласно Зете, был «последовательно разделен на мириады независимых городков, потом на номы, на федерации номов и, наконец, на два царства: Северное царство, где царил бог-сокол Хор, и Южное, где царствовал бог Сетх» (Vandier, 1947, 24–25, по Sethe, 1930, § 4–93).

Хоровы цари на Севере якобы завоевали Южное царство еще в V тысячелетии и таким образом создали доисторическое «гелиопольское» царство.

Когда стало очевидно, что дата 4240 год для принятия солнечного календаря является слишком древней (Neugebauer, 1939 и выше, глава 1), то существование этого гипотетического единого царства перенесли на IV тысячелетие, к 3250 году до н. э., и связали его с герзейской культурой (Накада II). Таким образом, все это должно было произойти около 3400 года до н. э. (Scharff, 1941, 36)¹³ — сначала в Дельте, где это царство попало под азиатское влияние, а затем установилось на Юге (Vandier, 1952, 607–608).

Теория Зете, принятая многими египтологами (Gardiner, 1944; Vandier, 1952, 607), таким образом, предполагает существование на Севере в герзейскую эпоху царства, столицей которого было Буто в западной Дельте (ср. карту V) и которое противостояло царству Верхнего Египта со столицей в Омбосе (по-египетски *Нубет*) к северу от Накады. Эта воображаемая реконструкция додинастического прошлого вскоре была оспорена (Kees, 1941, CR Vandier, 1947, 28–30). С одной стороны, отмечалось, что она основывается на интерпретации религиозных мифов, которые можно объяснить и иначе, чем это делает Зете; с другой стороны, тексты, на которые он опирался, были составлены более чем тысячу лет спустя после событий, на которые они, по его мнению, намекают; наконец, ничто не доказывает, что эти тексты имеют историческую основу (Trigger, 1983, 2; он основывается на Griffith, 1960, 119–148; Frankfort, 1948, 15–23).

Присутствие в герзейском погребальном инвентаре ваз с волнистыми ручками (Vandier, 1952, 322–325) и ваз с носиком (*ibid.*, 305–306) фигурирует среди археологических доказательств, которые были выдвинуты в поддержку если не обширного вторжения из Азии, которое якобы положило начало герзейской культуре, то по меньшей мере проникновения в долину Нила людей с востока, более продвинутых, чем амратцы (Baumgartel, 1965, 157). Эти объекты по меньшей мере говорили о контактах с Палестиной — контактах, которых в амратскую эпоху еще не существовало (Kantor, 1965, 7), и они внесли свой вклад в то, что можно назвать герзейской «мутацией». Можно отметить, что некоторые археологи, напротив, полагают, что вазы с волнистыми ручками сначала появились в Египте и что прототип этих сосудов был открыт в Меримде (Vandier, 1952, *ibid.*, по Junker, 1928, 18–19; Hertz, 1928, 68–83; Albright, 1931). Волнистые ручки, изобретенные в Египте, в таком случае попали в Палестину до того, как распространиться по Ближнему Востоку. Как бы то ни было, мы уже видели (выше, с. 147), что эти вазы обнаружены в Маади; их присутствие просто доказывает существование обмена между долиной Нила и сиро-палестинским коридором, а их число слишком незначительно, чтобы говорить о притоке азиатов.

Эти замечания о вазах с волнистыми ручками можно точно так же отнести и к вазам с носиком или «желобом» (Vandier, 1952, 305–306 и fig. 215), которые считаются заимствованием из Месопотамии (Kantor, 1965, 8), но и они также засвидетельствованы в Меримде (Vandier, 1952, 305, 146) и, таким образом, должны предшествовать азиатским.

Булава с навершием в форме усеченного конуса — характерное для Юга оружие, в то время как на Севере она имела грушевидное навершие (Vandier, 1952, 400; Sharff,

¹³ Слишком поздняя дата, как показывают многочисленные даты, недавно полученные «калиброванным» методом ¹⁴C (см. выше, с. 153).

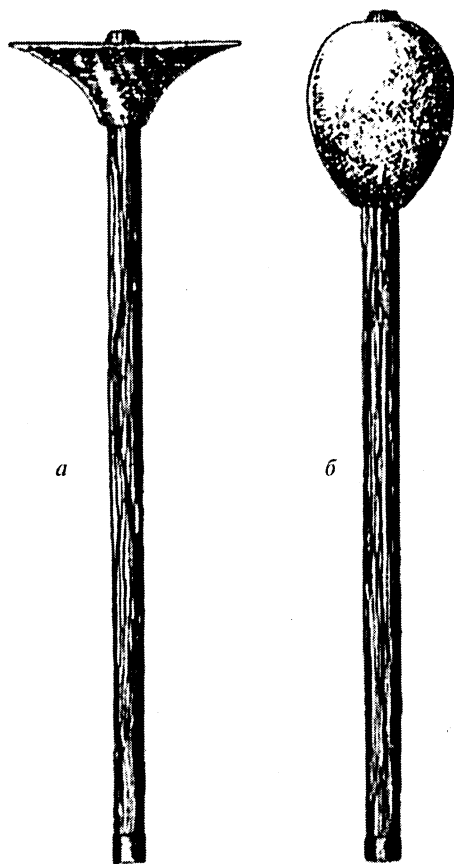

Рис. 17. Два типа палиц
в форме усеченного конуса (А) и грушевидная (В)

1926, 27–28 и fig. 17 ниже). Примерно 15 палиц с грушевидным навершием, вырезанных из таких камней, как базальт, диорит и других прочных вулканических скальных пород, и отполированных, были обнаружены в Меримде (Id., *ibid.*, 125). Многочисленные палицы с навершием в форме усеченного конуса, также сделанные из очень твердых пород, обнаружены на амратских памятниках (Petrie, 1921, pl. XXV). Эти данные, таким образом, подтверждают различие между Югом и Севером в отношении происхождения этих двух видов оружия.

Именно начиная с герзейского периода грушевидная палица (Petrie, *ibid.*, pl. XXVI) заменяет навершие в форме усеченного конуса в погребальном инвентаре. В этом факте видели доказательство или завоевания Юга Севером, или же азиатского влияния, поскольку грушевидная палица известна в Месопотамии с древнейших времен.

На самом деле это сложный вопрос. Грушевидная северная палица заменяет южную не внезапно, как если бы речь шла о внезапном изменении населения или же политической власти в результате завоевания или вторжения; эти два типа оружия фактически встречаются одновременно в начале герзейского периода (фаза IIa по Кайзеру: Kaiser,

1957, pl. 22; Vandier, 1952, 330). С другой стороны, азиатское происхождение этого оружия, хорошо известного в Меримде, точно не установлено (Vandier, *ibid.*, 125).

Камни, использовавшиеся для его изготовления, — те же самые, что и для каменных ваз, и тот факт, что все или почти все они встречаются в долине Нила или вблизи нее (Lucas-Harris, 1962, 406 и сл.), скорее говорит в пользу происхождения из Египта, если только речь не идет о случайном совпадении форм между нилотской и месопотамской культурной зонами.

Булава с навершием в форме усеченного конуса засвидетельствована в долине Нила так же давно, как и «нордическая» форма этого оружия. Ее находят в суданском неолите еще с середины V и вплоть до конца IV тысячелетия до н. э. — в Шахейнабе и Кадеро, как и в Кададе, где ее, как и в Египте, делают из вулканических пород камня, которые особенно трудно вырубать и полировать (ср. выше рис. 12–13); она также присутствует в V тысячелетии в Файюме (Krzyżaniak, 1977, 61 и pl. 8; ср. выше, рис. 9); и, наконец, в Маади (ср. выше, рис. 15). Тем не менее удивительно, что она не фигурирует в тасийском и бадарийском погребальном инвентаре, который имеет столько общего с суданским неолитом.

Если трудно увидеть в появлении грушевидной палицы в герзейский период доказательство какого бы то ни было вторжения — культурного или военного, с Севера или из Азии — в Верхний Египет, то ее присутствие, тем не менее, имеет огромную важность в качестве символа могущества, которое, как кажется, с ней связано (Hoffman, 1982a, 148). Открытие в очень большом амратском погребении в Иераконполе навершия палицы из порфира (Id., *ibid.*, 50 и pl. 1-8), как кажется, показывает, что тем же символизмом награждалась и амратская палица в форме усеченного конуса. Таким образом, в период перехода от амратской культуры к герзейской мы присутствуем при передаче символизма от одного предмета к другому. Важен не сам предмет как таковой, а символизм, который с ним связан. Такой переход, кроме того, говорит и о культурном континуитете между амратской и герзейской культурами, континуитет, с которым, наверное, связано и то, какие именно камни использовались для этого парадного оружия. Здесь уместно отметить, что фактически во время этих двух культурных фаз для изготовления палиц служит в основном вулканическая скальная порода и что их цвет и их исключительная твердость также должны были иметь смысл, магическую силу¹⁴; это была такая власть, что фараона будут изображать побивающим врагов той самой герзейской палицей начиная с архаической эпохи вплоть до греческих и римских императоров.

Чтобы еще резче подчеркнуть то, что отделяет герзейский период от амратского, противопоставляли декорированные вазы этой последней фазы (класс C по Питри = Vandier, 1952, 263–265) изделиям первой фазы. С многочисленными амратскими вазами с белым декором на красном фоне сопоставляли не менее многочисленные герзейские сосуды, украшенные красно-фиолетовыми фигурами на светлом фоне, и приходили к выводу, что вторые заменили первые в результате какой-то резкой перемены.

Реальность гораздо сложнее. Судя по всему, вазы с белым декором на красном фоне постепенно исчезли к SD 38 в ходе последней фазы амратской культуры, но керамика,

¹⁴ Другой твердый камень — кремнь — также обладал, как материал, символично-магическими свойствами (Midant-Reynes, 1981, 43).

декорированная красным на светлом фоне, появилась лишь очень постепенно в ходе двух первых фаз герзейской культуры. В ходе первой из этих фаз два типа керамики сосуществовали (Kaiser, 1957, pl. 22; Vandier, 1952, 330). С другой стороны, нельзя не подчеркнуть, что черноверхие красные вазы (класс В) и красные полированные (класс Р) гораздо более многочисленны, чем декорированная керамика классов С и D, и она переходит из амратского в герзейский период (см. выше, с. 153–154). Фактически, перед нами *эволюция* в области керамики, а не мутация, которую фактически можно объяснить только вторжением или завоеванием (Vandier, *ibid.*, 331–332).

Совсем не очевидно, что эволюция, существование которой мы только что засвидетельствовали, произошла под действием влияний из Дельты или внешних по отношению к Долине. Реальность северного «герзейского периода», который бы предшествовал SD 38–40, не опирается ни на какие археологические доказательства: она основана только на рассуждениях Зете и на том, что якобы существовало единое царство Севера, современное амратской культуре (Vandier, *ibid.*, 607). Принимая это во внимание, эта эволюция, реальная по меньшей мере в области расписной керамики, должна быть объяснена, если не принять априори, что она является результатом «культурного» вторжения с Юга на Север.

Независимо от стиля, который наблюдается в трактовке декоративных тем — стиля, который сложно различить и который часто бывает предметом субъективных суждений¹⁵, — различие между декорированной амратской керамикой и герзейской касается сырья и техники, используемой для ее изготовления, как и формы и мотивов, выбранных для декора. Амратская керамика — декорированная или нет — изготавливалась из глины, приготовленной на основе нильского ила, в то время как герзейцы для декорированной керамики пользовались ископаемой глиной, которую добывали у входа в пустыню.

Что касается техники, в амратский период «белая или желтоватая роспись накладывалась на красный ангоб (*slip*), в то время как в герзейском — красно-фиолетовая роспись наносилась непосредственно на стенки сосуда» (Vandier, 1952, 329).

Наконец, различались и формы, поскольку можно выделить больше десятка моделей амратских ваз с декором (Vandier, 1952, 262–263, fig. 165–167), в то время как герзейских насчитывается лишь три (Id., *ibid.*, 332–333, fig. 228).

Тем не менее, прежде всего мотивы, выбранные горшечниками, отличают амратские вазы от герзейских. Так, чисто геометрический декор, столь частый в амратской культуре, не использовался в герзейской в чистом виде, кроме как для черных ваз с насечным белым орнаментом (класс N, см. Vandier, 1952, 302–303), *Ritzverzierte Ware* В. Кайзера, в большом количестве встречающаяся в герзейском слое Арманта (Kaiser, 1957, pl. 25; Myers, 1937, 267, pl. XX, 3–4).

Стиль здесь сильно отличается: угловатый в амратском, с перемежающимися V и M, насечками и мотивом «рыбьего хребта»; в герзейском он более гибок, с S-образным узором, изгибами, волнами, спиралями; в обоих мы находим растительные мотивы, прежде всего деревья, животных, человеческие персонажи и сложные сцены, где объединяются все эти различные элементы.

¹⁵ Так, отделяли «абстрактный» герзейский стиль от «реалистического» амратского (Vandier, 1952, 330; он опирается на Шарфа, для которого амратское искусство было «графическим», в то время как герзейское — «живописным»).

Следует отметить наличие в амратской культуре изображений самых разнообразных животных, прежде всего диких: гиппопотамов, крокодилов, слонов, жирафов, диких быков, муфлонов, диких козлов, ориксов, кабанов, ящериц, скорпионов, водных черепах, рыб, в то время как изображения домашних животных — коров, ослов, коз и собак — намного более редки. Напротив, в герзейском животном репертуаре наблюдается подавляющее преобладание домашних животных, особенно коз, и среди диких животных часто встречается только газель, которую к тому же нередко трудно отличить от коз. Можно также отметить, что птицы, фламинго и, возможно, страусы, редкие в амратский период, становятся излюбленным сюжетом герзейских ремесленников. Наконец, два мотива являются общими для той и другой культуры: вода в виде протянутой линии, волнистой или угловатой, и гора, которую символизируют ряды соединенных друг с другом треугольников.

Группировка мотивов меняется с одной фазы на другую. Амратская керамика представляет сложные, умело скомпонованные сцены; герзейский декор расположен беспорядочно со всех сторон главных мотивов, которые занимают самое большое место.

Декоративные элементы герзейского периода распределяются вокруг тем, среди которых лодка¹⁶ занимает одно из главных мест, в то время как в амратском репертуаре она редкость. Герзейская ладья чаще всего имеет изогнутую форму с поднятыми кормой и носом (рис. 18*b*), форма, которой она обязана папирусным лодкам, послужившим для нее основой. Чаще всего в ней есть две центральных каюты, разделенные широким пространством; из кают одна иногда снабжена «штандартом»; некоторые из этих штандартов можно сопоставить со штандартами номов исторической эпохи (Vandier, 1952, 340–341). Среди различных мотивов, сопровождающих ладью, нередко можно заметить женские фигуры с руками, поднятыми над головой; чаще всего они независимы от лодки, находятся над нею или под ней, но они могут быть и связаны с нею и иногда находиться на крыше каюты. Эти фигурки исполняют танец; они напоминают амратские рельефы, где мы видим те же жесты руками, как и похожие изображения на декорированных амратских вазах (Kantor, 1944, 117, fig. 6).

Сюжет ладьи мы находим также в амратском периоде: это папирусная барка с каютой, как и в герзейскую эпоху, или, реже, лодка с вертикальной кормой или носом (ср. рис. 18*a*). В амратское время она всегда связана с охотой и рыболовством, особенно на гиппопотама и крокодила, но никогда с танцами, которые показаны отдельно. Здесь мы касаемся фундаментального различия между амратским и герзейским декором. Для амратцев их деятельность разворачивалась отчасти вне долины — в горах, где изобиловала всевозможная дичь, и, с другой стороны — вблизи природных ресурсов Нила: диких растений, рыбы и водной фауны. Герзейские вазы, напротив, говорят о деятельности, сосредоточенной вокруг реки с лодками и растительностью, которая ее окаймляет, пальмами или алоэ, или же (что выглядит более правдоподобно) каким-то видом бананового дерева¹⁷.

¹⁶ Несмотря на статью Ж. Монне-Сале (J. Monnet-Saleh, 1983), не следует возобновлять давно решенный спор (Vandier, 1952, 336–339). Речь идет действительно о ладьях, а не о якобы «храмах на сваях» или «страусиных фермах». См. по последнему вопросу итоговую работу Yakhii, 1985.

¹⁷ Традиционно растение, которое чаще всего изображалось на герзейских вазах, считают алоэ (Vandier, 1952, 334–336), хотя иногда предлагали видеть в нем пальму (Butzer, 1976, 13, п. 2, процитировано у Midant-Reynes, 1987, 24, п. 5: она напоминает, что в додинастических могилах были

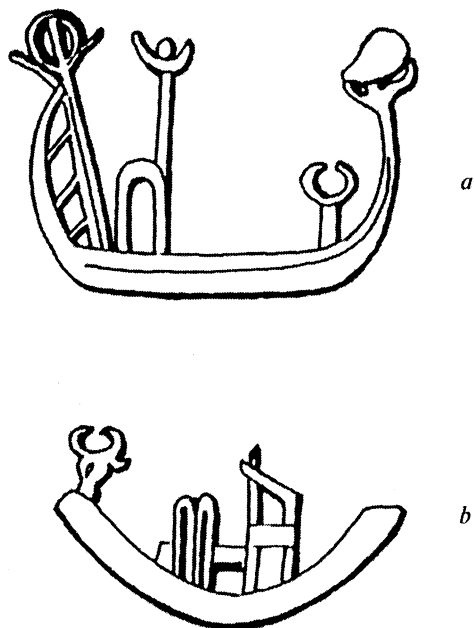

Рис. 18. Два вида египетских лодок

Эти различия в адаптированных сюжетах соответствуют длительной продолжительности времени, несомненно, многим векам, которые отделяют друг от друга горшечников этих двух культурных фаз. Амратские сцены охоты и рыбалки — именно те, что можно ожидать от населения, жившего в начале IV тысячелетия до н. э. во время относительно влажной климатической фазы. В герзейский период они естественным образом уступают место сценам, которые разворачиваются только в Долине около 3400 года до н. э., когда вернулась сушь.

Тем не менее родство, объединяющее обе фазы в других областях, прежде всего в области недекорированной керамики, проявляется и в изображении ритуальных танцев. Эти танцы, несмотря на разницу в стиле, показывают те же самые позы и те же жесты.

Гробница с росписями, открытая в 1899 году в Иераконполе, древнейшая гробница с росписью в долине Нила, привлекала внимание как археологов, так и египтологов (см. в числе других: Kantor, 1944, 111–119; Vandier, 1952, I, 561–569). Заметки ее «первооткрывателя» Ф. У. Грина были вновь обнаружены, и в Иераконполе возобновились исследования, так что погребение недавно стало объектом новых работ (Crowfoot-Payne, 1962 и 1973; Kemp, 1973; Kaiser и Dreyer, 1982; Burleigh, 1983). Ее определение как «гробницы» оспаривалось; предлагали видеть в ней или подземный дом, или

найлены зерна фиников). Фактически, речь идет об энсете, или абиссинском банане (*Ensete ventricosum*), ср. Bruck-Zoller, 1989.

святилище (Brunton, 1932, 272; Kantor, 1944, 112), однако присутствие погребального инвентаря, хотя и сильно разграбленного, как и костей, не позволяют сомневаться в том, что речь идет именно о погребении (Kaiser, 1958, 187–192 и п. 2).

Погребение 100 в Иераконполе прямоугольно; оно ориентировано в общем и целом на юго-восток/северо-запад. Стены из сырых кирпичей были обмазаны слоем стукко из нильского ила, покрытого светлой желтой краской. На этом фоне разворачивались росписи — сегодня уничтоженные, за исключением нескольких фрагментов — росписи, которые не могут не напомнить современные им герзейские вазы.

На этих росписях мы видим прежде всего шесть больших ладей: пять белых обычной изогнутой формы (ср. рис. 18*b* выше) и шестую — черную с вертикальным носом (см. рис. 18*a*); ни на одной из них нет весел, кроме того, что служит рулем. Возможно, художник хотел обозначить, что они стоят на якоре, если судить по черной черте (швартовочный трос?), который отходит от края четырех из них. Вокруг ладей со всех сторон изображены животные и люди, сгруппированные в небольшие, очень живые сценки, среди которых можно заметить: человека, который нападает на льва; другого, убивающего трех людей, сидящих перед ним на корточках; пять газелей, попавших в круглую ловушку; человека, который укрощает двух львов; четырех вооруженных людей — кто с палицей, кто со щитом — которые сражаются два на два; группу из лежащих животных: трех козерогов и одного орикса, особенно хорошо заметных; двух танцовщиц (?), одетых в длинные белые набедренные повязки, с вытянутыми в стороны руками; охотника и двух собак, которые воюют с каменными баранами; еще один охотник накидывает лассо на дикого быка; наконец, стадо животных (к несчастью, в очень плохом состоянии): здесь и дикий бык, и ориксы, и, судя по всему, дикие ослы.

Если попытаться приписать художнику из Иераконполя желание нарисовать нечто связанное (желание, безусловно, чуждое герзейцам IV тысячелетия до н. э.), то можно попытаться увидеть в его работе, несмотря на беспорядочную композицию, изображение охотничьей экспедиции: ладьи привезли охотников на «место работы» и, стоя на якоре, ждут их возвращения. В ходе охоты члены экспедиции наткнулись на враждебную группировку или просто стали конкурировать друг с другом и уничтожили врага, откуда и сцены борьбы и истребления пленников — сцены, с другой стороны, менее многочисленные, чем те, что связаны с дикой фауной и ловлей зверей. До начала охоты или в ходе ее исполняются ритуальные танцы, дабы обеспечить успех. Даже если этот анализ слишком соответствует нашей потребности в логике, чтобы быть правдоподобным, тем не менее остается признать, что (если вычесть ладьи) охота является преобладающей темой композиции и напоминает росписи амратских ваз, хотя стиль и является, несомненно, герзейским. Этот факт не ускользнул от внимания некоторых египтологов (Baumgartel, 1965, 35–36), откуда и важность даты, к которой относится эта гробница.

Если верить Питри, то декорированная гробница в Иераконполе датируется *SD* 63 (фаза III по Кайзеру, около 3200 до н. э.); таким образом, она является более поздней, чем классический герзейский период, и отчасти современна ножу из Гебель эль-Арака, с которым зачастую ее связывают: нож нередко датируется *SD* 60 (Vandier, 1952, 533). Недавние исследования чаще всего относят гробницу 100 в Иераконполе к первой половине герзейского периода (фаза II*b*-с по Кайзеру), около 3350 года до н. э. (см. ниже, с. 179 по поводу датировки ножа из Гебель эль-Арака).

Это удревнение во времени — по крайней мере на полтора столетия — гробницы в Иераконполе имеет большое значение. Фактически, отчасти на ее росписях основывается тезис о месопотамском влиянии на зарождающуюся фараоновскую цивилизацию, и два элемента, которые в связи с этим чаще всего вспоминают — это, с одной стороны, присутствие в Египте ладей с вертикальным носом, и, с другой стороны, сюжет с человеком, укрощающим двух диких зверей, окружающих его, — и оба этих мотива фигурируют в гробнице 100. Если принять их месопотамское происхождение, то следует признать, что это влияние восходит к первой половине, а не концу IV тысячелетия до н. э. Что бы там ни писали раньше, черная ладья с вертикальным носом и каютой со сводчатой крышей с росписи в Иераконполе столь же «египетская», как и тип с изогнутым корпусом. Он присутствует в долине Нила уже в амратскую эпоху (Vandier, 1952, 280; Helck, 1971, 7); таким образом, его нельзя приводить как доказательство какого бы то ни было внешнего влияния в Египте¹⁸.

Тема, которую зачастую называют «Хозяин зверей», как обычно считается, имеет азиатское происхождение, и, в частности, происходит из Месопотамии, где Египет ее якобы и заимствовал (Vandier, 1952, 534, 552 и 562; Kantor, 1944, 122; Id., 1965, 10 и fig. 3. 48; Frankfort, 1951, Appendix). Действительно, «Владыка зверей» на рукоятке ножа из Гебель эль-Арака (Vandier, 1952, 535, fig. 358) напоминает азиатского «Гильгамеша» как своей прической, так и одеждой, но на картине из Иераконполя человек, хватающий двух зверей, показан иначе: это египтянин, у него нет прически, нет одежды, за исключением чехла для половых органов. Ничто не отличает его от других охотников на этой композиции. Итак, следует признать, что египтяне или с начала IV тысячелетия до н. э. заимствовали этот сюжет из Месопотамии и ассимилировали его, и тогда непонятно, почему его трактовали «по-азиатски», если можно так сказать, на рукоятке ножа из Гебель эль-Арака; или же что мы просто наблюдаем феномен конвергенции: один и тот же сюжет появился одновременно в Египте и в Азии, и заимствования из одной области в другую не было. Эта последняя гипотеза, как кажется, подтверждается существованием двух других примеров использования того же мотива в Египте: один из них — на пластинке из слоновой кости из Иераконполя, другой — отметка горшечника на вазе из Накады (Vandier, 1952, 552, fig. 370, p. 551 и *ibid.*, 552, и fig. 360, p. 539); в этих двух случаях так называемый «Владыка зверей» — египтянин¹⁹.

Так, после рассмотрения четырех аргументов, выдвинутых в пользу северного, или азиатского, происхождения герзейской культуры: вазы с волнистыми ручками, палицы

¹⁸ Хоффман (Hoffman, 1980, 342) справедливо пишет: «Нет никаких оснований считать ладьи с высокой кормой неегипетскими». Это мнение основывается на двух наблюдениях: с одной стороны, оба типа лодок всегда существовали в египетской доистории с самой древней эпохи, и, с другой стороны, мы находим их на наскальных рисунках при реках, впадавших в Нил, как в западной, так и в Восточной пустыне, но никогда — вблизи Красного моря (Hoffman, *ibid.*, 245).

¹⁹ На пластинке из слоновой кости из Иераконполя «человек, укрощающий зверей, держит двух фантастических „пантер“ за непомерно вытянутую шею» (Vandier, 1952, 552) — сюжет, который мы находим в историческую эпоху в иероглифическом написании города Кус (Cusae) в Верхнем Египте (Gardiner, AEO, II, 77*), и Вандье весьма справедливо указывает в связи с пластинкой из Иераконполя на магические жезлы Среднего царства, на которых был крылатый грифон — другой сюжет, якобы заимствованный из Месопотамии (Kantor, 1964, 10 и fig. 3, p. 49). Все, видимо, происходило так, как если бы некоторые «темы», похожие на месопотамские, фактически появлялись в египетском репертуаре магических изображений и оставались традиционными начиная с до- и протонисторического периода вплоть до Среднего царства и далее.

с грушевидным навершием, ладьи с вертикальной кормой, сюжет с героем, покоряющим диких зверей, лишь первый — заимствование некоторых видов ваз из Палестины — кажется действенным; три остальных следует отбросить. Как убедительно сформулировал археолог — специалист по Ближнему Востоку, «не было найдено ни клочка новых данных», которые бы доказывали существование связей между Азией и Египтом в додинастический период, хотя наши знания в области археологии Палестины и Иордании — ближайших соседей Египта — значительно возросли в ходе 20 последних лет (Mellaart, 1965, 161). Это убеждение, которое подтверждается для раннего додинастического периода, действительно и для классического герзейского.

По сравнению с редкостью и двусмысленностью доказательств, которые приводят в пользу внешнего происхождения герзейской культуры Верхнего Египта, ее прямая преемственность по отношению к амратской культуре кажется очевидной (см. выше, с. 154–157): та же самая бытовая керамика, те же символические предметы, ритуальные или магические, палицы, раздвоенные ножи (*песешкеф*), палетки, гребни и т. п. Только декорированная керамика действительно отличается, и эта разница, как мы уже видели, объясняется эволюцией в условиях жизни, а также тем фактом, что в герзейскую эпоху декорированные вазы стали продуктом специализированных мастерских, которые использовали и передавали одни и те же декоративные или символические сюжеты. В обеих культурах декорированная керамика принадлежит прежде всего к области погребального культа и играет роль, которая намного позже будет принадлежать рисункам в мастабах: обеспечить умершему продолжение той деятельности, которую он вел на земле — охоты и рыболовства в амратскую эпоху, жизни в долине — в герзейскую. В этой последней области трудно не заметить параллель между ладейным сюжетом и присутствием моделей барок в погребальном инвентаре архаической эпохи, где, кроме того, настоящие ладьи погребали в то же время вблизи гробниц (Emery, 1961, 68 и 131; Saad, 1968, 74–75 и pl. 102–108). Герзейская культура, наследница амратской²⁰, таким образом, развила одну из характерных черт заупокойного культа фараоновской эпохи: дать умершему средство перемещаться по Нилу — как для потребностей повседневной жизни, так и для совершения паломничества к святым местам.

Эта не единственная культурная черта амратского и герзейского периодов, которая предвосхищает фараоновскую цивилизацию. Если, как полагают лингвисты (Trigger, 1983, 11), обитатели долины Нила уже говорили на том же языке, что и «исторические» египтяне, то именно в конце амратского и в ходе герзейского периодов начала выкристаллизовываться, если можно так выразиться, иероглифическая письменность. На амратской вазе фигурирует в виде налепа уже настоящий иероглиф (см. выше, с. 114) и, возможно, в ту же самую эпоху изображение палицы в форме усеченного конуса начинает иметь фонетическое значение, которое оно получит в иероглифической системе (см. выше, с. 117). Процесс продолжался в герзейскую эпоху; самый характерный пример — это символ бога Мина (Gardiner, Gramm., R. 22 и 23, p. 546), который также встречается в качестве штандарта на ладьях, как и в виде рельефа на герзейских па-

²⁰ Наряду с ладьями, изображавшимися на амратских вазах (Vandier, 1952, 278–279), мы также находим в погребальном инвентаре той же самой культурной фазы уменьшенные рельефные модели барок (Krzyżaniak, 123 и pl. 33, n°s 13–15, p. 114).

летках (Vandier, 1952, 377–378 и fig. 254). Точно так же в ту же самую эпоху изображение кремневого ножа классической додинастической формы (Gardiner, *ibid.*, p. 546, T. 30) должно было приобрести двойное значение — фонетическое и полуидеографическое, чтобы обозначать одновременно *нож* и *кремь*, из которого он делался (Midant-Reynes, 1981, 40–43); и точно так же изображение грушевидной палицы служило для обозначения самого предмета и для выражения действия «ударять, уничтожать» (Gardiner, *ibid.*, p. 546, T. 2 и T. 3).

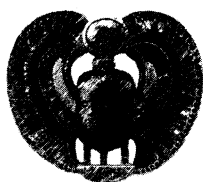
У истоков иероглифической системы стоит простой рисунок (см. выше, с. 81), и поэтому недавно справедливо начали обращать внимание на додинастические вазы и черепки, на которых есть изображения предметов, животных или человеческих существ (Hoffman, 1982, 148). Несомненно, они служили для передачи сообщений или идей, такие как красная корона на амратской вазе или же символ бога Мина на герзейской палетке. Как и те, они являлись настоящими иероглифическими знаками: это свидетельство медленной выработки чисто нильской системы письма. Точно так же в течение герзейского периода установились правила египетского рисунка и появились некоторые излюбленные сюжеты, как можно видеть на живописных сценах в Иераконполе, где, в частности, представлено человеческое тело с головой и ногами в профиль и с торсом анфас; «линия почвы» обозначена под лежащими газелями (Kantor, 1944, 114), а также сюжет об истреблении коленопреклоненных врагов ударами палицы.

Если нам и трудно понять религию герзейцев по археологическим источникам (единственными, которыми мы располагаем), следует отметить, что забота, с которой погребали некоторых животных — крупный рогатый скот, собак, коз, баранов, газелей, — напоминает одну из самых характерных черт египетской религии в историческую эпоху: культ священных животных и животные формы божеств египетского пантеона. Забота, с которой хоронили некоторых животных, восходит к бадарийской эпохе (Vandier, 1952, 197), продолжается в амратскую (Krzyżaniak, 1977, 122), в герзейскую (*ibid.*, 164) и в протодинастический период (Hoffman, 1982, 55–56). Она могла доходить до того, что погребения животных снабжались погребальным инвентарем, как у людей (Vandier, 1952, 496, n. 4; Rizkana, 1967, 393). Вспомним также о существовании божества с человеческим лицом и рогами коровы, которое предстает перед нами уже на амратской вазе с рельефными изображениями (Vandier, 1952, 288–289) и которое мы вновь находим на каменной вазе в архаическую эпоху (Arkell, 1958, 5) на палетке из Герзы (Asselberghs, 1961, fig. 118) и на палетке Нармера, доказывая, таким образом, что культ богини Хатор или Бат (Fischer, 1962, 11–15) зародился еще в додинастическую эпоху. То же самое, несомненно, можно сказать и о культе бога Мина из Коптоса, если судить по символу, хорошо засвидетельствованному в герзейской иконографии, даже если трудно увидеть его архетип в итифаллических амратских статуэтках (Krzyżaniak, 1977, 121)²¹.

²¹ Начиная с амратского периода, но прежде всего в герзейском, памятники раннего и позднего додинастического периодов особенно многочисленны между Абидосом и Накадой, в бассейне Нила между эль-Махасной на севере и Гебелейном на юге (см. выше, с. 120 и карту V на с. 145). Иераконполь немного выбивается из этого ряда, но он также принадлежит к этому огромному, легко возделываемому естественному бассейну, который будет стоять у истоков политической мощи Фив.

Можно видеть продолжающуюся эволюцию прямоугольной гробницы. Погребальный инвентарь становится более обильным, место, отведенное для него, увеличивается, и зачастую бывает отделено от того места, где находится мертвое тело. Кирпичи, использовавшиеся до этого для очагов и домов, употребляются и для сооружения стен гробниц (см. выше о декорированной гробнице в Иераконполе на с. 167–169). Также мы видим, как мало-помалу возникает типичная частная гробница архаической эпохи (Reisner, 1936, 75 и сл.). Невозможно понять, какую роль играли в заупокойном ритуале такие предметы, как палетки, ножи, каменные вазы, навершия палиц. Были ли они просто символами социального статуса умершего или же их клали вместе с ним из-за их магической силы? Следует отметить, что один из этих предметов — раздвоенный нож (*песешкеф*), как амратский, так и герзейский, и в историческую эпоху останется одним из ритуальных инструментов, необходимых для церемонии «отверзания уст», которую осуществляли с мумией перед ее размещением в гробнице.

Письмо и религия фараоновской эпохи по меньшей мере зародились в ходе додинастического периода. Если их разработка и ускорила в классический герзейский период, корни их лежат в культурах, существовавших задолго до 3500 года до н. э., и точно так же выявлено их чисто нильское и даже «фиванское» происхождение, что показывает, насколько искусственным является традиционное разделение амратской и герзейской культур, хотя такое разделение и облегчает историкам изложение фактов.

Глава IV.
ТЕМНЫЕ ВЕКА II.
ОК. 3200–2700 ГОДА
ДО Н. Э.

ПРОТОДИНАСТИЧЕСКИЙ
ИЛИ ПОЗДНЕГЕРЗЕЙСКИЙ
ПЕРИОД
(ПОЗДНЕГЕРЗЕЙСКИЙ =
НАКАДА III = СЕМАЙНСКИЙ):
SD 50–80

Если разделение амратского и герзейского периодов можно назвать достаточно произвольным, то это еще более верно относительно границы между классическим герзейским и протодинастическим, или новогерзейским, периодами. Однако мы сохраняем это разделение как ради удобства, так и из-за огромного археологического богатства этого периода, продолжавшегося около столетия (примерно в 3200–3100 годах до н. э.), и прежде всего потому, что этот период составляет своего рода пролог к истории Египта, которая по традиции начинается с царствования первого царя I династии, Менеса.

Для характеристики протодинастического периода достаточно трех признаков (это фазы IIIa1, a2 и IIIb по Kaiser, 1977, pl. 24 = SD 60/63–80; id., 1956, 109). Это был период урбанизации (Kemp, 1977); вероятно, создания и — в любом

случае — быстрого развития социальных, а может быть, и экономических институтов (Trigger, 1983, 32); и, наконец, распространения единой культуры — культуры Верхнего Египта — на весь Египет на юге до первого порога Нила и до самого Средиземноморья.

В повседневной жизни египтян протодинастического периода существенных изменений не произошло. Она, как и у их предков, основывалась на сельском хозяйстве и животноводстве (крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи). Крестьянская жизнь по-прежнему была связана с ежегодным разливом Нила, хотя примерно в 3200 году до н. э. началась фаза сравнительно более слабых, чем раньше, разливов (Hoffman *et al.*, 1987, 10 и fig. 5). Хотя сравнительное уменьшение паводков компенсировалось возвращением менее засушливого климата (*id.*, *ibid.*), установлено, что в это время небольшие поселения вдоль вадии или на господствовавших над равниной высотах, появившиеся в классическую герзейскую эпоху, были заброшены ради более обширных поселений, располагавшихся в низинах и на холмах наносной долины. Небольшая влажность в любом случае благоприятствовала скотоводству (если не сельскому хозяйству), и, возможно, именно этот фактор объясняет экономическое процветание протодинастического периода, которое проявилось в увеличении количества погребальных даров.

Скорее всего, именно в протодинастическом периоде в Верхнем Египте появились первые большие населенные пункты (укрепленные или нет) — Абидос (Тинис), Омбос (Накада-Нубет), Коптос, Нехеб (Эль-Каб), Нехен (Иераконполь) и, возможно, Армант, Эдфу и Элефантина (Kemp, 1977, 1989–192, 197–198). Именно в этих поселениях, предшественниках городов исторической эпохи, жили ремесленники, которые, судя по количеству и качеству их продукции, становились все более и более умелыми и многочисленными — среди прочего, они производили керамику, каменные вазы и палетки. Эта деятельность ремесленников, которую можно назвать почти индустриальной, говорит о далеко зашедшей социальной стратификации общества и о разделении труда: она свидетельствует о существовании по меньшей мере в зародыше государственной организации с руководящей элитой и исполнителями — крестьянами и ремесленниками. Социальная стратификация отражается в некрополях, располагавшихся рядом с новыми крупными поселениями, где наиболее значительные по своим размерам и богатству погребения иногда располагаются в стороне от остальных — как, например, кладбище Т в Накаде и Иераконполе (Kemp, 1973). Весьма соблазнительно было бы приписать эти погребения первым царям Египта, уже объединенного культурно — а может быть, и политически — с севера до юга Долины (Kaiser, 1958, 114, 191; Trigger, 1983, 46).

Мастерство ремесленников протодинастического периода проявляется в погребальном инвентаре, традиционные элементы которого — вазы, оружие и другие предметы, — как своей формой и материалом, так и декором представляют собой настоящие произведения искусства. Само их качество зачастую затрудняет датировку. В начале XX века за ними гонялись музеи и коллекционеры, и эти вещи стали предметом оживленной торговли. Зачастую они получены в ходе подпольных раскопок: место находки точно не известно, а датировка колеблется между протодинастической и архаической эпохой. Это свидетельствует о культурном континуитете между предысторией и историей в долине Нила.

Каменные вазы могут служить примером совершенства техники ремесленников. Цилиндрические вазы с ножкой амратского и начала герзейского периода (Kaiser, 1957,

pl. 21, St. Ib-c и pl. 22, St. IIa-b) уже говорят о мастерстве египетских камнерезов, хотя из материалов тогда использовались практически только алебастр и базальт. С началом герзейского и протодинастического периода используется больше разных камней и среди них — самые твердые породы: брекчия, гранит, кристаллический сланец и известняк, мрамор, порфир, диорит и даже аметист, другие породы вулканического происхождения. Этот факт также говорит об активном внутреннем обмене между гористыми областями, зачастую удаленными от Нила, где находились карьеры, и наносной долиной, где располагались мастерские ремесленников. Стало больше различного сырья, но развивались и формы изделий: если в ходе герзейского периода исчезли длинные вазы с ножками, то цилиндрические вазы, известные уже с бадарийского времени, становятся все более многочисленными; появляются новые формы, которые можно разделить на имеющие форму «сердечка» или бочонка, с одной стороны, и, с другой стороны — более или менее сплюснутые сферические (Vandier, 1952, 365–370, fig. 250). Эти каменные вазы, зачастую снабженные трубчатыми ручками, имитировались в глине, и их первые орнаменты в начале герзейского периода представляют собой попытку подражать расцветке камня с помощью цветных пятен (Kaiser, 1957, pl. 22, St. IIb, 23, St. IIc в том числе; Petrie, 1920, p. 16). Такие подражания показывают, как важны были каменные вазы для египтян протодинастического периода. Они также заставляют подозревать, что такие вазы обладали символическим значением как из-за своей формы, так и в зависимости от материала. В архаическую эпоху и вплоть до Древнего царства их число все продолжает расти (Vandier, 1952, 782–787); в кладовых при пирамиде Джосера в Саккара они насчитываются уже десятками тысяч (Id., *ibid.*, 898; Lauer, 1977, 96–97).

В погребальном инвентаре протодинастического периода каменные вазы, судя по всему, заменили глиняные с сюжетным темно-красным декором на светлом фоне, прежде всего те, где изображались ладьи. Вазы этой категории (см.: Vandier, 1952, 329–356, и выше, с. 156) исчезают примерно к SD 63 (около 3200 года до н. э.), за исключением ваз с простым орнаментом и тех, которые копируют каменные вазы: эти разновидности сохраняются вплоть до архаической эпохи (Kaiser, 1957, pl. 24). Тем не менее, исчезновение в протодинастический период расписных vaz и снижение количества каменных, заметное в большинстве гробниц этого времени, приписывают укреплению социальной иерархии: только представители элиты тогда могли располагать существенным погребальным инвентарем. В результате в небольшом количестве гробниц растет число ценных предметов и в то же время в большей части некрополей наблюдается снижение качества и количества погребальных даров (Needler, 1984, 203, 239).

Ремесленники протодинастической эпохи не только вырезали каменные сосуды, но и делали другие предметы помимо посуды: ножи, изготовленные в технике отжимной ретуши, и их рукоятки, ложки и другие предметы из слоновой и обычной кости, палетки из шифера. Декор этих разнообразных предметов говорит о мастерстве резчиков и скульпторов, которые работали в крупных поселениях. Они утвердили основы египетского искусства, которому было суждено непрерывное развитие, так что невозможно увидеть ни малейшего разрыва с начала политического объединения долины Нила во время исторической I династии примерно в 3100 году до н. э. (ср. W. S. Smith, 1949, 1–12, 110–130). Если исходить только из эстетических критериев, то невозможно

отличить орнаментированный предмет протодинастической эпохи от аналогичного предмета архаической эпохи.

Среди наиболее интересных предметов погребального инвентаря нужно выделить кремневые ножи с орнаментированными рукоятками. По материалу они египетские: лезвие — светло-желтый кремнь из Верхнего Египта, рукоятка — гиппопотамовая или слоновая кость. Изображения на них тоже египетские: изображения животных, господствующий сюжет, напоминающий о характерной африканской фауне; прежде всего это жирафы и слоны.

Если говорить о лезвиях, то для них характерен способ изготовления техникой отжимной ретуши после полировки (англ. *ripple-flake*, сокращенно *RF*) и она восходит к неолиту долины Нила. С несколько меньшим мастерством она использовалась и в Верхнем Египте амратского периода для ножей в форме рыбьего хвоста (*песеишеф*) и «ромбических» ножей (Midant-Reynes, 1987, 189). Такие ножи восхитительной работы встречаются редко. Точно известно происхождение только 50 таких ножей, что, конечно, очень мало для 15 000 исследованных гробниц (Id., *ibid.*, 193; Castillos, 1982, 29). Этот тип оружия преимущественно встречается в погребениях; очень редки ножи или фрагменты ножей в жилых поселениях. Они известны в течение ограниченного периода — с 3500 до 3300 года до н. э. (St. IIc и IId1 по Kaiser; Midant-Reynes, 1987, 212); в начале протодинастического периода (St. III по Kaiser) и может быть, даже раньше, они исчезают — примерно в то же время, что и керамика с росписью на светлом фоне (см. выше, с. 157).

Декорированные рукоятки кремневых ножей, изготовленные в технике отжимной ретуши после полировки, еще более редки, чем лезвия. Их известно всего около дюжины; среди них некоторые представляют собой лишь фрагменты, слишком маленькие, чтобы реконструировать декор. Среди семи рукояток, которые дошли до нас в сравнительно хорошем состоянии, только одна была найдена при раскопках; шесть других были куплены и их происхождение и датировка неизвестны.

На пяти хорошо сохранившихся рукоятках основной элемент декора составляют животные. На трех животные изображены длинными идущими друг над другом рядами; на той, что сохранилась лучше всего (она была обнаружена в гробнице в Абу Зайдане близ Эдфу), показаны 227 животных. Все они водятся в Северо-Восточной Африке. Среди этой фауны можно заметить четыре вида птиц, 14 — млекопитающих, два — змей и рыб; животные изображены резчиком-скульптором с таким искусством, что, несмотря на крошечные размеры, все они были идентифицированы биологами (Churcher в: Needler, 1984, 153–168). Те же самые звери показаны на рукоятке так называемого «ножа Карнарвона», который хранится в Нью-Йорке (Vandier, 1952, 540–542, fig. 361–362), и на ноже из музея Питта-Риверса (Id., *ibid.*, 542–544, fig. 363). Изобразительный сюжет в виде шествующих животных присутствует на других египетских изделиях из слоновой кости, как протодинастической, так и архаической эпохи: гребнях, ложках и разных других предметах (Id., *ibid.* 544–560).

Господствующим изобразительным сюжетом на двух других кинжалах также является фауна. Нож из Гебель Тарифа отличается от двух предыдущих материалом, из которого изготовлена рукоятка, и отсутствием на лезвии «стержня». Рукоятка сделана из двух листков золота, соединенных золотой проволокой, которыми обложен округлый конец лезвия (Quibell, 1905, n° 14265, 237–238 и pl. 49). На одной стороне изображена вереница идущих животных — одни «двигаются» справа налево, другие слева направо,

образуя непрерывную цепь, развернутую в четырех находящихся друг над другом рядах. В этой цепи хищники (лев, леопард, зверь из семейства собачьих) нападают на животное, которое идет перед ними (газель, антилопу), в то время как в «процессиях», упомянутых выше, звери мирно следуют друг за другом. Здесь ряд заканчивается фантастическим животным — это что-то вроде крылатого грифона, который следует за ориксом; на свободных местах между регистрами высечены розетки. На другой стороне рукоятки представлены две переплетенные змеи, и здесь в промежутках между извивающимися рептилиями изображены розетки.

Тема переплетающихся змей отражена также на рукоятке ножа, которая хранится в Университетском колледже в Лондоне (Vandier, 1952, 549, fig. 368; Asselberghs, 1961, fig. 49–50). Как и на ноже из Гебель Тарифа, розетки заполняют пустоты, оставшиеся между извивами змеиных тел; такие розетки мы снова встретим и в историческую эпоху. На другой стороне лондонской рукоятки показана обычная «процессия» зверей.

На двух последних рукоятках ножей, которые дошли до нас благодаря случайности, основной сюжет — изображения людей, а животные занимают всего лишь вспомогательное место. Эти человеческие фигуры связаны с изображениями в гробнице с росписями в Иераконполе (около 3350 года до н. э., см. ниже, с. 167–169) и сценами на вотивных палетках конца протодинастического периода, примерно в 3150 году до н. э., что придает этим двум рукояткам огромное значение.

Наряду с «ножом Карнарвона», музей Метрополитен в Нью-Йорке владеет вторым ножом в технике *RF* (Hayes, 1947, 220–223 и Id., 1953, 28, fig. 21). Лезвие, все еще закрепленное в рукоятке, разбито, и сама рукоятка в очень плохом состоянии. В том, что осталось от декора, сверху можно увидеть процессию идущих бородатых людей, повернутую налево; они несут на плечах загнутые палицы и опираются на посохи; люди направляются к прямоугольному зданию — дворцу или святилищу. Центральная часть рукоятки не сохранилась; однако рядом с нижним краем видны изображения семи сидящих персонажей, также обращенных налево; перед ними в полный рост показан человек, идущий к зданию в верхнем регистре. Эти изображения напоминают росписи из Иераконполя с такими же бородатыми людьми, несущими загнутые посохи; скорее всего, это пастушеский посох, который в будущем станет атрибутом Осириса и царствующего фараона (Newberry, 1929, 84–94). В сценах, изображенных на нью-йоркском ноже, предлагали видеть воспоминание о победе во время внутренних конфликтов, предшествовавших политическому объединению Египта (Hayes, 1953, 58).

Сцены из росписей Иераконполя напоминает и самый знаменитый додинастический нож — так называемый нож из Гебель эль-Арака, который хранится в Лувре (Vandier, 1952, 533–539; ср. рис. 19). Как и все его предшественники, кроме ножа из Абу Зайдана, этот нож был куплен: покупателю, Ж. Бенедиту, даже предложили нож и рукоятку отдельно. Он собрал их, основываясь на следах металла, имевшихся как на лезвии, так и на рукоятке — следах золотой пластинки, которая должна была соединять две части ножа.

Рукоятка ножа из Гебель эль-Арака сделана из кости гиппопотама и декорирована с обеих сторон. Многочисленные иллюстрированные публикации, где она воспроизводится, дают лишь несовершенное представление о деталях и о качестве декора: они не показывают, что декор покрывает не только лицевые, но и боковые стороны, и, следовательно, передняя и задняя сцены, с виду различные, фактически являются одной композицией.

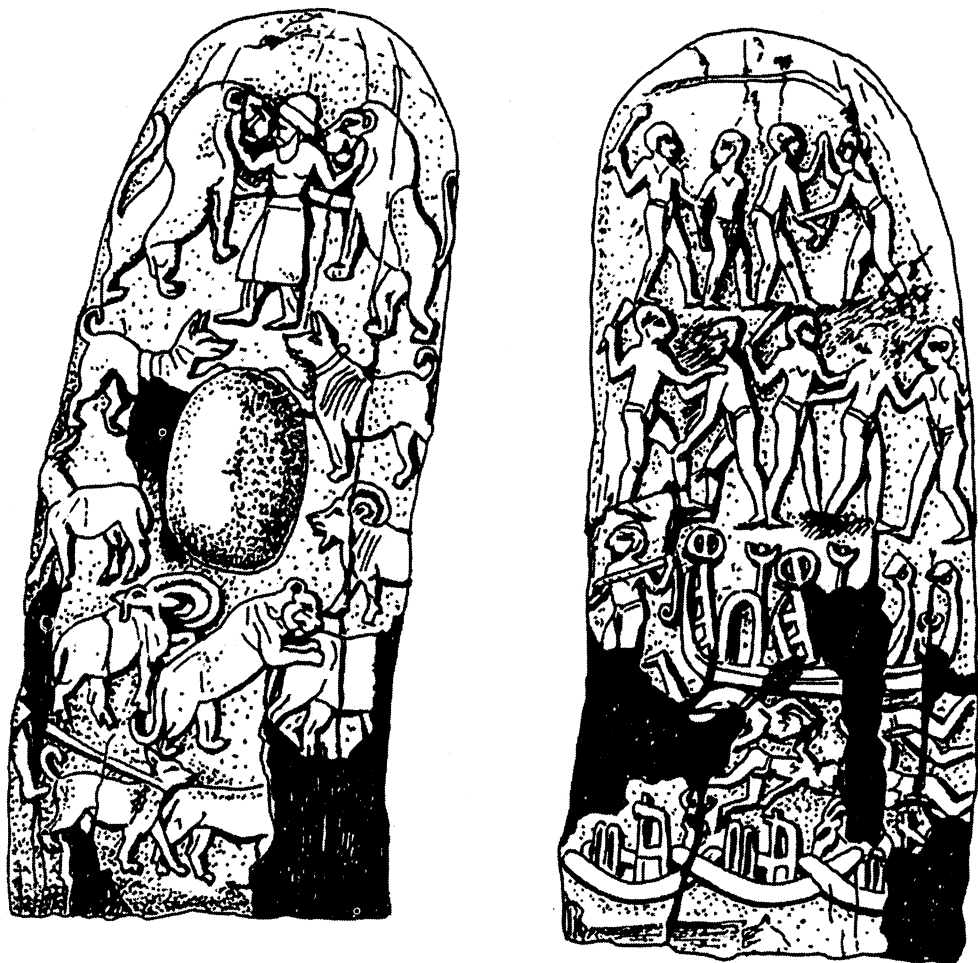

Рис. 19. Рукоятка ножа из Гебель эль-Арака

Как и в Иераконполе, эта композиция связывает сцены охоты и войны вблизи реки. Передняя сторона (сторона, противоположная соединительной шишечке) посвящена войне: люди сражаются в поединках; под ними видно несколько ладей двух типов (ср. рис. 18 выше); между рядами лодок река увлекает трупы (?). Охота занимает основную часть оборотной стороны: наверху стоящий мужчина укрощает двух львов; остальная часть этой стороны, сильно испорченная, покрыта собаками и дикими зверями.

Мало предметов, найденных в Египте, породили столько толкований, как нож из Гебель эль-Арака. «Хозяин зверей», который укрощает львов и ладьи с вертикальной кормой, считался доказательством месопотамского влияния на зарождающуюся цивилизацию фараонов. Фактически ладьи так называемого месопотамского типа являются египетскими: они засвидетельствованы в долине Нила с амратского периода (см. выше, с. 166 и 167). Напротив, определенно известно, что «Владыка зверей» своим стилем напоминает о месопотамском искусстве (Kantor, 1944, 122; Id., 145, 10; Frankfort, 1951, *Appendix*; Vandier,

1952, 534–552; Hoffman, 1980, 340; Trigger, 1983, 37, etc.)¹. Тем не менее, на передней стороне все другие персонажи — египетские. Они носят чехол для полового члена, уже засвидетельствованный в Египте с амратского периода, он был также у 50 взрослых мужчин, обнаруженных в некрополе Нага-эд-Дейр (Ucko, 1967, 351–353). Единственная заметная разница между сражающимися воинами: некоторые носят короткую прическу, в то время как у других — длинные волосы, с одной стороны собранные в локон; в остальном — в одежде, оружии — никаких отличий нет.

Все происходит так, как будто бы сцена с лицевой части рукоятки показывает сражение между людьми, которые принадлежат к одной культуре и используют ладьи, типичные для долины Нила. Возможно, она связана с внутренними конфликтами, которые должны были быть характерны для конца додинастического периода в Верхнем Египте (Hoffman, 1980, 340–342).

Так как нож из Гебель эль-Арака показывает, с одной стороны, неоспоримое азиатское влияние; с другой стороны — из-за внутренних конфликтов, предшествовавших политическому объединению Египта, его следует датировать с как можно большей точностью.

Рукоятка ножа предшествует 3300 году до н. э. (Midant-Reynes, 1987, 212), но точно не известно, следует ли относить и сам нож к этой дате. Лезвие было ретушировано перед тем, как его вставили в рукоятку (Bénédite, 1916, fig. 6, p. 5 и fig. 7, p. 6)², и она не была сделана для этого лезвия. Многие века могут разделять то время, когда было вырезано и отполировано лезвие, от того, когда была сделана рукоятка (Baumgartel, 1960, 79). Не доходя до того, чтобы ставить под сомнение подлинность предмета (Gordon, 1963, 256–257; 1991, 19–20; Helck, 1987, 136), датируя его периодом между концом протодинастического периода и началом архаической эпохи (между 3200 и 3100 годами до н. э.), можно было бы учесть не только качество композиции этих сцен и техническую сноровку резчика, но также и сообразоваться с заимствованием из месопотамского искусства.

Следует заметить, что по форме рукоятки и лезвия ножи типа Гебель эль-Арак не могли быть боевым оружием и что они могли использоваться только для того, чтобы что-нибудь резать или отрезать. Тем не менее, с утилитарной точки зрения можно предположить и использование в религиозных или магических обрядах, связанных с охотой и войной, или же в качестве символических предметов, обозначавших ранг их владельца в социальной иерархии и дававших ему магическую власть на земле и в загробном мире благодаря их форме, материалу, из которого они были сделаны, и декору.

Палетки для косметики были, наряду с вазами, наиболее постоянным элементом в додинастическом погребальном инвентаре. Они были найдены как в Нижнем, так и в Верхнем Египте, как и в Нубии, еще с неолитических времен. Возможно, палетки являлись предметом африканского происхождения, так как они присутствуют в долине Нила на высоте Хартума еще с VI тысячелетия до н. э. и исчезают из погребального инвентаря в архаическую эпоху.

¹ Тем не менее, следует отметить, что в этом персонаже видели типично египетского бога — Онуриса (Asselberghs, 1961, 289).

² Внимательный осмотр оригинала показывает, что ширина ножа была уменьшена, чтобы вставить его в ручку; ретушь, приложенная здесь, гораздо грубее, чем на других частях лезвия. Уменьшение и ретушь отчетливо видны на прекрасном фото Виньо (Vigneau, *TEL*, 1935, 2) и в Cénival, 1973, 23, fig. 17). Замечания о дальнейшем возобновлении ретуши см. в Baumgartel, 1960, 79.

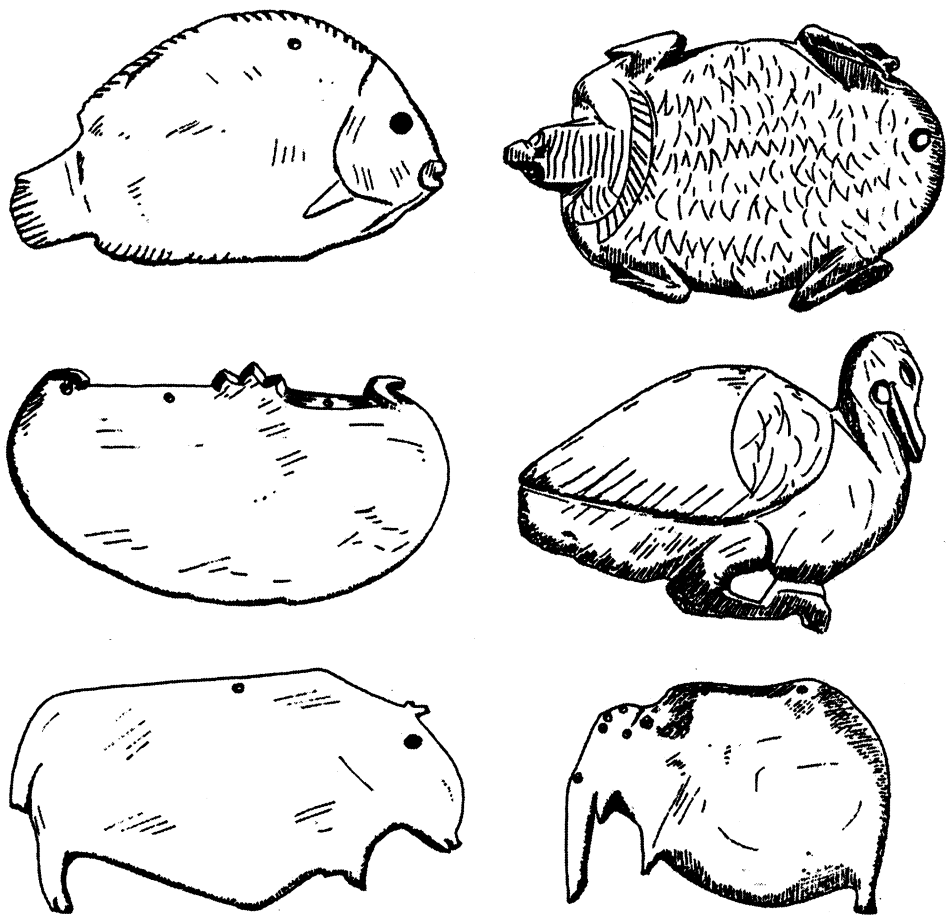

Рис. 20. Палетки в форме животных
По Petrie, 1920

В неолите их вырезали из разных камней, а начиная с бадарийского периода чаще всего делали из шифера; иногда на них есть зеленые или черные следы, редко — красные от красящих веществ, которые на них растирали. То, с какой заботой их вырезали, как и вырезанные на них рисунки, которые время от времени украшают палетки еще с середины амратского периода (St. Ib по Кайзеру), показывает, что, помимо использования для растирания румян или красок, они также имели символическое значение или магическую силу. Это становится еще более очевидным при переходе от амратского периода к герзейскому (St. IIa), когда появляются палетки в форме животных — черепахи, слона, рыбы, птицы и т. п. (см. рис. 20).

Развитие этого утилитарного предмета в предмет одновременно утилитарный и магический или символический продолжалось в ходе всего герзейского периода с палетками, украшенными головами птиц (см. рис. 21) и завершилось в конце протодинастического периода и в архаическую эпоху табличками больших размеров с рельефами

по обеим сторонам: прекрасный пример тому — большая палетка Нармера. Следует заметить на этих поздних палетках присутствие «знаков», которые мы находим в иероглифической системе в доисторическую эпоху; они сопровождают и дополняют сцены с фигурами, и показывают, что письмо тогда находилось в процессе становления, если уже не установилось (Schott, 1950, 17–23).

Как и рукоятки кремневых ножей с рельефами, декорированные палетки редки: их только восемь, и известно около десятка фрагментов. Их трудно классифицировать хронологически по тем же причинам, что и ножи. Пять из них были куплены, и датировать их можно только по стилю, относительным (если не субъективным) образом. Все эти таблички сделаны из шифера, и их размер может быть самым разным. Небольшие — самые древние как по форме, так и по стилю; только постепенно они достигают больших размеров, доходя до 70 сантиметров или более.

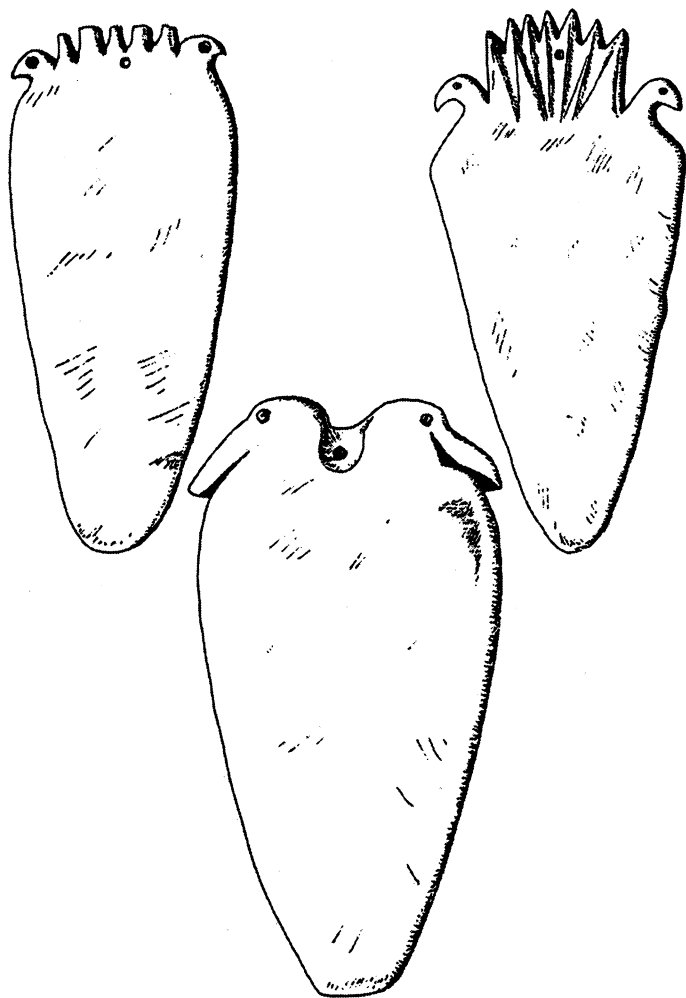

Рис. 21. Палетки с головами птиц

Является общепризнанным, что палетки служили для растирания косметики, предназначенной для защиты глаз от пыли и воспаления. На самом деле мы можем быть уверены только в том, что они служили для приготовления красок, следы которых были найдены неоднократно. С амратского периода и в течение всего герзейского палетки — по своей форме или по декору — напоминали об охоте или рыболовстве. Помимо возможного использования для приготовления косметики для глаз, можно представить себе и другие способы их использования: например, в качестве краски для кожи, которой покрывали все тело или его часть перед охотой или боем, чтобы обеспечить магическую защиту или успех экспедиции³.

Палетки с рельефным декором в выемке появляются в герзейском периоде. Две древнейшие были найдены при раскопках: одна, так называемая «Палетка Хатор», в гробнице в Герзе (Vandier, 1952, 444 и рис. 22В), другая, «Палетка Мина», в богатом погребении в Эль-Амре (*ibid.*, 377, и рис. 22А). Обе являются утилитарными предметами, но сверх того они должны были иметь символическое или магическое значение, поскольку одна из них украшена «символом» или «штандартом» коптосского бога Мина, а другая — головой с рогами и ушами коровы, заканчивающимися звездами. Эта последняя на лицевой стороне имеет следы краски, для растирания которой она служила. Представляется, что это древнейшее свидетельство культа «Небесной коровы», идет ли здесь речь о богине Хатор или о Бат (Fisher, 1962, 11).

Палетка, купленная в Каире около 1900 года (теперь в музее Манчестера), наряду с палеткой Мина является связующим звеном между палетками с головами птиц без другого декора и большими палетками протодинастического периода. На ней видят человека, напоминающего персонажей из гробницы в Иераконполе, с чехлом для полового члена (см. выше с. 168). Он преследует трех страусов, продолжая, таким образом, охотничий сюжет на палетках с вырезанными фигурками амратского периода. Эта палетка является если не современной, то, по крайней мере, близкой по времени погребению 100 в Иераконполе: она относится к герзейскому времени, и ее можно датировать периодом с 3350 до 3200 года до н. э.

К более позднему периоду относится как по стилю, так и по форме, так называемая «Палетка охоты» (= the Hunters Palette, der Löwenjagd Palette), которая разделена между Лувром и Британским музеем (Vandier, 1952, 574–579): она может восходить к протодинастическому периоду или даже к архаической эпохе. В отличие от других палеток тех времен, она имеет рельеф только на одной стороне, но, подобно им, снабжена чашечкой для разведения краски, окруженной рельефным кругом, где могло приготовляться красящее вещество. На ней фигурируют знаки-символы, известные по иероглифической системе: деревянное здание с плетеными стенами — это можно прочесть, как *pr-nw/nep-nu* или *pr-nzr/nep-nezer* (Gardiner, *Gramm.* 495, О. 20); так будет обозначаться святилище в Буто на западе Дельты. Слева находится сдвоенная протома быков. Этот редкий знак, с одной стороны, относится к двойным вратам, которые играют роль в египетской космологии (Vandier, 1952, 578), с другой стороны, обозначает канал или

³ Можно вспомнить о рисунках, украшающих тело амратских статуэток (Vandier, 1952, 430–432, fig. 283, p. 422). Ни Каймер (Keimer, 1948, 6), ни Хорнблэр (Hornblower, 1929, 33) не отвергали возможности того, что эти рисунки изображают роспись на теле. Квибелл (Quibell, 1902, 41–42) предлагал другое объяснение — краска для расписывания лица: «Палетки использовали все люди архаической эпохи для растирания краски, которой они украшали лица».

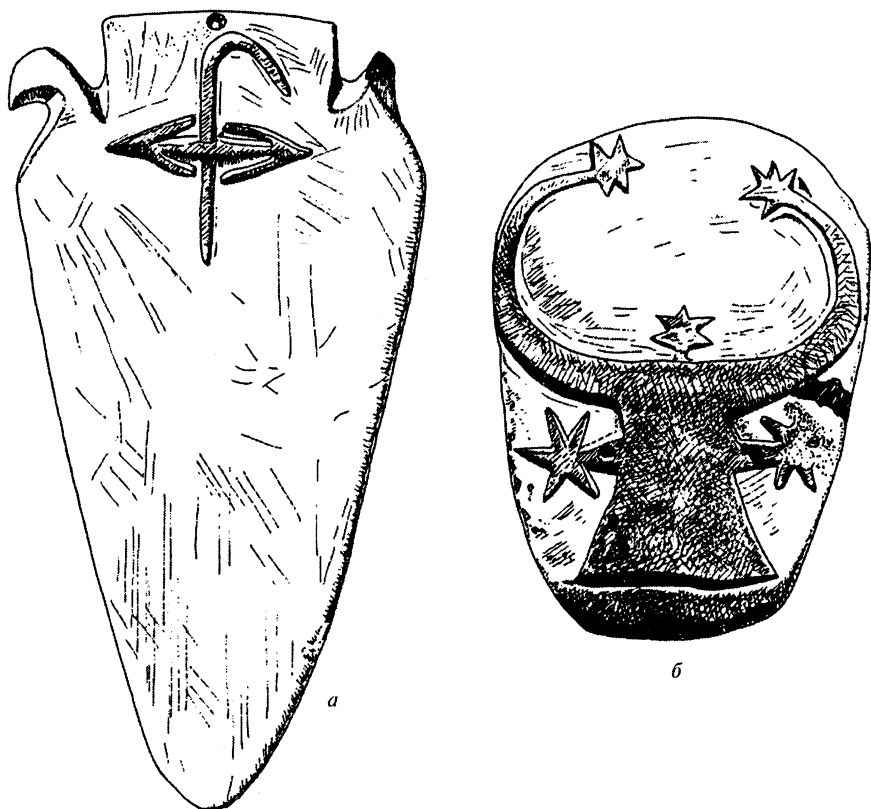

Рис. 22. Палетки: а — Мина; б — Хатор
По Petrie, 1953

рукав Нила, который пересекает III ном Нижнего Египта, — Западный или Ливийский ном (Gauthier, *DNG*, 4, 177–178). На той же самой палетке два ряда бородатых персонажей с перьями на головах и в набедренных повязках, украшенных хвостом животного, окружают зверей пустыни и охотятся на них — прежде всего на львов. Двое из охотников держат копье или древко копья, на котором восседает сокол, перед которым торчит перо; это хорошо известный знак-символ (Gardiner, 1957, 502, R. 13), означающий «Запад/западный», но он также служит штандартом III нома Нижнего Египта на краю Западной пустыни. Наконец, другой охотник держит своеобразное копье (Gardiner, *ibid.*, R. 14), которое является знаком-символом Востока и восточного⁴.

Присутствие этих различных знаков заставляет интерпретировать всю палетку в целом как увековечение реальной охоты, предпринятой обитателями нижнеегипетского царства, столица которого находилась в Буто, охоты, которая должна была происходить до объединения страны (Vandier, 1952, 579). Такая «историческая» интерпретация является спорной (Tefnin, 1979).

⁴ Следует заметить, что в этом персонаже также видели прототипа бога Онуриса, как и на ноже из Гебель эль-Арака (ср. Asselberghs, *l.c.*, со ссылками).

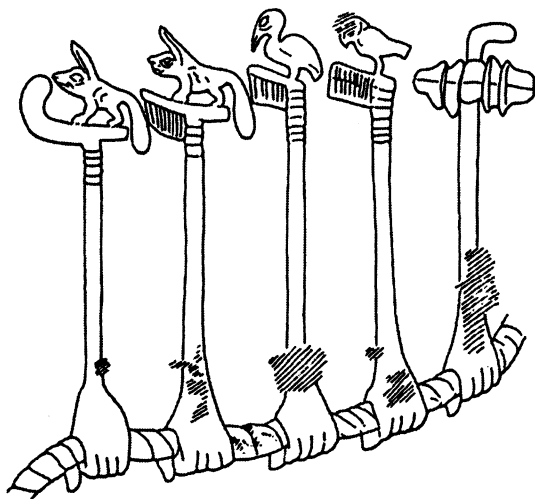

Рис. 23. Знаки на «Палетке быков» (Лувр)
По Petrie, 1953

«Палетка охотников» не является единственным документом, который содержит символические знаки, которым суждено стать настоящими иероглифами (или они уже являются таковыми); похожие символы имеются и на четырех других палетках или фрагментах палеток. Самые замечательные из этих знаков те, которые, будучи закреплены на некоем «держателе» (ср. рис. 23), изображают существа или предметы, которые в историческую эпоху станут «штандартами» различных провинций или «номов». Некоторые из этих знаков, как, например, сокол или эмблема бога Мина, фигурируют уже на каютах герзейских лодок (Vandier, 1952, 341). Их присутствие на палетках ставит перед нами проблему интерпретации подобных памятников, а также их датировки.

Декорированным палеткам конца додинастического периода фактически приписывают исторический смысл: они якобы являются памятниками битвам, в которых сражались предполагаемые враждующие царства Юга и Севера в течение тех лет, что предшествовали объединению Египта легендарным и мифическим Менесом. Большая палетка Нармера (ср. рис. 24) должна в таком случае завершать эту серию, поскольку на одной стороне она изображает фараона в белой короне Верхнего Египта, который истребляет (как полагают) египтян Дельты, а на другой стороне тот же самый фараон Нармер, но на сей раз увенчанный красной короной Нижнего Египта, обозревает останки поверженных врагов. Перед ним несут те же «штандарты», которые мы видим уже на фрагменте так называемой «Палетки быков», которая сегодня находится в музее Лувра (Vandier, 1952, 592–594), на так называемой «Палетке коршунов» или «поля битвы», которая хранится в Британском музее в Лондоне и в Ашмолеанском музее в Оксфорде (Id., *ibid.*, 584–587). Эти палетки, которые, несомненно, происходят из храмов в Иераконполе и в Абидосе (Needler, 1984, 328), должны, таким образом, иметь точный исторический смысл: они говорят о переходе от *протоистории* конца герзейского периода к *истории* архаической эпохи, откуда и название «памятных» или вотивных палеток, которое им дали.

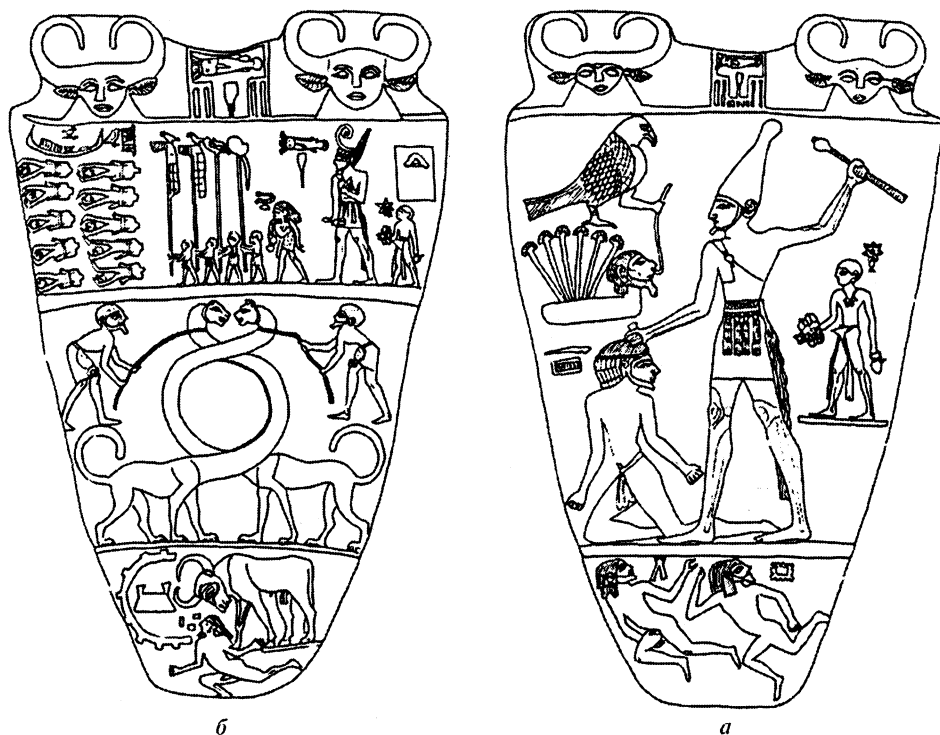

Рис. 24. Палетка Нармера:
a — лицевая сторона; *b* — оборотная сторона
 По Petrie, 1953

За исключением палетки Нармера, ни одна из этих палеток, которые носят одновременно изображения людей и протоиероглифические знаки или символы, не была найдена при раскопках в датированном контексте. Чтобы приписать им *относительное* место в хронологии, следует, таким образом, обратиться к их стилю.

Если отбросить субъективные суждения, такие как «беспорядочность и фантастичность» композиции, единственная черта позволяет выделить эту группу среди остальных палеток: на одних глаза изображенных персонажей и животных углубленные (Needler, 1984, 330), как если бы туда был инкрустирован какой-то другой материал, ныне исчезнувший, в то время как на других детали — глаза, зрачки и ресницы — показаны в рельефе или вырезаны в камне.

Первая группа, которая часто считается более древней, содержит, наряду с «Палеткой охотников», три целые палетки и два фрагмента, на которых в качестве господствующего изобразительного сюжета присутствует гиеновидная собака, *Lycaon Pictus* (Fischer, 1958). Две такие палетки хранятся одна в Оксфорде (Vandier, 1952, 579–583), другая в Париже (*ibid.*, 583–584); они двусторонние с изображениями диких или сказочных животных, преследуемых собаками. Представленная фауна (если она не химерична) является африканской. В отличие от «Палетки охотников», эти палетки не содержат иероглифических знаков. Тем не менее, один персонаж оксфордской палетки — с го-

ловой собаки или шакала, который играет на флейте или держит жезл (Schott, 1950), — возможно, первый случай изображения божества (?) с головой животного и человеческим телом — одна из характерных черт искусства фараоновского Египта⁵.

Третья палетка этой группы, которая хранится в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (Hayes, 1953, 29), является неполной. Ее стиль более груб, чем у двух других, декор — дикие собаки. Центральная чашечка образована змеей, которая замкнулась в кольцо; выше — хорошо известный знак «фасада дворца», на котором восседает сокол (рис. 25).

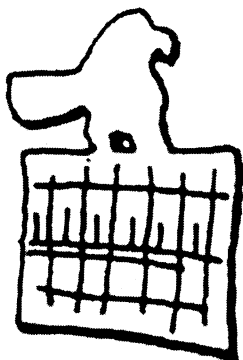

Рис. 25

Группа палеток, доминирующим сюжетом на которых является «дикая капская собака», вызвала множество толкований. Практически за одним исключением они происходят из Нижнего Египта⁶. По своему материалу (шифер), по технике (барельеф в углублении), по тому факту, что они имеют рельеф на обеих сторонах, они близки верхнеегипетским. Тем не менее, они отличаются стилем и изобразительными сюжетами, и прежде всего — отсутствием человеческих фигур. В противоположность тому, что нередко считали (Vandier, 1952, 579–580), они не обязательно являются более древними, чем южные; они могут быть им современны и даже быть более поздними, как доказывает присутствие *сереха*, на котором восседает сокол, на нью-йоркской палетке⁷. Скорее следует предположить не хронологическую разницу, а то, что она была произведена в какой-то мастерской, отличной от той, где вырабатывались палетки Верхнего Египта, мастерской, которая могла находиться в Дельте, принадлежа при этом всецело той же культуре позднего герзейского периода или начала архаической эпохи. Эта гипотеза опирается на общий для обоих регионов сюжет с пальмой, по обоим

⁵ Тем не менее, Вандье (Vandier, 1952, 582–583) видит в нем лиса, вставшего на задние лапы и играющего на флейте; он сближает эту фигуру с животными-музыкантами, засвидетельствованными в Азии в период Ура.

⁶ Нью-йоркская палетка факту была приобретена в Дельте в виде фрагментов; луврская была куплена у одного жителя Даманхура (Bénédict, 1904, 106). Только Оксфордская происходит из *main deposit* в Иераконполе.

⁷ Внутри *сереха* предполагали увидеть имя Джера, фараона I династии. Если это прочтение и спорно, одно лишь присутствие *сереха* — хотя бы и анонимного — датирует документ I династией или, самое раннее, 0 династией, которая ей предшествовала.

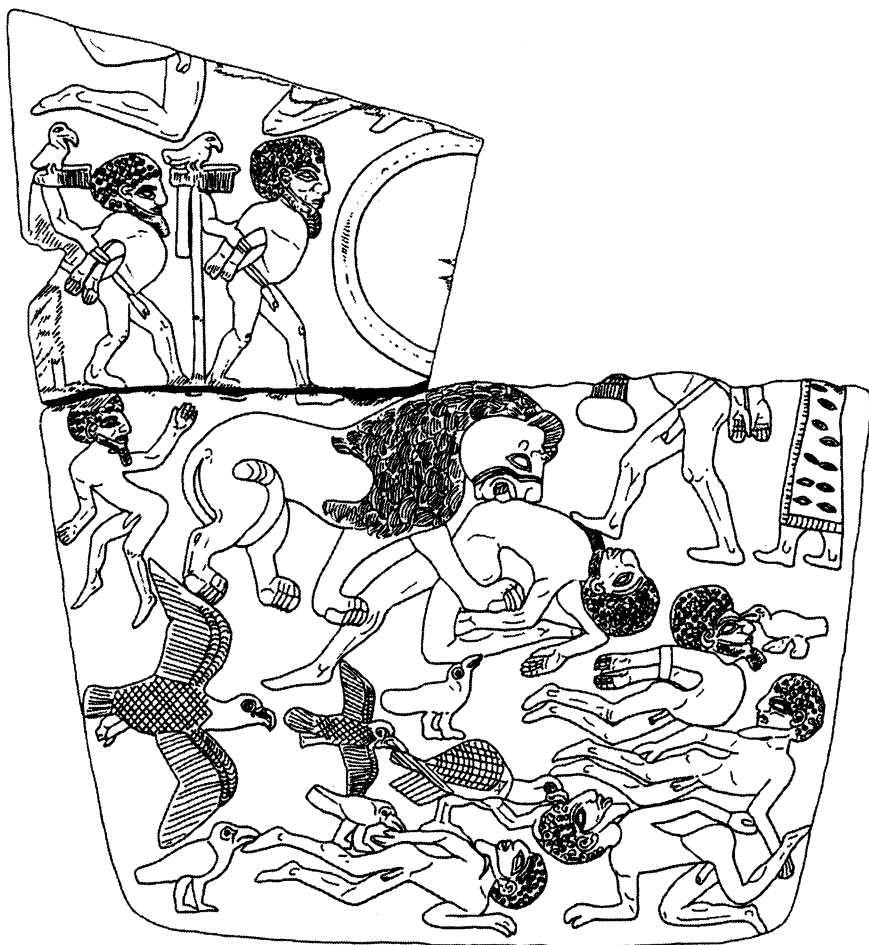

Рис. 26. «Палетка коршунов»
По Petrie, 1953

сторонам которой стоят звери с длинной шеей: жирафы на палетке из Лувра, геренуки — на «Палетке коршунов» из Оксфорда (Needler, 1984, 328).

На палетках, которые происходят с Юга, господствующим сюжетом является война; основное место занимает человеческая фигура, дикие звери исчезают. Таких палеток очень немного: помимо нескольких фрагментов, из которых два принадлежат одному и тому же предмету, их известно только три: знаменитая «Палетка Нармера» (рис. 24 выше), обнаруженная в Иераконполе, так называемая «Палетка коршунов» или «Двух газелей» (Vandier, 1952; Harris, 1960) и так называемая палетка «Городов» или «ливийская» (Vandier, *ibid.*)⁸. Эти две последние, несомненно, происходят из архаического храма в Абидосе. У этих трех памятников стиль идентичен, и нельзя отказываться от

⁸ Фрагмент «Палетки быков» в музее Лувра может представлять собой верхнюю часть «Палетки городов» или «Ливийской палетки» из музея Каира. Об этом предположении см. Needler, 1984, 329.

гипотезы, что они были изготовлены в одной и той же мастерской, если не одним художником. Они изображают обнаженных или носящих чехол для полового члена людей в качестве пленников, иногда с руками, связанными за спиной, которых ведут штандарты-символы с человеческими руками, или же в виде трупов, за которые дерутся хищные птицы («Палетка коршунов», см. рис. 26 выше); иногда они брошены на землю и их топчет бык («Палетка Нармера» и «Палетка быков»). Все эти персонажи бородаты и отличаются от тех, что сопровождают Нармера на палетке этого царя. Из этого делается вывод, что они изображают египтян — жителей Нижнего Египта, которые по своему физическому типу отличаются от египтян Верхнего. Это заключение, помимо всего прочего — и прежде всего — основывается на интерпретации «ребуса» на той же «Палетке Нармера», которая показывает (рис. 24 выше, с. 186 на *b*, наверху справа) сокола, держащего, если так можно выразиться, на поводке сказочное существо с человеческой головой; из его вытянутого тела, лишённого конечностей, вырастают шесть стеблей цветков, в которых видят папирус. Все вместе — голова, тело и цветы — должно быть персонификацией сложного иероглифического знака, обозначающего якобы Дельту⁹. Ребус в целом, таким образом, должен изображать божественного Сокола Иераконполя, столицы Верхнего Египта, который ведет царю недавно покоренную Дельту.

Тот же самый «знак» зарослей папируса поверх овала — на сей раз не персонифицированного, — судя по всему, показан перед одним из пленников на «Палетке коршунов» (рис. 26 выше).

Итак, три палетки, происходящие из Верхнего Египта, выражают, каждая на свой лад, завоевание Северного царства Южным.

Ножи и большие декорированные палетки — не единственные характерные для протодинастического периода и для начала архаической эпохи. В амратское время булава с навершием в форме усеченного конуса стала символом власти как над жизнью на земле, так и в загробном мире. С началом герзейского периода и постепенным принятием на Юге грушевидной северной палицы, некоторые из этих предметов теперь также стали декорированными. Четыре таких навершия палицы были найдены в большом складе храма в Иераконполе.

Так называемая палица царя Скорпиона (Vandier, 1952, 600 и выше, рис. 2 на с. 32) считается древнейшей. Она была найдена во фрагментарном состоянии; примерно треть удалось восстановить. Навершие сделано из белого известняка, его высота составляет более 30 сантиметров, и в нетронутом состоянии оно должно было весить несколько килограммов. Декор навершия выполнен барельефом на выдолбленной поверхности и может быть разделен на несколько регистров. Верхний показывает ряд штандартов-символов; на столбах, которые поддерживают символы, подвешены чибисы. Чибис, болотная птица, может, как полагали, обозначать обитателей болотистой Дельты, побежденных Верхним Египтом, который символизируют штандарты. Фрагмент противоположной стороны показывает, что этот верхний регистр содержал к тому же

⁹ Цветы не имеют обычной формы папируса в иероглифической системе. Этот элемент ребуса можно истолковать, как знак пруда с цветами лотоса (Gardiner, GEG, 480, М. 8), который известен уже по «Текстам Пирамид». Некоторые авторы видят в стеблях цветков не стебли букета папируса, но листья и стебли лотоса (Gardiner, *ibid.*, М. 12), который обозначает «тысячу», и объясняют все вместе так, как будто сокол Хора ведет 6000 пленных с Севера к фараону.

изображения других штандартов, на подставках которых были подвешены луки. В классическом египетском языке «Девять луков» символизировали все чужие Египту народы¹⁰. В целом верхний регистр, таким образом, изображал весьма аллегорическим образом победу южных провинций над населением Дельты и нескольких чужих стран.

Тулово палицы, в той его части, которую удалось реконструировать, посвящено в основном фараону: он изображен стоящим, выдвинув вперед левую ногу и держа в руке мотыгу. На нем высокая корона Верхнего Египта и одежда, украшенная бычьим хвостом. Перед его лицом показаны друг над другом розетка с семью лучами и скорпион; розетка, как предполагают, символизирует царский титул, и эту группу знаков интерпретировали как обозначающую «Царь Скорпион»¹¹. Перед царем два персонажа: один держит корзинку, другой — огромный колос пшеницы. Эта сцена интерпретировалась различным образом: одни видели в ней выкапывание оросительного канала, другие — воспоминание об основании святилища — возможно, храма в Иераконполе или же проведение какого-то аграрного обряда; иным даже казалось, что здесь изображено основание города Мемфиса.

Эта булава дошла до нас, и не в очень хорошем состоянии, зато навершие так называемой палицы Нармера сохранилось полностью (рис. 27). Она сделана из известняка и имеет грушевидную форму, как и палица царя Скорпиона, но при этом значительно меньше: около 20 сантиметров в высоту и 19 сантиметров в диаметре; но все равно ее вес слишком велик, чтобы она была оружием для постоянного использования. В центре на приподнятом троне мы видим сидящего царя, который носит корону Нижнего Египта; перед ним его имя — Нармер — написано в прямоугольнике *serexa*, на котором восседает сокол. Различные сцены разделены на ясно выраженные регистры или отделы вокруг центральной сцены. Эрозия поверхности делает гадательной интерпретацию некоторых деталей, как, например, вид птицы, которая парит над государем, хотя все вместе не оставляет сомнений: это изображение *царского* праздника, то есть праздника Сед или, что еще более вероятно, обряда интронизации фараона, который этот праздник должен обновлять.

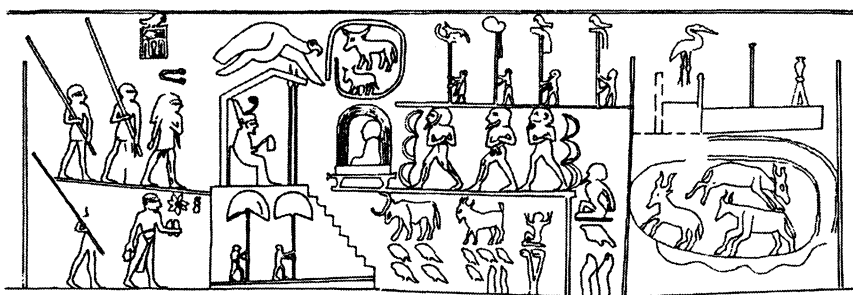

Рис. 27. Палица Нармера
По Emery, 1961

¹⁰ Следует заметить, что среди «Девяти луков», которые в классическую эпоху символизировали всю Вселенную, подчиненную фараону, фигурировали и Верхний и Нижний Египет. Понятие об иностранцах следует принимать лишь с осторожностью.

¹¹ Эту интерпретацию оспаривает Баумгартель (Baumgartel, 1966, 9–14).

Два других каменных навершия палиц также были открыты в Иераконполе и очень фрагментарны. На одной, которую просто называют «Царской палицей» (В. Adams, 1974, pl. I), фараон сидит на приподнятом троне, увенчанный короной Нижнего Египта. Перед его лицом остатки знаков, которые были интерпретированы как изображение скорпиона, но это объяснение остается сомнительным. Справа от фараона сокол, судя по всему, ведет к нему пленных, привязанных к веревке, что напоминает «ребус» с «Палетки Нармера». Эти фрагменты напоминают праздник Сед или интронизацию, как из-за помоста, на котором сидит фараон, так и из-за одежды государя, характерной для этой церемонии.

Четвертая булава из Иераконполя называется «Носители даров» (В. Adams, 1974). Остатки двух регистров изображают шесть персонажей; только два из них сохранились полностью. Они бородаты и носят косички; в них видят пленников — возможно, ливийцев, — которые несут царю дань (Ciałowicz, 1987). Таким образом, эта палица должна принадлежать к иному типу, нежели три другие.

Большие декорированные палетки и навершия палиц, на которых используются иероглифические знаки, свидетельствуют о существовании письма в то время, когда они были сделаны. Кроме того, они говорят о том, что египетское искусство на тот момент обладало всеми чертами, которые придают ему оригинальность: своей техникой — барельефом на выдолбленной поверхности; мастерством в обработке камня; условностями рисунка; человеческими фигурами с головой в профиль и глазом анфас, с телом анфас, бедрами и ногами в профиль, выдвинутой вперед левой ногой; и, наконец, своими сюжетами — охотой на зверей пустыни, истреблением врагов, изображением интронизации царя или праздника Сед.

Наряду с декорированными ножами и рельефными предметами, палетки и палицы показывают, что цивилизация уже сформировалась. Таким образом, прежде всего любопытно установить, с одной стороны, чему именно служили эти столь своеобразные памятники и, с другой стороны — определить их дату, ибо с этого времени начинается эволюция государственных учреждений и искусства. Наконец, если мы узнаем датировку и предназначение этих предметов, то это позволит нам понять происхождение и важность внешних импульсов, которые могли влиять на египетскую цивилизацию у самых ее истоков.

В самом конце герзейского периода (St. IIIb по Кайзеру) палетки для косметики, украшенные простыми рельефными головами птиц, а также палетки в форме животных уже не встречаются в погребениях. Судя по всему, теперь большие рельефные палетки находят в святилищах; в то же время появляются и тяжелые декорированные навершия палиц; и те и другие считаются вотивными. Они могли напоминать об определенных событиях и, таким образом, представляли собой первые анналы египетской цивилизации. У такой интерпретации есть два недостатка: с одной стороны, она не относится ко всем предметам: так, она не объясняет сцен, изображенных на палетках с дикими собаками (см. выше), и, с другой стороны, она не принимает во внимание существование некоторых постоянных деталей, таких как центральная чашечка, иногда углубленная и всегда обрамленная рельефом. Одного лишь присутствия этой чашечки достаточно, чтобы указать на то, что большие палетки служили для исполнения обрядов, предназначенных для защиты или гарантии успеха экспедиции. Таким образом, их декор является изображением не конкретных событий, а эпизодов, которые,

в принципе, могут произойти во время разгрома или поединка; это показывают палетки группы с дикими собаками, где фигурируют все животные, на которых охотились или которых боялись.

На палетках, которые в основном посвящены сражениям, можно заметить, что враг всегда имеет одни и те же черты, как будто бы борьба велась с постоянным противником, можно сказать — наследственным. Палетка Нармера не обязательно изображает конец борьбы против этого врага; она могла быть использована до экспедиции, которая стала традиционной, и могла при этом служить множество раз.

Наконец, один из аспектов декора палеток остается для нас загадкой: это религиозный, а точнее, космогонический смысл, который может быть им приписан. Уже так называемая палетка Хатор связывает мир звезд с коровой, которая далее в религии станет богиней Неба. Палетка Нармера разрабатывает тот же сюжет, изображая как с лицевой, так и с обратной стороны человеческие головы с ушами и рогами быков, которые могут символизировать четыре стороны света, то есть всю Вселенную, власть над которой повелитель обрел в результате обряда.

Использование декорированных наверху палиц также представляет собой проблему. Их размеры и вес делают их совершенно необычным оружием. Символ власти, начиная с амратского периода, булава грушевидной формы стала царским оружием. Ее используют для ритуального убийства врага не только Нармер на палетке, носящей его имя, но уже один из персонажей в гробнице 100 в Иераконполе (см. выше, с. 167–169), которая восходит к классическому герзейскому периоду (St. IIb-c по Кайзеру, около 3350 года до н. э.).

На палице царя Скорпиона изображение подвешенных к знакам-штандартам «луков» и «чибисов» намекает на акт насилия, который завершился захватом этих луков и чибисов, и вполне возможно, что утраченная часть предмета содержала сцену истребления врагов.

На палице Нармера (рис. 27), как и на так называемой «царской» палице из Иераконполя, фигурируют пленники. Можно думать, что в ходе различных церемоний, представленных на всех трех палицах, было принесено в жертву определенное число пленников. Возможно, для этих ритуальных казней царь использовал (несмотря на ее вес) палицу, которая хранилась в храме? В таком случае она должна была играть как символическую, так и утилитарную роль.

Сцены, изображенные на наверху палиц, как и на палетках, отражают множество аспектов общественной жизни в конце додинастического периода. Во время создания этих памятников уже установилось иерархическое общество: его вождь обладал всеми признаками власти фараона исторической эпохи — накладной бородой, коронами, своеобразными набедренной повязкой и одеянием, он и изображен более высокого роста, чем персонажи, которые окружают его или служат ему. Они иногда носят титулы, записанные иероглифами, которые уточняют их функции. Таким образом, письмо уже известно. Можно заметить существование подносок сандалий, веероносцев, носителей штандартов. Религия — о ней позволяют строить предположения некоторые персонажи, которые впоследствии станут ее частью, например священные животные (собака Упуаута, сокол Хора), — имеет и другие, иногда совпадающие черты: богиня Неба Хатор или Бат с человеческой фигурой и ушами и рогами коровы; подставки под штандарты вплоть до мельчайших деталей идентичны тем, что будут использоваться

в эпоху Древнего царства¹². Наконец, существовали весьма специализированные ремесленники, способные справиться с обработкой самых твердых пород камня для изготовления ваз, оружия, инструментов из кремня или выполнить в барельефе декор палеток и палиц.

Все эти наблюдения подчеркивают необходимость датировать эти памятники так точно, как только возможно.

Как уже неоднократно было отмечено (см. выше, с. 174, 176 и 182), трудно с уверенностью датировать 22 известных в наше время протодинастических предмета, декорированных барельефами по выдолбленному фону. Двенадцать из них были куплены; из девяти, которые происходят из раскопок, шесть были открыты в Иераконполе, в главном кладе (*Main deposit*). Он не стратифицирован; дата остается неопределенной, поскольку он был заложен гораздо позднее протодинастической и даже архаической эпохи (B. Adams, 1974, IX).

Остается четыре памятника, которые могут быть датированы благодаря совокупности погребального инвентаря гробниц, где они были найдены. Это: *a*) нож из Абу Зайдана с ручкой, украшенной вереницами животных (см. выше, с. 176), датируемый 3200–3000 годами (Needler, 1984, 153); *b*) две маленькие палетки из шифера (см. выше, с. 183–184 и рис. 22А и В); одна, так называемая «Палетка Мина», найденная в Эль-Амре в Верхнем Египте и другая — «Палетка Хатор», открытая в погребении в Герзе близ Каира; они могут восходить к классическому герзейскому периоду (SD 40 / 45–63 = St. Ис-д по Кайзеру) и могут быть, в общем и целом, современны погребению 100 в Иераконполе (около 3350); *c*) и наконец, булава, найденная в Нубии в погребении Группы-А: ее грушевидное навершие ничем не украшено, но рукоятка покрыта золотом и ее украшают фигурки животных, похожие на те, что украшают рукоятку ножа из Абу Зайдана.

Хотя это всего лишь гипотеза, палетка с «Охотой на страусов» (в Манчестере) должна датироваться чуть более поздним периодом, чем палетки Мина и Хатор: для этого предмета правдоподобной является дата между 3350 и 3250 годами. Своими размерами и тем, как показаны глаза персонажа и птиц, эта палетка напоминает группу палеток с дикими собаками (ср. выше, с. 185–186), одним из первых образцов которых она может быть; рельефные головы птиц в ее верхней части напоминают недекорированные палетки классического герзейского периода.

Нередко считается, что очень длинная «Палетка охотников» — самая древняя из больших рельефных палеток и предшествует палетке Нармера. Тем не менее, ее стиль связывает и ее со всей группой палеток с дикими собаками, из которых по меньшей мере одна датируется началом I династии (см. выше, с. 186 и примеч. 7). Если бы она датировалась началом этой династии, тогда было бы понятнее то, что на ней используются иероглифические знаки, уже засвидетельствованные в эту эпоху. Принимая во внимание внешний вид и оружие, возможно, что изображенные на ней охотники принадлежат к той же группе людей, которая изображалась в качестве наследственного врага на памятниках Верхнего Египта (см. выше, с. 191); она может быть современной палетке Нармера или даже более недавней.

¹² Для этого достаточно сравнить подставки под штандартами с «Палетками коршунов» (Spencer, 1980, pl. 64) с теми, что фигурируют на статуях-триадах Микерина (ср. в том числе Aldred, 1965, 113).

Палетки и навершия палиц из Верхнего Египта датируются или по имени фараона, который фигурирует на некоторых из них, или стилем орнамента, который объединяет их в одно целое. С уверенностью можно сказать, что весь ансамбль этих предметов восходит к периоду от 3200 до 3100 года до н. э.¹³ Так, например, обстоит дело с так называемой «Палеткой городов», или «ливийской» (см. выше, и рис. 28), на которой можно заметить общие черты с палеткой Нармера: то же самое схематическое изображение городов или крепостей, использование иероглифических знаков, в том числе для *Чехену*, которым обозначается Ливия. Одни только эти черты могут подтвердить датировку этого документа архаической эпохой (Tegase, 1970, 21), нежели концом додинастического периода, как это все еще иногда делают. По тем же причинам фрагмент с быками из музея Лувра может датироваться I династией.

Как в отношении изображенных сюжетов, так и по качеству рельефа, рукоятка ножа из Гебель эль-Арака (см. с. 177–180 и рис. 19) родственна палеткам, о которых говорилось выше. Как и они, она, возможно, современна I династии. То же самое можно сказать (из-за его тематики) и о ноже из Нью-Йорка. В большинстве своем изделия с барельефами принадлежат, скорее всего, к первым временам фараоновской монархии. Они являются скорее «историческими», нежели «доисторическими». Именно на них прежде всего основывается гипотеза об азиатском влиянии на формирование египетской цивилизации.

В общем и целом, было выдвинуто три аргумента в поддержку этого предположения:

- присутствие «месопотамских» мотивов в декоре палеток и рукояток ножей: «Владыка зверей» на ноже из Гебель эль-Арака и сказочные животные на палетках (крылатые грифоны, монстры с головой пантеры и телом рептилии, ср. рис. 24 на с. 185);
- первые египетские здания, прежде всего царские гробницы строились из кирпича и с зубцами;
- наконец, находка месопотамских цилиндрических печатей в египетских гробницах конца додинастического периода (Kantor, 1952).

Из этих аргументов самым убедительным кажется присутствие месопотамских цилиндрических печатей в долине Нила. Тем не менее, их не так много (самое большее четыре) и их месопотамское происхождение, как и «додинастический» характер погребений, из которых они происходят, является спорным (Bissing, 1943; Kelley, 1974). Что касается построек с зубцами, типичных для I династии, совсем не обязательно искать их истоки в Месопотамии — они могут происходить из додинастических техник постройки, где использовались одновременно дерево, глинобитная масса, циновки и кирпичи (E. B. Smith, 1938). Наконец, возможно, что египетские художники заимствовали несколько декоративных мотивов из азиатского региона, и можно также предположить, что они видели эти орнаменты на небольших предметах с рельефами, таких как цилиндры-печатки, которые циркулировали по всему Ближнему Востоку (Needler, 1984, 328).

¹³ Эти цифры опираются на самые новые датировки по «калиброванному» ¹⁴C, которые устанавливают начало архаической эпохи с Нармером около 3150 года до н. э. и конец царствования Аха при I династии — около 3100 (Hassan 1980, 206). Нередко признают, что палетки исчезают начиная с царствования этого последнего царя. Тем не менее, следует отметить, что на основе другой интерпретации данных ¹⁴C для начала архаической эпохи была предложена дата 3300 до н. э.

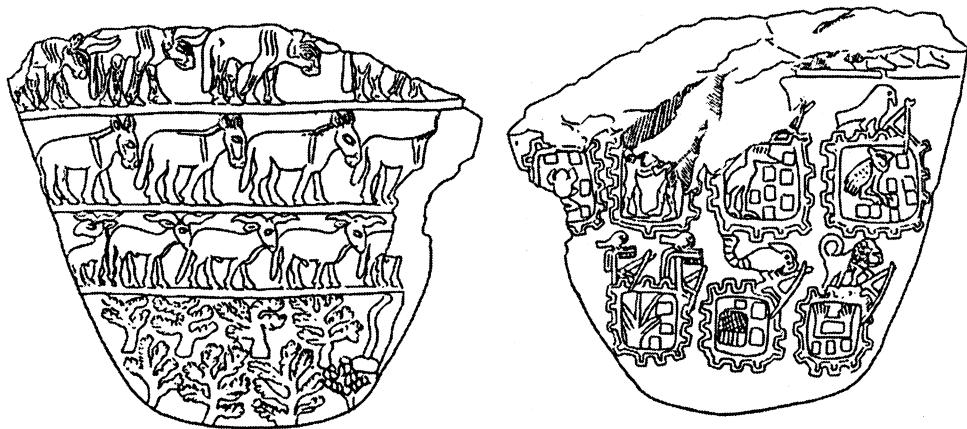

Рис. 28. «Ливийская палетка».
По Quibell, *Archaic Objects*, CGC, p. 223

Гипотеза, предполагающая *прямое* влияние месопотамской цивилизации на формирование египетской, малоубедительна, поскольку она опирается на наблюдения, которые можно объяснить *косвенными* связями; они установились в архаическую эпоху, а не в додинастическую, и входят в круг обмена между Палестиной и долиной Нила.

С начала I династии связи, объединявшие Египет и сиро-палестинский коридор, очевидны и многочисленны. Они, несомненно, восходят к середине IV тысячелетия, как показывают раскопки в Маади. Эти связи укрепляются в архаическую эпоху, даже если и Нармер не вторгнулся в какую-то часть Палестины, как это предполагалось¹⁴; его имя и архаические граффити были найдены на черепках, которые свидетельствуют об импорте египетских продуктов через Палестину. С другой стороны, кажется, что около 3100 года до н. э. сами египтяне использовали путь по суше, объединявший Египет с Ханааном: эта дорога тогда весьма активно использовалась (Oren, 1973). В ходе обмена между двумя странами египтяне первых династий могли видеть или приобретать предметы из Месопотамии. Таким образом, не нужно прибегать к гипотезе о завоевателях, пришедших с дальнего Евфрата (Emery, 1961, 39 и *passim*) или даже присутствие выходцев из Месопотамии в Египте, чтобы объяснить несколько фактов, приведенных в поддержку этой гипотезы. Наконец, ни один египетский предмет IV тысячелетия еще не был открыт в Месопотамии или в Сузиане, что делает маловероятным существование *прямых* контактов между жителями столь удаленных друг от друга культурных зон.

Наоборот, возможность *непрямых* связей через сиро-палестинский коридор кажется правдоподобной; частых и регулярных связей между Палестиной и Египтом при I династии вполне достаточно, чтобы объяснить присутствие редких предметов из

¹⁴ Эта идея была высказана в 1954 году Ядином, который видел в палетке Нармера памятник, увековечивший завоевание части Палестины этим фараоном (Yadin, 1955). Гипотеза была опровергнута Уордом (Ward, 1969).

Месопотамии в долине Нила, а также заимствование нескольких азиатских декоративных мотивов египетскими художниками.

Следует подчеркнуть, что гипотеза об определяющем влиянии месопотамской цивилизации на египетскую в конце IV тысячелетия должна предполагать разрыв между додинастическими культурами и культурой архаической монархии, — разрыв, никакого следа которого мы не видим. Культурная эволюция долины Нила, напротив, характеризуется континуитетом: незаметно никакого пробела между фэйумским неолитом или Меримдой и культурами Эль-Омари и Маади на севере или культурами Таса, Бадари, амратской и герзейской — на юге; нет никакого пробела и между классической герзейской культурой, протодинастической и архаическим периодом фараонов I династии. Судя по всему, население, осевшее на берегах Нила в конце VI тысячелетия до н. э., постепенно приспосабливалось к ритму, который диктовали разливы реки, каждый год оставлявшие после себя земли, пригодные для земледелия; экологическое богатство долины облегчило переход от кочевого образа жизни в палеолитический период к оседлому, неолитическому.

От цивилизации Меримды до цивилизации Нармера различные культуры, следовавшие друг за другом на берегах Нила, передавали друг другу те же категории предметов: палетки, оружие и орудия из камня, а также одни и те же технологии — керамики, обработки кремня и более твердых камней, техники ткачества. Они использовали те же самые символы власти и авторитета: палицу, посох с крестом, раздвоенный кинжал. Все проявляли одинаковое почтение к определенным животным и то же понятие о загробной жизни. Иероглифические знаки, которые появляются в середине V тысячелетия, хотя и изолированные, постепенно развиваются в связную систему письма. Наконец, искусство с его условностями развивается постоянно начиная со строгих статуй амратского периода вплоть до статуй архаической эпохи, потом — Древнего царства. Когда около 3100 года до н. э. появились редкие культурные черты, заимствованные в Азии, они тут же были поглощены и трансформированы нильской цивилизацией, которая уже тогда обладала — и обладала еще долгое время спустя — своим собственным характером: она несколько не изменилась и даже не ускорила свое развитие.

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА, ИЛИ ТИНИТСКОЕ ЦАРСТВО (I-II ДИНАСТИИ)

С легкой руки Манефона зачастую даже сегодня признают, что первого фараона первой из 30 «династий» египетского происхождения, правивших Египтом с IV тысячелетия до н. э. до IV в. до н. э., звали Менесом¹⁵. Фактически, о появлении царя Менеса (в форме *Мени*) в иероглифических текстах с уверенностью можно говорить только

¹⁵ Геродот (II, 99) приписывает «Мину»/Менесу (в форме τοῦ Μίνα / τοῦ Μίνι) сооружение плотины, которая, отравив течение Нила, якобы позволила выстроить Мемфис, защищая его при этом от наводнений.

начиная с XVIII династии около 1500 года до н. э. и можно усомниться в том, что именно так звали первого царя архаической эпохи (Derchain, 1966; Vercouter, 1988).

Имена фараонов I династии, которые можно прочесть на современных документах (палетках, печатях, табличках, цилиндрах, отпечатках печатей), отличаются от тех, что дошли до нас благодаря манефоновской традиции, как от тех, что сохранились в царских списках.

Приход I династии к власти и значительное количество сопровождающих ее письменных документов делают объединение Египта весьма ощутимым фактом. Тем не менее, было бы ошибкой видеть здесь разрыв в политической эволюции страны: до прихода к власти первого фараона, между 3200 и 3100 годами царил-де политический хаос с множеством независимых, враждующих друг с другом государств, а после 3100 ± 120 единственный монарх, воцарившийся в метрополии, якобы получил полную власть над всей Долиной. Действительность была гораздо сложнее: абсолютная монархия фараонов с божественным правом стала результатом длительной эволюции в ходе многих поколений.

Таблица VI

Фараоны I династии

Документ	Манефон*	Списки**	Царствования***	Датировка по ¹⁴ C (калиброванная)****
1. Нармер	Менес (60 лет)	Мени	Около 3185–3125	
2. Аха	Аготис (27 лет)	Тети (II)	3125–3095	3100 ± 120
3. Джер	Кенкенес (29 лет)	Ити	3095–3040	
4. Уаджи-Джет	Уэнефес (42 года)	Ита	3040–3030	3080 ± 120
5. Ден (Удиму)	Усафаис (20 лет)	Земти (?)	3030–2985	3000 ± 120
6. Аджиб	Миебис / Ниебаис (26 лет)	Мербиапе	2985–2975	
7. Семерхет	Семемпсес (18 лет)	Семсем	2975–2965	
8. Ка	Убиентес (26 лет)	Кебех	2965–2930	2925 ± 110

Общая продолжительность восьми царствований: по Манефону, 252 / 253 года (¹); согласно Палермскому камню, 194 года от Аха до Ка, или 254 года, если добавить 60 лет царствования Нармера.

* См. Waddell, 1964, 30–35.

** По Gardiner, 1961, 430.

*** Даты, полученные на основании Палермского камня (Helck, 1987, 125), причем начало царствования Аха датируется 3125 годом до н. э. (Hassan, 1980, 206).

**** По Hassan, 1980, 204.

NB. Даты царствований округлены к 5 или 10.

(1) Сумма цифр, приведенных Африканом для каждого царствования, равняется 263, а не 253 (Waddell, 1964, 29 и п. 7).

При V династии, около –2500 — вероятная дата Палермского камня — сохранившийся на нем фрагмент анналов (см. выше, с. 76) дает имена семи государей в красной короне (см. рис. 29.2). Мы знали бы больше, если бы этот фрагмент дошел до нас без лакун, поскольку в нем можно увидеть места, где должны были бы быть имена еще

восьми царей; другой фрагмент того же документа показывает семь фараонов, которые носят двойную корону, или *нсхент* (рис. 29.3), но их имена утрачены (Breasted, 1931); и в этом документе также видны следы мест, где должны были находиться еще три или четыре имени правителей.

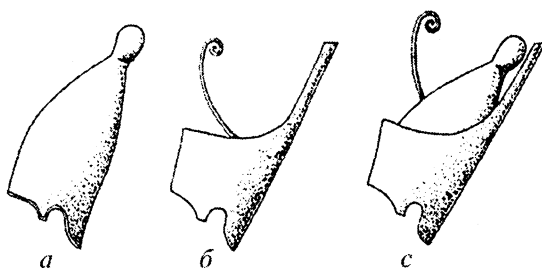

Рис. 29. Три короны Фараона

1. Белая корона Верхнего Египта.

2. Красная корона Нижнего Египта.

3. Двойная корона Нижнего и Верхнего Египта (*нсхент*)

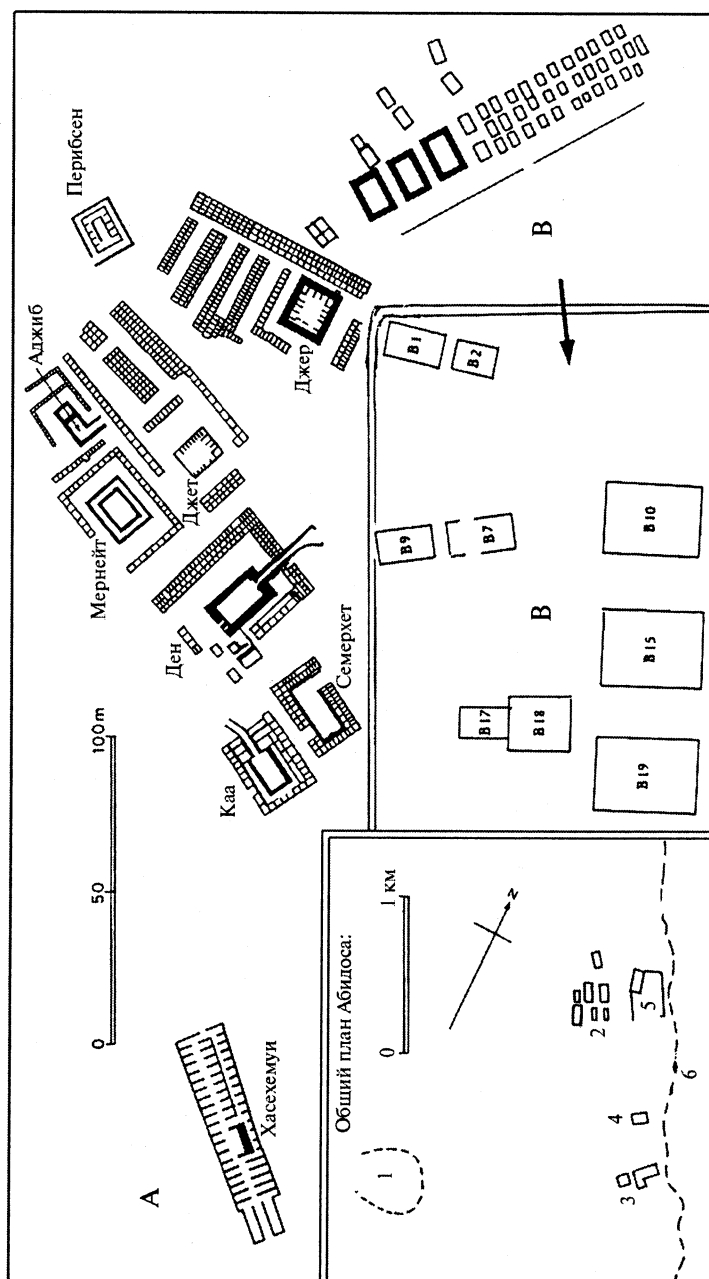
Итак, только на фрагментах из Палермо и Каира фигурируют по меньшей мере 25 имен царей, которые правили всем Египтом или его частью до I династии. Принимая во внимание объем лакун, а также и то, что мы не можем с уверенностью определить первоначальные размеры Палермского камня, невозможно определить, сколько же именно царей правили до –3100 года, или понять, были ли персонажи, увенчанные белой короной, равным образом представлены наряду с царями, носившими красную или двойную корону¹⁶.

Итак, согласно Палермскому камню, до I династии около десятка царей уже царствовали над единым Египтом (Breasted, 1931); они фактически носили двойную корону, которая, по египетской традиции исторической эпохи, символизировала царскую власть над Египтом в целом — белая корона над Верхним Египтом, красная — над Нижним.

Эти последние додинастические цари¹⁷, которые составляют то, что иногда называется «нулевой» династией, были погребены в Умм эль-Кааб, где находится некрополь Абидоса (Kaiser-Dreyer, 1982; Helck, 1987). Эти гробницы, расположенные довольно далеко в пустыне (см. карту VII), меньших размеров, чем у фараонов I династии, и очень близки к ним — то ли потому, что эти фараоны хотели покоемся рядом со своими предками, то ли потому, что еще с этой далекой эпохи Абидос был посвящен богу-псу Хентименти, богу умерших, местному предшественнику Осириса, и уже обладал тем престижем, который был ему присущ на всем протяжении истории Египта, вплоть до македонского завоевания и позднее.

¹⁶ Иногда ошибочно говорят о наличии царей, носящих одну белую корону Верхнего Египта (см. рис. 29.1) на Палермском камне, как и на фрагменте из Каира.

¹⁷ Существование шести из них (все — предшественники Нармера) известно благодаря документам с надписями или декором, происходящим из Иераконполя, Таркана, Абидоса, Завийет эль-Ариана и восточной Дельты (Helck, 1987, 94–95).

Карта VII. Царские гробницы в Абидосе:

Общий план Абидоса: 1. Царские гробницы (Умм эль-Кааб). 2. Заупокойные дворцы.

3. Храм Сети I. 4. Храм Рамсеса II. 5. Осирейон. 6. Культуры.

А. Гробницы в Умм эль-Каабе. В. Кладбище «В» — В1-В2 Ири-Хор; В9-В7 Ка; В10 Хор-Аха; В17-В18 Нармер; В19 Нейтхотеп (?)

По Helck, 1987; Kaiser-Dreyer, 1982; Lauer, 1985; репринт 1989

После нового исследования царского некрополя в Абидосе в 1982 году, атрибуции гробниц, установленные Питри в конце XIX века, были пересмотрены (Kaiser-Dreyer, 1982 и карта VII). В ходе этого обследования по меньшей мере две гробницы фараонов — предшественников Нармера — были отнесены к определенным царям. Принимая во внимание пересмотр 1982 года, как и документы, обнаруженные после тех, что были собраны Питри и Амелино (см. ниже), может быть предложена возможная последовательность пяти из этих правителей, предшествующих царю Скорпиону и Нармеру (табл. VII).

Таблица VII

«Нулевая» династия по Kaiser-Dreyer, 1982

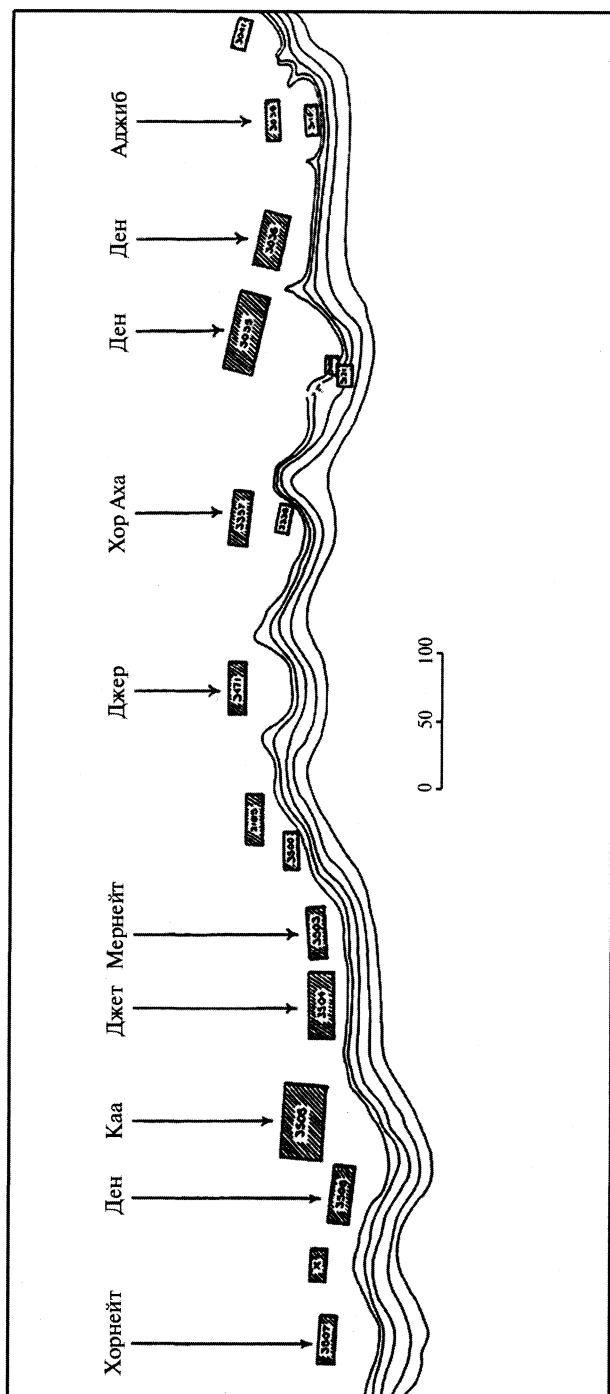
1. Хор	«с серехом» ^a , на котором сидят два сокола
2.	*Ни-Хор ^b
3. —	*Хам-Хор ^c
4. —	Ири-Ро ^d (гробница B1-B2)
5. —	Ка ^e (гробница B9-B7)
6. —	Скорпион
7. —	Нармер (гробница B17-B18)
a. Серех (ср. рис. 30 ниже) этого царя не содержит его имени; b. Чтение неясно, <i>серех</i> этого царя был найден в Тархане; c. Чтение неясно, <i>серех</i> этого царя был найден в Туре; d. Чтение оспаривает Хельк (Helck, 1987); e. Чтение оспаривает Хельк (Helck, 1987). Каплони (Kaplony, 1958) читает <i>shn/сехен</i> .	

Вплоть до 1939 года полагали, что все фараоны архаической эпохи были погребены в Абидосе. Это убеждение основывалось как на авторитете Манефона, который приводит в качестве места, откуда произошли две первые династии, город Тинис вблизи Абидоса, так и на результате раскопок, предпринятых в Умм эль-Кааб Амелино, а затем Питри, которые с 1895 по 1911 год обнаружили там гробницы, изобиловавшие источниками с именами фараонов этих династий (Amelineau, 1897–1898 и Id., 1899–1902; Petrie, 1900, 1902 и 1903; Naville-Peet, 1913–1914).

Между 1938 и 1958 годами открытие больших гробниц (также архаических) в северной части некрополя Саккара (см. карту VIII) поставило прежнюю уверенность под вопрос. В Абидосе или в Саккара были похоронены фараоны I династии?

Чтобы объяснить наблюдения, сделанные в ходе раскопок обоих памятников, были выдвинуты две гипотезы: 1) гробницы в Саккара являются настоящими гробницами фараонов I династии, а гробницы в Абидосе — всего лишь кенотафы, воздвигнутые в их память, как фараонов Верхнего Египта (Emery, 1961; Lauer, 1985); 2) гробницы в Абидосе действительно принадлежат фараонам I династии, а гробницы в Саккара — очень высоким чиновникам, вероятно, близким родичам государей (Kaplony, 1963; Kemp, 1966; 1967; Kaiser-Dreyer, 1982).

Восемь фараонов I династии царствовали примерно с 3180 по 2925 год (ср. табл. VI выше), то есть в течение более двухсот лет. В весьма многочисленных современных гробницах — царских, гробницах высших чиновников или просто людей привилегированного положения — изобилие погребального инвентаря и его качество говорит

Карта VIII. Архаический некрополь в Саккара
По Stadelmann, 1985, p. 10

о процветании архаического Египта. Становится все больше ваз из камня и керамики, как и оружия, инструментов, орудия из дерева, меди или слоновой кости. Если драгоценных металлов (в том числе золота) пока нет, это, несомненно, результаты интенсивности грабежей как в древности, так и в наше время. Многочисленные письменные документы: цилиндры, таблички из слоновой кости или черного дерева, заупокойные стелы — позволяют составить представление об организации зарождающейся централизованной монархии и ее попытках распространиться вне долины Нила.

Начиная с I династии появляется то, что называют традиционной царской «титулатурой» (или «протоколом»). Этим титулом фараона облакали во время церемонии коронации, и она, начиная с Древнего царства, содержит пять постоянных титулов, в которых фигурирует или просто личное имя, или короткая фраза, особая для каждого фараона (Gardiner, 1957, 71–76; von Beckerath, 1984, 1–40). По меньшей мере три из этих ритуальных титулов использовались фараонами I династии. Первый являлся *хоровым именем* фараона. Его записывали в прямоугольнике — схематическом изображении царского дворца *сереха*, на котором сидит сокол, символизирующий бога Хора (рис. 25 и рис. 30а), откуда и название титула — *серех*. Этот титул переводят: «Хор имярек». На документах, происходящих из раскопок, этот титул используется для восьми фараонов I династии.

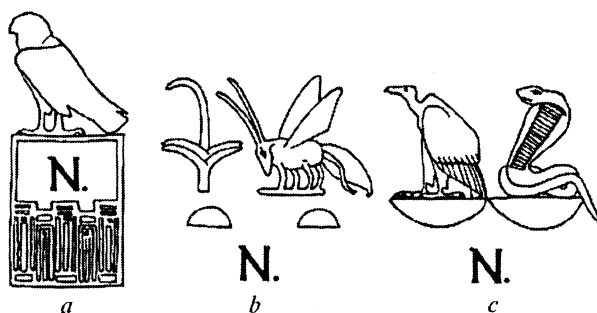

Рис. 30. Три титула царского протокола при I династии:
а — хорово имя; b — имя несут-бити; c — имя небти

Второй титул образуется из фразы *n(y)-swt-bity*, которую следует понимать так: «тот, кто принадлежит тростнику (*swt*) и пчеле (*bity*)» (рис. 30b), где тростник символизирует Верхний Египет, а пчела — Нижний, откуда и обычный перевод этого титула — «царь Верхнего и Нижнего Египта». В оригинальных надписях I династии этот титул употребляется по отдельности, без каких-либо пояснений. В классическую эпоху титул несут-бити предшествовал личному имени фараона, которое ему дали при рождении, имени, которое теперь заключается в «картуш» (Gardiner, 1957, 73–74). В оригинальных документах двух первых династий, известных до сего дня, никогда не используется картуш.

Третий титул царского протокола на документах I династии — так называемый титул «двух богинь», или «небти» (по возможному чтению групп знаков, которые служили для его написания: *кориун*, который представляет богиню Нехбет из Эль-Каба, и *кобра*, богиня-защитница из Депа (Буто); обе они начертаны над знаком корзины (*nb/неб*), который обозначает «господин / госпожа» (Gardiner, *ibid.*, 73 и рис. 30c выше).

Поскольку города Эль-Каб и Буто находятся один в Нижнем, другой в Верхнем Египте, предполагали, что титул *небти*, как и *несут-бити*, относятся к царствам Севера и Юга, общим владыкой которых был фараон. Эта интерпретация, действенная для классической эпохи, не обязательно соответствует действительности для архаики.

Итак, в конце IV тысячелетия до н. э. утвердилось большая часть царской титулатуры. Титулы, которыми облакали фараона во время церемонии коронации, давали ему силу, откуда и желание повторить эти обычаи, когда с течением времени их магическая сила слабела. Это обновление осуществлялось во время отмечаемого праздника *Сед*, существование которого засвидетельствовано еще со времен первых царей архаической эпохи (Helck, 1987, 17–21).

Источники по истории I династии делятся на два разряда. В первую очередь это письменные документы того времени, такие как цилиндрические печати или их отпечатки (Vandier, 1952, 861 и сл.), из которых мы узнаем о существовании при определенном фараоне определенных служб и о титулах чиновников, которые ими заведовали; таковы и прямоугольные таблички из слоновой кости, черного дерева или другой древесины (*ibid.*, 827 и сл.), которые, судя по всему, отмечают замечательные события того или иного царствования. Главный интерес этих табличек в том, что они позволяют предположить существование еще со времен фараонов I династии настоящих «анналов», где фиксировались события, происходившие во время того или иного царствования (Redford, 1986, 86–88). Эти подлинные анналы, ныне утраченные, должны лежать в основе других имеющихся у нас источников по истории архаического периода: Палермского камня, царских списков, Туринского папируса и того, что осталось от труда Манефона.

Часть Палермского камня, которая касается I династии, сохранилась очень плохо (Kaiser, 1961, 42–46). События, происшедшие в ходе восьми царствований этой династии, судя по всему, записывались год за годом. К несчастью, мы располагаем лишь ничтожно малой частью лет, которые первоначально упоминались в летописи. Более того — все имена фараонов утрачены за исключением имен Джера и Дена, второго и пятого фараонов династии. Таким образом, невозможно понять, какому правителю следует приписать упомянутые события: празднование религиозных или царских церемоний, прежде всего праздника Сед, изготовление статуй принцев и божеств, переписи, войны, основания храмов... Следует заметить, что высота разлива Нила сохранилась почти для всех дошедших до нас лет, то есть еще с архаической эпохи египтяне наблюдали за разливом и отмечали его высоту, от чего зависело благосостояние страны (см. выше, с. 52–54 и 85).

«Царские списки», которые являются плодом более поздних компиляций, чем те, которые легли в основу Палермского камня, подтверждают только порядок наследования фараонов этой династии. Если бы Туринский папирус дошел до нас в хорошем состоянии, то он дал бы нам, помимо всего прочего, и длительность каждого из царствований. Продолжительность царствований в годах, упомянутая гораздо позднее еще Манефоном, сохранилась в различных эпитафиях его труда (Waddell, 1964 и табл. VI выше).

Для обозначения архаических фараонов царские списки и Туринский папирус используют только титул *несут-бити* и личное имя государя, обведя его картушем. При этом в документах того времени используется только хорошо имя и очень редко — имя

небти, а в поздних источниках и то и другое не упоминается. Поскольку нельзя быть уверенным, откуда взялись имена, сохраненные этими последними, и насколько можно доверять этим данным, теперь для обозначения архаических фараонов используют только хорово имя. Отождествление хорова имени и имени из картуша (ср. табл. VI) может основываться только на порядке наследования, указанном в списках, и остается открытым вопрос, действительно, ли «Хор *имярек*» в документах является «царем Верхнего и Нижнего Египта Y...» из списков.

Эта проблема очевидна и для имени первого архаического фараона — Мени, которое упоминается в окружении картуша как в царских списках, так и в Туринском папирусе, и которого отождествляют с манефоновским Менесом. Фактически, нельзя с уверенностью говорить о том, что это имя фигурирует в каком-либо документе, современном первым династиям (Derchain, 1966, 31; Wildung, 1969, 4). Кем же был тот первый исторический фараон, что правил Египтом?

Было выдвинуто множество гипотез, которые горячо обсуждали египтологи (Emery, 1961, 31; Lloyd, 1988, 6–10). Согласно одной гипотезе, это был Хор Нармер с большой палетки из Иераконполя (см. выше, рис. 24); по другой — это Хор Аха, «Боец», известный по многочисленным документам, происходящим как из Абидоса, так и из Саккара; третья гипотеза пытается примирить две первые, видя в «Аха» новое «хорово» имя, которое Нармер якобы принял после своей предполагаемой победы над Севером (Vandier, 1952, 830–831).

Кто бы ни был мифическим Менесом, Мени из списков — Нармер или Аха — манефоновская традиция по разным версиям приписывает ему от 30 до 60 лет царствования и называет его победоносным завоевателем. Погиб он якобы от того, что его утащил гиппопотам (Waddell, 1964). Согласно Геродоту, отведя течение Нила плотиной у входа в Дельту и осушив земли, откуда отошла река, он основал Мемфис и построил первый храм Птаха (Геродот, II, 99; Lloyd 1988). Наконец, Диодор (I, 89) сохранил традицию, по которой Менес, преследуемый собственными собаками во время охоты, был спасен крокодилом, который перевез его на спине через Меридово озеро (Файюм), где он нашел себе убежище. Признательный Менес основал город Крокодилополь, очень древний египетский город Шедет (Lloyd, *ibid.*, II, 308).

Говорили о том, что эти черты, приписанные первому египетскому фараону-человеку в Египте, могут объясняться тем, что поздние египетские информаторы хотели представить его как идеального фараона (Derchain, 1966) или даже отождествить его с неким демиургом (Brunner, 1953). Тем не менее, следует отметить, что эпизод с бегемотом-убийцей может соответствовать додинастическому конфликту между Накадой, божеством которой был Сетх, покровитель гиппопотамов, и повелителями Иераконполя, возможной столицы «последователей Хора», предшественников «исторических» фараонов.

Как упоминание у Диодора об основании Шедета (Крокодилополя) первым историческим фараоном не содержит ничего неправдоподобного, как показывает архаическая надпись, связывающая имя Хора Нармера с именем этого города (Lloyd, 1988, II, 304); так и открытие в Палестине предметов с *серехом* того же самого Нармера (см. выше) или присутствие его имени на наскальной надписи в Вади эль-Гаш между Коптосом и Красным морем (Emery, 1961, 47) может оправдать его репутацию «победоносного завоевателя» в манефоновских источниках. Наконец, число и значимость

архаических некрополей в Саккара и Хелуане начиная с царствования Аха доказывают, что мемфисский регион переживал демографическую экспансию.

Мы не можем узнать, действительно ли, как говорит традиция, осушение этих земель и их сельскохозяйственное освоение были результатом деятельности одного Мени, кем бы он ни был; тем не менее, вполне вероятно, что именно в эту эпоху жители начали строить плотины, чтобы защитить от разлива рождающиеся поселки. С другой стороны, заселение с первых династий поселения Мемфис (сегодня Мит-Рахине) на наносной долине подтверждается находкой архаических черепков в его южной части (Lloyd, 1988, 12). Утверждение Диодора (I, 45), что именно Менес «ввел в употребление столы, ложа, богатые ковры, одним словом — роскошь и мотовство» также подтверждается изобилием, а зачастую и богатством погребального инвентаря архаических гробниц Хелуана, и прежде всего — Саккара. Хотя они могут показаться странными и даже неправдоподобными, данные, которые дают нам поздние классические источники — греческие и латинские — возможно, не следует отбрасывать: египетские информаторы Геродота, Манефона и Диодора, видимо, сохранили данные о событиях, которые происходили приблизительно три тысячи лет назад — данные, которые они плохо понимали, но которые следует принимать во внимание, хотя и невозможно определить, основаны ли они на чем-то или нет.

Аха «Боец» (около 3125–3095 годов до н. э.), наследник и, возможно, сын Нармера (Grdseloff, 1944), известен по многочисленным документам, происходящим как из Абидоса, так и из Саккара и с других памятников (Kaiser-Dreyer, 1982, 266). Согласно различным версиям Манефона Аха (под именем Атотис) якобы построил царский дворец в Мемфисе. Он также якобы занимался медициной и написал труды по анатомии. Он царствовал, согласно Евсевию, 27 лет, по Африкану — 57 (Waddell, 1964).

Присутствие в Саккара трех больших гробниц, современных Аха (Emery, 1959), доказывает важность Мемфиса начиная с его царствования, и вполне возможно, что большой участок в Мит-Рахине к югу от храма Птаха отмечает бывшее местоположение дворца, который этот фараон там построил (Kees, 1961, 148). Упоминание его имени в медицинском папирусе Эберс (около 1580 года до н. э.) вполне правдоподобно, и это показывает, что традиция о его связях с медициной очень древняя (Edwards, 1971, 23).

Если манефоновские традиции, относящиеся к дворцу в Мемфисе и медицине, должны оставаться в области гипотез, то, напротив, оригинальные документы с именем Аха — прежде всего таблички (Helck, 1988, 144–149; Vandier, 1952, 827–840) — позволяют с уверенностью говорить о его походах против нубийцев и ливийцев, а также о сохранении торговых связей с Палестиной, возможно даже и с Библом и Ливаном (Kees, 1961, 108). Результатом кампании против Нубии могло быть присоединение в Верхнем Египте территории между Силсилой и Элефантиной (Trigger, 1983, 61).

Таблички с именем Аха упоминают также об изготовлении во время его царствования изображений, скульптур, барельефов бога-пса Анубиса-Хентиментиу и его символа-фетиша *Имиут*¹⁸, об основании крепости, а также о человеческом жертвоприношении перед царским дворцом (Helck, 1987, 149).

¹⁸ *Имиут* представлял собой шкуру зверя, подвешенную на колу. Французские египтологи называют эту шкуру «небридой» (Vandier, 1952, 835, п. 3) по аналогии со шкурой оленя, которую носил Дионис.

Супругу Аха звали Нейтхотеп — «Богиня Нейт довольна». Ей нередко приписывают большую гробницу, расположенную в Накада (Vandier, 1952, 634). Долгое время ее атрибутировали Менесу: безусловно, она восходит к I династии и могла принадлежать высокому чиновнику при Аха, возможно, отцу царицы (Vandier, *ibid.*, 637). Из этой гробницы происходят две из самых важных табличек, о которых говорилось выше. В браке Аха видели желание обеспечить верность северных египтян, ибо в историческую эпоху Нейт была богиней-покровительницей города Саиса на западе Дельты. Тем не менее, точно не известно, действительно ли Нейтхотеп была родом из Нижнего Египта (Vandier, *ibid.*, 635), и это ослабляет гипотезу о дипломатическом браке.

Аха приписывалось две гробницы — одна в Абидосе, другая в Саккара (см. карты VII и VIII).

Аха наследовал некий недолговечный фараон, который не упомянут у Манефона. Это мог быть Тети, упомянутый сразу после Менеса в царском списке из Абидоса (Gardiner, 1961, 430). Нейтхотеп могла быть регентом во время этого царствования, которое продолжалось якобы лишь год и 45 дней (Helck, 1956, 9–10 и *Id.*, 1987, 149).

Сразу после Атотиса-Аха манефоновские источники приписывают 39 лет царствованию его сына Кенкенеса, который, безусловно — Хор Джер оригинальных источников I династии. Его первое имя — Ити — известно благодаря Палермскому камню, где оно показано заключенным в картуш (Helck, 1987, 112), как и в царских списках (Gardiner, 1961, 130). События, происшедшие в ходе части его царствования (годы с 1-го по 9-й и с 20-го по 28-й), записаны на каирском фрагменте Палермского камня (Helck, 1987, 150–151). С другой стороны, множество табличек из дерева и слоновой кости сохранили воспоминания о событиях, современных его царствованию, которое продолжалось дольше, чем указано в манефоновских источниках, — оно длилось более полувека (Helck, 1987, 124), поскольку Джер, судя по всему, выполнил ритуал праздника Сед (Homung-Stachelin, 1974, 16–17), который в эту древнюю эпоху праздновался только на 30-м году царствования. Многочисленные оригинальные документы: стелы, в том числе и самого Джера, откаты печатей, предметы с надписями (или без), а также рисунки на скалах дают представление о том, чем была цивилизация Египта в конце IV тысячелетия до н. э.

Две большие гробницы — одна в Абидосе, другая в Саккара — принадлежат Джеру или современны его царствованию. Гробница в Абидосе (Petrie, 1901, гробница 0 = Reisner, 1936, 22) с большими шахтами, обложенными кирпичами и окруженными складами, гораздо больше, чем у предшественника Джера — Аха (ср. карту VI, пункт А). Верхняя часть постройки утрачена. Райзнер (Reisner, 1936, 326) предположил, что она представляла собой что-то вроде ступенчатой пирамиды с большим плоским верхом, но эта реконструкция оспаривается (Lauer, 1962, 45–46). Погребальная камера, видимо, была полностью сделана из дерева. Главную могилу окружали ряды вспомогательных; всего их было 338. Предполагают, что они принадлежали людям из царского окружения, которых якобы принесли в жертву во время похорон (Emery, 1961, 62; Edwards, 1981, 59).

Гробница в Абидосе — разграбленная и сожженная еще в глубокой древности, — снова была использована при XVIII династии как святилище бога Осириса; святилище осталось в употреблении вплоть до XXVI династии (Petrie, 1901, 8). Одна из стел с круглым верхом, которые окружали входные ворота в гробницу (Reisner, 1932, 331), была найдена разбитой (Petrie, 1901, 32); имя царя написано там в *серехе*, увенчанном соколом

(Emery, 1961, 63, рис. 26). Семьдесят других стел были найдены во вспомогательных могилах: на всех содержится имя и почти на всех — титул похороненного человека; зачастую надпись дополняет грубое изображение (Vandier, 1952, 732), и это позволяет заметить, что большинство могил принадлежит женщинам (Petrie, 1901, 31–33).

Хотя абидосская гробница Джера и была ограблена, она дала многочисленные остатки погребального инвентаря. Они все говорят о богатстве: пластинки из слоновой кости и дерева с надписями, вазы из тех же материалов, резные пешки для игры в виде лежащих львов, вазы, наконечники стрел из горного хрусталя, орудия из меди (Petrie, 1901, pl. V–VI). Самая интересная находка — это мумифицированная человеческая рука, на которой еще оставалось четыре браслета. Браслеты сделаны из бус и украшений из золота, лазурита, бирюзы и аметиста (*ibid.*, pl. I, цветная, Aldred, 1971, pl. 1): эти украшения демонстрируют умение египетских ювелиров конца IV тысячелетия до н. э., но прежде всего они доказывают, что тело Джера действительно находилось в этой гробнице: один из браслетов, сделанный из пластинок в форме *serpexa* с его именем, судя по всему, мог принадлежать только лично фараону (Vandier, 1952, 812).

Погребение Джера — или же высокого чиновника при его дворе — в Нижнем Египте (Emery, 1941, 61; Lauer, 1962, 26), гробница 3471 в Саккара (см. карту VIII) сохранилось лучше, чем абидосское. Оно свидетельствует о материальном развитии Египта в начале архаической эпохи. Его наземная часть — «мастаба в виде фасада дворца» (тип IB по Райзнеру, 1936) — похожа на большую гробницу в Накада, относящуюся к предыдущему царствованию (ср. рис. 31).

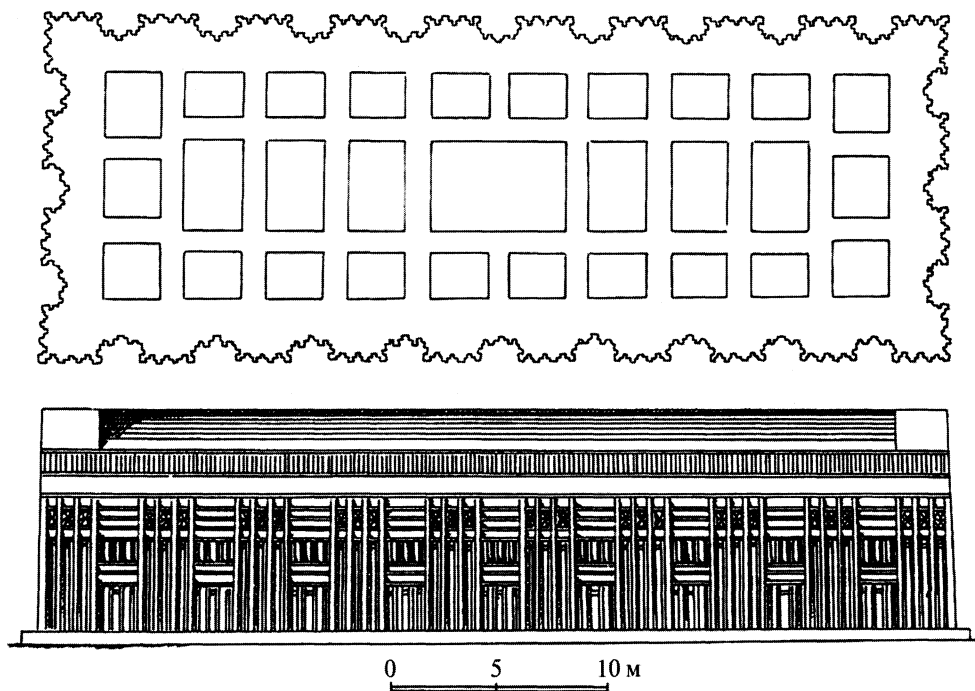

Рис. 31. Большая гробница архаического периода
По Emery, 1961

Эта гробница также была разграблена в древние времена, но, тем не менее, там был в изобилии обнаружен погребальный инвентарь, благодаря происшествию, случившемуся еще в древности: рухшая, крыша одной из погребальных камер потушила пожар, опустошавший гробницу (Lauer, 1961, 27), и, таким образом, предметы в этой камере не были разграблены. Археологи смогли обнаружить исключительное количество металлических предметов: 75 ваз разных форм, 86 ножей, 98 тесел, 62 мотыги, 61 резец для работы по дереву, 15 пробойников, 6 пил; на большей части этих инструментов еще сохранились ручки. К этому следует добавить 308 иголок и шил и 75 медных лезвий — несомненно, топоров — а также 85 браслетов из слоновой кости, меди, перламутра или кожи и три вазы из слоновой кости. Все эти предметы находились в четырех плетеных корзинах, на которых лежала пятая: там было 26 шиферных палеток; на одной из них высечено изображение фараона, убивающего коленопреклоненного врага — несомненно, ливийца. В той же камере находилась 121 ваза: из алебаstra, базальта, шифера, порфира, брекчий и хрусталя; большая часть разбилась, когда рухнул потолок.

Изобилие этого погребального инвентаря — который, несомненно, является лишь частью того, что было положено в гробницу во время похорон, — заставляло сделать вывод, что именно в гробнице 3471 в Саккара было действительно погребено тело Джера. Тем не менее, следует заметить, что, в отличие от абидосской гробницы, в ней гораздо меньше предметов с именем царя и что погребальная стела царя была найдена в Абидосе, а не в Саккара.

Благодаря Палермскому камню и различным предметам с надписями, которые происходят как из Саккара, так и из Абидоса и других мест, можно в целом представить себе царствование Джера: он продолжал линию политического объединения Египта и утверждения двойственного характера фараоновской власти церемониями «Очищения Двух Земель», то есть Нижнего и Верхнего Египта, которые фараон регулярно справлял, и частыми упоминаниями города Пе (Буто) в Дельте, что подчеркивает политическую значимость этого городского центра. Когда мирная жизнь в стране была обеспечена, Египет стал, видимо, все агрессивнее проявлять себя вне Долины: Палермский камень говорит нам, что на 23-м году Джер одержал победу над «азиатами», которых он «истребил». С другой стороны, наскальная надпись в Гебель Шейх-Сулейман (хотя ее атрибуция Джеру — ошибочно — оспаривается), немного к северу от II порога, доказывает, что еще с I династии, если не с «нулевой» (Needler, 1967), египетская армия была способна вести глубокие рейды вплоть до врат Верхней Нубии и что Египет мог контролировать Нижнюю Нубию от Элефантины до того, что скоро станет Бухеном.

Табличка из слоновой кости с именем Джера, открытая в Абидосе (Vandier, 1952, 843; Grimal, 1988, 64), возможно, содержит намек на гелиакический восход Сотис (ср. выше, с. 86). Поскольку маловероятно, что принятие солнечного календаря может восходить к 4245–4242 годам до н. э. (Vandier, 1962, 15), то есть к самому разгару неолита (ср. табл. V), присутствие богини Сотис в виде лежащей коровы со знаком года между рогов (Sethe, 1905, 63) может говорить о том, что еще с царствования Джера между 3095 и 3040 годами до н. э. египтяне связывали эту богиню с разливом Нила. Здесь мы имеем, так сказать, в зерне начало солнечного календаря, который будет принят при II династии, примерно два с половиной века спустя. Тем не менее, следует отметить, что такая интерпретация палетки не является бесспорной (Gordon, 1958, 143–150).

За пятидесятичетырехлетним царствованием Джера-Ити последовало правление «Царя Змея», *Уаджи* или *Джета*¹⁹, намного более краткое, ибо оно продолжалось примерно с 3040 по 3030 год до н. э. По различным версиям Манефона, он правил 23 или 22 года под именем *Унефеса* — сына Кенкенеса-Джера. Фактически, если опираться на вероятную реконструкцию Палермского камня, это царствование не должно было превышать 11 лет (Helck, 1957, 125). Манефоновская традиция разнится относительно его длины, но при этом единодушна в своем утверждении, что это царствование было отмечено большим голодом и что именно во время этого царствования были выстроены пирамиды в «Кохоме» (вариант — «Хо»), в которых предлагали видеть Саккара (Waddell, 1964, 29).

Упоминание о большом голоде порождает проблемы. Неурожаи, которые в Египте бывали всегда, могли стать результатом как плохого управления, так и — и это более частый случай — ежегодного разлива Нила: или недостаточного, или, напротив, катастрофического, разрушавшего на своем пути человеческие поселения (см. выше, с. 50–51 и Vercoutter, 1976, 144–145). Палермский камень, как правило, фиксирует высоту разлива на каждый год царствования фараона (Helck, 1987, 127), но, к несчастью для царствования Хора Змея, эти данные утрачены, так что невозможно определить, был ли голод, упомянутый в манефоновских источниках результатом исключительно сильного разлива или, напротив, — недостаточности одного или нескольких разливов подряд.

При том, что Палермский камень сохранился не полностью, две таблички-этикетки из слоновой кости, найденные в гробнице 3504 в Саккара, упоминают год «приготовления кладовой (?)» и имя высокого чиновника, которому принадлежала гробница (Helck, *ibid.*, 155). Согласно тем же самым документам, имя «двух богинь» (см. выше, с. 201) Хора Змея было *Итерти*: это имя напоминает об объединении Верхнего и Нижнего Египта под его властью (Gardiner, 1958). В ходе его царствования экспедиция проникла в Восточную пустыню, следуя по долине Вади Аббад: *серех* Хора Змея был процарапан на скале примерно в 25 километрах к востоку от Нила (Clere, 1938). Этот факт был проинтерпретирован, как указание на то, что дорога, которая в птолемеевскую эпоху кончалась портом Береника, уже использовалась фараонами I династии для торговых или военных целей (Clere, *ibid.*; Edwards, 1971, 25). Тем не менее, следует отметить, что Вади Аббад вел также к Вади Аллаки и Кабгаба, то есть к золотым рудникам Нижней Нубии (Vercoutter, 1959). Далее к северу, в районе Лакейты в 120 километрах от Красного моря упоминалось о следах «архаических» деревень, возможно, по дате близких к царствованию Джера; судя по всему, они не были раскопаны (Debono, 1951, 69–73).

Таинственный персонаж — современник Хора Змея — ставит при нынешнем состоянии наших источников неразрешимую проблему. Его имя — Мернейт — засвидетельствовано многочисленными письменными источниками, но его положение в I династии и даже его пол остаются неизвестными. Это имя не фигурирует ни у Манефона, ни в царских списках, и тем не менее, как и у всех царей этой династии, Мернейт

¹⁹ Чтение ненадежно. Вполне возможно, что знак кобры, которой использовали для написания этого имени (см. прекрасную стелу из Лувра, *TEL*, 1935), читавшийся некогда, как *Джет*, должен читаться *Уаджи*.

приписано две гробницы — одна в Абидосе (см. карту VII-A выше, на с. 198) и другая в Саккара (гробница 3503, см. карту VIII).

Наряду с мужской формой имени «Мернейт», мы также находим женскую форму — «Мер(и)тнейт», и поэтому эту особу чаще всего считают царицей. В ее гробнице в Абидосе были найдены две стелы того же типа, что и фараонов I династии; но, в отличие от них, имя не заключено в *серех*, и на нем нет сокола Хора (см. рис. 32): на это и опирается гипотеза о женском поле.

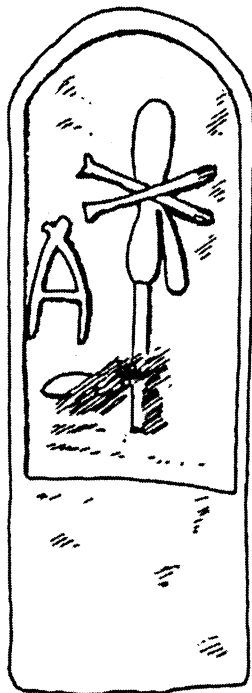

Рис. 32. Заупокойная стела Мернейт.

По своей архитектуре и размерам эти гробницы — как в Абидосе (Reisner, 1936, 23, 327), так и в Саккара (Emery, 1954, 128, 170) — не отличаются от гробниц фараонов I династии, и даже зачастую более значительны, чем эти последние. Если верить некоторым ученым, то Мернейт была дочерью Джера (Kaplony, *LA*, I, 1110) и супругой Хора Змея; другие считают, что она родилась при Джере и, не будучи особой царской крови, вышла замуж за Хора Змея и стала матерью Дена, при котором была регентом, и скончалась в начале его царствования (Fischer, 1963, 43; Edwards, 1971, 25); или же она просто была супругой Дена (Vandier, 1962, 140). По Эмери (Emery, 1961, 65), она могла быть наследницей Джера и, таким образом, третьим правителем династии, за которой следовал Хор Змей. Наконец, предлагалась датировка и до Джера (Kaplan, 1979).

Какую бы гипотезу не принять, если Мернейт действительно женщина, как можно предположить, то значительность ее гробниц и число вспомогательных погребений, которые окружают гробницу в Абидосе, — 77 — свидетельствуют о том, что женщины,

матери или супруги царей, играли значительную роль с самого зарождения фараоновской монархии.

Согласно манефоновским источникам, наследник Уэнефеса, Хора Змея, был его сыном. Его якобы звали Усафаис (вариант — Усафаид, Waddell, 1964, 28–38), и он царствовал 20 лет. Те же самые источники не упоминают никаких достойных внимания событий в его царствование.

Манефоновский Усафаис — не кто иной, как Хор Ден из многочисленных современных этому фараону документов. Чтение его имени «Удиму», раньше часто использовавшееся, теперь оставлено в пользу «Дена»; его личное имя в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта записывалось дважды повторенным знаком горы (𐀓). Эту группу иероглифов можно прочесть *Хаст* или *Семти*, и можно колебаться между тем или другим прочтением. Египетские компиляторы эпох Нового царства и Греческого времени также должны были испытать трудности при прочтении этого имени: если знак горы написать курсивом, то он очень близок к другому иероглифу, который при удвоении читается, как *Семти*. Именно это объясняет, что Ден стал «Царем Верхнего и Нижнего Египта Септи» в Абидосском списке и что манефоновский «Усафаид» фактически является транскрипцией поздней формы того же слова — *Хесемти* (Edwards, 1971, 26). Имя *Хаст* (или *Семти*) означает «Пустынный, Человек из пустыни». Возможно, это было прозвище, данное государю за его военные походы против кочевников на Востоке и на Синае.

Хор Ден, царь Верхнего и Нижнего Египта Хаст, царствовал дольше, чем указано у Манефона, поскольку его царствование продолжалось больше 42 лет, с 3030 до 2985 года до н. э. (Helck, 1987, 125). Некоторые события, происшедшие при этом царствовании, известны нам по табличкам-этикеткам, найденным в Абидосе и Саккара (Vandier, 1952, 850–855; Helck, 1987, 158–161); и прежде всего по тому, что дошло до нас на Палермском камне, — как на основной части камня, так и на фрагменте, открытом в 1963 году (Cénival, 1965). Сохранились годы с 18-го до 22-й и с 28-го по 41-й (Helck, 1987, 156–158), что охватывает около половины царствования. Мы узнаем, что Ден предпринял множество военных кампаний вне долины против азиатов, кочевников Синая и врагов, имя которых — *тесемтиу* (?) — не упоминается в более поздних текстах. Отмечены и всевозможные религиозные церемонии: как правило, освящение многочисленных изображений богов или празднование годовщины их установки. Среди перечисленных церемоний те, что касаются праздника Сед (выше, с. 206 и Helck, 1987, 6–21), занимают преобладающее место как на табличках, так и на анналах на Палермском камне. Церемония, отмечавшаяся на 30-м году царствования, содержала в эту эпоху, судя по всему, все обряды, которые соблюдались в ходе последующих столетий: бег царя и бег быка Аписа, сооружение специального павильона на помосте с двойной насыпью, «явление» там царя, облаченного в особое одеяние, увенчанного один раз белой короной Верхнего и в другой раз — красной короной Нижнего Египта. Двойная насыпь, характерная для павильона праздника Сед, хорошо представлена как на табличках, так и в анналах.

Высота разлива тщательно отмечалась в анналах каждый год; она дошла до максимума более чем в 8 локтей на 30-м году его царствования — год праздника Сед. Этот разлив, самый сильный из известных нам в архаическую эпоху (Helck, 1987, 128),

должен был быть исключительным: напротив, самый слабый — в 2 локтя на 35-м году — не был самым плохим. Возможное упоминание на 31-м году рытья каналов египтянами Севера — «*рехит*» времен Нармера — может говорить о том, что уже в III тысячелетии до н. э. начался долгий процесс, которому было суждено завершиться контролем над разливами с помощью систем оросительных бассейнов (см. выше, с. 51–52).

Заимствуя информацию из источников, к которым у Манефона, судя по всему, не было доступа, египтяне эпохи Нового царства утверждали, что по меньшей мере две «главы» *Книги Мертвых* были написаны во времена Дена (Barguet, 1967, 165, 173) и что, как и Аха (см. выше, с. 204), Ден интересовался медициной (Edwards, 1971, 27).

Как и его предшественникам — фараонам I династии — Дену приписывали две гробницы. Гробница в Абидосе (гробница Т по Petrie, 1900; ср. карту VII-A, выше) была одной из самых больших и, несомненно, самой прекрасной в царском некрополе — до того, как она была сожжена, а потом реставрирована при XXVI династии (Vandier, 1952, 626). Эта гробница, наряду с многочисленными отпечатками печатей с именем царя дала большую часть — около 20 — табличек из слоновой кости и черного дерева, связанных с событиями его царствования (Petrie, 1900, I, 11). Таблички-этикетки служили в основном для «маркировки» погребального инвентаря, который, таким образом, должен был быть очень богатым. Во время раскопок были обнаружены еще сохранившиеся следы гранитных плит, которые лежали на полу подземных комнат гробницы. Это первый пример использования камней в египетской архитектуре.

В Саккара очень большая мастаба (№ 3035 по Эмери — Emery 1938 и карта VIII выше) приписывается Дену (Emery, 1961, 76) в значительной части благодаря ее размерам и богатству открытого там погребального инвентаря. Тем не менее, вероятнее, что речь идет о погребении высокого чиновника при дворе этого фараона — Хемака, канцлера Нижнего Египта при Дене, и, возможно, его родственника. Имя Хемака было найдено не только на предметах, которые происходят из его гробницы, но и на других памятниках (Edwards, 1981, 27).

Благодаря гробнице Хемака, где значительная часть погребального инвентаря ускользнула от грабителей (Emery, 1961, 76 и *passim*), музей Каира обладает существенной коллекцией предметов, которые с уверенностью датируются I династией и свидетельствуют о техническом мастерстве ремесленников и экономическом процветании архаического Египта. Среди самых интересных находок следует обратить внимание на два свитка чистого папируса, закрытых в деревянной коробке (Emery, 1961, 233–235). Существование этих свитков показывает, что еще с конца IV тысячелетия египтяне располагали необходимыми средствами для записи достаточно длинных документов; следовательно, у них была возможность консультироваться с «архивами», в которых мало-помалу скапливались записи о важных событиях и высоте разливов.

Помимо его имени, о наследнике Дена известно мало. Манефон называет его Ниебаис (Waddell, 1964, 30–35), однако египтологи предпочли имя Миебис, основываясь на форме «Миабаес», которое дает одна из версий Синкелла (*ibid.*, 214).

Различные манефоновские источники отводят ему то 19, то 26 лет царствования. Документы, найденные в его гробнице в Абидосе (Petrie, 1900, гробница X, ср. кар-

ту VII-A), именуют его Хором *Аджибом*, царем Верхнего и Нижнего Египта Мербиане, что, несомненно, является истоком манефоновского «Миабаесса» (Černý, 1943). В этих документах перед именем иногда следует титул, который впоследствии исчез, написанный дважды повторенным знаком сидящего сокола. В этом титуле, который читается «Небуи», видели «Двух владык», то есть идентификацию царя с богами Хором и Сетхом (Edwards, 1971, 29) и, следовательно, еще один способ указать на двойственность власти фараона.

Царствование Аджиба не должно было продолжаться дольше десятка лет и падает на годы около 2985–2975 до н. э. Часть Палермского камня, которая рассказывала о его царствовании, утрачена (Helck, 1987, 124). Его гробница в Абидосе мала и бедна (см. карту VII-A). Она дала мало письменных документов: прежде всего это разбитые каменные вазы, на которых неумело стерто имя Аджиба — несомненно, его наследником Семерхетом. Мнение, согласно которому Аджиб был первым фараоном архаической эпохи, проживавшим в Мемфисе и признанным законным властителем Нижнего Египта (Emery, 1961, 80), основывается лишь на том факте, что его имя стоит в начале царского списка из Саккара (Wildung, 1969, 31). Его еще нужно подкрепить вескими доказательствами.

Бедность абидосской гробницы Аджиба (Vandier, 1952, 627; Reisner, 1936, 60–61) контрастирует со сложностью достаточно большой мастабы в Саккара (№ 3038, Emery, 1938, 82 и карта VIII выше), в которой предлагали видеть истинное погребение этого фараона (Emery, 1961, 82; Lauer, 1962, 35); тем не менее, более вероятно, что эта мастаба является гробницей высшего чиновника — современника Аджиба, Небетка, имя которого мы находим на отпечатках, которые все еще сохранились на месте, в мастабе; на косяке двери и на крышке зерновых ям, находившихся в гробнице.

Хотя и не царская, эта мастаба важна для истории архитектуры. Фактически, она содержит два различных элемента: погребение в виде «фасада дворца», похожее на большую гробницу в Накада (ср. рис. 31), и в его центре — прямоугольную ступенчатую мастабку, которая скрывает погребальную шахту, вырытую в почве и напоминающую будущие ступенчатые пирамиды III династии.

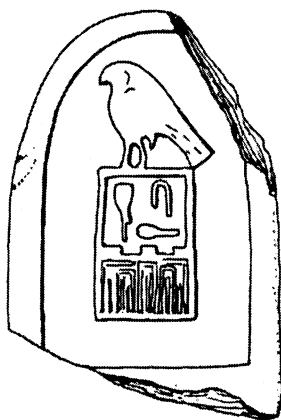

Рис. 33. Заупокойная стела Семерхета
По Emery, 1961

Седьмой — и предпоследний — царь I династии *Хор Семерхет* (в оригинальных документах), в различных версиях Манефона именуется Семемпсесом; Манефон отводит ему 18 лет, в ходе которых после появления зловещих предзнаменований произошло огромное бедствие (Waddell, 1964, 33). Его погребение в Саккара неизвестно. Погребение в Абидосе (гробница U по Питри; см. выше карту VII-A) содержало стелу из шифера обычного царского типа, на которой было начертано его имя в *серехе* (см. рис. 33). Давно разграбленная, эта гробница дала лишь несколько предметов: несколько каменных ваз с надписями, две таблички, несколько орудий и чашу из меди, а также несколько фрагментов из слоновой кости, относящихся к погребальному инвентарю.

Палермский камень, напротив, сохранил квадраты на девять лет отводимого ему царствования, то есть примерно с 2975 до 2965 года до н. э. (Helck, 1987, 162). Каждые два года он совершал обряд своего «явления» в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта, и каждый промежуточный год отмечался «обряд Хора»; возможно, это была процессия, следовавшая по течению Нила; по ее случаю взимались налоги и сборы, которые требовала корона (Redford, 1986, 88; Kees-James, 1961, 102). В течение царствования Семерхета разливы Нила, видимо, были достаточными; тем не менее, следует отметить, что на девятом году разлив был ненормально низок (Helck, 1987, 128); это, возможно, и соответствует «великому бедствию», упомянутому в манефоновских источниках.

Имя «двух богинь» (*небти*) Семерхета включено в его имя царя Верхнего и Нижнего Египта (*несут-бити*). Оно читается, как *Ири-Нечер*, что можно перевести как «Друг бога». В результате путаницы в чтении знаков компиляторами, это имя в Туринском папирусе превратилось в «Семсем» и в «Семемпсес» — у Манефона. Сын Дена, который царствовал долго, Семерхет вззошел на трон поздно, но вполне возможно и что Семерхет отпраздновал праздник Сед, хотя его царствование и не достигло ритуальных 30 лет, и хотя Палермский камень не упоминает о праздновании этого юбилея (Hornung-Staehelin, 1974, 18, 43). Прекрасный барельеф из Вади Магара на Синае, который раньше датировался царствованием Семерхета (Vandier, 1952, 857), следует отнести к фараону, носившему почти такое же хорошо имя: Сехемхет, но принадлежавшему к III династии (Lauer, 1962, 179).

Палермский камень не упоминает никаких военных походов в царствование архаического Семерхета.

Восьмой фараон I династии, названный Убиентесом (вариант — Биенехес) у Манефона, должен быть Хором Ка оригинальных источников²⁰. Его царствование в 26 лет по различным версиям Манефона на самом деле было более продолжительным, если судить по количеству клеток, которые должны были быть посвящены ему на Палермском камне (Helck, 1987, 125). Это царствование могло продолжаться около 33 лет, с 2965 до 2930 года до н. э., что подтверждает тот факт, что Ка отпраздновал как минимум один, а может быть, и два праздника Сед (Hornung-Staehelin, 1974, 18). В царских списках Нового царства Ка носит имя Кебех (Gardiner, 1961, 430), несо-

²⁰ Вандье (Vandier, 1962, 163) считает, и не без причины, что Ка не упоминается у Манефона и что имя «Убиентес» относится к Хору Нинечеру II династии.

мненно, в результате двойной ошибки компиляторов в чтении (Edwards, 1981, 29). На самом деле в документах, относящихся к его царствованию, хорово имя и имя несут-бити у Ка одинаковое.

Эти документы происходят из гробницы в Абидосе, большой и хорошо построенной (гробница Q по Petrie, 1900, 15; ср. карту VII под «Каа»). Речь идет о двух стелах с его хоровым именем (см. рис. 34) и двух табличках из слоновой кости, из которых одна упоминает «обряд Хора», а другая связана с работой или с деревянной мебелью, выполненной царским плотником из Нижнего Египта (Helck, 1987, 164). Кроме того, вазы из твердого камня с его именем были найдены в складах ступенчатой пирамиды Джосера в Саккара (Lacau-Lauer, 1959–1961, 24).

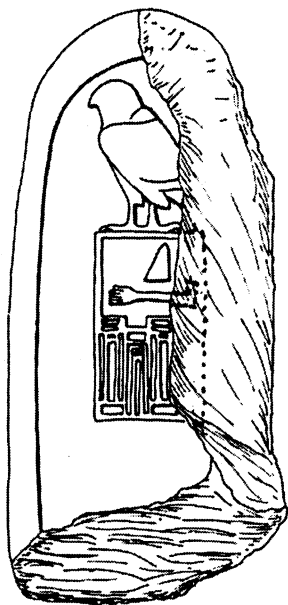

Рис. 34. Заупокойная стела Хора Ка
По Emery, 1961

Эмери предложил приписать этому фараону гробницу 3505 в Саккара (см. карту VIII выше); в таком случае гробница 3500 должна принадлежать его жене (Emery, 1961, 86–91).

Насколько можно судить по небольшому количеству памятников, современных царствованию Ка, архитектура и искусство, видимо, шли вперед. Искусственный свод, хорошо засвидетельствованный при II династии, должен был появиться уже в его царствование (Reisner, 1936, 63); гробница 3305 в Саккара является первым примером места сложного заупокойного культа, тесно связанного с гробницей (Lauer, 1962, 40); наконец, фигурка для настольной игры (?) из слоновой кости, изображающая азиата со связанными за спиной руками, выполненная в легком рельефе (Petrie, 1900, pl. XIII, 13), показывает техническое совершенство, которого достигли скульпторы в конце I династии.

Первая манефоновская династия завершилась царствованием Ка; она находилась у власти в течение примерно двух с половиной столетий. Как происходит нередко и дальше, Манефон не объясняет причины смены династии. Для него эта новая династия, которая пришла к власти около 2930 года до н. э., была тинитского происхождения, то есть из Абидоса, как и первая; в ней было девять царей. Никакая родственная связь между династиями — если она вообще была — у Манефона не упоминается.

Таблица VIII

Фараоны II династии

Документы*			Царские списки**		Манефон***	
Имена Хора и Сетха	Несут-бити Небти	Царствование (до н. э.)	Имя	Царствование	Имя	Царствование
1. Хотепсехемуи	Хотеп	–2930 ?	1. Беджау / Бау-Нечер	(утрачено)	1. Боэтос	38 лет
2. Небра (или Ранеб)	Нубнефер	? –2890	2. Какау	—	2. Кайехос	39 —
3. Нинечер	Нинечер	–2890/ –2845	3. Банечерен	—	3. Бинотрис	47 –
4. ?	Унег	–2845 ?	4. Уадженес	—	4. Тлас	17 –
5. Сенедж	Сенедж	? –2875	5. Сенедж	—	5. Сетенес	41 –
6. Хор Сехемиб	Перенмаат		6. Ака	—	6. Хайрос	17 –
7. Сетх Перибсен	Перибсен		7. Неферкара	—	7. Неферкарес	25 –
8. Хор Хасехем			8. Неферкара-Сокар	–2780 / –2770	8. Сесохис	48 –
9. Хор / Сетх Хасехемуи	Небуихотепимэф		9. Худжефа	–2770 / –2760	9. Хенерес	30 –
			10. Беби	–2760 / –2735	Всего: 302 года (вариант по Синкеллу: 297)	
			11. Небка	–2735 / –2715		

Общая продолжительность династии: 215 лет, которые складываются из 115 лет от Хотепсехемуи до Сенеджа; 35 лет для Сехемиба и Перибсена; и 65 лет от Неферкара-Сокара до Небка.
Цифры Манефона (302 года, вариант: 297) слишком велики.

* Фараоны с 1 до 5 по Хельку (Helck, 1987, 125); фараоны с 6 по 9 — по Grdseloff, 1944, 293–302.
** По Gardiner, 1961, 431.
*** По Waddell, 1964, 35–41.

NB. — Даты царствований округлены до 5 или 10; все они предположительны.

О II династии у нас гораздо меньше информации, чем о I, в основном потому, что большая часть погребений входивших в нее царей была уничтожена или еще не найдена. Таким образом, у нас нет эквивалентов «этикеток», прикреплявшихся к погребальному инвентарю, которые дают такие ценные сведения по истории I династии. С другой стороны, Палермский камень здесь полностью не сохранился, за исключением примерно 15 из около 45 лет царствования Нинечера, третьего фараона династии, а содержание четырех или пяти квадратов, касавшихся царствования его наследника Унега / Тласа, нечитаемо (Helck, 1987, 166).

Имена, количество и даже порядок правителей II династии точно не известны, поскольку источники, которыми мы располагаем, противоречат друг другу, начиная с седьмого из них (см. табл. VIII).

Только имена и порядок восшествия на престол четырех первых фараонов известны определенно.

Первый — *Хотепсехемуи*, «Две власти находятся в мире», царь Верхнего и Нижнего Египта *Хотеп*, царствовал примерно с 2930 года до неизвестного времени. Вследствие ошибки интерпретации знака *хотеп* составителями царского списка Абидоса при Сети I его имя *несут-бити* было прочтено «Беджау», имя, которое, в свою очередь, после новой ошибки прочтения иератического письма превратилось в «Баунечера» в Туринском папирусе (Helck, 1956, 12). Манефоновские источники, со своей стороны, сохранили «Бозтоса» (вариант — «Бохос»), судя по всему, более близкого к «Беджау» из Абидосского списка (Edwards, 1971, 30). Согласно Манефону, в его царствование близ Бубастиса разверзлась пропасть, и многие погибли. Регион Бубастиса, возможно, действительно являлся нестабильным и подверженным сейсмической опасности (Waddell, 1964, 35, п. 3 *in fine*), но подтвердить или опровергнуть данные Манефона невозможно.

Хотепсехемуи не был погребен в Абидосе, по крайней мере, не было найдено ни одного погребения, которое можно было бы ему приписать, хотя и обнаруживались предметы с его именем (Lacau-Lauer, 1961). Напротив, в Саккара к востоку от пирамиды Унаса и под заупокойным храмом этого фараона был раскопан обширный ансамбль построек, который вполне мог быть его гробницей (Lauer, 1962, 56–57; Stadelmann, 1985, 296). Полностью вырубленная в скале, с примерно 70 складами или связанными друг с другом камерами, более 120 метров в длину и 50 — в ширину, эта гробница, безусловно, является царской. В ней были обнаружены отпечатки печатей с именем Хотепсехемуи и его наследника по имени Ра-Неб или Неб-Ра. С другой стороны, фрагменты ваз из твердого камня с хоровым именем Хотепсехемуи и его именем несут-бити найдены в подземельях ступенчатой пирамиды Джосера (Lacau-Lauer, 1961, 39, pl. V и 17). На чаше из синеватого гранита изображена богиня Бастет в виде женщины с головой кошки, стоящая перед *серехом* Хотепсехемуи (Id., *ibid.*, 31 и pl. 11).

Согласно Манефону, первый царь II династии царствовал 38 лет. В Туринском папирусе длительность царствования семи первых фараонов этой династии отсутствует, так что, помимо манефоновских источников, единственные указания, которые можно получить на сей счет, могут быть выведены из реконструкции Палермского камня. Именно опираясь на него, царствованиям двух первых фараонов этой династии было отведено ориентировочно около 40 лет (Helck, 1987, 125) — примерно с 2930 до 2890 года до н. э.

Наследником Хотепсехемуи стал *Небра* или Ранеб, «Ра (мой) владыка», или «Владыка», как подтверждает ваза, найденная в Саккара, на которой его имя объединено с именем его предшественника (Lacau-Lauer, 1961, 31, pl. 11). Стела, которая должна была стоять перед его гробницей (рис. 35), хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке (Fischer, 1961). Эта гробница, скорее всего, находилась в Саккара, хотя имя царя и найдено в Абидосе (Petrie, 1901, II, pl. VIII, 12, p. 26), поскольку отпечатки печатей с его именем были найдены в подземельях Хотепсехемуи (см. выше); таким образом, возможно, что она находилась не очень далеко от них (Emery, 1961, 53).

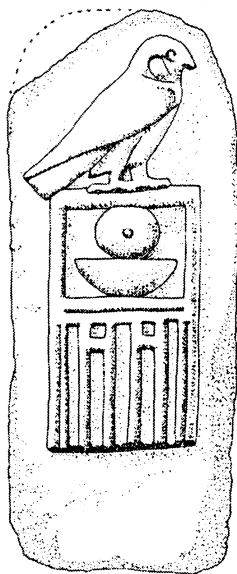

Рис. 35. Заупокойная стела Хора Неб-Ра
По Fischer, 1961

Возможно, Небра — это фараон Какау из царских списков Нового царства, которого мы находим у Манефона под формой Кайехос (вариант — Хехоус). Невозможно объяснить, каким путем его хорово имя Небра и несут-бити Нуб-нефер могли превратиться в такие ошибочные формы, как Какау и Кайехос.

Небра — это первое царское имя, в которое включено имя бога-солнца из Гелиополя. Манефоновские источники говорят, что он правил 39 лет, практически столько, сколько и его предшественник (38 лет); конечно, это слишком много. Те же самые источники утверждают, что в его время быки Апис и Мневис почитались как боги — один в Мемфисе, другой — в Гелиополе, точно так же как баран — в Мендесе, в Дельте (Waddell, 1964, 35). На самом деле культ Аписа существовал задолго до II династии. Он восходит по меньшей мере к царствованию Аха (Simpson, 1957); несомненно, то же самое можно сказать и о двух других.

Третий фараон II династии — единственный, о котором мы располагаем какими-то точными сведениями благодаря Палермскому камню. Его хорово имя *Нинечер* — «тот, кто принадлежит богу» или «тот, кто происходит от бога» — идентично его имени несут-бити. В несколько искаженной форме мы находим его в виде *Банечеру* в царских списках или как *Биноптриса* у Манефона. Этот последний приписывает фараону 47 лет царствования (Waddell, 1964, 37); это, судя по всему, близко к действительности, поскольку в своей основной части Палермский камень сохранил годы его царствования с 6 по 20; к ним можно добавить годы с 36-го по 44-й, которые, хотя и очень стерты, фигурируют на так называемом каирском фрагменте (Helck, 1987, 125, 165–166); таким образом, принимая во внимание лакуны, можно сказать что он царствовал по меньшей мере 44 года — в абсолютной хронологии с 2890 по 2845 год до н. э.

В своей читаемой части Палермский камень упоминает прежде всего: каждые два года — «служение Хору», который сопровождался переписью, и каждый промежуточный год — церемонию «явления» фараона в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта. К этому можно добавить празднование религиозных праздников, из которых некоторые встречаются постоянно — такие, как «Праздник лады» или «Праздник бега Аписа». На седьмом году упоминается «Протягивание каната для дворца Нинечера»: возможно, имеется в виду начало строительства гробницы царя, несомненно в Саккара, неподалеку от погребения Хотепсехемуи (Lauer, 1962, 57; Stadelmann, 1985). Отпечатки печатей с именем Нинечера также были найдены в одной гробнице в Гизе (PM, III.1, 295), и три большие гробницы, современные его царствованию, были раскопаны в Саккара. Задавались вопросом (Emery, 1961, 94), не является ли самая большая из них (гробница 2302, Quibell, 1907–1923, 29–30 = PM, III.2, 437) настоящей гробницей Нинечера, хотя в ней и были найдены предметы с именем высокого чиновника Руабена.

Высоты, достигнутые разливом, сохранились для годов с 6-го по 20-й; они вполне обычны (Helck, 1987, 128); в общем и целом, разливы, видимо, были благоприятны, за исключением разлива, зарегистрированного на 14-м году (около 2875 года до н. э.), который, видимо, был ненормально низок (Butzer, *LÄ*, 4, 487).

Каменная статуэтка изображает сидящего Нинечера в одеяниях праздника Сед и увенчанного белой короной Верхнего Египта (Simpson, 1956). Его имени предшествует двойной титул *несут-бити/небти*, высеченный по обеим сторонам его трона. Эта статуэтка, размером едва 15 сантиметров, является новым доказательством необыкновенного технического мастерства египетского скульптора в технике обработки твердых камней с первых веков III тысячелетия до н. э.

Возможный наследник Нинечера²¹ носил имя *несут-бити/небти Унег*. Его хорово имя неизвестно, если только не (как это случилось в архаическую эпоху) хорово имя и имя *несут-бити* не были идентичны; в таком случае он именовался бы точно так же — «Хор Унег». Его имя писалось очень редким иероглифическим знаком растения (Grdseloff, 1944), знаком, который, видимо, быстро вышел из употребления, так что составители Туринского папируса и царских списков видели в нем другое растение, очень распространенное в их эпоху — стебель папируса, *уадж*, и в результате они прочли *Уаджнес*. Буквально это имя можно перевести как «Зеленый языком», выражение, которое по-коптски выглядело бы, как **уэ-лас*; манефоновские источники сохранили лишь конец составного слова и извлекли из него странное имя фараона, которого якобы звали *Тлас*; он наследовал Бинотрису (Waddell, 1964, 37) и царствовал 17 лет.

Если Унег/Тлас действительно был прямым наследником Нинечера, пять первых лет его царствования показаны на каирском фрагменте Палермского камня, но они нечитаемы (Helck, 1987, 125, 166). Вплоть до сего дня ни одна гробница в Абидосе, в Саккара или в другом месте не может быть отнесена ни к самому фараону, ни к современнику его царствования, и, раз манефоновские источники также хранят о нем молчание, Унег-Тлас остается для нас лишь именем: о нем неизвестно ничего. То же

²¹ После Нинечера порядок наследования фараонов точно не определен (Helck, *LÄ*, III, 848, s.v. «Uneg»).

самое можно сказать и о *Сенедже*, его наследнике по царским спискам, манефоновском Сетенесе, который должен был процарствовать 40 лет. Можно задаться вопросом, не был ли он соправителем Унега, поскольку недавно найденный документ (1987), видимо, указывает на то, что под именем несут-бити «Неферсенедж-Рау» Сенедж был прямым наследником Нинечера (Leclant, 1988, 330). Представляется возможным, что Сенедж и Унег правили одновременно, один на юге, другой на севере Долины. Сенедж, видимо, был погребен на севере, возможно, близ Нинечера и определенно в Саккара, где празднование его заупокойного культа все еще обеспечивалось при IV династии (Edwards, 1971, 37).

Несмотря на разногласия в источниках по поводу имен, числа и даже порядка наследования фараонов второй половины II династии, с царствованиями *Сехемиба* и *Перибсена* мы входим в несколько менее темный период истории, хотя и туманный и являющийся предметом споров.

Начиная с шестого фараона II династии можно отметить полное расхождение между именами правителей, которые можно прочесть на памятниках архаической эпохи, с одной стороны, и теми, что дают, с другой стороны, Туринский папирус, царские списки и манефоновские источники (см. табл. VIII выше). Можно было бы подумать, что компиляторы времен Нового царства и птолемеевской эпохи для конца II династии прибегали к иным источникам, нежели те, что были использованы для I династии и начала II; или же что имена, которые фигурируют на памятниках, были заменены фиктивными именами или именами фараонов, которые правили намного позже архаической эпохи. Часть Палермского камня, которая могла бы осветить этот вопрос, утрачена, и чтобы решить дилемму, в нашем распоряжении — лишь памятники, современные событиям.

Этих памятников довольно много, но даже если они определенным образом указывают на имена четырех правивших фараонов, они не дают никакого указания на то, в каком порядке они правили, ни на продолжительность их царствований. С другой стороны, они не позволяют разрешить проблему, о которой мы уже упоминали: имеем ли мы дело с четырьмя, с тремя или даже только с двумя персонажами, которые могли последовательно носить различные имена.

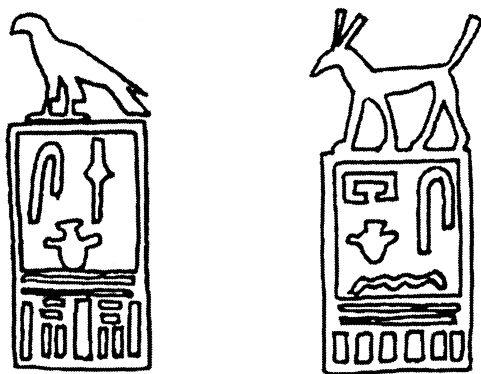

Рис. 36. Отпечаток печати Сехемиба-Перибсена
По Petrie, 1901

Надписи, высеченные на семи фрагментах ваз, обнаруженных в подземельях ступенчатой пирамиды в Саккара (Lacau-Lauer, 1961, 41–83), позволяют с уверенностью говорить о существовании фараона, носившего имя *Хор Сехемиб*, «Хор Могуущественный Сердцем», царь Верхнего и Нижнего Египта *Перенмаат*, что можно понять как «Истина (или: Порядок Маат) пришла» (Gunn, 1928). Присутствие этих фрагментов внутри заупокойного памятника Джосера, судя по всему, говорит о том, что гробница Сехемиба находилась в Саккара, хотя пока она еще и не найдена. Отпечатки печатей, где два имени — хорошо и несут-бити — заключены в тот же *серех*, обнаружены в Абидосе, в «Центральной крепости» (Ayrton, 1904, 2 и pl. IX), как и в гробнице Перибсена (см. рис. 36).

На вазах из Саккара за именем Сехемиба следует эпитет *ин-хасет*, что можно понять, как «Завоеватель чужеземья» (Gunn, 1928; Lacau-Lauer, 1961, 42) — возможный намек на войны, которые фараон мог вести вне Долины.

Ни одно из имен, которые приводятся в Туринском папирусе, царских списках или у Манефона, нельзя так или иначе сопоставить с именами Сехемиба (см. табл. VIII на с. 215 выше).

Если судить по стилю его надписей, фараон *Перибсен* архаических документов должен был быть очень близок ко временам Сехемиба-Перенмаата. Он мог быть его предшественником, или его современником, или его наследником, или даже быть одним и тем же лицом. Рассматривались все четыре гипотезы (Wildung, 1969, 45–46), и ничего не позволяет уверенно прийти к решению в пользу той или иной.

В отличие от шести первых фараонов II династии, которые безусловно были погребены в Саккара, Перибсен имел гробницу в царском некрополе Абидоса (гробница P по Petrie, 1901, 11–12). Того же типа, но меньше, чем у фараонов I династии, рядом с гробницами которых она находится, эта гробница не окружена, подобно им, вспомогательными погребениями (Reisner, 1936, 124–126 и План VII в А, с. 202).

В ходе первых раскопок в 1897 году (Amélineau, 1899, 245–271) гробница Перибсена дала множество предметов: вазы из меди или, главным образом, из твердых пород камня, на которых имена Хотепсехемуи, Нинечера и Ранеба соседствовали с именем самого Перибсена (PM, V, 81). Когда Питри возобновил раскопки, были найдены две заупокойные стелы царя (см. рис. 37) из гранита, а также отпечатки печатей с его именем и именем Сехемиба (см. рис. 36 выше), а также несколько отдельных предметов: остатки погребальной утвари и фрагменты браслетов, прежде всего из слоновой кости (Petrie, 1901, pl. XXI, XXII, XLV; Spencer, 1980, n°s 568, 569 и 738). Как на стелах, так и на отпечатках *серех* Перибсена увенчан животным бога Сетха²² вместо традиционного сокола Хора.

Различные гипотезы, выдвинутые по поводу Перибсена, основаны на двух наблюдениях: наличие его гробницы в Абидосе, а не в Саккара²³, и символ бога Сетха, а не Хора поверх его *сереха*: покровительство Сетха подтверждается текстом, обнаружен-

²² Природа этого животного всегда была предметом спора — осел, окапи, муравьед или даже какое-то мифическое животное (Te Velde, 1967).

²³ Здесь, тем не менее, следует отметить, что некий Шери, который жил при IV династии, принадлежал к заупокойному жречеству Перибсена в некрополе Саккара (Edwards, 1981, 26): это позволяет предполагать, что при отсутствии гробницы фараона там имелся кенотаф или часовня для его заупокойного культа.

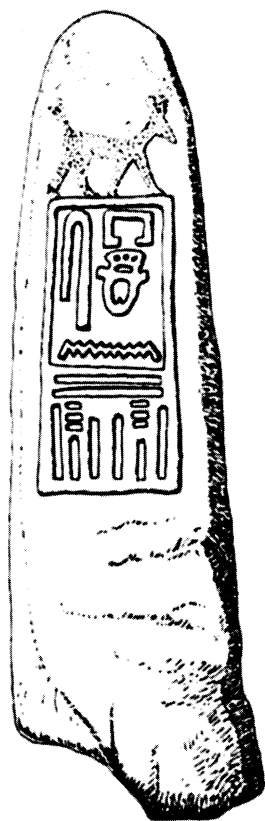

Рис. 37. Заупокойная стела Сетха Хора Перибсена
По Spencer, 1980

ным на нескольких печатях: «Тот, кто в Омбосе (= Сетх) даровал ему Обе Земли (= Египет)» (Edwards, 1981, 26).

Чтобы объяснить замену Хора Сетхом в царском протоколе, первая гипотеза опирается на предполагаемое существование додинастического северного «хорова» царства в Гелиополе (см. выше, с. 161 и далее). Хотя фараоны с Юга завоевали это царство в конце додинастического периода, оно сохранило определенное единство, если не автономию. Если следовать этому предположению, то после некоего мятежа северного «царства», Перибсену пришлось оставить Мемфис и искать убежища на Юге (Vandier, 1952, 860). При этом ему якобы пришлось сменить имя с «Хор Перибсен» на «Сетх Перибсен» и он-де был погребен в Абидосе. Следует отметить, что эта гипотеза не исключает возможности, что Сехемиб-Перенмаат могло бы быть хоровым именем Перибсена до предполагаемого мятежа северян, и, следовательно, Сехемиб-Перенмаат и Перибсен — это один и тот же человек (Emery, 1961, 96).

Чтобы оправдать переход — единственный в истории Египта — от «хорова» имени к «сетхову», Перибсену также приписывали возможное происхождение из Накады, что могло бы вызвать вражду Иераконполя, колыбели царской власти фараонов и против-

ника Накады-Омбоса в IV тысячелетии. Жители Иераконполя якобы восстали против Перибсена, и тогда Египет некоторое время оставался разделенным, причем «хоров» фараон правил от Гебелейна до Элефантины²⁴, а «сетховец» Перибсен управлял долиной от Гебелейна до Дельты (Edwards, 1981, 26). Если дело действительно обстояло так, то надпись «год сражения и победы над северянами», высеченная на вазах Хасехема, обнаруженных в Иераконполе и Саккара (Quibell, 1900, pl. XXXVI–XXXVIII; Lacaue-Lauer, 1959, 10, № 8), может быть упоминанием о военной кампании, которую вели отнюдь не против ливийцев, как это предполагалось раньше, но против «сетховцев» из Накады.

Эти две основные гипотезы по поводу царствования Сетха-Перибсена основываются только на предположениях. Следует помнить, что фараоны архаической эпохи по традиции были связаны как с Хором, так и с Сетхом, и поэтому замена одного божества на другое в титулатуре Перибсена не обязательно предполагает революцию (Garnot, 1956).

Согласно оригинальным документам из раскопок, *Хасехем* был восьмым фараоном II династии (см. табл. VIII). Он наследовал Перибсену, но ни один источник не говорит нам, в качестве кого: был ли он удачливым соперником Перибсена, или же законным наследником предшествующих фараонов? *Хасехем* неизвестен как по царским спискам, так и из Манефона, хотя множество памятников свидетельствует о реальности его царствования, причем ни один архаический документ не подтверждает существования после Сенеджа ни *четырёх* фараонов, перечисленных Манефоном, ни *пяти* согласно спискам²⁵. Тем не менее, эти письменные источники приписывают точную длину царствования этим нескольким правителям, неизвестным по другим данным; эти правления должны были продолжаться полвека примерно между 2780 и 2735 годами до н. э., начиная с восшествия на престол восьмого фараона, который якобы именовался Неферкара-Сокар, вплоть до конца царствования некоего Беби, которого не знают археологические памятники (как и Манефон).

Памятники *Хасехема*, найденные в большом количестве в Иераконполе, свидетельствуют прежде всего о его военной активности, например фрагмент стелы или барельефа, который изображает его покоряющим бородатого персонажа, распростертого на земле, на голове которого виден лук — несомненно, это нубиец (Emery, 1961, 100, рис. 64; Edwards, 1971, 27); или статуи сидящего царя в костюме для праздника Сед, увенчанного белой короной Верхнего Египта: одна, из известняка, находится в Оксфорде, другая, шиферная — в Каире (Vandier, 1952, 958); на троне фараона высечены в самых разнообразных позах фигуры врагов (Quibell, 1900, pl. XXXIX–XL). Надписи, сопровождающие эти изображения, уточняют количество истребленных «северян»: 47 209

²⁴ Тем не менее, следует отметить, что отпечатки печатей с именем Перибсена были найдены в Элефантине (Grimal, 1988, 69); судя по всему, это указывает на то, что город все-таки был под властью этого фараона.

²⁵ Существенное различие (начиная с Сенеджа) между именами, засвидетельствованными документами и именами из царских списков и из Манефона, остается необъяснимым. Предполагалось, что эти последние (прежде всего Неферкара-Сокар, Худжефа) фактически правили на Севере и что компиляторы эпохи Рамсесов и Птолемея сохранили только их имена, предпочтя этих правителей фараонам с Юга, которых посчитали стоящими ниже (Gardiner, 1961, 416), но такое объяснение ничем не подтверждено.

на одной статуе и 48 205 — на другой. Сцены, высеченные на каменных вазах, найденных в Иераконполе и Саккара, также говорят о какой-то войне на Севере. Эти бои Хасехема осторожно сопоставлялись с теми, о которых говорит птолемеевский «Миф о Хоре»: в ходе этих конфликтов бог Хор в сопровождении своих гарпунщиков обратил в бегство Сетха, затем он сражался в Нубии и разделил между своими спутниками территории, некогда находившиеся под властью сторонников Сетха (Edwards, 1971, 8). Был ли этот миф отголоском борьбы, в которой друг другу противостояли Хор Хасехем и Сетх Перибсен? На различных памятниках, которые только что были перечислены, *серех* Хасехема увенчан соколом Хора, носящим белую корону Юга (рис. 38).

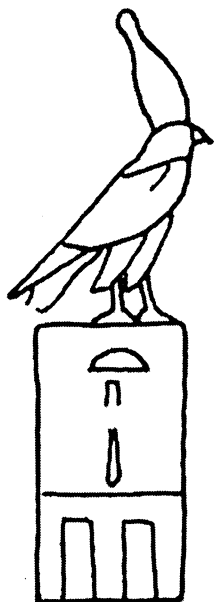

Рис. 38. Серех Хасехема
По Emery, 1961

Неизвестно, где был похоронен Хасехем: ни одна гробница в Саккара, в Абидосе или где-либо еще не может быть приписана ему (Emery, 1961, 101).

Девятый и последний царь II династии — фараон *Хасехемуи* («Две силы (= Хор и Сетх) проявились»), хорошо известный по архаическим документам. Он также неизвестен царским спискам и Манефону, по крайней мере, если его не спутали с таинственным Худжефа из списка в Саккара, и Туринский папирус приписывает ему царствование в 11 лет. Слово *hw-df3/худжефа*, видимо, является пометкой писца — составителя списка, который просто написал «[имя] отсутствует» (Goedicke, 1956).

Имя *несут-бити* правителя фигурирует в документах в форме *Небуи-хотеп-имэф*, что, видимо, означает «Два повелителя (= Хор и Сетх) умиротворились в нем», и предполагает «примирение» Хора и Сетха в лице фараона. Такое примирение конкретным образом проявилось в царском *серехе*, который увенчан одновременно соколом Хора и Сетховым животным (см. рис. 39).

Как и у Перибсена, гробница Хасехемуи находится в Абидосе (гробница V по Питри; Vandier, 1952, 632–633), немного в отдалении от группы погребений I династии, напротив гробницы Перибсена (см. карту VIII-A). Когда в конце XIX века эта гробница была открыта Амелино, верхняя постройка была уже полностью разрушена. Это фактически самая большая гробница в царском некрополе Абидоса. Ее верхняя часть имела форму неправильной трапеции длиной около 70 метров со сторонами в 11 метров на юге и 18 метров на севере. Углубленная на глубину 2 метров, гробница содержала около 50 помещений со стенами из необожженного кирпича; скорее всего, они имели потолки в виде сводов. В центре погребальная яма, стены которой покрыты известняком, была окружена восемью погребальными камерами; остальные помещения представляли собой склады. В отличие от царских гробниц I династии, гробница Хасехемуи не сопровождалась вспомогательными погребениями. Тем не менее, присутствие человеческих костей, прежде всего внутри погребальных камер в центре, позволяет задаться вопросом: не служили ли эти помещения гробницами для придворных или членов царской семьи?

За исключением редких ваз из меди и камня и нескольких орудий из кремня или меди, заупокойный инвентарь был разграблен. Его должно было быть много, если судить по количеству складов в гробнице; он должен был быть богат, как свидетельствуют несколько ценных вещей, найденных археологами XIX века, прежде всего парадный посох или скипетр государя, сделанный из медного стержня, на который были нанизаны цилиндры из сардоникса, связанные между собой золотыми кольцами, или же вазы из твердых пород камня с золотой крышкой, или же прекрасный сосуд-чаша, сопровождавшийся медным кувшином с двумя носиками (Petrie, 1901, pl. IX).

Именно в Иераконполе мы находим наибольшее количество памятников с именем Хасехемуи. Может быть, он жил именно здесь, а не в Мемфисе? Так называемая «Крепость в Иераконполе» могла быть его заупокойным дворцом (Kaiser, 1964, 104). Именно в этом городе была открыта притолока двери из гранита, на которой показан Хасехемуи вместе с богиней Сешат: они совершают церемонию закладки, несомненно, какого-то храма (Engelbach, 1934; Vandier, 1952, 950–952).

Тот факт, что Хасехемуи связывал свое имя сразу с двумя божествами — покровителями царской власти фараонов (см. рис. 39) — показывает, что единство страны вновь восстановилось в его лице и что Египет — если он действительно был разделен при Перибсене и Хасехеме (это точно неизвестно) — вновь был объединен. Можно задаться и тем же вопросом, что и по поводу Хора Сехемиба Перенмаата и Сетха Перибсена: не были ли Хасехем и Хасехемуи на деле одним лицом: уладив спор между «сетховской» Накадой и «хоровым» Иераконполем победой над Накадой, Хасехем мог принять имя Хасехемуи, которое примиряло оба города. Отсутствие гробницы Хасехема могло бы быть доводом (единственным) в поддержку этой гипотезы.

Хасехемуи — будь он родичем Хасехема, или нет, или же вообще одним с ним лицом — царствовал 27 лет (Edwards, 1971, 29), если действительно ему следует приписывать годы с 4-го по 6-й и с 12-го по 17-й некоего царствования в пятом регистре Палермского камня. Среди упомянутых там событий упомянуто изготовление на 15-м или 16-м году медной статуи Хасехемуи; такая статуя, отлитая или выкованная в ходе его царствования или царствования его предшественника, свидетельствует о мастерстве, которого достигли металлурги в конце архаической эпохи.

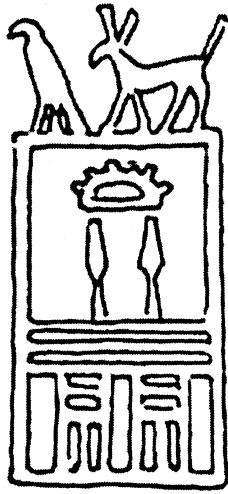

Рис. 39. Серех Хора-Сетха фараона Хасехемуи

Царица Нихепетмаат, «Кормило, принадлежащее Маат», существование которой известно по отпечаткам печатей, найденных в гробницах — в Абидосе в гробнице Хасехемуи и в Бет-Халлафе, а также по надписи, нацарапанной на вазе (Kaplony, 1963, 527–529), была скорее дочерью, нежели супругой Хасехемуи (Edwards, 1971, 29–30). Она носила титула «мать и супруга царя». Судя по всему, она, выйдя замуж за фараона Небка, передала ему права на царскую власть, следуя схеме, которая еще не раз повторится в ходе истории фараоновского Египта.

Большая часть историков считают, что с концом царствования Хасехемуи около 2700 года до н. э. завершается «Архаическая», или «Тинитская», эпоха. С III династией начинается «Древнее царство», которому манефоновские источники приписывают «девять царей Мемфиса» (Waddell, 1964, 41).

Как нередко бывает с делениями, установленными историками — древними или современными, — разрыв между архаической эпохой и Древним царством является искусственным. За исключением, возможно, местопребывания владыки, III династия следует за II без каких-либо пробелов, и новый фараон, скорее всего, был внуком Хасехемуи.

В конце II династии утверждаются все характерные черты фараоновской монархии. С этой эпохи источники, которыми мы располагаем, фиксируют существование большей части великих божеств египетского пантеона как в их животной форме, так и в форме символического предмета, иногда даже и в человеческом аспекте: Анубис, Апис, Хатор, Хор, Исида, Хнум, Мин, Нейт, Нехбет, Осирис, Уаджет, Упуаут, Птах, Ра, Себек, Сешат, Сетх, Сокар, Тот, Таурт. Культовый ритуал и заупокойные практики уже установились: некоторые большие религиозные тексты начали вырабатываться, если уже не были написаны; это касается, возможно, и работ по медицине. Обряды коронации царя и обновления его сил (праздник Сед) уже существуют (Helck, 1987, 6–21); они будут проходить одинаково вплоть до эпохи Птолемеев. Большие религиозные праздники и ритуал основания храмов также уже установлены. Закрепились художественные

условности: техника и искусство практически достигли совершенства. Наконец, развиваются большие городские центры.

Анализ документов и памятников начала архаической эпохи показывает, что примерно два с половиной века протекли между вступлением на престол Нармера и Хотепсехемуи: их должно было быть недостаточно для завершения такого развития, которое, судя по всему, уже завершилось к концу I династии. Начало цивилизации в Египте и ее кристаллизацию, следовательно, следует поместить в эпоху, которая значительно предшествовала 3200 году до н. э.; их следует отнести к «нулевой» династии (Накада III), если не еще раньше, несомненно, к середине IV тысячелетия.

Появление письма принадлежит к числу достижений, которые приписывают двум первым династиям. Рождение иероглифической системы иногда считается результатом если не заимствования, то по меньшей мере «вдохновения», пришедшего из Месопотамии (Trigger, 1983, 37). На самом деле его создание, видимо, проходило постепенно, и первоначально было чисто нильским, как показывает прежде всего тот факт, что очень многие иероглифы основаны на отображении африканской флоры и фауны. Начиная с амратской эпохи около 3800 до н. э. декор ваз ввел «символ» в культуру доисторического Египта (см. выше, с. 170–171). Отталкиваясь от символа, который передает идею тому, кто на него смотрит, письмо постепенно обретало свою форму. Настоящие иероглифы возникают уже с конца того же самого амратского периода около 3500 года до н. э.: таков, например, знак красной короны (✓) уже в стилизованной форме, который можно увидеть на красной черноверхой вазе, обнаруженной в Накаде (из последних публикаций см.: Moorey, 1988, fig. 96, p. 12).

Разработка иероглифической системы, начатая в амратский период, продолжилась в герзейском (Накада II), хотя в отсутствии достаточного количества свидетельств изучение ее эволюции затруднено. К концу «нулевой» династии памятники фиксируют более 30 знаков или групп иероглифических знаков (Helck, 1987, 139–141). Количество знаков, использовавшихся в повседневной жизни, постоянно возрастало при I династии, как об этом свидетельствуют таблички, отпечатки печатей и заупокойные стелы. Присутствие папируса в царствование Дена около 3000 года до н. э. позволяет предположить, что в эту эпоху египтяне располагали необходимыми средствами для весьма развитого письма. Чудо, которое позволило сохраниться двум свиткам папируса без надписей, обнаруженным в гробнице Хемака (Emery, 1961, 235), не повторилось, и исчезновение архаических (может быть, даже протодинастических) папирусов лишает нас надежды познакомиться с самыми древними текстами. Тем не менее, следует отметить, что существование свитков папируса с 3100 года до н. э. придает некоторое вероятие преданиям, которые приписывают фараонам I династии авторство научных или религиозных трудов.

В создании, а потом и в развитии иероглифического письма мы наблюдаем двойную роль религии и монархических институтов. Сначала религия: на керамике в амратском и герзейском погребальном инвентаре декор, судя по всему, предназначен для того, чтобы обеспечить умершему жизнь в ином мире, а также и защиту богов, представленными символами (B. Adams, 1988, 51); «пометки», нацарапанные на этих сосудах, очень близки к иероглифическим знакам и поддерживали магическую силу рисованных изображений (Id., 45 и fig. 30, p. 50). Более того, письмо сохраняло имя человека и его жизнь после смерти.

Наряду с этим магическим и религиозным аспектом следует отметить важность иероглифического письма для формировавшейся монархии. Отнюдь не случайно то, что среди самых древних иероглифов фигурируют царские короны Нижнего и Верхнего Египта или трехлепестковые, а потом грушевидные палицы, символы власти, или же — и прежде всего — «розетки»; они уже использовались в декоре рукояток ножей в IV тысячелетии до н. э. (см. с. 177) и стали сначала символом, а потом и титулом владыки в течение всего додинастического периода (Hayes, 1953, 28; Helck, 1987, 139). Начиная с царствования Нармера приумножение функций и титулов чиновников²⁶ создает мощный стимул развития письма.

Насколько мы можем судить по документам, институты архаической монархии, видимо, уже существовали начиная с царствования Нармера и должны были предшествовать ему. Принцип наследования от отца к сыну прежде всего, вероятно, уже установился, и царица, если она была дочерью царя, очевидно, уже играла главную роль в передаче власти, может быть, даже она обеспечивала эту передачу (см. случай с Мернеит, выше, на с. 208–209). Царская титулатура в общем и целом также установилась, и уточнился божественный характер самого царя (Trigger, 1983, 56–67). Еще до самого царствования Нармера утвердился ритуал праздника Сед: повторение обрядов коронации, которые обеспечивали фараону его магическую и религиозную силу, этот праздник играл существенную роль в египетской монархии.

Дворец — резиденция царя — являлся административным центром страны, каким он и останется в ходе всей истории Египта, и гробница фараона стала копией дворца, которая позволяла ему сохранить свои функции в мире ином. Во дворце существовали основные службы, которыми руководили чиновники, специализировавшиеся в той или иной области или просто занятые служением лично царю. Эти функции (возможно, они передавались от отца к сыну) давали своим носителям ежедневные отчисления в виде пищи и разных других продуктов из царского дома или же они получали сельскохозяйственную собственность, из которой могли извлекать доход своими силами.

Континуитет, характерный для развития египетской цивилизации начиная с самого древнего додинастического периода вплоть до начала III династии, особенно ощущается в искусстве: он происходит из того места, которое занимали ремесленники в обществе с начала герзейского периода: от отца к сыну, от мастерской к мастерской они передавали друг другу технологии и улучшали их. Именно им мы обязаны совершенством предметов, обнаруженных в гробнице Хемака (Emery, 1938), канцлера царя Нижнего Египта при Дене, — совершенством, которое достигнет своего апогея при III династии и в период Древнего царства.

Сейчас все еще очень часто считается, что именно первый царь I династии около 3100 года до н. э. одновременно объединил Египет и основал город Мемфис после того, как силой завоевал север Египта, который тогда представлял собой гомогенное царство под властью города Буто на северо-западном краю Дельты.

У этой реконструкции истории, конечно, есть одно преимущество — она проста. Тем не менее, она основывается на текстах, созданных значительно позже этих собы-

²⁶ Только на основании отпечатков цилиндров и печатей Каплони (Kaplony, 1963) смог выделить примерно 60 титулов чиновников. О роли бюрократии в развитии фараоновского государства см.: Kemp, 1989, глава 3: «The bureaucratic Mind», p. 111–136.

тий, и на спорной интерпретации; с археологической точки зрения она опирается на декор на памятниках — палетках, палицах, ножах, — которые в основном происходят из Верхнего Египта. Наше почти полное неведение относительно археологии Дельты в очень древние эпохи (von der Way, 1988, 288) заставляет с осторожностью относиться к любому анализу событий на основе немногочисленных и, может быть, небеспристрастных источников; анализу, не опирающемуся ни на один документ, который с уверенностью можно назвать происходящим из Дельты. Конечно, недавние раскопки и обследования, проведенные в этом регионе, показывают присутствие там организованных обществ еще с конца амратского периода (Wildung, 1984) и доказывают, что Буто — сегодняшний Телль эль-Фараин — тогда был обитаем. Напротив, раскопки не принесли ничего такого, что подтвердило бы гипотезу о насильственном завоевании Севера Югом (Borghouts, 1988, 5).

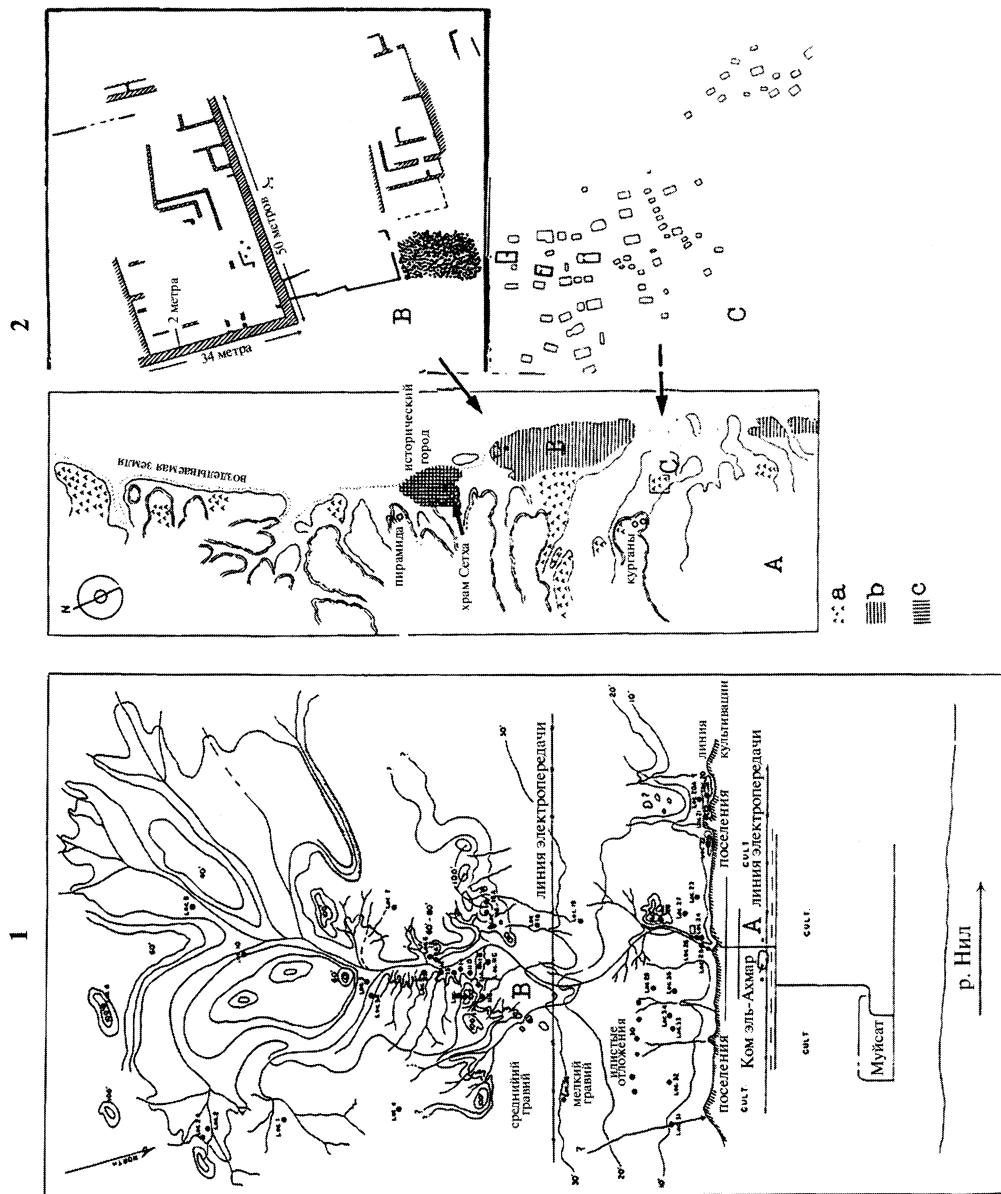
Новые раскопки в фиванском регионе на местах, которые раскапывались в XIX веке и впоследствии были оставлены, позволяют рассмотреть совершенно другую реконструкцию событий. В конце XIX века и в начале XX века большие памятники, такие как Абидос, Накада и Иераконполь, исследовались в основном ради некрополей с весьма многочисленными погребениями, которые, несмотря на разграбления, дали множество предметов, а также, в меньшей степени — ради святилищ, остатки которых были ясно видны. Исследование этих трех мест возобновилось в недавнее время другими методами; в том числе проводились исследования жилищ, которыми доселе пренебрегали. Более того, совершенствование процесса датировки (по калиброванному ^{14}C) позволило установить более точную хронологию заселения этих мест в IV тысячелетии.

Раскопки все еще продолжаются, но на данный момент, видимо, установлен следующий факт: два поселения, Иераконполь, древний Нехен (см. карты VI и IX.1), и Накада, древний Нубет (Омбос, карта IX. 2), очень рано начали играть существенную роль. Теперь возможно увидеть развитие крестьянского, эгалитарного общества, где жители все еще занимались рыболовством, охотой и собирательством параллельно со скотоводством и земледелием, в иерархизованное «протогосударство», которое знало разделение труда: в нем важное место занимали ремесленники, а элита располагала значительными ресурсами, позволявшими ей устраивать на отдельных кладбищах большие гробницы с множеством погребального инвентаря, иногда декорированные, в то время как в обширных некрополях того времени погребения малы и бедно оснащены.

Как в Иераконполе, так и в Накаде около 3500 года до н. э. во время перехода от амратского к герзейскому периоду проявляется эта мутация в типе общества, изменение, которое определяет более тесную густоту населения, концентрации жилищ и их установление близко к орошаемой долине (M. Hoffman, 1982 и 1987; Hassan, 1984). Другими словами, именно тогда организуется общество фараонов — в той его форме, в которой оно останется вплоть до его исчезновения.

Каковы же могли быть причины таких глубоких перемен в обществе, остававшемся стабильным в ходе двух тысячелетий?

Столкнувшись с проблемой трансформации мелких эгалитарных обществ в иерархизованное «государство» более или менее значительных размеров, управляемое элитой, современные социологи предлагали различные объяснения, которые можно свести к трем схемам. Появление иерархизованного «государства» могло быть ре-

Карта IX.

Додинастические города Иераконполь (1) и Накада (2).

1. Иераконполь.

А. Ком эль-Ахмар. Жилище; В. Большое Вади и поселения вдоль Большого Вади.

По JARCE, 9.

2. Накада.

А. Омбос (Нубет). Поселение: а. Кладбище; б. Додинастические жилища; с. Исторические жилища; В. Додинастический город; С. Кладбище.

По Kemp, 1989

результатом ожесточенного соперничества между группами людей, которые пытались закрепить за собой владение землями, пригодными к земледелию; это могла быть необходимость для определенной группы получить с помощью обмена сырье, в котором ощущалась потребность; наконец, это могла быть организация группы для защиты от врага.

Следует подчеркнуть, что ни один из этих способов на деле неприменим к долине Нила (Kemp, 1989, 32); додинастическое население было немногочисленным; оно в изобилии располагало ресурсами благодаря охоте, рыболовству, скотоводству, собирательству и возделыванию земель, обогащенных ежегодным разливом Нила (ср. главу I выше). Собственно долина и подходы к ней давали различное сырье — дерево, кожу, глину, камень, металлы (золото, серебро и медь), необходимые для общества, где потребности все еще были ограничены. Наконец, в IV тысячелетии до н. э. ни одно крупное «государство» не находилось достаточно близко к Египту, чтобы угрожать существованию его жителей.

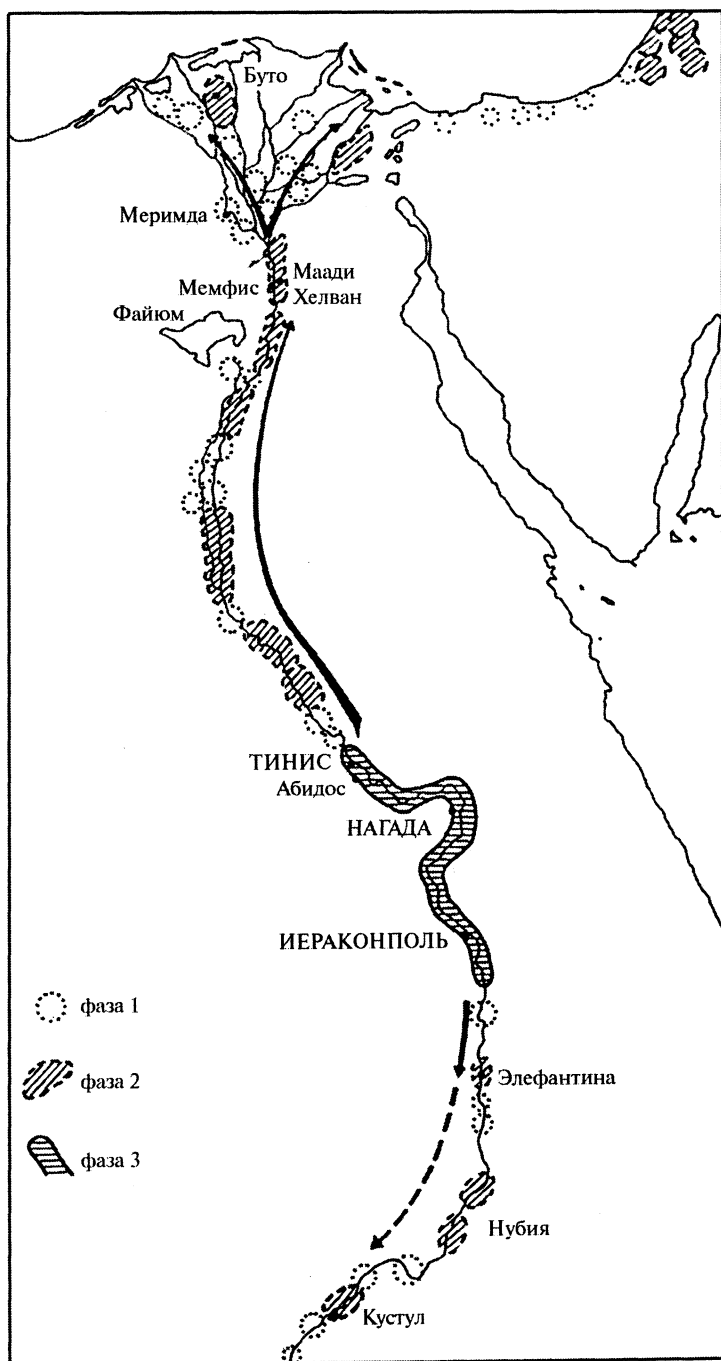
Каковы же тогда могли быть обстоятельства, вызвавшие к жизни государство фараонов в том виде, в котором оно сложилось к концу IV тысячелетия?

Прежде всего отметим, что появление в Верхнем Египте «протогосударств» совпадает с ухудшением климатических условий в долине Нила. За фазой относительной влажности, которая воцарилась в бадарийскую и амратскую эпохи, последовала около 3500–3400 годов до н. э. сухая фаза (M. Hoffman, 1987). Эксплуатация пограничных с долиной плато для скотоводства и вади — для земледелия была прекращена, и жизнь отныне стала зависеть от Реки и ее разливов.

Новые условия жизни, вытекающие из этого изменения климата, благоприятствовали появлению личностей, которым группы людей приписывали магические способности повелевать дождем или разливом (Frankfort, 1948, 13; B. Bell, 1975). Еще в последние десятилетия у племен верховьев Нила были такие колдуны и маги, «повелители дождя» (*Rain-makers*), которые располагали практически царской властью над племенем. Этнология говорит нам, что магические способности передаются от отца к сыну, а также от матери к сыну или дочери. Если именно так дело обстояло в IV тысячелетии до н. э. в долине Нила, то в учреждении «главных делателей дождя» можно видеть один из истоков происхождения египетских фараонов. Фактически, уже давно (Seligman-Murray, 1911; Moret, 1927) ритуальное убийство короля, магическая сила которого ослабла с возрастом в том виде, как она все еще практиковалась у нилотских племен, сравнивали с египетским праздником Сед, в ходе которого силы фараона обновлялись благодаря обрядам, представлявшим его символическую смерть, позволяя ему возродиться помолодевшим (Malek, 1987, 6–21).

Итак, обладая властью над дождем или разливом в качестве магов, некоторые люди и их семьи могли присваивать часть ресурсов группы. С тех пор те, в чьих руках находилась власть, могли по воле государства нападать на соседние общины, завоевывать их и брать власть над их территориями (M. Hoffman, 1980, 343).

Фактически, уже было отмечено (Kaplony, 1958; Redford, 1987), что большая часть имен царей I династии имеет воинственный смысл: *Нармер* напоминает об агрессивности большого сома — рыбы *nṣr/nap*; *Аха* переводится как Хор Боец, Сражающийся; *Джер-Сехти* — это Зверолов; *Джет-Уаджи* — опасная «Кобра»; *Ден* — «Рубящий»; наконец, даже имя *Ка* (*K3-ʿ*), последнего царя династии, можно переводить как «Хор

Карта X. Основные торговые пути и доисторический торговый обмен
 вокруг Накады–Иераконполя
 По Кемр, 1989, 45

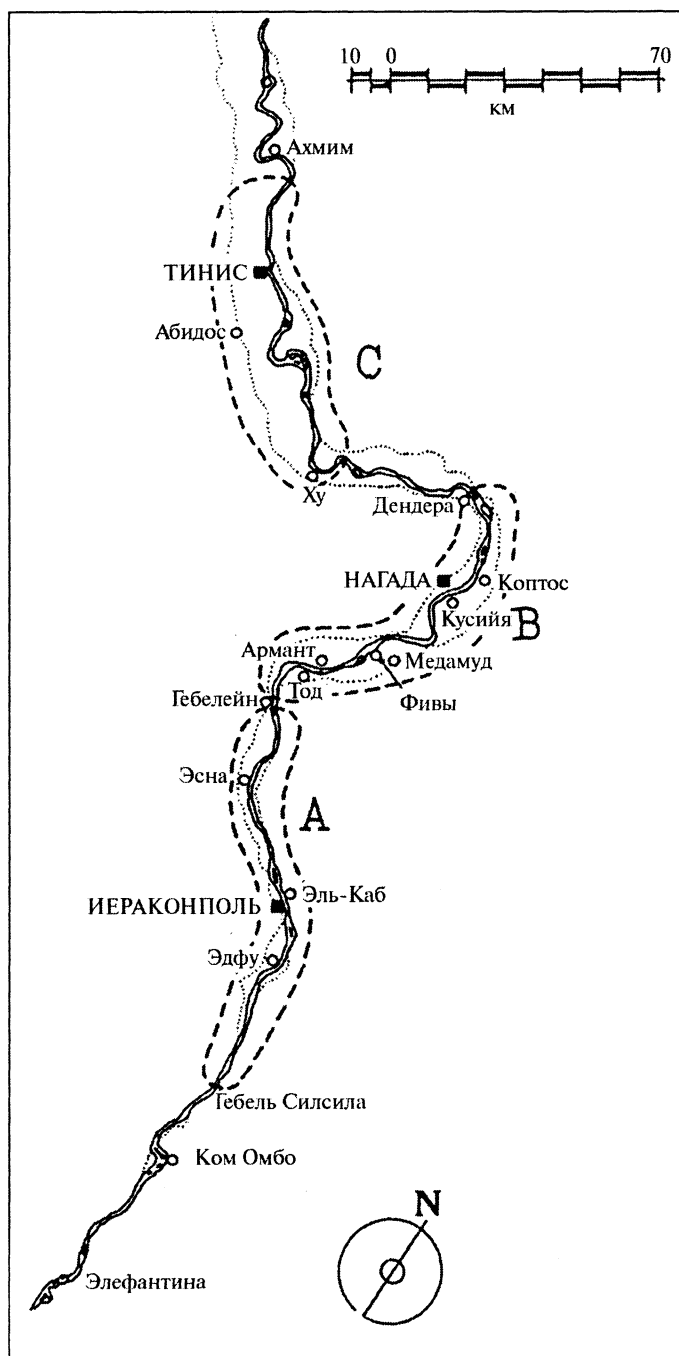
с поднятой Рукою», то есть с рукой, поднятой для того, чтобы поражать врагов. С другой стороны, еще с додинастического периода животные — символы царской власти — это хищные звери и птицы или агрессивные создания: скорпион, лев, бык, кобра, коршун и прежде всего сокол. Наконец, еще с первой половины IV тысячелетия атрибутами авторитета и власти стало оружие: палица, нож, кинжал — из кремня или обсидиана — и пастуший посох, который также мог служить для боя.

Гипотеза о вторжении в долину Нила в IV тысячелетии до н. э. новой расы, которая якобы принесла туда цивилизацию и социальную организацию (Petrie, 1937; Emery, 1961), должна быть отброшена (W. Y. Adams, 1977, 91–95; Trigger, 1983, 2–3); изменение египетского общества, которое завершилось созданием небольших государств с монархической властью, могло быть результатом, с одной стороны, того, что повысилась важность тех, в чьих руках предположительно была магическая власть над силами природы, и, с другой стороны, агрессивности и желания власти со стороны отдельных личностей.

Необходимость для местных вождей утвердить и повысить свой авторитет должна была привести к умножению численности ремесленников, требовавшихся для производства оружия и орудий, нужных для сражений, но также и для того, чтобы строить и оснащать гробницы, которые помогали демонстрировать престиж вождя и его окружения (M. Hoffman, 1980, 326–327). Рост численности ремесленников, в свою очередь, должен был послужить одной из причин развития городских центров (Trigger, 1972, 582, и выше, с. 174). К этим факторам, которые благоприятствовали созданию небольших отдельных государств, добавилась еще и торговля (для регионов, наиболее богатых сельскохозяйственными и минеральными ресурсами или рудниками): чтобы обеспечить свободный доступ для своих продуктов в соседние регионы, те, в чьих руках была власть, могли навязывать свою власть мирно или посредством оружия (Bard, 1987). В ходе этого процесса численность небольших государств могла расти в ходе протодинастического периода вдоль всей долины Нила, Нубии и вплоть до Средиземного моря (карта XI на соседней странице). Тем не менее следует вспомнить, что сейчас мы говорим лишь о гипотезах, основанных преимущественно на изменениях в условиях жизни, которые мало-помалу происходили в Египте начиная с 3500–3400 годов до н. э.

Если судить по распределению, размерам и густоте поселений с конца амратского периода и до начала герзейского (Накада IIa по Кайзеру), три таких государства, судя по всему, сформировались в Верхнем Египте между –3500 и –3200, превосходя все остальные по важности. Это (с севера на юг): Абидос, Накада и Иераконполь, которые все свидетельствуют об одной и той же, весьма развитой материальной культуре. В двух из них раскопки позволили установить наличие того же прогрессивного развития эгалитарного крестьянского общества к иерархизированному городскому. Эта эволюция на местах осуществлялась в форме ухода из рассеянных поселений на краю наносной долины и того, что теперь стало соседней пустыней, в ту же самую долину, которая становится заселена более плотно (см. карту XI). Наконец, в Иераконполе можно доказать континуитет поселения вплоть до I династии (M. Hoffman, 1987).

Что же происходило на севере Долины и в Дельте в ходе того же периода? Археологические источники пока не позволяют этого понять. Несмотря на свои контакты с цивилизациями древнего бронзового века сиро-палестинского коридора, эти культуры, как, например, культура Эль-Омари и Маади, производят впечатление скорее

Карта XI. Протогосударства Юга в позднегерзейский период.
 Царства: А. Иераконполь; В. Накада; С. Тинис-Абидос
 По Керр, 1989, fig. 8, p. 34

культурно отсталых по сравнению с современными им культурами Верхнего Египта. Нижний Египет в целом, судя по всему, был разделен на небольшие независимые друг от друга единицы (М. Hoffman, 1980, 299 и карта IX выше, с. 2638), в то время как в Верхнем Египте уже существовали достаточно обширные и хорошо организованные «государства».

Здесь нужно отметить, что понятия «Нижнего» и «Верхнего» или «Северного» или «Южного» Египта являются относительными. Где же начинается Юг или где кончается Север? Для князя или, может быть, царя, который был похоронен около 3350 года до н. э. в гробнице 100 в Иераконполе (см. выше, с. 167), царство Накада могло бы считаться северным государством (см. карту XI). Это наблюдение может поставить под вопрос традиционную историческую схему, согласно которой объединение Египта в том виде, в котором его можно восстановить на основании относительно поздних литературных источников и археологических данных, таких как палетки и декорированные ножи, следовало из завоевания единого северного царства, покрывавшего всю Дельту, повелителем также объединенного царства Юга.

Войны, которые, безусловно, столкнули в конце IV тысячелетия две общины египтян с одной культурой, мог вести южный Иераконполь против царства Накада или Тиниса со стороны Севера. В такой плоскости присутствие красной короны Нижнего Египта на вазе конца амратского периода (см. с. 121 выше), обнаруженной в Накаде (Моогеу, 1988, 12), можно было бы объяснить тем фактом, что этот царский символ был «накадийским» по своему происхождению, и лишь позднее стал символом исторического «Севера». То же самое можно сказать и о богине-кобре *Уаджет*, которая могла почитаться в Буто лишь после того, как она почиталась на Юге.

Нармер (наследник Скорпиона и Ка), все памятники которого происходят из Иераконполя, мог быть последним и величайшим из фараонов «нулевой» династии, которая в таком случае могла быть иераконпольской (Кемп, 1989, 45). Его противником мог быть последний царь Накады или Тиниса, власть которого, вероятно, уже распространялась вплоть до входа в Дельту (М. Hoffman, 1980, 323–324), и Нармер, победитель Накады, мог присвоить красную корону, символ власти врага. Если рассматривать их в той же перспективе, царствования Сетха Перибсена и Хора Хасехема могут быть последним эпизодом борьбы между «южанами»-иераконопольцами и «северянами»-накадийцами.

Эта гипотеза — а это всего лишь гипотеза — могла бы объяснить, почему последние раскопки в Дельте не обнаружили никаких следов конфликтов в конце додинастического периода (Накада III) и в архаическую эпоху (Wildung, 1985). После победы Нармера Северный Египет в географическом смысле слова мог бы вполне естественно перейти под власть фараонов I династии, наследников «оказавшихся за бортом» владык Накады/Тиниса.

С другой стороны, можно задаться вопросом, не являются ли *политическое* объединение и сопровождавшие его внутренние конфликты вопросом вторичного значения. Остается существенный факт — постепенное *культурное* единение Долины в целом.

Глава V. ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

III ДИНАСТИЯ — 2700–2350 ГОДЫ ДО Н. Э.

К концу царствования Хасехемуи, примерно к 2700 году до н. э., Египет вступает в период внутренней политической стабильности, — даже при том, что иногда порядок наследования от одного фараона к другому нарушался из-за семейных конфликтов, понять которые, впрочем, трудно, — если не невозможно. Для этого времени также характерен мир с соседями, который лишь иногда нарушался несколькими военными кампаниями, проходившими вне Египта; эти кампании, несомненно, были вызваны скорее желанием утвердить всеобщий характер фараоновской монархии, нежели экономической или политической необходимостью, поскольку ни одной достаточно организованной власти, которая могла бы угрожать Египту вторжением, вблизи долины Нила не было.

Эту эпоху, которая покрывает полтысячелетия, сами египтяне считали золотым веком своей цивилизации; искусство достигло совершенства, которое лишь на краткое время воскреснет во время Среднего и Нового царства. Иногда эти столетия называют «веком пирамид», а чаще — Древним царством или Мемфисским царством.

К Древнему царству относят четыре династии — с III до VI; столицей их всех был Мемфис.

III ДИНАСТИЯ – 2700–2630 ГОДЫ ДО Н. Э.

Наиболее значимыми личностями III династии были фараон Джосер и его визирь и архитектор Имхотеп — «Тот, что приходит с миром» (Ranke, PN, I, 9), у греков Имутес. Долгое время считалось, что Джосер, известный под своим хоровым именем *Нечер(и)хет* «Божественный телом»²⁷, был первым фараоном этой династии. На самом деле его имя записано в Туринском папирусе красными чернилами как бы для того, чтобы подчеркнуть важность его царствования, и это могло быть понято как смена династии (Gardiner, 1961, 72). Теперь признано, что Джосер был не первым, а вторым властителем III династии.

После утверждения, что в этой династии было всего «девять (вариант: восемь) царей Мемфиса», различные версии Манефона (Waddell, 1964, 41–45) ставят впереди имени Джосера (передаваемого в греческом, как Тосортрос или Сесортос) имя «Нехерофеса» (или «Нехерохиса»), который царствовал якобы 28 лет. Этот последний, скорее всего, фараон *Небка*. Хотя само имя и утрачено, предполагают, что часть четвертого раздела на лицевой стороне Палермского камня повествует о событиях его царствования (Helck, 1987, 125). Возможно, сохранилось упоминание о девяти годах царствования Небка (годы с 4-го по 6-й и с 12-го по 17-й), во время которых разливы Нила были вполне обычными, за исключением 6-го года со слишком слабым разливом, достигшим высоты лишь одного локтя (Id., *ibid.*, 128). В царствование Небка переписи населения, ставшие традиционными уже при II династии, происходили с регулярностью раз в два года; к ним прибавились инвентаризации золота и пастбищ, которые прошли при этом фараоне по меньшей мере восемь раз. Кроме того, следует отметить сооружение каменного храма на 13-м году, воздвижение медной статуи Хасехемуи на 16-м и в 18-м спуск на воду (или сооружение) корабля. Если мы примем, что эта часть Палермского камня относится именно к Небка, из этого следует, что этот фараон скончался на 19-м году своего царствования, которое тогда длилось, согласно этому документу, 18 лет, два месяца и 23 дня (Id., *ibid.*, 167).

Можно задаться вопросом, не находилась ли его гробница в ступенчатой пирамиде в Саккара, которой она была поглощена, когда эту пирамиду построил Джосер (Laue, 1962, 67–68).

Первый царь династии, в которой насчитывается по меньшей мере пять фараонов (восемь или девять, согласно различным версиям Манефона), Небка происходил от

²⁷ Современные написания имени допускают два чтения: *Ntr(y)-ht*, где *r* является фонетическим компонентом к знаку *ntr* от прилагательного-нисбы *ntr(y)* «божественный», откуда и перевод — «Божественный телом» = «с божественным телом»; то можно прочесть и *Ntr(y)-r-h*, и тогда *r* является предлогом при сравнительной степени — «более, чем...»; в таком случае это следует понимать, как «Божественный более, чем тело [богов]». Этот последний перевод менее вероятен, чем первый. Имя «Джосер» появляется в текстах только со Среднего царства (Gauthier, *LdR*, I, 51); на современных памятниках известно только хорово имя — Нечерихет.

последнего фараона II династии — Хасехемуи: мать Небка, Нихепетмаат, была его женой или дочерью. Смена династии, которая, таким образом, не объясняется приходом к власти нового рода, возможно, она основана на смене столицы: Хасехемуи, несомненно, правил из Иераконполя, где и был похоронен, тогда как его наследники утвердились в области Мемфиса, где и были воздвигнуты их пирамиды. Именно это и предполагает Манефон, уточняя, что фараоны III династии были «мемфисцами», а цари второй происходили из Тиниса.

История III династии известна плохо — прежде всего потому, что трудно соотнести список имен фараонов, который дает Манефон, с Туринским папирусом, и более того: вся династия оказалась в лакуне на Палермском камне, возможно, за исключением части царствования Небка и пяти первых лет Джосера.

С другой стороны, найденные предметы, будь то в известных погребениях фараонов этой династии или в гробницах того времени, дают или только хорошо имя фараона, или его имя несут-бити — но почти никогда оба вместе. Поэтому трудно определить общее количество царей этой династии, поскольку хорошо имя на одном документе и имя несут-бити на другом могут относиться как к одному и тому же, так и к двум фараонам. Именно такова ситуация с фараоном Небка: одни считают, что его хорошо имя — Санахт, а другие думают, что оно относится к другому фараону (Helck, 1987, 107). Отсюда и разногласия среди историков по поводу того, сколько же фараонов действительно царствовало и в каком порядке.

Если не считать трех первых царей, то при нашем современном уровне знаний невозможно составить неоспоримый список правителей в том порядке, в котором они следовали друг за другом. Таблица IX является сопоставлением имен этих фараонов и порядка их царствований в том виде, в котором они фигурируют в пяти имеющихся у нас источниках: на памятниках, в царских списках эпохи Рамессидов и у Манефона.

Принимая во внимание хронологические вероятности, III династия не могла управлять Египтом в течение двух веков, как утверждают манефоновские источники, даже если сократить длительность царствований от 214/198 (Waddell, 1964, 40–45) до 174 лет, как это уже было сделано (Swelim, 1983). Напротив, Туринский папирус, судя по всему, ближе к действительности, поскольку он отводит на пять фараонов 74 года, то есть в среднем 15 лет на царствование.

Наследником Небка был *Джосер* (около 2680–2660 гг. до н. э.). Источники, которыми мы располагаем, не указывают, какое родство было между этими двумя фараонами. Тем не менее, оба они происходили от Хасехемуи через царицу Нихетепмаат, и весьма вероятно, что Джосер был младшим братом своего предшественника. Современные ему памятники именуют царя только его хоровым именем — Нечер(и)хет. Тем не менее его имя несут-бити — Джосер — засвидетельствовано во времена Среднего царства на статуе, которую Сенусерт II посвятил своему предку «Джосеру» (Wildung, 1969, 59), чье имя истолковано, как обозначавшее якобы «Великолепный» или «Священный (в высшей степени)». Это имя несут-бити было известно и использовалось в течение I Переходного периода (а возможно, уже в конце Древнего царства), если (а это вполне возможно) текст папируса Весткар, где оно употребляется, датируется временем до XII династии (Lefebvre, 1949, 70).

Фараоны III династии

Памятники и современные документы		Царские списки					Манефон	
Хорово имя	Имя несут-бити*	Абидос	Саккара	Туринский папирус	Продолжительность царствования	Годы до н. э.	Девять царей (вариант — восемь)	Продолжительность царствования
Санахт	Небка	Небка		Небка	19	2700–2680	Нехерофес	28
Нечерхет	Джосер	Джосер-Са	Джосер	Джосерит (?)	19	2680–2660	Тосортрос	29
Сехемхет	Джосер-тети	Тети (sic)	Джосер-тети	Джосерти	6	2660–2655	Тиреис	7
Хаба	?	Седжес	Небкара	Худжефа	6	2655–2650	Месохрис	17
Кахеджет (?)	Хуни	Нефер-кара	Хуни	Хуни	24	2650–2630	Софис	16
		[Снофру]	[Снофру]	[Снофру]			Тосертасис	19
							Ахес	42
							Сефурис	30
							Керферес	26
					Всего: 74 года			Всего: 214**

* Отождествление хоровых имен и несут-бити, за исключением Джосера — предположительное.

** Общая продолжительность III династии составляет у Евсевия 198 лет; он насчитывает только восемь фараонов (Waddell, 1964, 43).

Длинный наскальный текст, высеченный на южном конце острова Сехель к северу от Асуана, рассказывает, что на 18-м году своего царствования Джосер столкнулся с бедствием: после семи лет низких разливов подряд не прекращался голод. Он созвал «главного из жрецов Имхотепа» и стал его расспрашивать, чтобы узнать, откуда приходит Нил и какой бог распоряжается его пришествием в Египет. Просмотрев архивы, жрец поведал повелителю, что Нил рождается в Элефантине, где обитает бог-баран Хнум. Потом во сне Джосер узрел этого бога, который обещал ему всегда даровать благоприятные разливы. Чтобы умиловить божество, Джосер, пробудившись, провозгласил, что вся долина Нила к югу от Элефантины на протяжении 12 «итеру» (около 126 километров) отныне принадлежит Хнуму — со всем ее населением, годными для обработки землями, с рудниками и всеми плодами. Некий «Месир» (чтение этого имени, несомненно, неегипетского, неизвестно), поименованный «Вождем нубийцев Элефантины», получил повеление высечь этот указ на стеле.

Этот текст, давно уже известный как «Стела голода», истолковывался по-разному. Чаще всего его считали жреческой «подделкой», сочиненной жрецами Хнума

в Элефантине, чтобы дать историческое оправдание египетскому захвату Нижней Нубии между Элефантиной и Даккой/Кубаном на юге — часть Долины, которую греки называли *Додекасхойном* — «Двенадцать *схен*» (греческая мера длины, соответствующая египетскому «итеру»). В основном его датируют временем Птолемея V Эпифана, который якобы повелел высечь надпись в 187 году до н. э. (Barguet, 1953), но нет ничего невозможного и в том, что первоначальный текст или его источник — более древний и восходит к XXVI династии (Wildung, 1969, 89). Вопрос в том, чтобы узнать, что в «Стеле голода» может происходить из документов III династии.

Недавние раскопки в Элефантине показали, что задолго до царствования Джосера она уже была важным городским центром, прежде всего в архаическую эпоху (Dreyer, 1986). Поэтому априори не является невозможным, чтобы храм на острове сохранил в своих архивах документы, которые восходили к Джосеру или к эпохе, близкой к его царствованию. Это могло бы объяснить, что в преамбуле к Стеле содержится не только хорошо имя властителя, но и — правильно написанные — его имена несут-бити и неб-ти. С другой стороны, ничто не мешает считать, что, как царь I династии Джер и как его ближайший наследник Снофру, Джосер также провел военную кампанию в Нубии.

Упоминание заупокойного жреца Имхотепа на «Стеле голода» напоминает об одной из наиболее существенных вех царствования Джосера: присутствии рядом с царем того самого Имхотепа, который носил титулы визиря Нижнего Египта, царевича (Gardiner, 1947, I, 14), великого жреца Гелиополя, начальника работ, скульптора, плотника и т. д. Его имя фигурирует на основании статуи Джосера, найденной в ограде ступенчатой пирамиды в Саккара (Corteggiani, 1979, 40–41); это свидетельствует, что Джосер и Имхотеп действительно были современниками, и подтверждает восстановление имени этого последнего в рубрике, которую Манефон посвятил III династии: фактически, для второго фараона следовало бы читать: «Тосортрос (= Джосер), двадцать девять лет; <в его царствование жил Имутес>» (Waddell, 1964, 40–41).

Имхотеп — которого впоследствии считали сыном бога Птаха и изображали таким же образом — при Птолемеях был обожествлен. Среди многочисленных святилищ, которые тогда были посвящены ему, фигурирует храм, воздвигнутый в Филах Птолемеем V (Barguet, 1953, 34). Греки считали его (под именем «Имутес») египетским эквивалентом Асклепия/Эскулапа, ибо, согласно различным манефоновским версиям, «... египтяне называли его Эскулапом из-за того, как он был искусен в медицине» (Waddell, 1964, 40–45). Гробница Имхотепа находилась в Саккара, где о ней, как свидетельствует «Степа голода», еще продолжали заботиться жрецы в конце птолемеевской эпохи. Несмотря на все поиски, ее пока не нашли. Возможно, она находится где-то на севере Саккара, вблизи мемфисского Серапеума, рядом с которым были найдены подземелья, наполненные бесчисленными мумиями ибисов, бабуинов и соколов — все эти животные были посвящены Имхотепу (Emery, 1970, 7–9 и 1971, 5–6).

Невозможно проверить — и, следовательно, принять дату и место рождения Имхотепа, которые приписывают ему птолемеевские тексты, прежде всего в Дейр эль-Бахри, в большом храме Хатшепсут, где росписи святилища, украшенного при Птолемеи VII, представляют Имхотепа вместе с его матерью, женой и различными божествами (PM, II, 367).

Манефоновские источники говорят, что Имхотеп был не только чудотворцем, но и изобретателем искусства строительства из отесанных камней и посвятил себя пись-

му» (Waddell, 1964, 41–45). Эта последняя грань гения Имхотепа, несомненно, происходит из того факта, что во времена Нового царства он считался покровителем писцов и отождествлялся с богом Тотом, изобретателем письма, откуда и связь Имхотепа с ибисом и бабуином, священными животными Тота/Гермеса.

«Начальник работ», то есть «архитектор» Джосера, Имхотеп являлся «генеральным проектировщиком» строительства ступенчатой пирамиды в Саккара и сопровождающих ее построек (Lauer, 1962, 69–171). В этом ансамбле построек, из которого состоит заупокойный комплекс Джосера, использован только камень, и именно поэтому Имхотепу, может быть, и приписывали в различных манефоновских источниках введение в употребление отесанного камня. На самом деле камень уже использовался в заупокойной архитектуре II династии, если не раньше (Lauer, *ibid.*, 240). Итак, Имхотеп удовлетворялся тем, что усовершенствовал употребление камня и сделал его всеобщим, отказавшись от кирпича-сырца, который все еще преобладал в царских гробницах архаической эпохи.

Несомненно, родившийся еще при Хасехемуи, Имхотеп умер при последнем фараоне III династии — Хуни.

Имя наследника Джосера доподлинно известно благодаря открытию незавершенного памятника.

В 1951–1955 годах исследование обширного холма к югу — юго-востоку от заупокойного комплекса ступенчатой пирамиды обнаружило прямоугольную ограду и верхний ряд каменной кладки еще одной ступенчатой пирамиды того же типа (Lauer, 1962, 179–206). Печати на кувшинах свидетельствовали, что этот новый комплекс принадлежал некоему «Хору Сехемхету».

Это имя тут же было сопоставлено с именем предпоследнего царя I династии Семерхета. Выяснилось, что барельеф в Вади Магара на Синае приписывался Семерхету ошибочно — барельеф следовало отнести к до сих пор неизвестному фараону III династии Сехемхету. Наследник Джосера — Хор Сехемхет — безусловно, тот, кому принадлежало несут-бити *Джосерти* в списках из Саккара и в Туринском папирусе; ему отведено шесть лет царствования. В таком случае он должен соответствовать «Тиреису» из манефоновских источников, который якобы наследовал «Тосортосу» (Джосеру) (Waddell, 1964, 41–43) и царствовал семь лет. Подтвержденная таким образом краткость царствования этого царя объясняет, почему пирамида осталась недостроенной.

О наследниках Сехемхета мы практически ничего не знаем; как правило, их царствования удастаиваются лишь беглого перечисления, в том числе и в манефоновских источниках, которые ограничились тем, что написали: «Шесть оставшихся царей этой династии не совершили ничего заслуживающего упоминания» (Waddell, 1964, 42–45); само число — шесть фараонов — следует воспринимать с осторожностью, так как и Туринский папирус, и царские списки, со своей стороны, приводят только два имени наследников Сехемхета / Джосерти (см. табл. IX).

История конца III династии неотделима от того, что можно назвать происхождением пирамид, важность которых для истории цивилизации фараонов намного превосходит важность событийной истории. Если бы на Палермском камне сохранился конец этой династии, то там были бы засвидетельствованы регулярные появления фараона

в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта, учреждение или празднование религиозных праздников, походы на сопредельные с долиной Нила регионы, различные переписи раз в два года, и была бы в точности зафиксирована ежегодная высота разлива Нила, которая определяла процветание или, напротив — кризис в Египте.

Что касается погребения Санахта/Небка, то если оно не находится в Бет-Халлафе (Garstang, 1903, 11–14) — было ли оно рядом с заупокойным комплексом Джосера (Stadelmann, 1985, 37) или же оказалось перекрыто им (Lauer, 1962, 67–68) — оно не должно было никак отличаться от гробниц властителей II династии. Древнейшая известная нам египетская пирамида — это ступенчатая пирамида Джосера (рис. 40).

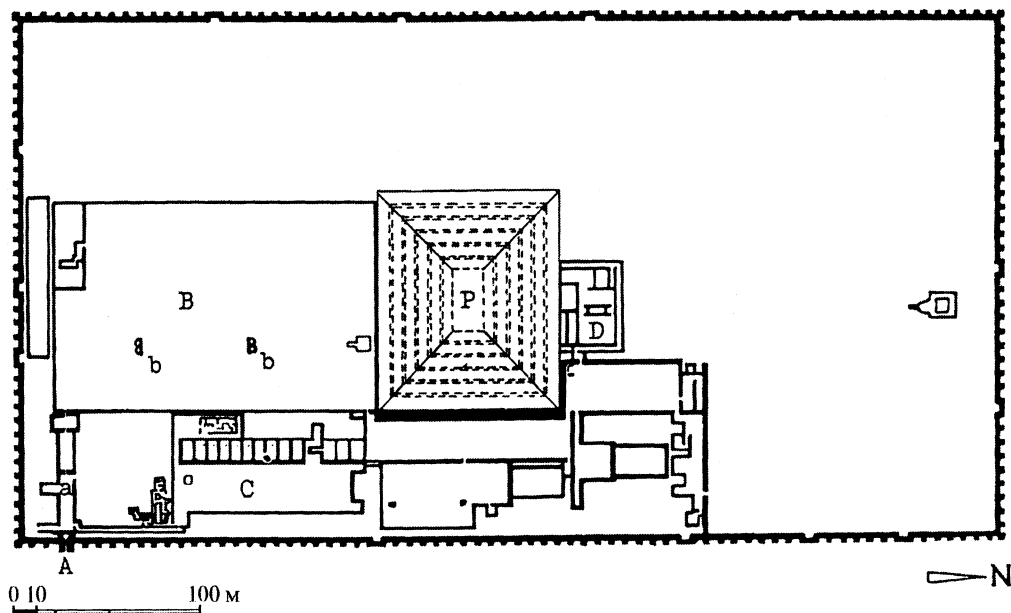
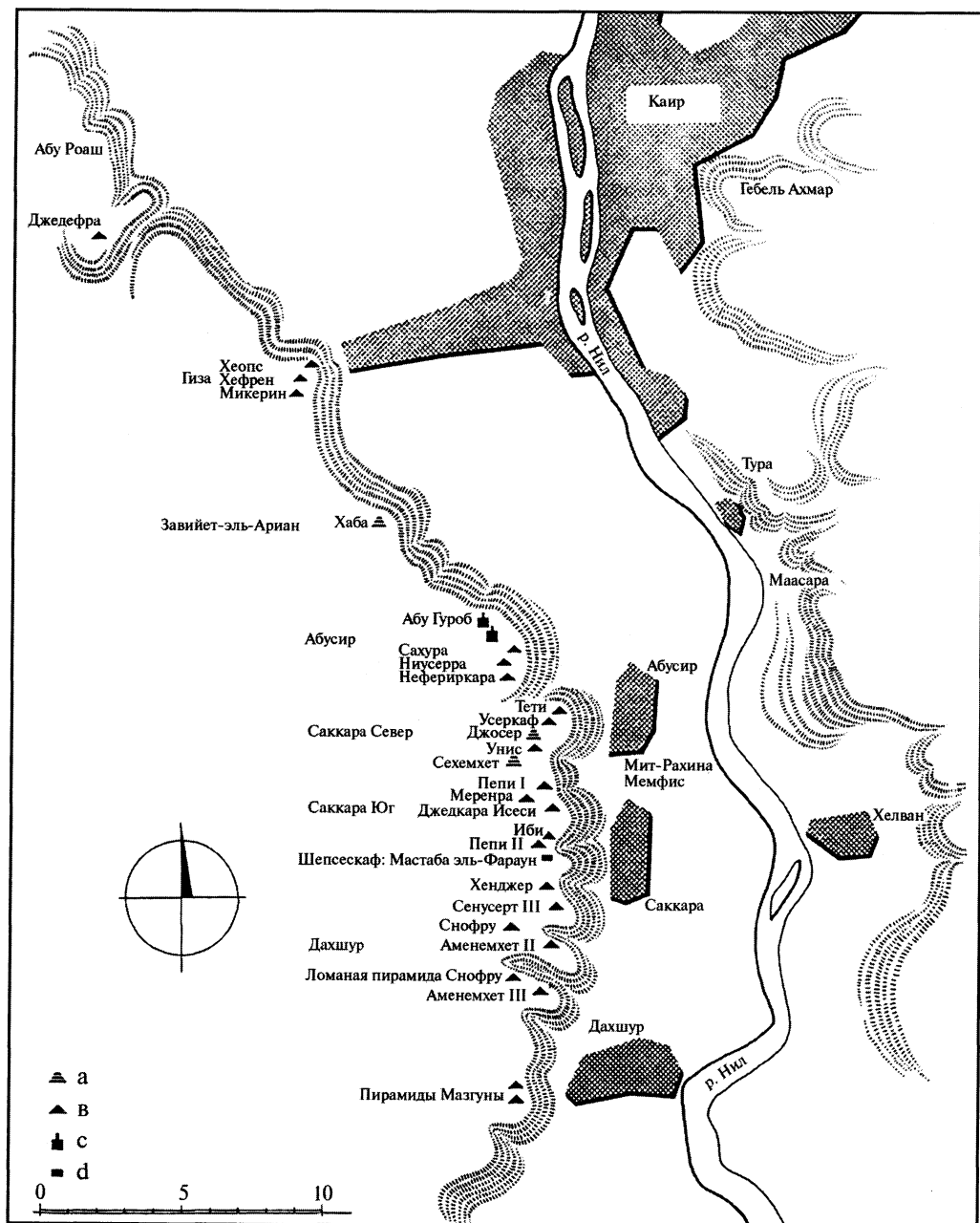

Рис. 40. Заупокойный комплекс Джосера.
 А. Входной портик. В. Южный двор. Р. Пирамида.
 С. Двор хеб-седа. D. Заупокойный храм.

Основной факт, который следует здесь подчеркнуть — это не усовершенствование техники строительства и даже не использование в строительстве отесанного камня в той степени, которая до сих пор еще никогда не была достигнута, а развитие мысли от начала к появлению и потом — к умножению численности пирамид. Можно дать представление об обширности этого явления и о том, как быстро оно росло и развивалось, сказав, что между 2670 и 2630 годами, то есть примерно за 40 лет, в долине Нила было построено как минимум *одиннадцать* ступенчатых пирамид (см. карту XII).

Уже в архаическую эпоху царское погребение стало символом мощи фараона. Своими размерами, своей массой и качеством погребального инвентаря, который был там размещен, объемом заупокойных приношений, которые требовались как во время захоро-

Карта XII. Пирамиды от Абу-Роаша до Дахшура
 1. Ступенчатая пирамида. 2. Пирамида. 3. Солнечный храм. 4. Мастаба.
 По Stadelmann, 1985, p. 6.

нения, так и для поддержки заупокойного культа, гробница способствовала утверждению царской власти (Кемп, 1989, 53). Эта роль царского погребения в усилении единой монархической власти развилась в еще больших пропорциях с царствованием Джосера благодаря монументальной пирамиде, которая стала символом божественности умершего фараона и его мощи в загробном мире, мощи, которая приносила пользу его подданным.

Ступенчатая пирамида и ее постройки-спутники не были снабжены текстами, которые позволили бы объяснить то, что именно они воплощали в верованиях египтян III тысячелетия до н. э. Комплекс Джосера с его зубчатой оградой (воспроизводившей фасад дворца), наподобие комплекса Хасехемуи в Шунет эз-Зебиб в Абидосе (Кемп, 1989, 54–57), остается в традиции больших заупокойных ансамблей архаической эпохи. Как и в этом последнем, здесь есть большой прямоугольный двор — «Южный двор», с которым с севера граничит сама пирамида. В ходе раскопок были открыты верхние ряды кладки одинаковых построек в форме двух букв D (или подков?), стоявших бок о бок друг с другом: одни на севере, другие на юге (см. рис. 40, пункт B, b и b), и отделенных пространством примерно в 50 метров. План этих небольших построек напоминает наложенные друг на друга полумесяцы, которые фигурируют на булаве Нармера (см. рис. 27), а также на деревянном ярлыке царя Дена (см. рис. 41); на первом видно, как в пустом пространстве между ними бегут три пленника; на втором — большими шагами бежит сам фараон. Эти постройки, которые окрестили «межевými столбами» (Vandier, 1952, 911) или «каирнами» (Kemp, 1989, 60), служили, следовательно, для ограничения зоны, вокруг или внутри которой проходил ритуальный бег.

Рис. 41. Ярлык царя Дена
(по Petrie, 1901)

Благодаря памятникам и изображениям архаической эпохи можно представить себе ту основополагающую роль, которую играл в развитии фараоновской монархии «дворец», но также и царская гробница, которая становилась его вечным символом. Дворец, таким образом, заключал в себе большую ограду, где «межевые камни»²⁸ символически ограждали очень большую территорию — несомненно, Верхний и Нижний Египет или, может быть, даже всю Вселенную, которая во всей своей полноте должна была принадлежать государю. Там регулярно устраивался ритуальный бег, обеспечивавший фараону, который участвовал в нем, обладание властью.

Несмотря на отсутствие текстов, постройки-спутники ступенчатой пирамиды Джосера своим присутствием и расположением показывают, что обрядность, которая складывалась уже в додинастический период и продолжала развиваться в архаическую эпоху (Helck, 1987, 5–48), все еще соблюдалась при III династии и даже выросла в масштабах. Фактически, комплекс Джосера в Саккара заключал в себе одновременно большой южный двор, где происходил ритуальный бег, на который умерший фараон, как предполагалось, мог смотреть с высоты трибуны (ее фундамент был найден при раскопках), а также и другой двор и ряд построек, где происходил праздник *хеб-сед* (см. рис. 40, пункт С).

Праздник *хеб-сед*, истоки которого теряются в доисторической эпохе (Helck, 1987, 6–21), играл основополагающую роль в фараоновской цивилизации. Можно заметить, что одна из общих черт всех монархических режимов — это представление монарха подданным в наиболее впечатляющем свете, дабы увеличить его престиж и авторитет (Кемп, 1989, 58). Во Франции при Старом режиме этой потребности отвечала церемония коронации: Так же и в Египте праздник *хеб-сед* возобновлял обряды, проведенные при коронации, обряды, которые были магическими и одновременно религиозными, которые подтверждали для фараона его власть на земле. В ходе этих церемоний фараон, облаченный в особое одеяние, дважды поднимался на помост, на котором был устроен павильон с двумя тронами (см. рис. 42).

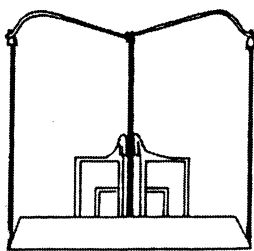

Рис. 42. Павильон праздника *хеб-сед*
(по Кемп, 1989)

В первый раз он садился на один из этих тронов в качестве царя Верхнего Египта, увенчанный белой короной, и потом, второй раз, занимал второй трон, как царь Нижнего Египта, надев красную корону.

²⁸ Эти камни назывались *dnbw*, от корня *dnh*, «двигаться вокруг», ср.: Spencer, 1978, 53.

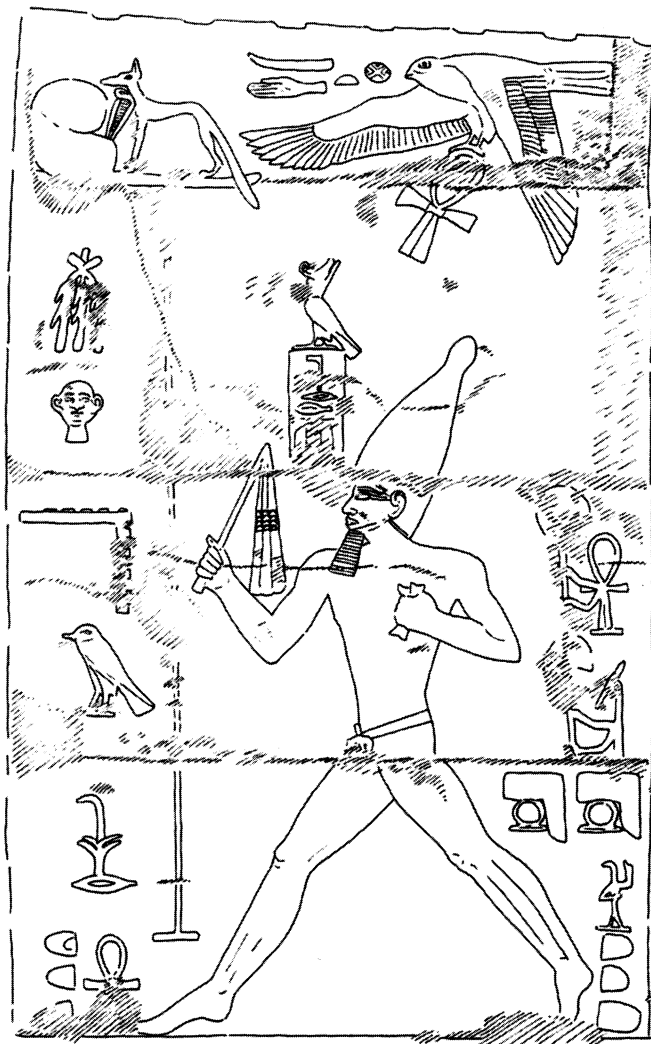

Рис. 43. Ритуальный бег Джосера
(по Firth и Quibell, 1936)

Основание павильона для праздника хеб-сед было обнаружено в комплексе Джосера (Lauer, 1936b, I, 145). Обряд двойного «явления» царя в течение праздника существовал, судя по всему, уже при I династии, как можно видеть на верхушке булавы Нармера (см. выше, рис. 27), где царь фигурировал в качестве царя Нижнего Египта одетым в характерное одеяние, так же как на ярлыке Дена, где он сидит на помосте в белой короне Верхнего Египта, рядом со сценой ритуального бега. Еще 500 лет спустя прекрасный барельеф из подземной галереи ступенчатой пирамиды (Firth-Quibell, 1936 и pl. 16; ср. рис. 43) показывает Джосера, совершающего тот же самый бег.

Итак, само по себе присутствие различных элементов погребального комплекса Джосера в Саккара свидетельствует о примечательном континуитете обрядов, знаме-

новавших собой образование фараоновской монархии. Тем не менее, наряду с этим постоянством можно заметить два новых элемента: преобразование архаической мастабы в ступенчатую пирамиду и расширение храма, где проходили службы заупокойного культа после кончины фараона.

Именно во время царствования Джосера, судя по всему, были выработаны идеи, которые привели к строительству пирамид, наиболее характерного памятника египетской цивилизации, продолжавшемуся на протяжении трех тысячелетий — ибо и в III веке н. э. над гробницами царей и цариц все еще строили пирамиды.

Первоначально гробница, предназначенная для Джосера, имела форму огромной прямоугольной мастабы, похожей на те, в которых были похоронены фараоны архаической эпохи. Над этой первоначальной мастабой, которая еще не превышала 8 метров в высоту, была построена первая ступенчатая пирамида в четыре этажа; затем она была расширена и включена в монументальную пирамиду из шести ступеней. Со своей высоты в 60 метров она и сегодня господствует над некрополем в Саккара.

Тексты, созданные на многие века позже Джосера, позволяют понять, что пирамида — нечто вроде гигантской лестницы — позволяла умершему царю войти в небесное царство бога-Солнца и сопровождать его в барке, которая без усталы плавала туда-сюда по небу с востока на запад. Ни один документ не позволяет нам утверждать, что именно эта концепция вдохновила постройку большой ступенчатой пирамиды в Саккара. Тем не менее, следует отметить, что именно в период III династии фараон впервые ассоциируется с солнцем: барельеф, происходящий из святилища, построенного в Гелиополе Джосером (W. S. Smith, 1949, 132 et s.): здесь за хоровым именем царя — Нечерхет — следует формула или титул *R^c-nwb* «золотое солнце» (ср. рис. 44). Это определение наряду с тем фактом, что Джосер приказал построить храм в Оне/Гелиополе, собственных владениях обожествленного Солнца, делает возможной связь между ступенчатой пирамидой в Саккара и Солнцем. Итак, при Джосере могло начаться развитие верований, которые сделали из фараона, чисто земного владыки даже за гробом, государя, который после кончины поднимается на небо (Kemp, 1989, 63). Это представление появится в царском протоколе IV династии, в титуле *s3-r^c* «сын бога Солнца», титуле, который будет приписан фараону во время коронации и станет предшествовать его имени (см.: Beckerath, 1984, 32).

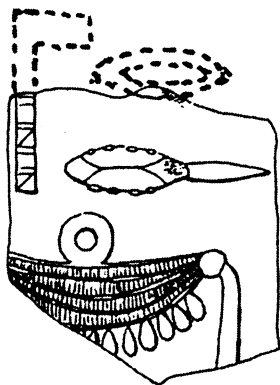

Рис. 44. Фрагмент рельефа Джосера

Ступенчатую пирамиду, изобретенную при Джосере, переняли его четыре наследника: Хор Сехемхет в самой Саккара (Lauer, 1962, 179), Хор Хаба — несомненно, тот фараон, чье имя должно было оказаться «в лакуне» (*hw-df3*) в Туринском папирусе (Goedicke, 1956a), он же «Седжес» из Абидосского списка (см. таблицу IX); его ступенчатая пирамида, хотя и разрушенная, все еще достигает в высоту около 20 метров: она находится в Завийет эль-Ариане, между Гизой и Абусиром (ср. карту XII); и, наконец, Хуни²⁹, последний представитель династии. Его монументальная восьмиступенчатая пирамида, несомненно, была закончена его сыном и наследником Снофру, первым фараоном IV династии, который, видимо, и превратил ее в настоящую пирамиду. Воздвигнутая на самом краю пустыни, в 80 километрах к югу от Каира, близ въезда в Файюм (см. карту XII), эта пирамида достигала почти 70 метров в высоту и, следовательно, была выше пирамиды Микерина (62 метра).

Эти пять очень больших ступенчатых пирамид, несомненно, являются гробницами. Существовали и другие, небольшие: их руины не превышают в высоту 6 метров, а сторона их основания достигает в среднем 20 метров — конечно, немного по сравнению со 120 метрами стороны пирамиды Джосера или 145 — пирамиды в Медуме. Назначение этих памятников остается нам неизвестным. Всего их семь, все они относятся к III династии и распределены между Верхним и Средним Египтом. С севера на юг они располагаются: одна в Элефantine, затем другая на западном берегу реки в пяти километрах к югу от Эдфу, третья — в шести к северу от Иераконполя (эль-Кула), затем одна в Омбосе и еще одна в восьми километрах к югу от Абидоса, близ додинастического поселения эль-Амра; шестая находится в Среднем Египте — пирамида Силы, которая господствует над Файюмом в восьми километрах к западу от пирамиды в Медуме; и, наконец, только последняя находится на восточном берегу: это пирамида в Завийет эль-Мейтине в семи километрах к югу от Миньи (Dreyer-Kaiser, 1980). Следует заметить, что четыре из этих пирамид находятся непосредственно на значительных объектах додинастической или архаической эпохи либо рядом с ними: Эдфу, Иераконполь, Омбос, Абидос/эль-Амра.

Все семь пирамид, построенные из местных материалов: гранит в Элефantine, песчаник в Эдфу, известняк во всех остальных — могут датироваться царствованием Хуни (Edwards, 1985, 68). Их предназначение неясно. Если речь идет о гробницах цариц, как предполагали (Lauer, 1962, 230), то погребальная камера должна была быть врезана в материк под пирамидой, но до сих пор не было еще найдено шахты, которая бы вела в такую камеру. Предполагали, что это кенотафы или, что более вероятно, — символы царской власти, воздвигнутые близ резиденций царя в провинциях (Dreyer-Kaiser, 1980, 59); однако и это всего лишь гипотеза. Что касается их формы, то эти пирамиды напоминают основания больших храмовых обелисков V династии, и можно было бы также задаться вопросом, не изображают ли они символически первобытный холм, на котором воздвигнут камень, поддерживающий солнце при его восходе. В таком случае они должны относиться к святилищам, служившим прототипам солнечных храмов. Такая интерпретация предлагалась и для пирамиды в Медуме (Wildung, 1969).

²⁹ Имя Хуни, засвидетельствованное во всех списках эпохи Рамессидов, происходит из ошибочного чтения писцами Среднего царства одного знака. Настоящее имя этого фараона — Ни-Сутех (Goedicke, 1956b). Его хорово имя могло быть Кахеджет (*K3-hdt*) — «Тот, чей белый венец высок»; его серех фигурирует на одной стеле в Лувре (Vandier, 1968).

В начале архаической эпохи многочисленные камеры северной части мастабы предположительно служили для отправления заупокойного культа (Lauer, 1979, и рис. 2). Так и в комплексе Джосера именно на севере мы находим обширный ансамбль построек, сооруженных вблизи облицовки пирамиды (ср. рис. 40, выше, пункт D). Некоторые специалисты считают этот ансамбль дворцом умершего царя (Ricke, 1944) — дворцом, который другие располагают в юго-западном углу большого южного двора комплекса (Kemp, 1989, 59). Конечно, весьма вероятно, что в Саккара мы имеем дело с заупокойным храмом (Edwards, 1985, 40), где жрецы умершего фараона продолжали его культ в течение веков. Этот храм, состоящий из лабиринта камер и коридоров, слишком разрушен, чтобы можно было определить предназначение его различных частей (Vandier, 1952, 938–940; Lauer, 1936, 72–78 и pl. XXI–XXII). В Медуме и во все последующие эпохи заупокойный храм всегда находился на востоке.

В комплексе Джосера — опять-таки впервые — мы находим характерный элемент заупокойной архитектуры Древнего царства — сердаб (это арабское слово означает «подвал», «погреб»), что свидетельствует о развитии одного из основных верований древних египтян: веры в возможность заменить существо или предмет его изображением.

В углу, образованном с востока заупокойным храмом и с северо-востока пирамидой (рис. 40, с. 252), в 1924 году была раскопана небольшая прямоугольная, сложенная из камня, постройка. Она пристроена к облицовке пирамиды и содержит закрытую камеру, в которой находилась статуя сидящего Джосера (сейчас в Каирском музее). Несмотря на повреждения, этот памятник является одним из шедевров египетского искусства (см. последние работы: Corteggiani, 1979, 42; Malek, 1986, 55) и знаменует техническое совершенство, достигнутое скульпторами начала Древнего царства. Скульптура почти целиком занимала пространство камеры-сердаба, которая была наглухо закрыта; лишь два отверстия, проделанные в северной стене, оставляли статуе возможность контакта с внешним миром и позволяли ей обонять воскурения благовоний, когда жрецы совершали культовые действия (Brovarski, 1984).

Ступенчатая пирамида Джосера оставляет еще много вопросов: зачем были нужны эти изображения всегда открытых деревянных врат, вырубленных в камне; эти зубчатые стены из небольших известняковых блоков, имитировавшие ограды из обожженного кирпича; зачем эти полуколонны, прототипы колонн в форме папируса и лотосов; эти сплошные массивы, словно образцы естественного величия часовен, святилищ, дворцов, куда не может проникнуть никто... кроме теней (Vandier, 1952, 941); зачем же, наконец, сама гробница в миниатюре (Kemp, 1989, 941) на большом южном дворе? Символическое погребение Джосера в качестве царя Юга (Лозр) или же временная гробница, на случай, если высечение погребальной камеры не было бы еще закончено на момент смерти царя (Эдвардс)?

Ансамблем Саккара, который отмечает важный поворотный пункт в эволюции заупокойных верований, восторгались и сами египтяне, как показывают иератические граффити, выражающие их восхищение — более тысячи лет спустя после постройки (Edwards, 1985, 51).

Развитие искусства при III династии не ограничивалось одними царскими постройками. Уже в архаическую эпоху скульпторы работали для частных лиц: например, прекрасная гранитная статуя Хотепджефа в музее Каира (Terrace-Fischer, 1970, 25–28;

Malek, 1986, 32), которая может относиться к концу II династии (W. S. Smith, 1949, 15–16), и, конечно, необычайная статуя сидящего мужчины в Берлине — древнейшая статуя частного лица такого типа (Id., *ibid.*, 8–9 и pl. 2a). При III династии произведения искусства растут как количественно, так и качественно. Художники и ремесленники, вырезая вазы, научились справляться с самыми твердыми породами камня и создавать самые необыкновенные формы (Corteggiani, 1979, 33–35) и теперь пробовали свое умение на круглой скульптуре. Статуй частных лиц, нередко выполненных в граните, в эту эпоху становится все больше (W. S. Smith, *l.c.*, 15–19; Vandier, 1952, 983–986). Когда III династия закончилась, стиль Древнего царства вполне установился, как показывают три статуи Сепы и Несет в Лувре (Vandier, 1952, 985); сейчас уже трудно определить, датируется ли эти памятники III или IV династией.

По количеству фрагментов скульптуры, найденных при раскопке ступенчатой пирамиды и ее комплекса (W. S. Smith, 1949, 14–19), можно понять, что утрачено множество памятников, но использовавшийся материал — камень — способствовал сохранению статуй вплоть до наших дней. Однако нельзя сказать то же самое о других областях искусства: барельефы, живопись, резьба, основа для которых — дерево и стены, покрытые (или не покрытые) штукатуркой, с годами плохо сопротивлялись износу. А ведь именно работы такого типа являются наиболее полезными источниками для изучения самых ранних периодов цивилизаций Древнего мира. Тем не менее, несколько мастаб позволяют оценить удивительное мастерство художников и ремесленников III династии.

Талант, показанный скульпторами барельефов ступенчатой пирамиды (см. рис. 43), мы вновь наблюдаем на деревянных панелях мастабы Хеси-Ра («Находящийся под покровительством Ра») в Саккара (S. 2405 = *PM*, III, 2, 437–439). Эта мастаба, открытая Мариеттом, была раскопана в 1911–1912 годах (Quibell, 1913) и затем вновь засыпана, поскольку ее расписные стены грозили осыпаться. Здесь погребальная камера значительных размеров (39 × 17) выкопана на глубине 24 метров ниже поверхности (Reisner, 1936, 158). Длинный коридор (36 метров) служил часовней для погребального культа (Vandier, 1952, 709 и сл.). Восточная стена этого коридора — зубчатая, и каждая из 11 «ложных дверей» является глубокой нишей, в которой находилось деревянное панно, изображавшее Хеси-Ра, стоявшего или сидевшего перед столиком с жертвоприношениями. Каждую фигуру сопровождал иероглифический текст в восхитительном стиле. Из 11 оригинальных панно пять были полностью разрушены, пять еще были на месте во время раскопок Мариетта, а Квибелл открыл следы шестого. Можно справедливо сказать, что с красотой этих рельефов, ныне выставленных в Каирском музее, в последующие века едва ли что может сравниться и ничто ее не превосходит (Tegase-Fischer, 1970, 34; Corteggiani, 1979, 44–47). «Ложные двери», которые обрамляют деревянные панно, были расписаны яркими красками, имитируя циновки с геометрическим узором (Quibell, 1913, pl. VIII–IX). Западная стена коридора-часовни, противоположная «фасаду дворца», была украшена изображениями мебели, сундуков, ваз, орудий, оружия, игр — все ярко раскрашенное (Id., *ibid.*, pl. X–XIV), отражавшими богатство погребального инвентаря, размещенного в гробнице. Фрагмент глиняной печати с именем «Хора Нечерхета» подтверждает, что высокопоставленный чиновник Хеси-Ра, царский писец, начальник писцов, глава десяти, врач и дантист, жил при царствовании Джосера.

Мастаба Хабаусокара («Сияет могущество Сокара»), несколько более поздняя, чем мастаба Хеси-Ра, также содержит длинный коридор, имитирующий «фасад дворца» с многочисленными нишами («ложными дверьми»), однако тут коридор ведет в две часовни, одна, южная — для заупокойного культа владельца мастабы, другая, северная — для его жены (Vandier, 1952, 708). В этих двух часовнях с кирпичными стенами ниши в глубине были укреплены отесанными камнями и таким образом барельефы были высечены в известке, а не в дереве, как у Хеси-Ра. В южной часовне изображен Хабаусокар: в центре он сидит перед столиком для приношений, а сбоку он показан на ногах, идущим, как будто бы выходя из своей гробницы (Terrace-Fischer, 1970, 39). Фигуры сопровождаются именами и титулами умершего, вырезанными в прекрасных иероглифах барельефах в выемке.

Сидящий Хабаусокар на панно в глубине часовни протягивает руку к круглому столику на ножке, на котором лежат порезанные надвое хлеба (Barta, 1963, 179); над хлебами резными иероглифами перечислены продукты, предназначенные для умершего в загробном мире: пиво, вино, птица, мясо, фрукты; не забыли ни о воде для возлияния и мытья рук перед обедом, ни о благовониях и ароматных мазях. Внутренняя половина этого же панно приводит список материй, ваз, одеяний, который дополняет всевозможная утварь: кровать, сундуки, подголовники, жаровня. Этих списков было достаточно, чтобы заменить предметы или продукты, помещенные в гробницу, если б они пропали.

В отсутствие современных текстов археология показывает, что при III династии произошла эволюция в заупокойной религии, которой суждено было наложить яркий отпечаток на всю цивилизацию фараонов. Примерно в 2670 году до н. э. после кончины фараон мог, благодаря своей пирамиде, подняться на небо и сопровождать там бога Ра или же возвратиться на землю, чтобы жить в своем погребальном «дворце», где его жрецы обеспечивали царю постоянные поступления снеди. Таким образом утверждается религия Солнца, не отменяя, однако, при этом древнейшего земного культа умерших, который, как мы уже видели, появился в эпоху неолита, в VI тысячелетии до н. э. и развился при II династии с появлением прямоугольных стел (Barta, 1963, 12–26; Vandier, 1952, 752 et s.). На них умерший представлен сидящим перед столиком, изобильно уставленным провизией; и в эту эпоху изобразительные списки приношений дополняют и приумножают те, что были разложены на столе или близ него. Таким образом, магия позволяет умершему быть уверенным в том, что за гробом его ждет постоянное пропитание.

Несмотря на недолгое существование, III династия, продолжая и ускоряя эволюцию фараоновской цивилизации, сыграла отнюдь не малозначительную роль. Прогресс во всех областях техники, которые достигли тогда своего совершенства, повлек за собой развитие и организацию общества, где писцы, художники и ремесленники занимали ведущее место. Письмо уже заняло свое место, как показывают тексты, выполненные великолепным рельефом, резьбой или написанные на статуях, стелах и барельефах. Ибо письмо стало незаменимым орудием для выполнения решений центральной администрации, могущество и уровень специализации которой подчеркиваются коллекцией титулов или знаков должности, которые носили такие люди, как Имхотеп, Хеси-Ра или Хабаусокар. Историческая важность III династии также отмечена тем фактом, что историки искусства часто не могут отличить памятники III династии от IV, и вы-

нуждены предполагать некий «Переходный период», который охватывает царствования Хуни и Снофру (W. S. Smith, 1949, 18; Aldred, 1978, 181). Именно в течение этих приблизительно 75 лет, которые протекли с начала царствования Джосера до Снофру, египетское искусство — отражение цивилизации — достигло своего апогея.

IV ДИНАСТИЯ – 2630–2510 ГОДЫ ДО Н. Э.

Если только перечислить колоссальные памятники, которыми мы обязаны IV династии (две пирамиды в Дахшуре, три «великие пирамиды» в Гизе, Сфинкс, долинный храм Хефрена, к которым можно добавить множество мастаб с рельефами, которые современны им), то можно решить, что этот период египетской истории хорошо известен. Все совсем не так: даже количество фараонов IV династии точно не известно. Манефон считал, что их было восемь, Туринский папирус (частично с лакуной) перечислял, судя по всему, девять, хотя на сохранившихся памятниках к ней относятся только шесть имен (см. табл. X).

Таблица X

Фараоны IV династии

Памятники		Список из Ваді Хам-мат (4) (Среднее царство, XII династия)	Царские списки и Туринский папирус (XIX–XX династии) (5)	Продолжительность царствования по Туринскому папирусу	Даты правления (абсолютная хронология)	Геродот	Манефон (6)	Продолжительность царствования
Хорово имя (1)	Имя неbti							
1. Неб-Маат	Снофру		Снофру	24	2630–2609		1. Сорис	29
2. Меджеду (2)	Хуфу	Хуфу	Хуфу	23	2605–2580	Хеопс	2. Суфис I	63
3. Хепер	Джедефра	Джедефра	Джедефра	8	2580–2570			
4. Усериб	Хафра	Хафра	Хафра		2570–?	Хефрен	3. Суфис II	66
		Хорджедеф	? Т. 3, стк. 13		?			
		Баэфра						
5. Ка (3)...	Менкаура		Менкаура			Микерин	4. Менхерес	63
			Т. 3, стк. 14? = А. 24	18	2535–2515		5. Ратоисес	25

Памятники		Список из Вади Хам-мат (4) (Среднее царство, XII династия)	Царские списки и Туринский папирус (XIX–XX династии) (5)	Продолжительность царствования по Туринскому папирусу	Даты правления (абсолютная хронология)	Геродот	Манефон (6)	Продолжительность царствования
Хорово имя (1)	Имя неbti							
			? Т. 3, стк. 15	4	2515–2510		6. Бихерис	22
			Т. 3, стк. 16	2	2510		7. Себерхерес	7
6. ?	Шепсескаф		Шепсескаф А. 25				8. Тамфитис	9
							Всего	274 (7)
(1) По Gauthier, <i>LdR</i> , I, 62–104. (2) Чтение сомнительно. (3) Чтение сомнительно, ср. Drioton, 1947a. (4) Drioton, 1954. (5) A = Абидос, T = Турин. (6) Waddell, 1964, 46–47. (7) Вместо 284, ср. Waddell, <i>ibid</i> .								

Во введении к своему списку Манефон написал: «IV династия насчитывает восемь царей Мемфиса и принадлежит к роду, отличному от предыдущей». Это утверждение несомненно ложно, так как в одном папирусе Среднего царства — копии более древнего текста, возможно V династии, — Снофру назван сыном Хуни, последнего государя III династии (Wildung, 1969, 114). Однако утверждение Манефона может объясняться тем, что хотя Снофру, как говорит папирус Весткар, и был сыном Хуни, он не был чистой царской крови, поскольку его мать Мересанх была лишь одной из побочных жен, быть может — наложницей. Только женившись на своей единокровной сестре Хотепхерес, дочери Хуни и «главной» царицы, — имени ее мы не знаем, но, скорее всего, она была «дочерью царя и супругой царя» — Снофру подтвердил свои права на трон (Grimal, 1988, fig. 20, p. 83).

Еще традиция эпохи Среднего царства изображает Снофру как «доброго царя», простого в обращении и снисходительного к подданным (Posener, 1956, 29–33). Как правило, ему приписывают строительство трех пирамид: двух в Дахшуре и третьей в Медуме; это очень много для одного фараона, который, согласно Туринскому царскому списку, царствовал всего лишь 24 года (Kitchen, *RIS*, II, 830, стк. 8) или 29 по версии Манефона (Waddell, 1964, 47); много, даже если считать, что он царствовал лет 40, как нередко считают сейчас³⁰.

Хотя две пирамиды в Дахшуре безусловно принадлежат Снофру, как доказывают имена, которые они носят (*PM*, III.2, 876–877), уверенности в том, что ему можно полностью приписать пирамиду в Медуме, гораздо меньше, хотя сами египтяне с Древнего до Нового царства считали, что это его творение (Vandier, 1962, 15; Edwards, 1985, 77).

³⁰ Граффити, обнаруженные в Дахшуре и Медуме, упоминают переписи, согласно которым царствование могло длиться 32 или 33 года (W.S. Smith, 1971, 161–162). Недавно найденное граффито от 24 года прозвонило продлить время царствования Снофру до 40 лет (Stadelmann, 1987).

Гипотеза, согласно которой Снофру мог довольствоваться переделкой уже существующей постройки, остается весьма вероятной (W. S. Smith, 1971, 164): как и все фараоны III династии, Хуни должен был построить себе ступенчатую пирамиду, и вслед за этим — был он там погребен или нет — его сын Снофру должен был окружить эту конструкцию заостренной пирамидой. Эта возможность подкрепляется разницей в технике, использованной в постройке каждого элемента памятника: каменная кладка ступенчатой пирамиды состоит из наклонных рядов камней, в то время как в настоящей пирамиде, которая ее закрывает, кладка горизонтальная (Mendelssohn, 1973, fig. 4, p. 66). С другой стороны, внешняя отделка, которая придает памятнику совершенную форму пирамиды, покоится на песке, в то время как центральное ступенчатое ядро построено прямо на материке (Lauer, 1967, 243).

Эти технические различия свидетельствуют о несомненной хронологической удаленности. Следует задаться вопросом, действительно ли на 17-м году своего царствования, как говорят анонимные граффити, обнаруженные на покрывающих пирамиду блоках (Petrie, 1910, 9), Снофру решил переделать уже построенную ступенчатую пирамиду, чтобы создать первую настоящую пирамиду. Можно заметить, что эта дата — 17-й год — очень близка к дате, в которую могло быть начато сооружение ромбовидной пирамиды в Дахшуре, и что подобные отметки из карьеров были найдены в Медуме и в Ромбовидной пирамиде (Varille, 1947, 9–10). Преображение ступенчатой пирамиды в совершенную пирамиду подчеркивает растущую значимость для монархии солнечной религии. Эта тенденция, которая была ощутима еще при Джосере, усиливается при Снофру, связи которого с богом Ра уже были ярко продемонстрированы (Derchain, 1969; Wildung, 1969a, 108–109; Id., 1969b).

Примерно в 50 километрах к северу от Медума, на южной оконечности огромного мемфисского некрополя, частью которого они являются, вздымаются две пирамиды Дахшура и их комплексы. Одна именуется «‘Снофру сияет’ — южная», другая просто — «Снофру сияет» (PM, III, 2, 876; Wildung, 1974). «Город при пирамиде» (Stadelmann, 1981 и 1984), основанный в Долине вблизи этих двух комплексов, носит характерное название *город при двух пирамидах* (PM, *ibid.*). Был обнаружен указ царя Пепи I, показывающий, что город и заупокойный культ Снофру процветали еще около 2300 года до н. э., более чем через три столетия после кончины этого фараона.

Из-за обвала внешней стороны Медумской пирамиды (Mendelssohn, 1973; Lauer, 1976) именно в двух комплексах в Дахшуре сохранились до сего дня древнейшие истинные пирамиды Египта. Северная пирамида (Stadelmann, 185, 100–105) полностью построена из известняковых блоков слегка красноватого оттенка, почему ее и называют «Красной пирамидой»; однако во время постройки эти блоки были покрыты облицовкой из обтесанных камней из белого известняка Туры; облицовка уже давно исчезла везде, кроме фундамента, который защитили отложения щебня и песка (Stadelman, 1983, pl. 69 и 70). При IV династии северная пирамида должна была выглядеть ослепительно-белой.

Как своими размерами, так и техникой постройки — каменная кладка из блоков — эта пирамида сравнима с великими пирамидами Гизы. Длина ее основания такая же, как у Хеопса (440 локтей, то есть чуть более 220 метров), но она ниже (104 метра вместо 146), поскольку наклон ее стен гораздо слабее (43° 36' против 51° 50'). И здесь на северной грани пирамиды открывается длинный коридор, который спускается

к внутренним покоем. Но на этом аналогия заканчивается, поскольку здесь коридор ведет к галерее из трех камер, которые можно сравнить только с камерами в ромбовидной пирамиде самого Снофру, которая, однако, была построена чуть раньше. Эти три покоя — две передние камеры и собственно погребальная камера — были перекрыты в технике ложного свода или, как сейчас говорят, «опорной подушки» (S. el-Naggar, 1989); эта техника восходит еще к I династии (Id., *ibid.*), и она будет использоваться еще в Великой пирамиде в Гизе. Она позволила архитекторам Снофру придать покоем под сводом высоту более 12 метров (Stadelmann, 1985, 102–103). Как и в Медуме, започойный храм располагался перед восточной гранью пирамиды; он полностью разрушен, однако на известняковых блоках здесь было обнаружено хорошо имя Снофру: Небмаат (Id., 1983, 233). В костных останках, найденных в погребальной камере, видели остатки мумии Снофру (Batrawi, 1951), однако это отождествление, хотя и возможное, остается гипотетическим.

От силы в одном километре к югу от Красной пирамиды, которая тогда еще строилась, была уже закончена другая пирамида Снофру. Своей необычной, уникальной для пирамид, форме она обязана своим прозвищем «ромбовидная». Ее растащили еще в глубокой древности, и путешественники XVII и XVIII веков имели доступ к ее внутренним покоем. Первая публикация по этой пирамиде появилась в XIX веке (Perring, 1839; Vyse, 1840). Ее снова исследовали в 1925-м, потом в 1946 году, и она была исчерпывающим образом раскопана с 1951 по 1955 год, как и весь комплекс, частью которого она являлась (Fakhry, 1959 и 1961).

Именно двойному наклону своих граней, которые, составляя более 54° у основания, на середине высоты наклоняются, по меньшей мере, до 43°, она обязана множеством своих имен: по-английски Bent Pyramid, по-немецки — Knickpyramide, Piramide a Doppia Pendenza по-итальянски, а для арабов она — «Ложная пирамида». Как и ее северная сестра, Ромбовидная пирамида представляет собой значительную постройку, которая господствует над пустынным северным плато у Файюмской впадины. Она отмечает южный предел мемфисского некрополя. Квадратная в плане, она была задумана со стороны основания в 300 локтей (около 156 метров), длина, которая была доведена до 360 локтей (188,6 метра) на втором этапе постройки. Если бы первоначальный наклон (54°) был сохранен, то высота пирамиды достигала бы 138 метров вместо 105, которых она достигла после изменения угла наклона (Lauer, 1967, 249)³¹. Ромбовидная пирамида меньше Красной, но, тем не менее, она во многом превосходит размеры пирамиды Микерина, третьей из Великих пирамид Гизы (сторона 108 метров при высоте 62 метра). Она полностью состоит из известняковых блоков, которые происходят из ближайшего карьера, но она также была облицована плитами известняка из Туры. По большей части эта облицовка сохранилась.

Южная пирамида с ее двумя наружными склонами обладает при этом и двумя комплектами внутренних помещений. На ее северной стороне открывается коридор, который, спускаясь примерно на 80 метров, ведет в две вырубленные в скале камеры, переднюю залу и большую камеру с ложным сводом высотой более 12 метров. На западной стороне другой коридор ведет в одну большую камеру с таким же сводом высотой

³¹ Ее высота в настоящее время составляет 101,15 метра (Fakhry, 1959, 40).

более 16 метров. Коридор и камера полностью встроены в массу пирамиды (Stadelmann, 1985, 90–91).

В этом двойном внутреннем расположении — как и в двойном внешнем наклоне — видели архитектурное выражение двойственности фараоновской власти (Varille, 1947). Тем не менее, если существование двух столь различных погребальных камер остается загадкой, то изменение внешнего наклона объясняется тем, что после расширения основания от 300 до 360 локтей произошла осадка; из-за нее мог подвергаться опасности большой верхний зал со сводом, в котором пришлось установить крепи; чтобы уменьшить вес давившей на помещение каменной кладки, а может быть, и для того, чтобы достичь завершения памятника, «начальники работ» Снофру были тогда вынуждены изменить угол наклона пирамиды (Lauer, 1967, 249).

В Древнем царстве сама пирамида были лишь одним из элементов — хотя и существенным — целого ансамбля, который представлял собой вечное жилище фараона. Южная пирамида Дахшур и сопровождавшие ее сооружения оказались первым законченным образцом такого комплекса. В него входило шесть элементов (см. рис. 45): 1) собственно пирамида; 2) защищавшая ее стена-ограда; 3) небольшая пирамида, так называемая «пирамида-спутник» или «ритуальная пирамида» (Vandier, 1954, 24, 151); 4) святилище, воздвигнутое в центре восточной стены пирамиды; 5) мощеная дорога, которая вела к храму; 6), именовавшемуся «долинным храмом».

Святилище (рис. 45.4) Ромбовидной пирамиды было небольшим и сегодня совершенно разрушено; в нем были две высокие закругленные стелы с именем фараона, окружавшие алтарь (Ricke, в: Fakhry, 1959, 98–104; Stadelmann, 1985, 97, fig. 26b). Именно здесь жрецы заупокойного культа отправляли культ умершего царя и клали сюда заупокойные приношения.

Дорога (рис. 45.5) длиной около 700 метров, огражденная каменными стенками, связывала пирамиду с «долинным храмом», расположенным метрах в 30 ниже. К моменту раскопок она лежала в руинах, так что нельзя было понять, ни какой высоты были стены, — возможно, и не очень высокие (Fakhry, 1959, 105–106), ни то, как они, возможно, были декорированы.

Долинный храм (рис. 45.6), хотя и тоже был разрушен, оказался в лучшем состоянии, нежели дорога. Прямоугольный в плане, ориентированный с юга на север, он состоял из двух крытых построек, разделенных двором. Южный фасад был обрамлен двумя высокими закругленными стелами с именем Снофру (Fakhry, 1961, 7). Внутренняя декорация — барельефы или круглая скульптура — отражали экономическую организацию Египта в первой половине III тысячелетия до н. э., а также ту роль, которую играла монархия в развитии цивилизации. Стены храма были по большей части украшены барельефами, некогда раскрашенными, изображавшими стоящих женщин: одной рукой они протягивают плетеные тарелки, нагруженные приношениями, а в другой — держат символ жизни *анх*. Эти фигуры символизируют сельскохозяйственные учреждения и поселения Верхнего и Нижнего Египта, продукция которых поставлялась для потребностей культа умершего царя. Имена этих областей и местностей написаны иероглифами перед головами персонажей и над ними. Топонимам часто предшествует «штандарт», воткнутый в прямоугольную решетку; эти эмблемы (некоторые существовали уже в додинастический период и в архаическую эпоху, ср.

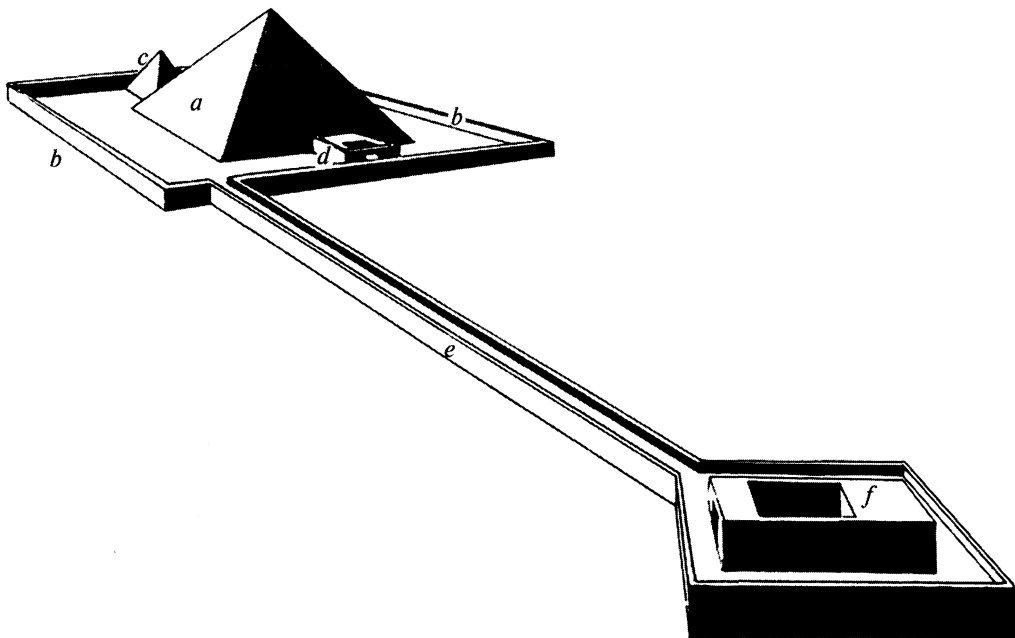

Рис. 45. Схема заупокойного комплекса архаической эпохи (Снофру)

1. Пирамида. 2. Ограда. 3. «Пирамида-спутник». 4. Заупокойный храм (или верхний храм).
5. Дорога. 6. Долинный храм (или нижний храм)

рис. 46) обозначали провинции или номы — их символизирует прямоугольная решетка, символ обработанного поля. Здесь мы узнаем одновременно и численность, и географическое размещение — с юга на север — личных владений Снофру, посвященных его заупокойному культу³².

Рис. 46. «Штандарты» номов архаической эпохи

Данные, которые дает нам это изображение владений, к сожалению, ограничены, так как сам список неполон. Из 42 номов, существовавших в Древнем царстве, пока-

³² Список не дает указаний по поводу значимости разных владений, представленных в нем. Согласно некоторым данным, которыми мы располагаем на этот счет (Jacquet-Gordon, 1962, 3, п. 2), площадь владений могла быть разной, от 2 до 40 арур — от чуть больше полгектара до более 10. В исключительных случаях она могла достигать 110 арур — меньше 40 га. По современным понятиям, речь, стало быть, идет о небольших или об очень маленьких участках.

заны только 10 из 22 номов Верхнего и один из 20 номов Нижнего Египта. Тем не менее, если отсутствие остальных номов для этого последнего объясняется разрушением изображения, то о Верхнем Египте того же сказать нельзя: 12 недостающих номов были пропущены сознательно, поскольку там не было владений, посвященных культу Снофру. Восемь из них занимали весь юг Египта, от Тиниса и Абидоса до Элефантины (номы от 1-го до 8-го, см. карту XIV-B), а еще четыре (номы с 19-го по 22-й) охватывали и покрывали Файюм. Удивляет отсутствие некоторых южных номов, прежде всего номов в районе Фив, колыбели фараоновской власти. Возможно, это говорит о том, что на юге продолжала сохраняться какая-то наследственная каста царствующих семей архаической эпохи, семей, которые должны были сохранить владение земельной собственностью. Не исключено также, что преобладание номов Среднего Египта (с 31 владением) является просто следствием сельскохозяйственного богатства этих номов.

Длина стены, которую украшали эти изображения, позволяет предположить, что владения в Дельте должны были быть по меньшей мере столь же многочисленными, как и владения в Верхнем Египте; единственный сохранившийся ном, 13-й, Гелиопольский (ср. карту XIV-A) включал по меньшей мере четыре владения.

Несмотря на такие пробелы, перечень владений позволяет представить себе расцвет сельского хозяйства Египта того времени. Освоение всех годных к обработке земель было завершено.

Шесть часовен в глубине святилища и два ряда стоявших перед ними колонн были покрыты изображениями; от них остались лишь фрагменты. Судя по всему, там были показаны сцены праздника хеб-сед, а также сцена основания (несомненно, храма) — сцена интересная, так как изображения показывают, что обряды, проводившиеся под руководством и с участием богини письма Сешат, к тому времени уже установились. Это может служить аргументом в пользу традиции, согласно которой эти обряды были якобы установлены при III династии Имхотепом³³.

В каждой из шести часовен, завершавших северный долинный храм, была сооружена статуя Снофру. Все они разбиты; сохранившиеся фрагменты показывают, что статуи были исполнены в блистательном стиле, как и барельефы, украшавшие двор и колонны.

Пирамиды и долинный храм позволяют оценить совершенство искусства и техники при Снофру; но в то же время у нас мало источников, которые могут пролить свет на события его царствования. Палермский камень сохранил память лишь о шести годах его правления, причем некоторые из них неполны. В частности, известны лишь четыре высоты разлива Нила; самая сильная, превосходившая пять локтей, одна из самых важных, зарегистрированных в эпоху Древнего царства на Палермском камне.

Среди событий, которые считались достаточно важными для того, чтобы их упомянуть, много раз фигурирует спуск на воду ладей; некоторые из них достигали 20 метров в длину и даже больше³⁴. На верфях шла работа, строились корабли, что было

³³ Фактически, эти обряды предшествуют III династии; их соблюдали уже по меньшей мере в царствование Хасехемуи, то есть при II династии.

³⁴ Палермский камень уточняет: «Год, когда был построен корабль „Хвала Двух Земель“ длиной в 100 локтей из дерева *tw/меру* (и) 60 кораблей — в 16» (Roccati, 1982, 39). Таким образом, длина

необходимо для построек, затеянных этим фараоном: сооружения храмов, дворцов, крепостей, которые перечисляются в анналах на Палермском камне, и прежде всего — возведения двух пирамид в Дахшуре и перестройки Медумской пирамиды. Только одно это требовало речных перевозок известняковых блоков во впечатляющих масштабах от карьеров в Туре до ближайшего к строившимся пирамидам берега; длина этого маршрута составляла примерно 42 и 75 километров соответственно. К перевозке камней добавлялась еще и перевозка дерева, не менее необходимого; под годом $x + 2$ упоминается прибытие 40 ладей, нагруженных кедрами, вероятно, привезенными из Ливана.

Помимо перевозки строительных материалов, корабли также должны были использоваться для военных экспедиций, прежде всего в году $x + 2$ (Roccati, 1982, 39), которые глубоко проникли в Нубию; египтянам удалось захватить 7000 пленных и 200 000 голов скота. Большая часть этого была доставлена в Египет по реке.

Некоторые экспедиции проходили по суше: на Синай, где скульптурный барельеф в Вади Магара показывает Снофру, убивающего вождя бедуинов; или в Ливию: в этом походе были захвачены 1000 человек и 13 000 животных (Roccati, *ibid.*, 40). Все это говорит о хорошей организации армии и, следовательно — центральной администрации. Эта последняя по большей части находилась в руках представителей царской семьи, которая составляла фараоновский двор и жила рядом с ним.

Среди чиновников Снофру мы уже находим некоторых из тех, кто будет править Египтом в царствование его сына Хеопса. Так, Хемиуну, сын Нефермаата, визирь Снофру, и может быть, внук Хуни (W. S. Smith, 1970, 166), служил уже при Снофру. Ему было уже не меньше 20 лет при вступлении Хеопса на трон, и, таким образом, он мог приобрести опыт, помогая или участвуя в постройке Красной пирамиды в Дахшуре; этот опыт должен был ему пригодиться при постройке Великой пирамиды в Гизе. Ее размеры очень походили на пирамиду в Дахшуре, и она строилась, когда Хемиуну был «начальником царских работ». Хемиуну, который, кроме того, был «визирем» и «царевичем», являет собой пример верности детей и внуков от «второстепенных» царских браков законному государю, своему родителю (W. S. Smith, 1971, 166).

Прелестная египетская сказка, несомненно, составленная в конце Древнего царства, воскрешает перед нами двор Снофру. Фараон скучает в своем дворце. Не зная, что предпринять, он вызывает своего мага Джаджаэманха, который предлагает ему поплавать на ладье по ближайшему озеру. Снофру тут же отдает приказ: «Пусть принесут мне двадцать эбеновых весел, отделанных золотом. Пусть приведут ко мне двадцать юных дев с прекрасным телом, красивой грудью, никогда не рожавших.

первого корабля должна была составлять около 52 метров. Для 60 других кораблей цифра «16» выглядит двусмысленно: если мерять в локтях, то это простые барки длиной около 8,4 метра; это, конечно, немного, но возможно, принимая во внимание количество единиц, к работе над которыми приступали на верфях. Боро (Boreux, 1925, 121–122) предлагает видеть в цифре 16 число использованных «шпангоутов», что должно было дать этим кораблям длину около 20 метров (*ibid.*, 122, п. 2). Цифра в 160 локтей, предложенная Роккати (*l.c.*, примеч. f) чрезмерна; она соответствует длине около 84 метров для каждой ладьи. Вспомним, что размеры ладьи Хеопса, открытой в 1954-м, составляли 43,4 метра (= 83 локтя) (Landström, 1970, 28).

Пусть доставят мне также двадцать сетей и дадут эти сети девам, в которые они, раздевшись, облачатся!» (по Lefebvre, 1949). Снофру развлекается, наблюдая, как едва одетые юные девы гребут по озеру — пока одна из них не роняет в воду драгоценность из бирюзы, украшавшую ее прическу, и все не перестают грести. Фараон призывает своего мага. «Джаджазманх произнес над озером несколько магических заклинаний, затем поместил половину вод озера на другую половину и на дне озера отыскал подвеску, которая лежала на черепке. Он забрал ее, а затем вновь произнес над озером несколько магических заклинаний и вернул воды озера на прежнее место» (Id., *ibid.*).

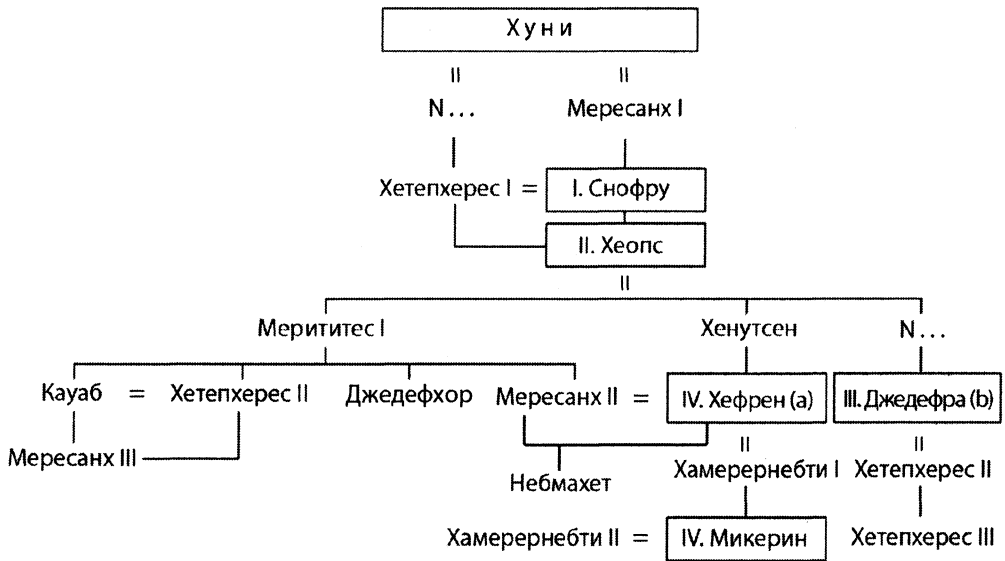
Благодаря заупокойному инвентарю супруги Снофру, Хотепхерес, мы можем представить себе, как проходила повседневная жизнь тех, кто был приближен ко двору в начале IV династии. Хотепхерес пережила своего супруга, и ее сын Хеопс похоронил ее — вероятно, в Дахшуре, близ пирамид Снофру (см. выше, с. 252 и сл.)³⁵. Примерно на 15-м году своего царствования Хеопс, видимо, узнал, что захоронение его матери было осквернено. По его приказу алебастровый саркофаг, погребальная сень и остатки заупокойной утвари были перевезены в Гизу и расположены на дне шахты глубиной около 60 метров к востоку от его собственной пирамиды. Именно здесь американский археолог Дж. Э. Райзнер обнаружил их в 1925 году (Reisner-Smith, 1955). Ложе царицы, ее кресла, паланкин, использовавшийся для поездок, — все было деревянное, частично покрытое золотыми листами, и их можно было восстановить. Мебель говорила о роскоши и изяществе, которые царили тогда при дворе. То же самое можно сказать и о балдахине, который, перед тем как стать погребальной сенью, служил навесом, под которым царица присутствовала на праздниках и церемониях на открытом воздухе.

Вместе с этой утварью были также найдены необходимые принадлежности туалета: кувшин для воды и медный тазик, золотые кубки и бритвы, шкатулка с алебастровыми вазочками, содержащими духи и мази, а также небольшой ларчик, покрытый золотом: там были целые ряды серебряных браслетов, украшенные орнаментом из бабочек из сердолика, бирюзы и лазурита (Aldred, 1971, pl. 3, p. 175). Эти предметы свидетельствуют не только о вкусе, но и несравненном техническом умении ювелиров, которые их создавали: они также дают представление о том, какие богатые сокровища были размещены в гробнице и как они привлекали воров.

Когда Снофру скончался около 2600 года до н. э., его наследником стал Хуфу — уменьшительное от «Хнум-хуэф-уи», «Хнум защищает меня» (Lloyd, 1988, III, 62). Тогда он уже был в зрелом возрасте: сын Снофру и Хотепхерес I (см. табл. XI), он должен был достигнуть примерно 15-летнего возраста еще при вступлении своего отца на трон (W. S. Smith, 1970, 165) и, следовательно, когда Хуфу пришел к власти, ему было уже лет 40, если не больше.

³⁵ Эта гипотеза, выдвинутая Райзнером, оспаривалась (Lehner, 1985).

Упрощенная генеалогия первых фараонов IV династии

NB. — Первые правители IV династии, безусловно, имели и других супругов и детей, которых мы или не знаем, или не упоминаем здесь, как, например, сын Хеопса Бауфра, известный только по папирусу Весткар и списку царей в Ваді Хаммамат (Среднее царство).

(а) Хефрен женился на своей единокровной сестре Мересанх II и на Хамерернеbti I; Райзнер считает, что она была дочерью Хеопса, но ее мать неизвестна (Reisner, 1927, 74). (b) Хетепхерес II вышла замуж за Джедефра, своего сводного брата, после кончины первого мужа Кауаба (Junker, 1934, 39).

Хуфу лучше всего известен в греческой версии своего имени — Хеопс, использованной уже Геродотом (II, 124) задолго до Манефона, который, видимо, это имя оттуда и заимствовал. Если верить Геродоту, Хеопс имел скверную репутацию у египтян V века:

«...Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения» (trad. Legrand, 1936, 153)^{36}.*

Эта традиция — о его суровости и даже жестокости, может быть, восходит к I Переходному периоду, когда авторитет центральной власти был поставлен под вопрос. Можно найти ее отголоски в сказках папируса Весткар, которые датируются именно этой эпохой и рисуют образ Хеопса, близкий к описанию Геродота (Posener, 1956, 11). Особенно в четвертой сказке, где фараон приглашает во дворец знаменитого мага по имени Джеди и говорит ему:

^{36*} Здесь и далее «История» Геродота цитируется в переводе Г. А. Стратановского. — Прим. перев.

«— Правду ли говорят, что ты можешь приставить на место отрезанную голову?»

И ответил Джеди:

— Да, я могу это сделать, о повелитель, мой господин.

Тогда приказал фараон:

— Пусть приведут ко мне из темницы узника, которого должны казнить!

Но Джеди, протестуя против жестокости Хеопса, возразил:

— Нет, только не с человеком, о повелитель, мой господин! Ибо запрещается делать подобное с божьей паствой».

И Джеди с успехом проводит эту операцию на гусе, который уходит, гогоча (перев. по Lefebvre, 1949, 83).

Фактически, источники не позволяют нам узнать, что же думали о Хеопсе его современники. Утверждения Геродота о том, что он якобы приказал закрыть святилища, скорее всего, ложно, ибо известно, что фараон строил храмы в Дендере, Бубастисе, Коптосе, может быть, даже и в Мемфисе, и что среди его ближайших родственников — сын, внук, брат, племянник — были жрецы различных божеств (Lloyd, 1988, 62). Наконец, его заупокойный культ продолжал существовать еще в саисскую и персидскую эпохи, и это совсем не согласуется с устойчивой традицией враждебности к этому фараону (Id., *ibid.*). Возможно также и что антипатия к нему, зародившаяся в I Переходный период (см. выше), была возрождена в Позднем царстве, когда его имя произносилось, как Шуфу (у Манефона — Суфис), и его корень *шеф/хеп* мог вызывать неприятные ассоциации (ср. *шефет* ‘враг’, Id., *ibid.*, 63).

Согласно Геродоту, царствование Хеопса продолжалось 50 лет (II, 127), по Манефону — 63 года; в обоих случаях эта цифра выглядит преувеличенной. Туринский папирус, видимо, ближе к реальности, приписывая ему 23 года царствования: рожденный до смерти Хуни, он должен был достигнуть около 2580 года до н. э. уже почти 70-летнего возраста.

Постройка Великой пирамиды в Гизе — одного из семи чудес света — сделала Хеопса самым знаменитым египетским фараоном наряду с Рамсесом II Великим. Как ни странно, Хеопс — один из тех фараонов, о которых у нас меньше всего исторических данных. Лишь четыре года его царствования сохранились на Палермском камне, да и они неполны. Среди фактов, которые там сообщаются, можно обратить внимание на единственную высоту разлива (чтение сомнительно); воздвижение колоссальной статуи царя высотой более 7 метров, если действительно количество локтей, которых она достигала в высоту, следует читать, как 14; наконец, освящение и «отверзание уст» другой статуи Хеопса, золотой; размеры при этом не указаны (Roccati, 1982, 41). Упоминание о двух статуях тем более досадно, что у нас есть всего одна статуя этого фараона, миниатюрная, высотой 9 сантиметров; она была найдена в Абидосе, сделана из слоновой кости, и на ней начертано хорошо имя царя (Corteggiani, 1979, 54–55). Ее датировка IV династией недавно была оспорена, как мне кажется, ошибочно (Hawass, 1985).

Сооружение заупокойного комплекса на плато Гизы, как кажется, было основной заботой Хеопса. Четвертая сказка в папирусе Весткар, которую мы уже цитировали, описывает, как фараон «проводил все свое время в поисках (...) этих тайных покоев

святилища Тота, ибо хотел он сделать подобные им в своей гробнице» (Lefebvre, 1949, 81). То, как именно была воздвигнута огромная масса блоков каменной кладки, из которых сложена эта пирамида, до сих пор вызывает вопросы. Уже Геродот любопытствовал на этот счет и пытался найти объяснения (II, 125):

«Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идет в виде лестницы уступами (...). После того, как заложили первые камни [основания], остальные [для заполнения площадок] поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок. Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с первой ступени втаскивали на второй помост, при помощи которого поднимали на вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъемных приспособлений» (перев. по Legrand, 1936, 154).

К несчастью, Геродот не описывает тех «подъемных приспособлений», которые якобы служили для подъема блоков, и в особенности — как строились те «уступы», которые составляют основу сооружения. Способ, который он описывает, относится только к постановке блоков из турского известняка, которые составляют облицовку пирамиды.

Согласно Геродоту, одно только сооружение Великой пирамиды потребовало 20 лет. Это кажется вероятным: одна из надписей на камне в котловане с ладьей, который был открыт в 1954 году у подножия пирамиды (Edwards, 1985, 113), упоминает 11-ю перепись, то есть 21/22-й год царствования, которое может быть только царствованием Хеопса (W. S. Smith, 1971, 173). Ибо перед тем, как его разобрали и уложили в котлован, этот корабль, скорее всего, служил при погребении царя (Aboubakr / Mustafa, 1971). Следовательно, погребение произошло самое раннее на 21-м году — или после этой даты, если надпись была начертана после извлечения камня; это хорошо согласуется с 23 годами царствования, которые приписывает Хеопсу Туринский папирус. Другая надпись, написанная краской на блоке внизу верхней погребальной камеры пирамиды (Lloyd, 1988, 66), относится к 17-му году и показывает, что к тому моменту пирамида уже на четыре пятых была закончена, подтверждая, таким образом, свидетельство Геродота.

Может быть, Геродот и был неплохо осведомлен по поводу времени, необходимого на постройку пирамиды, но он явно был не в курсе дела, когда написал вот это (II, 126):

«А Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег» (перев. по Legrand, 155).

Такое «свидетельство» Геродота говорит только о недоброжелательных измышлениях его информаторов. Эта история тем более неправдоподобна, что в Египте III тысячелетия до н. э. не было ни денег, ни... публичных домов.

Среди тех немногих событий, которые сохранил для нас Палермский камень, ни одно, судя по всему, не связано с деятельностью Хеопса вне границ Египта. Тем не менее различные косвенные данные заставляют предполагать, что при его царствовании были организованы многочисленные экспедиции за рубеж, чтобы добыть необхо-

димое сырье для работ, предпринятых фараоном, в частности на Синай за бирюзой и рудой для производства меди. В свое время вызывали восхищение два барельефа общей длиной более трех метров, стоящие в Вади Магара бок о бок (Gardiner — Peet — Cerny, 1952, текст — 57–58 и pl. III): на одном, слева, был показан Хеопс с псхентом на голове: он бьет палицей скорчившегося кочевника; тут же стоит Тот с головой ибиса; над сценой парит сокол Хора; над царем — его рельефный картуш с полным именем — «Хнум-Хуфуи», за ним следует эпитет — «великий бог». Правый барельеф тех же размеров содержит с большим искусством высеченный в камне царский протокол (см. выше, с. 201): «Хор Меджеду, царь Верхнего и Нижнего Египта, Хуфу, две владычицы Меджеду, два сокола золота, Хор, могучий рукой». В протоколе не хватает только титула «Сын Ра»: он появится только в конце V династии (Gauthier, *LdR*, 133).

Другие экспедиции направлялись далеко в глубь пустынь, чтобы найти камни, необходимые для статуй, саркофагов, колонн и плиточных покрытий, такие как диорит, происходящий с юго-запада Абу-Симбела, где работники каменоломни воздвигли стелу с именем Хеопса (Engelbach, 1933), сегодня хранящуюся в музее Каира; или такие, как зеленая брекчия, она же камень *бехен*; его добывали в Вади Хаммамат, между Коптосом и Красным морем, где «друг царя» с именем, в который был включен картуш Хеопса, принял участие в одной из экспедиций (Goyon, 1957, 67).

И, наконец, дерево, и прежде всего кедр, из которого делали длинные доски и балки, необходимые как для зданий, так и для постройки кораблей: он был предметом торговли с Сирией и Палестиной, куда Хеопс, как и Снофру, посылал экспедиции, оставившие следы своего местопребывания: так, в Нахр-Ибрахиме, чуть южнее Библа, отряд дровосеков оставил тяжелую медную секиру, на которой было высечено имя «двойного Хора золота» властителя (Rowe, 1936, 283–289); или фрагменты ваз в самом Библе: на одной был *серех* Хеопса, на другой — имя его супруги Мерититес I (Montet, 1928). Эти последние предметы могли быть среди тех, что были посланы царю Библа в обмен на огромное количество кедровой древесины, которая тогда импортировалась в Египет: лишь одна ладья, обнаруженная у подножия Великой пирамиды, состояла из 1224 кусков дерева, в основном — ливанского кедра в виде балок и досок, из которых самая длинная достигала в длину 22 метров (Nour et al., 1960; Landström, 1970, 26–34); еще три другие ладьи тех же размеров были захоронены близ пирамиды после погребения Хеопса.

Из-за разрушений или случайностей при раскопках *царская* иконография Хеопса крайне бедна (W. S. Smith, 1949, 157, n. 1; Vandier, 1958, 15). Напротив, *частные* статуи и барельефы, которые датируются его эпохой, многочисленны. Скульпторы и художники в совершенстве владели своим искусством.

Две расписные статуи из известняка супругов Рахотепа и Нефрет, которые находятся в музее Каира (Aldred, 1980, 58, pl. 21), показывают, что около 2600 года до н. э. скульпторы царских мастерских могли создавать творения столь впечатляющие, что при их обнаружении египетский рабочий, увидев статуи первым, «был охвачен ужасом», поскольку ему показалось, что это «два живых существа, и глаза смотрят прямо на него» (Daninos, 1886; Corteggiani, 1979, 50). Рахотеп был царевичем и, скорее всего — сыном Снофру, как и Хеопс; статуи и барельефы из его мастабы, безусловно, происходят из царской мастерской. То же самое можно сказать и о знаменитых гусынях Медума (также в Каирском музее), которые украшали мастабу другого сына Снофру,

Нефермаата. Эти гусыни были частью сцены посева, пахоты и ловли птиц (W. S. Smith, 1937; Id., 1949, 154). Как и барельефы из соседней гробницы Рахотепа, они являются первыми известными примерами «сцен из повседневной жизни» (Vandier, 1964), которым суждено стать основным сюжетом изобразительного оформления мастаб, где мы находим богатейшие источники для изучения материальной цивилизации и жизни за весь период Древнего царства.

За всю свою долгую жизнь Хеопс был женат на многих женщинах, которые подарили ему множество детей, — нам известно больше дюжины (Reisner, 1972, 74); это, конечно, могло создавать трудности при наследовании. Царевич Кауаб, старший из сыновей Хеопса, рожденный от его первой жены Мерититес I (ср. табл. XI), умер прежде своего отца. В таком случае следовало бы ожидать, что второй сын от того же брака, царевич Джедефхор (или Хорджедеф) должен наследовать фараону. Этого не случилось, хотя, как кажется, царевич был популярен: он является одним из героев сказок в папирусе Весткар, где мы видим, что именно он знакомит мага Джеди с Хеопсом (ср. с. 260—261). Его имя помнили в эпоху Нового царства как имя мудреца, автора моральных предписаний и сравнивали с Имхотепом в знаменитой «Песне арфиста». Возможно, Джедефхор был обожествлен (по меньшей мере, в эпоху Древнего царства), поскольку нам известен его *jm3hwt/umahu* («пенсионер»), как если бы он был божеством (PM, III, 1, 143), а один высокий чиновник IV династии носил титул «почитатель Джедефхора» (Goedicke, 1958b).

Имя Джедефхора вписано в картуш в списке властителей IV династии в Вади Хаммамат (Drioton, 1954) наряду с именем его брата Бауфра, которого мы встречаем и в сказках папируса Весткар; этот последний, видимо, и есть «Бихерис» у Манефона: историк ставит его на шестое место среди фараонов IV династии (Waddell, 1964, 47). Список из Вади Хаммамат, безусловно, датируется Средним царством, и предполагали, что он был высечен отрядом каменотесов, происходивших из Мемфиса, которые желали почтить память Хеопса и его сыновей (Drioton, *ibid.*). Тем не менее, сомнительно, что Джедефхор когда-либо царствовал. Его мастаба обнаружена в Гизе близ Великой пирамиды (PM, III, 1, 191); она не была закончена, и рельефные сцены, едва начатые, были уничтожены еще при IV династии (Goedicke, 1958b). Следует ли видеть в этом вандализме результат беспорядков, которые могли произойти при кончине Хеопса?

Помимо Джедефхора и Бауфра многие сыновья Хеопса могли претендовать на трон. Двоим из них удалось утвердить свои права на трон при помощи брачных союзов: Хефрен женился на своей единокровной сестре Мересанх II, дочери Хеопса и Мерититес I, а Джедефра (Раджедеф) — на Хотепхерес II (после смерти Кауаба) (см. табл. XI). Была ли борьба за власть между двумя братьями? Заметим, что при кончине Хеопса работы в мастабах многих царевичей внезапно прекратились (W. S. Smith, 1971, 172), и можно себе представить дворцовые интриги, в которых Джедефра мог бы выйти победителем, став своего рода узурпатором: это могло бы объяснить, почему его имя опущено в некоторых документах и у Геродота (Lloyd, 1988, II, 73). Ясно одно: наследовал Хеопсу именно он, и он осуществил его погребение.

Принимая во внимание длительность царствования Хеопса, его сыновья, рожденные от брака, заключенного еще при Снофру, сами должны были достигнуть значительного возраста при кончине фараона. Старший из них, Кауаб, изображен в гробнице сво-

ей дочери Мересанх III зрелым человеком, который, помимо своего титула «царевича, старшего сына царя» носит только жреческие титулы (Dunham-Simpson, 1974, 9–10 и рис. 4). Список в Вади Хаммамат (Среднего царства) его вообще не упоминает и вводит картуш Джедефра между Хеопсом и Хефреном (Drioton, 1942), как будто бы наследование проходило без осложнений.

После кончины Кауаба Джедефра, в силу своего брака с Хотепхерес II, старшей дочерью Хеопса, обладал по меньшей мере равным — если не большим — правом занять трон, чем Хефрен, который тоже был сыном «второстепенной» супруги, но при этом мужем младшей дочери царя, Мересанх II (см. табл. XI). Царствовал он недолго: Туринский папирус отводит ему только восемь лет царствования, и его пирамида, судя по всему, так и не была закончена. Обстоятельства его вступления на престол остаются неясными. Выдвигалась гипотеза, согласно которой он организовал убийство своего единокровного брата Кауаба. Это предположение не подтверждается ни одним источником, и оно основывается, в сущности, на повреждениях, отмеченных в мастабе Кауаба, и на том факте, что Джедефра не упомянут в сказках папируса Весткар, где перечислены все сыновья Хеопса.

Какие бы — реальные или предполагаемые — интриги не разворачивались в царской семье в момент кончины Хеопса, то, что мы знаем о Джедефра, происходит из его пирамиды, еще не полностью раскопанной. Она была воздвигнута в десятке километров к северо-северо-западу от Великой пирамиды на известняковом плато, которое господствует над долиной Нила у входа в Дельту, близ деревни Абу-Роаш.

Погребальный комплекс, построенный для него, судя по всему, был завершен. Он должен был включать в себя в центре большой ограды пирамиду со стороной 200 локтей (около 105 метров), примерно половина от размера пирамиды Хеопса, но лишь немногим меньше пирамиды Микерина (108,4 метра). Напротив, если принять во внимание угол наклона облицовки у основания 60° вместо 51° у Микерина), то она должна была бы быть более острой и более высокой, чем у него. На юго-западном углу ограды была воздвигнута маленькая пирамида-спутник или ритуальная пирамида, и к востоку от пирамиды — святилище с большим рвом в форме лодки, вырытым в непосредственной близости от материка. И, наконец, длинная восходящая дорога в 1700 метров выходила из северного угла ограды и вела к верхнему комплексу, долинному храму, который еще предстоит обнаружить (Stadelmann, 1985, 126–132).

Принимая во внимание краткость царствования Джедефра, можно сомневаться в том, что весь этот большой ансамбль был завершен: восточное святилище, начатое в камне, было закончено кирпичами. Тем не менее, у основания пирамиды были найдены гранитные облицовочные плиты, все еще остававшиеся на месте. Считается, что облицовку клали только в ходе последней фазы строительства, когда ядро сооружения было закончено (Lauer, 1988, 207); это заставляет полагать, что сама пирамида была завершена. Но близость Большого Каира обусловила то, что еще со Средневековья и, может быть, раньше, пирамида в Абу-Роаше служила карьером из-за изобилия и качества камней, использованных при ее постройке. Еще в 1880 году Питри заметил, что во время наводнений с памятника свозили камни в количестве 300 грузов верблюдов каждый день (Edwards, 1985, 142).

Пирамида в Абу-Роаше была отчасти раскопана в 1900–1901 годах Каирским Институтом (Chassinat, 1922). В залах восточного святилища, и особенно во рву в фор-

ме лады были обнаружены брошенные туда фрагменты 21 статуи: они говорят о мастерстве царских скульпторов при Джедефра. Благодаря восхитительной голове из красного песчаника, возможно, сфинкса, одному из шедевров египетского искусства, который хранится в Лувре (TEL, 1935, 10, PM, III. 1, 2), мы обладаем настоящим портретом этого фараона, в котором можно увидеть «любопытную смесь грубости и почти что болезненной нежности (того, кто), как кажется, ближе всего познакомился с несчастьями человеческой природы» (Boreux, 1932, 445, по Э. Шассина). Хотя такие оценки, конечно, очень субъективны, их все-таки стоит привести, поскольку они показывают, чего именно добивался магиго-религиозный реализм³⁷ лучших египетских скульпторов, реализм, которые еще усиливала полихромная роспись: метаморфический песчаник (кварцит) был выбран из-за своей твердости, чтобы обеспечить вечное бытие статуи, но ее красный цвет должен был быть отчасти замаскирован росписью. Статуи Джедефра, когда они были размещены в одном из помещений заупокойного комплекса в Абу-Роаше, должны были казаться такими же живыми, как и статуи Рахотепа и Нефрет (см. выше, с. 263).

То, что у некоторых цариц и царевен были одинаковые имена, делает затруднительным восстановление событий, которые привели к власти Хефрена, четвертого фараона династии. В любом случае, женился ли он на Мересанх II, младшей дочери Хеопса (ср. табл. XI выше), или на Мересанх III, дочери Хотепхерес II и вдове Кауаба и Джедефра (W. S. Smith, 1971, 174), Хефрен, внук Снофру и сын Хеопса, имел все права наследовать Джедефра, своему единокровному брату. Не нужно себе воображать какие-то семейные раздоры (с применением насилия или без него), чтобы объяснить его восшествие на престол около 2570 года до н. э. (ср. табл. XI) под именем несут-бити *Рахазф* или *Хазфра*, «Ра возвышается» и под именем «Хор, сильный сердцем», *Усериб*. Однако он более известен под греческим именем Хефрен (Геродот, II, 127).

Царские памятники и статуи, датирующиеся его эпохой, многочисленны и сохранились хорошо — начиная с его пирамиды, второй из трех великих пирамид плато Гизы и Великого Сфинкса близ них. Напротив, мы довольно мало знаем (как и в отношении его отца Хеопса) события его царствования, поскольку на Палермском камне не сохранилось ничего. В Туринском папирусе несколько нечитаемых знаков занимают место, где должно было бы быть его имя; то же самое можно сказать даже о цифрах, которые обозначают годы его пребывания у власти. Наконец, Манефон, который ставит его на третье место среди фараонов IV династии, дает ему имя «Суфис» (как и Хеопсу, см. с. 261, выше) и приписывает ему малоправдоподобную продолжительность царствования — 66 лет (Waddell, 1964, 47). Упоминания в мастабах о происходивших раз в два года переписях, современных его царствованию (W. S. Smith, 1952), позволяют определить его продолжительность примерно в 25 лет, то есть примерно с 2570 до 2545 года.

³⁷ Статуя должна была в точности изображать усопшего, быть его «вторым я», поскольку она должна была быть способной заменить его: «Она обладает своей жизнью, которая продолжает и разnobразит одушевленное присутствие, которое не могла сохранить мумия» (Vandersleyen, *LA*, II, 872). Эта концепция великолепно изложена Масперо еще в 1912 году (Maspero, 1912, 19–20, 40–41).

Даже если мы не знаем о том, какие важные события во внутренней или внешней политике происходили в царствование Хефрена, памятников, воздвигнутых тогда, достаточно, чтобы его царствование было достойно упоминания. Его пирамида фактически лишь немногим менее значима, чем пирамида Хеопса: ее основание меньше всего лишь на 15 метров, высота меньше на 4 метра, и, тем не менее, она иногда производит впечатление более высокой, поскольку наклон у нее более крутой (Lauer, 1988, 21, п. 2).

Во время извлечения блоков, необходимых для строительства пирамид примерно в 500 метров к востоку и ниже уровня пирамиды Хефрена, каменщики оставили на месте скалу, которая немного напоминает лежащего зверя. Царские скульпторы добились сходства с лежащим львом с головой человека. Этой колоссальной статуи «Сфинкса»³⁸, изображения Хефрена, уже было бы достаточно, чтобы имя фараона стало бессмертным. Виван Денон, который видел ее в самом конце XVIII века все еще погребенной в песках, описывает статую точно и проникновенно (Denon, 1802, 98): «Хотя ее пропорции колоссальны, контуры, которые она сохранила, столь же мягки, как и чисты, выражение лица ласковое, благородное и спокойное... (...) Рот с полными губами отзывается томной чувственностью и исполнен с поистине поразительной тонкостью».

Расположенный параллельно восходящей дороге, которая связана с привратным храмом или долинным храмом (ср. карту XIII), который сейчас неправильно называют «храмом Сфинкса», верхнему храму и самой пирамиде, Великий Сфинкс Гизы обеспечивал защиту всего ансамбля заупокойного комплекса Хефрена. Впоследствии он был отождествлен с богом Хормахетом, «Хором на горизонте», имя которого греки передавали, как «Хармахис». Именно это божество явилось во сне будущему фараону Тутмосу IV около 1500 года до н. э., когда он, уставший после охоты на льва в пустыне, уснул между лапами гигантского каменного зверя (Vandier, 1962, 341).

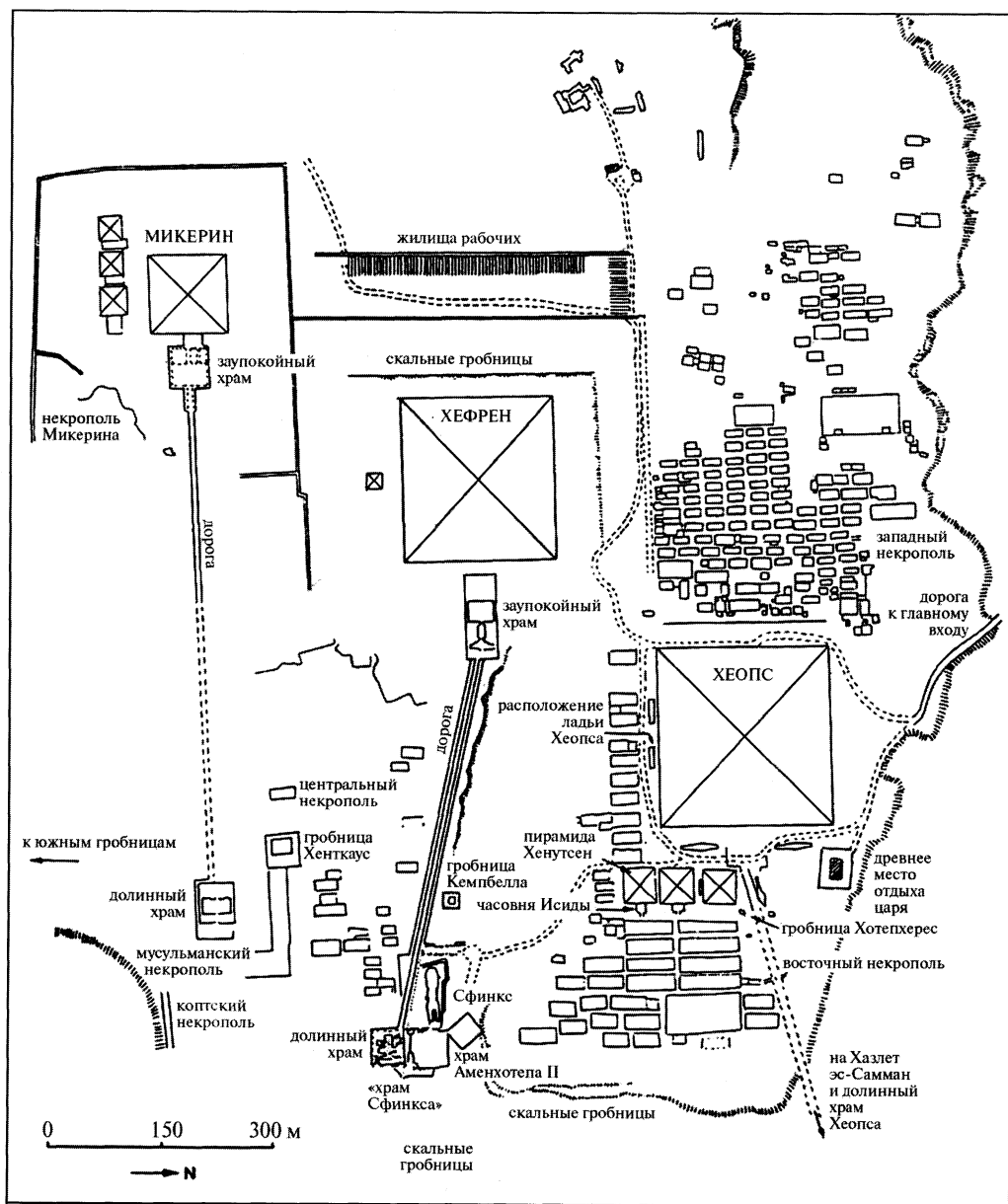
На Сфинксе нет никаких надписей. Только его месторасположение, стиль скульптуры и черты лица могут подтверждать его датировку царствованием Хефрена (Id., *ibid.*, 188; Id., 1954, 60; W. S. Smith, 1949, 38; Reisner, 1931, 129; Edwards, 1985, 119). Еще в XIX веке Сфинксу в Гизе приписывали какую-то сказочную древность, может быть, восходящую к эпохе, предшествовавшей легендарному Менесу (Maspero, 1876).

Именно в долинном храме, который лучше всего сохранился из святилищ этого типа, Мариетт в 1860 году открыл великолепную статую сидящего Хефрена (теперь в музее Каира: W. S. Smith, 1949, 35, pl. 5; Corteggiani, 1979, 56–57). Она сделана из диорита, привезенного из нубийских каменоломен вблизи Абу-Симбела, и единственная дошла до нас нетронутой из всего множества статуй царя, воздвигнутых в трех его храмах в Гизе³⁹.

Со своей скупой архитектурой, прямыми и чистыми линиями, а также использованием тяжелых гранитных монолитов и блоков алебаstra долинный храм, как и Сфинкс, является одним из шедевров египетского искусства (Vandier, 1954, 49–54; Lauer, 1978,

³⁸ Высота 20 метров, длина 72 метра; высота лица — 5 метров, уха — 1,4 метра (Robichon-Varille, 1955, 24 и п. 24).

³⁹ Vandier, 1958, 17, п. 4. Этих статуй было больше ста; они, видимо, были разбиты еще в древности для изготовления каменных ваз (W. S. Smith, 1949, 33). Сохранились остатки лишь примерно половины из них (Vandersleyen, 1967, 195).

Карта XIII. Великие пирамиды и некрополь Гизы
По Grimal, 1988.

89–91). Его единственным украшением были 23 статуи сидящего фараона из алебастра, шифера и диорита, расположенные вокруг центрального гипостильного зала. Все они были разбиты. Четыре сфинкса, несомненно гранитных, длиной 8 метров и 2 метра — в ширину у основания, охраняли с обеих сторон двое врат в святилище (Vandier, 1954, fig. 32, p. 51); сейчас остались лишь следы их расположения на земле.

Долгое время долинный храм считался храмом Сфинкса из-за близости двух этих памятников. Следы другого храма — тоже Хефрена — открытые перед священным зверем, немного к северу от длинного храма и раскопанные в 1925–1932 и в 1968 годах (Ricke, 1970), являлись настоящим храмом Сфинкса. По своему плану это святилище, по сути своей, было солнечным: в нем было две ниши, одна на востоке и другая на западе для отправления культа восходящего и заходящего солнца, а также длинный двор, обрамленный 24 колоннами, символами 24 часов дневного и ночного хода небесного светила (Schott, 1969 и 1970).

Важнейшим из трех храмов Хефрена в Гизе был тот, что воздвигнут перед восточной стороной его пирамиды (Vandier, 1954, 55–59). Он сохранился гораздо хуже, чем долинный храм, но его план, тем не менее, вполне понятен (Stadelmann, 1985, fig. 39, p. 135 и pl. 50). В первый раз мы находим здесь пять элементов, которые отныне будут во всех заупокойных храмах, или верхних храмах Древнего царства (Edwards, 1985, 128–129), а именно: *вестибюль* у начала восходящей дороги, которая выходит из долинного храма; *входной зал*, где было 24 монолитных столба, символизировавших ход солнца; *открытый двор*, окруженный портиком, несколько напоминающим монастырь; он облицован алебастровыми плитами и украшен 12 колоссальными статуями Хефрена (от них остались только постаменты); ряд из *пяти часовен-ниш*, открывающихся на восточную сторону двора; в каждой была статуя царя, которая, как предполагали (Id., *ibid.*), символизировала одно из пяти имен царского протокола (см. выше, с. 201). Наконец, доступ к пятому и последнему элементу храма осуществлялся по *длинному коридору*, который открывался в юго-западном углу двора; только жрецы заупокойного культа могли им пользоваться, поскольку он вел в зал приношений и к большой стеле — ложной двери, перед которой отправлялся собственно заупокойный культ.

У Хефрена внутренний план пирамиды был гораздо проще, чем у Хеопса. Здесь архитекторы отказались от высоких и впечатляющих ложных сводов или сводных камней, к которым мы привыкли в царских гробницах начиная с царствования Хуни; Хеопс сохранил их для большого восходящего коридора, который вел в его погребальную камеру (Stadelmann, 1985, 112). Склеп Хефрена был вырублен в известняке скалистого плато, как и коридор, который вел к нему, но крыша этого склепа и часть коридора, по которому туда внесли мумию, были проделаны в каменной кладке (Id., *ibid.*, 132). Царский саркофаг, состоящий из тщательно отполированного гранитного монолита, был врезан в почву до крышки; он был осквернен и уже пуст, когда Бельцони обнаружил его в 1818 году (Vandier, 1954, 49).

Если внутренняя архитектура пирамид начиная с царствования Хефрена упростилась, архитектура сопровождающих их храмов усложняется, хотя в архаическую эпоху, при III династии и еще в начале IV она была проста. Наверное, можно задать вопрос: может быть, в эту эпоху к первоначальному понятию о государе, которому следует обеспечить загробное владение благами, необходимыми для осуществления царской власти, мало-помалу добавилась вера в небесного властелина, поскольку умерший царь был связан с Ра, владыкой небес? Именно при царствовании Хефрена в царской титулатуре или протоколе появилось выражение «сын Ра», перед которым идет формула *nfr-nfr/нечер-нефер* — «добрый бог» (Gauthier, *LdR*, I, 89, XVIII).

Главная супруга-царица Хефрена, Хамерернебти I, была погребена в большой гробнице близ пирамиды своего мужа. Ее дочь, Хамерернебти II, стала «первой» супругой Микерина (W. S. Smith, 1971, 175); однако этот последний не наследовал своему отцу Хефрену непосредственно. Фактически, в то время как царские списки Абидоса и Саккара переходят прямо от Хефрена к Микерину, Туринский папирус (verso 3, стк. 13) отмечает между этими двумя фараонами краткое четырехлетнее царствование — однако имя царя прочесть невозможно. Скорее всего, речь идет о манефоновском «Бихерисе»: Манефон приписывает этому царю слишком долгое царствование в 22 года (Waddell, 1964). Этот манефоновский Бихерис, конечно, Базфра из списка в Вади Хаммамат (Drioton, 1954).

Если не считать имени, Базфра не оставил ни одного памятника и ни одного воспоминания в истории, несомненно, из-за исключительной краткости своего царствования, которое, возможно, продолжалось лишь несколько месяцев (W. S. Smith, 1971, 176). Напротив, Микерин, как и его отец Хефрен и дед Хеопс (табл. XI на с. 274 выше), — один из самых известных египетских фараонов.

Под грецизированной формой «Менхерес» (из египетского *Менкаура*, «*Кау* (бога) Ра вечны») Манефон приписывает ему преувеличенную продолжительность царствования в 63 года (Waddell, 1964, 47). Геродот говорит, что он был сыном Хеопса и пишет вот что (II, 129):

«Ему не по душе были отцовские деяния. Он открыл храмы и освободил измученный тяготами народ, отпустив его трудиться [на своих полях] и приносить жертвы. Он был самым праведным судьей из всех царей, за что его особенно восхваляют египтяне среди всех когда-либо правивших над ними царей. Ведь он был не только судьей праведным, но даже давал деньги из своего добра недовольным его приговорами, чтобы удовлетворить их просьбы» (trad. Legrand, 1936, 156).

Несомненно, именно сравнительно небольшие размеры пирамиды Микерина подали Геродоту или его информаторам идею о смягчении угнетения, вызванного сооружением гигантских пирамид Хеопса и Хефрена (Lloyd, 1976, III, 218). Как и у его предшественников, мы не знаем ни одного события его царствования; скандальные анекдоты, которые передает Геродот (II, 130), очевидно, являются поздним плодом народного недоброжелательства в попытках объяснить, почему некоторые статуи великого фараона находятся в таком испорченном состоянии.

Микерин также оставил многочисленные памятники. Его пирамида, вход в которую был открыт и внутренние помещения раскопаны Визом с 1837 года (Lauer, 1988), была до половины высоты покрыта облицовкой из красного асуанского гранита. Разграбленная еще в античности погребальная камера все еще содержала базальтовый саркофаг, украшенный «фасадами дворца», а также часть гроба в виде мумии, на котором было начертано имя фараона, и даже остатки царской мумии: ребра, позвонки и т. п. (Id., *ibid.*). К несчастью, каменный саркофаг, гроб, человеческие останки — все исчезло при кораблекрушении: корабль, которые перевозил их в Англию, погиб. Заупокойный храм, как и долинный храм, дают нам многочисленные и прекрасные статуи Микерина в обществе богинь или его супруги Хамерернебти II (Reisner, 1931, *passim*; PM, III. 1); многие из них остались нетронутыми или в очень хорошем состоянии, так что физический облик властелина известен так же хорошо, как Хефрена.

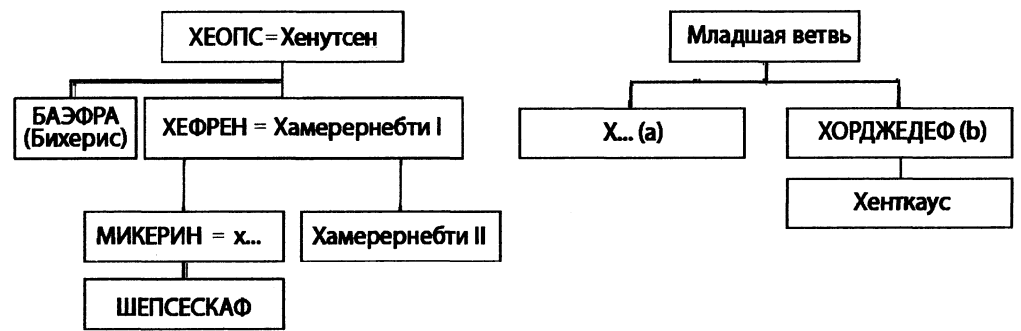
Туринский папирус содержат там, где должно было бы находиться имя Микерина, царствование продолжительностью в 18 лет (ср. таблицу IX выше). Относительная краткость царствования объясняет, почему лицевая отделка заупокойного храма не была закончена на момент кончины фараона. Его закончил в кирпиче сын царя Шепсескаф, последний царь IV династии; он построил долинный храм из того же материала (W. S. Smith, 1971, 177).

После Микерина Туринский папирус отмечает два кратких царствования — одно в четыре, другое в два года. Высказывались предположения, что эти два фараона с нечитаемыми именами могли быть: первый — тот, чье имя было написано у Манефона по-гречески как Ратоисес (Waddell, 1964, 47), а второй — Хорджедеф (или Джедефхор) из списка в Вади Хаммат, где он является предшественником Бауфра (Drioton, 1954); это должен быть манефоновский «Тамфтис» (Waddell, *ibid.*)⁴⁰, а может быть, и Небка из незаконченной пирамиды в Завийет эль-Ариане (Lauer, 1988, 72–76).

В Абидосском списке Микерину наследует Шепсескаф. Для двух фараонов, упомянутых в Туринском папирусе, мы не знаем, каковы были их родственные связи с Микерином. Вероятно, они были отпрысками младшей ветви царской семьи; их царствование в любом случае, судя по всему, не вызвало каких-то беспорядков (W. S. Smith, 1971, 176), и об узурпации тут речи нет (см. табл. XII).

Таблица XII

Предполагаемая генеалогия конца IV династии

(а) Ратоисес Манефона? = Турин, 3, стк. 15. (б) Тамфтис Манефона? = Турин 3, стк. 16.

NB. — Заглавными буквами указаны царствовавшие фараоны. О продолжительности царствования см. таблицу IX.

Последний фараон IV династии Шепсескаф, судя по всему, царствовал, как и его предшественники, очень недолго (согласно Туринскому папирусу, всего лишь четыре года); у него как раз было время, чтобы достроить верхний храм своего отца Микерина, построить для себя долинный храм и, наконец, соорудить для себя уже не пирамиду, но простую кирпичную мастабу в форме гигантского саркофага. Расположенная в юж-

⁴⁰ Grdseloff, 1943. Фактически Джедефхор был недолговечным наследником Шепсескафа, а не его преемником.

ном Саккара между Саккара и Дахшуром и известная под арабским названием «Мастабат Фараун», она обладает, как и пирамида, верхним заупокойным храмом у восточного фасада и восходящей дорогой, которая ведет к долинному храму, который еще не обнаружен (РМ, III, 2, 433–434). Может быть, именно для того, чтобы укрепить связи между старшей и младшей ветвью царской семьи, Шепсескаф женился на Хенткау, дочери своего вероятного предшественника Джедефхора. Этот союз дал начало V династии.

Так же как и для других фараонов этой династии, за исключением Снофру, и несмотря на воспоминания о праздновании торжеств и церемоний, которые сохранил для нас Палермский камень (Rossati, 1982, 42), мы не знаем ни одного события его царствования, кроме того, что он был первым царем, собственность заупокойного культа которого была защищена декретом о налоговом иммунитете. Кажется, он не посылал экспедиций на Синай, где после Снофру и Хеопса ни один фараон IV династии не оставлял своих надписей. Возможно, что при его царствовании Бухен в Нубии был занят Египтом, как это было уже начиная со Снофру, поскольку там были найдены печати с именами всех фараонов IV и V династий (Emery, 1962 и 1965), как если бы эта оккупация была постоянна примерно с 2630 до 2460 года до н. э.

V ДИНАСТИЯ – (ОКОЛО 2510–2350 ГОДОВ ДО Н. Э.)

Невозможно изложить то небольшое, что мы знаем об истории V династии, не вспомнив одну из сказок папируса Весткар, которая еще раз выводит на сцену Хеопса собственной персоной. Ему, когда он приказал принести ларец, хранящийся в Гелиополе, Джеди ответил:

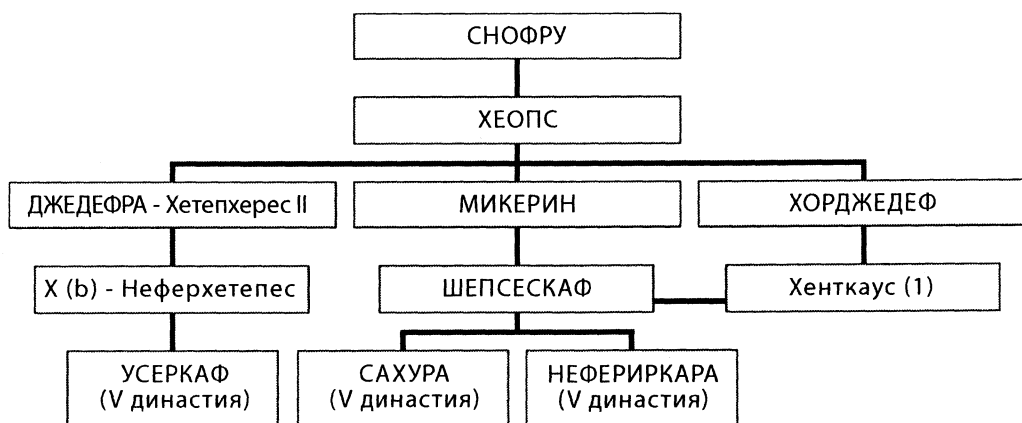
«Не я принесу его тебе (...но) старший из троих детей, находящихся сейчас во чреве Реджедет...». Когда Хеопс спросил, кто такая эта Реджедет, он сказал: «Это жена (...) жреца бога Ра (...). Она зачала от бога Ра (...) трех детей. И сказал Ра, что дети ее будут выполнять эту благотворительную должность (царя) над всей страной». Когда Хеопс опечалился, маг спросил у него: «Неужели из-за этих трех детей? Но послушай, что я скажу: сначала править ты, потом твой сын, потом сын твоего сына и только после него — один из них» (Lefebvre, 1949, 84).

Таким образом, Джеди предсказал Хеопсу, что его потомки лишатся власти в пользу новой династии божественного происхождения. Поскольку та, кто должна была стать матерью трех первых царей этой династии, была супругой жреца Ра, часто предполагали, что это пророчество задним числом было вдохновлено жречеством храма этого бога в Гелиополе и что первые цари V династии не были царского происхождения

(Vandier, 1962, 171). Фактически, сказка из папируса Весткар смешивает истину и ложь: то, что народное воображение увидело в первых царях V династии собственных детей бога Ра, могло быть подсказано реальным фактом господства солнечного культа в Гелиополе, который утвердился еще с царствования Усеркафа, первого фараона этой династии (W. S. Smith, 1971, 179). Однако эта династия была прямым потомком IV династии и берет свое начало в царском роде, происходящем от Снофру и Хеопса; то есть они отнюдь не выскочки (см. табл. XIII):

Таблица XIII

Переход от IV к V династии

(b) Возможно, это и есть жрец Ра, упомянутый в папирусе Весткар, а Неферхотепес, его жена, тогда должна быть Реджедет из сказки.

(1) Положение и роль Хенткаус во время перехода от IV к V династии спорны; Хэйс (Hayes, 1953, 65) и У. Смит (W. S. Smith, 177–178) видели в ней дочь Микерина, которая якобы вышла замуж за Усеркафа и имела от него двух детей, Сахура и Нефериркара; Юнкер (Junker, 1945, 123–131) считал, что она — сестра Шепсескафа и тоже думал, что она жена Усеркафа. Борхардт (Borchardt, 1938, 209–215), которому следуем и мы, утверждал, что она — дочь Джедефхора и супруга Шепсескафа. Наконец, Альтенмюллер (Altenmüller, 1970, 223) также полагал, что она — дочь Джедефхора, но при этом — мать Усеркафа, Сахура и Нефериркара, что придает смысл сказке из папируса Весткар. Хенткаус должна была уже умереть в конце царствования Сахура или в начале царствования Нефериркара Какаи; это объясняет, что ее заупокойный культ был установлен в Абусире (Posener-Kriéger, 1976, 527–533).

Как видно, двое из трех первых фараонов этой династии были братьями, как говорит и сказка из папируса Весткар, а Усеркаф был их двоюродным братом. Тем не менее, в египетском языке не было слова для обозначения этой степени родства: ее могли называть тем же самым словом — «брат» (*sn/cen*); это объясняет ошибку в сказке.

V династия, которая пришла к власти около 2510 года до н. э., включала в себя девять фараонов, последовательность которых устанавливается с помощью памятников, которые они оставили, Палермского камня и Туринского папируса, который во многих случаях сохранил длительность их царствований. Наконец, греческая транскрипция

их имен у Манефона чаще всего подтверждает установленный на основании египетских источников порядок (табл. XIV):

Таблица XIV

Фараоны V династии

Имя	Продолжительность царствования	Абсолютная хронология (а) до н. э.	Манефон (б)	
1. Усеркаф	7	2510–2500	Усерхерес	28
2. Сахура	12/14	2500–2490	Сефрес	13
3. Нефериркара Какаи	10 + (с)	2490–2480	Неферхерес	20
4. Шепсескара	7	2480–2470	Сисирес	7
5. Нефрефра (Ханефerra)	7 + (d)	2470–2460	Херес	20
6. Ниусерра Ini	30 +	2460–2430	Ратурес	44
7. Менкаухор Акаухор	8	2430–2420	Менхерес	9
8. Джеккара Исеси	39	2420–2380	Танхерес	44
9. Унис	30	2380–2350	Оннос	33
Всего	160/164		Всего	248
(а) Цифры приблизительные и округлены до десятков. (б) Waddell, 1964, 51: всего 248 вместо 218 из-за добавления 30 лет к царствованию Тети (Отоеса) в VI династии. (с) По Палермскому камню. (d) По Hayes, 1971, 178.				

Усеркаф, первый фараон династии, был также один из немногих, чьи имена — и несут-бити, «Его Ка силен», и хорово, Ирмаат «Тот, кто исполняет Маат», — не содержат имени солнечного бога Ра. В то же время его преданность этому божеству вне всяких сомнений. Как и Хефрен, он носил титул «Сын Ра», но прежде всего, продолжив, как и его предшественники, традицию погребения в пирамиде, он был первым, кто соорудил святилище оригинального типа, посвященное исключительно культу небесного светила. Такие храмы, характерные для V династии и исчезнувшие вместе с ней, были воздвигнуты на ливийском плато между Гизой к северу и деревней Абусир к югу от них. Они образовывали ансамбли, довольно похожие на комплексы заупокойных пирамид (см. рис. 47), и содержали, как и они: предвходовое святилище в долине, где были высечены указы, предписывающие, какие именно приношения следует передавать в храм; восходящую дорогу, замощенную и украшенную рельефами. Дорога заканчивалась портиком, открывавшимся на собственно святилище под открытым небом; в большом дворе, обведенном по окружности стеной, была воздвигнута усеченная пирамида, служившая основой для массивного обелиска: ее строили из каменной кладки. Сам обелиск символизировал *Бенбен*, изначальный камень, на котором Солнце расположилось в первый день сотворения мира. Перед этим памятником на одном или многих каменных алтарях проходили жертвоприношения. Вторичные постройки, обрамлявшие двор, служили жилищами для жрецов, складами или местами, где забивали жертвенных животных. Вне ограды гигантский «корабль» из кирпичей символизировал ежедневное небесное странствие обожествленного солнечного диска (Vandier, 1955, 594). Благодаря письменным источникам известно название и, следовательно,

факт существования шести таких храмов; судя по всему, каждый фараон этой династии построил свой храм. Только два — Усеркафа и Ниусерра — были обнаружены и раскопаны (W. S. Smith, 1971, 180).

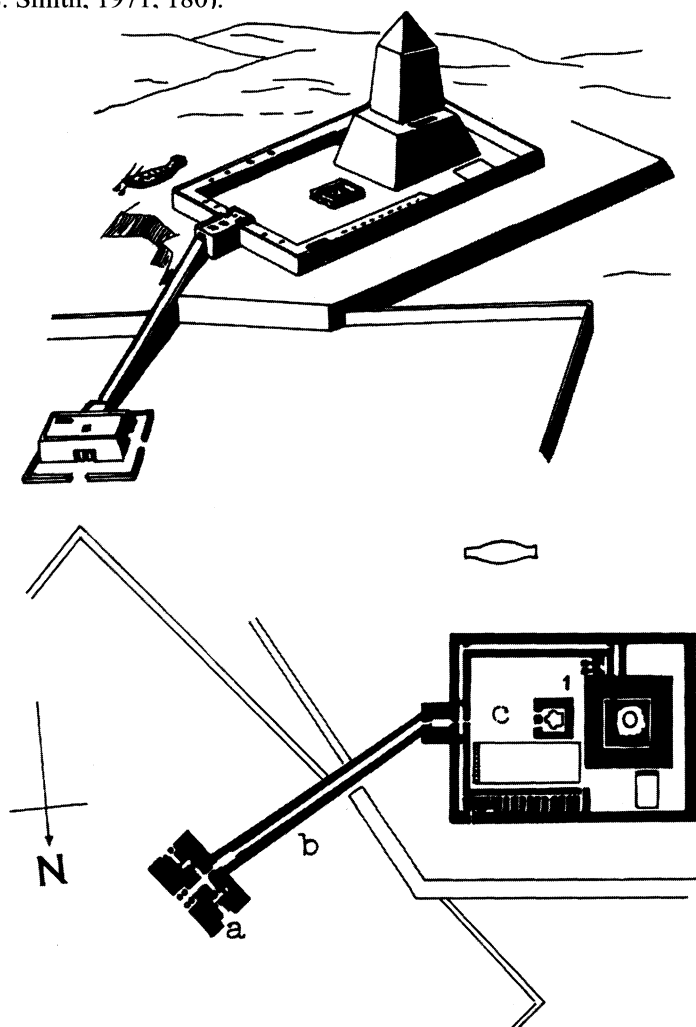

Рис. 47. Солнечный храм Ниусерра (реконструкция и план по Борхардту):

a. Привратный храм или долинный храм; *b.* Восходящая дорога; *c.* Центральный двор; *l.* алтарь;
O. обелиск

Царствование Усеркафа было недолгим: Туринский папирус приписывает ему всего семь лет. Следы его деятельности во благо храмов были открыты в Верхнем Египте: в Тоде, к югу от Луксора, где блок из красного гранита, украшенный картушем фараона, глубоко и прекрасно высеченным в камне, был использован снова для мощеного пола храма Монту (Bisson de La Roque, 1937). Открытие на острове Кифера каменной чаши с именем его солнечного храма ставит перед нами проблему возможных отношений Египта эпохи Древнего царства с доэллинистическим миром Эгеиды, хотя имя

Усеркафа и не было обнаружено в Библие, обычном порту морской торговли между долиной Нила и Эгейским морем; такое отсутствие, тем не менее, может объясняться краткостью его царствования (W. S. Smith, 1971, 181). Присутствие отпечатков печатей его картуша на поселении эпохи Древнего царства в Бухене (Нубия; Emery, 1965) доказывает, что этот город, занятый с начала IV династии, был египетским еще и при V.

Благодаря Палермскому камню мы знаем, что, помимо культа бога Ра, Усеркаф также покровительствовал культу богини Хатор (Roccati, 1982, 43–45).

Начиная с V династии царские пирамиды заметно уменьшаются в размерах (Кемп, 1983, 88), и их больше уже не строят из аккуратно уложенных каменных блоков, как при IV династии. Как бы в возмещение, верхние храмы все увеличиваются.

Пирамида Усеркафа, сейчас разрушенная, находится не в Абусире, как пирамиды других царей этой династии, а в Саккара, близ заупокойного комплекса Джосера (PM, III, 2, 397). В отличие от других пирамид (возможно, из-за недостатка места) верхний храм находится на южной стороне пирамиды, а не на востоке, где только небольшая часовня позволяла обеспечить совершение заупокойных приношений (Vandier, 1954, 94). Стены двора с портиком были украшены барельефами. В этом храме были обнаружены прекрасные колоссальные головы фараона, хранящиеся в Каирском музее (Stadelmann, 1985, pl. 61–62), которые показывают, что скульпторы V династии ничем не уступали лучшим творцам IV династии.

Благодаря Палермскому камню царствование Сахура известно лучше, чем его предшественника Усеркафа. Согласно Туринскому папирусу, Сахура царствовал только 12 лет, но Палермские анналы упоминают семь переписей скота, и это позволяет продлить это царствование по меньшей мере до 14 лет (W. S. Smith, 1971, 182).

Погребальный комплекс Сахура с его небольшой, как и у Усеркафа, пирамидой, был воздвигнут в Абусире, возможно, потому, что это было ближе всего к месту, откуда происходила новая династия (Grimal, 1988, 92). Долинный храм, как и восходящая дорога и верхний храм, значительно расширенные, были украшены прекраснейшими барельефами, сегодня рассеянными по различным музеям (PM, III, 1, 326–335). Изображенные сцены дополняют и иллюстрируют данные Палермского камня. Наряду с религиозными сценами или картинками из повседневной жизни зачастую там показана и деятельность Сахура вне Египта. Так, на барельефах мы видим: вереницы ливийских и азиатских пленников, царя в облике грифона (льва с человеческой головой), который давит своих врагов; захваченную у врага добычу — бараны, козы, крупный рогатый скот, причем занимавшаяся счетом богиня Сешат подсчитывает поголовье; прибытие в Египет ливийских царевен, захваченных вместе с их детьми. Наряду с военными действиями, барельефы также отражают и мирные путешествия монарха, например возвращение в Мемфис из Ливана флота кораблей с гостями из Азии: они поднимают руки, приветствуя фараона; есть там и необыкновенные товары, например медведи и палестинские вазы, в которых, несомненно, также содержались экзотические продукты.

Палермский камень подтверждает, что эти экспедиции были на самом деле; там упомянут и другой поход, в дальнюю землю Пунт, где-то у нынешнего Судана, на границах эфиопского массива, куда можно было попасть по морю. Граффити с именем Сахура в сердце Восточной пустыни на дороге, которая вела в порт, откуда отправлялись по Красному морю в Пунт, может удостоверить реальность этой экспедиции (Vandier, 1962, 198). Точно так же надпись в Вади Магара на Синае, где упоминается о походе

с целью «усмирить» кочевников тех мест (W. S. Smith, 1971, 183), находит свое соответствие на Палермском камне, где отмечается прибытие в Египет продуктов, происходивших из «Страны Бирюзы» — так называли рудники Синая. И, наконец, стела с именем Сахура, обнаруженная в диоритовом карьере вблизи Абу-Симбела и присутствие отпечатков его печати в Бухене показывают, что Сахура занимался не только Западом и Востоком, но и Югом.

Наследником Сахура был *Нефериркара*. Цифра, показывавшая продолжительность его царствования, приходится на лакуну в Туринском папирусе; тем не менее, упоминание пятой переписи скота на Палермском камне говорит, что это царствование продолжалось по меньшей мере 10 или 12 лет. Сын Хенткаус и брат Сахура, а может быть, и Усеркафа, если верить сказке из папируса Весткар, Нефериркара в истории Египта остался бы всего лишь именем, если бы Борхардт в ходе своих раскопок 1902–1908 годов не открыл в руинах заупокойного храма при его пирамиде в Абусире собрание папирусов, которые не только уточняли организацию заупокойного культа фараона при V династии, но и немного освещали деятельность этого фараона (Posener-Kriéger, Cénival, 1968; Posener-Kriéger, 1976).

Из этого папируса мы узнаем, что Нефериркара, как и Усеркаф, построил солнечный храм, который называл *Сетибра* — «Место предпочтения Ра» (Posener-Kriéger, *ibid.*, 611). Этот храм, который так и не был найден, должен был располагаться очень близко к пирамиде фараона, поскольку именно он обеспечивал *ежедневное* снабжение пищевым довольством: хлебом, пивом, мясом; все это требовалось для заупокойного культа в верхнем храме при пирамиде (Id., *ibid.*, 519, 611 и сл.). Папирусы подтверждают заупокойный характер культа в солнечном храме, где фараон был связан с богом Ра, с которым должен был соединиться после своей кончины (Id., *ibid.*, 525–526).

Когда Нефериркара умер, его заупокойный комплекс в Абусире (*PM*, III, 1, 339–340) еще не был завершен. Пирамида, которая сейчас лежит в руинах (Stadelmann, 1985, pl. 64a, 67), имела размеры, сравнимые с пирамидой Микерина. Однако долинный храм и восходящая дорога были едва только заложены; их так и не закончили, и их остатки гораздо позже послужат Ниусерра для его собственного заупокойного комплекса. Сам заупокойный храм, постройка которого зашла довольно далеко, был закончен в кирпиче, а колонны сделали из дерева; это произошло уже при наследниках царя. Архивы, которые там были найдены, показывают, что культ Нефериркара продолжал существовать по меньшей мере до конца Древнего царства (Posener-Kriéger, 1976, 639–640).

Именно в царствование Нефериркара или немного спустя после его смерти были составлены так называемые *Анналы*, которые дошли до нас на Палермском камне; фактически, он последний фараон, который там фигурирует. Титулатура, или так называемый «протокол» фараонов, также приобрела свою окончательную форму при нем (см. выше, на с. 201–202); титул «Сын Ра», появившийся при Хефрене, отныне будет фигурировать рядом с картушем, где писали имя несут-бити, и также заключается в картуш по следующей схеме: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, *несут-бити* X, сын Ра Y»⁴¹. Таким образом, сам Нефериркара носил имя Какаи, которым его иногда и обозначают.

⁴¹ Согласно А. Х. Гардинеру (*Gram.*, 73), первый картуш с именем несут-бити представляет собой праепотен (личное имя) и второй, который вводит формула «сын Ра», — это потен (собственно имя).

После кончины Нефериркара Какаи был закончен лишь фундамент его заупокойного храма; его облицевали известняком и украсили барельефами, которые, за исключением нескольких фрагментов (*РМ*, III, 1, 339), все были разрушены. Таким образом, исчез важный источник информации (если судить по барельефам заупокойного храма Сахура. Единственными царскими документами времени Нефериркара, дошедшими до нас, являются: декрет об освобождении от налогов для храма, обнаруженный в Абидосе (Vandier, 1962, 234 = Petrie, 1903, pl. XIV), и отпечатки печатей с его картушем, найденные в Бухене.

Отсутствие аутентичных царских источников в некоторой степени компенсируется сведениями, которые мы находим в папирусах из Абусира, хотя они и датируются более поздним временем, чем собственно царствование Нефериркара. Таковы названия, а иногда и данные о местоположении некоторых владений, которые принадлежали ему и были связаны с культом в его храмах, как в солнечном, так и в заупокойном (Posener-Kriéger, 1976, 612–613). С другой стороны, Палермский камень рассказывает, что в год *пятой* переписи (последний год, упомянутый в анналах), то есть на 11-й год царствования, царь повелел «замуровать ладью Маат в южном углу храма Сетибра» (Roccati, 1982, 51). Речь, безусловно, идет об искусственной ладье из кирпичей, которая являлась неотъемлемой частью солнечных храмов (см. рис. 47). В том же году, согласно тому же источнику, Нефериркара создал «для Ра в Сетибра» (который к тому времени, следовательно, был уже достроен) «две медные барки в восемь локтей длины» (чуть больше 4 метров): одна из них была утренней баркой, другая — вечерней (Posener-Kriéger, *l.c.*, 521–522 = Roccati, *l.c.*, 51).

Наконец, несколько биографических текстов, высеченных в часовнях при мастабах высших чиновников того времени, могут добавить немного к скудной информации о Нефериркаре, которой мы располагаем. В гробнице одного из таких чиновников, Раура («Ра велик») рассказывается, что в ходе религиозной церемонии Какаи нечаянно ударил его своим скипетром по ноге; царь тут же успокоил Раура, сказав ему, что следует считать, что это не удар, а почесть (W. S. Smith, 1971, 184). Другой чиновник, весьма высокопоставленный, Птах-Шепсес («Птах благороден»), зять Шепсескафа, рассказывает нам, что был весьма польщен, когда Нефериркара повелел поцеловать его ногу вместо того, чтобы падать перед ним ниц, как он, Птах-Шепсес, должен был бы сделать, несмотря на свое положение верховного жреца Птаха в Мемфисе (*Id.*, *ibid.*). Эти анекдоты уже по тому самому, что они были записаны, живо представляют нам отношение египтян к своему фараону, личность которого считалась священной и, следовательно — неприкосновенной в самом прямом смысле этого слова.

Наследник Нефериркара Какаи, *Шепсескара*, «Ка (бога) Ра благородно» остался в истории Египта лишь именем. Его положение как четвертого властителя V династии подтверждено царским списком в Саккара (W. S. Smith, 1971, 184) и Манефоном, который передает его имя как «Сисирес» и приписывает ему семь лет царствования (Waddell, 1964, 51). Единственный «памятник» свидетельствует о реальности его существования — скарабей (!) (Vandier, 1962, 203). Неизвестно, где находился его заупокойный комплекс, как и его солнечный храм — если у него вообще было время построить тот или другой в ходе царствования, которое должно было быть одним из самых кратких.

Вплоть до последних лет с царствованием *Неферефра* (или Ранеферефа) дело обстояло немногим лучше, чем с Шепсескара, которому он наследовал. Исследование заупокойного храма этого фараона в Абусире начиная с 1977 года чешской экспедицией дало обильный урожай документов: папирусный архив, похожий на тот, что был найден в храме Нефериркара Какаи (Verner, 1979), а также предметы — деревянные ладьи, статуи и статуэтки царя, пленников и тому подобное (Leclant, 1986, 252–253). Публикация этих памятников позволит лучше познакомиться с фараоном, который, как кажется, играл весьма незначительную роль в V династии: известна лишь его пирамида, которая осталась неоконченной в Абусире, немного к югу от пирамиды Нефериркара (РМ, III, 1, 340).

До недавних раскопок был уже известен «царский протокол» Неферефра: его хорошо имя было *Nfr-h'w*/Неферхау («Прекрасный сиянием»: Gauthier, *LdR*, I, 120–122; Kaiser, 1956, 105–106). Чтение его имени *несут-бити*, Неферефра, не совсем ясно: может быть, оно звучало просто как *Нефер-Ра* («Ра добр»: Vandier, 1962, 203). Греческую передачу его имени у Манефона — *Херес* — объяснить невозможно (Waddell, 1964, 51). Мы также знаем, что он построил солнечный храм (W. S. Smith, 1971, 485), но он пока не обнаружен. Дыра в воссозданном Туринском папирусе лишила нас и имени, которое должно было быть зафиксировано в этом документе, и данных о продолжительности царствования Неферефра. Палермский камень, который заканчивается на царствовании Нефериркара, не позволяет заполнить эту лауну. Продолжительность в семь лет, которая приписана этому фараону, является лишь предположением (Hayes, 1970, 178): 20 лет, которые отводят ему манефоновские источники, кажутся маловероятными (Waddell, *ibid.*).

Раскопки заупокойного комплекса Ниусерра и его солнечного храма, расположенных: один — в Абу-Гурабе, другой — в Абусире (РМ, III, 1, 314 и 335), принесли многочисленные иконографические свидетельства об этом фараоне, который наследовал Неферефра; эти источники в то же время являются более точными, чем та традиция, которую донес до нас Палермский камень, сведения которого на этом обрываются. Его отождествление с манефоновским Ратуресом (Waddell, 1964, 51) было поставлено под сомнение (Vandier, 1968, 203), хотя и тот, и другой фараон занимают шестое место в списке правителей V династии.

Хорошо имя Ниусерра — *Исет-иб-тауи* и «личное» имя, Ниусерра («Тот, кто относится к мощи Ра»), как и его «имя», Ини, известны благодаря его памятникам⁴². Если прекрасные барельефы в его солнечном храме (Helck, 1987, 6 и сл.) доказывают, что фараон отпраздновал свой хеб-сед, они не говорят с полной уверенностью о том, что продолжительность его царствования составила более 30 лет; тем не менее, царствование его было долгим и должно было продолжаться более 20 лет. Ниусерра женился на некоей Репутнебу, от которой у него было трое дочерей: все три захоронены в его пирамиде (Id., *ibid.*). Одна из них, Хамерернепти, возможно, была дальним потомком Хамерернепти II из IV династии (ср. табл. XI выше) и, следовательно, могла быть правнучкой Микерина, его потомком в третьем или четвертом поколении. Она вышла замуж за некоего Птахшепсеса, который был главным судьей и визирем: его

⁴² Gauthier, *LdR*, I, 124–129. Имя «Ини» появляется только при XII династии.

прекрасная мастаба находится рядом с гробницей Хамерернебти и пирамидой Ниусерра (РМ, III. 1, 341–342).

Мы не знаем, какие родственные связи были между Ниусерра и его предшественниками. Может быть, он был сыном Нефериркара (Grimal, 1988, 95). Он использовал фундамент долинного храма и восходящую дорогу последнего для своего собственного заупокойного комплекса. Его пирамида, сегодня разрушенная, третья в комплексе Абусира, должна была по размерам примерно соответствовать пирамиде Сахура (Кемп, 1983, 88). Открытая и исследованная Перрингом, сотрудником Виза, она была раскопана полностью, вместе со всем заупокойным комплексом, германской экспедицией 1902–1908 годов (Borchardt, 1905).

Заупокойный комплекс Ниусерра — один из самых полных, дошедших до нас. Тем не менее, поскольку он был полностью построен из камня, храм сильно пострадал от близости долины. Прекрасный белый известняк его стен соблазнял каменщиков из соседних деревень. То, что осталось от памятников, разделено между Берлинским и Каирским музеями (РМ, III. 1, 335–339).

Именно в долинном храме были найдены остатки сцены, представлявшей богиню Сехмет в виде женщины с головой львицы, которая кормит юного царя Ниусерра грудью (Id., *ibid.*, 335). Восходящая дорога, очень длинная, была украшена барельефами, на которых в первую очередь изображали сцены сражения с ливийцами и азиатами; при всем том тут можно увидеть и жителей страны Пунт: это заставляет предполагать, что Ниусерра послал посольство и в эту отдаленную страну. На восточной стороне пирамиды заупокойный храм (Stadelmann, 1985, 177–179) содержал двор с перистилем, где колонны в форме пальм из красного асуанского гранита высотой в шесть метров весили каждая не менее 11 тонн (Lauer, 1988b, 203–204); одна из них находится теперь в Каирском музее. Барельефы, которыми были украшены различные места в святилище, показывают обычные процессии персонажей-символов «владений», которые приходят и приносят свои дары, а также военные сцены: фараон ниспровергает своих врагов; проходят вереницы пленных.

Сама пирамида как таковая носила имя *Mn-swt-Nj-wsr-r^c/ Мен-сум-Ну-усер-Ра* — «Постоянны троны Ниусерра». Как и пирамида Сахура, она содержала лишь одну погребальную камеру, в которую можно было попасть по коридору, открывавшемуся у основания пирамиды с северной стороны. Этот коридор, отчасти вырубленный в скале, отчасти сложенный из тех камней, из которых был сложен монумент, был «одет» в блоки из отесанного камня. Сама камера была перекрыта впечатляющим сводом, сделанным из трех рядов огромных блоков камней, положенных углом: иногда они достигали 14 метров длины и могли весить более 100 тонн (Lauer, 1988b, 204).

Как и во всех заупокойных храмах Древнего царства, в храме Ниусерра, безусловно, было много статуй властителя, поскольку они были необходимы для отправления ежедневного культа. Ни одна из них не была найдена. Единственное любопытное открытие — это статуя коленопреклоненного пленника со связанными за спиной руками (W. S. Smith, 1971, 185 = Borchardt, 1907, 42, fig. 24). Многочисленные статуи такого типа обнаружены в заупокойных храмах царей VI династии.

Солнечный храм Ниусерра, украшенный многочисленными барельефами, находится в значительном отдалении от заупокойного комплекса. Долгое время известный как «пирамида в Риге» или «Абу-Гурабе» (по названию близлежащей деревеньки) — он

был открыт и исследован Перрингом, затем полностью очищен, раскопан и опубликован Л. Борхардтом (Borchardt, 1905; РМ, III. 1, 314–324).

В восточной половине большого двора, которым является храм под открытым небом, воздвигнут обелиск, существенный элемент святилища, где справлялся культ (см. рис. 47). У основания он имел базу в форме нижней части пирамиды из красного гранита, на которой был построен из отесанных блоков гранита приземистый гладкий обелиск, солнечный символ Бенбена (см. выше, на с. 274). Перед этим любопытным памятником на большом алебастровом алтаре жрецы приносили ежедневные жертвы богу Ра.

Когда Перринг открыл солнечный храм Ниусерра, он, наученный опытом своих раскопок в Гизе, стал искать на северной стороне вход в строение, которое, как ему думалось, должно быть пирамидой. Фактически, вход находился на юге, и в него попадали не по спускающемуся вниз шахтному стволу, как в пирамиды-гробницы, а по восходящей насыпи, которая заканчивалась у подножия обелиска. Длинный коридор, который граничит с двором на юге, заканчивается длинным и узким участком, — то, что немецкие археологи называли «Зал времен года» (*Weltkammer*^{43*}) — помещение, украшенное так называемыми сценами «трех времен года» (Bissing, 1955; Edel-Wenig, 1974).

Барельефы в *Weltkammer* в изобразительном виде показывали труды демиурга Ра, который является источником всякой жизни, приумножения как растений, так и животных. Чтобы проиллюстрировать то, что является всего лишь одним аспектом гелиопольского мифа о сотворении мира (Sauneron-Yoyotte, 1959, 45), символом которого стал солнечный храм (Vandier, 1949, 166–167), писцы, художники и скульпторы решили изобразить ежегодное повторение трех великих времен года египетского календаря. Их изобразили в виде человеческих фигур: Разлив (*Axet*) и Зиму (*Перет*) символизируют женщины, поскольку слова *axet* и *peret* по-египетски женского рода; лето (*Шему*), напротив — мужская фигура: его голова увенчана снопом спелых колосьев. За каждым из этих персонажей большие прямоугольные сцены, разделенные на «регистры», показывают различные виды работ, которые происходят в ходе каждого из времен года: охота, рыболовство, ловля птиц, собирание меда, пахота, жатва и т. п. За ними ряд персонажей, изображающие номы (провинции) Верхнего и Нижнего Египта, выше и ниже них — антропоморфные божества с бородами; они символизируют кто Нил, кто Море, кто — Зерновые (см. рис. 48), которые несут свои дары своему создателю, богу Ра. В целом эти изображения представляют собой истинный гимн Солнцу, можно сказать, своего рода прототип гимна Атона Аменхотепа IV (*ANET*, 369). Персонажи-символы номов увенчаны символами, которые их обозначают; это дает нам древнейший из имеющихся у нас списков номов. Можно также видеть, что уже в III тысячелетии до н. э. было 22 нома в Верхнем Египте и 20 — в Нижнем (ср. карту XIV-A и B).

Хотя барельефы солнечного храма Ниусерра позволяют нам по-новому взглянуть на *Weltanschauung*^{44*} египтян Древнего царства и на расположение номов вдоль Долины, барельефы заупокойного храма не менее точны в своей информации о деятельности этого фараона вне долины Нила. Как и у Сахура, армия Ниусерра вела кампании в Сирии-

^{43*} *Weltkammer* (нем.), буквально — «Палата Мира». — Прим. перев.

^{44*} *Weltanschauung* (нем.) — мировоззрение. — Прим. перев.

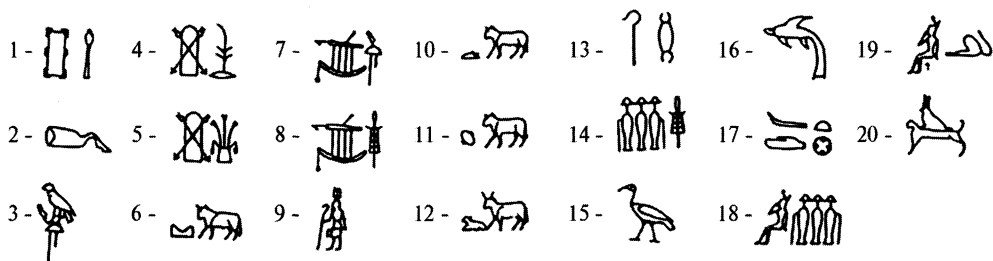
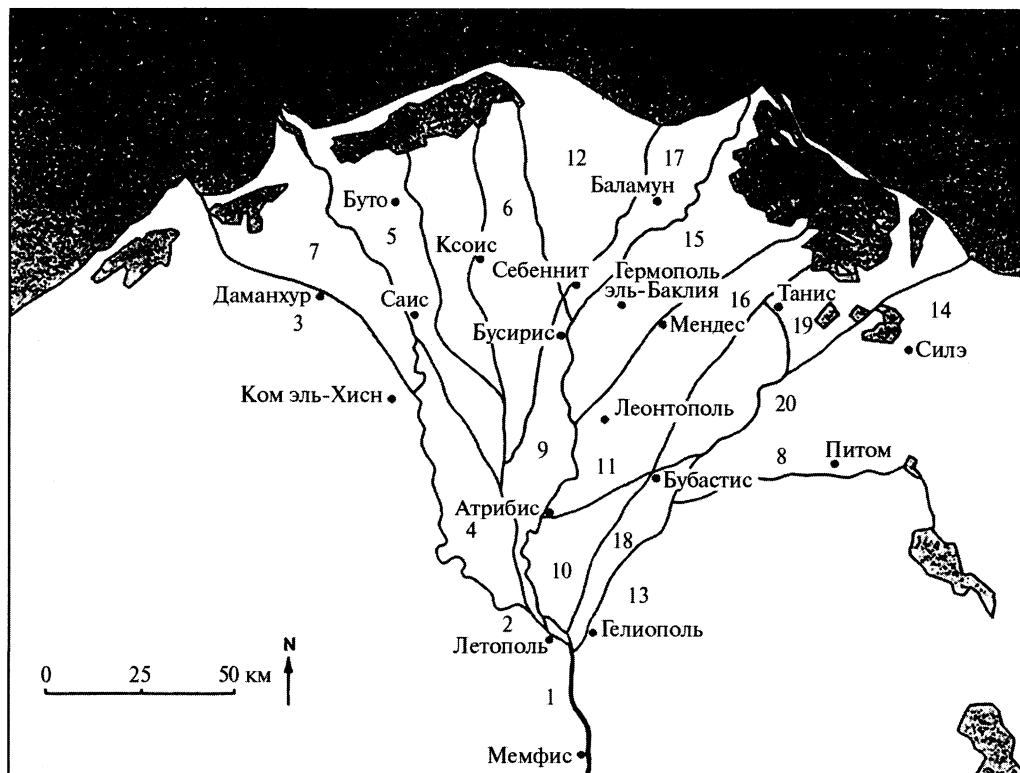

Рис. 48. Божества Моря и Урожая в *Weltkammer*
По У. С. Смиты

Палестине, а также в Ливии, поскольку он приводил оттуда пленных. К далекому Югу связи с Пунтом, судя по всему, продолжали поддерживаться, поскольку обитатели этой страны изображены в Египте. Связи с Ближним Востоком подтверждаются и археологически: наскальный рельеф с именем Ниусерра в Вади Магара (Gardiner-Peet-Černý, 1955, pl. VI) напоминает о том, что в его царствование на Синай была отправлена экспедиция; и в храме Библа были найдены предметы с его именем (Kemp, 1983, 146), в том числе и фрагмент статуи — несомненно, изображение фараона (Bothmer, 1971).

За царствованием Ниусерра последовало гораздо более краткое царствование Менкаухора, которому Туринский папирус отводит восемь лет; это «Менхерес» манефоновских источников (Waddell, 1964, 51). В отличие от пяти своих предшественников Менкаухор не использовал при составлении своих имен имя бога Ра: в его втором картуше мы читаем «Икаухор»: перевести это имя трудно, но здесь снова бог Хор занимает место Ра; более того, его хорово имя «Менхау» — «Постоянный сияниями» вообще не содержит упоминаний о каком-либо божестве (Gauthier, 1923, 182). Если, кроме того, обратить внимание, что, для того чтобы соорудить свой заупокойный комплекс, Менкаухор оставил Абусир, отсутствие Ра в его титулатуре заставляет предположить, что гелиопольский культ Ра чем-то не устраивал этого фараона. Однако это было не так, поскольку по другим источникам мы знаем, что он, как и его предшественники, построил солнечный храм.

Неуверенность по поводу того, что мы знаем о личности Менкаухора, происходит от исчезновения его памятников. Помимо стелы, найденной в Вади Магара и сейчас находящейся в Каире (Gardiner-Peet-Černý, 1955, 60, pl. VII), нам неизвестно о нем практически ничего. Неизвестно, где были расположены его пирамида и его солнечный храм: об их существовании известно только из титулов, которые носили служившие там жрецы — ибо, парадоксальным образом, культ этого «фараона на час» продолжал существовать еще в эпоху Нового царства!

Карта XIV-A. Номы Нижнего Египта (по Grimal, 1988) и их «эмблемы» (по Baines, Malek, 1988)

Мастабы жрецов Менкаухора, его солнечного храма и его пирамиды находятся в Гизе, на большом западном кладбище вблизи пирамиды Хеопса, и в Саккара, близ ступенчатой пирамиды Джосера; некоторые относятся к V династии, другие датируются VI. Именно благодаря им известно название пирамиды Менкаухора: *Nṯr-swt-Mn-k3w-hr*/ Нечер-сум-Менкаухор «Божественны места Менкаухора» и комплекса его солнечного храма: *3ht-r*⁹/Ахет-Ра — «Горизонт Ра». Декрет Пепи I, найденный в Дахшуре, упоминает о пирамиде Менкаухора (W. S. Smith, 1971, 186) и, следовательно, можно задаться вопросом, не находился ли заупокойный комплекс Менкаухора вблизи построек Снофру. Однако искать его следует все-таки скорее всего в Гизе или в Саккара (Bernardini, 1979), поскольку блок с рельефом времен XVIII династии, происходящий

Карта XIV-V. Номы Верхнего Египта (по Grimal, 1988) и их «эмблемы» (по Baines, Malek, 1988).

из гробницы, расположенной, вероятно, вблизи его пирамиды, был снова использован в малых подземельях Серапеума в Мемфисе (PM, III, 2, 820 и Bernardini, 1976, 303–316). Находка статуи из диорита, изображающей Менкаухора, на месте, где находился Мемфис (PM, *ibid.*, 842), говорит о том же.

Имена Сахура, Менкаухора и его наследника — Джедкара Исеси — были найдены на предметах, открытых в Дораке близ Мраморного моря в доэллинистической Малой Азии (W. S. Smith, 1971, 181; Grimal, 1988, 93). Было бы слишком делать из этого вывод, что эти фараоны в III тысячелетии до н. э. находились в прямой связи со столь удаленными от долины Нила регионами. Как это часто бывает в археологии, присутствие там этих предметов осталось необъясненным.

Восьмой царь V династии, *dd-k3-r^c/Джедкара* «Ка (бога) Ра вечно», носил хорово имя *dd-h^cw/Джедху* «Вечный сияниями» (Gauthier, *LdR*, I, 134). Его «личное имя», *Jzzj*, которое транскрибируют как Исеси или Изези, пишется только «алфавитными» (однобуквенными) знаками: такое бывает редко, и это затрудняет перевод. В документах оба имени, Джедкара и Исеси, используются одинаково для обозначения царя. Пирамида его называлась *nfr-dd-k3-r^c/Нефер-Джедкара-Изези* «Джедкара Исеси прекрасен (или добр)».

Туринский папирус приписывает ему царствование в 28 лет; это, конечно, слишком мало. Сорок четыре года, которые отводит ему Манефон (Waddell, 1964, 51), уже ближе к действительности, поскольку в архивах Абусира найдено упоминание о 21-й переписи (Posener-Kriéger, 1976, 329). В ту эпоху, когда переписи производились каждые два года (Hayes, 1971, 178; Gardiner, 1945, 13–16), царствование Джедкара должно было продолжаться по меньшей мере 41 или 42 года. Явная ошибка в Туринском папирусе может происходить из-за рассеянности писца: когда писал он, переписи проходили ежегодно, и он мог понять цифру 28, обозначенную в источнике, который он использовал, как указывающую на такое же количество лет; в этом случае царствование Джедкара Исеси должно было продолжаться 56 лет. То, что это царствование действительно было длинным, доказывает, помимо дат Туринского папируса, тот факт, что этот фараон отпраздновал по меньшей мере один праздник хеб-сед: фактически алебастровая ваза в музее Лувра упоминает о «первом разе», когда отмечался этот праздник (Hornung-Staehelin, 1974, 23).

Джедкара, как и Менкаухор, порвал с традицией, начатой Сахура, и построил свой заупокойный комплекс не в Абусире, а на юге Саккара, где он был, начиная с 1945 года, раскопан египетским архитектором Абд-эс-Саламом Хуссейном. Пирамида, известная под своим арабским названием «Ахрам эш-Шуаф» (Пирамида часового), все еще содержала в себе остатки царской мумии, несмотря на практически полное уничтожение саркофага (Lauer, 1988, 135–137). Верхний храм, хотя и был сильно разрушен, сохранил очень красивые барельефы и статуи пленников (*PM*, III. 424).

Судя по всему, Джедкара Исеси также проводил активную политику вне египетской долины Нила. Рельефы в Вади Магара упоминают прежде всего три экспедиции, в 6/7 и потом в 17/18 году его царствования (Gardiner-Peet-Černý, 1955, 60–66); его имя наряду с именами Усеркафа, Сахура и Нефериркара Какаи мы встречаем на отпечатках печатей, найденных в Бухене в Нубии (Kemp, 1982–1987, 712); затем, уже ближе к Египту, в диоритовом карьере в Западной пустыне к северо-западу от Тошки, неподалеку от Абу-Симбела стела с его именем доказывает, что он повелел разрабатывать эти рудники (Engelbach, 1933, 70 и pl. II). И, наконец, храм в Библе сохранил в своей сокровищнице алебастровую вазу, на которой начертан картуш Джедкара Исеси (Montet, 1928, 307). Если верить рассказу Хирхуфа, написанному в царствование Пепи II, сам Исеси послал в страну Пунт экспедицию, которая якобы привезла карлика — без сомнения, пигмея (см. ниже, с. 312).

Несмотря на неточности, обусловленные самой природой источников по истории Египта, можно, как нам кажется, увидеть, что во время долгого царствования Джедкара Исеси происходила своего рода эволюция в весьма централизованной администрации фараоновской власти. В то время как при IV династии важные посты были заняты членами царской семьи — сыновьями, братьями, дядьями и кузенами царствующего

фараона, начиная с царствования Джедкара это уже не так. Ведь его собственный сын, Исеси-анх («жив Исеси»), рожденный от царицы Мересанх, не наследовал ему на троне (это, конечно, может объясняться его преждевременной кончиной) — и этот последний, не будучи визирем, носил просто титул начальника всех царских работ и предводителя войск (РМ, III.2, 489). Ни один из многочисленных «визирей» этого царствования (самая высокая должность при фараонах) не принадлежал к семье государя (W. S. Smith, 1971). Именно начиная с этого царствования появляется и провинциальная администрация: один из визирей Джедкара, Рашепсес, в то же время являлся губернатором Верхнего Египта (*ibid.*, 494).

Развитие центральной администрации можно почувствовать в росте количества «мастаб» чиновников, которые не принадлежат к царской семье, тех, кого неправильно называют «знатью». Их служебные обязанности давали им достаточный доход, чтобы они могли с разрешения властителя построить себе гробницу и получить возможность основать свой собственный заупокойный культ. Это увеличение количества мастаб также свидетельствует о растущей важности царских мастерских, где работали писцы, художники и скульпторы, а также и различные ремесленники: каменотесы, горшечники, каменщики и неквалифицированные рабочие, занятые сооружением и украшением этих мастаб, которые становились все значительнее и сложнее (ср. рис. 49).

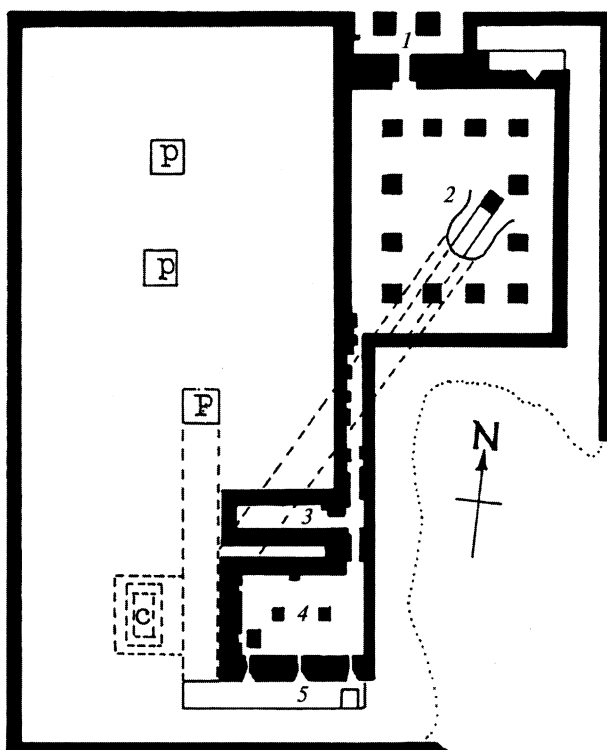

Рис. 49. План мастабы V династии (Ти):

1. Входной портик. 2. Большой зал с колоннами. 3. Склад. 4. Часовня. 5. Сердаб. Р. — Колодцы.
С. — Склеп.

Среди прочих визирь носил титул «Начальника всех царских работ», что показывает важность этих «работ» для египетской экономики Древнего царства в целом. Фактически, царские мастерские должны были обеспечивать сооружение и украшение царского заупокойного комплекса с его пирамидой, храмами, восходящей дорогой, и в случае необходимости — с солнечным храмом, и в то же время — и всех частных мастаб. Следовало позаботиться о питании, проживании и обо всех нуждах всей этой массы рабочих, часто сосредоточенных в том, что называют «припирамидным городом» (Stadelmann, 1983). С другой стороны, когда погребальные церемонии, будь они царскими или частными, заканчивались, при захоронении учреждался заупокойный культ, который мог продолжаться в течение нескольких поколений. Эти культы, за отправлением которых следили жрецы, чьей обязанностью было их поддерживать, также требовали еды и напитков, которые в определенные периоды предоставлялись от доходов сельскохозяйственных владений, распределенных по всему Египту; эти приношения были изображены или перечислены при входе в храм и мастабы (Jacquet-Gordon, 1962). Рост численности погребений, таким образом, может считаться определенным признаком развития производства, которое обеспечивали земледельцы и скотоводы Верхнего и Нижнего Египта; это развитие также стало неизбежным как благодаря функционированию центральной администрации с ее многочисленными чиновниками, так и из-за необходимости снабжать бесчисленные заупокойные культы.

Последним фараоном V династии был Хор *Уаджстауи* («Тот, кто делает процветающим две Страны» = Египет), «Сын Ра *Унис*» (по-французски *Unas*, по-немецки *Unas/Unis*, по-английски *Unas/Wenis*).

Его царствование было практически столь же длинным, как и у его предшественника Исеси, поскольку Туринский папирус приписывает ему 30 лет (Kitchen, 1979, II, 83 = Roccati, 1982, 34); это подтверждает и Манефон, приписывая ему продолжительность царствования в 33 года под именем «Оннос» (Waddell, 1964, 51).

После строки, посвященной царствованию Униса, Туринский папирус добавляет: «Всего царей после Менити (*sic*, вместо Менеса) до...» (далее лакуна) (Kitchen, Roccati, *ibid.*). Имя последнего властителя, которое следует восстановить в злосчастной лакуне — несомненно, Унис, поскольку Манефон, со своей стороны, после 33 лет, которые он ему отводит, уточняет: «С 1046 годами четырех первых династий это составляет 1294 года». Цифра точная, так как к 1046 годами династий с I по IV он добавляет 248 лет, которые манефоновские источники приписывают (правда, ошибочно) V династии, включая Униса.

Писцы эпохи Рамессидов, точно так же как и Манефон при Птолемах, считали, что царствование Униса знаменует поворотный пункт в долгой истории фараонов. Однако ни с культурной точки зрения, ни в событийной истории ничто, на первый взгляд, не говорило о каком-то разрыве. Унис, который, возможно, был сыном Джеккара Исеси (см.: Beckerath, *LA*, VI, 840), мог быть и дедом Пепи I, третьего фараона VI династии (Yoyotte, 1958). Таким образом, фактического разрыва в семейной преемственности между V и VI династиями не было. С другой стороны, можно говорить о таком же континуитете в искусстве и архитектуре: лишь отдельные тонкости позволяют различить мастабы V династии от мастаб VI (Cherpion, 1989). Наконец, децентрализация администрации, хотя и весьма относительная, отмеченная растущей важ-

ностью *номархов* и их семейств, началась уже в царствование Исеси и стала еще более очевидна при Унисе (Baer, 1960, 297–301). Она не была явлением, характерным для VI династии, как нередко считают.

Мы не знаем, почему же именно египтяне считали царствование Униса каким-то достижением, но точно известно, что в течение веков этот фараон сохранял свой значительный престиж. После смерти он был обожествлен, возможно, с VI династии и точно — в эпоху Среднего царства (Altenmüller, 1974). Судя по всему, Аменемхет I, основатель XII династии, использовал блоки с рельефами, взятые в Саккара на памятниках Униса, чтобы его собственный заупокойный комплекс стал более величественным и чтобы повысить свой авторитет (Kemp, 1989, 53–63), маскируя, таким образом, незаконность собственного прихода к власти и ассоциируя себя с самыми знаменитыми властителями Древнего царства (Goedicke, 1971). И уже в самом конце истории фараонов, в VIII веке до н. э. «эфиопские» фараоны копировали сцены, изображенные на монументах Униса (Grimal, 1988, 416). Наконец, обратим внимание на близость пирамиды Униса к комплексу ступенчатой пирамиды Джосера (PM, III, 2, карта LXII), что также могло способствовать престижу, которым была окружена память о последнем фараоне V династии.

Пирамида Униса в Саккара, меньшая по размерам и гораздо хуже построенная, чем пирамиды IV династии в Гизе, получила название *Nfr-swt-Wnjs/Нефер-сут-Унис* «Совершенны места Униса» (Piankoff, 1968, 8, п. 21). Пирамида прославилась в 1881 году, когда Масперо открыл, что внутри она была полностью покрыта надписями, замечательным образом высеченными и раскрашенными сине-зеленой краской. Проникнув в склеп с саркофагом, французский ученый смог обнаружить там правую руку, большую берцовую кость, несколько ребер и фрагменты черепа от мумии царя — это было все, что оставили потомкам грабители этой гробницы при халифе Мамуне в 820 году н. э. (Maspero, 1882, 178).

Главное, чем интересен этот памятник, разумеется, тексты, которыми покрыты все внутренние стены пирамиды от входа до помещения, где находится выпотрошенный саркофаг из черного базальта. Надписей лишены только потолки, украшенные выпуклыми звездами, и три вертикальные стены, окружающие сам саркофаг, — они украшены стелами, изображающими «ложные двери двorca» (Piankoff, *ibid.*, pl. VII).

Надписи из пирамиды Униса содержат наиболее древнюю версию сборника заупокойных религиозных предписаний, известных под названием «Тексты пирамид». Внутренность пирамид всех его предшественников с III по V династию лишена каких бы то ни было надписей. Следовательно, можно признать, что именно в царствование Униса было составлено первое собрание этих текстов, предназначенных прежде всего для того, чтобы обеспечить воскрешение фараона, чтобы защитить его в загробном мире и обеспечить ему все, в чем он мог бы иметь необходимость, будь то на небе близ своего отца, бога Ра гелиопольского, будь то в царстве Осириса, бога мертвых на западе.

Тексты пирамид являются древнейшим заупокойным ритуалом человечества. Посвященные им многочисленные исследования образуют целую библиографию, насчитывающую много страниц (Leclant, 1972; Altenmüller, 1984 = *LA*, V, 14–23). По архаизму как самого письма, так и грамматики и орфографии, некоторые использованные там формулы, как подозревают ученые, могли прийти через устную традицию если

не из архаической эпохи, то, по крайней мере, из времен III династии (Schott, 1945). Другие могли быть и скопированы при V династии с утраченных ныне древних документов. И, наконец, третьи, видимо, были сочинены в «старинном» стиле писцами, которым было поручено составить надписи для пирамиды Униса. Этот сложный характер «Текстов пирамид» делает сомнительной историческую ценность «Текстов пирамид» для изучения доисторического периода, которую им иногда приписывают (см. выше, на с. 162 и Redford, 1986, 136).

Весьма характерный аспект «Текстов пирамид» (таких, какими еще можно их видеть в пирамиде Униса и прежде всего в пирамидах VI династии) состоял в том, что использовавшимся в них иероглифическим знакам приписывалась *магическая сила*. Например, знаки «льва» или «рогатой гадюки» использовались для написания фонетических знаков, читающихся, как *rw* и *f*, но, поскольку они изображали опасных животных, то могли нанести вред фараону, покоившемуся в своей гробнице. Чтобы сделать их «безобидными», резчики разрезали знак надвое или лишали животное головы; позднее в телах животных изображались пронзающие их ножи. То же самое происходило и с другими знаками, изображавшими зверей (опасных или считавшихся таковыми), и с прочими знаками, которые, как казалось, могли представлять угрозу: человеку с палицей «отрезали» ноги или даже часть корпуса (Lacau, 1914; Lexa, 1925, 77)⁴⁵.

Две концепции посмертного бытия воскрешенного фараона существуют в «Текстах пирамид» бок о бок, и даже иногда конфликтуют между собой (Drioton, 1939). Так, фараон изображен одновременно как Осирис в земном загробном мире и как сын Ра на небесах. Тем не менее, акцент ставится на небесное существование: «Унис находится на пути к небу». Фараон попадает туда различными способами: летит, как птица — сокол или гусь; использует дым от благовоний или просто поднимается по лестнице своего отца Ра, которая спущена для него. На стенках саркофага преобладают «осирические» тексты, которые должны были обеспечить мумии обильное питание в загробном мире.

Хотя заупокойный комплекс Униса сильно поврежден, он почти столь же драгоценен для историка, как и его пирамида и ее тексты — для истории религий. Фактически, хотя стены заупокойного храма, восходящая дорога и долинный храм почти полностью уничтожены, от них осталось достаточно скульптурных блоков, чтобы в общем восстановить украшавшие их сцены.

Ансамбль в целом содержал все элементы, которые с тех пор стали традиционными в заупокойном комплексе царя. Начиная с самого возвышенного места, мы находим (в следующем порядке): пирамиду, окруженную оградой, и рядом с ней — пирамиду-спутницу или ритуальную пирамиду; на востоке — верхний храм, очень большой, поскольку он занимает практически такую же площадь, как и собственно пирамида (Labrousse *et al.*, 1972, pl. XXXV); на юго-восточном углу святилища начинается очень длинная дорога, некогда мощеная, длиной почти 700 метров (666 метров), которая кончается внизу, на границе обрабатываемой земли, долинным храмом. Наконец, два рва, которые могли содержать в себе ладьи, были вырыты в скале к югу от дороги.

⁴⁵ В пирамиде Униса ни один знак, изображавший потенциально опасное животное, поврежден не был; напротив, писцы избегали *все* иероглифы, служившие детерминативами к предположительно угрожающему действию, которое может совершить человек, такие как «ударять, бить» (𓂏𓂐𓂑) или даже «забирать» (𓂏𓂐𓂑) (Piankoff, 1968, *passim*), как будто бы уже изображение человека само по себе представляло опасность.

Верхний храм оказался разрушен, несомненно еще в древности, поскольку в этих руинах были устроены большие гробницы саисской и персидской эпохи (PM, III, 2, pl. LXI и p. 649–650). Несколько блоков, происходивших из различных мест святилища, показывают, что, помимо обычных верениц фигур, несущих приношения, в декоративном оформлении храма присутствовали и барельефы, изображающие фараона, отмечающего праздник хеб-сед и различные религиозные сцены — особенно интересна одна, где Униса-подростка кормит грудью богиня (Vercoutter, 1977, 168). О военном аспекте деятельности царя говорят сцены с рядами ливийских или семитских пленников или те, что изображают фараона, убивающего коленопреклоненного врага. Из украшавших храм статуй до нас дошли только фрагменты изображений коленопреклоненных пленников (Labrousse *et al.*, 1972, 28 и pl. XXXII). Пол в самом храме был покрыт плитами из алебастра, а пол во внешнем дворе — плитами высококачественного известняка. Потолок в некоторых залах поддерживали прекрасные колонны с тонкой капителью в виде пальмы (Gordon, 1969, pl. I).

Мощеная дорога в комплексе Униса была целиком украшена расписными барельефами. Почти все они до нас не дошли. Это тем более прискорбно, поскольку, судя по всему, те же самые сюжеты использовались в украшении солнечных храмов в начале V династии, и для декоративного оформления — все более и более богатого и сложного — мастаб высших чиновников V и VI династий. Можно также заметить, что среди дошедших до нас блоков есть сцены, которые были частью декоративного оформления, похожего на «Зал времен года» (*Weltkammer*) солнечного храма Ниусерра, особенно на те, что разворачиваются в полях или в пустыне (PM, III, 2, 419; W. S. Smith, 1965, fig. 179), но также и на сцены взвешивания золота и работы по металлу, которые часто встречаются в мастабах (PM, III, V, 905, § 9a).

Исчезновение большинства барельефов тем более прискорбно, что традиционные сцены, как, например, процессии «владений», которые пришли принести свои дары, здесь были не вполне обычными⁴⁶. Так, можно видеть, как на рынке клиент предлагает хлеб и маленький кувшинчик (вероятно, с пивом) в обмен на рыбу, которую протягивает ему торговец, сидящий на корточках у своей корзины, или как в Саккара прибывают баржи, везущие из Асуана гранитные колонны — те самые, что были найдены в верхнем храме и теперь выставлены в музеях Каира и Лувра (G. Goyon, 1971), или как египтяне в битве сражаются врукопашную с азиатами. Совершенно исключительна весьма реалистичная сцена, изображающая мужчин, женщин и детей, которые стали жертвами голода (J. Vercoutter, 1985).

Эта восходящая дорога, сохранившаяся лучше, чем у других пирамид в Саккара, покрывала подземную часть гробницы Хотепсехемуи, первого царя II династии, и заканчивалась у долинного храма, который, к несчастью, оказался полностью разрушен (Stadelmann, 1985, pl. 74a); его фундамент пока не раскопан (PM, III.2, 417). Два глубоких рва со стенами из каменной кладки блоков известняка обрамляли дорогу с юга. Как и у Хеопса, в них могли быть большие барки, похожие на те, что изображены на блоках, происходящих с дороги (G. Goyon, 1970).

⁴⁶ Полной публикации этих сцен не существует; библиографию на эту тему можно найти в PM, III.2, 418–420.

Только барельефы погребального комплекса Униса дают нам представление о деятельности этого фараона вне границ Египта, в Ливии и прежде всего в Азии — там показаны сцены сражения и возвращение ладей, которые везут в Мемфис пленников-семитов. О связях с Ливаном говорят изображение медведя на стенах крытой дороги (Vercoutter, 1978, 132) и находка в Библе алебастровой вазы, на которой начертано имя Униса. Вмешивался ли он в дела Нубии? Единственное указание на это, хотя и скупое, может оправдать такое предположение: в наскальной надписи в Элефантине он поименован «владыкой чужих стран» (Zibelius-Chen, 1988, 6), однако этот текст мог быть начертан в ходе экспедиции, которая была отправлена за гранитными колоннами Асуана, предназначенными для его храма (см. выше).

Если царских документов с именем Униса у нас не так много, то, напротив, из больших гробниц с многочисленными рельефами частных лиц мы многое узнаем о повседневной жизни в Египте в его эпоху. Таковы расположенные бок о бок мастабы его супруг Хенут и Небет (РМ, III.2, 623–624) близ пирамиды Униса и прежде всего «часовня», которую Птаххотеп (II), визирь и великий судья, велел построить близ мастабы своего отца Ахетхотепа (РМ, I.c., 600–604). Фактически, именно к царствованию Униса (N. Cherpion, 1989, 133) следует относить этот большой заупокойный комплекс, один из лучших сохранившихся в Саккара (N. de G. Davies, 1901).

Обычай украшать гробницы в Египте восходит к IV тысячелетию до н. э.; гробница 100 в Иераконполе (см. с. 167 и далее выше), относящаяся примерно к 3500 году до н. э., — первый известный пример такого рода. При III династии гробница Хеси-Ра, современника Джосера, где сочетаются деревянные барельефы и росписи (см. с. 249, выше), еще один хороший пример. Мастабы III и IV династий, которые были предназначены лишь для самых высших чиновников и для членов царского дома, построены зачастую очень качественно из отесанного камня, богаты статуями (если не были разграблены) — однако декоративное оформление там ограничивается в основном ложной дверью с титулом и именем умершего, списком приношений и изображением собственника гробницы, стоящего или сидящего перед столом, сплошь заставленным яствами⁴⁷.

При V династии, когда появились многокамерные мастабы (W. S. Smith, 1958, 67) и когда, может быть, в них стали подражать оформлению царских солнечных храмов, число сцен, взятых из повседневной жизни, существенно увеличивается, поскольку они соответствовали верованиям, глубоко укоренившимся в душах египтян.

Для египтянина эпохи Древнего царства смерть не была концом всего; после предсмертной агонии и исчезновения всех признаков жизни личность человека оставалась неизменной. Тем не менее для того, чтобы существовать вечно, ей был необходим

⁴⁷ Из 31 мастабы Гизы и Саккара, которые Н. Шерпюн (N. Cherpion, 1989, 89–130) датирует IV династией, 17 (то есть больше половины) содержат только такие элементы декоративного оформления, как список приношений, имя и титулы умершего на стеле в виде ложной двери, а также его изображение стоящим, иногда в сопровождении членов семьи, иногда без них, или же сидящим перед столом, уставленным пищей. В шести других оно дополняется изображениями носильщиков или «владений», которые приносят свои дары, или же иногда смотром приготовления приношений, прежде всего забоя скота. Только две мастабы, а именно карлика Сенеба (РМ, III.2, 101–102) и Хотепет, жрицы Хатор (ibid., 298), представляют более разнообразные сцены: сбор льна, прогулку покойного в ладье или в паланкине и тому подобное. Что касается даты появления значительных тем: сев, жатва, охота и т. п. — см. в Y. Harpur, 1989, Appendix 3, 257–264.

некий «носитель», и тело после мумификации становилось таким идеальным носителем. Тем не менее, вместо него можно было использовать заменители: статуи, живописные или высеченные в камне изображения либо даже просто одно *имя*. Так человеческая личность сохранялась после смерти, но она должна была питаться, одеваться и прежде всего — защищаться, поскольку загробный мир был полон опасностей. Статуи и статуэтки, барельефы и росписи мастаб, украшения и амулеты, словом, все, что археологи называют «погребальным инвентарем», было необходимо именно для того, чтобы обеспечить человеку вечную жизнь и постоянную защиту против опасностей, угрожавших ему уничтожением, которое в этом случае было бы уже безвозвратным.

Эта вера в продолжение материальной жизни после смерти была такой глубокой, что живые могли поддерживать связи с мертвыми. Так в Древнем царстве появились «письма к мертвым». Они написаны иератическим письмом на лентах ткани или папирусах, на каменных или керамических вазах: эти письма требуют, чтобы умерший вмешался и помог живым в повседневной жизни или же просто оставил их в покое... ибо существование опасных мертвецов также было глубоко укоренившимся среди египтян верованием.

Как и в любой магии, имя играло первостепенную роль: знать истинное имя бога, человека и любого существа значило получить над ним власть в некоторой степени располагать им, откуда и важность, и количество иероглифических текстов, которые всегда сопровождают барельефы и росписи в мастабах, — они неустанно повторяют имя и титулы владельца гробницы, но в то же время и названия предметов и существ, которые там показаны. Магическая сила имени распространялась и на изображения; связав то и другое, можно было быть уверенным в том, что можно по своей воле располагать предметом.

Магические по своей сути, барельефы и росписи мастаб, таким образом, прежде всего играли утилитарную роль: они предоставляли своим владельцам средства, необходимые для вечного выживания. Следовательно, египетское искусство, живопись, резьба, скульптура не имели и никогда не могли иметь эстетической цели. Заботились только о том, чтобы они соответствовали действительности, дабы быть полезными. Фигуры не обязательно должны были выглядеть красивыми или гармоничными, ибо они должны были быть точными, дабы заново вдохнуть в них жизнь благодаря магии.

Эти наблюдения могут объяснить нам, почему в этих сценах не пренебрегали буквально ничем, прежде всего для того, чтобы обеспечить питание, необходимое для выживания умершего. Так, показывали все необходимые операции для изготовления хлеба, начиная с посева хлеба и жатвы: как потом собирают колосья в скирды, как молотят, как веют, как убирают хлеб в амбар, как мелют муку — вплоть до приготовления теста и выпечки хлебов. Точно так же дело обстояло и с птицей и мясом: от ловли диких зверей до выращивания, от откорма до забоя и разделки туши и часто — до готовки! Столь же детальные сцены рассказывают и о рыбе, которая занимала большое место в питании египтян: не забыт ни один снаряд для ловли: от огромного невода, который требует многочисленного коллектива, чтобы его развернуть, — до индивидуальной рыбалки с удочкой и с сачком; показано, как ставят верши и бьют рыбу гарпуном. Пойманную рыбу тут же разрубают надвое для просолки, и, несомненно, для копчения. Не забыли, наконец, и о напитках: есть сцены, изображающие виноградники и выжимку вина или пивоварение и брожение пива, которое сначала делали из ячменя, как русский квас.

Итак, питание, со всеми этими изображениями бесчисленных носильщиков с приношениями и верениц «владений», которые приносят свои плоды, занимало самое важное место в декоративном оформлении мастаб. Но, кроме того, можно видеть, как умерший наблюдает за работой ремесленников в своих владениях: ювелиров, кузнецов, плотников, судостроителей, дубильщиков и обувщиков; он присутствует на играх, на концертах, на танцах; иногда он даже руководит приготовлениями... к своим собственным похоронам: за тем, как высекают его статуи, делают саркофаг и погребальную утварь⁴⁸.

Благодаря изображениям из мастаб мы обладаем не имеющей аналогов картиной материальной цивилизации Египта при V династии. Фактически, именно с царствования Усеркафа сюжеты рельефных сцен во всех памятниках становятся богаче: они иллюстрируют все более и более разнообразные аспекты жизни в Египте; сначала они украшают солнечные храмы и верхние храмы, затем такие сцены появляются в частных мастабах, где ставшие более многочисленными камеры и коридоры дают большое поле деятельности для скульпторов и художников. С другой стороны, все больше и больше специализируясь, центральная администрация при V династии учреждает новые должности (Helck, 1954, 107–110; Strudwick, 1985, 337–338), поэтому умножается и численность высших чиновников, которые могли позволить себе гробницу с рельефами.

В то же время можно подозревать, что сооружение больших заупокойных комплексов IV династии в Абу-Роаше, Гизе, Саккара и Дахшуре повлекло за собой развитие египетской экономики. Чтобы задействовать там и кормить огромные массы людей, нужные, например, для постройки великих пирамид, следовало увеличить сельскохозяйственные ресурсы страны и, следовательно — как можно шире использовать орошаемую Долину и ее окраины. Эта необходимость, несомненно, и вызвала создание новых и весьма многочисленных царских «владений», которые были связаны с заупокойным культом царей IV династии (H. Jackuet-Gordon, 1962, 7–14).

Этот экономический подъем был благом, которое унаследовала V династия. И оно было не единственным. Благодаря широкомасштабным работам, которые выполняли их предшественники, фараоны V династии располагали значительным числом писцов, ремесленников и специализированных рабочих: все они были полностью задействованы. Чтобы, например, построить большие пирамиды в сравнительно короткое время (20 лет для самой большой, если верить Геродоту), следовало использовать труд нескольких сотен тысяч человек (Edwards, 1985, 270). Рабочие были разделены на многочисленные бригады под единоличной ответственностью очень высокого чиновника — зачастую визиря, как, например, царевич Хемиуну — несомненно, внук Снофру (*LÄ*, II, 1117), который участвовал в постройке пирамиды Хеопса в качестве «начальника (*imy-r*) всех царских работ», или как Хуфу-анх при Микерине (Strudwick, 1985, 218).

Специалисты в этих бригадах — каменщики, каменотесы, художники, скульпторы — учились своему мастерству очень юными, чаще всего, конечно, следуя примеру и под руководством своего отца, которому они помогали с тех пор, как достигали достаточного возраста, чтобы держать инструмент. Это рано начинающееся и постоянно

⁴⁸ По поводу весьма многочисленных сцен, касающихся повседневной жизни в мастабах Древнего царства, можно посмотреть: P. Montet, 1925; J. Vandier, 1964 и 1969, и Y. Harpur, 1987. *РМ*, III, 903–907 дает перечень этих сцен, классифицированных по сюжетам.

совершенствующееся обучение объясняет огромное умение и мастерство в труде рабочих и ремесленников Мемфиса. Опытные писцы, несомненно, присутствовали или в самой бригаде, или среди надсмотрщиков, поскольку они были необходимы для подготовки и контроля над исполнением иероглифических текстов, которые всегда сопровождали сцены и фигуры, будь то рисованные или же выполненные в барельефе. Принимая во внимание, что царствования Микерина и Усеркафа были отделены друг от друга едва одним десятком лет (см. выше, с. 273–274), с начала своего царствования Усеркаф мог располагать всеми бригадами, которые работали на заупокойном комплексе Микерина, в пирамидах и храмах со всеми статуями, которые там находились (Reisner, 1931, 108–127).

Не будет преувеличением сказать, что, когда со смертью Униса закончилась V династия, египетская цивилизация достигла в своем искусстве и технике такого совершенства, с которым последующие эпохи иногда могли сравниться, но им уже никогда не было суждено его превзойти. Вследствие реформ в правительстве роль царской семьи снизилась, царевицы и их дети уступили место гораздо большему числу функционеров, умелых «бюрократов» (Kemp, 1989, 111), которые стали руководить администрацией.

Постройка и содержание заупокойных комплексов и царских храмов, как и частных гробниц, стали источником экономического развития и процветания страны. Отнюдь не случайно те, кто отвечал за постройку монументов — часто это были визири, «начальники всех царских работ» — руководили также и всеми сельскохозяйственными работами. Невозможно отделить друг от друга строительство и сельское хозяйство: в экономике, не знавшей денег, жрецы, обеспечивавшие отправление культа, снабжались именно продуктами с сельских владений; то же можно сказать и о писцах и ремесленниках, которые участвовали в сооружении или поддержании в порядке построек и их содержимого. И те и другие обитали в многочисленных «припирамидных городах», которые тогда были основаны (Stadelmann, 1981). Новые владения, образованные в Нижнем Египте при V династии добавились к тем, которые были созданы IV династией в Верхнем (Kanawati, 1980, 8–9). Они стали очевидным признаком процветания Египта в ту эпоху.

Глава VI. КОНЕЦ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА И НАЧАЛО ПЕРВОГО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

ДИНАСТИИ С VI ПО VIII –
ОК. 2350–2160 ГОДОВ ДО Н. Э.

VI династия

Причины, которые заставили как Манефона, так и составителей Туринского папируса закончить V династию царствованием Униса, для нас столь темны, что некоторые египтологи без колебаний считают Униса первым фараоном новой династии, шестой (Ваг, 1960, 298). VI династия была у власти примерно двести лет, с 2350 до 2160. Переход от одной династии к другой, судя по всему, прошел без трудностей и волнений: высшие чиновники, занимавшие свои посты в конце царствования Униса, продолжали служить Тети, первому фараону VI династии.

Манефон (Waddell, 1966, 52–57) приписывает VI династии продолжительность в 203 года; он перечисляет царствования шести государей, которые происходили якобы из Мемфиса, в то время как их предшественники из V были из Элефантины (Id., *ibid.*, 51). Манефоновские источники кратки и чаще всего ограничиваются именем и числом лет царствования каждого из фараонов (см. табл. XV). Тем не менее, следует заметить, что, согласно этим источникам, Тети

(по-гречески Отоэс) был убит своими собственными телохранителями; что Фиопс (Пепи II) якобы взшел на трон в возрасте шести лет и сохранил власть вплоть до со- того года своего правления — долгое время думали, что так и было, но недавно это было оспорено (Goedicke, 1988). Наконец, о последнем фараоне источники Манефона утверждают: «Нитокрис была благороднейшей и прекраснейшей из женщин своего времени... у нее была белая кожа и алые щеки. Говорили, что она построила третью пирамиду». И Геродот (II, 100) слышал это «говорили», которое он передает, добавляя, что Нитокрис перед тем, как совершить самоубийство, во время пира уничтожила всех, кто был виновен в убийстве ее «брата», — возможно, Меренра II (Lloyd, 1988).

Таблица XV

Фараоны VI династии

Имена			Продол- житель- ность царство- вания	Абсолютная хронология (в годах до н. э.) ^(*)	Манефон	
Хорово	Сын Ра	Несут-бити			Имена	Продол- житель- ность царст- вования
1. Схотептауи	Тети	Тети ^(б)	13 (?)	2350–2330 ^(*)	1. Отоэс	30
2. ?	?	Усеркара ^(д)	?	?		
3. Меритауи	Мери-Ра (?)	Пепи (I)	44	2330–2280	2. Фиос	53
4. Анххау	Антиэмсаф (?) ^(*)	Меренра (I)	7	2280–2270	3. Метусуфис	3
5. Нечерхау	Неферкара	Пепи (II)	70 +	2270–2200	4. Фиопс	100
6. ?	Антиэмсаф (?)	Меренра (II)	1	2200	5. Ментесуфис	1
7. ?	Менкара (?)	Нитокрис ^(г)	2 (?)	2200–2195	6. Нитокрис	12
					Всего	203 ^(*)

^(*) Даты предположительные; отчасти они опираются на традиционную хронологию Сотис, с другой стороны — на датировки по ¹⁴C, которые для VI династии указывают на рамки –3872 ± 39 и –3770 ± 40 BP (F. A. Hassan, Robinson, 1987, 183), что должно соответствовать –2580–1930 до н. э. в калиброванных датах (Revue d'Archéométrie, Supplément, 1983, 12–33). Эти даты принимают во внимание предположения Гедике (Goedicke, 1988, 121).

^(б) В Туринском папирусе (verso, кол. IV, стк. с 1 по 5) на месте имен фараонов — лакуна, однако продолжительность царствований частично сохранилась: х... лет, 6 месяцев и 21 день для Тети; 20 лет — для Пепи I; 44 года для Меренра I; 90 плюс лакуна для Пепи II (то есть между 90 и 99 годами); наконец 1 год и 1 месяц для Меренра II.

^(г) Если отводить ему только около десятка лет, то царствование Тети кончается около 2330 года до н. э. (около 2333, согласно Roccati, 1982, 302) (ср.: Goedicke, 1988, 121).

^(д) Возможно, фараон Ити из наскальной надписи в Вади Хаммамат (Roccati, *l.c.*, 34, n. g) и p. 258): его царствование проходило одновременно с царствованием Тети, а власть распространялась только на Нижний Египет (ср.: Kanawati, GM, 83).

^(*) О чтении знака (𓆎) в картуше Меренра как *Анти* см. Gardiner, JEA, 17, 1931, 247.

^(г) После Нитокрис Туринский папирус перечисляет еще шесть имен, что должно довести число фараонов VI династии до 13 в кол. IV: (стк. 8) Неферка; (стк. 9) Нефер, продолжительность царствования которого оказалась в лакуне; (стк. 10) Иби с царствованием в 2 года, 1 месяц и 1 день. Три последних, на месте имен которых лакуна, должны были царствовать соответственно 4 года, 2 месяца и 1 день (стк. 11); 2 года, 1 месяц и 1 день и, наконец, только 1 год (стк. 13) (ср.: Kitchen, KRI, II, 832). Возможно, что эти шесть фараонов представляют VII династию (см. ниже, с. 329).

^(*) Waddell, 1964, 55.

История VI династии все еще остается смутной, как показывает табл. XV. Даже количество фараонов в ней точно не известно: манефоновские источники перечисляют шестерых, в то время как в Туринском папирусе — целых тринадцать! Однако следует заметить, что среди тех шести фараонов, которые, согласно Туринскому папирусу, наследовали Нитокрис около 2140 года до н. э., ни один из них не оставил ни одного памятника и не фигурирует в царских списках — в частности, в Абидосском и Саккарском (Gardiner, 1961, 436).

Иногда VI династию считают предвестницей упадка фараоновской цивилизации Древнего царства. Нам это представляется ошибочным. Если мы уже не находим при VI династии таких шедевров, как сидящий Хефрен из Каирского музея или Микерин и его жена (в Бостоне), это отнюдь не означает, что искусство в целом было в упадке. Может быть, мемфисские мастерские потеряли одного-двоих гениальных художников? А может быть, все проще — V и VI династиям меньше повезло на случайности раскопок, чем IV? На самом деле трудно, если не невозможно, определить художественные критерии, чтобы отличить работы конца IV династии от творений V и VI (W. S. Smith, 1958, 78). Что касается техники, художники и ремесленники, которые работали при каком-нибудь Пепи или Меренра, ничем не уступали мастерам Хефрена и Микерина. Можно даже заметить, что в области живописи и скульптуры барельефов во многих произведениях заметен прогресс.

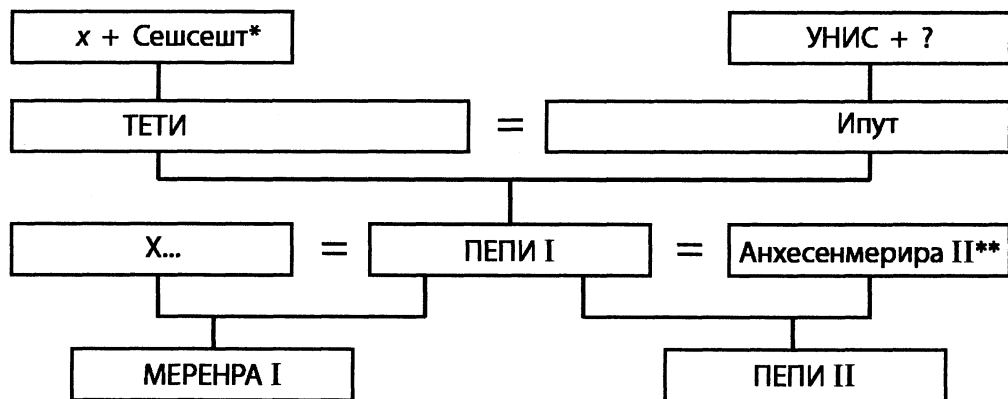
Большие гробницы Птаххотепа II и Ти в Саккара (ср. с. 329 и далее выше) свидетельствуют о значительном прогрессе в декоративном оформлении частных мастаб при V династии. Он продолжался еще и при VI, как в качестве, так и в разнообразии представленных сцен. Мастаба Мерерука, его жены и их сыновей (PM, III.2, 525–526), которые жили при Тети и Пепи I, является прекрасным тому примером: в этом комплексе насчитывается 29 камер (*ibid.*, pl. LVI), связанных между собой; все они содержат рельефы. То же самое можно сказать и о мастабе Кагемни (*ibid.*, 512–525).

Мастабы VI династии содержат множество данных о жизни в долине Нила и о технических средствах, которые использовались различными группами ремесленников в эту эпоху; в то же время благодаря высеченным в них весьма подробным и обстоятельным биографическим повествованиям, они становятся новым замечательным историческим источником. Эти сведения тем более ценны, что они идут от высших провинциальных чиновников. Вследствие административной децентрализации и, возможно, развития экономики, погребения высших функционеров VI династии теперь уже не концентрируются вокруг царских пирамид в Саккара или в Гизе. Гробницы номархов строятся преимущественно в провинции: в Среднем Египте — в Завийет эль-Амуат, в Меире или Дейр эль-Гебрави и в Верхнем Египте — в Ахмиме, Дендере, Эдфу, Асуане. Нижний Египет в списках не фигурирует, поскольку слой с постройками Древнего царства сейчас покрыт толстым слоем ила и, кроме того, археологические исследования в Дельте пока были немногочисленны. Отдельных находок в Телль-Тимаи (PM, IV, 36) и прежде всего в Гелиополе (*ibid.*, 61–62) достаточно, чтобы показать, что Северный Египет также обладал некрополями VI династии. Недавние открытия мастаб в Балате (оазис Дахла) (см.: Fakhry-osing, 1982; Valloggia, 1986; Goût-Minault, 1992) показывают, что правители оазисов, как и номархи в Долине, предпочитали, чтобы их хоронили близ своей резиденции, а не в отдаленной метрополии.

Как и в большинстве случаев смены династии в Древнем царстве, мы не знаем, какое право было у Тети на двойную египетскую корону. Его хорово имя, *Схотептауи*, «Тот, кто умирляет Обе Земли (Египет)», напоминает имена Хотепсехемуи, основателя II династии и Хасехемуи, последнего фараона той же династии, который объединил «хорово» и «сетхово» царство. Эти сближения могут подтвердить мнение тех, кто считает Тети узурпатором (Maspero, 1895, I, 415; Gauthier, *LdR*, I, 142, n. 1) или даже плебеем, который получил трон посредством брака с Ипут, «принцессой крови», дочерью Униса (Grimal, 1988, 96 и табл. XVI).

Таблица XVI

Генеалогия первых фараонов VI династии

* Следует, однако, заметить, что Й. Йойотт в BIFAО, 57, 94–98 предлагает считать Тети сыном «царицы» Шешет, упомянутой в папирусе Эберс. Таким образом, Тети все-таки мог быть царской крови по линии матери, хотя мы не знаем, была ли Шешет с титулом «мать царя» также и «дочерью царя».

** Имя переводится как «Она живет для Мерира». Мерира было вторым именем Пепи I (ср. таблицу XV): судя по имени двух царевен, они были родственницами царя — сестрами или наполовину сестрами.

Как бы там ни было, Тети, судя по всему, пришел к власти без затруднений: в некрополях того времени не заметно никаких разрушений или узурпаций, которые могли бы произойти в результате его восшествия на престол. Более того, очень многие чиновники, которые служили Унису, остались и на службе у Тети, как, например, визирь и великий судья Кагемни, который в надписи в своей мастабе в Саккара (*РМ*, III, 521) отмечает, что после того, как он был одним из любимцев Джеккара Исеси, он служил Унису и что Тети во время своего прихода к власти поставил его во главе всех судей страны и сделал визирем (Rossati, 1982, 140).

Итак, мы не совсем представляем себе, как именно Тети пришел к власти и ненадолго лучше знаем, сколько продолжалось его царствование: по меньшей мере 30 лет, согласно манефоновским источникам (30 — по Синкеллу, 33 — по псевдо-Эратосфену), но самая поздняя дата, засвидетельствованная памятниками — это 12 или 13 лет, то

есть дата двухгодичной переписи шестого года, которую дает граффити, найденное в алебастровом карьере в Хатнубе в Восточной пустыне (Goedicke, *LÄ*, VI, 457).

Его царствованием датируются многочисленные частные мастабы в Саккара, однако царские памятники самого Тети редки. Его пирамида и заупокойный храм, расположенные близко к Долине и окруженные обширным некрополем, были раскопаны в начале XX века (РМ, III, 330–396 и pl. XLI; *ibid.*, 508–566 и карты LI–LIII).

Пирамида Тети на севере Саккара сегодня — лишь груда разбитых камней: словно издевательство над именем, которое она носила в древности: «Прочны места Тети» (РМ, III, 393). Размеров она небольших — со стороны 80 метров и около 45 метров высоты и, таким образом, числится среди самых мелких известных царских пирамид (Кемп, 1983, 88). Внутри длинный коридор идет вниз и ведет в переднюю камеру погребальных покоев. Простота плана контрастирует с величиной и сложностью заупокойного храма с его множеством камер — тоже лежащего в руинах (Lauer, 1988, 120, fig. 39 и 141, fig. 52).

Восходящая дорога и долинный храм Тети пока не обнаружены (Vandier, 1952, 130). Немного и предметов, которые были найдены в том, что осталось от заупокойного комплекса Тети: его базальтовый саркофаг, фрагменты барельефов и статуй (РМ, III, 394), погребальная маска (может быть, самого Тети) и любопытные каменные наконечники палиц грушевидной формы с *серехом* фараона (*ibid.*, 395): еще при VI династии булава сохраняла символическое значение, которым обладала в додинастический период и в архаическую эпоху.

В заупокойном ансамбле Тети и среди предметов, которые оттуда происходят, можно заметить, с какой щедростью архитекторы и ремесленники тратили алебастр вместо гранита, базальта и шифера, использовавшихся до тех пор. Надписи из рудников Хатнуба дают нам на этот счет точные детали.

Алебастровые рудники Хатнуба, обнаруженные в 1891 году Ньюберри, разрабатывались египтянами еще с царствования Хеопса. Алебастр — *šs/šec* — называли еще «хатнубским камнем» или даже «настоящим алебастром (*šec*) из Хатнуба»: уже это подчеркивает значимость карьеров, откуда он поступал. Две надписи рассказывают об экспедициях, которые отправлял туда Тети. В первой, к несчастью, не полностью сохранившейся, говорится:

«Хор Схотептауи — да живет он вечно! — царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Ра, Тети — тот, что одарен жизнью. Через год после шестой переписи, в третий месяц лета. Начальник х... и капитан Меру (говорят): "Вот та работа, что мы сделали для царя Верхнего и Нижнего Египта Тети — да живет он вечно! — с 300 рабочими и начальником у..., который пребывает в резиденции, в то время как 60 рабочих были заняты изготовлением..."».

С этого места текст, к сожалению, в очень плохом состоянии, но его достаточно, чтобы понять, что он описывал работу, которую делали 360 человек, и то, как их при этом кормили. Рудники Хатнуба находятся фактически в центре пустыни, и кормить столько ртов должно было быть очень затруднительно. Второй текст намного короче: он также дает хорошо имя Тети — Схотептауи — с именами и титулами руководителей экспедиции, всего около 20; но, поскольку он не датирован, мы не можем знать, идет

ли речь о той же самой экспедиции на 12-м или 13-м году Тети, или о какой-то другой. Эта вторая гипотеза представляется более вероятной, поскольку с таким количеством руководителей в отряде должно было быть больше 360 рабочих¹.

Алебастр, добытый в Хатнубе, служил для облицовки храма и для завершения его алтаря, украшенного рельефами (Malek, 1988), для изготовления предметов культа, среди которых должно было быть много ваз, если судить по алебастровым фрагментам, дошедшим до нас, несмотря на множество ограблений, которые пережило святилище (РМ, III, 393–394). Алебастр служил и для изготовления плоского блюда или «диска для приношений» с именем Тети, которое было найдено в храме Библа (Montet, 1928, *Kémi*, I, 87); из него сделана и прекрасная рукоятка систра из музея Бостона (Fischer, 1968, фронтиспис). Этот последний предмет с полным «протоколом» Тети, посвящен Хатор, «Владычице Дендеры»; он напоминает о том, что Тети был первым фараоном, упомянутым вместе с древнейшей египетской богиней (Id., *ibid.*, 37).

Имя Тети связано не только с храмом в Дендере. Декрет с его именем был найден в храме Абидоса (Kemp, *LÄ*, I, 31; Goedicke, 1967, 36–49), поскольку уже с конца V династии растет влияние культа Осириса, центром которого был Абидос. Осирис стал прежде всего богом загробного мира (J. G. Griffith, 1966, 24), и царь после смерти отождествляется с ним. Преобладание Осириса, которое ощущается уже в текстах пирамиды Униса, еще более усиливается в текстах пирамиды Тети (Id., *ibid.*, 48). Фараон здесь назван «Осирисом», и, как и этого бога, его воскрешают после смерти, и он правит иным миром. Мы читаем:

«О Царь, голова твоя осталась соединенной с (другими) твоими костями, кости твои связаны с твоей головой... ты (свободно) ходишь и гуляешь среди духов... Поднимайся, вставай, как Осирис», или: «Так же как живет Осирис, так живет и Царь. О Царь, пусть имя твое живет во главе всего живого. Да станешь ты духом, о Царь, пусть владеешь ты всеми духами» (Faulkner, 1969, 157 и passim).

При всем том распространение осирического религии приносило пользу не только фараону. Тексты показывают, что она развивалась и в среде частных лиц. В мастабах, начиная с царствования Тети, также можно прочесть такие надписи, как:

«Я исполнял правду (Маат), я говорил добро, я повторял добро. Я судил двух тяжущихся так, что они были удовлетворены. Я спасал бедняка от того, кто был могущественнее его... Я давал хлеб тому, кто голодал, одежду тому, кто был наг, переправу тому, кто потерпел кораблекрушение, гроб тому, кто не имел сыновей. Я делал лодку для того, у кого не было лодки» (Roccati, 1982, § 120, 144–145). Текст из мастабы Неферсешем-Ра по прозвищу Шеши, который был визирем и великим судьей при Тети.

¹ В самом Хатнубе при Пепи II 1600 человек добыли 300 блоков алебастра в один день; ими, судя по всему, командовало 5 «чиновников» (Roccati, 1982, 252, § 248). При том же царствовании то же число людей (1600) подняли «700 блоков (обычных) и 803 больших блока» под руководством, судя по всему, около 50 писцов, казначеев и т. п.; однако текст не говорит, сколько времени это заняло (*ibid.*, 253–254, § 251).

Несколькими годами позже Кагемни, в свою очередь, утверждает:

«Я судил (враждующие) стороны так, что они были удовлетворены. Я кормил бедняка; я удалял зло от страдающего» (ibid., 140).

Формула «я давал хлеб тому, кто голодал, воду тому, кто жаждал, одежду тому, кто был наг», вдохновленная религией Осириса, вскоре стала шаблонной в том жанре, что называют «традиционными автобиографиями» (Janssen, 1946), который бурно развивается начиная с конца V династии вплоть до Среднего царства и позднее. Ее так часто находят на погребальных стелах, что египтологи обычно затушевывают ее важность, не понимая, что в III тысячелетии до н. э. она была внове, — даже если Милосердие и Справедливость превозносили лишь в интересах того, кто соблюдал их, дабы обеспечить себе вечное загробное существование. Столь же постоянными постепенно становятся и другие формулы, записанные в масштабах в ту же эпоху, как, например, та, что известна в египтологической литературе под названием «призыв к живым»: она может быть и может не быть связана с утверждением, что умерший в своей земной жизни был милосердным и справедливым. В своем самом кратком виде она взывает:

«О живые, те, что на земле, если пройдете близ этой гробницы, совершите для меня возлияние и принесите мне приношение, ибо я был другом людей... никогда не отнимал я силой имущество ни у кого; я был из тех, что делают то, что угодно всем».

Значимость, которую приобретает культ Осириса начиная с царствования Униса и его развитие при Тети еще более усиливается при его втором наследнике Пепи I. Между этими двумя царствованиями Туринский папирус (лист IV, стк. 2) называет имя какого-то царя Верхнего и Нижнего Египта; его имя теперь утрачено, как и данные о продолжительности этого царствования (Kitchen, *KRI*, II, 831). Однако весьма вероятно, что это имя следует читать, как Усеркара «Ка (бога) Ра силен»; это имя появляется также и в большом списке Сети I в храме Абидоса, где оно фигурирует между Тети и Мерира Пепи I (Kitchen, *KRI* I, 178, № 35). Тот же картуш начертан на медной табличке (Goedicke, 1965, 36 и pl. IX). Следовательно, этот царь действительно существовал. Его считают узурпатором, власть которого ограничивалась одной Дельтой.

Выдвигалось предположение (хотя, конечно, бездоказательное): не был ли этот Усеркара организатором убийства Тети, о котором нам сообщают манефоновские источники (Goedicke, *LA*, VI, 901)? Более того, зачастую считали (не с большими на то основаниями), что Усеркара — это имя «Сына Ра» царя *Ити*, известного по двум надписям из Вади Хаммамат (Couyat-Montet, 1912, 94, № 168–169). Вне зависимости от того, примем мы или не примем эту весьма недостоверную идентификацию «Усеркара = Ити», царствование Усеркара было кратким: самое большее год, если эти два фараона на самом деле — один. Фактически, одна из надписей в Вади Хаммамат (№ 169), датированная первым годом, вторым днем четвертого месяца Разлива, упоминает о начале строительства пирамиды, название которой было «Мощь Ити»; эта пирамида пока не найдена — то ли потому, что ее постройка так и не была начата, то ли потому, что она так мало продвинулась, что пирамида остается незамеченной.

Царствование Усеркара было столь кратким, что оно не упоминается в многочисленных биографических текстах того времени. Они переходят прямо от царствования Тети к Пепи I.

Хор Меритауи «Возлюбленный Обеих Земель (Египта)», сын Ра Пепи, царь Верхнего и Нижнего Египта Мерира («Возлюбленный Ра»)², то есть Пепи I современных историков. Царствование его было долгим: 20 лет, которые приписывает ему Туринский папирус, несомненно — ошибка писца вместо 50 (v. Beckerath, *LÄ*, IV, 927, n. 4). Фактически, памятники говорят о 21-й и 25-й двухгодичных переписях скота (*ibid.*, 926), что обозначает царствование по меньшей мере в 50 лет, что согласуется с 53 годами в манефоновских источниках, где этот фараон называется Фиопс (Waddell, 1964, 53).

Принимая во внимание его деятельность вне Египта, число храмов, воздвигнутых как в столице, так и в провинции, а также реорганизацию центральной и провинциальной администрации, не будет преувеличением считать долгое царствование Пепи I апогеем Древнего царства. В отличие от истории IV и V династий, история VI, и прежде всего — история царствования Пепи I, достаточно хорошо известны благодаря обилию источников, прежде всего биографических текстов, которые оставили нам некоторые из высших чиновников фараона.

Среди этих текстов один из самых ценных принадлежит Уни, который занимал самые высокие должности, ибо он управлял всем Верхним Египтом и был равен визирю (Strudwick, 1985, 330). Будучи прекрасным примером стиля во времена Пепи I, его рассказ проливает свет на значительную часть царствования этого фараона и заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью.

Автобиография Уни находится в часовне его мастабы в Абидосе. Мариетт, который открыл ее в 1860 году, осознал всю важность этого текста: он приказал снять и перевезти в Каир большой блок известняка величиной почти три метра, на котором он был высечен. После традиционных формул, требования приношений и перечисления своих титулов, Уни прямо обращается к читателю³:

«Едва выйдя из поры отрочества при величестве Тети, я стал заведующим складом, будучи инспектором дворцовых служащих... при величестве Пепи. Его величество назначил меня "другом" и начальником жрецов города при своей пирамиде [...] меня судьей Нехена (Иераконполя), так как он доверял мне больше, чем любому другому своему слуге. Я вел допрос наедине с главным судьей и визирем по всем тайным делам, касающихся царского гарема [...], так как его величество доверял мне больше, чем любому другому своему чиновнику, вельможе или слуге».

² На памятниках имена сына Ра и несут-бити в протоколе часто меняются между собой. Тем не менее, Пепи I именуется царем Верхнего и Нижнего Египта «Мерира» чаще, чем «Пепи» (Gauthier, *LdR*, I, 150–151). Перед тем, как стать «Мерира», его «коронационное имя» (несут-бити), судя по всему, было *Неферса-Хор* «Добрая защита Хора» (J. v. Beckerath, *LÄ*, IV, 296). Gauthier (*LdR*, I, 58) относит этого фараона к III династии.

³ Работая с иероглифическим текстом, я использовал здесь *Urkunden I* Зете (с. 98–110) и P. Tresson, *L'inscription d'Ouni* (BdE, VIII); перевод приводится по A. Roccati (1982, 191–197, § 177–178) с некоторыми изменениями.

Уни приобрел благоволение фараона: Пепи подарил ему саркофаг с крышкой из белого известняка из Туры, ложную дверь, притолоку и два дверных косяка — все это для его мастабы в Абидосе. А Уни продолжал подниматься по служебной лестнице:

«Велось тайное дело в царском гинекее против жены царя Иматес (?) (или: жены царя, великой фаворитки)⁴. Его величество велел мне вести допрос одному, без какого-либо главного судьи и визиря или же чиновника [...], так как его величество мне доверял. Я вел запись допроса наедине [...] Никогда раньше человек моего положения не слушал тайные дела царского гарема».

Возможно, именно благодаря этому процессу Уни вошел в фавор у Пепи I, и ему поручили командовать военной экспедицией, предпочтя его множеству высоких чиновников, которых он самодовольно перечисляет. Армия формировалась из контингентов, набранных по всему Египту, и из наемников, которых рекрутировали в Нубии в областях, все названия которых здесь перечислены. Целью похода было отбить набег азиатских кочевников. И Уни возобновляет свой рассказ:

«Я так организовал армию, что никто не причинял зла другому, никто не отбирал хлеб и сандалии у встреченных по дороге, никто не грабил одежды в селении, через которое проходил, никто ни у кого не уводил козу».

Любопытно, что после упоминания сбора армии на севере Египта, Уни не приводит никаких деталей военных операций, но сочиняет что-то вроде гимна-дифирамба, характерного для египетской поэзии с ее назойливыми повторами:

*«Это войско вернулось благополучно, опустошив страну жителей песков⁵.
Это войско вернулось благополучно, разорив страну жителей песков.
Это войско вернулось благополучно, разрушив ее крепости.
Это войско вернулось благополучно, срубив ее смоковницы и виноградники.
Это войско вернулось благополучно, предав огню(?) всех ее людей.
Это войско вернулось благополучно, перебив огромное число воинов.
Это войско вернулось благополучно, захватив огромное число пленников».*

Несмотря на эту победную песнь и награду, которая последовала за кампанией, Уни был вынужден еще пять раз участвовать в военных походах против кочевников «каждый раз, как они восставали».

⁴С грамматической точки зрения возможны две интерпретации. Первая принадлежит Зете (*Urk.*, I, 100, § 6), который переводит это имя как «велико ее благоволение»; Брестед (*AR*, I, § 310) и Трессон (*Tresson*, 1910, 10) транскрибируют имя, как *Иматес*. Вторая возможность предложена У. С. Смитом (*W. S. Smith*, 1971, 192) и А. Роккати (*A. Roccati*, 1982, 192 и п. f): она требует чтения знака дерева, который обычно читается *jm3/* *ума*, как *hts/* *xemec*. Этот вариант опирается на авторитет *Wb* I, 80 (6) и *Wb* III, 202 (10), а также на тот факт, что в Египте имя осужденного и приговоренного человека не выписывалось — чтобы лишить его возможность выжить — или обозначалось окольным путем. Именно так могло быть и тут.

⁵По-египетски — *hrjw-sʿ/xeriu-ua* «те, кто на песке», то есть обитатели Синайского полуострова — частично кочевники, частично оседлые (*DNG*, IV, 35–36) или Суэцкого перешейка (*Goedicke*, 1963).

Уни служил еще Тети, и ему должно было быть уже больше 60, когда умер Пепи I; при его наследнике Меренра I он уже не продолжил свою карьеру.

Процесс, начатый фараоном при жизни против своей, также еще живой супруги, является уникальным фактом в истории Египта. Это из ряда вон выходящее событие связывалось (Grimal, 1988, 101) с тем, что Пепи I был женат на двух царицах не из царского рода; обе они носили имя Анхесенмерира, что означает «Она живет для Мерира». Такое имя могло быть дано по случаю брака (Id., *ibid.*), но оно могло также означать и что они были родственницами царя: сестрами или, скорее, единоутробными сестрами, рожденными от абидосского аристократа Хеви и Небет, которая, возможно, была царевной (Kees, 1940, 42)⁶. Все это — из области предположений. Процесс, о котором упоминает Уни, датируется 42-м годом царствования Пепи I (Goedicke, 1954), когда тому было никак не меньше 50; можно задаться вопросом, сколько же лет было Меренра, когда скончался его отец, и сколько — Пепи II Неферкара в то же самое время.

Благодаря Уни мы видим, что в эпоху Древнего царства в Египте, скорее всего, не было постоянной армии; тем не менее, этот факт оспаривается (Faulkner, 1953, 32–33). Военные походы подготавливались, если так можно сказать, от случая к случаю с помощью контингентов, набранных со всего Египта, к которым прибавлялись наемники, которые шли в армию, разумеется, как добровольно, так и принудительно, со всей Нубии между I и II порогами, а может быть, и дальше.

Сведения, которые дал нам Уни, косвенно подтверждаются большой наскальной надписью из Вади Магара на Синае (Gardiner-Peet-Černý, 1955, Inscr. 16, p. 62–63), датированной 18-й переписью, 4-м месяцем *Шему* (лето), то есть 36–37-м годом царствования. Пепи I представлен там дважды: слева он убивает ударом булавы колено-преклоненного азиата (*Менту*); справа, увенчанный красной короной Нижнего Египта, властитель исполняет один из ритуальных пробегов праздника хеб-сед (см. выше рис. 42). Это подтверждает и сопровождающий сцену текст: «Первый раз (проведения) праздника сед». Эта церемония, состоявшаяся на 36-м году царствования, засвидетельствована и множеством других памятников, прежде всего надписями из Вади Хаммамат (Hornung, Staehelin, 1974, 23–24).

Тексты с Синая, как и тексты из Вади Хаммамат, говорят нам, что вооруженные экспедиции в карьеры и рудники возглавлялись военными предводителями, *mr mšꜥ/ мер-меша*, что обычно переводят, как «генерал» (Gardiner, *AEO*, I, 25). Следовательно, даже если Египет при Пепи I и не располагал настоящей профессиональной армией, там, по крайней мере, были военные специалисты, хотя этот титул «генерала» и сопровождает достаточно часто титул «начальника работ» (Strudwick, 1985, 222 и сл.); поэтому довольно трудно отличить в текстах военные операции от тех, потребность в которых была вызвана работами по дроблению, вывозу и транспортировке блоков из карьеров до реки.

Названный в синайской надписи праздник хеб-сед упомянут также пять раз в Вади Хаммамат и в Хатнубе. Представляется, что в рудниках и карьерах по случаю такого праздника разворачивалась какая-то экстраординарная деятельность, которую ничто не мешает сопоставить с изготовлением бронзовой статуи Пепи I в натуральную величину.

⁶ Тем не менее, Г. Фишер (H. Fischer, 1976, 75) не считает, что Небет была царского происхождения.

ну — самой большой и самой древней из египетских металлических статуй, которые до нас дошли (Corteggiani, 1979, 73–75); статуя его сына Меренра, вероятно, была сделана в то же самое время, как указывает надпись на ее основании (Quibell, 1900, pl. XLIV). Для этих двух статуй требовалось большое количество меди, что и объясняет поход к синайским рудникам. К этой деятельности металлургов прибавилась работа каменотесов и резчиков по камню. Чтобы отпраздновать свой первый хеб-сед, Пепи также повелел изготовить многочисленные предметы из камня: статую из шифера, которая изображает его коленопреклоненным и совершающим приношение некоему божеству (Louvre, Vandier, 1958, 36, pl. VIII, № 3); голову в натуральную величину (Id., *ibid*, № 6) из зеленого шифера: она также напоминает о походах в Вади Хаммамат, откуда происходил этот камень (*бехен*). Алебастровая статуэтка (Brooklyn, W. S. Smith, 1958, pl. 55), которая представляет его сидящим в одеянии для праздника хеб-сед, происходит из карьера в Хатнубе, как и множество различных ваз; некоторые из них, больших и даже очень больших размеров, могли превышать в высоту полметра (см., помимо всего прочего, Jequier, 1934, 98–99; Hayes, 1953, 127). Некоторые из ваз были исполнены для праздника хеб-сед 36-го года, который, как кажется, обладал огромной важностью: его связывают со смертью Усеркара или с повторным завоеванием той части Египта, которую он контролировал (Goedicke, *LA*, VI, 901). Две из них были найдены в Балате, в мастабе правителя оазиса Дахла (Minault-Goût, 1981, 211–212 и pl. L).

Нередко особо подчеркивают развитие провинциальной администрации в ходе правления VI династии, прежде всего во время долгого царствования Пепи I. С точки зрения некоторых ученых, именно оно является первопричиной развала центральной власти в Мемфисе в начале I Переходного периода около 2150 года до н. э. Как бы то ни было, достаточно двух примеров, чтобы продемонстрировать реальность этой децентрализации: большое городское поселение Айн Асил и его некрополь в Кила эд-Даббе в Балате, в оазисе Дахла, и город эпохи Древнего царства в Элефантине на южной границе Египта и связанные с ним скальные гробницы в Куббет эль-Хава на западном берегу Нила.

Самым вероятным следствием такого развития провинций, несомненно, стал демографический рост, который шел рука об руку с распространением урбанизации (Butzer, 1976, 92). Следует, однако, сохранять осторожность в рассмотрении таких вопросов, поскольку источники, которые могли бы позволить оценить эти явления, очень редки и недостоверны. Тем не менее, в поддержку упомянутой гипотезы говорит большое число блоков с рельефами и надписями, которые происходят из построек и храмов, сооруженных или перестроенных по приказу Пепи I как в Дельте, так и в Среднем и Верхнем Египте; такие блоки найдены прежде всего в Танисе, Бубастисе, Гелиополе, Дендере, Абидосе, Коптосе, Арманте, Иераконполе (Ком эль-Ахмар), Эдфу, Элефантине (*LA*, IV, 927). Из-за постоянных перестроек, которые осуществляли сами египтяне в таких значимых поселениях, святилища, воздвигнутые Пепи I, исчезли вплоть до фундамента, так что, для того чтобы оценить талант архитекторов и ремесленников, которые работали на фараона, приходится, как и в отношении предыдущих царствований, опираться на заупокойные памятники.

Для своего погребального комплекса Пепи I выбрал в Саккара место напротив тех, где были построены комплексы Униса и Тети, но рядом с пирамидой Джедкара Исеси (PM, III, план XLI), как будто бы он искал покровительства своего великого

предка. Раскопки этого комплекса, начатые в 1966 году, все еще продолжались в 1992-м; до сих пор он известен лишь отчасти: среди прочего, долинный храм, восходящая дорога и рвы для ладей пока еще не открыты. Нашу относительную неосведомленность компенсирует та слава, которую обрело имя самой пирамиды, которая именовалась «Пе́пи крепок и прекрасен», в египетском написании *Меннефер-Пепи*. Отдельно название *Меннефер* очень быстро стало обозначать расположенную совсем рядом столицу Египта; греками оно передавалось, как *Мемфис* (Gardiner, *AEО*, II, 122*): так название пирамиды Пепи стало одним из самых известных имен в египтологии.

Пирамида, построенная на границе скалистого плато Саккара, господствует над долиной и деревней Мит-Рахине, которая стоит на месте древнего Мемфиса. Сама пирамида — маленькая, тех же размеров, что и пирамида Тети, находится не в лучшем состоянии, чем эта последняя (Lauer, 1988, 224). Внутренние камеры и коридоры были покрыты религиозными текстами в рельефе и краске, как и в пирамидах Униси и Тети.

Как и все пирамиды в Саккара, пирамида Пепи I была разграблена еще в древности. На полу, перед оскверненным и разбитым саркофагом, емкость для канопа из красного гранита хранила алебастровые вазы. Все они исчезли, кроме одной, которая лежала на земле, разбитая на мелкие куски, но содержимое ее каким-то чудом сохранилось. Итак, мумия фараона пропала, однако до нас дошла часть его внутренностей, завернутых в пелены из тонкого льна (Lauer, 1988, 96 и 98).

Рядом с пирамидой, в той же ограде, была воздвигнута небольшая пирамида-спутница, или ритуальная пирамида, и пирамиды по меньшей мере двух цариц⁷ (Id., *ibid.*, и *Or.*, 58, 363–364). Верхний храм, сооруженный вдоль восточной стороны пирамиды, имеет почти тот же план, что и у его предшественников (Leclant, *ASAE*, LXVIII, 55–59 и fig. 1). Храм был построен из известняка, и его близость к долине лишь облегчила его разрушение обжигальщиками извести, которые устраивали свои печи в его кладовых. Были обнаружены лишь фрагменты храмовых рельефов. Среди остатков, брошенных в руинах, были и обломки многочисленных статуй пленников — около 80 (Lauer-Leclant, 1969; Leclant, *Or.*, 55, 258). Статуи в половину натуральной величины изображали коленопреклоненных людей со связанными за спиной руками; тела все одинаковы, но головы — разные, с разными чертами лица и деталями прически. Статуи такого типа начали появляться еще при V династии; несколько было найдено в верхнем храме Тети (Lauer-Leclant, *l.c.*, 60); они показывали, что фараону покорилась вся населенная людьми Вселенная, и они изображают как самих египтян, так и чужестранцев, взятых в плен фараоновской армией. Такими средствами стремились сделать бессильными потенциальных врагов государя, подобно тому, как имена писались на статуэтках или табличках, которые затем зарывали, сопровождая исполнением колдовских ритуалов (ср. последнюю работу на эту тему: Posener, 1984).

Среди фрагментов барельефов верхнего храма можно видеть остатки сцен, изображавших ритуальное истребление пленников фараоном. Эти сцены, которые некоторым образом дополняли роль, отведенную статуям, всегда сопровождалась кратки-

⁷ Третья пирамида носит имя царицы, неизвестной по другим источникам: *Нуб-унет*; она охарактеризована просто как «жена царя». Притолока двери часовни упоминает «первый» праздник хеб-сед Пепи I.

ми рассказами о военных кампаниях, состоявшихся в течение данного царствования. Текст Уни, со своей стороны, упоминает о походах в Восточную пустыню: головы пленников, — настоящая портретная галерея — наряду с головами нубийцев, судя по всему, свидетельствуют о том, что Пепи I также вмешивался в дела Юга, а может быть, и Запада, хотя ливийский сюжет в его изображениях менее явственен.

Если судить по числу и качеству дошедших до нас памятников, царствование Пепи I было долгим и блистательным. Правление его сына Меренра оказалось кратким, но зато оно хорошо документировано.

Хор Анххау, царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра («Возлюбленный Ра») носил коронационное имя *Антизмсаф* «Анти (бог-сокол) — его защита». Это имя, которое мы иногда находим в царских списках или на памятниках, у Манефона передается как *Метусуфис* (Waddell, 1964, 52); Манефон говорит, что он царствовал семь лет.

Имя Меренра пропало в лакуне Туринского папируса, и то место, где должно находиться число лет, которое можно относить к этому царствованию, повреждено; судя по всему, речь шла о 44 годах (Kitchen, 1979, 831, стк. 15).

Меренра должен был быть сыном первой супруги Пепи I (Goedicke, 1955) — той самой, которую судил Уни и имя которой мы не знаем (см. выше, на с. 303 и прим. 4). Несомненно, чтобы не писать и, таким образом, не увековечивать имя осужденной, рождение Меренра относили на счет одной из двух Анхесенмерира, на которых Пепи I женился после процесса. В ту пору Меренра был подростком, как показывает бронзовая статуя в музее Каира, и после смерти отца ему должно было быть больше 30.

На золотом ювелирном изделии можно прочесть объединенные картуши Пепи I и Меренра (Drioton, 1957); это говорит о том, что Меренра был соправителем своего отца и объясняет расхождение между семью годами царствования в манефоновских источниках и 44 в Туринском папирусе; согласно обычаю, засвидетельствованному позднее, этот последний, видимо, исчислял годы царствования с *начала* совместного правления, в то время как Манефон считал лишь годы *единоличного* царствования Меренра.

Год «после пятой переписи», то есть 10/11-й год царствования — самая поздняя известная дата Меренра. Она говорит о визите царя в Элефантину «24 числа второго месяца Шему (лето), когда там были закончены все приготовления, дабы поразить чужеземных правителей» (*MDAIK*, 32, 79). К югу от порога другая надпись того же года, но 28 *шему*, то есть четыре дня спустя, уточняет, что в ходе этих самых «приготовлений» царь самолично принял выражения покорности вождей стран «Меджа, Ирчет и Уауат» (*Urk.*, I, 110), которые составляли большую часть, если не всю Нижнюю Нубию между I и II порогом⁸.

В основном считается, что эта нубийская «кампания» была подготовлена Уни (Breasted, *AR*, § 316, p. 345), которого Меренра назначил правителем всего Верхнего Египта, начиная с современного Атфиха в 75 километрах к югу от Каира на восточном берегу Нила вплоть до быстрин I порога. В автобиографической надписи в его гробнице в Абидосе (см. выше, на с. 302 и далее) Уни рассказывает:

⁸ Локализация этих трех «стран», размер и местоположение которых могли быть разными в течение веков, является спорной (см. карты в E. Edel, 1955, 59, fig. 2 и T. Säve-Söderberg, 1941, 16, fig. 1).

«Его величество послал меня в Ибхат⁹ доставить саркофаг вместе с крышкой и пирамидин, предназначенные для пирамиды “Меренра сияет красотой”¹⁰. (Затем) Его величество посылал меня в Элефантину доставить гранитную ложную дверь, гранитный жертвенник для той же пирамиды. Я вернулся на север с шестью грузовыми, тремя транспортными и тремя другими судами и лишь одним военным кораблем. Никто никогда не посещал Ибхат и Элефантину с одним военным кораблем» (Id., AR, § 321–322).

После этой миссии на Юг Уни был послан в Хатнуб, дабы привезти оттуда мону-ментальный жертвенник из алебастра, опять-таки для царской пирамиды. Это заняло у него только 17 дней; по этому случаю он велел построить баржу из акации в 60 локтей длины и 30 ширины (около 30 × 15 метров) (*ibid.*, § 323). Уни продолжает свой рассказ:

«Его величество послал меня прорыть пять каналов на Юге и построить три грузовых и три (парусных) судна из акации в Уауате. Правители Ирчета, Уауата, Иама и Меджа поставили дерево, и я выполнил (свою миссию) всего за один год. Корабли были спущены на воду и нагружены большими блоками гранита. Я закончил и (рытье) пяти каналов» (ibid., § 324).

Из текста Уни как будто следует, что между двумя наиболее важными событиями царствования Меренра: нубийской кампанией, с одной стороны, которая окончилась подчинением Египту Нижней Нубии и, с другой стороны, постройкой на юге Саккара самим Меренра его пирамиды «Меренра сияет красотой» — существовала какая-то связь. Большое количество красного гранита было необходимо уже для облицовки пирамиды Хефрена; то же самое можно сказать и о заупокойном храме Униса (см. с. 309 выше). Дело в том, что в Асуане гранитные карьеры были расположены очень близко к границе страны Уауат, а диоритовые карьеры и карьеры черного гранита находились, скорее всего, на территории Меджа или Сату. Таким образом, для Египта было необходимо или быть в мире с этими странами, или контролировать их, чтобы иметь возможность добывать камни, а также импортировать скот, дерево, слоновую кость, эбен, а также некоторые драгоценные камни, которых в Египте не было или было недостаточно (Säve-Söderberg, *SJE*, 4.1, p. 2). Недвусмысленные свидетельства показывают, что связи между Нубией и Египтом к концу V династии ухудшились: разработка диоритовых карьеров к северо-западу от Абу-Симбела, судя по всему, прекратилась после правления Джеккара Исеси (*ASAE*, 33, 70), а Нефериркара Какаи, видимо, был последним фараоном, который контактировал с египетской торговой факторией в Бухене на II пороге (*Kush*, XI, 116).

Ни Тети, ни Пепи I, судя по всему, не интересовались Нубией (Zibelius-Chen, 1988, *passim*): нубийские наемники из армии Пепи I, видимо, были мирным образом набраны Уни (см. с. 303 выше) или же на самом деле они уже обитали в Египте задолго до

⁹ Каменные карьеры, расположенные в нубийской пустыне между I и II порогами (Zibelius-Chen, 1988, 80 и п. 93); они должны были быть достаточно близко к Икену/Миргиссе (S. Sauneron, *Kush*, 7, 66–67), а именно к диоритовым карьерам Хефрена близ Абу-Симбела.

¹⁰ Речь идет о пирамиде самого Меренра, *PM*, III, 425.

того, как вступить в армию; такое предположение можно сделать на основании декрета из Дахшура 42/43 года царствования Пепи I (Goedicke, 1961). Нубийская кампания, связанная с работами Уни на I пороге для подготовки к постройке пирамиды Меренра, отмечает начало активной политики в Африке.

Пирамида Меренра близка к пирамиде его отца, чуть западнее пирамиды Джедкара Исеси. Она все еще недостаточно исследована, хотя и была первой из тех, что посетили ученые. Мариетт был убежден, что пирамиды никогда не содержат в себе надписи и что пирамида Пепи I, в которой они были, на самом деле является мастабой. В 1880 году он решил открыть пирамиду, которая «достаточно хорошо сохранилась, чтобы не было никаких сомнений касательно ее первоначальной формы и назначения» (Maspero, *RT*, IX, 177). Выбор Мариетта пал на пирамиду № 8 в списке Перринга и Виза (*PM*, III, 425): она была в лучшем состоянии, чем гробница Пепи I. Археолог был уже слишком болен, чтобы лично участвовать в раскопках, и доверил Бругшу-паше задачу войти внутрь памятника, и за несколько дней до кончины в январе 1881 года он узнал из уст своего друга, что в этой пирамиде есть надписи; Мариетт обманулся — «мастаба» Пепи I все-таки действительно была пирамидой¹¹.

Пирамиду Меренра тут же закрыли и снова открыли в 1882-м. Она, как и все пирамиды Саккара и Гизы, была разграблена — главным образом в Средневековье, поскольку Масперо нашел там арабские лампы VII и XII веков, и потом снова в XIX веке обитателями деревни Саккара, которая была совсем рядом; они нашли там алебастровые вазы с картушем Меренра (*RT*, IX, 178). Камеры и коридоры представляли собой невообразимый хаос; искатели сокровищ пробили все стены в надежде найти тайные камеры. С 1971 французская археологическая миссия в Саккара старается восстановить внутренность пирамиды и поставить на место «Тексты пирамид», которые покрывали все стены (Lauer, 1988b, fig. 39–41, p. 224).

Другие элементы заупокойного комплекса Меренра еще осталось раскопать. Верхний храм, судя по всему, в очень плохом состоянии, и его декоративное оформление не было закончено (Lauer, 1988b, 101); тем не менее, часовня с приношениями с северной стороны пирамиды была достроена; это заставляет предполагать, что ансамбль погребального комплекса был завершен на момент смерти фараона. В 1835 году Виз видел дорогу, которая шла к долинному храму; он заметил, что угол, образованный

¹¹ Во время раскопок 1880 года мумия царя все еще была рядом с саркофагом. Она была бегло описана Масперо в его «Путеводителе для посетителей музея Булак» (*Guide des visiteurs au musée de Boulaq. Boulaq, 1884, № 5250, p. 347–348*). Длина мумии составляла 1,66 метра и, если верить Масперо, умерший носил «косичку подростка». Рисунок, сделанный в 1887 году по фото Бругша и воспроизведенный Масперо в его «Древней истории народов классического Востока» (*Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. I, Paris, 1895, 435–436*) показывает голову мумии в хорошем состоянии и что на левой стороне брюшины есть разрез, через который брюшная полость была набита тканью. В 1975-м д-р Бюкай (Bucaille) смог сфотографировать мумию (*Les momies de pharaons et la médecine, Paris, 1987, 23–32, 46–47 и fig. 1*), однако она уже успела сильно разложиться, поэтому сделать рентген было невозможно. Таким образом, возраст Меренра на момент смерти остался неизвестным. Его лицо (на рисунке 1887 года) говорит о близком родстве с Пепи I (на его медной статуе); единственное, что точно известно — рост (1,66 метра) и черты лица, которые не являются детскими. Наконец, Масперо ошибся, посчитав один из локонов волос фараона за детскую косичку. Ее, кроме того, носили справа, а не слева (*LA*, III, 273), как можно видеть на рисунке и на фото, упомянутых выше.

этой дорогой по отношению к храму, сделали не прямым, чтобы обойти заупокойный комплекс Джеккара (Vandier, 1954, 133). Где именно был расположен долинный храм — еще предстоит открыть. Итак, можно ожидать в будущем много раскопок заупокойного храма и его окрестностей, которые позволят пролить свет на загадочную историю Меренра.

Хор Нечерхау, «царь Верхнего и Нижнего Египта», Неферкара, «сын Ра» Пепи¹², был очень молод, когда он наследовал своему единокровному брату Меренра: наследование обеспечили его мать, Анхесенмерира II и дядя с материнской стороны, Джау. Это и есть наш Пепи II, Фиопс Манефона. Манефон уточняет, что он «начал царствовать в возрасте шести лет и продолжал царствовать до своего сотого года» (Waddell, 1964, 53). Судя по всему, это подтверждает и Туринский папирус (хотя имя фараона частично затронута лакуной), отводя ему более 90 лет царствования (Kitchen, *KRI*, II, 831, стк. 16). Тем не менее, если принять чтение цифры 32 (перепись), найденной на граффити в его заупокойном храме (Goedicke, 1988, 114), наиболее поздней даты, известной нам по памятникам, его царствование не должно было превышать 64 лет. Несмотря на согласие Туринского папируса и манефоновских источников, нельзя исключать и возможности, что Пепи II умер немногое время спустя после 64 года своего отца (Id., *ibid.*) и по меньшей мере 70-летним.

Уже довольно давно считалось (см. из последних работ N. Grimal, 1988, 101), что брак Пепи I около 44 года царствования с двумя сестрами абидосского аристократа Джау был «браком по расчету», который доказывал мощь провинций и их управителей; женись на дочерях Хеви, сделав их брата визирем, Пепи I якобы мог таким образом быть уверен в верности Тинитского нома и города Абидоса, где все больше и больше укоренялся культ Осириса. Приписывая фараону III тысячелетия до н. э. такие соображения из области высокой политики, исследователи не опираются ни на один текст того времени; ничто не позволяет предполагать, что к 2300 году до н. э. или около того монархическая власть стала слабее прежнего. Высшие провинциальные чиновники той эпохи оставили нам многочисленные тексты, которые говорят об абсолютной власти мемфисского фараона. Самый знаменитый из этих чиновников — Хирхуф, «Хор — его защитник».

Важный администратор Верхнего Египта, Хирхуф был погребен в Асуане в одной из скальных гробниц Куббет эль-Хава, которые, располагаясь на большой высоте, господствуют над рекой и ее скалами (PM, V, 237). Биографический текст, высеченный на фасаде его гробницы, рассказывает по большей части о различных миссиях, которые он осуществлял на Юге в качестве *jmj-r ʿ3w/имир аау*, «начальника чужеземных отрядов» (Goedicke, 1960); этот титул также переводили как «глава переводчиков» или «начальник каравана».

Хирхуф, видимо, попал на службу к фараону совсем молодым, в конце царствования Тети. В начале правления Меренра он сопровождал своего отца Ири в отдаленную

¹² На памятниках за *титолом* царя Верхнего и Нижнего Египта (*несут-бити*) следует как имя «Пепи» так и «Неферкара» без каких-либо различий, обрамленное картушем (*LdR*, I, 169–175); тем не менее, имя *несут-бити* или коронационное имя царя было скорее Неферкара, а Пепи — имя «сына Ра», как свидетельствует частый вариант «Сын Ра — Пепи», вписанный в картуш (Id., *ibid.*).

страну Иам, на нубийскую территорию, самую удаленную от Египта (см. карту XVI). Он провел там семь месяцев (Breasted, *AR*, § 333, p. 152) и привез «все виды редких и прекрасных вещей», пока Меренра не послал его заново, на этот раз в качестве главы экспедиции. Выйдя из Элефантины, он пошел по дороге, параллельной долине и пересек всю Нубию, различные области которой он перечисляет, чтобы достичь страны Иам, где он пребывал некоторое время перед тем, как отправиться обратно в Египет. Экспедиция продолжалась восемь месяцев, и, как утверждает Хирхуф, «никогда придворный или начальник чужеземных отрядов, который отправлялся в Иам, не сделал так много». Это побудило фараона послать своего исследователя в третий раз на далекий Юг. Эта новая экспедиция сильно отличалась от двух предыдущих, и ее описание стоит привести полностью (Id., *ibid.*, § 335–336, p. 153–154; A. Roccati, 1982, 205–206):

«Его величество послал меня в страну Иам в третий раз. Я вышел из...¹³ и пошел по оазисной дороге. Я встретил правителя страны Иам, когда он направлялся в страну Темех (Ливию), чтобы уничтожить страну Темех (...). Я последовал за ним и успокоил его».

Уладив этот дипломатический инцидент, Хирхуф продолжил свой путь до самого Иама, где оставался некоторое время. Потом его рассказ продолжается:

«Я спустился (в Египет) с 300 ослами, нагруженными ладаном, эбеновым деревом, маслом-хекену, зерном-сат, шкурами пантер, слоновыми бивнями, бумерангами и всякой другой доброй поклажей (из этой страны). Когда правитель Ирчета, Зату и Уауата увидел, насколько силен отряд из Иама, который сопровождал меня, а также солдат, идущих со мной (из Египта), он поспешил дать мне быков и мелкий скот и лично проводил меня через пустыню Ирчета».

Прибыв, наконец, на берег Нила, Хирхуф нашел ладью, «нагруженную пальмовым вином, печением, хлебом, пивом», которую послал ему навстречу двор.

Рассказ о путешествии продолжается: он высечен в другой части гробницы в Асуане в виде официального письма, которое якобы было адресовано Хирхуфу из Мемфиса. Если не считать вместе с Брэстедом (*AR*, § 350, p. 159), что он осуществил четвертую миссию в страну Иам, следует предполагать, что это письмо является ответом на доклад, который он должен был адресовать двору после своего прибытия в Долину. Очевидно, Хирхуф повелел высечь точную копию царского послания, которое он получил и которое выглядит следующим образом:

¹³ Ном, из которого Хирхуф вышел из долины Нила, чтобы углубиться в пустыню по «дороге оазиса», обозначен непонятным иероглифом. Вслед за Эделем в основном считают, что речь идет о Тинитском номе (E. Edel; *Festschrift Grapow*, 62–63), где расположен город Абидос. П. Монте (*Geographie de l'Égypte ancienne*, II, 93) и Ж. Йойотт (*BIFAO*, 174) думали о VII номе Верхнего Египта, где почиталась богиня Бат (Fischer, *JARCE*, 1, 7–23). Принимая во внимание, что Хирхуф должен был пройти через оазис Дахла, а не через Харге (Dixon, *JEA*, 44, 44), нельзя исключать и более северной точки отправления, как, например, XIII ном со столицей в Асьюте (Vercoutter, 1982, 287).

«Личная печать царя. Год 2-й, третий месяц ахет, день 15-й. Царь (nsw) единственному другу, начальнику отрядов чужеземцев Хирхуфу. „Нам¹⁴ известно содержание твоего письма, направленного тобой во дворец, в котором ты сообщаешь, что ты вернулся живым и здоровым из страны Иам со своим войском и что ты принес всякие великие и прекрасные вещи для... царя Верхнего и Нижнего Египта Неферкара, да будет он жить вечно. Еще ты сказал в своем письме, что ты привез из страны жителей горизонта пигмея¹⁵, подобного тому, что был доставлен казначеем бога Урбаджедедом из Пунта во времена царя Исеси. Ты сказал его величеству, что, вернувшись из страны Иам, еще никогда никто не привозил ничего подобного“».

После комплиментов по поводу того, что он совершил, и обещаний больших наград, Неферкара Пепи продолжает:

«Немедленно направляйся ко двору и привози с собой этого пигмея (...). Когда он войдет с тобой на корабль, приставь к нему испытанных охранников, чтобы быть уверенным, что он не упадет в воду. Ночью, когда он будет спать, выбери надежных людей, чтобы они спали в каюте возле него; проверяй по десять раз за ночь, что все в порядке. Мое величество хочет видеть этого пигмея больше, чем все чудеса страны Пунт (...)» (Urk., I, 120–131).

По всему, что можно понять на его основании, рассказ о походах Хирхуфа на юг и юго-запад от Египта несомненно является самым важным документом по истории Египта и юга долины Нила при VI династии.

Царское письмо датировано вторым годом после первой двухгодичной переписи этого царствования. Согласно Манефону, который говорит, что фараону было шесть лет во время его вступления на престол, Пепи II, следовательно, было десять лет в то время, когда он послал это письмо, и не без причины думают, что в самом его тоне можно увидеть «живую радость ребенка, которому сделали подарок» (W. S. Smith, 1971, 145). Образ Африки в описании Хирхуфа, можно, таким образом, отнести к 2300 г. до н. э. поюс-минус несколько десятков лет.

Если сравнить это представление с тем, что дает там археология, мы видим, что нильская Африка по сравнению с тем, что было еще при V династии, около 2500 года, переживала бурное развитие.

Существенным фактом этой эволюции было появление в долине Нила новой власти, которую можно называть *империей Кермы*, хотя мы и не знаем, образовывала ли она политическое единство под властью одного правителя, или же она скорее состояла из мелких группировок, по большей части кочевников одной и той же культуры, которые были рассеяны по всей долине между II и IV порогами. Эти «княжества» — поскольку они, видимо, управлялись «князьями» (по-египетски *ḥk3/хека*) — могли иметь или не иметь политических связей между собой.

¹⁴ Вместо «мое величество».

¹⁵ Относительно перевода слова *dng* как «пигмей» см.: Dawson, *JEA*, 24, 185–189 и Vercoutter, *Meroitica*, 5, 20.

Эпонимное поселение Керма, в котором господствуют два массивных здания из необожженного кирпича — *дефффы*, — было осмотрено и зарисовано Ф. Кайо и Линаном де Белльфоном в 1821 году и исследовано Дж. Э. Райзнером с 1913 по 1916 год (*HAS*, 5–6); раскопки были возобновлены с 1973 года Ш. Боннэ из Женевского университета (*Genava*, XXVI, 1978 и сл.). Площадь Кермы составляет примерно 15 квадратных километров, и это одно из крупнейших поселений африканского континента. Древнейшие следы человеческой деятельности, открытые на данный момент, датируются концом IV тысячелетия до н. э.; следовательно, они современны началу архаической эпохи в Египте и концу Группы-А в Нубии (Nordström, *SJE*, 3.1, 29–31).

Египетские походы архаической эпохи, прежде всего третьего тинитского фараона Джера, судя по всему, повлекли за собой исчезновение Группы-А в Нижней Нубии (Trigger, 1976, 46). Заманчиво сопоставить это исчезновение с появлением в то же время новых жителей в Керме: обитатели Нижней Нубии, изгнанные египетскими войсками, могли отправиться на Север и найти себе убежище в области III порога, особенно подходящей для поселения людей. Таким образом, как предполагал У. Ю. Адамс (*SNR*, XLVIII, 9), культуры группы С и культура Кермы близко связаны между собой (B. Gratien, 1978, 307 сл.) и могут быть прямыми наследниками культуры Группы-А: племена группы С обосновались между I и II порогами (Trigger, *ibid.*, 49–60), в то время как население Кермы поселилось в большой зоне, расположенной между II и IV порогами (см. карту XV).

Походы на юг от I порога, которые проводили «начальники чужеземных отрядов» Пепи II, подтверждают эту гипотезу. Так, в своей автобиографии, высеченной на фасаде его гробницы в Куббет эль-Хава, близ гробницы Хирхуфа (*PM*, V, 297), Пепинахт, «начальник войска, канцлер и “друг единственный” царя», прозванный Хекаиб, вспоминает:

«Его величество отправил его, чтобы разрушить страну Уауат и Ирчет (...) и он уничтожил там большое число детей князя и лучших военачальников. Он доставил оттуда большое число пленников в столицу. Он также решительно командовал могучим и доблестным войском» (Urk., I, 133).

Каким бы эффективным ни был этот поход, его оказалось недостаточно, чтобы установить мир в Нубии, ибо Пепи II был вынужден послать туда Пепинахта для новой кампании, в ходе которой два князя Уауата и Ирчета, их дети и главные военные вожди, а также крупный и мелкий рогатый скот, захваченный тогда же, были взяты в плен и приведены в Мемфис.

Из других надписей в Асуане можно понять, с какими трудностями столкнулся Пепи II на Юге, в тот самый момент, когда развитие Египта требовало импорта африканской продукции. В самой большой из скальных гробниц Куббет эль-Хава — двойной гробницы Сабни и его отца Меху (*PM*, V, 231–232) сильно поврежденный текст позволяет нам догадаться, что князь, канцлер и единственный друг царя Меху умер на Юге в ходе экспедиции, которой командовал. Узнав о кончине отца, Сабни, его старший сын, тут же набрал войско в своих владениях, запаса «сотней ослов, нагруженных благовонными мазями, медом, тканями и маслом», чтобы делать подарки в нубийских землях, куда он отправился, не преминув послать письмо ко Двору, чтобы уведомить,

что он двинулся в путь за телом своего отца, дабы привезти его из стран Уауат и Утет (*Urk.*, I, 136)¹⁶.

Сабни, который добавил к титулам своего отца титул «доверенного лица царя во главе Юга»¹⁷, продолжает свое повествование, рассказав, что он погрузил тело своего отца на осла и повелел сделать гроб, чтобы перевезти его. Хотя текст иногда остается темным, судя по всему, Сабни, помимо тела своего отца, смог привезти с собой те вещи, за которыми тот был послан в Нубию, прежде всего бивень слона длиной в 3 локтя (около 1,6 метра) и шкуру льва в 5 локтей (чуть более 2,5 метра). Далее описывается погребение, в котором принял участие двор, прислав в Мемфис бальзамировщиков, жрецов, которые хорошо знали ритуал, плакальщиц, а также приношения и погребальный инвентарь. Кроме того, в награду как за сыновнее благочестие, так и за его деятельность в Нубии, Пепи II назначил Сабни заупокойным жрецом своей пирамиды в Саккара; с этой должностью был связан доход с 44 арур (более 12 гектаров) земель, расположенных в Верхнем и Нижнем Египте (*Urk.*, I, 138–140; Roccati, 1982, 216 и сл.).

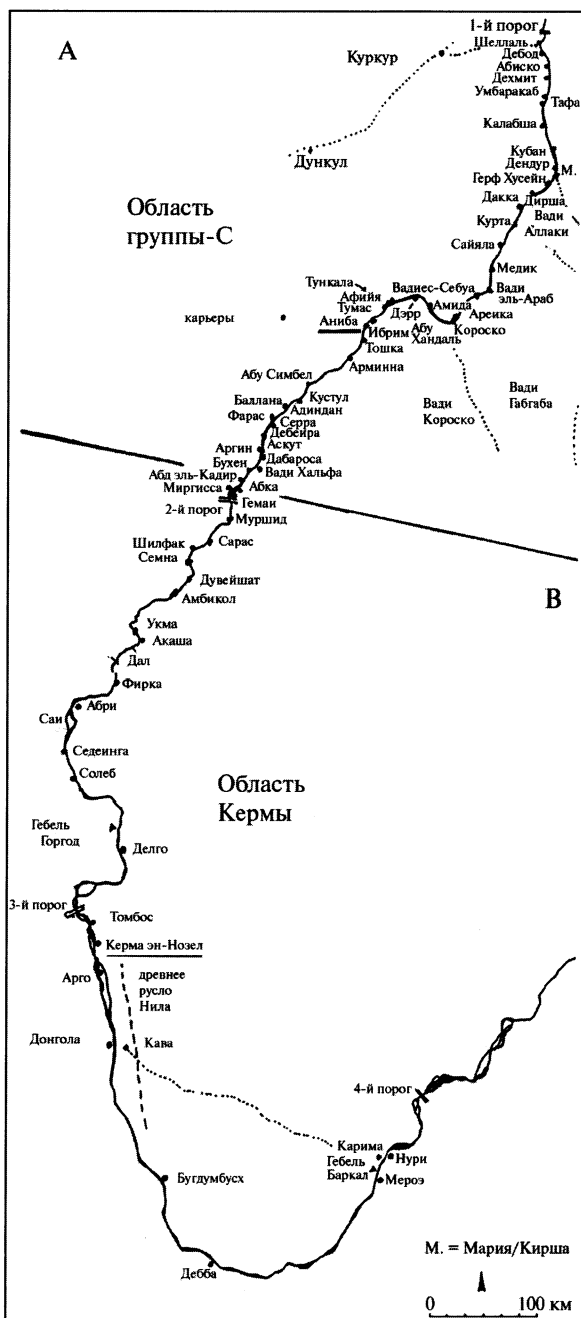
Другие тексты также упоминают о военной деятельности египтян в Нижней Нубии в царствование Пепи II¹⁸. Итак, очевидно, что обитатели этого региона априори были настроены к Египту недоброжелательно, если не враждебно. Это вполне объяснимо в рамках гипотезы, по которой это население было потомками нубийцев Группы-А, которые вернулись в страну своих предков, после того как их изгнали походы фараонов I династии и после того как фараоны IV династии преследовали их в их убежищах (см. выше, с. 258). Другими словами, если эти люди принадлежали к Райзнеровской *группе С*, то они должны были снова занять Нубию в конце Древнего царства (Trigger, 1976, 49), а не в начале Среднего, как долгое время считали. Такая гипотеза вполне оправдывает, с одной стороны, множество походов, предпринятых, чтобы подчинить — выражаясь военным языком, «усмирить» (*shṭp/cxomen*) — многочисленное и воинственное население, при этом не оккупируя страну постоянно; с другой стороны — то, что Хирхуфу в его третьем путешествии в Иам пришлось сделать крюк, чтобы обойти опасные земли Уауата и Ирчета; и, наконец, то, что при возвращении его силы были развернуты, чтобы вернуться в Египет целыми и невредимыми со своим драгоценным грузом.

Трудно понять то, что следовало бы называть «политикой» фараонов по отношению к Африке в конце III тысячелетия до н. э., если не вспомнить о двух фактах, впрочем, отчасти связанных между собой: с одной стороны, снижение относительной влажности субплювиального неолитического климата (см. табл. I) и, с другой стороны, существенный рост потребности Египта в африканских продуктах.

¹⁶ То есть в Нижней Нубии к северу от II порога. О местоположении Уауата и Утхета см.: E. Edel, 1959, 59 и 70.

¹⁷ Область Египта, расположенная между Абидосом на севере и Элефантиной на Юге (*DNG*, VI, 56; *AEO*, 47).

¹⁸ Большая часть этих текстов происходят из Асуана, который, судя по всему, был обычной базой для отправления египетских походов в Нубию (Roccati, 1982, 198–199); тем не менее, некоторые происходят и из других провинций (*Id.*, *ibid.*, 227). Среди этих документов есть подлинное письмо на папирусе военачальника, командовавшего нубийскими наемниками, который обвиняет в краже Сабни, сына Меху! (Smither, *JEA*, 28, 16–19). Граффиты в самой Нубии свидетельствуют о реальности египетских походов в ту эпоху (Roccati, *l.c.*, 267–268).

Карта XV. Населенные пункты Нубии.
 А. Нижняя Нубия. В. Верхняя Нубия.
 По В. Gratiен, 1990.

Снижение влажности должно было иметь своим следствием приближение кочевников или полукочевников к Долине: до этого они жили в восточной и западной степях; именно это повлекло новое заселение Нижней Нубии населением группы С, а в Египте, скорее всего, вызвало значительный демографический подъем.

С другой стороны, VI династию считают периодом упадка художественной культуры Египта: этот упадок отчетливо проявится в I Переходный период. Однако царствование Пепи I в этом отношении ничем не уступало IV и V династиям, а Неферкара Пепи II также было плодотворно. Царские мастерские в Мемфисе превосходили в своей деятельности мастерские провинций. Сооружение фараонами VI династии обширных погребальных комплексов и храмов, как в Абидосе, требовало для своей постройки большого количества камня и дерева. То же самое происходило и в провинции, где речь шла только об устройстве скальных гробниц и некрополей, располагавшихся в Гелиополе, Седменте, Ком эль-Ахмаре, Кусейр эль-Амарне, Дейр эль-Гебрави, Даре — в Нижнем и Среднем Египте; в Дендере, Каср в'ас-Сайяде, Иераконполе, Эдфу, Асуане в Верхнем Египте¹⁹; не забудем и об оазисах, таких как Дахла.

К необходимости добычи строительных материалов добавлялись потребности в нужных или просто полезных товарах, которые могла дать Египту одна Африка: курения и некоторые ароматы, черное дерево и слоновая кость, шкуры пантер — для костюма заупокойного жреца во время обряда отверзания уст, — драгоценные или полудрагоценные камни... перечислять можно долго (Zibelius-Chen, 1988, 71–114). Интерес, который питал Египет Пепи II к Африке, таким образом, понятен: необходимо было либо освобождать торговые пути, которые удерживали нубийцы из группы С, либо найти другие. Фараоны Среднего и Нового царства действовали точно так же. С этой точки зрения путешествия Хирхуфа — показательный пример в том отношении, как там подчеркиваются связи со страной Иам, которая была целью трех экспедиций.

Много спорили о том, где же находилась эта страна (LÄ, III, 242), которая, наряду с Пунтом, оставалась самой южной точкой Африки, достигнутой фараонами, даже в эпоху Нового царства, если предположить, что она — это же самое, что страна Ирем, которая станет объектом военных кампаний фараонов XVIII и XIX династий (Vercoutter, 1980). Вполне возможно, что начиная с VI династии столицей Иама была Керма²⁰. Тогда в египетской или нубийской Западной пустыне Хирхуф встретил князя именно этого города. Как бы то ни было, точно известно, что Иам находился к югу от III порога и что туда можно было попасть либо по Нилу, либо по тропам в Восточной пустыне (см. карту XVI).

Именно в этом регионе были расположены большие долины, сейчас пустынные, которые вели к Дарфуру (Вади эль-Ховар), в Кордофан (Вади эль-Милк) и к Центральной Африке (через Вади Мукаддам и тропы пустыни Баюды). Любого, кто контролировал их, становился хозяином торговли с тропической или экваториальной Африкой и их продуктами. Неудивительно, что Пепи II искал дружбы князя этой страны и что фараоны Нового царства не знали отдыха, пока не завоевали этот регион.

¹⁹ О всех этих местах см.: *PM*, IV и V, *passim*.

²⁰ Эта возможность основывается на отождествлениях: Иам (Древнее царство) = Ирем (Новое царство) = Керма (наше время), предложенных Призе (Priese, *AoF*, 1, 7–41). Даже если тогда Керма не была столицей Иама, египтяне поддерживали связи с этой городской агломерацией, как доказывают надписи, оставленные в походе двумя египетскими офицерами (Valbelle, 1990, 95).

Тем не менее Иам не был единственной страной в Африке, откуда Египет при VI династии мог импортировать необходимые ему экзотические продукты. По меньшей мере начиная с царствования Сахура экспедиции отправлялись в дальнюю страну Пунт, дабы запастись драгоценными товарами, прежде всего миррой и ладаном (то, что по-английски называется *frankincense*) — ароматными смолами, собранными с деревьев (Zibelius-Chen, 1988, 96–97), которые не росли в египетской Долине: их можно было найти лишь в более жарких областях Африки или Азии. Значительное количество этих смол было необходимо для повседневного культа богов, как и для заупокойного культа. Изображения в храме Хатшепсут в Дейр эль-Бахри показывают, какое изобилие этих продуктов могла привезти лишь одна экспедиция.

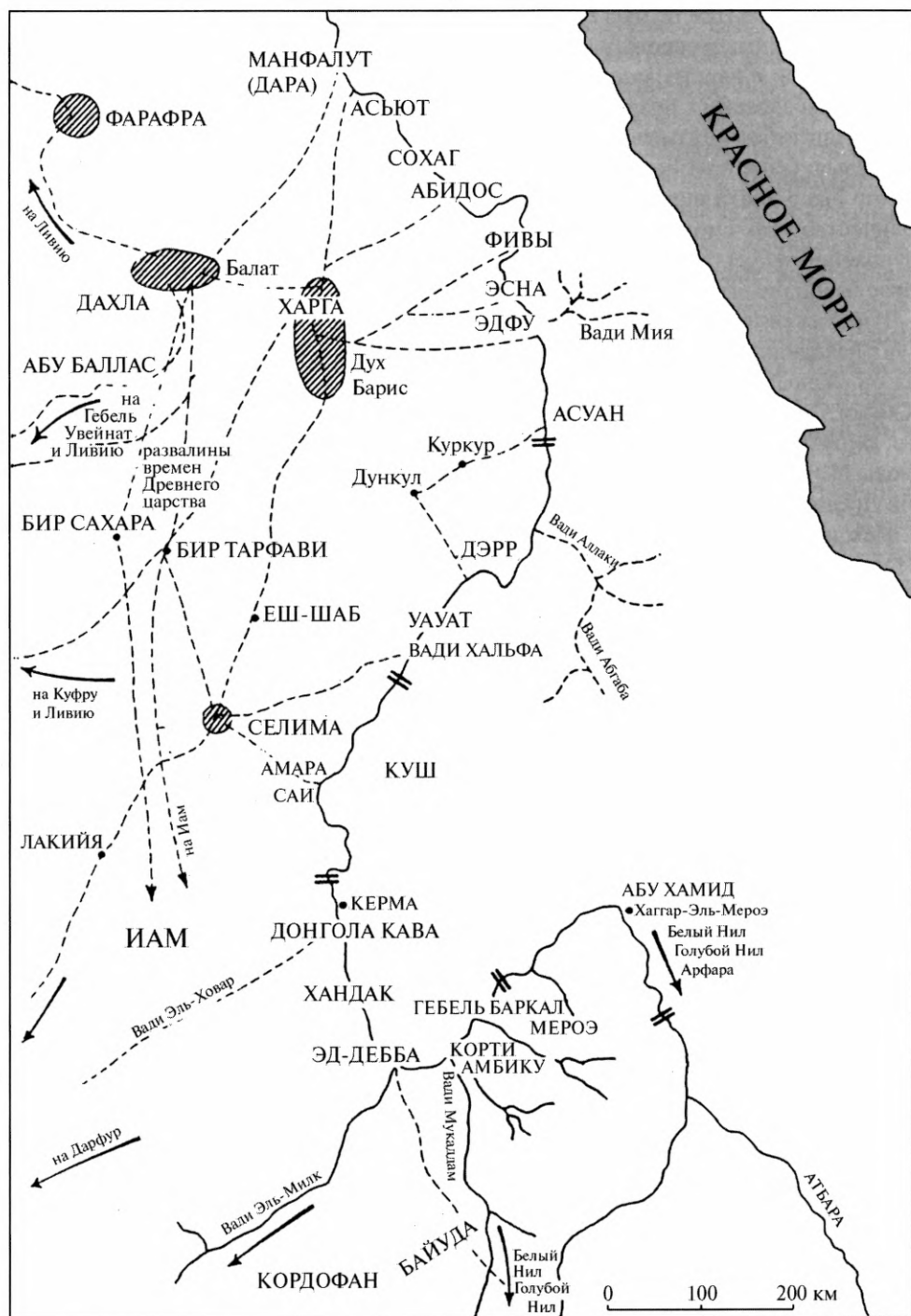
Изображения фауны (жирафы, бабуины) и флоры (пальма дум) доказывают, что Пунт находился в Африке, а не в Аравии, как когда-то считалось. Тексты уточняют, что он располагался на северной границе эфиопского массива, в современном Судане (Kitchen, *LA*, VI, 1198–1201). Хотя туда можно было попасть по долинам Нила и Атбары (см. карту XVI ниже), было проще поплыть туда по морю: прежде всего всю эту массу смолы было удобнее перевозить по морю, а не на ослах. Точно известно, что экспедиции Древнего царства шли морским путем.

Наконец, следует заметить, что страна Иам, что находилась вблизи страны Пунт и также была производителем ладана, могла служить посредником между Египтом и Пунтом. Несомненно, что там Хирхуф мог добыть пигмея, доставка которого заслужила ему благосклонность Пепи II.

Поиски строительных материалов — камня и прежде всего дерева — не ограничивались долиной Нила к югу от I порога. Эмиссары Пепи II были также весьма активны и на востоке, прежде всего в Ливане. Хвойные деревья Ливана — кедры, сосны, пихты, можжевельники (*juniperus*) служили в Египте для постройки ладей, для возведения несущих конструкций гражданских и религиозных построек и высоких столбов, что воздвигали у входа в храм или же для саркофагов. Как и с Пунтом, и по тем же причинам, эта торговля с Палестиной происходила по морю, в то время как менее тяжелые товары шли по наземной дороге через Суэцкий перешеек.

В связях Египта с Востоком в эпоху Древнего царства, несомненно, преобладающую роль играл Библ — как благодаря своей близости к ливанскому лесу, так и связи с Осирисом (G. Griffith, 1966, 17–19). Под плитами храма в городе были найдены дары всех великих фараонов IV и V династий: Хеопса, Хефрена, Микерина, Сахура, Нефериркара, Джедкара Исеси, Униса (*LA*, I, 889). Дары властителей VI династии — Тети, Пепи I, Меренра и прежде всего — Неферкара Пепи II превосходили по численности приношения предыдущих династий, прежде всего по количеству алебастровых ваз. Некоторые имели форму мартышки, прижимающей к груди своего детеныша (Hayes, 1953, 129): они похожи на те, что были найдены в Балате, в оазисе Дахла. На одной из них присутствует картуш Неферкара. Эти вазы содержали благовонные мази, прежде всего ладановое масло (Valloggia, *MIFAO*, CIV, 147 и сл.). Таким образом, можно сопоставить их с другими алебастровыми вазами Библа, самой простой формы, типичной для конца Древнего царства и очень часто встречающейся в погребальном инвентаре VI династии в Саккара, Даре, Эдфу, а также в Балате в гробницах частных лиц или правителей оазиса (Valloggia, *ibid.*, pl. 69 и 83).

Эти вазы — то, что осталось от одного из основных средств обмена египтян в III тысячелетии до н. э. Своим содержанием — благовонные мази и масла — они напоми-

Карта XVI. Сухопутные маршруты египтян в Африке
По Vercoutter, MIFAO, 104, 167.

нают о тексте Сабни, который привез те же самые продукты, чтобы выкупить у нубийцев тело своего отца. Их форма и содержимое делали их очень стойкими и подходящими для перевозки.

Работа алебастровых карьеров (кальцит, *АЕМ*, 59) Хатнуба объясняет численность этих ваз, которая находится в прямой связи с добычей больших блоков, активно использовавшихся архитекторами Древнего царства. «Обрезки» служили фактически для изготовления статуэток, ваз и других небольших предметов. Уже Уни было поручено перевезти большой алтарь для пирамиды Меренра; в царствование Неферкара Пепи II добыча стала более интенсивной: некий Хевит «за один раз» добыл 300 блоков; потребовалось 1600 человек, чтобы совершить это достижение, которое было вскоре превзойдено рекордом Хнуманха по прозвищу Анхи, который отправил 2000 блоков за одну экспедицию (*Anthes, Unt.*, 9, graffiti 6, 7).

Другие надписи подтверждают деятельность карьеров в Хатнубе на протяжении всего долгого царствования Пепи II, и скульпторы активно пользовались добытым там алебастром, если судить по двум статуэткам, одна из которых хранится в музее Бруклина: она показывает фараона ребенком, сидящим на коленях у своей матери Анхесенмерира (*Engelbrecht, 1986, 58; Vandier, 1958, 38–39*), другая — в Каирском музее (*Id.*, *ibid.* и pl. IX. 2): она изображает его обнаженным и стоящим на коленях — поза для фараона исключительная.

Часто считается, что при Пепи II искусство начало увядать, приходило в упадок. Может быть, следует задаться вопросом, не происходит ли это впечатление от недостаточности раскопок на юге Саккара, где раскинулся погребальный комплекс Пепи II (*РМ*, III, 425–431) и современный ему некрополь — хотя царский комплекс известен лучше всех остальных комплексов этой династии благодаря раскопкам Жекье с 1932 по 1936 год. Более того, пирамида и ее сопровождающие постройки сильно пострадали от грабежей и разрушений, так что собранные там памятники гораздо менее многочисленны, чем можно было бы надеяться (*Jéquier, 1936–1938*); с другой стороны, некрополь, который покрывает множество гектаров, раскопан лишь отчасти (*Jéquier, 1940, 102*). На этом месте предстоит еще масса работы, как и вокруг пирамиды Пепи I (*Leclant, BSFE, 113, 1988, 24*).

Заупокойный комплекс Пепи II содержит не одну, а целых пять пирамид: рядом с царской пирамидой и пирамидой-спутницей были построены три пирамиды цариц (см. рис. 50). Когда Г. Жекье начал раскрывать центральную пирамиду, от нее осталась лишь «горка, покрытая песком и гравием без вершины, без ребер и без граней». Жекье ограничился тем, что расчистил восточную сторону; однако этого оказалось достаточно, чтобы обнаружить, что основа монумента была собрана из ступеней мелкой кладки (*Jéquier, 1940, fig. 10*). Как и во всех пирамидах, начиная с Униса, стены подземной части были покрыты высеченными в камне и раскрашенными заупокойными текстами. Там содержались как вариации, так и новые по отношению к предыдущим текстам формулы. Саркофаг из красного, очень темного гранита, содержал титулы фараона; он был пуст, от мумии не нашли ничего.

К востоку от пирамиды очень большой заупокойный храм содержал две части: одну, сокровенную, внутри ограды, и другую, снаружи, главным элементом которой был широкий двор, окруженный портиком с крышей, которую поддерживали кварцитовые колонны на гранитных базах. Были предусмотрены многочисленные склады для мате-

риалов, изобильные запасы для отправления повседневного культа и для содержания жрецов. Ни одна из статуй царя, перед которыми совершались службы, не была найдена среди фрагментов примерно сотни статуй пленников со связанными за спиной руками. Некоторые из этих последних могут быть восстановлены (Jéquier, 1940, 64, fig. 80), однако невозможно выяснить, где именно в храме они были расположены.

Все стены святилища были украшены барельефами: несколько сохранившихся фрагментов позволяют оценить великолепие стиля (Id., *ibid.*). В сокровенной части заупокойного храма находился «зал приношений» — длинное прямоугольное помещение, настоящее место культа, где большая ложная дверь была встроена в стену, расположенную по длине восточной стены пирамиды. Она была украшена сценами, изображавшими царствование государя: родственники, придворные, высшие чиновники, все обозначенные по именам, приносят царю бесчисленные дары. К несчастью, все эти сцены находятся в плачевном состоянии; сохранились они только благодаря терпению Жекье, который восстанавливал их кусочек за кусочком (Jéquier, 1936–1938).

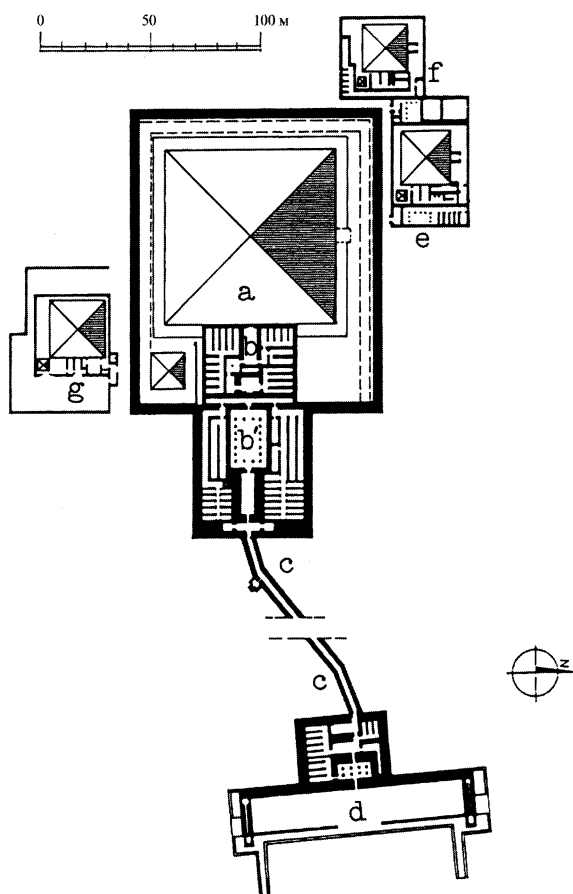

Рис. 50. Заупокойный комплекс Пепи II и пирамид его цариц:

1. Пирамида Пепи II. 2. Верхний храм. 3. Дорога. 4. Долинный храм. 5. Пирамида Нейт.
6. Пирамида Ипут. 7. Пирамида Уджебтени (по Stadelmann, 1985).

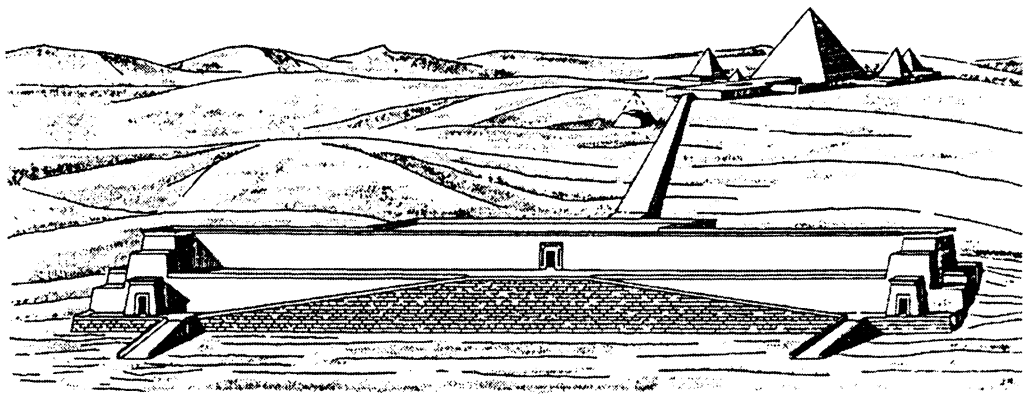

Рис. 51. Реконструкция долинного храма царя Неферкара Пепи II (по Stadelmann, 1985).

Долинный храм, очень большой, причем скорее в ширину, чем в длину (см. рис. 51) — единственный храм VI династии, план которого удалось восстановить. На востоке, у того места, где вниз, к бассейну, куда прибывали ладьи, спускались два пандуса, большой прямоугольный зал (см. план на рис. 50) был украшен барельефами; лишь немногие сохранившиеся фрагменты позволяют различить там сцены охоты, рыболовства и истребления пленников.

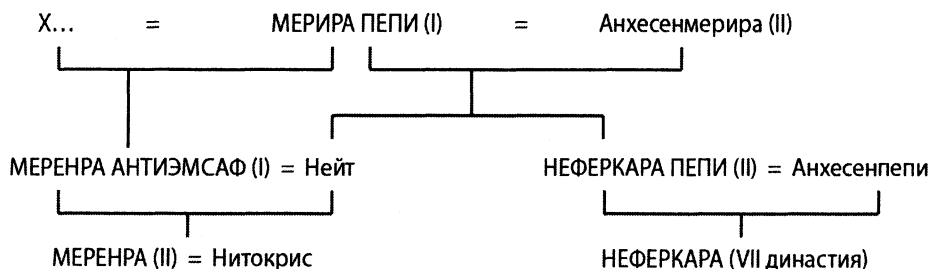
Обряды очищения, связанные с мумией, проходили в маленьком зале с колоннами, скорее широком, чем уходящим в глубину: он расположен в восточной части собственно храма. Зал выходил на восходящую дорогу длиной около 500 метров, которая, сделав несколько изгибов, заканчивалась у верхнего храма. Огороженная стенами толщиной в 2 метра, дорога была покрыта и облицована плитами известняка. Внутри ее стены должны были быть украшены барельефами, как и на дороге Униса, но здесь даже терпения и ума Жекье оказалось недостаточно, чтобы найти хоть малейшие их следы; лишь «две параллельных насыпи, слегка выступавшие из земли и присыпанные белой пылью от разбитого известняка, шли по песку на склоне холма» (Jéquier, 1940, 72).

Пирамиды цариц Нейт, Ипут и Уджебтени были разрушены, как и пирамида их супруга. Кажется, что тогда имела место некая эволюция в концепции пирамид царских супругов, прежде всего относительно их размеров, которые значительно превышают то, что было у предыдущих царей и затем — в их расположении, значительно более близком к заупокойному комплексу мужа. Между ними лишь одна разница: у пирамид цариц нет долинного храма, нет, следовательно, и восходящей дороги. Зато теперь у них есть один заупокойный храм, аналогичный верхнему храму, и прежде всего — внутренние покои, покрытые религиозными текстами, похожими на тексты в пирамиде фараона, как если бы царицам было дозволено разделить посмертную небесную участь своего супруга подле бога Ра. Наконец, как и царь, они получили не только ритуальную пирамиду, но даже свои ладьи — хотя они были лишь моделями (Jéquier, 1940, 80). Следует ли видеть в этих переменах знак некой эволюции в положении царицы — дочери, супруги, матери царя — той эволюции, которая с политической точки зрения выразилась в том, что лишь несколько лет спустя после смерти Неферкара Пепи власть взяла Нитокрис?

Из трех «женских» пирамид царствования Пепи II пирамида Нейт наиболее значительна. Дочь Пепи I и Анхесенмери II, Нейт вышла замуж сначала за своего сводного брата Меренра (I) и потом за его брата Пепи II, который был младше ее (см. табл. XVII); таким образом, она была одновременно «дочерью царя», то есть Пепи I, дважды «супругой царя» (Меренра I и Пепи II) и, наконец, «матерью царя», ибо от нее появился на свет Меренра II.

Таблица XVII

Генеалогия последних правителей VI династии

Несмотря на волнения, которыми ознаменовался конец VI династии, заупокойный культ Нейт продолжался в связи с культом ее матери Анхесенмери. Надпись в пирамиде фактически воспроизводит указ, изданный неким фараоном (его имя, к несчастью, повреждено), который даровал освобождение от налогов жрецам и всему персоналу, связанному с отправлением заупокойного культа двух цариц в этой пирамиде. Если этот фараон, чье имя разрушено, не является одним из недолговечных наследников Пепи II (Goedicke, AA, 14, 158), он может принадлежать к VII / VIII династии (Jéquier, ASAE, 31, 38–39).

Заупокойный комплекс Уджебтени, третьей царицы Пепи II, весьма близок к Мастабат Фараун Шепсескафа и похож на комплексы Нейт и Ипут; он также разрушен. В пирамиде известняковые блоки, образовывавшие погребальную камеру, тоже, что само по себе уникально, содержали надписи, однако они были извлечены грабителями и разбиты; исключением стал лишь один-единственный блок, на котором остались только фрагменты «Текстов пирамид», покрывавших все четыре стены помещения (Jéquier, 1928, 5). Эти тексты были начертаны черными чернилами; несомненно, у резчиков не было времени работать как следует из-за внезапной смерти принцессы. Из наружной части комплекса сохранились только косяки врат, перемычка с именем и титулами царицы, а также большой жертвенник из алебаstra, к которому можно было подойти по четырем узким каменным ступенькам (Id., *ibid.*, pl. XIII). Большая ложная дверь, которая стояла за жертвенником, была разбита в то же самое время, что и стена, куда она была встроена; несколько найденных там фрагментов показывают, что она была сделана из белого известняка и покрашена в красный цвет, чтобы имитировать гранит.

Раскопки погребального комплекса Уджебтени оказались бы еще более разочаровывающими, чем в других пирамидах царствования Пепи II, если бы Жекье не обнаружил в ней остатков указа Пепи II, несомненно, предназначенного для того, чтобы обеспечить постоянный заупокойный культ царицы (Goedicke, *ÄA*, 14, 159); один из фрагментов надписи содержит четкую дату «год после 33 (переписи)»; это последний известный нам год царствования Пепи II²¹; таким образом, его возраст на момент смерти должен был составлять минимум 72 года.

Продолжая исследовать с 1924 по 1935 год «мастабу Фараона», а потом заупокойные комплексы Пепи II и его цариц, Жекье также раскопал, по крайней мере частично, окружающий их обширный некрополь, где были погребены современники фараона (Jéquier, 1929 и *ASAE*, 35, 132–159). Здесь гробницы были совершенно отличны от захоронений в других частях мемфисского некрополя: не было индивидуальных каменных мастаб с часовнями, украшенными рельефами со сценами из повседневной жизни. Вместо них появились коллективные гробницы в форме больших мастаб из обожженного кирпича, невысоких, где были похоронено некое, иногда довольно значительное, число людей одного социального ранга. Рядом с ними находились также большие семейные захоронения, где вокруг гробницы персоны высокого ранга были объединены гробницы его жены, родичей и слуг.

Для обозначения этих гробниц нового типа Жекье сохранил название «гробницы с печами», которое дал им Масперо в 1880 году из-за свода, который был воздвигнут над склепом и делал их похожими на печь булочника. Этот тип гробниц характерен не только для Саккара: его можно найти и в Среднем Египте, прежде всего в Даре (Vercoutter, *CdE*, 27, 98–111).

В момент их открытия эти коллективные гробницы, как казалось, стали доказательством радикальных перемен в египетских погребальных обычаях, свидетельством настоящей революции, которую нельзя было объяснить никаким религиозным или политическим кризисом (Jéquier, 1929, 2). Речь идет скорее не о революции, а об эволюции, которая, начиная с Саккара, распространилась на весь Египет; однако этот процесс не был однородным, поскольку при Пепи II скальные гробницы Среднего и Верхнего Египта остались индивидуальными, с традиционным оформлением, в то время как в Саккара только в подземном склепе, выложенном каменными плитами, есть рисованные изображения погребального инвентаря и списки бесчисленных приношений продуктов, которые должны были обеспечить умершему обильное питание в загробном мире (Jéquier, 1929, pl. 5 и 6).

В оазисах эволюция, судя по всему, шла по несколько другому пути: большие гробницы правителей в Балате стали снаружи выглядеть, как мастабы архаической эпохи в виде «фасада дворца», и сохранили часовню, украшенную обычными живописными сценами: печение хлебов, охота и т. п. (Vercoutter, *BIFAO*, 77, pl. 43, 45; Valloggia, 1986, pl. 34–41).

²¹ Следовательно, Пепи II мог прожить по меньшей мере на два года больше, чем думает Гедике (*SAK*, 15, 1988, 115); он должен был умереть самое раннее на 66-м году своего правления, а не на 64-м.

Перемены во внутреннем расположении и внешнем виде погребений являются единственным признаком эволюции во время приблизительно 70 лет правления Неферкара-Пепи. Гораздо более важные перемены затронули администрацию, и прежде всего провинциальную.

В египтологии нет более неблагодарных исследований, чем те, что касаются администрации. Чтобы заниматься ими с пользой, следует располагать *аутентичными* документами в юридическом смысле этого слова, то есть оригиналами принятых решений или перепиской, которой обменивались высшие функционеры и администраторы, или же опять-таки бухгалтерскими документами, составленными в ходе финансового отчета по какой-либо провинции или службе — такой, как «двойные зернохранилища Верхнего» или «Нижнего Египта», которые были заняты хранением и распределением всей продукции в стране. А такие документы писали на папирусе, дорогостоящем и хрупком материале: они исчезли или были снова использованы после смыыва (*LÄ*, IV, 667–670); следовательно, они исключительно редки.

При отсутствии достойных доверия документов остается удовлетвориться анализом титулов, которые носили различные администраторы. Здесь мы сталкиваемся с двойным затруднением: как отличить среди этих титулов «почетные», которые не соответствуют никакой реальной службе, от тех, которые обозначают фактическую деятельность (*LÄ*, I, 672–675; Baer, 1960)? С другой стороны, как отличить сферу ответственности носителей титула в области, о которой идет речь и в территориальном отношении, и как понять, какими средствами они располагали, чтобы осуществлять свою власть?

Сознавая хрупкость аутентичных документов, сами египтяне время от времени заботились о том, чтобы высекал их на камне, и, так сказать, «афишировать» там, где эти распоряжения проводились в жизнь. Благодаря этому обычаю до нас дошел целый ряд аутентичных документов (Goedicke, 1967 и 1970).

Среди этих документов на камне около десятка датируются царствованием Пепи II. Такое относительное изобилие — для VI династии известно еще только три указа (Goedicke, 1967, 81–162) — несомненно, связано с продолжительностью царствования этого монарха, но оно также говорит и о нестабильности и даже об упадке центральной власти: ее авторитет ставился под вопрос или был неэффективен. Такое ослабление мемфисских монархов долго приписывали тому, что Пепи II, видимо, должен был выжить из ума, раз уж он умер в возрасте около ста лет. При этом вполне возможно, что со временем вмешались и другие факторы, нередко вызванные ослаблением власти, которые усилили крутое падение царского авторитета после кончины Пепи II.

Власть в Египте основывалась, по меньшей мере, в принципе на божественном происхождении властителя: фараон происходил от Хора, додинастического бога Иераконполя и, начиная с V династии, он в то же время был и «сыном Ра», гелиопольского солнечного бога. Итак, фараон, по крайней мере, теоретически, обладал всей властью, и весь Египет был его личной собственностью, которой он мог располагать по своей воле. Даже если эта, весьма категоричная, концепция и должна была «уточняться, поскольку она не совсем отвечала тому, чем был правитель в глазах своих подданных» (Posener, 1960, 15–16 и *passim*), от этого фараон не переставал быть абсолютным монархом.

Египет управлялся централизованным правительством, которое находилось в столице; это всегда было нелегко из-за длины страны, вытянутой по всей длине Нила, и также из-за того, что она, с точки зрения производства продовольствия, зависела от ежегодного разлива реки (см. выше, гл. II и с. 50–53).

Поскольку невозможно было управлять такой протяженной страной, как Египет, фараон очень рано, может быть, еще с царствования Нармера²², стал назначать себе помощника, свое второе я, которому он делегировал свои полномочия. Этого персонажа, самого высокого чиновника двора, именуют титулом «визирь», заимствованным из администрации Османской империи. Вполне возможно, что сам титул по-египетски выглядел как *ḥ3tj/t3jtj z3b ḥ3tj чату/тауту-заб-чату*, и существовал еще в архаическую эпоху, поскольку мы находим его высеченным на вазах той эпохи, и некий Менка («Мой Ка постоянен»), носивший его, жил, видимо, при II династии; скорее всего, это самый древний из известных нам египетских визирей (САН, I, 2, 160); вторым был Нефермаат при Снофру.

Судя по всему, в начале Древнего царства визирь был персоной царской крови, и его выбирали из самых близких родичей фараона. Так, вероятнее всего, Нефермаат был сыном Хуни, и, следовательно, Снофру был его дядей; а Хемиуну, сын Нефермаата, в свою очередь, был одним из визирей Хеопса, который был его двоюродным дедом. Несомненно, именно в силу того, что он не был членом царской семьи, прославленный архитектор Имхотеп (см. с. 240–241, выше) не стал визирем Джосера, хотя при этом носил другие титулы, которые позднее сопровождали титул визира.

Пришлось ждать еще полтора тысячелетия, примерно до 1500 года до н. э., чтобы обнаружить египетский текст, который показывал бы роль визира в египетской администрации²³. Обязанности визира должны были претерпеть изменения в течение такого длительного периода, однако этот текст драгоценен, поскольку он объясняет смысл различных титулов, которые всегда в эпоху Древнего царства ассоциировались с титулом *ḥ3tj*. Самый важный из них, безусловно, «начальник всех царских работ» (*imy-r k3t nbt nt nswt*) (Strudwick, 1985, 217–250). Он давал визирю все полномочия, чтобы набирать необходимую рабочую силу для постройки заупокойных комплексов царя и цариц, и, кроме того, всех храмов в Египте; таким образом, он контролировал «барщину» от Асуана до Средиземноморья и руководил всеми царскими мастерскими ремесленников: изготовлением ваз, статуэток и инвентаря; предметов мебели, тканей и т. п., то есть, можно сказать, руководил всей промышленностью. Именно он организовывал экспедиции, посланные в пустыню или за границу за камнями, лесом и всеми прочими материалами, необходимыми для сооружения и поддержания в порядке царских построек.

Благодаря своему титулу «главы двойных зернохранилищ» (*imy-r šnwtj*) и «двойной сокровищницы», *imy-r prwy-ḥd* (Id., *ibid.*, 251–300), он имел необходимую власть, чтобы организовывать запасы и распределение всех продуктов в Египте — зерновых, скота и т. п. и при этом — во всех провинциях. Фактически, в каждой были свои двой-

²² Эта возможность основывается на присутствии на палетке Нармера группы знаков () (ср. рис. 24), которая может стоять у истоков титула *ḥ3tj* (Gardiner, *AEO*, I, 19*).

²³ См.: N. de Davies. The Tomb of Rekhmirê at Thebes. New York, I, 30–36 и 88–94.

ное зернохранилище и двойная сокровищница. Эта функция, таким образом, имела очень существенное значение: от ее носителя зависел разумный выбор провизии, которую надо было заготовить на случай голода или слишком слабого или катастрофически сильного разлива.

Имея титул «главы царских писцов» (*imy-r zš nswt*, Strudwick, 1985a), визирь также контролировал все винтики административного механизма (Kemp, 1989, 111–136)²⁴. Наконец, к этим многочисленным обязанностям следует добавить и те, что были связаны с его титулом «судьи (*z3b*)» «по привилегии»: таким образом, он являлся чем-то вроде министра юстиции, который должен был контролировать добросовестное исполнение судебной процедуры во всей стране (*DCE*, 146).

Итак, за исключением армии и религии, которые, судя по всему, оставались под властью одного фараона, вся администрация Египта была в руках визиря.

Обязанности визиря были настолько тяжелы, что один человек не смог бы взять их на себя в одиночку. Для царствования Снофру мы знаем лишь одного визиря; но, напротив, для остальной IV династии известны имена более десятка и более 20 — для V; для VI династии насчитывается более 30 визирей (Strudwick, 1985, table 28, 301–303). Неизвестно, как были распределены обязанности между ними: сообразно территориальным делениям? Или по «службам» — например, зернохранилище, сокровищница, крупные работы?

Визирь, связанные с двором, жили близ фараона, в Мемфисе, и, таким образом, были значительно удалены от номов, куда зачастую можно было попасть лишь после многих дней плавания по Нилу или похода через пустыню²⁵. То же самое, по крайней мере до конца V династии, можно сказать о высоких чиновниках, которые, согласно своим титулам, занимали места в провинциальной администрации как «правители нома» (*hk3 sp3t*), «вожди земли» (*sšm-t3*) или же «начальники поручений», *imy-r wrwt*²⁶ в том или ином номе. Эти высокие чиновники тоже жили в Мемфисе, например Нечераперепф, «начальник поручений» в 5-м, 6-м и 7-м номах Верхнего Египта при IV династии, или Мечен, который носил тот же титул в 6-м и 17-м номах Верхнего Египта и в нескольких — Нижнего (Fischer, *LÄ*, II, 409).

Вследствие этого авторитет центрального правительства в номах должен был обеспечиваться менее важными чиновниками, которые находились на местах, и их контролировали лишь время от времени, возможно, лишь раз в два года, по случаю всеобщей переписи.

Начиная с V династии проявляются признаки децентрализации: некоторые местные правители, *номархи*, которые проживали в своих провинциях, стали устраивать себе гробницы в некрополе своих столиц; так происходило в 9-м, 10-м, 15-м и 16-м номах Верхнего Египта (ср. карту XIV-B; Fischer, *LÄ*, 410).

²⁴ По меньшей мере теоретически, поскольку наряду с царской собственностью всегда существовала и мелкая частная собственность; она облагалась налогами натурой, которые взимал визирь (*LÄ*, I, 732–743).

²⁵ В Древнем царстве Египет располагал в качестве вьючных животных лишь ослами, которые движутся едва ли быстрее, чем люди; лошадь появится только в эпоху Нового царства, а верблюд — еще позднее.

²⁶ Ср.: Valloggia, 1976, 29–39 по поводу титула, и Fischer, *LÄ*, II, 408 и сл. — о его функции в номе. В Нижнем Египте провинциальные чиновники носили иные титулы: *ḡ-mr* «администратор» (?) и «правитель великого владения» (*hk3 ḥwt ʿ3t*) (*Id.*, *ibid.*).

Эта тенденция к децентрализации усиливается при VI династии, и появление новых титулов функционеров, как, например, «верховный правитель», за которым следует эмблема нома (*hrj-tp ꜥꜣ n ... имя нома*), показывает действительную эволюцию в провинциальной администрации: она, судя по всему, освобождается от опеки Мемфиса, хотя двор является официальным бюрократическим центром и продолжает посылать в провинции администраторов, подготовку и, вероятно, смену которых он обеспечивает. Эта эволюция, скорее всего, была связана с глубокими политическими или экономическими переменами.

Долгое время считалось, что трансформация власти, которая происходила при VI династии, была следствием политики ее фараонов, которые распределили значительную часть государственных владений среди частных лиц, среди которых были и номархи — эти щедрые раздачи осуществлялись ради нужд заупокойных культов. Те передавали права на владения старшему сыну, чтобы тот поддерживал культ отца, и они становились наследственными; мало-помалу сложилась земельная аристократия, более или менее независимая от центральной власти.

К обеднению царских владений за счет частных лиц прибавилось ослабление авторитета фараона, даровавшего храмам, которые строил, а также «припирамидным городам» заупокойных комплексов то, что называют «иммунитетными грамотами» (Moret, 1926, 235). Благодаря этим грамотам они могли не платить определенные налоги; царь запрещал своим собственным чиновникам вторгаться во владения этих храмов или городов. Так, в 42/43 году своего правления Пепи I указом дозволил городу при двух пирамидах Снофру (см. с. 252, выше) не поставлять людей для исполнения царских работ, запретил проходить по его землям царским «эmissарам»; разрешил не использовать его поля для обработки в пользу двора и не проводить перепись их имущества, полей, пастбищ и скота. Указ освобождал этот город от всех налогов вообще или от подати, наложенной центральной властью. Уже Тети издал подобный указ в пользу храма в Абидосе, а Пепи II сделал то же самое в пользу храма бога Мина в Коптосе.

К упадку центральной власти, вызванному дарами и налоговыми льготами, дарованными фараонами VI династии, видимо, прибавилась утрата авторитета, вызванная длительностью царствования Пепи II (Moret, 1926, 242–254; Pirenne, 1961, 289). Все вместе, эти различные причины могут объяснить внезапное падение мемфисской монархии, который произошел некоторое время спустя после смерти Пепи II, и появление провинциальных властителей, которые пытались встать на его место. Тем не менее, следует отдавать себе отчет, что этих элементов самих по себе было бы недостаточно, чтобы вызвать происшедшие тогда перемены, ибо в конце царствования Пепи II центральная власть была в силе и продолжала контролировать провинциальную администрацию (см. Kanawati, 1980, *passim*).

Среди причин, которые могли сыграть свою роль в переменах, произошедших в долине Нила начиная с 2150 года до н. э., бесспорно, значительную роль следует отвести климатическим условиям или, точнее, собственно перемене климата (B. Bell, 1971; J. Vercoutter, 1976). Снижение влажности неолитического субплювиала в сахарской степи стало причиной повторного заселения Нижней Нубии населением группы С и, сле-

довательно, повлияло на изменения во внешней политике Египта по отношению к Африке, прежде всего при Меренра и Пепи II.

В той мере, в какой Египет мог извлечь выгоду из одних только дождей, даже нерегулярных и не очень интенсивных, его экономика была, таким образом, в меньшей степени подчинена одному ежегодному разливу, когда его население было еще не очень многочисленным: тогда Египет пользовался потенциальными ресурсами орошаемой долины, к которым можно было прибавить значительные возможности окружающих долину степей. Не было пока необходимости прибегать к искусственному орошению, чтобы обеспечить рост производства продуктов.

Постепенное снижение влажности климата изменило условия жизни. Примерно к 2200 году до н. э. Египет стал полностью зависим от ежегодного разлива Нила. От экономики, где животноводство, сельское хозяйство и даже (все еще) охота и рыболовство уравнивали друг друга, Египет перешел к экономии или культуре пшеницы и ячменя, которая, благодаря ирригации, стала преобладающей. К двухгодичной переписи одного только скота добавилась уже ежегодная перепись сельскохозяйственной продукции (*LA*, I, 3012, *passim*).

Эта перемена в самой основе египетской экономики произошла в тот момент, когда мы наблюдаем — по той же самой причине — демографический толчок от пустыни к Долине; начиная с царствования Униса, кочевники и полукочевники сахарской степи стараются найти здесь убежище, и в декретах о налоговых льготах Пепи I появляются нубийцы, пришедшие с Юга (Goedicke, 1967, 60 и сл.). В бессознательном поиске решений проблем, которые ставило обеспечение потребностей растущего населения и исчезновение ресурсов, которые можно было извлечь из степи, провинция и ее администраторы заняли такое важное место, которого у них до сих пор не было.

Фактически, именно номархи могли осуществить рытье плотин и каналов, на которых основывалось искусственное орошение. Их политическое влияние могло быть разным в зависимости от площади культивируемых земель в их провинции, которая также могла быть различной от одного нома к другому. Владельцы «двойного зернохранилища» и «сокровищницы» нома (Kanawati, 1980, 130), приняв решение о том, чтобы отложить часть урожая в стратегический резерв, могли приобрести решающий вес в борьбе за власть, которая разгорелась с исчезновением VI династии.

VII и VIII династии

События, которые последовали за кончиной Пепи II, остаются для нас темными, поскольку источники не согласуются между собой. Согласно Манефону (Waddell, 1964, 55–57), «Фиопсу» (= Пепи II), умершему на сотом году жизни, наследовали Ментесуфис (то есть Меренра-Антизмсаф II) и затем Нитокрис; таким образом, VI династия пробыла у власти 203 года (см. таблицу XV).

Согласно Туринскому папирусу (по Китчену: *KRI*, II, 832), который следует за Ю. фон Бекератом (*JNES*, 21, 140–147), Нитокрис наследовали шесть фараонов, большая часть из них — на очень краткое время. Папирус приводит их имена и затем цифру — «181 год», потом, как и для Униса, он выводит общее число фараонов и продол-

жительность их царствования с Менеса до последнего упомянутого фараона — имя которого утрачено и который правил лишь один год.

Царский список из храма Сети I в Абидосе не упоминает о Нитокрис, но после Меренра-Антиэмсафа II (№ 37) и до фараонов Среднего царства (№ 51 и след.), он вводит 17 царских картушей. Подтверждено существование только трех из этих правителей: Ити и Имхотеп фигурируют в надписях в Вади Хаммамат, а третий, Иби, оставил пирамиду, которая была раскопана в 1930 году (Jéquier, 1935, *PM*, III, 425). Согласно Туринскому папирусу, Иби царствовал только два года, один месяц и один день, что объясняет, почему его пирамида, расположенная вблизи пирамиды Пепи II, осталась незаконченной. В ней находились «Тексты пирамид» и саркофаг, «колоссальный гранитный блок (...) составлявший неотъемлемую часть конструкции» (Jéquier, 1940, 97). Присутствие этого саркофага и его размеры говорят, что у Иби был свободный доступ к гранитным карьерам на I пороге и, следовательно, он царствовал над всем Египтом.

Наконец, манефовские источники, которые полагают, что VI династия закончилась с Нитокрис, ставят после нее VII, которая, согласно Африкану, насчитывала «70 царей Мемфиса, которые правили 70 дней», что более скромный Евсевий исправил на «пять царей Мемфиса, которые правили 75 дней»! Манефон, согласно Евсевию, после этой эфемерной VII династии ставит VIII, тоже мемфисскую, которая состоит из пяти царей, занимавших трон в течение 100 лет (Waddell, 1964, 57–69).

Итак, какому бы источнику мы ни следовали, фараонам VI династии наследовало большое число царей: по меньшей мере 17, согласно неполному Абидосскому списку, 24 — согласно Туринскому папирусу, от 32 до 93 — по разным версиям Манефона. Ведь, согласно хронологии истории Египта, которая кажется достойной доверия (W. C. Hayes, *САН*, I, 1, 179–181; J. Vandier, 162, 628–629), период между концом VI династии (около 2190 года до н. э.) и началом царствования Ментухотепа III (XI династия, около 2000 года до н. э.) не мог продолжаться больше 100 лет. Такое множество фараонов за столь непродолжительное время все-таки требует объяснения.

Период, который продолжался от конца Древнего царства с VI династией до начала правления царя XI династии Ментухотепа III, египтологи XIX века называли *Первым Переходным периодом* (сокращенно I ПП). Нередко подчеркивали неуместность этого выражения, поскольку оно предполагает в истории перерыв, которого сами египтяне никогда не чувствовали.

Причины, которые привели к исчезновению VI династии, остались темными. Манефон был, возможно, прав, когда считал, что царствование Нитокрис было последним. Невозможно узнать, основан ли на чем-то рассказ Геродота (II, 100) об убийстве Меренра и о самоубийстве Нитокрис. Даже если Пепи II умер и не в столетнем возрасте, как гласит традиция, он, тем не менее, царствовал очень долго. Ни один текст не упоминает о его наследниках (*LdR*, I, 169–176), и даже если у него и был наследник мужского пола, он мог умереть раньше, и это могло бы объяснить, что при кончине Пепи II власть перешла к сыну его старшей сестры Нейт и его единокровного брата Меренра I (см. табл. XVI). С другой стороны, до самого конца египетской истории дошла традиция, что Пепи II был гомосексуалистом (Posener, 1959); это могло бы быть еще одной причиной отсутствия у него наследников.

Как бы то ни было, Абидосский список, как и Туринский папирус, действительно показывают, что после Меренра и Нитокрис следовали друг за другом несколько фараонов, которых компиляторы фараоновской эпохи считали законными. Возможно, что шесть первых из этих царей образовывали VII династию — само существование которой ставилось под сомнение. Фактически, Туринский папирус не всегда указывает переход от одной династии к другой, как это делает Манефон; так, он без перерыва переходит от фараонов IV династии к V. Таким образом, ничто не мешает увидеть в фараонах, перечисленных в строках с 8-ю по 13-ю Туринского папируса (*KRI*, II, 832), царей VII династии, включавшей, согласно версии Манефона у Евсевия (Waddell, 1964, 57) пять фараонов. Краткость их царствований, о которой говорит папирус (там, где цифры не попали в лакуну), объясняет и «75 дней» царствования, которые им приписаны, хотя эта длительность, конечно, является уж слишком незначительной.

В исчезновении VI династии и конце I Переходного периода видели результат социальной революции, которая фигурирует в уникальном документе, истолковать который достаточно трудно. Этот длинный текст, получивший название «Речение Ипувера» начиная со своего первого издания и перевода (Gardiner, 1909), не оставляет никаких сомнений о характере произошедших в ту пору событий.

Некий мудрец по имени Ипувер обращается, как предполагают, лично к фараону. Он перемежает свой рассказ краткими, постоянно повторяющимися восклицаниями²⁷, чтобы ярче подчеркнуть его серьезность:

«Воистину, привратник говорит: “Пойдем и будем грабить”; прачка отказывается нести тюки (белья); жители Дельты вооружаются. (...) Воистину, люди пустыни все стали египтянами. Воистину, человек идет пахать со щитом. Воистину, зло повсюду. Воистину, грабеж повсюду и ворует все, что найдет. Воистину, полководье приходит, но никто не пашет, все говорят: “А что будет завтра?” Воистину, бедные стали богатыми. Тот, который не мог изготовить себе даже пары сандалий, теперь владеет сокровищами. Воистину, знать горюет, нищие радуются. Каждый город решает: “Уничтожим власть имуицих!” (...) Воистину, страна опустошена и варвары вторглись в Египет. (...) Воистину, золото, лазурит, серебро, бирюза, сердолик, аметист украшают шеи рабынь, а их господа вздыхают: “Ах, было б нам что поесть!”. Воистину, те, что были в ладье бога, теперь должны ее тянуть. Никто ныне не плавает в Библ; что нам делать с кедром для изготовления саркофагов для наших мумий? (...) Воистину, Элефантина, Тинис в Верхнем Египте больше не платят подати: зерно, уголь, фрукты — ничего этого нет. Зачем нужна казна, если она больше не пополняется? (...) Воистину, смех прекратился, ничего не слышно, кроме брани и жалоб по всей стране. (...) Воистину, большие и малые вздыхают: “Я хочу умереть”, а дети говорят: “Зачем мы появились на свет?”. (...) Воистину, дороги стали небезопасны, ибо в кустах прячутся люди, ожидая, когда пройдет путник. Они грабят его поклажу, нещадно тузят и убивают. (...) Воистину, ведомства разграблены, их списки уничтожены, а рабы обзавелись челядью. Воистину, писцы убиты, а их архивы расхищены. Воистину, кадастровые списки уничтожены,

²⁷ По-египетски *iw-ms*, буквально «ложь», отмечает вопрос в тоне рассказчика: «ложь ли это?» = «разве неправда, что...», откуда и наше *воистину* (ср.: Lefebvre, *Grammaire de l'égyptien classique*, 2e ed., Paris, 1940, 8, 336). Перефразируя и уточняя, мы следуем переводу Р. О. Фолкнера в *JEA*, 51, 1965, 53–62.

зерно Египта стало всеобщим достоянием. Воистину, свитки законов судебной палаты выброшены вон. Воистину, их топчут, а бедняки разбивают их на улицах».

Переведя дух, Ипувер меняет ритм, восклицания становятся короче, фразы — менее длинными:

«Смотрите: царь свергнут народом. Смотрите: тот, кто погребен как (божественный) сокол, лишен саркофага. То, что скрывала пирамида, теперь опустело. Смотрите: кучка нечестивцев лишила страну царской власти. Смотрите: люди восстали против урея (...). Смотрите: змея (=фараон) вытащена из своей норы. Тайны царей Верхнего и Нижнего Египта раскрыты. Смотрите: тот, который не мог сделать себе гроба, теперь стал владельцем гробницы. (...) Смотрите: чиновники страны изгнаны. Смотрите: благородные женщины одеты в лохмотья, вельможи трудятся (...). Смотрите: тот, кто не имел и лодки, стал теперь владельцем кораблей».

Ипувер долго развивает эту тему (не без повторов) и затем закликает своего государя:

«Уничтожайте врагов (царской) резиденции»,

то есть фараона и порядка, который он в себе воплощает. Потом Ипувер советует:

«Помни о воскурении фимиама (на алтаре) и возлиянии воды каждое утро. Помни о жевании натрона (для очищения) и поднесении белого хлеба. Помни о соблюдении всех правил».

Ипувер заключает свою речь так:

«Потому что хорошо, когда в натянутую сеть попадутся птицы²⁸. Хорошо, когда люди будут строить пирамиды, копать пруды и сажать деревья для богов».

Этот длинный текст (примерно 4 × 0,18 метра) был приобретен в 1828 году Лейденским музеем из старинной коллекции Анастази. Его небрежный почерк датирует текст XIX династией (около 1300 года до н. э.); но, судя по всему, это копия эпохи Рамессидов, воспроизводящая рукопись многими веками древнее, поскольку это язык Среднего царства (Gardiner, 1909, 2–3). Это объясняет многочисленные пропуски в тексте и ошибки писца: он плохо понимал текст, который копировал; понятно и то, как трудно египтологу интерпретировать такой испорченный документ.

Ученые исследовали проблему реальности изображенных в тексте событий и то, к какому времени их следует отнести. Тем не менее, очевидно, что там описывается «Первый Переходный период», а не второй (Posener, 1959, 9 и п. 7). В основном рассказ изображает первобытный «хаос», который фараону суждено взять под контроль и за-

²⁸ Эта фраза доказывает, что ловля птиц имела религиозное и ритуальное значение, как и охота в пустыне. Пустыня была владением бога Сета, врага Осириса, и животных, которые обитали там, надлежало убивать или ловить.

ставить уважать себя, самому при этом соблюдая *Maat* — Всеобщий порядок и Справедливость (*DCE*, 156). Не менее очевидно и то, что Ипувер сообщает о том, что происходило в жизни: о разрушении гробниц и архивов, о преследовании писцов и ремесленников, — то есть событиях, которые в корне отличны от «первобытного хаоса». Эти факты оставили на земле Египта свои следы, и исчезновение царских мастерских в Мемфисе стало причиной упадка искусства во время I Переходного периода.

Читая «Речения Ипувера» — уникальный текст в истории фараоновской цивилизации — можно задаться еще одним вопросом: происходили ли описанные там события во время или в конце краткой VII династии, падение которой они ускорили, или при VIII. Речь идет о разнице примерно в 30 лет, между 2190 и 2160 годами до н. э. — промежуток на лестнице тысячелетий египетской Истории, в общем, незаметный.

Были сформулированы две гипотезы с целью попытаться объяснить, как начался I Переходный период: одна основана на интерпретации самого текста «Речений» (*Spiegel*, 1950); другая — на теории спада разливов Нила, который имел климатическое происхождение и должен был вызвать повторявшиеся периоды голода (*Bell*, 1971).

Согласно первой гипотезе, беспорядки, описанные в Лейденском папирусе, были вызваны определенным лицом, которое в тексте обозначено различными прозвищами, среди которых наиболее частое — «Боязливый», по-египетски *snḏ-ḥr* (буквально «испуганный лицом»). Намеков на этот таинственный персонаж много.

Свирепствует резня, но «Боязливый» отказывается действовать (Adm., 5–7), или: «Слабый» успокаивает разгорячившихся (ibid., 9–9), или еще: «Боязливый» царствует над миллионом людей (ibid., 12–7).

Кем бы мог быть этот человек, ответственный за все беспорядки? Автор гипотезы думает, что это один из фараонов VIII династии, возможно, Джедкара, которого Абидосский список именует «Справедливым» (v. Beckerath, 1984, 186, № 5).

Эта гипотеза является одновременно дерзкой, умной и еще более привлекательной, поскольку ее автор, И. Шпигель, дополнил свою идею, задавшись вопросом, не была ли хорошо известная сказка — так называемый «Мизантроп», или «Беседа разочарованного со своей душой» (*Egman-Simpson*, 1966, 86), очень близкая по стилю к «Речениям Ипувера» — написана «Боязливым» собственной персоной перед тем, как покончить с собой. Было бы весьма соблазнительно увидеть здесь, первый раз в истории, сильную личность, которая вмешивается, чтобы изменить ее ход, но следует, конечно, признать, что такая возможность весьма призрачна.

В противоположность предыдущей, вторая гипотеза старается опираться на конкретные факты. Упомянув об исчезновении влажного климата, связанного с неолитическим субплювием, ее автор, Б. Белл (*AJA*, 75, 1–26), предположил, что отсутствию дождей соответствовало осязаемое понижение уровня разливов Нила; это понижение должно было регулярно вызвать голод. Эти голодные годы, в свою очередь, должны были вызвать социальные беспорядки, на которые обращает внимание или о которых сообщает Ипувер, и они должны были вызвать быструю смерть одного фараона за другим. Фараоны, несмотря на то что они являлись защитниками Всеобщего порядка (Маат), показали себя бессильными и не смогли заставить подняться воды прилива до достаточного уровня. Как еще недавно было с «повелителями дождя» (*rain-makers*)

в нилотской Африке, их неспособность становилась для них смертным приговором. Эта гипотеза объясняет и социальные беспорядки, и краткость, и большое число царствований (*ibid.*, 21–23).

И эта гипотеза весьма остроумна; тем не менее и она не выглядит убедительной. Связь между сухостью климата и недостаточностью разливов Нила — это априорное утверждение, которое не основано ни на каких наблюдениях; с другой стороны, иероглифические тексты, которые цитируются в ее поддержку, датируются уже более поздним временем, чем начало I Переходного периода и 2150 года до н. э.; и наконец, египтянам не нужно было казнить своего фараона, чтобы заставить воды реки подняться; для этой цели они располагали особым божественным ритуалом. Если, несмотря на исполнение этих обрядов, вода не поднималась, винили отнюдь не царя, а богов... или жрецов (Vercoutter, *CRIPEL*, 4, 139–172).

Итак, причины развала Древнего царства остаются неясными. Несомненно, они были различны: и перемена климата, и рост власти провинциальной аристократии наряду с наследственным характером этой власти, которые шли рука об руку с падением престижа последних мемфисских фараонов, — все сыграло свою роль. Тем не менее, один факт кажется очевидным: фараоны VIII династии, сколько бы их ни было, считались законными наследниками своих предшественников из VI и VII династий. Возможно, они действительно были их прямыми потомками по женской линии (Hayes, 1953, 136), то есть людьми царской крови, как можно предположить по имени Неферкара, которое они часто брали — по отдельности или в сопровождении какого-нибудь прилагательного (v. Beckerath, 1984, 186–187). Их столицей оставался Мемфис; и в этом они были достойными наследниками Хеопса и Хефрена, не обладая при этом ни их могуществом, ни, конечно, энергией.

Что касается VIII династии, то манефоновские источники, которые подтверждают, что столица оставалась в Мемфисе, противоречат друг другу как касательно числа фараонов, из которых она состояла, так и касательно времени, в течение которого династия была у власти. Африкан в передаче Синкелла приписывал VIII династии 27 фараонов, которые якобы правили 46 лет, но Евсевий, согласно тому же самому Синкеллу, отводил на нее только пять фараонов, которые оставались у власти в течение столетия, — это подтверждает и армянская версия Евсевия (Waddell, 1964, 59).

После шести фараонов VII династии Туринский папирус отмечает краткий промежуток в шесть лет, во время которого фараона не было — или о нем ничего не известно²⁹; потом папирус обобщает число лет, которые прошли начиная с царствования фараона, чье имя потеряно. Затем идут три строчки (с 18-й по 20-ю), то есть три царствования: имена двух первых фараонов, которые там были, утрачены, третий — некий Неферкара, после которого папирус непосредственно переходит к Хети, первому властителю XI гераклеопольской династии, начало царствования которого можно отнести примерно к 2160 году до н. э. (v. Beckerath, 1984, 159). Три фараона в строках с 18 по 20, продолжительность царствования которых, к несчастью, утрачена, составляют VIII династию, которая наследовала VII, оставшейся у власти по меньшей мере в течение

²⁹ Иногда в Туринском папирусе, как и в данном случае, мы находим группу знаков, которые читаются как *w/sfyceφ*. Эта группа знаков нередко интерпретируется как обозначение лакуны в документе, который писец использовал для составления своего текста, но она может также и означать «без царя» (Redford, 1986a, 15).

нескольких лет после кончины Нитокрис около 2200 года до н. э. (Id., *ibid.*). Именно между этой датой и датой восшествия на трон Хети в 2160 году до н. э. следует поместить VIII династию, которая не могла править более 30 лет. Итак, можно было бы поверить Туринскому папирусу и сведениям Манефона, которые приписывают этой династии три или пять фараонов, и принять их цифры, если бы памятники, в том числе и царский список из Абидоса, не давали бы картуши 25 фараонов (*ibid.*, 186–189) — число очень близкое к тому, что сообщает Африкан.

Итак, мы стоим лицом к лицу с существенной проблемой: как 25 правителей могли царствовать в течение лишь около 30 лет, то есть каждый в среднем по 14 месяцев? Если мы отбросим слишком экстремальную гипотезу, согласно которой фараоны постоянно приговаривались к смертной казни, то решений может быть только два: или эти фараоны по большей части были самозванцами, или же они царствовали одновременно. Вполне возможно, что картуши некоторых из этих царей на нескольких памятниках принадлежали персонажам, которые не имели никакого права на титул «царя Верхнего и Нижнего Египта», как несомненно обстояло дело в случае с Хеви из Дары (Weill, 1958, 79); напротив, картуши, которые фигурируют в большом списке из Абидоса, определенно соответствуют картушам законных фараонов, поскольку они имели право на заупокойный культ, который осуществлялся в храме.

С другой стороны, можно задаться вопросом, не узурпировали ли правители провинций, номархи, титул фараона, как это происходило позднее, и не были ли их царствования параллельны правлению истинного государя, остававшегося в Мемфисе. Однако в этом случае они все не могли быть, так сказать, легитимированы абидосскими жрецами в царствование Сети I. Более того, если бы это было так, то мемфисские фараоны не могли бы управлять всем Верхним Египтом, как показывают «декреты из Коптоса» (см. ниже).

Попытаемся решить эту дилемму. Если у нас слишком много фараонов в слишком малый промежуток времени, может быть, надо подумать и о такой возможности: не состояла ли VIII династия из «коллегиального» правительства, власть в котором была в руках группы олигархов, из которых у каждого был свой картуш, чтобы утвердить его власть или, прежде всего, для того чтобы пользоваться привилегиями, связанными с титулом фараона, и особенно для того, чтобы после кончины попасть к богу Ра в его солнечную ладью.

Эта гипотеза могла бы объяснить численность фараонов VIII династии, а также и упадок Древнего царства после 2200 года до н. э., что подчеркивает тот факт, что для 17 правителей, имена которых сохранились в Абидосском списке, гробниц не обнаружено. Само существование этих фараонов можно было бы поставить под сомнение, если бы надписи с «протоколом» некоторых из них не были бы найдены в Верхнем Египте, в храме Мина в Коптосе. Эти надписи показывают, что они правили всем Египтом, но что их власть над номархами была слабой (Hayes, *JEA*, 32, 23). Возможно, между этими несколькими олигархами были семейные связи: каждый был царской крови и имел право на власть, не будучи настолько сильным, чтобы устранить других; так, видимо, и зародилась эта предполагаемая олигархия.

Около 2160 года до н. э., когда умер Неферкара, последний фараон или олигарх VIII династии, плоды трудов Древнего царства были разрушены: единство Египта рас-

колото, Дельта занята азиатами, Верхний Египет раскололся на независимые и враждебные друг к другу царства. Так и начался в действительности I Переходный период.

Несмотря на тот жалкий вид, который имела VIII династия, Древнее царство оставило после себя великое наследие, к которому не переставали обращаться будущие поколения египтян. Именно в это время египетская цивилизация достигла предела своих возможностей. Именно Древнее царство установило каноны, которым писатели, художники, ремесленники продолжали следовать вплоть до македонского завоевания. Именно Древнее царство установило принципы религии, и прежде всего столь оригинальной религии Осириса.

Фараон Древнего царства и организованная вокруг него администрация стали образцами, которым следовали все египетские фараоны начиная с Ментухотепа, которому снова удалось восстановить единство страны после беспорядков I Переходного периода, вплоть до последних римских императоров, даже если они сами того и не осознавали.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Как и в большей части дисциплин, касающихся гуманитарных наук, в последние годы число публикаций по фараоновскому Египту значительно возросло. Помимо всего прочего, периодические издания, сборники, коллективные монографии размножились настолько, что сегодня уже трудно перечислить все книги или статьи, которые рассказывают о том или ином аспекте истории Древнего Египта или связаны с ним. Жак Вандье еще мог это сделать в «Общей библиографии» в старой «Clio», на с. VII–XXXIX, и к этой библиографии зачастую полезно обращаться по поводу работ, вышедших до 1962 года.

Благодаря библиографиям, словарям и справочникам, вышедшим в последние годы, возможно составить список основных работ, с которыми нужно ознакомиться, предпринимая глубокое исследование. Такие труды перечислены здесь в «Списке сокращений», который предшествует разделу *Юбилейные и памятные сборники, «фестирифты», коллективные монографии* и т. д., которые неспециалисту часто бывает трудно найти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ³⁰

AAAL	Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool.
AÄA	Archiv für Ägyptische Archäologie. Wien.
Abh. Berlin	Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften. Berlin (или Heidelberg, Leipzig, Mainz, München...).
ÄA	Ägyptologische Abhandlungen. Wiesbaden.
Acme	Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia. Milano.
AcOr	Acta Orientalia. Leiden.
ADAIK	Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Kairo
ADAW	Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin (до 1945 APAW).
Admonitions	<i>Gardiner A. H.</i> The Admonitions of an Egyptian Sage. Leipzig.
AE	Ancient Egypt. London.
AEB	Annual Egyptological Bibliography. Bibliographie égyptologique annuelle. Leiden.
Aegyptus	Rivista Italiana de Egittologia e di Papyrologia. Milano.
AEMI	<i>Lucas A., Harris J. R.</i> Ancient Egyptian Materials and Industries. London (4 ^e éd., 1962).
AEO	<i>Gardiner A. H.</i> Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1957.
AEPHE	Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Etudes, 4 ^e et 5 ^e sections. Paris.
AfO	Archiv für Orientforschung. Berlin.
ÄE	Ägyptologische Forschungen. Glückstadt; Hamburg; New York.
AH	Aegyptiaca Helvetica. Basel; Genève.
AJA	American Journal of Archaeology. New York.
AJSL	American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
AnAe	Analecta Aegyptiaca. Copenhagen.
ANET	<i>Pritchard J. R.</i> Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament (2 ^e éd. 1955). Princeton.
AnLe	<i>Meeks D.</i> L'année lexicographique. Paris.
ANM	<i>Geus F.</i> (éd.). Archéologie du Nil Moyen. Lille.
AnOr	Analecta Orientalia. Roma.
Antiquity	A Quarterly Review of Archaeology. Cambridge.

³⁰ О справочных работах, используемых в египтологии, см. также в главе I.

AO	Der Alte Orient. Leipzig.
AoF	Altorientalische Forschungen. Berlin.
Archaeology	New York.
ArN	Archéo-Nil. Paris.
ArOr	Archiv Orientální. Prague.
ASAE	Annales du Service des Antiquités de l’Egypte. Le Caire.
ASOR	Annual of the American School of Oriental Research. New Haven.
AVDAIK	Archäologische Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Kairo.
ÄZ	= ZÄS.
BAe	Bibliotheca Aegyptiaca. Bruxelles.
BÄBA	Beiträge zur ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde. Kairo.
BAR	Breasted, Ancient Records of Egypt. Chicago, 1906.
BASOR	Bulletin of the American School of Oriental Research. New Haven.
BdE	Bibliothèque d’Etude, Institut français d’Archéologie orientale. Le Caire.
Berytus	Archaeological Studies. Beyrouth.
BES	Bulletin of the Egyptological Seminar. New York.
BIE	Bulletin de l’Institut d’Egypte. Le Caire.
BIFAÖ	Bulletin de l’Institut français d’Archéologie orientale. Le Caire.
BiOr	Bibliotheca Orientalis. Leiden.
BMFA	Bulletin of the Museum of fine Arts. Boston.
BMMA	Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York.
BMQ	British Museum Quarterly. London.
BOREAS	Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations. Uppsala.
BSSA	Bulletin de la Société archéologique d’Alexandrie. Alexandrie.
BSAC	Bulletin de la Société d’Archéologie copte. Le Caire.
BSEG	Bulletin de la Société d’Egyptologie de Genève. Genève.
BSFE	Bulletin de la Société française d’Egyptologie. Paris.
BSGE	Bulletin de la Société géographique d’Egypte. Le Caire.
BLECE	Bulletin de Liaison du Groupe international d’Etude de la Céramique égyptienne. Le Caire.
CAH	The Cambridge Ancient History. Cambridge.
CASAE	Cahiers supplémentaires des ASAE. Le Caire.
CdE	Chronique d’Egypte. Bruxelles.
CEDAE	Centre de Documentation et d’Etudes sur l’Ancienne Egypte, Collection scientifique. Le Caire.
CGC	Catalogue général du Musée du Caire. Le Caire.
CHA	<i>Desmond Clark J.</i> The Cambridge History of Africa. Cambridge.
CHE	Cahiers d’Histoire égyptienne. Le Caire.
CRAIBL	Comptes rendus Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.
CRIPEL	Cahiers de Recherches de l’Institut de Papyrologie et d’Egyptologie de Lille. Lille.

Crum	<i>Crum. Coptic Dictionary. Oxford.</i>
DCE	<i>Posener G., Sauneron S., Yoyotte J. Dictionnaire de la Civilisation égyptienne. Paris.</i>
DE	<i>Discussions in Egyptology. Oxford.</i>
DNG	<i>Gauthier H. Dictionnaire des noms géographiques. Le Caire.</i>
DocFIFAO	<i>Documents de Fouilles de l'Institut français d'Archéologie orientale. Le Caire.</i>
EAG	<i>Edel E. Altägyptische Grammatik, AnOr, 34. L'Egyptologie en 1979 // CNRS. Paris.</i>
Enchoria	<i>Zeitschrift für Demotik und Koptologie. Wiesbaden.</i>
ET	<i>Etudes et Travaux. Varsovie.</i>
EVO	<i>Egitto e Vicino Oriente. Pisa.</i>
FIFAO	<i>Fouilles de l'Institut français d'Archéologie orientale. Le Caire.</i>
GEG	<i>Gardiner, Egyptian Grammar. London (3e éd. 1957).</i>
Genava	<i>Genava. Genève.</i>
GM	<i>Göttinger Miszellen. Göttingen.</i>
HAS	<i>Reisner G. A. Excavations at Kerma. Harvard African Studies, 5 et 6. Cambridge (Mass.), 1925–1928.</i>
HÄB	<i>Hildesheimer ägyptologische Beiträge. Hildesheim.</i>
HdO	<i>Handbuch der Orientalistik. Leiden.</i>
HESPOK	<i>см. W. S. Smith, 1949.</i>
IEJ	<i>Israel Exploration Journal. Jérusalem.</i>
JAOS	<i>Journal of the American Oriental Society. New Haven.</i>
JARCE	<i>Journal of the American Research Center in Egypt. Cairo.</i>
JEA	<i>Journal of Egyptian Archaeology. London.</i>
JEOL	<i>Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch genootschap «Ex Oriente Lux». Leiden.</i>
JESHO	<i>Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden.</i>
JNES	<i>Journal of the Near Eastern Studies. Chicago.</i>
JSSEA	<i>Journal of the Society for the Studies of Egyptian Antiquities. Toronto.</i>
Kémi	<i>Revue de Philologie et d'Archéologie égyptiennes et coptes. Paris, 1928–1971.</i>
Klio	<i>Beiträge zur alten Geschichte. Berlin.</i>
KRI	<i>Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Historical and biographical. Oxford, 1968–1990.</i>
Kush	<i>The Journal of the Sudan Antiquities Service. Khartoum.</i>
Lanzone	<i>Lanzone R. V. Dizionario di mitologia egizia. Turin.</i>
LÄ	<i>Lexikon der Ägyptologie. Wiesbaden.</i>
LÄS	<i>Leipziger ägyptologische Studien. Glückstadt; Hamburg.</i>
LAPO	<i>Littératures anciennes du Proche-Orient. Paris.</i>
LdR	<i>Gauthier H. Le Livre des Rois d'Égypte // MIFAO. 1907–1917.</i>
LD	<i>Lepsius K. R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Leipzig.</i>
MÄS	<i>Münchner Ägyptologische Studien. Berlin.</i>

MDAIK	Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Abteilung Kairo. Kairo.
MDGKAO	<i>Morgenland</i> . Darstellungen aus Geschichte und Kultur des Alten Orients, Leipzig.
Meroitica	Berlin.
MIE	Mémoires présentés à l'Institut. Le Caire.
MIFAO	Mémoires publiés par les Membres de l'Institut français d'Archéologie orientale. Le Caire.
MIFAO 104	= Livre du Centenaire.
MIO	Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin.
MMAEE	Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition. New York.
MNL	Meroitic Newsletter. Paris.
MonPiot	Fondation Eugène-Piot. Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.
MVAG	Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft. Leipzig.
NAWG	Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen (après 1941 NGWG).
Nyame Akuma	Newsletter of African Archaeology. Calgary.
OLA	Orientalia Lovaniensia Analecta. Louvain.
OLP	Orientalia Lovaniensia Periodica. Louvain.
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig.
OMRO	Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden. Leiden.
Onoma	Bulletin d'Information et de Bibliographie. Louvain.
Or	Orientalia. Roma.
OrAnt	Oriens Antiquus. Roma.
OrSu	Orientalia Suecana. Uppsala.
PM	<i>Porter-Moss</i> . Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Oxford.
PN	<i>Ranke H.</i> Die Aegyptischen Personennamen. Glückstadt.
Pratt 1925	<i>Pratt I. A.</i> Ancient Egypt. Sources of Information in the New York Public Library. New York.
Pratt 1942	Id., <i>ibid.</i> A Supplement.
PSBA	Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. London.
RAPH	Recherches d'Archéologie, de Philologie et d'Histoire. Le Caire.
RdE	Revue d'Égyptologie. Paris.
REA	Revue des Etudes anciennes. Paris.
RevEgA	Revue de l'Égypte ancienne. Paris.
RevL	Revue du Louvre. Paris.
RevP	Revue de Philologie. Paris.
RHR	Revue de l'Histoire des Religions. Paris.
RIDA	Revue internationale du Droit de l'Antiquité. Paris.
RPn	<i>Ranke</i> . Die Ägyptischen Personennamen. Glückstadt; Hamburg.

RSO	Revista degli Studi Orientali. Roma.
RT	Recueil de Travaux relatifs à la philologie, et à l'archéologie égyptienne et assyrienne. Paris.
SAK	Studien zur Altägyptischen Kultur. Hamburg.
SAOC	Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
Serapis	The American Journal of Egyptology. Chicago.
SJE	Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia. Uppsala.
SNR	Sudan Notes and Records. Khartoum.
SondDAIK	Sonderdrucke des Deutschen Archäologischen Instituts. Kairo.
StudAeg	Studia Aegyptiaca. Budapest.
Syria	Paris.
TAVO	Tübingen Atlas des vorderen Orients. Wiesbaden.
Unt.	Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens. Leipzig.
Urk.	<i>Sethe</i> . Urkunden des Alten Reichs. Leipzig.
VA	Varia Aegyptiaca. San Antonio (Texas).
Wb.	<i>Erman A., Grapow H.</i> Wörterbuch der Ägyptischen Sprache. Leipzig.
WdO	Die Welt des Orients. Göttingen.
Wepwawet	Wepwawet. Papers in Egyptology. London.
Who'who	<i>Dawson W. R., Uphill E. P.</i> Who was Who in Egyptology. London (2 ^e éd. 1972).
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands. Wien.
ZÄS	Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Berlin.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden.

ЮБИЛЕЙНЫЕ И ПАМЯТНЫЕ СБОРНИКИ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ

Этот список был составлен для того, чтобы облегчить читателю библиографический поиск. Книги приведены в алфавитном порядке в соответствии с фамилиями лиц или названиями учреждений, в честь которых они были изданы.

1. *Anthes R.* — Festschrift Rudolf Anthes zum 70. Geburtstag I–II. ZÄS. 93. 1966; 94. 1967.
2. *Beckerath J. von.* — Festschrift Jürgen von Beckerath. Zum 70. Geburtstag am 19. Februar 1990. Hildesheim, 1990.
3. Berlin — Festschrift zum 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums. Berlin, 1974.
4. *Bothmer B. von.* — Artibus Aegypti. Studia in honorem Bernardi V. Bothmer a collegis amicis discipulis conscripta quae edenda curaverunt H. De Meulenaere et L. Limme. Bruxelles, 1983.
5. *Bresciani E.* — Studi in onore di Edda Bresciani pubblicati a cura di S. F. Bondi, S. Pernigotti, F. Serra e, A. Vivian, Pisa, 1985.
6. *Brunner H.* — Fontes atque Pontes. Eine Festgabe für Hellmut Brunner. Herausgegeben von Manfred Görg, Wiesbaden, 1983.
7. *Champollion J.-F.* — Textes et langages de l'Égypte pharaonique. Cent cinquante années de recherches. 1822–1972. Hommage à Jean-François Champollion. Tomes I–III. Le Caire, 1973–1974.
8. *Champollion J.-F.* — Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion. Paris, 1922.
9. *Daumas F.* — Hommages à François Daumas. Tome I-II, Montpellier, 1986.
10. *Dunham D.* — Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan. Essays in honor of Dows Dunham on the occasion of his 90th birthday, June 1, 1980. Edited by William Kelly Simpson and Whitney M. Davis, Boston, 1981.
11. *Dussaud R.* — Mélanges syriens offerts à Monsieur René Dussaud. T. 1–2. Paris, 1939.
12. *Edel E.* — Festschrift Elmar Edel. 12. März 1979. Unter Mitwirkung von Agnes Wuckelt und Karl-Joachim Seyfried herausgegeben von Manfred Görg und Edgar Pusch. Bamberg, 1979.
13. *Edwards I. E. S.* — Pyramids Studies and other Essays / Baines et al. éd. London, 1988.
14. Egypt and Africa — Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam. Edited by W. V. Davies, London, 1991.
15. *Fairman H. W.* — Orbis Aegyptiorum Speculum. Glimpses of Ancient Egypt. Studies in Honour of H. W. Fairman. Edited by John Ruffle, G. A. Gaballa and Kenneth A. Kitchen. Warminster, 1979.
16. *Faulkner R. O.* — Volume dedicated to Raymond O. Faulkner. JEA 60. 1974.
17. 5000 Jahre Ägypten — 5000 Jahre Ägypten. Genese und Permanenz pharaonischer Kunst. Jan Assmann, Günter Burkard (Hrsgg.). Nußloch 1983.

18. *Fecht G.* — Form und Mass. Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst des alten Ägypten. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987. Herausgegeben von Jürgen Osing und Günter Dreyer, Wiesbaden, 1987.
19. *Grapow H.* — Ägyptologische Studien hrsg. von O. Firchow. Hermann Grapow zum 70. Geburtstag gewidmet. Berlin, 1955.
20. *Griffith F. Ll.* — Studies presented to F. Ll. Griffith. London — Milford, 1932.
21. *Gutbub A.* — Mélanges Adolphe Gutbub. Montpellier, 1984.
22. *Habachi L.* — Festschrift für Labib Habachi. MDAIK. 37. 1981.
23. *Helck W.* — Festschrift Wolfgang Helck zu seinem 70. Geburtstag. Hrsg. von H. Altenmüller und D. Wildung, unter Mitwirkung von H.-W. Fischer-Elfert. SAK. 11. 1984.
24. *Hintze F.* — Ägypten und Kusch. Zusammengestellt und herausgegeben von Erika Endesfelder, Karl Heinz Priese, Walter-Friedrich Reineke und Steffen Wenig. Berlin, 1977.
25. *Hughes G. H.* — Studies in Honor of George R. Hughes. January 12, 1977. Chicago (Ill.), 1976.
26. IFAO — Livre du centenaire, 1880–1980. Institut français d'archéologie orientale. Publié sous la direction de Jean Vercoutter. Le Caire, 1980.
27. *Israelit-Groll S.* — Egyptological Studies. Edited on Behalf of the Faculty of Humanities by Sarah Israelit-Groll. Jerusalem, 1982.
28. *Junker H.* — Festschrift zum 80. Geburtstag von Professor Dr. Hermann Junker I–II. MDAIK. 15–16. 1957–1958.
29. *Kaiser W.* — Festschrift für Werner Kaiser. MDAIK. 47. 1991.
30. *Lepsius K. R.* — Karl Richard Lepsius (1810–1884). Akten der Tagung anlässlich seines 100. Todestages, 10.–12.7.1984 in Halle. Herausgegeben von Elke Freier und Walter F. Reineke. Berlin, 1988.
31. *Lichtheim M.* — Studies in Egyptology Presented to Miriam Lichtheim. Volumes I–II. Edited by Sarah Israelit-Groll. Jerusalem, 1990.
32. *Mariette A.* — Mélanges Mariette. Le Caire, 1961.
33. *Maspero G.* — Mélanges Maspero. T. 1–3. Le Caire, 1934–1940.
34. *Michalowski K.* — Mélanges offerts à Kazimierz Michałowski. Warszawa, 1966.
35. Mokhtar Gamal Eddin — Mélanges Gamal Eddin Mokhtar. Publié sous la direction de Paule Posener-Kriéger. Volume I et II. Le Caire, 1985.
36. *Otto E.* — Fragen an die altägyptische Literatur. Studien zum Gedenken an Eberhard Otto. Herausgegeben von Jan Assmann, Erika Feucht, Reinhard Grieshammer. Wiesbaden, 1977.
37. *Parker R. A.* — Egyptological Studies in Honor of Richard A. Parker. Presented on the Occasion of his 78th Birthday December 10, 1983. Edited by Leonard H. Lesko. Hanover and London, 1986.
38. *Polotsky H. J.* — Studies Presented to Hans Jakob Polotsky. Edited by Dwight W. Young. East Gloucester (Mass.), 1981.
39. *Puglisi S. M.* — Studi di Paletnologia in Onore di Salvatore M. Puglisi. Roma, 1985.
40. *Ricke H.* — Beiträge zur ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde Herausgegeben vom Schweizerischen Institut für ägyptische Bauforschung und Altertumskunde in Kairo, 12. Zum 70. Geburtstag von Herbert Ricke. Wiesbaden, 1971.
41. *Rosellini I.* — Scritti dedicati alla memoria di Ippolito Rosellini nel primo centenario della morte (4 giugno 1943). Firenze, 1945.
42. *Sauneron S.* — Hommages à la mémoire de Serge Sauneron 1927–1976. I: Égypte pharaonique. II: Égypte post-pharaonique. Le Caire, 1979.
43. Sæve-Söderbergh. — Sundries in Honour of Torgny Sæve-Söderbergh. Uppsala, 1984
44. Université Saint-Joseph. — Mélanges de l'Université Saint-Joseph. Beyrouth, 1969.
45. *Vandier J.* — Mélanges dédiés à la mémoire de Jacques Vandier. RdE. 27. 1975.

46. *Vercoutter J.* — Mélanges offerts à Jean Vercoutter. Réunis par Francis Geus et Florence Thill. Paris, 1985.
47. *Walle B. van de.* — Baldvino [Balduino] VanDeWalle: Studiorum aegyptiacorum professori doctissimo magistro humanissimo socio benignissimo has dissertationes collegae discipuli amici universitatum belgicarum piam in memoriam bene merenti dicaverunt. CdE. 64. 1989.
48. *Wendorf F.* — The Prehistory of Arid North Africa. Essays in Honor of Fred Wendorf. Edited by Angela E. Close. Dallas, 1987.
49. *Westendorf W.* — Studien zu Sprache and Religion Ägyptens. Zu Ehren von Wolfhart Westendorf überreicht von seinen Freunden and Schülern. Band 1: Sprache. Band 2: Religion. Göttingen, 1984.
50. *Williams R. J.* — Egyptological Miscellanies. A Tribute to Professor Ronald J. Williams. Edited by J. K. Hoffmeier & E. S. Meltzer = The Ancient World. (Special Volume) 6, Nos. 1–4. Chicago, 1983.
40. *Zandee J.* — Studies in Egyptian Religion. Dedicated to Professor Jan Zandee. Edited by M. Heerma van Voss, D. J. Hoens, G. Mussies, D. van der Plas, H. te Velde. Leiden, 1982.

СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ. ОТ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ДО VIII ДИНАСТИИ

В области изучения истории Древнего царства и прежде всего доистории, додинастического и протодинастического периода, невозможно перечислить все работы на данную тему. Их число очень велико, и, более того, зачастую они публикуются в периодических изданиях, весьма далеких от египтологии или даже от ориенталистики вообще. *Данная библиография* — ограниченная вышеназванными периодами — *не является исчерпывающей*. Она содержит книги или статьи, процитированные в тексте, и те, которые были использованы для его составления. В библиографию были добавлены самые недавние работы, которые, упоминая о предыдущих исследованиях, дополняют их и, таким образом, представляют «состояние вопроса» на момент редактирования (1990).

По поводу «темных веков» и Древнего царства также можно с пользой обратиться к библиографиям, составленным Ж. Вандье и К. Р. Уиксом (*Vandier J. Manuel d'Archéologie. I–VI. Paris, 1952–1978; Weeks K. R. An Historical Bibliography of Egyptian Prehistory. Winona Lake, 1985*): они дополняют библиографию, представленную здесь.

1. *Abbas S. Mohammed Ali. Evidence of early food-production in Northeast Africa: an alternative model // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1981. 1984. P. 65–72.*
2. *Aboubakr A. M., Mustafa A. Y. The funerary Boat of Khufu // Festschrift Ricke. 1971, S. 1–16.*
3. *Adams B. Ancient Hierakonpolis (with Supplement). Warminster, 1974.*
4. *Adams B. Sculptured Pottery from Koptos. Warminster, 1986.*
5. *Adams B. The Fort Cemetery at Hierakonpolis. London; New York, 1987.*
6. *Adams B. Predynastic Egypt (Shire Egyptology). Aylesbury, GB, 1988*
7. *Adams B. A Fragment from the Cairo Statue of Khasekhemouy // JEA. 76. 1990. P. 161–163.*
8. *Adams B., Jaeschke R. L. The Koptos Lions. Milwaukee, 1984.*
9. *Adams B., Jaeschke R. L. A Silver Plume from a Statue of Min // DE. 4. 1986. P. 7–13.*
10. *Adams R. M. Early Civilization Subsistence and Environment // City Inevitable (Kraeling et R. M. Adams). Chicago, 1960a. P. 269–295.*
11. *Adams R. M. Factors influencing the Rise of Civilization // City Inevitable (Kraeling et R. M. Adams). Chicago, 1960b. P. 24–34.*
12. *Adams W. Y. A reappraisal of Nubian Culture History // Or. 39. 1970. P. 269–277.*
13. *Adams W. Y. Nubia. Corridor to Africa. Princeton, 1977.*
14. *Adams W. Y. Geography and Population of the Nile Valley // Africa in Antiquity. 1. New York, 1978. P. 16–25.*
15. *Adams W. Y. Doubts about the «Lost Pharaohs» // JNES. 44. 1985. P. 185–192.*
16. *Albright W. F. Mitanian maryannu «Chariot-warrior» and... Egyptian equivalents // AfO. 6. 1919. P. 217–221.*

17. *Aldred C.* Old Kingdom Art in Ancient Egypt. London, 1949.
18. *Aldred C.* Egypt to the End of the Old Kingdom. London, 1965.
19. *Aldred C.* Jewels of the Pharaohs. London, 1971.
20. *Aldred C.* La Statuaire // Le temps des Pyramides (Leclant et al.). Paris, 1978. P. 171–225.
21. *Aldred C.* Egyptian Art. New York et Toronto, 1980.
22. *Aldred C.* An early Image of the King // Festschrift Edwards. 1988. P. 41–47.
23. *Alexander J. A.* The End of the moving frontier in the Neolithic of North-Eastern Africa // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 57–63.
24. *Alimen H.* Préhistoire de l'Afrique. Paris, 1955.
25. *Allam S.* À propos de quelques décrets royaux de l'Ancien Empire // CdE. 63. 1988. P. 36–41.
26. *Altenmüller H.* Die Stellung der Königsmutter Chentkaus beim Übergang von der 4. zur 5. Dynastie // CdE. 45. 1970. S. 223–235.
27. *Altenmüller H.* Bemerkungen zum Hirtenlied des Alten Reiches // CdE. 48. 1973. S. 211–231.
28. *Altenmüller H.* Das Ölmagazin im Grab des Hesire in Saqqara // SAK. 4. 1976. S. 1–29.
29. *Altenmüller H.* Zur Vergöttlichung des Königs Unas im Alten Reich // SAK. I. 1974. S. 1–18.
30. *Amelineau E.* Les nouvelles fouilles d'Abydos. Paris, 1899–1904.
31. *Amer M.* The Neolithic Site at Maadi (Excavations of the Egyptian University). Cairo, 1932–1936.
32. *Amiran R.* Preliminary Note on the Synchronism between the Early Bronze Strata of Arad and the First Dynasty // BASOR. 179. 1965. P. 30–33.
33. *Amiran R., Baumgartel E.* A Second Note on the Synchronism... // BASOR. 195. 1969. P. 50–53.
34. *Amiran R.* An Egyptian Jar Fragment with the name of Narmer from Arad // IEJ. 24. 1974. P. 4–12.
35. *Andrews C. A. R.* Catalogue of Egyptian Antiquities in the British Museum VI // Jewellery I/ London, 1981.
36. *Anthes R.* Die Felseninschriften von Hatnub // Unt. 9. Leipzig, 1928.
37. *Anthes R.* König «Schlange» dt-Schlange und Schlangengöttin Uto // ZÄS. 83. 1958. P. 79–82.
38. *Arkell A. J.* Early Khartoum. Oxford, 1949a.
39. *Arkell A. J.* Old Stone Age in the Anglo-Egyptian Sudan // SASOP. 1. 1949b.
40. *Arkell A. J.* The Sudanese Origin of Predynastic black incised Pottery // JEA. 39. 1953. P. 75–79.
41. *Arkell A. J.* Stone Bowls of Kha'b a (Third Dyn.) // JEA. 42. 1956. P. 116.
42. *Arkell A. J.* Was King Scorpion Menes? // Antiquity. 37. 1963. P. 31–35.
43. *Arkell A. J.* Dotted wavy-line pottery in African Prehistory // Antiquity. 46. 1972. P. 221–222.
44. *Arkell A. J.* The Prehistory of the Nile Valley // HdO. 7. Leiden, 1975.
45. *Arkell A. J., Ucko P.* Review of Predynastic Development in the Nile Valley // Current Anthropology. 6. Chicago, 1965. P. 140–166.
46. *Arnold D.* Bericht über die vom DAIK im 1972–1973 in El-Tarif durchgeführten Arbeiten // MDAIK. 30. 1974. S. 155–164.
47. *Arnold D.* Überlegungen zum Problem des Pyramidenbaues // MDAIK. 37. 1981. P. 15–28.
48. *Asselberghs H.* Chaos en Beheersing Documenten uit Aeneolithisch Egypte. Leiden, 1961.
49. *Atzler M.* Erwägungen zur Stadt im Alten Reich. Leipzig, 1968.
50. *Atzler M.* Einige Bemerkungen zu und im Alten Ägypten // CdE. 1972. S. 17–44.
51. *Atzler M.* Untersuchungen zur Herausbildung von Herrschaftformen in Ägypten. Hildesheim, 1981.
52. *Austin M. M.* Greece and Egypt in the Archaic Age. Cambridge, 1970.
53. *Avdief V. I.* Geometrical Ornament on Archaic Egyptian Pottery // Ancient Egypt. 1. 1935. P. 37.
54. *Ayrton E. R., Currely C., Weigall A. E. P.* Abydos. Part III. London, 1904.
55. *Ayrton E. R., Loat W. L. S.* Predynastic Cemetery at Mahasna. London, 1911.
56. *Badawi Afifi.* Beigabengräber aus Merimde // MDAIK. 36. 1980. S. 70–76.

57. *Badawy Alexander*. La première architecture en Egypte // ASAE. 51. 1951. P. 1–28.
58. *Badawy Alexander*. A History of Egyptian Architecture. I. Lawrence (Kans., Etats-Unis), 1954.
59. *Badawy Alexander*. The Civic Sense of Pharaoh and Urban Development in Ancient Egypt // JARCE. 6. 1967. P. 103–109.
60. *Badawy Alexander*. The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of Ankhmahor at Saqqara. Berkeley, 1978.
61. *Baer K*. Rank and Title in the Old Kingdom. Chicago, 1960.
62. *Baer K*. The low Price of Land in Ancient Egypt // JARCE. 1. 1962. P. 25–42.
63. *Baer K*. A deed of Endowment in a letter of the time of Pepy I // ZÄS. 93. 1966. P. 1–9.
64. *Bagnold R. A., Myers O. H., Peel R. F., Winkler H. A*. An expedition to the Gilf Kebir and Cuweinat, 1938 // Geographical Journal. 93. London, 1938. P. 281–313.
65. *Baines J. R*. Aspect du symbolisme royal et divin des temps archaïques // BSFE. 118. 1990. P. 5–37.
66. *Baines J. R., Eyre G. J*. Four notes on Literacy // GM. 61. 1983. P. 65–96.
67. *Baines J. R., Malek J*. Atlas of Ancient Egypt. Oxford, 1980.
68. *Bakr Moh. I*. The New Excavations at Ezbet el-Tell, Kufur Nigm // The Archaeology of the Nile Delta (Van den Brink). 1988. P. 49–62.
69. *Balcz H*. Altägyptische Wandgliederung // MDAIK. 1. 1930. P. 38–92.
70. *Banks K. M*. Ceramics of the Western Desert // Prehistory of the Eastern Sahara (Wendorf et Schild). 1980. P. 300–316.
71. *Banks K. M*. Climates, Culture and Cattle. The Holocene archaeology of the Eastern Sahara. Dallas, 1984a.
72. *Banks K. M*. Early ceramic-bearing occupations in the Egyptian Western Desert // Krzyżaniak et Kobusiewicz, 149–161. 1984b.
73. *Bard K. A*. The Geography of Excavated Predynastic Sites and the Rise of Complex Society // JARCE. 24. 1987. P. 81–93.
74. *Bard R. A., Carneiro R. L*. Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution and the Circumscription Theory // CRIPEL. 11. 1989. P. 15–23.
75. *Barguet P*. La stèle de la famine à Sehel // BdE. 1953. P. 24.
76. *Barguet P*. Le livre des morts des Anciens Egyptiens // LAPO. Paris, 1967
77. *Barich E., Hassan F*. The Farafra Oasis Archaeological Project // Origini. Roma, 1989. P. 117–191.
78. *Barnes A. S*. The Technique of the Blade Production in Mesolithic Times // Proceedings of the Prehistoric Society. NS. 13. 1947. P. 101–113.
79. *Barocas C*. Regum pecuniae otiosa ac stulta ostentatio // Hommages Daumas. I. 1986a. P. 55–66.
80. *Barocas C*. Les raisons d'une fouille et d'un survey. Le site de Naqadah // CRIPEL. 8. 1986b. P. 17–28.
81. *Barocas C*. Fouilles à Zawaydah (Nagadah «South Town» de Petrie) // SAK-Beihefte 2. 1989. P. 299–304.
82. *Barta W*. Die altägyptische Opferliste // MÄS. 3. 1963.
83. *Barta W*. Falke des Palastes als ältester Königstitel // MDAIK. 24. 1969. P. 51–57.
84. *Barta W*. Der Königsring als symbol zyklischer Wiederkehr // ZÄS. 98. 1970. P. 5–16.
85. *Barta W*. Zum altägyptischen Namen des Königs Aches // MDAIK. 29. 1973. P. 1–4.
86. *Barta W*. Das Gespräch des Ipuwer mit dem Schöpfergott // SAK. 1. 1974. S. 19–33.
87. *Barta W*. Untersuchungen zur Göttlichkeit des regierenden Königs: Ritus und Sakralkönigtum in Ägypten nach Zeugnissen der Frühzeit und des Alten Reiches // MÄS. 32. 1975.
88. *Barta W*. Erste Zwischenzeit im Spiegel der pessimistischen Literatur // JEOL. 24. 1976. S. 50–61.
89. *Barta W*. Bemerkungen zu den Summenangaben des Turiner Königspapyrus für die Frühzeit und das Alte Reich // MDAIK. 35. 1979. S. 11–14.

90. *Barta W.* Bemerkungen zur Chronologie der 6. bis 11. Dyn. // ZÄS. 108. 1981a. P. 23–33.
91. *Barta W.* Die Chronologie der 1. bis 5. Dyn. nach den Angaben des rekonstruierten Annalensteins // ZÄS. 108. 1981b. S. 11–23.
92. *Barta W.* Die Bedeutung der Pyramidentexte für den verstorbenen König // MÄS. 39. 1981c.
93. *Barta W.* Bemerkungen zur Rekonstruktion der Vorlage des Turiner Königspapyrus // GM. 64. 1983. S. 11–13.
94. *Bar-Yosef O. I., Belfer-Cohen A.* The Origins of Sedentism and Farming Communities in the Levant // Journal of World Prehistory. 3. 1989. P. 447–498.
95. *Batravi A.* The racial History of Egypt and Nubia // Journ. Royal Anthropol. Inst. 75. London, 1945. P. 81–101.
96. *Batravi A.* A small Mummy from the Pyramid of Dahshur // ASAE. 48. 1948. P. 585–597.
97. *Batravi A.* The Skeletal Remains from the Northern Pyramid of Sneferu // ASAE, 51, 1951 435–440.
98. *Batravi A., Morant G. M.* A Study of a First Dynasty Series of Egyptian Skulls from Sakhara and... from Thebes // Biometrika. 34. London, 1947. P. 18–27.
99. *Baumgartel E. J.* The three Colossi from Koptos and their Mesopotamian Counterpart // ASAE. 48. 1948. P. 533–559.
100. *Baumgartel E. J.* Some notes on the origins of Egypt // ArOr. 20. 1952. P. 278–287.
101. *Baumgartel E. J.* The Cultures of Prehistoric Egypt. Oxford, 1955 (réédit. 1981).
102. *Baumgartel E. J.* Ibid. II. London; New York; Toronto, 1960.
103. *Baumgartel E. J.* Scorpion and Rosette and the Fragments of the Large Hierakonpolis Mace Head // ZÄS. 93. 1966. P. 9–13.
104. *Baumgartel E. J.* About some Ivory Statuettes from the «Main Deposit» at Hierakonpolis // JARCE. 7. 1968. P. 7–14.
105. *Baumgartel E. J.* Predynastic Ancient Egypt // CAH. I. Chap. 9. 1965. P. 463–498.
106. *Baumgartel E. J.* Some Additional Remarks on the Hierakonpolis Ivories // JARCE. 8. 1970a. P. 9–10.
107. *Baumgartel E. J.* Petrie's Nagada Excavations: A Supplement. Warminster, 1970b.
108. *Baumgartel E. J.* Some Remarks on the Origins of the Titles of the Archaic Egyptian Kings // JEA. 61. 1975. P. 28–32.
109. *Beckerath J. v.* Šmsj-Hrw in der ägyptischen Vor- und Frühzeit // MDAIK. 14. 1956. S. 1–10.
110. *Beckerath J. v.* Die Dynastie der Herakleopoliten (9./10. Dyn.) // ZÄS. 93. 1966. S. 13–20.
111. *Beckerath J. v.* Bemerkungen zum Turiner Königspapyrus und zu den Dynastien der ägyptischen Geschichte // Festschrift Helck. SAK. 11. 1984. S. 49–57.
112. *Begelsbacher-Fischer B. L.* Untersuchungen zur Götterwelt des Alten Reiches // Orbis Biblicus et Orientalis. 37. 1981. S. 178–183.
113. *Bell B.* The oldest Records of the Nile Floods // Geographical Journal. 136 (4). 1970. P. 569–573.
114. *Bell B.* The Dark Ages in Ancient History // AJA. 75. 1971. P. 1–26.
115. *Bell B.* Climate and the History of Egypt // AJA. 79. 1975. P. 223–269.
116. *Bénédict G.* Une nouvelle palette en schiste // MonPiot. 10. 1904. P. 105–122.
117. *Bénédict G.* Scribe et Babouin // MonPiot. 19. 1912. P. 20–26.
118. *Bénédict G.* Le couteau de Gebel el-Arak // MonPiot. 22. 1916. P. 1–34.
119. *Bénédict G.* The Carnavon Ivory // JEA. 5. 1918. P. 1–15.
120. *Ben-Tor A.* The Relations between Egypt and the Land of Canaan during the Third Mill. BC // AJA. 85. 1981. P. 449–452.
121. *Berger R.* Ancient Egyptian radiocarbon Chronology // The Impact of the Natural Sciences on Archaeology (Edwards et al.). 1970. P. 23–36.
122. *Berlandini J.* Varia Memphitica I // BIFAO. 76. 1976. P. 301–316.
123. *Berlandini J.* La pyramide «ruinée» de Saqqara-Nord, et le roi Ikaouhor-Men-Kaouhor // RdE. 31. 1979. P. 3–28.

124. *Berlev O.* «Faucon dans un bateau: hiéroglyphe et dieu» (на русском языке)^{31*}. 1969.
125. *Berry A. C. et R. J.* Origins and Relationships of the Ancient Egyptians based on Study of non-metrical variation in the Skull // *Journal of Human Evolution*. 1. 1972. P. 199–208.
126. *Berry A. C. et R. J., Ucko P. J.* General Change in Ancient Egypt // *Man*. 2. 1967. P. 551–568.
127. *Besançon J.* L'Homme et le Nil. Paris, 1957.
128. *Bieger C., Munro P.* Das Doppelgrab der Königinnen *NBT* and *HNWT* in Saqqara // *SAK*. 1. 1974. S. 34–54.
129. *Bietak M.* Urban Archaeology and the «Town Problem» in Ancient Egypt // *Egyptology and the Social Sciences (Weeks)*. 1979. P. 97–144.
130. *Bietak M.* La naissance de la notion de ville dans l'Égypte ancienne, un acte politique // *CRIPEL*. 8. 1986a. P. 29–35.
131. *Bietak M.* Ein Staatsakt als Beginn des Städtewesens im Alten Ägypten? // *Im Bannkreis des Alten Orients (Meid et Trankwalder)*. Innsbruck, 1986b. S. 17–23.
132. *Bietak M.* The C-Group and the Pan-Grave Culture in Nubia // *Nubian Culture Past and Present (Hägg éd.)*. Uppsala, 1986c. P. 113–128.
133. *Bishop W. W., Clark J. D.* Background to Evolution in Africa // *The Problem of Neolithic Culture in Subsahara (Clark)*. Chicago, 1967. P. 601–627.
134. *Bissing F. W. von.* Probleme der ägyptischen Vorgeschichte I. Ägypten und Mesopotamien // *AfO*. 5. 1928–1929. P. 49–81.
135. *Bissing F. W. von.* Id. II. Seltsame archaische Denkmäler // *Ibid.* 6. 1930–1931. S. 1–11.
136. *Bissing F. W. von.* Id. III. Noch einmal Ägypten und Mesopotamien // *Ibid.* 7. 1931. S. 23–30.
137. *Bissing F. W. von.* Seltene Formen frühzeitlicher Schminkpalette // *AZ*. 73. 1937. S. 56–58.
138. *Bissing F. W. von.* Ägyptische und mesopotamische Siegelzylinder des III. Jahrtausends BC // *NAWG*. 1943. S. 481–516.
139. *Bissing F. W. von.* La Chambre des Trois Saisons du Sanctuaire solaire du roi Rathoures à Abousir // *ASAE*. 14. 1955. P. 210–214.
140. *Bisson de la Roque F.* Tôd 1934–36 // *FIFAO*. 17. 1937.
141. *Blench R.* Connections Between Ancient Egypt and Sub-Saharan Africa // *Egypt and Africa*. 1991. P. 54–56.
142. *Blumenthal E.* Befehl des Königs in den königlichen Rechtsurkunden des Alten Reiches // *ZÄS*. 100. 1973. S. 72–76.
143. *Blumenthal E.* Ptahotep und der «Stab des Alters» // *Festschrift Fecht*. 1987. S. 84–97.
144. *Boehmer R. M.* Orientalische Einflüsse auf verzierten Messergriffen aus dem prädynastischen Ägypten // *Archäol. Mitt. aus Iran*. 7. 1974a. S. 15–40.
145. *Boehmer R. M.* Das Rollsiegel in prädynastischen Ägypten // *Archäol. Anz*. 4. 1974b.
146. *Boessneck J.* Die Tierwelt des Alten Ägypten. Munich, 1988.
147. *Boessneck J., Driesch A. von den.* Studien an subfossilen Tierknochen aus Ägypten // *MÄS*. 40. 1982.
148. *Bökönyi S.* The animal remains of Maadi. Preliminary Report // *Studi Puglisi*. Roma, 1985.
149. *Bonnet C.* Kerma, Royaume africain de Haute-Nubie // *Nubian Culture Past and Present (Hägg éd.)* Uppsala, 1986. P. 87–112.
150. *Bonnet C.* Kerma, Royaume de Nubie. Genève, 1990.
151. *Bonnet C.* Upper Nubia from 3000 to 1000 BC // *Egypt and Africa*. 1991. P. 112–117.
152. *Bonnet H.* Ein frühgeschichtliches Gräberfeld bei Abusir. Leipzig, 1928.
153. *Borchardt L.* Das Re-Heiligtum des Königs Ne-Woser-Rê. I. Berlin, 1905.
154. *Borchardt L.* Die Stammutter der 5ter Dynastie // *ASAE*. 38. 1938. 209 et s.

^{31*} *Берлев О. Д.* «Сокол, плывущий в ладье», иероглиф и бог // *Вестник древней истории*. № 1, 1969. С. 3–30.

155. *Boreux C.* Etudes de Nautique égyptienne // MIFAO. 50. 1925.
156. *Boreux C.* Guide-Catalogue sommaire du Département des Antiquités égyptiennes du Musée du Louvre. Paris, 1932.
157. *Boreux C.* Quelques remarques sur les «pseudo-groupes» égyptiens // Mélanges Maspero. I. 1935–1938. P. 805–815.
158. *Borghouts J. F.* Surveying the Delta // The Archaeology of the Nile Delta (Brink éd.). 1988. P. 3–8.
159. *Bothmer B. v.* A new Fragment of an Old Palette // JARCE. 8. 1970. P. 5–8.
160. *Bothmer B. v.* A Bust of Ny-User-Ra from Byblos // Kémi. 21. 1971. P. 11–16.
161. *Bothmer B. v.* The Karnak Statue of Ny-User-Ra // MDAIK. 30. 1974. P. 165–170.
162. *Bothmer B. v.* Ancient Nubia and the Northern Sudan. A new field of Art History // Meroitica. 5. 1979. P. 179–180.
163. *Bourriau J.* Um el-Gaab Pottery from the Nile Valley. Cambridge, 1981.
164. *Bovier-Lapierre P.* Une nouvelle station néolithique (El-Omari) // Congrès intern. de Géographie. Le Caire. IV. 1925. P. 250–251.
165. *Bovier-Lapierre P.* L’Egypte préhistorique // Précis de l’Histoire de l’Egypte. Le Caire, 1932. P. 1–50.
166. *Bower J., Lubell D.* Prehistoric Cultures and Environments in the Late Quaternary of Africa. Cambridge; Oxford, 1988 (éd.)
167. *Brace C.* A non-racial approach towards the understanding of Human Diversity // The Concept of Race (Montagu éd.). New York, 1969. P. 103–152.
168. *Brack A., Zoller H.* Die Pflanze auf der dekorierten Naqada II-Keramik: Aloe oder Wildbanane (Ensete)? // MDAIK. 45. 1989. S. 33–53.
169. *Bradley B. A.* Predynastic Egyptian Flint Implement // Newsletter of the Lithic Technology. 1. 1972. P. 2–5.
170. *Braidwood R. J.* The Near East and the Foundation of Civilisation. Eugene (Oregon), 1952.
171. *Braustein-Silvestre F.* Au sujet de la Wavy-line // JARCE. 17. 1980. P. 7–10.
172. *Braustein-Silvestre F.* The Predynastic in Egypt // JSSEA. 1 1. 1981. P. 59–64.
173. *Braustein-Silvestre F.* Les Sociétés épipaléolithiques en Egypte // Bull. Société méridionale de Spéléologie et Préhistoire. 24. 1984. P. 37–48.
174. *Braustein-Silvestre F.* Des communautés rurales aux premiers villages // SAK-Beihefte 2. 1989. P. 305–311.
175. *Breasted J. H.* Ancient Records of Egypt. Chicago, 1906.
176. *Breasted J. H.* The Predynastic Union of Egypt // BIFAO. 30. 1931. P. 709–724.
177. *Brentjes B.* Agriculture, domestication and the rock-art // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 381–389.
178. *Breuil H.* L’Afrique préhistorique // Cahiers d’Art. 5. Paris, 1930.
179. *Brewer D. J.* Fishermen, Hunters and Herders, Zooarchaeology in the Fayum. Oxford, British Archaeological Reports, Intern. Series, 1989. P. 478.
180. *Brink E. van den.* Archaeology of the Nile Delta. Amsterdam, 1988 (ed.).
181. *Brink E. van den.* The Amsterdam University Survey Expedition to the Northern Nile Delta // Archaeology of the Nile Delta. 1988. P. 65–110.
182. *Brink E. van den.* A transitional Late-Predynastic. Early dynastic Settlement Site in the Northeastern Nile Delta // MDAIK. 45. 1989. P. 55–108.
183. *Brinks J.* Die Entwicklung der königlichen Grablagen des Alten Reiches // Hildesheimer Ägyptologische Beiträge. 10. Hildesheim, 1979.
184. *Brovarski E. J.* Hor-aha and the Nubians // Serapis. 4. 1977–1978. P. 1–2.
185. *Brovarski E. J.* Ahanakht of Bersheh and the Hare-Nome in the First Intermediate // Studies Dunham. 1981. P. 14–30.
186. *Brovarski E. J.* The Old Kingdom writing boards from Giza // ASAE. 71. 1987. P. 27–52.
187. *Brunner H.* Menes als Schöpfer // ZDMG. 103. 1953. S. 22–26.

188. *Brunner H.* Zur Aussprache der Namen Chephren und Djedefhor // ZÄS. 102. 1975. S. 94–99.
189. *Brunner-Traut E.* Zur Tübinger Mastaba Seschennofer III // MDAIK. 15 (Fest. Junker). 1957. S. 18–32.
190. *Brunton G.* The Beginning of the Egyptian Civilization // Antiquity. 3. 1929. P. 456–467.
191. *Brunton G.* The Predynastic Town-site at Hierakonpolis // Studies Griffith. 1932. P. 272–276.
192. *Brunton G.* Some Tasian Pottery in the Cairo Museum // ASAE. 34. 1934a. P. 94–96.
193. *Brunton G.* Modern Painting on Predynastic Pots // ASAE. 34. 1934b. P. 149–156.
194. *Brunton G.* Pesesh-Kef Amulets // ASAE. 35. 1935. P. 213–217.
195. *Brunton G.* Mostagedda and the Tasian Culture. London, 1937.
196. *Brunton G.* Matmar. London, 1948.
197. *Brunton G., Caton-Thompson G.* The Badarian Civilization. London, 1928.
198. *Buck A. de.* On the meaning of the name *H'pj* // Orientalia Neerlandica. 1948. P. 1–22.
199. *Burgess E. M., Arkell A. J.* The Reconstruction of the Hathor Bowl // JEA. 44. 1958. P. 6–1 I.
200. *Burleigh R.* Two radiocarbon dates for freshwater shells from Hierakonpolis // Journal of Archaeological Science. 10. 1983. P. 361–367.
201. *Butzer K. W.* Das ökologische Problem der neolithischen Felsbilder der östlichen Sahara // Abh. Mainz, 1958. S. 20–49.
202. *Butzer K. W.* Die Naturlandschaft Ägyptens während der Vorgeschichte und der dynastischen Zeit // Abh. Mainz, 1959a.
203. *Butzer K. W.* Studien zum vor- und frühgeschichtliche Landschaftswandel der Sahara // Abh. Mainz, 1959b.
204. *Butzer K. W.* Environment and Human Ecology in Egypt during Predynastic and Early Dynastic times // BSGE. 32. 1959c. P. 43–88.
205. *Butzer K. W.* Archaeology and Geology in Ancient Egypt // Science. 132. 1960. P. 1617–1624.
206. *Butzer K. W.* Environment and Archaeology. New York, 1971; Chicago. 1966a.
207. *Butzer K. W.* Climate Change in the arid zones of Africa // World Climate (Sawyer éd.). London, 1966b. P. 73–84.
208. *Butzer K. W.* Modern Egyptian pottery clays and Predynastic buff ware // JNES. 33. 1974. P. 377–382.
209. *Butzer K. W.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago, 1976.
210. *Butzer K. W.* Pleistocene history of the Nile Valley in Egypt and Lower Nubia // Williams et Faure. 1980. P. 253–280.
211. *Butzer K. W.* Long-Term Nile Flood Variation and Political Discontinuities in Pharaonic Egypt // Clark et Brandt: From Hunters to Farmers. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 102–112.
212. *Butzer K. W., Hansen C.* Desert and River in Nubia. Madison (Wisconsin), 1968.
213. *Camps G.* La Civilisation préhistorique de l'Afrique du Nord et du Sahara. Paris, 1974.
214. *Camps G.* Beginnings of pastoralism and civilisation in North-West Africa and the Sahara // Cambridge History of Africa. 1982. P. 548–623.
215. *Caneva I.* Pottery-using gatherers and hunters at Saggai // Origini. 12. Roma, 1983. P. 1–278.
216. *Caneva I.* Early Neolithic Settlement and later Cemetery at Geili // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 353–360.
217. *Caneva I.* The Prehistory of Central Sudan // Studi Puglisi. 1985.
218. *Caneva I.* Maadi (Joint Italo-Egyptian project of Research) // BLECE. 11. 1986. P. 19–21.
219. *Caneva I.* El Geili. History of a Middle Nile Environment, 7000 BC — 1500 AD // Cambridge Monographs in African Archaeology. 29. 1988.
220. *Caneva I.* Prehistoric Hunters, Herders and Tradesmen in Central Sudan // Egypt and Africa. 1991. P. 6–15.

221. *Caneva I., Silvestrini M., Zarattini A.* Some considerations on the so-called Fayum B sites // Panafrican Congress of Prehistory. Nairobi, 1977.
222. *Caneva I., Zarattini A.* Late hunter-gatherers of Central Sudan, the Site of Saggai // New Discoveries in Nubia (Van Moorsel éd.). 1982. P. 5–8.
223. *Caneva I., Zarattini A.* Saggai: a settlement of hunter-fishers north of Khartoum // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 301–306.
224. *Caneva I., Frangipani M., Palmieri A.* More on Predynastic Egypt, Abstracts VI. Conf. for Nubian Studies. Bergen, 1986. P. 31.
225. *Caneva I., Marcolongo B. et Palmieri A.* Prehistoric Settling and Natural Resources in the Geili Area // Nubische Studien. 33–39 (M. Krause éd.). Mayence, 1986.
226. *Capart J.* Les débuts de l'art en Egypte. Bruxelles, 1904.
227. *Case H., Crowfoot-Payne J.* Tomb 100. The decorated Tomb at Hierakonpolis // JEA. 48. 1962. P. 5–18.
228. *Caselite P.* Zur Klassifikation der prädynastischen Keramik von Heliopolis/Unterägypten // SAK. 15. 1988. P. 27–52.
229. *Casini M.* Neolithic and Predynastic in the Fayoum // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 199–204.
230. *Castillos J. J.* Further Remarks on Fayum A and B Settlements // JSSEA. 5/2. 1974. P. 3–4.
231. *Castillos J. J.* An Analysis of the Tombs in Cemeteries at Sakkara, Armant, Abydos // JS-SEA. 6, 7, 8, 10, 12. 1976–1982.
232. *Castillos J. J.* A Reappraisal of the Published Evidence on Egyptian Predynastic and Early Dynastic Cemeteries. Toronto, 1982.
233. *Caton-Thompson G., Gardner E. W.* The Desert Fayum. London, 1934.
234. *Caton-Thompson G., Whittle E. H.* Thermoluminescence dating of the Badarian // Antiquity. 49. 1975. P. 89–97.
235. *Cenival J.-L. de.* Un nouveau fragment de la Pierre de Palerme // BSFE. 44. 1965. P. 13–17.
236. *Cenival J.-L. de.* L'Egypte avant les Pyramides. Paris, 1973.
237. *Cenival J.-L. de.* À propos de la Stèle de Chéchi. Etude de quelques types de titulatures privées de l'Ancien Empire // Mélanges Vandier. 1975. P. 62–69.
238. *Cerny J.* King Adribis // ASAE. 42. 1943. P. 348–350.
239. *Cervíček P.* Felsbildern des Nord-Etbai, Oberägyptens und Unternubiens Ergebnisse der VIII. DIAFE nach Ägypten. Wiesbaden, 1974.
240. *Cervíček P.* Notes on the Chronology of Nubian Rock Art from the end of the Bronze Age onwards // Nubian Studies. Warminster, 1982. P. 57–63.
241. *Charvat P.* The Mastaba of Ptahshepses: the Pottery. Prague, 1981.
242. *Champollion J.-F.* Monuments de l'Egypte et de la Nubie. Paris, 1835.
243. *Chassinat E.* À propos d'une tête en grès rouge du roi Didoufri // MonPiot. 25. 1922. P. 52–75.
244. *Cherpion N.* Le Mastaba de Khabaousokar (MMA2), problème de chronologie // OLP. 11. 1980. P. 79–90.
245. *Cherpion N.* Mastabas et hypogées d'Ancien Empire. Le problème de la datation. Bruxelles, 1989.
246. *Chevereau P.-M.* Contribution à la prosopographie des cadres militaires de l'Ancien Empire // RdE. 40. 1989. P. 3–36.
247. *Childe V. G.* New light on the most Ancient East. London, 1934.
248. *Chlodnicki M.* Pottery from the Neolithic Settlement at Kadero // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 337–342.
249. *Ciałowicz K.* Les têtes de massues des périodes prédynastique et archaïque dans la vallée du Nil. Varsovie, 1987.
250. *Clark J. D.* The Prehistoric Origins of African Culture // Journal of African History. 5. 1964. P. 17–18.

251. *Clark J. D.* A re-examination of the evidence for agricultural origins in the Nile Valley // *Proceedings Prehist. Soc.* 37. 1971. P. 34–79.
252. *Clark J. D.* Human population and cultural adaptation in the Sahara and Nile during pre-historic times // *Williams et Faure.* 1980. P. 527–582.
253. *Clark J. D.* The domestication process in North-East Africa // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984a. P. 25–41.
254. *Clark J. D.* Prehistoric cultural continuity and economic change in the Central Sudan in the early Holocene // *From Hunters to Farmers* (Clark et Brandt). 1984b. P. 113–126.
255. *Clark J. D.* Speculations on the origins of cereal cultivation in North-East Africa // *Studi Puglisi.* 1985.
256. *Clark J. D., Brandt S. A.* *From Hunters to Farmers.* Berkeley; London, 1984 (éd.).
257. *Clère. J.-J.* Un graffito du roi Djet dans le désert arabe // *ASAE.* 38. 1938. P. 85–93.
258. *Clère J. J., Vandier J.* *Textes de la Ire période intermédiaire et de la XIe Dynastie* // *BAe.* 10. Bruxelles, 1968.
259. *Close A. E.* Early Holocene raw material economies in the Western Desert of Egypt // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 163–170.
260. *Close A. E.* Living on the Edge: Northern Herders in the Eastern Sahara // *Antiquity.* 64. 1990. P. 79–96.
261. *Cooney J. D., Simpson W. K.* An Early Dynastic Statue of the Goddess Heqat // *Bull. Cleveland Mus. of Arts.* 63. 1976. P. 202–209.
262. *Corteggiani J.-P.* *L’Egypte des Pharaons au Musée du Caire.* Paris, 1979.
263. *Couyat J., Montet P.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât // *MMFAO.* 34. 1912.
264. *Crompton W. M.* A carved Slate Palette in the Manchester Museum // *JEA.* 5. 1918. P. 57.
265. *Crowfoot-Payne J.* An Early Amethyst Vase // *Mélanges Faulkner.* *JEA.* 60. 1974. P. 79–81.
266. *Crowfoot-Payne J.* Appendix to Naqada Excavations. Supplement // *JEA.* 73. 1987. P. 181–190.
267. *Dagnan-Ginter A. et al.* Excavations in the region of Qasr el-Sagha // *MDAIK.* 40. 1984. P. 33–102.
268. *Daumas F.* Le trône d’une statuette de Pepy I trouvé à Dendara // *BIFAO.* 52. 1953. P. 163–172.
269. *Davies N. de G.* *The Mastaba of Ptahotep and Akhetotep at Saqqarah.* London, 1901.
270. *Davies N. de G.* *The Tomb of Ken-Amun at Thebes.* New York, 1930.
271. *Davies O., Hugot H. J., Seddon D.* Origins of African Agriculture // *Current Anthropology.* Chicago, 1968. P. 479–509.
272. *Davies W. V., El Khoulî A., Lloyd A. B., Spencer A. J.* *The Mastabas of Mereri and Wernu.* London, 1984.
273. *Davis W. M.* Dating prehistoric Rock-drawings in Upper Egypt and Nubia // *Current Anthropology.* 19. 1978. P. 216–217.
274. *Davis W. M.* The foreign relations of Predynastic Egypt, I // *JSSEA.* 11/1. 1981. P. 21–28.
275. *Davis W. M.* Cemetery T at Nagada // *MDAIK.* 39. 1983. P. 17–28.
276. *Davis W. M.* The earliest art in the Nile Valley // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 81–94.
277. *Debono F.* Héliouan: El Omari // *CdE.* 41. 1946. P. 50–54.
278. *Debono F.* El Omari // *ASAE.* 48. 1948a. P. 561–583.
279. *Debono F.* Le Paléolithique final et le Mésolithique à Héliouan // *ASAE.* 48. 1948b. P. 629–637.
280. *Debono F.* Expédition archéologique royale au désert oriental (Keft-Kosseir) // *ASAE.* 51. 1951. P. 59–91.
281. *Debono F.* La nécropole prédynastique d’Héliopolis // *ASAE.* 52. 1954. P. 625–652.
282. *Debono F., Mortensen B.* The Predynastic Cemetery at Heliopolis // *AVDAIK.* 63. 1985.
283. *Denon Vivant.* *Voyage dans la Basse- et la Haute-Egypte.* London, 1802.

284. *Derchain P.* Le sacrifice de l'Oryx. Bruxelles, 1962.
285. *Derchain P.* Menès, le Roi «Quelqu'un» // RdE. 18. 1966. P. 31–36.
286. *Derchain P.* Snefrou et les rameuses // RdE. 21. 1969. P. 19–25.
287. *Derchain P.* Hathor Quadrifons. Istanbul, 1972.
288. *Derricourt R.* Radiocarbon chronology for Egypt and North Africa // JNES. 30. 1971. P. 271–292.
289. *Derry D. E.* The dynastic race in Egypt // JEA. 42. 1956. P. 80–85.
290. *Desroches-Noblecourt C.* Quatre objets protodynastiques provenant d'un «trésor» funéraire // RevL. 2. 1979. P. 108–117.
291. *Diop Ch. A.* Histoire primitive de l'Humanité. Evolution du Monde noir // Bull. Inst. franç. d'Afrique noire. 24. Dakar, 1962. P. 449–541.
292. *Dixon D. M.* A note on Cereals in Ancient Egypt // The Domestication and Exploitation of plants and animals (Ucko/Dimbleby). London, 1969. P. 131–142.
293. *Dreyer G.* Elephantine VIII. Der Tempel der Satet // AVDAIK. 39. 1986.
294. *Dreyer G.* Ein Siegel der frühzeitlichen Königsnekropole von Abydos // MDAIK. 43. 1987. S. 33–43.
295. *Dreyer G.* Umm-el-Qaab: Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof // MDAIK. 46. 1990. S. 53–89.
296. *Dreyer G., Kaiser W.* Zu den kleinen Stufenpyramiden Ober- und Mittelägyptens // MDAIK. 36. 1980. S. 43–60.
297. *Drioton L.* Un grattoir de scribe // ASAE. 41. 1942. P. 93–95.
298. *Drioton L.* Notes diverses // ASAE. 45. 1947. P. 53.
299. *Drioton L.* Une liste de rois de la IVe dynastie dans l'Ouadi Hammamat // BSFE. 16. 1954. P. 41–47.
300. *Dunbar J. H.* The Rock Pictures of Lower Nubia. Cairo, 1941.
301. *Dunham D.* Naga ed-Der. Stelae of the First Intermediate Period. London, 1937.
302. *Dunham D.* The biographical inscription of Nekhebu at Boston and Cairo // JEA. 24. 1938. P. 1 et s.
303. *Dunham D., Simpson W. K.* The Mastaba of Queen Mersyankh. Boston, 1974.
304. *Dzierzykray-Rogalski T.* Remarks on the position of Human Remains in the neolithic Graves at Kadero (Central Sudan) // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 333–336.
305. *Eaton-Krauss M.* Two representations of Blackskinned Statues in Ancient Egyptian Painting // JARCE. 13. 1976. P. 21–24.
306. *Eaton-Krauss M.* The representation of statuary in private tombs of the Old Kingdom // AA. 39. 1981.
307. *Edel E.* Untersuchungen zur Phraseologie der ägyptischen Inschriften des Alten Reiches // MDAIK. 13. 1944. S. 1–90.
308. *Edel E.* Inschriften des Alten Reiches. Reiseberichte des *Hrw-hwjf* (Herchuf) // Festschrift Grapow. 1955. S. 51–75.
309. *Edel E.* Zu den Inschriften auf den Jahreszeitenreliefs der “Weltkammer” aus dem Sonnenheiligtum des Niuserre // NAWG. 1961. S. 199–255.
310. *Edel E.* Die Felsgräbernekropole der Qubbet el-Hawa // Abh. Rhein.-Westfälische Akad. d. Wiss. 66. 1980.
311. *Edel E.* Felsinschriften aus dem Alten Reich auf der Insel Sehel // MDAIK. 37. Festschrift Habachi. 1981a. S. 125–134.
312. *Edel E.* Hieroglyphische Inschriften des Alten Reiches // Abh. der Rhein.-Westfäl. Akad. der Wiss. 67. 1981b.
313. *Edel E.* Ein bisher falsch gelesenes afrikanisches Produkt in der Inschrift des *Hrw-hwjf* (Herchuf) // SAK. II. 1984a. S. 187–193.
314. *Edel E.* Die Inschriften der Grabfronten der Siut-Gräber... // Abh. der Rhein.-Westfäl. Akad. der Wiss. 71. 1984b.

315. *Edel E.* Eine Althieratische Liste von Grabbeigaben aus einem Grab des späten Alten Reiches der Qubbet el-Hawa bei Assuan // NAWG 1987/6. 1987. S. 93–105.
316. *Edel E., Wenig S.* Die Jahreszeitenreliefs aus dem Sonnenheiligtum der Königs Ne-User-Re. Staatliche Mus. zu Berlin... ägypt. // Sammlung. 7. 1974.
317. *Edwards I. E. S.* Absolute Datings from Egyptian Records and Comparison with Carbon-14 Datings // The Impact of the Natural Sciences in Archaeology (Allibone). Oxford, 1970. P. 11–18.
318. *Edwards I. E. S.* The Air-channels of Chephren's Pyramid // Essays Dunham. 1981. P. 55–57.
319. *Edwards I. E. S.* The Pyramids of Egypt // Aylesbury (UK). 1985.
320. *Eggebrecht A.* Frühe Keramik aus El-Tarif // MDAIK. 30. 1974. S. 171–188.
321. *Eggebrecht A.* Das Alte Ägypten. Munich, 1984 (trad. franç., Paris, 1986).
322. *Ehret C.* On the Antiquity of Agriculture in Ethiopia // J. Afr. Hist. 20. 1979. P. 161–177.
323. *Ehrich R. W.* Chronologies in the Old World Archaeology. Chicago, 1965 (ed.).
324. *Eiwanger J.* Erster Vorbericht über die Wiederaufnahme der Grabungen in der neolithischen Siedlung Merimde-Benissalame // MDAIK. 34. 1978. S. 33–42.
325. *Eiwanger J.* Zweiter Vorbericht über die Wiederaufnahme... Merimde-Benissalame // MDAIK. 35. 1979. S. 23–57.
326. *Eiwanger J.* Dritter Vorbericht über die Wiederaufnahme... Merimde-Benissalame // MDAIK. 36. 1980. S. 61–76.
327. *Eiwanger J.* Die neolithische Siedlung von Merimde-Benissalame. Vierter Bericht // MDAIK. 38. 1982. S. 67–82.
328. *Eiwanger J.* Die Entwicklung der vorgeschichtlichen Kultur in Ägypten // 5000 Jahre Ägypten. 1983. S. 61–74.
329. *Eiwanger J.* Merimde-Benissalame I. Die Funde der Urschicht // AVDAIK. 47. 1984.
330. *Eiwanger J.* Die Archäologie der späten Vorgeschichte, Bestand und Perspektiven // Problems and Priorities in Egyptian Archaeology (Assman éd.). 1987. S. 87–103.
331. *Eiwanger J.* Merimde-Benissalame II. Die Funde der mittleren Merimdekultur // AVDAIK. 51. 1988.
332. *Elamin Y.* The later Palaeolithic in Sudan in the light of New Data from the Atbara // Nubian Culture, Past and Present (Hägg éd.). 1987. P. 33–46.
333. *El Naggar S.* Les systèmes de couverture dans l'architecture de l'Égypte ancienne. Thèse de Doctorat. Paris-Sorbonne, 1989.
334. *Emery W. B.* The Tomb of Hemaka // Service des Antiquités de l'Égypte. 1938.
335. *Emery W. B.* Hor-Aha // Excavations at Saqqara. 1937–1938. Cairo, 1939.
336. *Emery W. B.* Great Tombs of the First Dynasty, I // Excavations at Saqqara. Cairo, 1949.
337. *Emery W. B.* Saqqara and the Dynastic Race. London, 1952.
338. *Emery W. B.* Great Tombs of the First Dynasty. II. London, 1954.
339. *Emery W. B.* Great Tombs of the First Dynasty. III. London, 1958.
340. *Emery W. B.* Archaic Egypt. London, 1961.
341. *Emery W. B.* A funerary Repast in an Egyptian Tomb of the Archaic Period. Leiden, 1962.
342. *Emery W. B.* Preliminary Report on the Excavations at North Saqqara (1964–1965) // JEA. 51. 1965. P. 3–8.
343. *Emery W. B.* Preliminary Report on the Excavations at North Saqqara (1968–1969) // JEA. 56. 1970. P. 5–11.
344. *Emery W. B.* Preliminary Report on the Excavations at North Saqqara (1969–1970) // JEA. 57. 1971. P. 3–13.
345. *Emery-Barbier A.* L'Homme et l'environnement en Égypte durant la période prédynastique // Man's Role in the Shaping of the Eastern Mediterranean Landscape (Boltema et al. ed.). Rotterdam, 1990.
346. *Endesfelder E.* Zur Frage der Bewässerung im pharaonischen Ägypten // ZAS. 106. 1979. S. 37–51.

347. *Endesfelder E.* Zu einigen Aspekten der ökonomischen Entwicklung in der frühdynastischen Zeit Ägyptens // AoF. 7. 1980. S. 5–25.
348. *Endesfelder E.* Social and Economic Development towards the end of the Predynastic Period // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 95–100.
349. *Engelbach R.* Harageh. London, 1923.
350. *Engelbach R.* The Quarries of the Western Nubian Desert // ASAE. 33. 1933. P. 65–74.
351. *Engelbach R.* A foundation scene of the Second Dynasty // JEA. 20. 1934. P. 183–184.
352. *Engelmayer R.* Die Felsgravierungen im Distrikt Sayala-Nubien I. Österreich. Akademie der Wissen., Philosophisch-Historische Kl. 90. Wien, 1965
353. *Erman A., Simpson W. K.* The Ancient Egyptians (trad. Blackman). New York, 1966.
354. *Fairbridge R. W.* New Radio Carbon dates of the Sediments // Nature. 196. 1962. P. 109–110.
355. *Fairservis W. A.* Preliminary Report on the First Two Seasons at Hierakonpolis // JARCE. 9. 1972. P. 7–27, 67–69.
356. *Fairservis W. A.* Hierakonpolis. The graffiti and the origins of Egyptian hieroglyphic Writing. Vassar College, New York, 1983.
357. *Fakhry A.* The monuments of Sneferu at Dahshur I. The Bent Pyramid. Cairo, 1959
358. *Fakhry A.* The monuments of Sneferu at Dahshur II. The Valley Temple, the Temple Reliefs. Cairo, 1961.
359. *Fakhry A., Osing J. et al.* Denkmäler des Oase Dachla... // AVDIK. 28. Mayence, 1982.
360. *Farag R. A.* A Stela of Khasekhemui from Abydos // MDAIK. 36. 1980. P. 77–80.
361. *Fattovich R.* Elementi per una ricerca sulle origini della monarchia sacra egiziana // Riv. d. Studi Orientali. 45. 1970. P. 133–149.
362. *Fattovich R.* Remarks on the dynamics of State Formation in Ancient Egypt // Wiener Beiträge zur Ethnol. u. Anthropol. I. 1984. P. 29–78.
363. *Fattovich R.* Elementi per la preistoria del Sudan Orientale e dell Etiopia settentrionale // Studi Puglisi. 1985.
364. *Fattovich R.* At the Periphery of the Empire. The Gash Delta (Eastern Sudan) // Egypt and Africa. 1991. P. 40–48.
365. *Fattovich R., Marks A. E., Ali Moh.* The Archaeology of the Eastern Sahel // African Archaeological Review. 2. 1984. P. 173–188.
366. *Faulkner R. O.* The Rebellion in the Hare Nome // JEA. 30. 1944. P. 61–63.
367. *Faulkner R. O.* Egyptian Military Organisation // JEA. 39. 1953. P. 32–47.
368. *Faulkner R. O.* Notes on the «Admonitions of an Egyptian Sage» // JEA. 50. 1964. P. 24–36.
369. *Faulkner R. O.* The «Admonitions of an Egyptian Sage» // JEA. 51. 1965. P. 53–62.
370. *Faulkner R. O.* The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Oxford, 1969.
371. *Faucett C. D.* A second Study of the variation and correlation of the human skull with special reference to the Nagada Crania // Biometrika. I. 1902. P. 408–467.
372. *Fecht G.* Vorwurf an Gott in den «Mahn Worten des Ipu-Wer». Heidelberg, 1972.
373. *Fecht G.* Die Berichte des Hrwxwj.f über seine drei Reisen nach iAm // Festschrift Edel. 1979. S. 105–134.
374. *Fecht G.* Ptahhotep und die Disputierer // MDAIK. 37. 1981. S. 143–150.
375. *Ferembach D.* L'ancêtre de l'Homme du Paléolithique supérieur était-il néanderthalien? // Origine de l'homme moderne. Colloque de l'Unesco, 1972. P. 73–80.
376. *Finkenstaedt E.* The chronology of Egyptian Predynastic Black Topped Ware // ZÄS. 103. 1976. P. 5–8.
377. *Finkenstaedt E.* Egyptian Ivory Tusks and Tubes // ZÄS. 106. 1979. P. 51–59.
378. *Finkenstaedt E.* Regional Painting Style in prehistoric Egypt // ZÄS. 107. 1980. P. 116–120.
379. *Finkenstaedt E.* The location of style in painting: White Cross-lined Ware at Naqada // JARCE. 18. 1981. P. 7–10.

380. *Finkensstaedt E.* Beads at Badari // ZÄS. 110. 1983. P. 27–29.
381. *Finkensstaedt E.* Violence and Kingship // ZÄS. 101. 1984. P. 107–110.
382. *Finkensstaedt E.* Cognitive vs. Ecological Niches in Prehistoric Egypt // JARCE. 22. 1985. P. 143–147.
383. *Firth C. M., Quibell J. E.* Excavations at Saqqara // The Step Pyramid. Cairo, 1936.
384. *Fischer H. G.* Four Provincial Administrators at the memphite Cemeteries // JAOS. 74. 1954. P. 26–34.
385. *Fischer H. G.* A fragment of Late Predynastic Egyptian Relief from the Eastern Delta // Artibus Asiae. 21. 1958. P. 64–88.
386. *Fischer H. G.* A scribe of the Army in a Saqqara Mastaba of the Early Fifth Dynasty // JNES. 18. 1959. P. 233–272.
387. *Fischer H. G.* An Egyptian Royal Stela of the Second Dynasty // Artibus Asiae. 24. 1961a. P. 45–56.
388. *Fischer H. G.* A First Dynasty Bowl inscribed with the group *ḥt* // CdE. 36. 1961b. P. 19–22.
389. *Fischer H. G.* The Nubian Mercenaries of Gebelein during the First Intermediate Period // Kush. 9. 1961c. P. 44–80.
390. *Fischer H. G.* Three Old Kingdom Palimpsests in the Louvre // ZÄS. 86. 1961d. P. 21–31.
391. *Fischer H. G.* The Cult and Nome of the Goddess Bat // JARCE. 1. 1962. P. 7–23.
392. *Fischer H. G.* Varia Aegyptiaca // JARCE. 2. 1963. P. 17–51.
393. *Fischer H. G.* Inscriptions from the Coptic Nome // AnOr. 40. 1964.
394. *Fischer H. G.* Dendera in the IIIrd Millenium BC. New York. 1968a.
395. *Fischer H. G.* Ancient Egyptian representations of Turtles. New York, 1968b.
396. *Fischer H. G.* *Nbty* in Old Kingdom titles and names // JEA. 60. 1974. P. 94–99.
397. *Fischer H. G.* Administrative titles of women in the Old and Middle Kingdom // Varia (Fischer). New York, 1976.
398. *Fischer H. G.* Three stelae from Naga ed-Deir // Essays Dunham. 1981. P. 58–68.
399. *Fleming H. C.* The classification of West-Cushitic within Hamito-Semitic // East African History (McCall et al.). New York, 1969. P. 3–27.
400. *Forbes R. J.* Studies in Ancient Technology. I. Leiden, 1955.
401. *Forde-Johnstone J. L.* Neolithic Cultures of North Africa. Liverpool, 1959.
402. *Foster J. L.* Some observations on Pyramid Texts 273–274 // JSSEA. 10. 1979. P. 51–63.
403. *Frankipane M.* Early developments of metallurgy in the Near East // Studi Puglisi. 1985.
404. *Frankfort H.* The Origin of Monumental Architecture in Egypt // AJSL. 58. 1941. P. 329.
405. *Frankfort H.* Kingship and the Gods. Chicago, 1948.
406. *Frankfort H.* The birth of Civilisation in the Near East. 4e éd. London, 1951, 1959.
407. *Frankfort H.* Pyramid Temples and the Religion of the Old Kingdom // BiOr. 10. 1953. P. 157–162.
408. *Gabra S. M.* Fouilles à Deir Tasa // ASAE. 30. 1930. P. 141–158.
409. *Gardiner A. H.* The Admonitions of an Egyptian Sage. Leipzig, 1909.
410. *Gardiner A. H.* Egyptian Grammar. London, 1927, 3e éd., 1957.
411. *Gardiner A. H.* Horus the Behdetite // JEA. 30. 1944. P. 23–60.
412. *Gardiner A. H.* Regnal years and civil calendar in pharaonic Egypt // JEA. 31. 1945. P. 11–28.
413. *Gardiner A. H.* Ancient Egyptian Onomastica = AEO. Oxford, 1947.
414. *Gardiner A. H.* The Personal Name of King Serpent // JEA. 44. 1958. P. 38–39.
415. *Gardiner A. H.* The Royal Canon of Turin. Oxford, 1959.
416. *Gardiner A. H.* Egypt of the Pharaohs. Oxford, 1961.
417. *Gardiner A. H., Peet T. E., Černý J.* The Inscriptions of Sinai. II. London, 1955.
418. *Gardiner A. H., Sethe K.* Egyptian Letters to the Dead. London, 1928.
419. *Garnot J. Sainte-Fare.* Sur quelques noms royaux des seconde et troisième dynasties égyptiennes // BIE. 37. 1956. P. 317–328.

420. *Gauthier H.* Quatre nouveaux fragments de la Pierre de Palerme // *Le Musée égyptien*. 3. 1915. P. 29–53.
421. *Gauthier H.* Quelques additions au «*Livre des Rois d'Égypte*» // *RT*. 40. 1928. P. 177–204.
422. *Gautier A.* Quaternary mammals and archaeozoology of Egypt and the Sudan // *Krzyżaniak et Kobusiewicz*. 1984. P. 43–56.
423. *Gautier A., Muzzolini A.* The life and Times of the Giant Buffalo... in North Africa // *Archaeozoologia*. IV. 1991. P. 39–92.
424. *Geus F.* Franco-Sudanese Research in the Sudan, 1975–1979 // *Nyame Akuma*. 16. 1980. P. 11–47.
425. *Geus F.* Excavations at el-Kadada and the Neolithic of the Central Sudan // *Krzyżaniak et Kobusiewicz*. 1984a. P. 361–372.
426. *Geus F.* Rescuing Sudan Ancient Cultures. Khartoum, 1984b.
427. *Geus F.* Burial Customs in the Upper Main Nile // *Egypt and Africa*. 1991. P. 57–73.
428. *Geus F., Reinold J.* Fouille de sauvetage à el-Kadada // *CRIPEL*. 5. 1979. P. 1–157.
429. *Geller J. R.* Recent Excavations at Hierakonpolis and their relevance to Predynastic Production and Settlement // *CRIPEL*. 11. 1989. P. 41–52.
430. *Ginter B., Kozłowski J. K., Sliwa J.* Predynastic Settlement in El-Tarif // *MDAIK*. 35. 1978. P. 87–103.
431. *Ginter B., Heflik W., Kozłowski J. K., Sliwa J.* Excavations in the region of Qasr el-Sagha. Contribution to the Holocene Geology // *MDAIK*. 36. 1979. P. 105–170.
432. *Ginter B., Kozłowski J. K., Drobniewicz B.* Silexindustrien von El-Tarif // *AVDIK*. 26. 1979.
433. *Ginter B., Kozłowski J. K.* The Tarifian and the Origin of the Nagadian // *Krzyżaniak et Kobusiewicz*. 1984. P. 247–260.
434. *Ginter B., Kozłowski J. K., Paulikowski M.* Field record of the survey conducted in Upper Egypt in 1983 // *MDAIK*. 41. 1985. P. 15–42.
435. *Giot P. R., Langouet L.* La datation du Passé. Rennes, 1984.
436. *Glanville S. R. K.* An archaic statuette from Abydos // *JEA*. 17. 1931. P. 65–66.
437. *Godron G.* A propos du nom royal // *ASAE*. 49. 1949. P. 217–220.
438. *Godron G.* Etudes sur l'époque archaïque // *BIFAO*. 57. 1958. P. 143–155.
439. *Godron G.* Etudes sur l'Horus Den, etc., *Cahiers d'Orientalisme*. XIX. Genève, 1989.
440. *Godron G.* Recherches sur l'époque thinite // *BiOr*. 48. 1991. P. 13–24.
441. *Goedicke H.* An approximative date for the harem investigation under Pepy I // *JAOS*. 74. 1954. P. 88–89.
442. *Goedicke H.* The Abydene Marriage of Pepy I // *JAOS*. 75. 1955a. P. 180–183.
443. *Goedicke H.* A deification of a private person in the Old Kingdom // *JEA*. 41. 1955b. P. 31–33.
444. *Goedicke H.* King *Hwdj*? // *JEA*. 42. 1956a. P. 50–53.
445. *Goedicke H.* The pharaoh *Ny-Swth* // *ZÄS*. 81. 1956b. P. 14–15.
446. *Goedicke H.* Verhältnis zwischen königlichen und privaten Darstellungen im Alten Reich // *MDAIK*. 15. 1957a. S. 57–67.
447. *Goedicke H.* A lion-cult of the Old Kingdom connected with the royal Temple // *RdE*. 11. 1957b. P. 58–60.
448. *Goedicke H.* Die Stellung des Königs im Alten Reich // *AA*. 2. 1960a.
449. *Goedicke H.* The Title in the Old Kingdom // *JEA*. 46. 1960b. P. 60–64.
450. *Goedicke H.* Die Siegelzylinder von Pepi I // *MDAIK*. 17. 1961. S. 69–70.
451. *Goedicke H.* Zu Chronologie der sogenannten «Ersten Zwischenzeit» // *ZDMG*. 37. 1963a. S. 239–254.
452. *Goedicke H.* The Alleged Military Campaign in Southern Palestine in the reign of Pepi I // *RSO*. 38. 1963b. P. 187–197.
453. *Goedicke H.* Bemerkungen zum Siegelzylinder Berlin Inv. n° 20659 // *ZÄS*. 92. 1965. S. 32–38.

454. *Goedicke H.* Königliche Dokumente aus dem Alten Reich // AA. 14. 1967a.
455. *Goedicke H.* Admonitions 3.6–10 // JARCE. 6. 1967b. P. 93–95.
456. *Goedicke H.* Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich // WZKM. 5. 1970.
457. *Goedicke H.* Re-used blocks from the Pyramid of Amenemhat I at Lisht // MMAEE. 20. 1971.
458. *Goedicke H.* Hieroglyphic Inscriptions of the Old Kingdom // Hommages à Champollion. 1972. P. 15–24.
459. *Goedicke H.* The archaic private cylinder seals as funerary documents // BES. 5. 1983. P. 31–39.
460. *Goedicke H.* The death of Pepi II-Neferkare // SAK. 15. 1988a. P. 111–122.
461. *Goedicke H.* The high price of burial // JARCE. 25. 1988b. P. 195–199.
462. *Goedicke H.* The Pepi II Decree from Dakhleh // BIFAO. 89. 1989. P. 203–212.
463. *Gomaa F.* Ägypten während der Ersten Zwischenzeit // TAVO. 27. 1980.
464. *Goneim Z.* Horus Sekhem-khet. The unfinished Step Pyramid. Cairo, 1957.
465. *Gophna R.* Egyptian First Dynasty. Tel Aviv, 1972.
466. *Gophna R.* Egyptian immigration into Southern Canaan during the First Dynasty? // Tel Aviv. 3. 1976. P. 31–37.
467. *Goyon G.* Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. Paris, 1957.
468. *Goyon G.* Les navires de transport de la Chaussée monumentale d'Ounas // BIFAO. 69. 1971. P. 11–41.
469. *Gratien B.* Les cultures Kerma. Essai de classification. Lille, 1978.
470. *Gratien B.* Les Egyptiens en Nubie. Thèse de Doctorat. Paris-Sorbonne, 1990.
471. *Gratien B.* Prosopographie des Nubiens et des Egyptiens en Nubie avant le Nouvel Empire // CRIPEL. Supplément n° 2. Lille, 1991.
472. *Grdseloff B.* Notes sur deux monuments inédits de l'Ancien Empire // ASAE. 42. 1943. P. 107–125.
473. *Grdseloff B.* Notes d'épigraphie archaïque // ASAE. 44. 1944. P. 279–302.
474. *Greenberg J. H.* Studies in African Linguistic Classification. New Haven, 1955.
475. *Griffiths J. Gwyn.* The conflict of Horus and Seth from Egyptian and Classical Sources. Liverpool, 1960.
476. *Griffiths J.* The interpretation of the Horus-Myth of Edfu // JEA. 44. 1958. P. 75–85.
477. *Griffiths J.* The Origins of Osiris // MÄS. 9. 1966.
478. *Griffiths J.* Plutarch's De Iside et Osiride. Swansea, 1970.
479. *Grimal N.* Histoire de l'Égypte ancienne. Paris, 1988.
480. *Gunn B.* Inscriptions from the Step Pyramid Site, III // ASAE. 28. 1928. P. 153–174.
481. *Haaland R.* Continuity and Discontinuity. How to account for a two thousand years gap in the cultural history of the Khartoum Nile environment // Norwegian Archaeol. Review. 17. 1984. P. 39–51.
482. *Habachi L.* A First Dynasty cemetery at Abydos // ASAE. 39. 1939. P. 767–774.
483. *Habachi L., Kaiser W.* Ein Friedhoff der Maadikultur bei es Saff // MDAIK. 41. 1985. S. 43–46.
484. *Harlan J. R.* The Origins of indigenous African agriculture // Cambridge History of Africa. Cambridge, 1982. P. 624–657.
485. *Harpur Y.* The identity and positions of relief fragments in Museums and private Collections // JEA. 71. 1987. P. 27–42.
486. *Harpur Y.* Decoration in Egyptian Tombs of the Old Kingdom. London, 1988.
487. *Harpur Y.* Further reliefs from the Chapel of *R^c-htp* at Meydum // JEA. 73. 1989. P. 197–200.
488. *Harris J. R.* A new fragment of the battlefield palette // JEA. 46. 1960. P. 104–105.
489. *Harris J. R.* Lexicographical studies in ancient Egyptian Minerals. Berlin, 1961.
490. *Hassan F. A.* Archaeological exploration of the Siwa Region // Current Anthropology. 19. 1978a. P. 146–148.

491. *Hassan F. A.* The Sebilian of the Nile Valley // Views of the Past. The Hague-Paris, 1978b. P. 153–178.
492. *Hassan F. A.* Origin of civilization in Predynastic Egypt // Bull. Assoc. inter. Etudes préhist. égyptiennes. I. 1980a. P. 16–23.
493. *Hassan F. A.* Prehistoric settlements along The Main Nile // Williams et Faure. 1980b. P. 121–150.
494. *Hassan F. A.* Historical Nile Floods and their implications for climatic change // Science. 212. 1981. P. 1142–1143.
495. *Hassan F. A.* The roots of Egyptian writing // Quarterly Review of Archaeology. I. 1983a. P. 7–8.
496. *Hassan F. A.* The origins of the Egyptian civilization // ASAE. 65. 1983b. P. 135–148.
497. *Hassan F. A.* A Radiocarbon date from Hamamich, Upper Egypt // Nyame Akuma, n° 24–25. 1984a. P. 3.
498. *Hassan F. A.* Toward a model of agricultural development in Predynastic Egypt // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984b. P. 221–224.
499. *Hassan F. A.* Paleoenvironment and contemporary archaeology // Archaeological Geology (Rapp/Gifford éd.). New Haven; London, 1985.
500. *Hassan F. A.* The Predynastic of Egypt // Journal of World Prehistory. 2. 1988. P. 135–185.
501. *Hassan F. A., Gross G. T.* Resources and subsistence during the early Holocene at Siwa Oasis // Festschrift Wendorf. 1987. P. 85–104.
502. *Hassan F. A., Robinson Saint W.* High precision radiocarbon chronometry of Ancient Egypt and comparison with Nubia, Palestine and Mesopotamia // Antiquity. 61. 1987. P. 119–135.
503. *Hassan Selim.* The causeway of Wnis at Saqqara // ZĀS. 80. 1955. P. 140.
504. *Hawass Z.* Archaic graves recently found at North Abu Roash // MDAIK. 36. 1980. P. 229–240.
505. *Hawass Z.* The Khufu statuette: is it an Old Kingdom sculpture? // Mélanges Mokhtar. I. 1985. P. 379–394.
506. *Hayes W. C.* Royal Decrees from the Temple of Min at Coptos, *JEA*, 32, 1946 3–23.
507. *Hayes W. C.* Manche en ivoire gravé prédynastique au Metropolitan Museum, *CdE*, 22, 1947a 220–222.
508. *Hayes W. C.* Horemkha'uef of Nekhen and his trip to It-Towe, *JEA*, 33, 1947b 3–11.
509. *Hayes W. C.* *The scepter of Egypt*, New York. 1953
510. *Hayes W. C.* *Most Ancient Egypt*, Chicago. 1965
511. *Hayes W. C.* Chronology-Egypt, *CAH*, 1970 173–193.
512. *Hays T. R.* Predynastic Egypt: Recent Field of Research // Current Anthropology. 17. 1976a. P. 552–553.
513. *Hays T. R.* Neolithic Economy at el-Khatara. Arlington (Texas), 1976c.
514. *Hays T. R.* Predynastic development in Upper Egypt / Krzyżaniak L., Kobusiewicz. M., 1984a. P. 211–220.
515. *Hays T. R.* A reappraisal of the Egyptian Predynastic // Clark et Brandt. 1984b. P. 65–73.
516. *Helck W.* Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen alten Reichen // AF. 18. 1954.
517. *Helck W.* Untersuchungen zu Manetho // Unt. 18. 1956.
518. *Helck W.* Das Kleidertäfelchen aus der Pyramide des *Shm-ht* // WZKM. 54. 1957a. S. 72–76.
519. *Helck W.* Bemerkungen zu den Pyramidenstädten im Alten Reich // MDAIK. 15. Festschrift Junker. 1957b. S. 91–111.
520. *Helck W.* Die Beziehung Ägyptens zu Vorderasiens im 3. und 2. Jahrtausend von Chr. // ÄA. 5. 1971.
521. *Helck W.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend von Chr. Leiden; Cologne, 1975.
522. *Helck W.* Der Name des letzten Königs der 3. Dynastie und die Stadt Ehnas // SAK. 4. 1976. S. 125–130.

523. *Helck W.* Die Datierung der Gefäßaufschriften aus der Djoserpyramide // ZÄS. 106. 1979a. S. 120–132.
524. *Helck W.* Einige Betrachtungen zu den frühesten Beziehungen zwischen Ägypten u. Vorderasien // Ugarit-Forschungen. 11. 1979b. S. 357–363.
525. *Helck W.* Untersuchungen zur Thinitenzeit // ÄA. 45. 1987.
526. *Hellström P.* The Book Drawings // SJE. 1.1 et 1.2. 1970.
527. *Hennessy J. B.* Foreign Relations of Palestine during the Early Bronze Age. London, 1967. P. 26–35 et 45–62.
528. *Hertz A.* Stammen die ägyptischen Gefäße mit Wellenhenkeln aus Palästina? // WZKM. 35. 1928. S. 66–83.
529. *Hiernaux J.* The People of Africa. London, 1974.
530. *Hirschberg W.* Kulturgeschichtliche Daten zu Frosch und Kröte in Afrika // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. 110. Horn; Wien, 1980. S. 28–52.
531. *Hoffman M. A.* Egypt before the Pharaohs. New York, 1979.
532. *Hoffman M. A.* A rectangular Amratian House from Hierakonpolis // JNES. 39. 1980a. P. 119–137.
533. *Hoffman M. A.* Ghosts in the sand. New archaeological discoveries at Hierakonpolis // Arts in Virginia. 21. 1980b. P. 2–17.
534. *Hoffman M. A.* The Predynastic of Hierakonpolis // Egyptian Studies Association. Cairo, 1980c.
535. *Hoffman M. A.* New Excavations at Hierakonpolis. A multidisciplinary approach to the origin of the Egyptian State // Anthropology. 4. 1981. P. 51–70.
536. *Hoffman M. A., Hamroush H. A., Allen R. O.* A model of Urban Development for the Hierakonpolis region from Predynastic through Old Kingdom times // JARCE. 23. 1986. P. 175–187.
537. *Hoffman M. A., Hamroush H. A., Allen R. O.* The environment and evolution of an early Egyptian Urban Center... Hierakonpolis // Geoarchaeology. 2. 1987. P. 1–13.
538. *Hofmann I.* Die Kulturen des Niltals. Hamburg, 1967.
539. *Hofmann I.* Zu den sogenannten Denkmälern der Könige Skorpion und *Dr* am Jebel Sheikh Suliman // BiOr. 28. 1971. S. 308–309.
540. *Holmes D. L.* The Predynastic Lithic Industries of Upper Egypt // BAR. Inter. Series. 456. Oxford, 1989.
541. *Hölscher U.* Das Grabdenkmal des Königs Chephren. Leipzig, 1912.
542. *Hornblower G. D.* Predynastic figures of women // JEA. 15. 1929. P. 29–47.
543. *Hornung E.* Die Bedeutung des Tieres im Alten Ägypten // Studium Generale, 20. Berlin; New York, 1967. S. 69–84.
544. *Hornung E.* Der Eine und der Viele. 1971, франц. перевод: Les dieux de l'Égypte, le Un et le Multiple. Paris, 1986.
545. *Hornung E., Staehelin E.* Studien zur Sedfest // AH. 1. Genève; Bâle, 1974.
546. *Hurst H. E.* The Nile. London, 1952.
547. *Huart P., Leclant J.* La Culture des Chasseurs du Nil et du Sahara // Mémoires du CRAPE. Alger, 1980.
548. *Hussein A. M.* Fouilles sur la Chaussée d'Ounas // ASAE. 43. 1942. P. 439–442.
549. *Huzayyin S. A.* Some new light on the beginnings of Egyptian Civilization // BSGE. 20. 1939. P. 203–273.
550. *Huzayyin S. A.* The Place of Egypt in Prehistory // MIE. 43. 1941.
551. *Isler M.* On Pyramid Building II // JARCE. 24. 1987. P. 95–112.
552. *Jacquet-Gordon H.* Les noms de domaines funéraires sous l'Ancien Empire // BdE. 34. 1962.
553. *Janosi P.* Die Pyramidenanlage der «anonymen Königin» des Djedkarê-Isesi // MDAIK. 45. 1989. S. 187–282.

554. *Janssen J.* De traditioneele egyptische autobiographie voor het Nieuwe Rijk. Leiden, 1946.
555. *Jéquier G.* Tombeaux de particuliers contemporains de Pepi II. Le Caire, 1929.
556. *Jéquier G.* Vases de pierre de la VIe dynastie // ASAE. 34. 1934. P. 97–113.
557. *Jéquier G.* La Pyramide d'Aha. Le Caire, 1935.
558. *Jéquier G.* Le monument funéraire de Pepi II: Le Tombeau royal. Le Caire, 1936.
559. *Jéquier G.* Ibid.: Le Temple. Le Caire, 1938.
560. *Jéquier G.* Douze ans de fouilles dans la Nécropole memphite. Neuchâtel, 1940.
561. *Johnson S. B.* The Cobra Goddess of Ancient Egypt. I. London, 1990.
562. *Junker H.* Die Entwicklung der vorgeschichtlichen Kultur im Ägypten // Festschrift P. W. Schmidt. Wien, 1928. S. 865–896.
563. *Junker H.* Giza II. Wien; Leipzig, 1934.
564. *Junker H.* Die Geisteshaltung der Ägypter in der Frühzeit // Sb. Wien, 1961. S. 237.
565. *Kadish G. E.* Old Kingdom Egyptian Activity in Nubia // JEA. 52. 1966. P. 23–33.
566. *Kadish G. E.* An Inscription from an Early Egyptian Fortress // JNES. 29. 1970. P. 99–102.
567. *Kaiser W.* Stand und Probleme der Ägyptischen Vorgeschichtsforschung // ZÄS. 81. 1956a. S. 87–109.
568. *Kaiser W.* Zu dem Sonnenheiligtümern der 5. Dynastie // MDAIK. 14. 1956b. S. 104–106.
569. *Kaiser W.* Zur Inneren Chronologie der Naqadakultur // Archaeologia Geographica. 61. 1957. S. 69–77.
570. *Kaiser W.* Zur Vorgeschichtlichen Bedeutung von Hierakonpolis // MDAIK. 16. 1958. S. 183–192.
571. *Kaiser W.* Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit I // ZÄS. 84. 1959. S. 119–132.
572. *Kaiser W.* Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit I (продолжение) // ZÄS. 85. 1960. S. 118–137.
573. *Kaiser W.* Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit II // ZÄS. 86. 1961a. S. 39–61.
574. *Kaiser W.* Bericht über eine archäologisch-geologische Felduntersuchung in Ober- und Mittelägypten // MDAIK. 17. 1961b. S. 1–53.
575. *Kaiser W.* Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit III // ZÄS. 91. 1964. S. 36–125.
576. *Kaiser W.* Zu den Quellen der ägyptischen Geschichte Herodots // ZÄS. 94. 1967. S. 92–116.
577. *Kaiser W.* Zu den königlichen Talbezirken der 1. und 2. Dynastie in Abydos und zur Bau-geschichte des Djoser-Grabmals // MDAIK. 25. 1969. S. 1–21.
578. *Kaiser W.* Studien zur Vorgeschichte Ägyptens. I. Glückstadt, 1974.
579. *Kaiser W.* Zu den Königsgräbern der 1. Dynastie in Umm el-Qaab // MDAIK. 37. 1981. S. 247–254.
580. *Kaiser W.* Zu den der älteren Bilddarstellungen und der Bedeutung von *rpw.t* // MDAIK. 39. 1983. S. 261–296.
581. *Kaiser W.* Ein Kultbezirk des Königs Den in Sakkara // MDAIK. 41. 1985a. S. 47–60.
582. *Kaiser W.* Zur Südausdehnung des vorgeschichtlichen Deltakulturen und zur frühen Ent-wicklung Oberägyptens // MDAIK. 39. 1985b. S. 61–87.
583. *Kaiser W.* Zu Entwicklung und Vorformen der frühzeitlichen Gräber mit reich Geglieder-ter Oberbaufassade // Mém. Mokhtar. 1985c. S. 25–38.
584. *Kaiser W.* Vor- und Frühgeschichte // LÄ. VI. 1986. S. 1069–1076.
585. *Kaiser W.* Zum Siegel mit frühenkönigsnamen von Umm el-Qaab // MDAIK. 43. 1987a. S. 115–119.
586. *Kaiser W.* Zum Friedhof der Naqadakultur von Minshat-Abu-Omar // ASAE. 71. 1987b. S. 119–125.
587. *Kaiser W.* Zur Entstehung des gesamtägyptischen Staates // MDAIK. 46. 1990. S. 263–299.
588. *Kaiser et al.* Stadt und Tempel von Elephantine 17/18. Grabungsbericht // MDAIK. 46. 1990. S. 242–244.
589. *Kaiser W., Grossmann P.* Umm el-Qaab // MDAIK. 35. 1979. S. 155–164.
590. *Kaiser W., Dreyer G.* Umm el-Qaab, 2 // MDAIK. 38. 1982. S. 211–269.

591. *Kaiser W., Dreyer G. et al.* Stadt und Tempel Elephantine // MDAIK. 33. 1977. S. 63–100.
592. *Kaiser W., Dreyer G. et al.* Ibid. // MDAIK. 36. 1980. S. 245–292.
593. *Kaiser W., Dreyer G. et al.* Ibid. // MDAIK. 40. 1984. S. 169–205.
594. *Kaiser W., Dreyer G. et al.* Ibid. // MDAIK. 43. 1987. S. 75–114.
595. *Kaiser W., Dreyer G. et al.* Ibid. // MDAIK. 44. 1988. S. 125–182.
596. *Kaiser W., Zaugg A.* Zum Fundplatz der Maadikultur bei Tura // MDAIK. 44. 1988. S. 121–124.
597. *Kanawati N.* The Rock Tombs of el-Hawawish. Sydney, 1980.
598. *Kanawati N.* Governmental reforms in the Old Kingdom Egypt. Warminster, 1981.
599. *Kanawati N.* New evidence on the reign of Userkare? // GM. 83. 1984. P. 31–38.
600. *Kantor H. J.* The early relations of Egypt with Asia // JNES. 1. 1942. P. 174–213.
601. *Kantor H. J.* The final phase of the Predynastic Culture: Gerzean or Semamean // JNES. 3. 1944. P. 110–136.
602. *Kantor H. J.* Further evidence for early Mesopotamian relations with Egypt // JNES. 11. 1952. P. 239–250.
603. *Kantor H. J.* The relative chronology of Egypt and its foreign correlations before the Late Bronze Age // Chronologies in Old World (Ehrich ed.). Chicago, 1965. P. 1–46.
604. *Kaplan J.* The connections of the Palestinian Chalcolithic Culture with Prehistoric Egypt // IEJ. 9. 1959. P. 134–136.
605. *Kaplan J.* The problem of the dynastic position of Meryet-Nit // JNES. 38. 1979. P. 23–27.
606. *Kaplony P.* Zu den beiden Harpunenzeichen des Narmerpalette // ZÄS. 83. 1958a. S. 76–78.
607. *Kaplony P.* Sechs Königsnamen der 1. Dynastie in neuer Deutung // OrSu. 7. 1958b. S. 54–59.
608. *Kaplony P.* Zwei neue Götterfestungen der ägyptischen Frühzeit // ZDMG. 11. 1961. S. 379–380.
609. *Kaplony P.* Göttespalast und Götterfestungen in der ägyptischen Frühzeit // ZÄS. 88. 1962. S. 5–16.
610. *Kaplony P.* Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit // ÄA. 8. 1963.
611. *Kaplony P.* Ibid. (Supplement) // ÄA. 9. 1964.
612. *Kaplony P.* Eine Schminkepalette von König Skorpion // Or. 34. 1965. S. 132–167.
613. *Kaplony P.* Djer // LÄ. I. 1974. S. 1109–1111.
614. *Kaplony P.* Die Rollsiegel im Alten Reich. Bruxelles, 1977.
615. *Kaplony P.* Katalog der Rollsiegel. Bruxelles, 1981.
616. *Kasser R.* Dialectologie // Textes et Langues. BdE. 64. 1972. P. 107–115.
617. *Kees H.* Beiträge zur Geschichte des Vizirats im Alten Reich // NAWG. 1940.
618. *Kees H.* Der Götterglaube im Alten Ägypten. Leipzig, 1941.
619. *Kees H.* Zur Problematik des archaischen Friedhofes bei Sakkara // OLZ. 52. 1957. S. 12–20.
620. *Kees H., James T. G. H.* Ancient Egypt. A cultural topography. London, 1961.
621. *Keimer L.* Die Gartenpflanzen im Alten Ägypten. Hamburg, 1924.
622. *Keimer L.* Sur deux vases prédynastiques de Khomez // ASAE. 35. 1935. P. 161–181.
623. *Keimer L.* Sur deux représentations égyptiennes du gerenuk // ASAE. 41. 1942. P. 161–181.
624. *Keimer L.* Histoires de serpents dans l'Égypte ancienne et moderne. Le Claire, 1947.
625. *Keimer L.* Remarques sur le tatouage dans l'Égypte ancienne // MIE. 53. 1948.
626. *Kelley A. L.* Cylinder seals in Predynastic Egypt // JSSEA. 4/2. 1973. P. 5–8.
627. *Kelley A. L.* The evidence of Mesopotamian Influence in Predynastic Egypt // JSSEA. 4/3. 1974a. P. 2–11.
628. *Kelley A. L.* Reserved Heads // JSSEA. 5/1. 1974b. P. 6–12.
629. *Kelley A. L.* A Review of the Evidence Concerning Early Egyptian Ivory Knife Handles / Hommages R. J. Williams. 1983. P. 95–102.

630. *Kemp B. J.* Excavations at Hierakonpolis Fort 1905 // JEA. 49. 1963. P. 24–28.
631. *Kemp B. J.* Abydos and the Royal Tombs of the 1st Dynasty // JEA. 52. 1966. P. 13–22.
632. *Kemp B. J.* The Egyptian 1st Dyn. Royal Cemetery // Antiquity. 41. 1967. P. 22–32.
633. *Kemp B. J.* Merimde and the theory of house burial in Prehistoric Egypt // CdE. 43. 1968a. P. 22–33.
634. *Kemp B. J.* The Osiris Temple at Abydos // MDAIK. 23. 1968b. P. 138–155.
635. *Kemp B. J.* Photographs of the decorated Tomb at Hierakonpolis // JEA. 59. 1973. P. 36–43.
636. *Kemp B. J.* Dating pharaonic cemeteries, I // MDAIK. 31. 1975. P. 259–281.
637. *Kemp B. J.* Early development of towns in Egypt // Antiquity. 51. 1977. P. 185–200.
638. *Kemp B. J.* Egyptian radiocarbon dating: a reply to James Mellart // Antiquity. 54. 1980. P. 25–28.
639. *Kemp B. J.* Automatic analysis of Predynastic cemeteries // JEA. 68. 1982. P. 5–15.
640. *Kemp B. J.* Old Kingdom, Middle Kingdom and Second Intermediate Period in Egypt // Ancient Egypt (Trigger et al.). P. 71–182. Ср. под тем же названием в The Cambridge History of Africa. Volume I: From the Earliest Times to c. 500 BC. Edited by J. Desmond Clark. Cambridge, 1982. Chap. 10. 1983. P. 658–769.
641. *Kemp B. J.* The location of the Early Town of Dendera // MDAIK. 41. 1985. P. 84–98.
642. *Kemp B. J.* Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London; New York, 1989.
643. *Khoulî A. el-.* Egyptian stone vessels. Predynastic Period to Dynasty III. Mayence, 1978.
644. *Kitchen K. A.* Ramesside Inscriptions (= KRI). Oxford, 1979.
645. *Kobusiewicz M.* Der Übergang vom Spätpaläolithikum zum Neolithikum // Beiträge zur Allgemeinen u. Vergleichenden Archäologie. 2. München, 1980. S. 337–350.
646. *Kozłowski J. K., Ginter B.* The Fayum Neolithic in the Light of New Discoveries // Recherches Archéologiques de 1984. Krakow, 1986. P. 84–99.
647. *Kroeper K., Wildung D.* Minshat Abu Omar: Münchener Ostdelta-Expedition. Vorbericht 1978–1984. Munich, 1985.
648. *Kroeper K.* The Excavations in Minshat Abu Omar // Archaeology of the Nile Delta. E. C. Brink (ed.). 1988. P. 11–46.
649. *Krzyżaniak L.* Early Farming Cultures on the Lower Nile. The Predynastic Period in Egypt. Varsovie, 1977.
650. *Krzyżaniak L.* Débuts de la domestication [...] dans les pays du Nil // BSFE. 96. 1983. P. 4–13.
651. *Krzyżaniak L., Kobusiewicz M.* Origin and early Development of Food-producing Cultures in North-Eastern Africa. Poznan, 1984 (ed.)
652. *Krzyżaniak L., Kobusiewicz M.* Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara. Poznan, 1989.
653. *Kuper R.* Untersuchungen zur Besiedlungsgeschichte der Östlichen Sahara // Beiträge z.a.u.v.Arch. 3. Munich, 1981. S. 215–275.
654. *Labrousse A., Lauer J.-Ph., Leclant J.* Le Temple Haut du complexe funéraire du roi Ounas // BdE. 73. 1977.
655. *Lacau P.* Suppression et modifications de signes dans les textes funéraires // ZÄS. 51. 1914. P. 1–64.
656. *Lacau P., Lauer J.-Ph.* La pyramide à degrés, IV // Inscriptions gravées sur les vases. Le Caire, 1959–1961.
657. *Lacaze G., Masson O., Yoyotte J.* Deux documents memphites copiés par J. M. Vansleb au XVIIe siècle // RdE. 35. 1984. P. 127–137
658. *Lacovara P., Reeves C. N.* The colossal statue of Mycerinus reconsidered // RdE. 38. 1987. P. 111–115.
659. *Lacovara P., Reeves C. N.* The Stone Vase Deposit at Kerma // Egypt and Africa. 1991. P. 118–128.
660. *Landström B.* Ships of the Pharaohs. London, 1970.

661. *Lapp G.* Die Opferformel des alten Reiches // *SondADIK.* 21. 1986.
662. *Lauer J.-Ph.* Fouilles... à Saqqarah // *ASAE.* 36. 1935. P. 20–28.
663. *Lauer J.-Ph.* La pyramide à degrés (3 vol.). Le Caire, 1935–1939.
664. *Lauer J.-Ph.* Evolution de la tombe royale égyptienne jusqu'à la pyramide à degrés // *MDAIK.* 15. Festschrift Junker, 1957. P. 148–165.
665. *Lauer J.-Ph.* Au sujet du nom gravé sur la plaquette d'ivoire de la pyramide de l'Horus Sekhem-khet // *BIFAO.* 61. 1961. P. 25–28.
666. *Lauer J.-Ph.* Histoire monumentale des pyramides d'Egypte, I // *BdE.* 39. 1962a.
667. *Lauer J.-Ph.* Sur l'âge et l'attribution possible de l'excavation monumentale de Zaouet el-Aryan // *RdE.* 14. 1962b. P. 21–36.
668. *Lauer J.-Ph.* Quelques remarques sur la Ire dynastie // *BIFAO.* 64. 1966. P. 169–184.
669. *Lauer J.-Ph.* Sur la Pyramide de Meïdoum el les deux Pyramides de Snefrou à Dahchour // *Or.* 36. 1967. P. 239–254.
670. *Lauer J.-Ph.* Le prétendu désastre de la Pyramide de Meïdoum // *CdE.* 51. 1976. P. 72–89.
671. *Lauer J.-Ph.* Le développement des complexes funéraires royaux... jusqu'à la fin de l'Ancien Empire // *BIFAO.* 79. 1979. P. 355–394.
672. *Lauer J.-Ph.* Le premier temple de culte funéraire en Egypte // *BIFAO.* 80. 1980. P. 55–65.
673. *Lauer J.-Ph.* La signification et le rôle des fausses-portes de palais dans les tombeaux de type Nagadah // *MDAIK.* 37. 1981. P. 281–289.
674. *Lauer J.-Ph.* Considérations sur l'évolution de la tombe royale sous la Ire dynastie // *BSEG.* 9/10. 1984–1985. P. 141–152.
675. *Lauer J.-Ph.* Sur certaines modifications et extensions apportées au complexe funéraire de Djoser // *Festschr. Edwards.* 1988a. P. 5–11.
676. *Lauer J.-Ph.* Le mystère des pyramides. Paris, 1988b.
677. *Lauer J.-Ph.* Le problème de construction de la Grande Pyramide // *RdE.* 40. 1989. P. 91–111.
678. *Lauer J.-Ph., Leclant J.* Découverte de statues de prisonniers au Temple de la Pyramide de Pepi I // *RdE.* 21. 1969. P. 55–62.
679. *Leclant J.* Les textes des Pyramides // *Hommages Champollion.* *BdE.* 64. 1972. P. 2.
680. *Leclant J.* A la Pyramide de Pepi I // *RdE.* 27. 1975. P. 137–149.
681. *Leclant J.* Fouilles et Travaux en Egypte et au Soudan, 1983–1984 // *Or.* 54. 1985a. P. 337–415.
682. *Leclant J.* Colloque «Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara», Poznan, Sept. 1984 // *Or.* 54. 1985b. P. 335–336.
683. *Leclant J.* Fouilles et Travaux en Egypte et au Soudan // *Or.* 55 и далее. 1986 и далее.
684. *Leclant J.* A la quête des Pyramides des Reines de Pepi I // *BSFE.* 113. 1988. P. 20–31.
685. *Leclant J.* Une nouvelle reine d'Egypte: Noub-Ounet // *CRAIBL.* 1990. P. 516–520.
686. *Lefebvre G.* À propos d'un nom de pyramide // *RdE.* 5. 1946. P. 45–50.
687. *Lefebvre G.* Romans et Contes égyptiens. Paris, 1949.
688. *Legrand P. E.* Trad. Hérodote // *Histoires.* Livre II. Paris (coll. Budé), 1936.
689. *Lehner M.* The development of the Giza Necropolis: the Khufu Project // *MDAIK.* 41. 1985a. P. 109–143.
690. *Lehner M.* The Pyramid-Tomb of Hetep-heres and the satellite pyramid of Khufu // *SondAIK.* 19. 1985b.
691. *Leroi-Gourhan A.* La Préhistoire («Nouvelle Cléo»). Paris, 1977.
692. *Lexa F.* La Magie dans l'Egypte antique. Paris, 1925.
693. *Libby W. F.* Radiocarbon dating. 2e éd. Chicago, 1955.
694. *Livingstone F.* On the non-existence of Human races // *Current Anthropology.* 3. 1962. P. 279–281.
695. *Lloyd A. B.* Herodotus Book II. Leiden, 1988.
696. *Long R. D.* A re-examination of the Sothic Chronology of Egypt // *Or.* 43. 1974. P. 261–274.

697. Long R. D. Ancient Egyptian Chronology, Radiocarbon Dating and Calibration // ZÄS. 103. 1976. P. 30–48.
698. Lopez J. Inscription de l'Ancien Empire à Khor el-Aquiba // RdE. 19. 1967. P. 51–66.
699. Lucas A. Obsidian // ASAE. 41. 1942. P. 271–275.
700. Lucas A. Obsidian // ASAE. 47. 1947. P. 113–123.
701. Lucas A., Harris J. R. Ancient Egyptian Materials and Industries. 4e éd. London, 1962.
702. Mace A. C. The early dynastic cemeteries at Naga ed-Dêr. II. Leipzig, 1909.
703. Macramallah R. Le Mastaba d'Idout. Le Caire, 1935.
704. Mccauley J. F., Shaber G. C. et al. Subsurface valleys of the Eastern Sahara // Science. 218. 1982. P. 1004–1020.
705. Mchugh W. Late prehistoric Cultural Adaptation in Southwest Egypt // JARCE. 11. 1974. P. 9–22.
706. Mchugh W. et al. Neolithic adaptation and the holocene functioning of Tertiary palaeodrainings in Southern Egypt and Northern Sudan // Antiquity. 63. 1989. P. 320–336.
707. Malek J. The original version of the Royal Canon of Turin // JEA. 68. 1982a. P. 93–106.
708. Malek J. The special features of the Saqqara Kinglist // JSSEA. 12. 1982b. P. 21–28.
709. Malek J. In the shadow of the Pyramids. London, 1986.
710. Malek J. Two Walking-Sticks with Texts Mentioning Memphis // JEA. 73. 1987. P. 216–218.
711. Malek J. The «altar» in the pillared court of Teti's Pyramid Temple at Saqqara // Festschr. Edwards, 1988. P. 23–34.
712. Maragioglio V., Rinaldi C. L'architettura delle piramidi memfite. Rapallo, 1964.
713. Marks A. E. Relations between the Central Nile Valley and the Eastern Sudan in Late Prehistory // Egypt and Africa. 1991. P. 30–39.
714. Martin-Pardey E. Untersuchungen zur ägyptischen Provinzialverwaltung bis zum Ende des Alten Reiches. Hildesheim, 1976.
715. Malek J. Gedanken zum Titel // Festschr. Helck. 1984. S. 231–251.
716. Malek J. Die Verwaltung im Alten Reich // BiOr. 46. 1988. S. 533–552.
717. Maspero G. La Pyramide du roi Ounas // RT. 3. 1882. P. 177–224.
718. Maspero G. La Pyramide de Merinri I // RT. 9. 1897. P. 177–191.
719. Maspero G. Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique. I. Paris, 1895.
720. Maspero G. Sur quelques portraits de Mycéniens // Revue de l'Art ancien et moderne. 31. 1912a. P. 241–254.
721. Maspero G. Tête de scribe (Tête Salt) // Revue de l'Art... 31. 1912b. P. 39–43.
722. Massoulard E. Lames fourchues et Peseshkaf // RdE. 2. 1936. P. 160.
723. Massoulard E. Préhistoire et Protohistoire d'Egypte. Paris, 1949.
724. Maystre Ch. Les dates des Pyramides de Snéfrou // BIFAO. 35. 1935. P. 89–98.
725. Mellaart J. C. R. de Arkell et Ucko, Review of Predynastic Development in the Nile Valley // Current Anthropology. 6/2. 1965. P. 160c–162a.
726. Mellaart J. Egyptian and Near Eastern Chronology: a dilemma // Antiquity. 53. 1979. P. 6–19.
727. Meltzer E. S. A reconsideration of // JEA. 57. 1971. P. 202–203.
728. Mendelssohn K. A building disaster at the Meidum Pyramid // JEA. 59. 1973. P. 60–71.
729. Mendelssohn K. The Riddle of the Pyramids. London, 1974.
730. Menghin O. Die Grabung der Universität Kairo bei Maadi // MDAIK. 5. 1934. P. 111–118.
731. Menghin O., Amer M. The excavations of the Egyptian University in the Neolithic Site at Maadi. Cairo, 1932.
732. Menu B., Harari I. La notion de propriété privée dans l'Ancien Empire égyptien // CRIPEL. 2. 1974. P. 127–154.
733. Midant-Reynes B. Les noms du silex en égyptien // RdE. 33. 1981. P. 39–45.
734. Midant-Reynes B. Le débitage de lames de silex // BIFAO. 33. 1983. P. 257–262.
735. Midant-Reynes B. La taille des couteaux de silex du type Gebel el-Arak et la dénomination du silex en égyptien // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 261–264.

736. *Midant-Reynes B.* L'industrie lithique en Egypte, à propos des fouilles de Balat // BSFE. 102. 1985. P. 27–41.
737. *Midant-Reynes B.* Contribution à l'étude de la société prédynastique // SAK. 14. 1987a. P. 185–224.
738. *Midant-Reynes B.* Maghara 2, un site prédynastique // BSFE. 109. 1987b. P. 5–7.
739. *Midant-Reynes B.* Recherches sur l'Egypte prédynastique à Adaïma // BSFE. 117. 1990.
740. *Midant-Reynes et al.* Le Site prédynastique d'Adaïma // BIFAO. 90. 1990. P. 247–258.
741. *Millet N. B.* The Reserve Heads of the Old Kingdom // Essays Dunham. 1981. P. 129–131.
742. *Mills A. J.* Research in the Dakhleh Oasis // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 205–210.
743. *Minault-Gout A.* Rapport préliminaire sur la troisième campagne de fouilles du mastaba II à Balat (Oasis de Dakhleh) // BIFAO. 81. 1981. P. 207–214.
744. *Minault-Gout A.* Balat II. Le mastaba d'Ima-Pepi (Mastaba II) // FIFAO. 33. 1992.
745. *Mond R., Myers O.* Cemeteries of Armant. I. London, 1937.
746. *Montet P.* Scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien Empire. Strasbourg; Paris, 1925.
747. *Montet P.* Byblos et l'Egypte. Paris, 1928.
748. *Montet P.* Géographie de l'Egypte ancienne. Paris, 1961.
749. *Moorey P. R. S.* Ancient Egypt // Ashmolean Museum. Oxford, 1988.
750. *Moret A.* Le Nil et la civilisation égyptienne. Paris, 1926.
751. *Moret A.* La mise à mort du dieu en Egypte. Paris, 1927.
752. *Moret A.* L'influence du décor solaire sur la Pyramide // Mélanges Maspero. I. 1935–1938. P. 623–636.
753. *Mortensen B.* Four Jars from the Maadi Culture found in Giza // MDAIK. 41. 1985. P. 145–147.
754. *Mostafa M. M. F.* Untersuchungen zur Opfertafeln im Alten Reich. Hildesheim, 1982.
755. *Mrsich T.* Untersuchungen zur Hausurkunde des Alten Reiches // MÄS. 13. 1968.
756. *Müller-Wollemann R.* Krisenfaktoren im ägyptischen Staat des ausgehenden alten Reichs. Tübingen, 1986.
757. *Munro I.* Das Zelt-Heiligtum des Min // MÄS. 41. 1983.
758. *Murnane W. J.* The Sed Festival: a problem in historical method // MDAIK. 37. 1981. P. 369–376.
759. *Murray M. A.* Burial customs and Beliefs in the Hereafter in Predynastic Egypt // JEA. 42. 1956. P. 84–96.
760. *Muzzolini A.* Les climats sahariens durant l'holocène et la fin du pléistocène // Travaux Anthropol. et Préhist. Aix-en-Provence. N° 2. 1982. P. 1–38.
761. *Muzzolini A.* Les types de bœufs domestiques dans l'Egypte ancienne // Bull. Soc. Mér. Spél. et Préhist. 23. 1983a. P. 55–75.
762. *Muzzolini A.* L'intensité des «Humides» holocènes sahariens // Symposium «Archéologie africaine». Bordeaux, 1983b.
763. *Muzzolini A.* L'art rupestre du Sahara central. Toulouse, 1983c.
764. *Myers O.* Cf. Moud et Myers. 1937.
765. *Myers O.* Abka re-excavated // Kush. 6. 1958. P. 131–141.
766. *Myers O.* Abka again // Kush. 8. 1960. P. 174–181.
767. *Myers O., Fairman H. W.* Excavations at Armant 1929–1931 // JEA. 17. P. 223–232.
768. *Naville E.* La Pierre de Palerme // RT. 25. 1903. P. 64–81.
769. *Naville E.* The cemeteries of Abydos. I–III. London, 1914.
770. *Needler W.* A flint knife of King Djer // JEA. 42. 1956. P. 41–44.
771. *Needler W.* Six Predynastic Human Figures in the Ontario Museum // JARCE. 5. 1966. P. 11–18.
772. *Needler W.* A rock-drawing on Gebel Sheikh Suliman showing a scorpion and human figures // JARCE. 6. 1967. P. 87–91.

773. *Needler W.* Two important Predynastic Graves // *Bull. Ass. Intern. Etude de Préhistoire égypt.* 1. 1980. P. 1–15.
774. *Needler W.* Federn's Revision of Petrie's Predynastic Pottery classification // *JSSEA.* 11/2. 1981. P. 69–74.
775. *Needler W.* Predynastic and Archaic Egypt in the Brooklyn Museum. Brooklyn, 1984.
776. *Neugebauer O.* La période sothiaque // *CdE.* 14. 1939. P. 258–260.
777. *Neugebauer O.* The History of ancient Astronomy // *JNES.* 4. 1945. P. 1–39.
778. *Newberry P.* Menes, the Founder of the Egyptian Monarchy // *Great ones of Ancient Egypt* (Brunton et al.). London, 1929. P. 35–53.
779. *Newberry P.* The Old Kingdom travellers to Byblos and Pwenet // *JEA.* 24. 1938. P. 182–184.
780. *Newberry P.* Queen Nitocris of the sixth Dynasty // *JEA.* 29. 1943. P. 51–54.
781. *Nibbi A.* The «Trees and Towns» Palette // *ASAE.* 63. 1979. P. 143–154.
782. *Nibbi A.* Some early dynastic clues relating to the environment of Ancient Egypt // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 287–293.
783. *Nims C. F.* Places about Thebes // *JNES.* 14. 1955. P. 110–123.
784. *Nordström H. A.* Neolithic and A-Group Sites // *SJE.* 3/1 et 3/2. 1972.
785. *Nour M. Z., Iskander Z., Osman M. S., Moustafa A. Y.* The Cheops Boats. I. Cairo, 1960.
786. *Nowakowski J.* Typology of lithic implements from the neolithic settlements at Kadero // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 143–152.
787. *O'Connor D. R.* The Geography of Settlement in ancient Egypt // *Man, Settlement and Urbanism* (Ucko/Tringham/Dimbleby). London, 1972. P. 681–698.
788. *O'Connor D. R.* The Kiseiba Plateau, a systematic surface survey in Egypt's western desert // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 143–148.
789. *O'Connor D. R.* New funerary enclosures of the early dynastic Period // *JARCE.* 26. 1989. P. 51–86.
790. *O'Connor D. R.* Early States Along the Nubian Nile // *Egypt and Africa.* 1991. P. 145–165.
791. *Ogdon J. R.* Studies in archaic epigraphy // *GM.* 96. 1987. P. 85–92.
792. *O'Mara P. F.* The Palermo stone and the archaic kings of Egypt. La Canada (Calif.), 1980.
793. *Oren E. D.* The overland route between Egypt and Canaan in the Early Bronze Age // *IEJ.* 23. 1973. P. 198–205.
794. *Ottaway B. S.* Radiocarbon. Where we are and where we need to be // *Antiquity.* 1987. P. 135–141.
795. *Otto E.* Der Gebrauch des Königstitel *hjtj* // *ZÄS.* 85. 1960. S. 143–152.
796. *Pantalacci L.* Un décret de Pépi II en faveur des Gouverneurs de l'Oasis de Dakhla // *BIFAO.* 85. 1985. P. 245–254.
797. *Parker R.* The Calendars of Ancient Egypt. Chicago, 1950.
798. *Paulissen E., Vermeersch P.* Earth, Man and Climate in the Egyptian Nile Valley during the Pleistocene // *Festschr. Wendorf.* 1989. P. 29–68.
799. *Perring J. S.* The Pyramids of Gizeh. London, 1839–1842.
800. *Petrie W. F.* Royal Tombs of the First Dynasty. London, 1900–1901.
801. *Petrie W. F.* Diospolis Parva, The Cemeteries of Abadiyeh. London, 1901.
802. *Petrie W. F.* Les plus anciens rois de l'Egypte // *RT.* 24. 1902. P. 214–216.
803. *Petrie W. F.* Abydos. I. London, 1902–1903.
804. *Petrie W. F.* Gizeh and Rifah. London, 1907.
805. *Petrie W. F.* Meydum and Memphis III. London, 1910.
806. *Petrie W. F.* Prehistoric Egypt. London, 1920.
807. *Petrie W. F.* Corpus of Prehistoric Pottery and Palettes. London, 1921.
808. *Petrie W. F.* History of Egypt. London, 1923.
809. *Petrie W. F.* The dynastic invasion of Egypt // *Syro-Egypt.* 2. 1937. P. 6–8.
810. *Petrie W. F.* The making of Egypt. London, 1939.

811. *Petrie W. F.* Ceremonial Slate Palettes. London, 1953.
812. *Petrie W. F., Quibell J. E.* Nagada and Ballas. London, 1896.
813. *Petrie W. F., Wainwright G. A., Mackay E.* The Labyrinth, Gerzeh and Mazghuneh. London, 1912.
814. *Piankoff A.* The Pyramid of Unas. Princeton, 1968.
815. *Piotrovsky B.* The Early Dynasty Settlement of Khor-Daoud and Wadi-Allaki // Fouilles en Nubie. Cairo, 1967. P. 127–140.
816. *Pirenne J.* Histoire de la civilisation égyptienne. I. Neuchâtel, 1961.
817. *Podzorski P. V.* Their Bones Shall Not Perish. New Malden, 1990.
818. *Posener G.* Littérature et politique. Paris, 1956.
819. *Posener G.* Le conte de Néferkarê et du général Siséné // RdE. 11. 1957. P. 119–137.
820. *Posener G.* Les empreintes magiques de Gizeh et les morts dangereux // MDAIK. 16. 1958. P. 252–270.
821. *Posener G.* De la divinité du pharaon. Paris, 1960.
822. *Posener G., Sauneron S., Yoyotte J.* Dictionnaire de la civilisation égyptienne. Paris (DEC), 1959.
823. *Posener-Kriéger P.* Les papyrus de l'Ancien Empire // BdE. 64. 1972. P. 25–36.
824. *Posener-Kriéger P.* Les papyrus de Gebelein // RdE. 27. 1975. P. 211–221.
825. *Posener-Kriéger P.* Les archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakaï. Le Caire, 1976.
826. *Quibell J. E.* Hierakonpolis. Part I. London, 1900.
827. *Quibell J. E.* Hierakonpolis. Part II. London, 1902.
828. *Quibell J. E.* Archaic Objects. Cairo (CGC), 1905.
829. *Quibell J. E.* Excavations at Saqqara (1905–1906). Cairo, 1907.
830. *Quibell J. E.* Ibid. (1911–1912) // The Tomb of Hesy. Cairo, 1913.
831. *Quibell J. E.* Ibid. (1912–1914) // Archaic Mastabas. Cairo, 1923.
832. *Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. Berlin (Pn), 1935.
833. *Ranke H.* The beginnings of civilization in Egypt // JAOS. 59. 1939. P. 3–16.
834. *Redford D. B.* Notes on the History of Ancient Buto // BES. 5. 1983. P. 67–101.
835. *Redford D. B.* Pharaonic King-lists. Annals and Day-Books. Ottawa, 1986a.
836. *Redford D. B.* Egypt and Western Asia in the Old Kingdom // JARCE. 23. 1986b. P. 125–143.
837. *Reisner G. A.* The Early Dynastic Cemeteries of Naga ed-Der. I. Leipzig, 1908.
838. *Reisner G. A.* Archaeological Survey of Nubia (1907–1908). Cairo, 1910.
839. *Reisner G. A.* Excavations at Kerma // HAS. 5 et 6. Cambridge (Etats-Unis), 1923.
840. *Reisner G. A.* The Tomb of Queen Hetep-Heres // BMFA. 25 (suppl.). 1927. P. 1–36.
841. *Reisner G. A.* A History of the Giza Necropolis. II. Mycerinus. The Temple of the Third Pyramid at Giza. Cambridge, 1931.
842. *Reisner G. A.* The Position of Early Grave Stelae // Studies Griffith. 1932. P. 324–331.
843. *Reisner G. A.* Development of the Egyptian Tomb down to the accession of Cheops. Cambridge, 1936.
844. *Reisner G. A.* A History of the Giza Necropolis. Cambridge, 1942.
845. *Reisner G. A.* Black-Topped Pottery // JARCE. 5. 1966. P. 7–10.
846. *Reisner G., Smith W. S.* A History of the Giza Necropolis. II. Cambridge, 1955.
847. *Reynold J.* Néolithique soudanais. Les coutumes funéraires // Egypt and Africa. 1991. P. 16–29.
848. *Ricke H.* Bemerkungen zur ägyptischen Baukunst des Alten Reichs. I. Zürich, 1944.
849. *Ricke H.* Baugeschichtlicher Vorbericht über die Kultanlagen der Südlichen Pyramide des Snofru in Dahschur // ASAE. 52. 1954. S. 603–623.
850. *Ricke H.* Der Harmachistempel des Chephren in Giseh // BÄBA. 10. 1970.
851. *Rizkana I.* Centres of Settlement in Prehistoric Egypt in the area between Helwan and Heliopolis // Bull. Inst. Fouad I du désert. II. 1952. P. 117–130.

852. *Rizkana I.* Two new Egyptian Cultures // Proceedings of the Third Pan-African Congress on Prehistory. London, 1967. P. 391–393.
853. *Rizkana I., Seeher J.* New light on the relation of Maadi to the Upper Egyptian Cultural Sequence // MDAIK. 40. 1984. P. 237–252.
854. *Rizkana I., Seeher J.* The Chipped stones at Maadi: Preliminary Reassessment of a Predynastic Industry and its long-distance relations // MDAIK. 41. 1985. P. 235–255.
855. *Rizkana I., Seeher J., Maadi I.* The Pottery of the Predynastic Settlement // AVDAIK. 64. 1987.
856. *Robichon C., Varille A.* En Egypte. Paris, 1955.
857. *Roccati A.* La littérature historique sous l'Ancien Empire égyptien // LAPO. 1982.
858. *Roquet G.* Avant le désert: Savanes, véneries et caravanes // Mélanges Vercoutter. 1985. P. 291–311.
859. *Roth A. M.* The organisation of Royal Cemeteries at Saqqara in the Old Kingdom // JARCE. 25. 1988. P. 201–214.
860. *Roubet C., el-Hadidi M. N.* 20000 ans d'environnement préhistorique dans la vallée du Nil et le désert égyptien // BIFAO. 81 Suppl. du Centenaire. 1981. P. 445–470.
861. *Rowe A.* A Catalogue of Egyptian Scarabs, Scaraboids, Seals and Amulets in the Palestine Archaeological Museum. Cairo, 1936.
862. *Saad Z. Y.* Royal Excavations at Saqqara and Helwan // ASAE. Cahier 3. 1947.
863. *Saad Z. Y.* Ibid. // ASAE. Cahier 14. 1951.
864. *Saad Z. Y.* Ceiling Stelae in Second Dynasty Tombs, from the Excavations at Helwan // ASAE. Cahier 21. 1957.
865. *Saad Z. Y.* The excavations at Helwan, Art and Civilization in the First and Second Egyptian Dynasties. Norman, Oklahoma, 1969.
866. *Sadeek W. T. el-, Murphy J. M.* A Mud Sealing with Seth vanquished (?) // MDAIK. 39. 1983. P. 159–175.
867. *Sadr K.* Settlement Patterns and Land Use in the Late Prehistoric Southern Atbai, East Central Sudan // Journal of Field Archaeology. 15. 1988. P. 381–401.
868. *Said R.* The geological evolution of the River Nile. New York, 1981.
869. *Sandford K. S.* Paleolithic Man and the Nile Valley in Upper and Middle Egypt. Chicago, 1934.
870. *Sandford K. S., Arkell W. J.* Paleolithic Man and the Nile Valley in Nubia and Upper Egypt. Chicago, 1933.
871. *Sauneron S.* Le Nil et la pluie // BIFAO. 51. 1952. P. 41–59.
872. *Sauneron S., Yoyotte J.* La naissance du monde selon l'Egypte ancienne // Sources orientales: la naissance du monde. Paris, 1959. P. 17–93.
873. *Säve-Söderbergh T.* Ägypten und Nubien. Lund, 1941.
874. *Säve-Söderbergh T., Olsson J. U.* C¹⁴ dating and Egyptian Chronology // Radiocarbon variations and absolute Chronology (Olsson éd.). Uppsala, 1970. P. 35–55.
875. *Sawi A. el-.* Excavations at Tell-Basta, 1967–71 and Catalogue of Finds. Prague, 1979.
876. *Sayed A. el-.* A Predynastic Cemetery in the Abydos area // MDAIK. 35. 1979. P. 249–302.
877. *Scamuzzi E.* Museo egizio di Torino. Turin, 1965.
878. *Scharff A.* Grundzüge der ägyptischen Vorgeschichte // MDGKAO. 12. 1926.
879. *Scharff A.* Die archäologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Meleq. Leipzig, 1927.
880. *Scharff A.* Some Prehistoric vases in the British Museum and Remarks on Egyptian Prehistory // JEA. 14. 1928. P. 261–276.
881. *Scharff A.* Die Frühkulturen Ägyptens und Mesopotamiens // Der Alte Orient. 41. 1941.
882. *Schenkel W.* Memphis, Herakleopolis, Theben // ÄA. 12. Wiesbaden, 1965.
883. *Schenkel W.* Die Bewässerungsrevolution im alten Ägypten. Mayence, 1978.
884. *Schild R., Wendorf F.* The Prehistory of an Egyptian Oasis. Varsovie, 1981.

885. *Schild R., Wendorf F.* The earliest Holocene production of cereals in the Egyptian Sahara // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 375–379.
886. *Schott S.* Mythe und Mythenbildung in alten Ägypten. Leipzig, 1945.
887. *Schott S.* Vorgeschichtliche Handelsweg in Ägypten dans Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft // Festschr. E. Wahle. Heidelberg, 1950a. P. 308–321.
888. *Schott S.* Die Vertreibung der Libyer und der Ursprung der ägyptischen Kultur // Mythe, Mensch und Umwelt (A. E. Jensen éd.). Bamberg, 1950b. S. 139–148.
889. *Schott S.* Bemerkungen zum ägyptischen Pyramidenkult. Kairo, 1950c.
890. *Schott S.* Hieroglyphen. Untersuchungen zum Ursprung der Schrift. Wiesbaden, 1950d.
891. *Schott S.* Kulturprobleme der Frühzeit Ägypten // MDOG. 84. 1952. S. 1–37.
892. *Schott S.* Zur Krönungstitulatur der Pyramidenzeit // NAWG. 4. 1956.
893. *Schott S.* Le Temple du Sphinx à Giza et les deux axes du monde égyptien // BSFE. 53/54. 1969. P. 31–41.
894. *Schott S.* Ägyptische Quellen zum Plan des Sphinxtempels // BÄBA. 10. 1970. S. 47–70.
895. *Schulman A. R.* At the Fringe. The Historiography and Historicity of the relations of Egypt and Canaan // L'urbanisation de la Palestine (P. de Miroschedji). Oxford, 1989. P. 433–453.
896. *Seele K. C.* Excavations between Abu Simbel and the Sudan Border // JNES. 33. 1974. P. 1–33.
897. *Seligman C. G., Murray M. A.* Note upon an early Egyptian Standard // Man. 11. 1911. P. 163–171.
898. *Sethe K.* Menes und die Gründung von Memphis // Unt. 3.6. 1905. S. 121–141.
899. *Sethe K.* Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Leipzig, 1930.
900. *Shaw I. M. E.* Egyptian Chronology and the Irish Oak Calibration // JNES. 41. 1985. P. 295–317.
901. *Shinnie P. L.* Trade Routes of the Ancient Sudan 3000 BC–AD 300 // Egypt and Africa. 1991. P. 49–53.
902. *Simpson W. K.* A statuette of King Nineter // JEA. 42. 1956. P. 45–49.
903. *Simpson W. K.* A running of the Apis in the reign of Aha // Or. 26. 1957. P. 139–142.
904. *Simpson W. K.* The Letter to the Dead from the Tomb of Meru (N3737) at Nag' ed-Deir // JEA. 52. 1966. P. 39–52.
905. *Simpson W. K.* A Late Old Kingdom Letter to the Dead from Nag' ed-Deir // JEA. 56. 1970. P. 55–64.
906. *Simpson W. K.* Giza Mastabas, III: The Mastabas of Kawab, Khafkhufu. I et II. Boston, 1978.
907. *Simpson W. K.* Giza Mastabas, IV: Mastabas of the Western Cemetery. I. Boston, 1980.
908. *Smith A. B.* Origin of the Neolithic in the Sahara // From Hunters to Farmers (Clark/Brandt). 1984. P. 84–92.
909. *Smith E. B.* Egyptian Architecture as cultural expression. New York, 1938.
910. *Smith H. S.* Egypt and C¹⁴ dating // Antiquity. 38. 1964. P. 32–37.
911. *Smith H. S.* The Nubian B-Group // Kush. 14. 1966. P. 69–124.
912. *Smith H. S.* The Development of the «A-Group» Culture in Northern-Lower Nubia // Egypt and Africa. 1991. P. 92–111.
913. *Smith W. S.* A History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom. Boston; London (2e éd.) (HESPOK), 1949.
914. *Smith W. S.* Inscriptional evidence for the History of the Fourth Dynasty // JNES. 11/2. 1952. P. 113–128.
915. *Smith W. S.* The Art and Architecture of Ancient Egypt. Harmondsworth, 1958.
916. *Smith W. S.* Interconnections in the Ancient Near East. New Haven; London, 1965.
917. *Smith W. S.* Two archaic Egyptian Sculptures // BMFA. 65. 1967. P. 70–80.
918. *Smith W. S.* The Old Kingdom in Egypt // CAH. I.2. 1971. P. 145–207.
919. *Sottas H.* La Préservation de la propriété funéraire dans l'Ancienne Egypte // Ecole pratique des Hautes Etudes. Paris, 1913.

920. *Soukiassian G. et al.* Balat III. Les ateliers de potiers d'Ayn-Asil // FIFAO. 34. 1990a.
921. *Soukiassian G. et al.* La ville d'Ayn-Asil à Dakhla // BIFAO. 90. 1990b. P. 347–348.
922. *Spencer A. J.* Two enigmatic hieroglyphs and their relation to the Sed Festival // JEA. 64. 1978. P. 52–55.
923. *Spencer A. J.* Catalogue of Egyptian Antiquities in the British Museum. Early dynastic objects. London, 1980.
924. *Spiegel J.* Soziale und weltanschauliche Reformbewegungen im alten Ägypten. Heidelberg, 1950.
925. *Spiegel J.* Zur Kunstentwicklung der zweiten Hälfte des Alten Reiches // MDAIK. 15. 1957. S. 225–261.
926. *Stadelmann R.* Snofru und die Pyramiden von Meidum und Dahschur // MDAIK. 36. 1980. S. 137–449.
927. *Stadelmann R.* La ville de Pyramide à l'Ancien Empire // RdE. 33. 1981. P. 67–77.
928. *Stadelmann R.* Die Pyramiden des Snofru in Dahschur // MDAIK. 39. 1983. S. 225–241.
929. *Stadelmann R.* Khaefkhufu = Chephren // SAK. 11. 1984. S. 165–172.
930. *Stadelmann R.* Die ägyptischen Pyramiden. Darmstadt, 1985a.
931. *Stadelmann R.* Die Oberbauten der Königsgräber der 2. Dynastie in Sakkara // Mélanges Mokhtar. II. 1985b. S. 295–307.
932. *Stadelmann R.* Beiträge zur Geschichte des Alten Reiches. Die Länge der Regierung des Snofru // MDAIK. 43. 1987. S. 229–240.
933. *Stemler A. B. L.* Origins of plant domestication in the Sahara and the Nile Valley // Williams et Fauré. 1980. P. 503–526.
934. *Stock H.* Die Erste Zwischenzeit Ägyptens // AnOr. 31. 1949.
935. *Strudwick N.* The administration of Egypt in the Old Kingdom. London; New York, 1985a.
936. *Strudwick N.* Three monuments of Old Kingdom Treasury Officials // JEA. 71. 1985b. P. 43–51.
937. *Strudwick N.* The overseer of the Treasury *Ny-k3w-Pth* // RdE. 38. 1987. P. 139–146.
938. *Swelim N.* The dry moat of the Netjerykhet complex. The Upper Temple of Userkaf // Festsch. Edwards. 1988. P. 12–22.
939. *TEL.* Encyclopédie photographique de l'Art. Les Antiquités égyptiennes du Musée du Louvre. Paris, 1935.
940. *TEL.* Ibid. Musée du Caire, 1949.
941. *Täckholm V. L.* The plant of Nagada // ASAE. 51. 1951. P. 299–312.
942. *Täckholm V. L., Drar M.* Flora of Egypt. Cairo, 1950–1954.
943. *Tefnin R.* Image et Histoire. Reflexions sur l'usage documentaire de l'image égyptienne // CdE. 54. 1979. P. 218–244.
944. *Terrace E. L. B.* A fragmentary triad of King Mycerinus // Bull. Boston Mus. of Fine Arts. 59. 1961. P. 40–49.
945. *Terrace E. L. B., Fischer H. G.* Treasures of the Cairo Museum. London, 1970.
946. *Tixier J., Midant-Reynes B.* Les gestes de l'artisan égyptien // La Recherche. 120. 1981. P. 380–381.
947. *Trigger B. G.* History and Settlement in Lower Nubia. Yale Univers. Publ., 1965. P. 599.
948. *Trigger B. G.* Beyond History. The methods of Prehistory. New York, 1968.
949. *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies // Man, Settlement and Urbanism (Ucko/Tringham). London, 1972. P. 575–599.
950. *Trigger B. G.* Nubia under the Pharaohs. London, 1976.
951. *Trigger B. G.* The Narmer Palette in cross-cultural perspective, *Festsch. Edel*, 1979 409–419.
952. *Trigger B. G.* The rise of civilization in Egypt, *Cambridge History of Africa*, I, 1982 478–547.
953. *Trigger B. G.* The main lines of socio-economic development in dynastic Egypt to the end of the Old Kingdom // Krzyżaniak et Kobusiewicz. 1984. P. 101–148.

954. *Trigger B. G., Kemp B. J., O'Connor D., Lloyd A. B.* Ancient Egypt. London, 1983.
955. *Tufnell O., Ward W. A.* Relations between Byblos, Egypt and Mesopotamia at the end of the III^d Millenium BC // Syria. 43. 1966. P. 165–241.
956. *Tutundzič S. P.* Ways of Relations between Upper Egypt and Palestine during the late Chalcolithic Period // Acts 1st ICE. Berlin, 1979. P. 651–659.
957. *Ucko P. J.* The predynastic cemetery N. 7000 at Naga ed-Der // CdE. 42. 1967. P. 345–353.
958. *Ucko P. J.* Anthropomorphic figurines of Predynastic Egypt (...). London, 1968.
959. *Uphill E. P.* The Nine Bows // JEOL. 6. 1967. P. 393–420.
960. *Uphill E. P.* Sequence of Kings for the First Dynasty // Stud. Westendorf. 1984. P. 653–667.
961. *Valbelle D.* Les recensements dans l'Égypte pharaonique des IIIe et IVe millénaires // CRIPEL. 9. 1987. P. 33–49.
962. *Valbelle D.* L'égyptien à Kerma sous l'Ancien Empire // Kerma. Royaume de Nubie (Bonnet éd.). Genève, 1990. P. 95–97.
963. *Valloggia M.* Recherches sur les «Messagers» (wpwtyw). Genève, 1976.
964. *Valloggia M.* La stèle d'un chef d'expédition de la Première Période Intermédiaire // BIFAO. 85. 1985. P. 260–266.
965. *Valloggia M.* Balat I. Le mastaba de Medou-Nefer // FIFAO. 31. 1986.
966. *Valloggia M.* Un groupe statuaire découvert dans le mastaba de Pepy-Ima // BIFAO. 89. 1989. P. 271–282.
967. *Vandier J.* La religion égyptienne. Paris, 1949.
968. *Vandier J.* Manuel d'Archéologie égyptienne, I: La Préhistoire. Paris, 1952.
969. *Vandier J.* Ibid., I²: Les époques de formation. 1952².
970. *Vandier J.* Ibid., II: Les grandes époques. L'architecture funéraire. 1954.
971. *Vandier J.* Ibid., II²: L'architecture religieuse et civile. 1955.
972. *Vandier J.* Ibid., III: La statuaire. 1958.
973. *Vandier J.* Ibid., IV: Bas-reliefs et peintures. Les tombes. 1964.
974. *Vandier J.* Une stèle égyptienne portant un nouveau nom royal de la IIIe dynastie // CRAI-BL. 1968. P. 16–22.
975. *Vandier J.* Ibid., V: Scènes de la vie quotidienne. 1969.
976. *Vandier J.* Ibid., VI: Ibid. 1978.
977. *Vandier J., Drioton E.* Les peuples de l'Orient méditerranéen, II: L'Égypte. Paris, 1962.
978. *Vandersleyen C.* Une tempête sous le règne d'Amosis // RdE. 19. 1967. P. 123–159.
979. *Vandersleyen C.* Une tête de Chephren en granit rose // RdE. 38. 1987. P. 194–197.
980. *Varille A.* À propos des pyramides de Snefrou. Le Caire, 1947.
981. *Velde H. te.* Seth, God of Confusion. London, 1967.
982. *Vercoutter J.* The Gold of Kush // Kush. 7. 1959. P. 120–153.
983. *Vercoutter J.* Egyptologie et climatologie. Les crues du Nil à Semneh // CRIPEL. 4. 1976. P. 139–163.
984. *Vercoutter J.* Travaux de l'IFAO à Balat (1976–1977) // BIFAO. 77. 1977. P. 275–278.
985. *Vercoutter J.* Bas-relief et peinture // Le temps des Pyramides (Leclant et al.). Paris, 1978. P. 121–169.
986. *Vercoutter J.* Le pays Irem et la pénétration égyptienne en Afrique // Le livre du Centenaire IFAO. 1980. P. 157–178.
987. *Vercoutter J.* Cinq années de fouilles de l'IFAO dans les oasis // BSFE. 92. 1981. P. 14–32.
988. *Vercoutter J.* Balat et la route de l'Oasis // L'Égyptologie en 1979. Paris, Ed. CNRS, 1982. P. 283–288.
989. *Vercoutter J.* Les «affamés» d'Ounas et le changement climatique de la fin de l'Ancien Empire // Mélanges Mokhtar. 1985. P. 327–337.
990. *Vercoutter J.* A la recherche de l'Égypte oubliée. Paris, 1986.
991. *Vercoutter J.* À propos des *Mni* = Ménès // Mélanges Lichtheim. 1988. P. 1025–1032.

992. *Vermeersch P. M.* L'Elkabien, une nouvelle industrie épipaléolithique // CdE. 45. 1970. P. 45–67.
993. *Vermeersch P. M.* El Kab II, l'Elkabien. Louvain, 1978.
994. *Vermeersch P. M. et al.* Chert quarries and mines in Egypt // Sahara. 2. 1989. P. 95–98.
995. *Verner M.* Neue Papyrusfunde in Abusir // RdE. 31. 1979. P. 97–100.
996. *Verner M.* Les Sculptures de Reneferef découvertes à Abousir // BIFAO. 85. 1985a. P. 267–280.
997. *Verner M.* Un Roi de la Ve dynastie, Reneferef ou Renefer // ibid. 1985b. P. 281–284.
998. *Vignard E.* Une station aurignacienne à Nag-Hamadi // BIFAO. 20. 1921. P. 1–20.
999. *Vignard E.* Stations paléolithiques de la carrière d'Abou el-Nour, près de Nag-Hamadi // BIFAO. 21. 1922. P. 89–109.
1000. *Vignard E.* Une nouvelle industrie lithique: le Sébilien // BIFAO. 22. 1923. P. 1–76.
1001. *Vignard E.* Station aurignacienne du Champ de bagasse à Nag-Hamadi // Bull. Soc. Préhist. franç. 26. 1929. P. 299–306.
1002. *Vikentief V.* Les monuments archaïques, I // ASAE. 33. 1933. P. 208–234.
1003. *Vikentief V.* Ibid. II // ASAE. 34. 1934. P. 1–8.
1004. *Vikentief V.* Ibid. III // ASAE. 41. 1942. P. 277–294.
1005. *Vikentief V.* Ibid. IV // ASAE. 48. 1948. P. 665–685.
1006. *Vikentief V.* Etudes d'épigraphie protodynastique, II // ASAE. 56. 1959. P. 1–30.
1007. *Vries C. E. De.* The Oriental Institute decorated censer from Nubia // SAOC. 39. 1976.
1008. *Vyse H.* Operations carried at the Pyramids of Gizeh. London, 1840.
1009. *Waddell W. G.* Manetho (with an English translation). London; Cambridge (Etats-Unis) (Loeb Class. Librar.), 1964.
1010. *Wainwright G. A.* The Red Crown in early prehistoric time // JEA. 9. 1923. P. 26–33.
1011. *Wainwright G. A.* Obsidian // AE. 1927. P. 77–93.
1012. *Walle B. van de.* Remarques sur l'origine et le sens des défilés des domaines dans les mastabas de l'Ancien Empire // MDAIK. 15. 1957. P. 288–296.
1013. *Ward W. A.* Egypt and the East Mediterranean // JESHO. 6/1. 1963. P. 1–63.
1014. *Ward W. A.* Relations between Egypt and Mesopotamia from Prehistoric times to the end of the Middle Kingdom // JESHO. 7/1. 1–45 et 7/2. 1964. P. 121–135.
1015. *Ward W. A.* The supposed Asiatic Campaign of Narmer // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 45. 1969. P. 206–221.
1016. *Way T. von der.* Untersuchungen des deutschen Archäologischen Instituts Kairo im nördlichen Delta // MDAIK. 40. 1984. S. 297–328.
1017. *Way T. von der.* Bericht über den Fortgang der Untersuchungen im Raum Tell-el-Farain/Buto // MDAIK. 41. 1985. P. 269–291.
1018. *Way T. von der.* Investigations concerning the early periods in the Northern Delta of Egypt // The Archaeology of the Nile Delta (V. den Brink éd.). 1988. P. 245–249.
1019. *Way T. von der.* Tell-el-Farain/Buto, 4. Bericht // MDAIK. 45. 1989. P. 275–307.
1020. *Weber M.* Die alten Ägypter und die Wüste // Sahara, 10.000 Jahre zwischen Weide und Wüste (von Gagern/Kuper éd.). Bonn s.d. (1979), 1979. P. 334–340.
1021. *Weeks K. R.* The Nixed Gateway at Hierakonpolis // JARCE. 5. 1972. P. 29–34.
1022. *Weeks K. R.* An Historical Bibliography of Egyptian Prehistory. Winona Lake, 1985.
1023. *Weill R.* Dara. Campagne de 1946–1948. Le Caire, 1958.
1024. *Weill R.* Recherches sur la Ire dynastie et les temps prépharaoniques. Le Claire, 1961.
1025. *Wendorf F.* A Nubian final Paleolithic graveyard near Gebel Sahaba // The Prehistory of Nubia (Wendorf éd.). 1968. P. 954–995.
1026. *Wendorf F., Said R., Schild R.* Egyptian Prehistory: some new concepts // Science. 169. 1970. P. 1161–1173.
1027. *Wendorf F., Said R.* Palaeolithic remains in Upper Egypt // Nature. 215. 1967. P. 244–248.
1028. *Wendorf F., Schild R.* Prehistory of the Nile Valley. New York; San Francisco; London, 1976.

1029. *Wendorf F., Schild R.* Prehistory of the Eastern Sahara. New York, 1980a.
1030. *Wendorf F., Schild R.* Loaves and Fishes. The Prehistory of Wadi Kubbaniya. New Delhi, 1980b.
1031. *Wendorf F., Schild R.* Cattle-keepers of the Eastern Sahara. New Delhi, 1984a.
1032. *Wendorf F., Schild R.* Some implications of Late Palaeolithic cereal exploitation at Wadi Kubbaniya // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984b. P. 112–127.
1033. *Wendorf F., Schild R.* The Wadi Kubbaniya Skeleton // *Prehistory of Wadi Kubbaniya* (A. E. Close éd.). Dallas, 1986.
1034. *Wenke R. J.* Early agriculture in the Southern Fayum Depression // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 193–198.
1035. *Wenke R. J. et al.* Kom-el-Hisn. Excavations of an Old Kingdom Settlement in the Egyptian Delta // *JARCE.* 25. 1988. P. 5–34.
1036. *Whittle E. H.* Thermoluminescence dating of Egyptian Predynastic Pottery from Hammamiyeh and Qurua-Tarif // *Archeometry.* 17. 1975. P. 119–129.
1037. *Wiebach S.* Die ägyptische Scheintür. Hamburg, 1981.
1038. *Wild H.* Choix d'objets prépharaoniques // *BIFAO.* 47. 1948. P. 1–58.
1039. *Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt, I // *MÄS.* 17. 1969a.
1040. *Wildung D.* Zur Deutung der Pyramide von Medum // *RdE.* 21. 1969b. P. 135–145.
1041. *Wildung D.* Two representations of Gods from the Early Old Kingdom // *Miscel. Wilbouriana.* 1. 1972. P. 145–160.
1042. *Wildung D.* Imhotep und Amenhotep // *MÄS.* 36. 1977.
1043. *Wildung D.* Ägypten vor den Pyramiden. Munich, 1981.
1044. *Wildung D.* Terminal prehistory of the Nile Delta // *Krzyżaniak et Kobusiewicz.* 1984. P. 265–269.
1045. *Williams B. B.* The Lost Pharaohs of Nubia, *Archaeology*, 33, n° 5, 1980 12–21.
1046. *Williams B. B.* Notes on Prehistoric Cache Fields of Lower Egyptian Tradition at Sedment // *JNES.* 41. 1982. P. 213–221.
1047. *Williams B. B.* The A-Group royal cemetery at Qustul. Chicago, 1986.
1048. *Williams B. B.* Forebears of Menes in Nubia, Myth or Reality // *JNES.* 46. 1987. P. 15–26.
1049. *Williams B. B.* Narmer and the Coptos Colossi // *JARCE.* 25. 1988a. P. 35–59.
1050. *Williams B. B.* Decorated Pottery and the Art of Naqada, III // *MÄS.* 45. 1988b.
1051. *Williams B. B.* A Prospectus for Exploring the Historical Essence of Ancient Nubia // *Egypt and Africa.* 1991. P. 74–91.
1052. *Williams B. B., Logan T. J.* The Metropolitan Museum Knife Handle and Aspects of Pharaonic Imagery before Narmer // *JNES.* 46. 1987. P. 253–280.
1053. *Williams M. A. J., Faure H.* (éd.). The Sahara and the Nile. Rotterdam, 1980.
1054. *Wilson J. A.* The burden of Egypt. Chicago, 1951.
1055. *Wilson J. A.* Buto and Hierakonpolis in the geography of Egypt // *JNES.* 14. 1955. P. 209–236.
1056. *Winkler H. R.* Rock Drawings of Southern Upper Egypt. London, 1938; vol. II. 1939.
1057. *Wood W.* The archaic Stone Tombs at Helwan // *JEA.* 73. 1987. P. 59–70.
1058. *Wright M.* Contacts between Egypt and Syro-Palestine during the Old Kingdom // *Biblical Archaeologist.* 1988. P. 143–161.
1059. *Yacoub F.* The archaic tombs at Tura el-Asmant // *ASAE.* 64. 1981. P. 159–161.
1060. *Yadin Y.* The earliest records of Egypt's military penetration into Asia? // *IEJ.* 5. 1955. P. 1–16.
1061. *Yahky F. el-.* Remarks on the armless human figures represented on gerzean boats // *JSSEA.* 11. 1981. P. 77–83.
1062. *Yahky F. el-.* The origin and development of sanctuaries in Predynastic Egypt // *JSSEA.* 14. 1984. P. 70–73.

1063. *Yahky F. el-*. Clarifications on the Gerzean Boat scenes // BIFAO. 85. 1985. P. 187–195.
1064. *Yeivin S.* Early contacts between Canaan and Egypt // IEJ. 10. 1960. P. 193–203.
1065. *Yeivin S.* Further evidence of Narmer at “Gat” // *ÖrAnt.* 2. 1963. P. 205–213.
1066. *Yeivin S.* Additional notes on the early relations between Canaan and Egypt // JNES. 27. 1968. P. 37–50.
1067. *Yoyotte J.* À propos de la parenté féminine du roi Téli // BIFAO. 57. 1958. P. 91–98.
1068. *Yoyotte J.* Etudes géographiques, II: Les localités méridionales de la région memphite // RdE. 15. 1963. P. 87–119.
1069. *Yoyotte J.* Les Sementiou et l’exploitation des régions minières à l’Ancien Empire // BSFE. 73. 1975. P. 44–55.
1070. *Zerst W. Van.* Plant remains from a First Dynasty burial at Tell Ibrahim-Amad // Archaeology of the Nile Delta (V. den Brink éd.). 1988. P. 111–114.
1071. *Zeuner F. E.* A History of domesticated animals. London, 1963.
1072. *Zibelius-Chen K.* Die ägyptische Expansion nach Nubien. Wiesbaden, 1988.
1073. *Ziegler C.* (Catalogue des) Stèles, peintures et reliefs égyptiens de l’Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire. Paris, 1990.
1074. *Zivie-Coche C.* Nitocris, Rhodopis et la troisième pyramide de Giza // BIFAO. 72. 1972. P. 115–138.

Дополнение

Данная работа уже была подписана к печати, когда я получил т. 47 MDAIK, Festschrift für W. Kaiser (Ph. von Zabern, Mainz/Rhein, 1991). То же самое касается работы *Midant-Reynes B.* Préhistoire de l’Égypte. Des premiers hommes aux premiers pharaons (Paris: Armand Colin, 1992). Поэтому у меня не было возможности сослаться на эти две важные работы, но после беглого просмотра я не нашел ничего, что следовало бы изменить в моем тексте (Ж. В., март 1992).

УКАЗАТЕЛЬ

I–III

- I порог Нила 44, 73, 100, 141, 142, 144, 174, 304, 307–309, 312, 313, 317, 329
II порог Нила 28, 75, 102–104, 107, 108, 114, 141, 142, 144, 207, 304, 307, 308, 312–314
III порог Нила 313, 316

A

- Абадия 153
Абидос 34, 67, 91, 116, 120, 153, 171, 174, 184, 187, 197, 199, 203–205, 207, 209–216, 218, 220, 221, 223–225, 228, 231–233, 237, 238, 243, 247, 252, 257, 261, 270, 278, 284, 300–303, 305, 307, 310, 311, 314, 316, 327, 328, 334
Абиссиния 69, 121
Абкийская культура 142
Абу-Гураб 242, 279, 280
Абу Зайдан 176, 177, 192
Абу-Роаш 242, 265, 266, 293
Абу-Симбел 30, 72, 73, 103, 263, 267, 277, 285, 308
Абусир 72, 242, 247, 273, 274, 276–280, 282, 285
Абусир эль-Мелек 144, 153
Абутиг 110
Адамс У. Ю. 313
Аджиб 196, 198, 200, 212
Азия 54, 56–58, 60, 64, 65, 68, 74, 75, 77, 112, 149, 152, 158, 161, 162, 164, 169, 170, 186, 195, 276, 284, 291, 317
Айн Асил 305
Александрия 37, 72
Амелино Э. 37, 116, 199, 224
Аменемхет I 96, 288
Амратская культура 106, 115–117, 119–121, 131, 138, 141, 142, 146, 147, 154, 164–166, 170, 172
Анатолия 131, 132
Антиэмсаф 296, 307, 322, 328
Анубис 204, 225
Анхесенмери 298, 304, 307, 310, 319, 322
Анхесенпеи 322
Анхи 319
Анххау 296, 307
Апоп 59
Аравийская горная цепь 44, 46, 69, 134
Аркинская культура 141
Армант 65, 110, 114, 153, 165, 174, 305
Арсиноя 37
Асуан 22, 32, 47, 49, 55, 71–73, 78, 79, 100, 103, 141, 144, 153, 238, 290, 291, 297, 308, 310, 311, 313, 314, 316, 325

- Асьют 72, 110, 116, 123, 144, 146, 311
Атбара 49, 137, 140, 317
Атерийская культура 101
Атотис 196, 204, 205
Атфих 307
Африка 21, 22, 24, 43, 44, 47, 55–57, 61, 65, 68, 99, 101, 104, 125, 134, 137, 176, 309, 312, 314, 316–318, 327, 332
Аха 64, 193, 196, 198, 200, 203–205, 211, 217, 230
Ахетхотеп 291
Ахмим 233, 284, 297

Б

- Бавит 37
Бадари / Бадарийская культура 78, 106, 110–112, 115–117, 120, 131, 136, 138, 140, 141, 153, 156, 160, 195
Бадж У. 38
Бадж Э. А. Уоллес 38
Балат 94, 297, 305, 317, 323
Баллана / Балланийская культура 103
Баллас 71, 153, 156
Банечеру 217
Барге П. 41
Бастет 216
Бат 171, 182, 191, 311
Баунечер 215, 216
Бахан 142, 144, 153
Бахария 46
Бахр эль-Газаль 48
Бахр Юсуф 46, 123
Базфра, Бауфра 251, 260, 264, 270, 271
Баюда 316
Беджау 215, 216
Белл Б. 332
Бельцони Дж. Б. 29, 30, 269
Бенедит Ж. 177
Бени-Хасан 38
Береника 208
Бертон Дж. 30
Берч С. 35
Бет-Халлаф 225, 241
Безр-Шева 119
Библи 204, 263, 276, 282, 285, 291, 300, 317, 330
Бинотрис 215, 217, 218
Бихерис 252, 264, 270
Блэкмен Э. М. 39
Боннэ Ш. 313
Борку 137

Бругш Г. 35, 36, 309
Брэстед Дж. Г. 38, 39, 303, 311
Бубастис 216, 261, 305
Бувье-Лапьерр П. 132
Бутто 162, 182, 183, 201, 202, 207, 227, 228, 231, 234
Бухен 207, 272, 276–278, 285, 308
Бюк А. де 41

В

Вади Аббад 208
Вади Аллаки и Кабгаба 141, 208
Вади Дигла 148
Вади Куббания 78
Вади Магара (см. также Синай) 73, 213, 240, 258, 263, 276, 282, 285, 304
Вади Мукаддам 316
Вади Натрун 70, 74
Вади Хальфа 22, 101–104, 142
Вади Хаммамат 72, 110, 121, 251, 252, 260, 263, 264, 265, 270, 271, 296, 301, 304, 305, 329
Вади Хоф 132
Вади эль-Гаш 203
Вади эль-Милк 316
Вади эль-Ховар 316
Вади эль-Худи 73
Вандье Ж. 7, 35, 41, 42, 149, 169, 186, 213, 336, 344
Виз Р. У. 270, 280, 309
Врешински В. 42

Г

Гардинер А. Х. 41, 42, 54, 97, 277
Гарис Дэвис де, Норман и Нина 38
Гасульская культура 121
Гебелейн 71, 114, 153, 171, 222
Гебель Ахмар 70
Гебель Баркал 34
Гебель Зейт 76
Гебель Сахаба 104
Гебель Силсила 46, 71, 112, 116, 238
Гебель Тариф 105, 176, 177
Гебель Тура 132
Гебель Увейнат 114
Гебель Шейх-Сулейман 207
Гебель эль-Арак 61, 117, 156, 168, 169, 177–179, 193
Гейли 140
Гелиополь 90, 152, 160, 161, 217, 221, 239, 246, 272, 273, 297, 305, 316
Георгий Синкелл 90, 211, 215, 283, 298, 333
Герза 144, 158, 160, 171, 182, 192
Герзейский Период 80, 93, 108, 112, 116, 117, 119, 120, 121, 128, 136, 141, 144, 146, 151–154, 156, 159, 160, 163–168, 170–175, 180, 182, 184, 186, 188, 190–192, 226–228, 232
Геродот 23, 48, 49, 195, 203, 204, 251, 252, 260–262, 264, 266, 270, 293, 296, 329
Гиза 22, 72, 136, 153, 212, 218, 247, 251, 253, 254, 258, 259, 261, 264, 266–269, 274, 281, 283, 288, 291, 293, 297, 309
Гирга 50
Голубой и Белый Нил 49, 99, 137
Готье Э. 39
Грапов Г. 39, 41, 42

Граф Т. 34
Грин Ф. У. 167

Д

Дакка 239
Дара 316, 317, 323, 334
Дарфур 316
Дасье Б. Ж. 27, 28
Дахла 46, 74, 94, 297, 305, 311, 316, 317
Дахшур 37, 242, 251–253, 255, 258, 259, 272, 283, 293, 309
Дебоно Ф. 132
Дейр эль-Бахри 37, 239, 317
Дейр эль-Гебрави 38, 297, 316
Дельта 22, 36, 46, 48–50, 55, 56, 59, 67, 74, 78, 96, 97, 100, 105, 110, 116, 121, 122, 128, 144, 152, 153, 158, 162, 165, 182, 184, 186, 188, 189, 203, 205, 207, 217, 222, 227, 228, 232, 234, 257, 265, 297, 301, 305, 330, 334
Восточная Дельта 197
Дендера 34, 38, 39, 116, 233, 261, 284, 297, 300, 305, 316
Денон Д. Виван 24, 55, 267
Ден (Удиму) 117, 196, 198, 202, 209, 210, 211, 213, 226, 227, 230, 243, 245
Деп, см. Бутто 201
Деффуга 313
Джаджаэманх 258, 259
Джау 310
Джедефра 251, 260, 264–266, 273
Джедефхор 264, 271
Джеди 260, 261, 264, 272
Джедкара Исеси 95, 242, 274, 284–287, 298, 305, 308–310, 317, 332
Джер 186, 196, 198, 202, 205–209, 230, 239, 313
Джет 196, 200, 208, 230
Джосер 63, 64, 72, 175, 214, 216, 220, 236–249, 251, 253, 276, 283, 288, 291, 325
Джосертети 238
Джосерти 238, 240
Диодор Сицилийский 23, 54, 203, 204
Диоклетиан 90
Додекасхойн 239
Дорак 284
Дошелльская культура 101
Дриотон Э. 35, 41
Дроветти Б. 28–31, 34, 90
Дюмихен Ж. 36

Е

Евсевий Кесарийский 90, 92, 93, 204, 238, 329, 330, 333
Евфрат 68, 78, 194

Ж

Жекье Г. 319, 320–323
Же Ф. 141
Жюмель Л. 30

З

Завийет эль-Амуат 297
Завийет эль-Ариан 197, 242, 247, 271

Завийет эль-Мейтин 247
Закьяб 138
Зете К. 38, 161, 162, 165, 302, 303

И

Иберо-Маврская культура 103
Иби 242, 296, 329
Ибхат 308
Иераконполь 51, 153, 154, 159, 168, 169, 171–174,
177, 178, 182, 184, 186–192, 197, 203, 221–224,
228, 229, 231, 232, 234, 237, 291
Икен / Миргисса 308
Иматес 303
Имутес 236, 239
Имхотеп (архитектор) 236, 239, 240, 247, 250, 325
Имхотеп (царь) 238, 239, 240, 250, 257, 264, 329
Иордания 170
Иосиф 54, 90
Ипувер 330–332
Ипут 298, 320–322
Ирем 316
Ири 198, 310
Ири-Нечер 213
Ири-Ро 199
Ирмаат 274
Ирчет 307, 308, 311, 313, 314
Исеси 284–288, 298, 305, 308, 309, 312, 317
Исеси-Анх 286
Исида 25, 225
Исмаил-паша 34
Ити 196, 205, 296, 301, 329

К

Ка 196, 198, 213–215, 230, 234, 251, 274, 278, 285,
301, 325
Каа 126, 200, 214
Кагемни 297, 298, 301
Кадеро 138, 141, 164
Кадийская культура 103
Кайехос 215, 217
Кайзер В. 110, 117, 146, 148, 151, 154, 158, 160, 163,
165, 168, 180, 190–192, 232
Кайо Ф. 313
Какау 215, 217
Каплони П. 41, 199, 227
Капсийская культура 124
Карнак 32, 37, 88, 91, 96
Карун 123
Карунская культура 123, 127
Каср вас-Сайяд 316
Кау 153, 270
Кауаб 260, 264–266
Кахеджет 238, 247
Квибелл Дж. Э. 37, 182, 249
Кебех 196, 213
Кеес Г. 38, 41
Кемет 48
Кена 50, 71, 72, 156
Кенкенес 196, 205, 208
Керма 312, 313, 315, 316
Кила эд-Даббе 305

Кипр 75
Кирхер А. 25–27
Кифера 275
Кло-бей А. Б. 30
Коллер Ф. фон 30
Ком Омбо 102–105, 233, 284
Ком эль-Ахмар 229, 305, 316
Коптос 171, 174, 203, 233, 261, 263, 284, 305, 327, 334
Кордофан 316
Красное море 44, 70, 72, 74–76, 110, 119, 121, 134,
136, 137, 158, 169, 203, 208, 263, 276, 318
Крокодилополь 203
Кубан 239
Куббания 141, 142, 153
Куббет эль-Хава 305, 310, 313
Куркур 46
Кус 169
Кусейр 72
Кусейр эль-Амарна 316

Л

Лаворатори М. 30
Лакейта 105, 208
Лако П. 38
Лахун 37
Леклан Ж. 41
Лепсиус К. 29, 31, 35, 36
Лессепс Ф. де 33
Лефебюр Э. 36
Лефевр Г. 41
Либби У. Ф. 132
Ливан 62, 204, 258, 276, 291, 317
Ливийская горная цепь 46
Ливия, ливийцы 57, 96, 151, 190, 193, 204, 207, 222,
258, 280, 282, 291, 311
Ливорно 28, 29, 30
Лидер Р. Т. 34
Линан де Белльфон Л. 27, 313
Лоре В. 39
Луксор 38, 46, 71, 90, 103, 116, 275

М

Маади, Маадийцы 93, 132, 147–149, 151, 152, 156,
159, 162, 164, 194, 195, 231, 232
Маат 61, 220, 225, 274, 278, 300, 331, 332
Майе Б. де 24
Малькольм Дж. 33
Манефон 23, 90–94, 195, 196, 199, 202, 204, 205,
208, 210, 211, 213, 215–217, 220, 222, 223,
236–239, 251, 252, 260, 261, 264, 266, 270, 271,
274, 278, 279, 285, 287, 295, 296, 307, 310, 312,
328–330, 333
Мариетт О. 31–36, 249, 267, 302, 309
Масперо Г. 35, 36, 37, 266, 288, 309, 323
Массауа 64
Матмар 116, 144, 153, 158
Махасна 153, 171
Меджа 307, 308
Меджду 251, 263
Медум 144, 247, 248, 252–254, 263
Мейер Эд. 38

Мекс Д. 41
Мемфис 34, 49, 55, 89, 189, 195, 203, 204, 212, 217,
221, 224, 225, 227, 231, 236, 237, 252, 261, 264,
276, 278, 284, 291, 294, 295, 305, 306, 311, 313,
314, 316, 326, 329, 331, 333, 334
Мендес 217, 283
Менес 91, 121, 161, 173, 184, 195, 196, 203–205, 267,
287, 328
Менка 325
Менкара 296
Менкаура (см. Микерин) 251, 270
Менкаухор 274, 282–285
Меннефер 306
Ментесуфис 296, 328
Ментиу 304
Ментухотеп III 329, 335
Менхерес 251, 270, 274, 282
Меню Б. 40
Меренра I 296–298, 304, 305, 307–311, 317, 319,
322, 327, 329
Меренра II Антиэмсаф 296, 322, 328
Мерерука 38, 297
Мересанх 252, 260, 264–266, 286
Меридское озеро 123, 203
Меримде Бени-Салам = Меримде 67, 93, 109, 122,
127–132, 134, 137, 141, 144, 147, 148, 152, 154,
162–164
Мерира 298, 301, 302, 304
Меритауи 296, 302
Мерититес 260, 263, 264
Мернейт 198, 200, 208, 209, 227
Мернептах 90
Мертсегер 59
Меру 299
Месопотамия, жители Месопотамии 53, 67, 68,
75, 77, 78, 81, 85, 119, 121, 153, 162, 163, 169,
193–195, 226
Метусуфис 296, 307
Мехитарян А. 42
Меху 313, 314
Мечен 326
Миебис 196, 211
Микерин 22, 192, 242, 247, 251, 254, 265, 268, 270,
271, 273, 277, 279, 293, 294, 297, 317
Мимо Ж.-Ф. 30
Мин 170, 171, 182, 184, 192, 225, 327, 334
Миншият Абу-Омар 153
Минья 247
Мит-Рахине 204, 306
Мневис 217
Монне-Сале Ж. 166
Монту 275
Морган Ж. де 37, 100, 116
Мосс Р. Л. Б. 40
Мостагедда 111, 153
Мохенджо-Даро 67
Мухаммед Али 29, 30, 32

Н

Набта Плайя 93, 106, 109, 127, 131, 137, 141
Навилль Э. 36
Нага эд-Дейр 65, 120, 153

Накада 78, 100, 108, 109, 111, 115, 116, 120, 149,
153, 154, 162, 169, 171, 174, 203, 205, 206, 212,
221, 222, 224, 226, 228, 229, 234
Накада I 72, 79, 93, 115–117, 146
Накада II 80, 116, 117, 144, 146, 162, 226, 232
Накада III 93, 116, 117, 226, 234
Накада III или Семанийская культура 93, 116,
117
Накада Некрополь Т 174
Нармер 82, 171, 181, 184, 185, 187–199, 203, 204,
211, 226, 227, 230, 234, 243, 245, 325
Натуфийская культура 105
Нахр-Ибрахим 263
Небет 291, 304
Небетка 212
Небка 215, 225, 236–238, 241, 271
Неб-Маат 251
Небра (или Ранеб) 215–217
Небти (часть титулатуры фараона) 201, 215
Нейт 205, 225, 320–322, 329
Нейтхотеп 198, 205
Нефериркара Какаи 88, 95, 273, 274, 277–280, 285,
308, 317
Неферкара 215, 238, 296, 304, 310, 312, 316, 317,
319, 321–323, 333, 334
Неферкара-Сокар 215, 222
Нефермаат 258, 264, 325
Неферсешем-Ра 300
Неферхау 279
Неферхотепес 273
Нефрет 263, 266
Нефрефра или Ханеферра 274
Нехбет 201, 225
Нехеб (см. эль-Каб) 174
Нехен (см. Иераконполь) 154, 174, 228, 302
Нехерофес 236, 238
Нечераперепеф 326
Нечер(и)хет (см. Джосер) 236–238, 246, 249
Нисебаис 196, 211
Нил 22, 25, 28, 37, 43–58, 60–69, 71, 72, 74, 75,
77–80, 85, 86, 89, 97–104, 106–108, 110, 112,
115, 116, 120, 121, 123, 127, 128, 130–132, 136,
137, 140–142, 144, 149, 151, 152, 154, 156, 158,
161, 162, 164, 166, 167, 169, 170, 171, 174–176,
178, 179, 183, 193–195, 201–203, 207, 208, 213,
230, 232, 235, 236, 238, 241, 257, 265, 276, 281,
284, 285, 297, 305, 307, 311, 312, 316, 317, 324,
326–328, 332
Нинечер 213, 215, 217–220
Нитокрис 296, 297, 321, 322, 328, 329, 333
Ниусерра 274, 242, 275, 277, 279–282, 290
Нихепетмаат 225, 237
Ни-Хор 199
Ниццоли Г. де 30
Норден Ф. Л. 24
Нубет (см. Омбос) 120, 162, 174, 228, 229
Нубия, нубийцы 22, 28, 31, 32, 34, 37, 38, 40, 44,
46, 47, 57, 62–64, 67, 69–71, 74–76, 100, 101,
103–105, 107–111, 116, 120, 121, 125, 137, 138,
141, 142, 179, 192, 204, 223, 231, 232, 238, 239,
258, 272, 276, 285, 291, 303, 304, 307, 308, 311,
313–316, 319, 328

Верхняя Нубия 108, 137, 207, 315
Нижняя Нубия 22, 37, 103, 104, 108, 110, 111,
137, 138, 141, 142, 144, 207, 208, 239, 307,
308, 313, 314, 316, 327
Ньюберри П. Э. 299

О

Окерблад Ю. Д. 24, 26, 27
Оксиринх 37, 284
Омбос 162, 174, 221, 222, 228, 247
Он (Гелиополь) 246
Оннос 274, 287
Онурис 179, 183
Осирис 25, 111, 177, 179, 197, 205, 225, 288, 289,
300, 301, 310, 317, 331, 335
Отгес 274, 296
Отто Э. 42

П

Палестина 48, 63, 105, 119, 121, 131, 132, 136, 149,
151, 156, 162, 170, 194, 203, 204, 263, 282, 317
Пассалакуа Г. 30, 31
Пепи I 242, 253, 283, 287, 296–298, 301–310, 312,
316, 317, 319, 322, 323, 327, 328
Пепи II 94, 96, 242, 285, 296, 298, 300, 304, 310,
312–314, 316, 317, 319–324, 327–329
Пепинахт 313
Перенмаат 215, 220, 221
Перибсен 198, 215, 219–224, 234
Перринг Дж. С. 280, 281, 309
Покок Р. 24
Портер Б. 40
Посно Г. 34
Прадоу П. 31
Прайс Ф. Г. 34
Присс д'Авенн А. 31, 32, 35, 36, 91
Притчард Б. 41
Прэтт И. 39
Птах 203, 204, 225, 239, 278
Птаххотеп 291, 297
Птахшесес 279
Птолемей III 87
Птолемей V 239
Птолемей VII 239
Пунт 276, 280, 282, 285, 312, 316, 317
Пустыни:
Аравийская 46, 69, 70, 72, 73, 75, 136
Ливийская 22, 46, 61, 65, 69
Ливийский Большой Эрг 127

Р

Ра 26, 28, 59, 216, 225, 249, 250, 253, 263, 266, 269,
270, 272–274, 276–279, 281–283, 285, 287–289,
296, 299, 301, 302, 307, 310, 321, 324, 334
Рабак 137, 138
Райзнер Дж. Э. 37, 141, 205, 206, 259, 260, 313
Рамсес II 28, 89, 91, 96, 198, 261
Рамсес III 96
Ранеб (см. Небра) 215, 216, 220
Ранке Г. 41, 42

Ранний Хартум 107
Рас эль-Хоф 132
Ратосисес 251, 271
Ратурес 274, 279
Раур 278
Рахотеп 263, 264, 266
Рашепсес 286
Реджедет 272, 273
Рененутет 59
Репутнебу 279
Ринд Э. Г. 31
Рифо Ж.-Ж. 29, 30
Розеллини И. 31, 35
Розетта 25
Руабен 218
Руже Эм. де 35, 36

С

Сабатье Р. 34
Сабни 313, 314, 319
Савари К. Э. 24
Саггаи 138
Сайд-паша 33, 34
Саис 205, 283
Сайяла 141
Саккара 30, 33, 34, 38, 72, 91, 175, 199, 200,
203–214, 216, 218–220, 222, 223, 236, 238–240,
242, 244–249, 270, 272, 276, 278, 283, 285, 288,
290, 291, 293, 297, 298, 299, 305, 306, 308, 309,
314, 317, 319, 323
Санахт 237, 238, 241
Саси С. де 25, 26
Сату 308
Сахара, сахарцы 22, 56, 79, 101, 102, 137
Сахура 92, 96, 242, 273, 274, 276, 277, 278, 280, 281,
284, 285, 317
Себек 225
Седмент 316
Селима 46
Селкет 60
Семемпсес 196, 213
Семерхет 196, 198, 212, 213, 240
Сенедж 215, 219, 222
Сениваль Ж.-Л. де 146
Сенусерт III 87, 92, 96, 242
Сепа 249
Сепдет 86
Серабит эль-Хадим 73
Серапеум в Мемфисе 33, 37, 239, 284
Сетенес 215, 219
Сети I 30, 31, 87, 91, 198, 216, 301, 328, 334
Сетибра 277, 278
Сетх 48, 161, 203, 212, 215, 220–225, 234
Сехель 238
Сехемиб 215, 219, 220, 221, 224
Сехемхет 213, 238, 240, 242, 247
Сехмет 280
Сешат 63, 224, 225, 257, 276
Сешсешт 298
Сива 46
Сила 247

Силсила 47, 204
 Синай 71, 73, 75, 149, 156, 158, 210, 213, 240, 258,
 263, 272, 276, 277, 282, 304
 Сирия 63, 263, 281
 Сисирес 274, 278
 Смит У. С. 42, 273, 282, 303
 Смит Э. 34
 Снофру 92, 238, 239, 242, 247, 251–260, 263, 264,
 266, 272, 273, 283, 293, 325–327
 Соан Дж. 30
 Собат 49
 Сокар 222, 225, 250
 Солт Г. 28, 29, 30, 34
 Средиземноморье 44, 79, 174, 325
 Восточное Средиземноморье 69
 Стэнтон Э. 34
 Судан 22, 40, 44, 46, 69, 70, 100, 101, 106, 109, 111,
 121, 124, 129, 137, 141, 276, 317
 Сузиана 194
 Скотептауи 296, 298, 299
 Сэмс Дж. 31

Т

Тадорос 34
 Тамфгис 252, 271
 Танис 34, 37, 283, 305
 Тано Н. 34
 Тарифская культура 105
 Тархан 153, 199
 Таса 115, 140, 195
 Тасийская культура 110
 Тахарка 96
 Телль-Тимаи 297
 Телль эль-Амарна 38, 71
 Телль эль-Фараин (см. Бутто) 228
 Темех (Ливия) 311
 Тесемтиу 210
 Тети 196, 205, 238, 242, 274, 295–302, 304–306, 308,
 310, 317, 327
 Тибести 73
 Тинис 174, 199, 231, 233, 234, 237, 257, 330
 Тиреис 238, 240
 Тод 74, 275
 Тосортрос 236, 238, 239
 Тот 28, 63, 86, 225, 240, 262, 263
 Тошка, Тошкийская культура 285
 Тозрис 225
 Тура 71, 153, 160, 199, 253, 254, 258, 303
 Тутмос III 28, 87, 88, 90, 91

У

Уадженес 215
 Уаджи (Джет) 196, 208
 Уаджит 225, 230, 234
 Уаджтауи 287
 Уауат 307, 308, 311, 313, 314
 Убиентес 196, 213
 Уджебтен 320–322
 Удиму (см. Ден) 196, 210
 Уилкинсон Дж. Г. 35
 Уилсон Дж. Э. 41

Умм Дирейва 138
 Умм эль-Кааб 197
 Унас 216
 Унег (Тлас) 215, 218, 219
 Уни 302–304, 307–309, 319
 Упуаут 191, 225
 Усафаис 196, 210
 Усеркара 294, 296, 301, 302, 305
 Усеркаф 242, 273–277, 285, 293, 294
 Утет 314
 Уэнефес 196, 208, 210

Ф

Файюм 37, 46, 55, 65, 67, 70, 72, 73, 93, 99, 105, 106,
 108, 109, 122, 123, 125, 127, 131, 144, 146–148,
 151, 152, 164, 203, 247, 257
 Файюм А 109, 112, 114, 123–127, 131, 132, 136, 137
 Файюм В, Карунская культура 123
 Фарафра 46
 Фахурийская культура 102
 Феодосий 24
 Ферлини Дж. 32
 Ферс С. М. 37
 Фивы 30, 31, 34, 38, 90, 103, 105, 156, 171, 233, 257
 Фиопс 296, 302, 310, 328
 Фолкнер Р. О. 41, 330
 Фурье Ж. 27

Х

Хаба 238, 242, 247
 Хабаусокар 250
 Хавара (Канал) 123
 Хальфийская культура 102
 Хамерернебти I и II 260, 270, 271, 279, 280
 Ханаан 149, 152, 194
 Харга 46, 62, 74, 103, 311
 Харрис Дж. Э. 41
 Харрис Э. К. 30
 Хартум 46, 48, 106, 125, 137, 138, 140, 179
 Хасехем 215, 222–224, 234
 Хасехемуи 198, 215, 223–225, 235–237, 240, 243,
 257, 298
 Хатнуб 71, 299, 300, 304, 305, 308, 319
 Хатор 31, 63, 171, 182, 191, 192, 225, 276, 291, 300
 Хат-Хор 199
 Хатшепсут 239, 317
 Хафра (см. Хефрен) 251
 Хеви 304, 310
 Хеви из Дары 334
 Хевит 319
 Хейз У. К. 132
 Хекаиб 313
 Хелуан 105, 132, 144, 147, 160, 204
 Хельк В. 42, 199, 215
 Хемака 66, 211, 226, 227
 Хемииуну 258, 293, 325
 Хентиментиу 197, 204
 Хенткауc 268, 271–273, 277
 Хенут 291
 Хеопс 92, 251, 253, 258–273, 283, 290, 293, 299, 317,

325, 333
Хепер 251
Херес 274, 279
Хесепти 210
Хеси-Ра 249, 250, 291
Хети 333
Хефрен 22, 71, 72, 251, 260, 264–270, 274, 277, 297,
308, 317, 333
Хирхуф 285, 310–314, 316, 317
Хнум 225, 238, 259, 263
Хнуманх 319
Хоггар 137
Хор 161, 188, 198, 191, 199–201, 203, 205, 208–210,
212–215, 217, 218, 220–225, 230, 234, 240, 247,
249, 263, 266, 267, 282, 287, 299, 302, 307, 310,
324
Хораполлон 25
Хор Бахан 142
Хорджедеф, Джедефхор 251, 264, 271–273
Хормусийская культура 101
Хотепсехемуи 215, 216, 218, 220, 226, 290, 298
Хотепхерес 37, 252, 259, 260, 264–266, 268
Хоффман М. 132, 169
Худжефа 215, 222, 223, 238
Худ У. Ф. 34
Хузам 153
Хуни 238, 240, 247, 251–253, 258, 260, 261, 269, 325
Хуфу-Анх 293
Хуфу (см. Хеопс) 251, 259, 260, 263
Хэй Р. 30

Ч

Чехену 193

Ш

Шаба Ф. 36
Шамаркская культура 141
Шампольон Ж.-Ф. 25–32, 34–36, 82, 90, 94
Шассбеф К. Ф. (граф де Вольней) 55
Шассина Э. 38, 266
Шахейнаб 107, 109, 124, 125, 137, 138, 140, 141, 164
Шедет 203
Шейх-Саид 38
Шелльская культура 101
Шепсескара 274, 278, 279

Шепсескаф 242, 252, 271–273, 278, 322
Шери 220
Шефер Г. 42
Шешет 298
Шеши 300
Шпигель И. 332
Штайндорф Г. 38
Шу 61
Шунет Эз-Зебиб 243
Шуфу (Суфис) 261

Э

Эберс Г. 36, 204, 298
Эгея, Эгейский Мир 121, 275
Эдель Э. 41, 311
Эдфу 34, 38, 71, 174, 176, 231, 233, 247, 284, 297,
305, 316, 317
Элефантина 32, 100, 105, 174, 204, 207, 222, 233,
238, 239, 247, 257, 291, 295, 305, 307, 308, 311,
314, 330
эль-Амра 116, 159, 160, 182, 192, 247
эль-Берше 38
эль-Габа 109
эль-Каб 48, 100, 105, 108, 110, 174, 201, 202, 233
Элькабская культура 105, 106
эль-Кадада 109, 111, 125, 137, 140, 141, 164
эль-Обейд 64
эль-Омари 93, 109, 132, 134–137, 147, 148, 152, 195,
222
эль-Омари В 132, 136
эль-Омари С 132, 136
эль-Омари А 132, 134, 136
эль-Хатан 109
эль-Хаттара 115
Эратосфен 23, 298
Эрман А. 38, 39, 42
Эсна 102, 153, 238
Эфиопия 49, 79, 99

Ю

Юйо Ж.-Н. 27
Юлиан Африканский (Секст Юлий Африкан) 90,
92, 196, 204, 329, 333, 334
Юнкер Г. 37, 38, 39, 127, 129, 130, 273

Я

Янг Т. 24, 26, 27
Янссен Й. А. 40
Яххотеп 34

Научное издание

Веркуттер Жан

ЕГИПЕТ И ДОЛИНА НИЛА

Том 1

**С древнейших времен до конца Древнего царства
12000–2000 годы до н. э.**

Выпускающий редактор *Е. П. Чебучева*

Корректоры *М. Е. Рошаль, В. О. Кондратьева*

Технический редактор *Л. В. Васильева*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 30.04.2013.

Формат 70 × 100 1/16. Усл. печ. л. 24. Тираж 1500 экз. Заказ № 252.

Отпечатано в ООО «Контраст»

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А